

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ
В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Материалы конференции
Кострома, 26–27 марта 2009 года

Кострома
2009

УДК 947я43
ББК 63.3(2)я43
Р 693

Печатается по решению организационного комитета
конференции и редакционно-издательского
совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Р е д к о л л е г и я

А. М. Белов, М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
А. Г. Кирпичник, Б. К. Коробов, А. Р. Наумов,
Т. И. Нигметзянов, А. В. Новиков, Н. М. Рассадин

Романовские чтения. Центр и провинция в системе россий-
Р 693 ской государственности: материалы конференции, Кострома, 26–
27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Нови-
ков. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 472 с.

ISBN 978-5-7591-1023-1

В сборник вошли материалы вторых Романовских чтений, состояв-
шихся в Костроме 26–27 марта 2009 г. Научный форум объединил усилия
ученых историков, философов, школьных педагогов и служителей Рус-
ской православной церкви в исследовании проблем взаимодействия цент-
ра и провинции в процессе трансформации российской государственности.
Авторами статей освещены различные аспекты социального и духов-
ного служения политических инструментов российскому обществу и уча-
стия общественных структур в обеспечении стабильности власти. Значи-
тельное внимание уделено особенностям российской цивилизации, кото-
рые способствовали преодолению кризисов начала XVII и начала XX вв.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям,
студентам, всем, интересующимся историей России.

УДК 947я43
ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-7591-1023-1

© А. М. Белов, составление, 2009
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

26 марта 2009 в КГУ им. Н. А. Некрасова прошли вторые Романовские чтения. На этот раз предметом внимания историков, краеведов, представителей Русской православной церкви государственной власти стала проблема «Центр и провинция в системе российской государственности».

Начиная с первых дней правления Романовых после драматических потрясений Смутного времени проходило восстановление и укрепление центра страны. Вокруг православного русского царя сплотилось боярство, духовенство, дворянство, выборные от казачества, посада и крестьянства.

Представители всех сословий Земским собором выражали свою поддержку самодержавному царю, принимали решения о введении прямых и чрезвычайных налогов, комплектовании и обеспечении всеми необходимыми припасами армии, заключении мира, и объявлении войны и т.п. Самодержавие в правлении Романовых восполняло слабость экономическую, отсталость культурную мобилизацией, подчинением себе всех сил общественных, направляя усилия народов России на решение назревших внутренних и внешнеполитических задач.

Материалы настоящих Романовских чтений сконцентрируют работу по четырем направлениям. Основные усилия научной общест-венности на этот раз обращены проблеме взаимодействия центральных и местных органов управления на различных этапах истории, становление вертикали самодержавной власти, возможности самоорганизации провинции и развитие местного самоуправления в контексте поиска путей устойчивого и динамичного развития российского общества. Значительное внимание уделено определению места цар-

ствующего дома Романовых в историческом пространстве России, церемониалу высочайших путешествий, образам русских царей в отечественной и западной литературе, связям представителей правившей династии с Костромской землей. Одной из проблем изучения стало выявление роли Русской Православной Церкви в консолидации сословий и народов России, их духовном и культурном развитии. Исследователи обратились также к реконструкции традиционного уклада, образа жизни, менталитета россиян, предприняли попытку выявления причин устойчивости народов России к воздействию политических и экономических неурядиц. В сборнике поднимаются актуальные в современных условиях вопросы организации и развития местного самоуправления, борьбы с коррупцией, патриотического наследия, социального служения церкви и государства.

Состоявшиеся год назад первые Романовские чтения положили начало ежегодным научным собраниям, направленным на переосмысление проблем отечественной истории периода правления Романовых. На вторых Романовских чтениях значительно расширился круг заинтересованных специалистов в области истории, археологии, краеведения, музееведения, филологии. В дискуссии приняли участие ученые из института славяноведения РАН, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного гуманитарного университета, института истории Татарстана, Ивановского и Ярославского государственных университетов, Московской духовной академии, вузов и духовных учебных заведений Костромы. Географически представлены ученые и специалисты Москвы, Иванова, Пензы, Казани, Ярославля.

Развивая традицию ежегодных собраний, сборник материалов вторых Романовских чтений расширяет и обогащает проблематику изучения, обращается к ранее не востребовавшимся сторонам жизни людей, воссоздает в памяти читателей всех возрастов и разных занятий страницы истории нашей Родины, которая, по выражению Н. М. Карамзина, «всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество».

**Приветствие губернатора Костромской области
И. Н. Слюняева участникам вторых Романовских чтений
26 марта 2009 года**

От имени администрации Костромской области, и от себя лично позвольте поприветствовать участников и гостей вторых Романовских чтений!

Костромская земля идет по сложному, но необходимому пути духовного возрождения. И особенно сегодня, в непростой для нашей страны период уроки прошлого могут помочь нам объединиться для ответа на вызовы времени для возрождения великой России. В связи с этим считаю предложенную для обсуждения на чтениях тему «Центр и провинция в системе российской государственности» как никогда актуальной и принципиально важной.

История России учит нас, что государство должно быть сильным, а государство тогда будет сильным, когда есть единение верховной власти и народной воли на всех уровнях власти. История становления и развития российской государственности – это непрерывная цепь исканий, дел, подвижничества, преодолений, потерь и обретений. И эту цепь нельзя разорвать, ее продолжаем мы, нынешнее поколение россиян, устремленные из минувшего в будущее. Все это сближает нас и убеждает в том, что Россия – великая страна, богатая историей, талантами, духовностью.

Осознавая ведущую роль Центра как собирателя лучших представителей российских земель, мы прекрасно понимаем, что именно здесь, в провинции, сосредоточен мощный духовный и интеллектуальный потенциал страны. Не стоит забывать какую роль порой играла и продолжает играть провинция в определении судьбы российского государства, в выборе его исторического пути.

В 2013 году Костромская губерния станет центром празднования юбилея поистине государственного масштаба – 400-летнего юбилея окончания Смутного времени, возрождения российской государственности и избрания династии Романовых. Это еще возможность для консолидации общества, признания вклада всех поколений и всех социальных слоев – от вождей и аристократии до простых тружеников и воинов – в становление Великой державы, которой Россия была, есть и остается.

Мы не стремимся к возвеличиванию одной, правившей некогда, пусть и значительное количество лет, царской династии. Мы хотим напомнить согражданам о вечных ценностях нашей Родины, освежить

историческую память и старших, и более молодых, и совсем юных поколений россиян.

Кострома – древняя вотчина бояр Романовых. Здесь зимой 1613 года юный Михаил Романов избранный на престол в тяжелейших политических условиях, начал свое царствование, свое служение Отечеству. Костромская губерния до сих пор хранит память об этом знаменательном событии. Наряду с Центрами государства Российского – Санкт-Петербургом и Москвой, которые познали уже расцвет, блеск и закат династии, - мы, костромичи, не можем не напомнить об исторической роли нашего древнего края.

Сегодняшние Романовские чтения посвящены 850-летию города Галича, одному из тех многочисленных российских городов, которые называют «малыми». Однако наш Галич – малый город с большой и древней историей. Велико его историческое и культурное прошлое, связь с романовской тематикой – очевидна. Лишь два примера: в период Смуты 6-й русский царь, правивший около года – самозванец Юрий Отрепьев – был сыном галицкого обедневшего дворянина из рода Нелидовых. А Великое земское московское посольство, пришедшее к молодому Михаилу Романову, имело при себе среди прочих икону великого чудотворца святителя Ионы – который родился все в том же городе Галиче, в благочестивой христианской семье.

Первые Романовские чтения получили положительный отклик среди исследователей данной темы, и это дает нам уверенность в том что, сегодняшнее положение России в мире, общая геополитическая обстановка способствуют переосмыслению проблем отечественной истории, объективной оценке взаимодействия государства, общества и Русской Православной Церкви в целях упрочения государственных устоев и народного единения.

Желаю всем участникам и гостям вторых Романовских чтений успешной работы в рамках конференции, дальнейших успехов в деле служения Отечеству, в сохранении и приумножении духовно-исторических традиций нашего края и России в целом!

Губернатор Костромской области

И. Н. Слюняев

**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛ**

23.03.2009 г.
№ 854

119034, Москва, Чистый пер., 5

**ОБРАЩЕНИЕ
к участникам II межрегиональных Романовских чтений
Кострома, 26 марта 2009 года**

Ваше Высокопреосвященство, владыка Александр,
дорогие отцы, братья и сестры!

Сердечно приветствую участников II межрегиональных Романовских чтений, проходящих на земле древней Костромы и посвященных теме «Центр и провинция в системе российской государственности».

Почти четыре столетия назад в стенах костромского Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря, пред ликом чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, начался трехсотлетний исторический путь царственного дома Романовых. Изучение итогов и уроков этой великой эпохи позволяет нам понять -какие идеалы и традиции на протяжении столетий являлись духовными истоками «единства духа в союзе мира» (Еф, 4, 3) для нашего народа, утрата каких ценностных ориентиров привела Россию к государственным потрясениям XX столетия. Сейчас осмысление данных проблем особенно актуально: ведь будущее Отечества зависит ныне от того, какое духовное наследие мы передадим потомкам, сможем ли возродить в условиях современности добрые устои общественной, семейной и личной жизни, доставшиеся нам от минувших веков.

Желаю участникам чтений благословенной и плодотворной работы,
«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами» (2 Кор. 13, 13).

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial 'К' followed by the name 'Кирилл' in a cursive script. A small cross is written to the left of the signature.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

**Приветствие министра культуры
Российской Федерации А. А. Авдеева**

Организаторам и участникам II Романовских чтений

Сердечно приветствую организаторов и участников II Романовских чтений, проходящих в Костроме в преддверии празднования в честь чудотворной иконы Божией Матери – древней святыни нашего Отечества, на протяжении веков почитаемой покровительницей Российской государственности.

Судьба династии Романовых, представители которой на протяжении почти 700 лет верой и правдой служили России, неотъемлема от истории нашей страны. С именами царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, императоров Петра Великого и Александра I, императрицы Екатерины II, других государей и императриц связаны ключевые и судьбоносные страницы летописи Российского государства.

Убежден, что исследования, представленные вниманию участников II Романовских чтений, не только внесут значительный вклад в отечественную науку, но и станут средством духовно-нравственного, патриотического и культурного просвещения наших сограждан.

Желаю участникам чтений здоровья, успехов в трудах и во всех добрых начинаниях на благо древней Костромской земли и Отечества.

Министр культуры
Российской Федерации

А. А. Авдеев

**Выступление архиепископа Костромского
и Галичского Александра
на II Романовских чтениях «Центр и провинция
в системе Российской государственности»
(Кострома, 26 марта 2009 года)**

**ПРИНЦИП СОБОРНОСТИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**Дорогие братья и сестры,
участники Романовских чтений!**

Сегодня, в преддверии празднования в честь главной святыни Костромского края, чтимой во всем православном мире – чудотворной Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, – мы собрались в этом зале, чтобы вспомнить события почти четырехвековой давности.

14 марта по старому стилю 1613 года в стенах Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря града Костромы юный боярин Михаил Феодорович Романов принял избрание его Земским собором на престол государства Российского. Так волеизъявлением представителей всех сословий России был избран новый государь; так завершилась эпоха Смутного времени, принеся на Русь неисчислимые скорби и страдания; так произошло возрождение государственности России, вступившей в новый период своего исторического бытия.

В память об этом событии Церковью было установлено празднование, чудотворный образ Пречистой Владычицы, которым на царство был благословлен Михаил Феодорович, стал чтиться всеми последующими поколениями российских самодержцев, а древняя Кострома, ставшая «колыбелью» династии Романовых, наравне с первопрестольной Москвой и северной столицей Санкт-Петербургом удостоилась наименования «царственной».

Обращаясь мыслью к событиям 1613 года, ставшим судьбоносной вехой в истории Отечества, мы не можем обойти вниманием понятие «соборность»; более того, этот термин является ключевым словом для понимания исторических судеб России и опыта ее государственного развития.

Выдающийся русский мыслитель Иван Ильин отмечал:

«Россия не есть случайное нагромождение территорий и племен, и не искусственно слаженный механизм «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий

произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена».

Определяющим фактором такого единства, важнейшим принципом отечественной культурно-государственной традиции на протяжении веков являлась идея соборности, воспринятая нашим народом еще в древние времена, получившая свое практическое воплощение в государственности Руси и концептуально сформулированная русскими философами XIX – начала XX века.

Соборность можно трактовать как свободное *«единство духа в союзе мира»* (Еф. 4, 3), в вере и любви, утвержденное на жертвенном служении Высшей Правде. Такое единство – не монолитное и, разумеется, не насильственное; это – единство во множестве и одновременно преодоление отдельности, подразумевающее свободное, добровольное подчинение составляющих элементов соборному целому. В социально-философском смысле соборное единство – объединенное силой любви – противопоставляется ассоциации как объединению формальному, механическому, внешнему. Как социальный феномен соборность подразумевает три основных аспекта: единство сущностных сил общества, единение различных социальных образований, органическую связь времен и единство поколений.

Основополагающим для соборной государственности является принцип всеобщего жертвенного служения: всякая общественная деятельность обретает свой смысл именно как служение, раскрывающее в личности подлинное человеческое достоинство, свободу и полноту бытия. Главные отличительные черты соборной государственности – единство религиозно-нравственного начала, единство государственной и духовной власти по отдельности и их совместное служение на поприще общественного развития. При этом цель служения радикально отличается от характерных для западной цивилизации гуманистических идеалов. Последние можно описать так: государство обслуживает потребности человека, и он, таким образом, приобретает статус высшей ценности, меры всех вещей – в итоге утрачивая смысл своего существования и фактически оказываясь у этих вещей в рабстве.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает характерные черты принципа соборности:

«Соборность не равносильна парламентаризму, потому что последний является только технологией принятия решений в условиях демократии. Она не сводится к коллективизму, потому что коллективизм описывает только поверхностные проявления межличностных отношений. Соборность не является специфически религиозным явлением, но охватывает и социальную, и политическую жизнь. Одним словом, понятие «соборность» включает всю совокупность принципов социального устройства, механизмов принятия решений и духовных основ общества».

Идея соборности не ограничивается рамками конкретного религиозного вероучения или национального самосознания; это – универсальный принцип бытия человека в мире. Но следует отметить, что высшее свое выражение соборность – в духовном смысле – обрела в христианстве, а в историческом плане – в прошлом нашего Отечества.

Еще в дохристианскую эпоху мы видим на Руси вечевого строй – усвоение верховной власти собранию всех взрослых свободных людей племени или селения. Единственный, монархический принцип также наличествовал в системе общественного управления, но не был самодовлеющим; поэтому в устройстве славянских обществ внешние наблюдатели отмечали больше народовластных признаков, чем монархических. С Крещением Руси идея соборности, до этого присутствовавшая в общественной жизни как бы интуитивно, получила новую жизнь. Соборные принципы были привлечены в гражданское самоуправление и соединены с опытом вечевого строя, а христианский идеал единства обрел на русской земле добрую почву: благовестуемый Православной Церковью, он утверждался в общественном сознании во многом благодаря особенностям народной культуры – отсутствию национальной замкнутости, восприимчивости к иным культурным веяниям, общинности жизненного уклада, милосердию и сострадательности. Огромную роль играла и Церковь: ее соборы давали государству пример и опыт принятия общих решений и в то же время сами деятельно участвовали в гражданской, общественной жизни.

Монголо-татарское нашествие на Русь показало, сколь губительно для государства забвение идеалов христианства, отказ от служения общему благу ради сиюминутных, эгоистических интересов. Характерную оценку случившемуся дают русские летописи, указывавшие причиной национальной трагедии гордость и высокомерие князей. И напротив – освобождение от ига началось с возвращения народа к Церкви, с пробуждения национального самосознания и объединения во имя христианских идеалов. Этот процесс неразрывно связан с именем преподобного

Сергия Радонежского; его подвиг стал духовным символом собирания Руси в единстве и любви во Имя Живоначальной Троицы, *«чтобы, – как говорит нам житие радонежского игумена, – постоянным взиранием на Нее побеждался страх ненавистной розни мира сего»*. Такая рознь, раздоры и смятения мирской жизни преодолевались иноческим общением, насажденным преподобным Сергием по всей Руси. Соборность по образу Святой Троицы трудами аввы Сергия и его учеников стала как бы живой иконой церковности; добровольное же единение русских князей и народа в борьбе с завоевателями явилось практическим выражением духовного идеала.

Особенно ярким проявлением соборного мышления в жизни допетровской Руси XVI-XVII веков была практика созыва Земских соборов, имевшая основание в церковном опыте; для сознания человека того времени такое заимствование являлось вполне естественным, органичным – ведь духовная и социальная сферы тогда не разделялись принципиально, не мыслились как существующие самостоятельно, друг без друга. Земские соборы исполняли различные функции: утверждали законодательные акты, избирали русских самодержцев, принимали важные внешнеполитические и экономические решения. Такие соборы становились собранием представителей «всей земли» – и в территориальном, и сословном плане; их задачей была формулировка единодушного решения по проблемам, имевшим важнейшее, общегосударственное значение. Очень характерно замечание летописца о первом Земском соборе: *«Видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправды, умыслил Иоанн, впоследствии Грозный, смирить всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказал он собрать свое государство из городов всякого чина»*. Мы видим в этих словах и согласное действие светской и церковной власти, и, главное – выражение духа соборности: «Смирить всех в любовь», достичь «единства в многообразии», прийти к свободному единению, гармонично соединяющему все культурное, национальное и бытовое пространство государства вокруг общего духовного стержня, придающего человеческой жизни вечный, непреходящий смысл.

Петровские реформы нарушили соборную традицию русского бытия, утвердили разрыв между самосознанием власти и ее восприятием в народе, привели к бюрократизации как государственной, так и церковной жизни. Соборность в угоду «просвещенной Европе» была заменена коллегиальностью. При некотором формальном сходстве различие этих форм самоорганизации жизни общества принципиально: органи-

ческой общности мировоззрения, объединению в рамках высшей идеи, «смирению в любовь» – противопоставляется внешнее, как правило обусловленное буквой документа сотрудничество; нравственной цельности, ощущению гражданского долга как высшего призвания – рационалистическая система взаимного недоверия и контроля.

Последствия копирования западноевропейского политического устройства разрушительно сказались на общественной организации России. Даже такие судьбоносные изменения, как освобождение крестьян от крепостной зависимости и развитие местного самоуправления, учреждение выборных земских должностей при императоре Александре II, не смогли переломить ситуацию; кризис русской государственности стал несомненным фактором политической жизни страны и завершился событиями 1917 года.

Сейчас, в новую эпоху государственного бытия Отечества, по прошествии исполненного потрясений и катастроф XX столетия, соборная идея вновь становится актуальной, востребованной. Примером тому – деятельность Всемирного русского народного собора, крупнейшего российского общественного форума, существующего с 1993 года. По уставу ВРНС его главой является Патриарх Московский и всея Руси; это, с одной стороны, подчеркивает роль Русской Православной Церкви в формировании соборного сознания новой России, с другой – нисколько не противоречит многонациональности и поликонфессиональности нашей страны. Именно соборное единение людей, принадлежащих к различным национальностям и религиям – как свидетельствует история – обеспечивает подлинную гармонию в межнациональном и межконфессиональном взаимодействии. Достаточно вспомнить уже почти хрестоматийный пример из эпохи Смутного времени – участие татарских отрядов в освобождении Москвы от интервентов, при том, что это случилось всего через шесть десятилетий после взятия Казани и присоединения Казанского ханства. Никакие национальные, вероисповедные, культурные различия не могут помешать единству в осознании общности исторической судьбы, в заботе о будущем России.

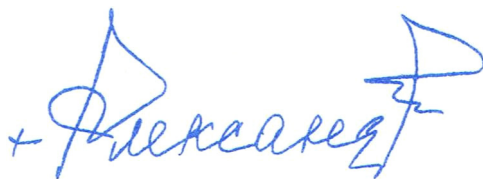
В Соборном слове X Всемирного русского народного собора, состоявшегося в 2006 году, подчеркивается значение духовного аспекта для государственного строительства:

«В XXI веке для России и народов русского мира важными будут не только вопросы научно-технического, экономического и социального развития, но прежде всего состояние духовной сферы. Успешное решение практических проблем будет зависеть от того, как они впишутся в духовные параметры самобытной цивилизации, которую

из себя представляют Россия и весь русский мир. Модернизация страны должна быть соединена с обращением к нашему вечному духовному наследию, к истокам той силы, которая сделала наше Отечество великой державой».

Яркая и содержательная страница этого духовного наследия – история одоления Великой смуты. Государственные нестроения и экономические потрясения, злоба внешних врагов и растерянность власть имущих были преодолены соборной волей нашего народа – в судьбоносный для России час вновь вспомянувшего сохраненный преданием завет преподобного Сергия: *«Единением и любовью спасемся»*. Любовь к Отечеству призвала на подвиг людей различных чинов и сословий: среди имен героев Смутного времени – священномученик Патриарх Ермоген и князь Димитрий Пожарский, нижегородский купец Кузьма Минин и костромской крестьянин Иван Сусанин. Одним из символов той трагической и славной эпохи является празднование в честь Феодоровской иконы Божией Матери, накануне которого проходят наши чтения. В литургическом пространстве Церкви исторические реалии обретают особый смысл; и сегодня, вспоминая события 1613 года, следует подчеркнуть духовное значение принципа соборности – призывающего нас к обретению подлинного, искреннего единодушия в важнейших вопросах государственной и общественной жизни, единодушия не столько политического, сколько мировоззренческого, одухотворенного верой в Бога и Его Промысл, назидаемого уроками истории по слову Священного Писания: *«Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих... Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (Пс. 142, 5-8).*

Благодарю за внимание.

АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ

**Приветствие президента Фонда российской
государственности и 400-летия Дома Романовых
М. Д. Валовой**

*Уважаемые участники и гости
ВТОРЫХ РОМАНОВСКИХ ЧТЕНИЙ!*

Позвольте приветствовать вас и пожелать успехов в вашей работе, а также интересного общения и обмена мнениями!

Крайне важно, что ВТОРЫЕ РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ проходят в особо памятные дни не только для Костромского края, но и для России в целом. 14 марта 1613 года у стен древнего Ипатьевского монастыря Великое земское посольство вручило символы высшей власти молодому боярину Михаилу Романову, избранному на российский престол. Это событие стало убедительной победой патриотических сил русского общества в борьбе с иноземной интервенцией, прологом к возрождению национальной независимости и величию России. Михаил Романов был благословлен на царствование Федоровской иконой Божьей Матери. С тех пор это стало днем празднования этой великой православной святыни.

Особо важно отметить, что чтения в этом году связаны с юбилеем города Галича. Потомок древних галичских князей Порфирий Ляпунов был руководителем первого народного ополчения, ядро которого составляли галичане. Да, они погибли, но благодаря их подвигу враг был окружен и силы его были подорваны. Кроме того, именно родившаяся на галичской земле сама идея народного ополчения не раз потом спасала нашу страну: и во время похода второго ополчения в 1612 году, и во время Отечественной войны 1812 году, и в период тяжелейших боев Великой Отечественной войны! Подвиг галичан и Порфирия Ляпунова незаслуженно забыт в нашей истории, и чтения могут внести свой вклад по восстановлению памяти об этом великом народном подвиге.

Наши предки смогли, объединившись, выстоять в условиях тяжелейшего экономического кризиса, гражданских противостояний и иноземной интервенции. Сегодня, в условиях тяжелого экономического и финансового кризиса, нам надо помнить об этом! Уверена, что в современных условиях чтения послужат задачам воспитания у молодежи патриотических чувств и идей государственности.

Открывая сегодня Вторые Романовские чтения, мы вновь вспоминаем, что почти 400 лет назад на Костромской земле российское государство получило возможность для мирного и спокойного развития. Хочется, чтобы этот день стал для России не только днем победы над врагами, но и символом сильного российского государства!

Хочу пожелать всем участникам чтений интересной работы, пусть она послужит делу развития и процветания Костромского края и всей России!

М. Д. Валова

РАЗДЕЛ I. ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. М. Белов

*Костромской государственной
университет им. Н.А.Некрасова*

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ В ПРАВЛЕНИИ РОМАНОВЫХ

Во все времена более чем 1000-летней истории России взаимоотношения центра и провинции являлись стержневыми в развитии государства и народа. Да собственно и само восстановление государственности в 1613 году отражало преодоление кризиса не только в противостоянии иноземному владычеству, но и успокоение, выстраивание правильных отношений с провинцией и окраинными территориями Российского государства.

За более чем 300-летний период правления династии Романовых наблюдалось несколько этапов взаимоотношений центра и провинции. Первый период приходился в основном на правление первых представителей – царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Это было время восстановления и укрепления центра страны после драматических потрясений. Выход из такого тяжелейшего положения, как это становится все более очевидным и нам, современникам XXI века, невозможен был без укрепления самодержавия, без огромного напряжения всех народных сил на преодоление Смуты, для генерирования новых импульсов развития России в последующие годы. Только самодержавие восполняло слабость экономическую, отсталость культурную, мобилизацией, подчинением себе всех общественных сил при том, что в основе деяний первых Романовых лежали ценности православные и государственные, т.е. усилия на благо всех народов, населявших Россию.

С первых дней воцарения Романовых стало понятно предназначение самодержавия. Смута отнюдь не сразу отступила. Но люди порядка стали в 1612–1613 гг. сильнее своих противников. Против казачьих грабежей и польской опасности сплотились сторонники стабильности и выражали свое единение Земским собором при православном царе. Как известно Михаил Федорович не отпустил выборных земских людей (т.е. представителей провинции), которые и оставались в Москве до 1615 г., когда они были заменены другими. И так дело шло до 1622 г.: один состав Собора сменился другим, одни выборные уезжали из Москвы к своим делам и заменялись другими.¹ На областном т.е. провинциальном уровне воплощением государственной линии людей порядка стали городовые советы в составе духовенства, дворянства, посадских людей, а иногда и волостных крестьян – черных и дворцовых. Они сыграли

РАЗДЕЛ I

важную роль в организации и деятельности двух ополчений, в борьбе с интервентами за государственное и национальное возрождение.²

Возвращаясь к Земским соборам отметим следующее. В историографии есть разные точки зрения о роли и характере Земских соборов. Ряд историков (В.И. Сергеевич, В.Н. Хаткин) сравнивали их с английским парламентом, сословно представительными органами Испании, Швеции.³ Но В.О. Ключевский оценивал Земские соборы как особый институт народного представительства, отличных от западных собраний.⁴ Высказывалась и точка зрения, что Земские соборы выступали как форма сословного представительства, когда верховная власть для успешного проведения своей политики вынуждена, была прибегать к обращению за поддержкой к выборным от духовенства, боярства, дворянства и горожан. Но как представляется, значительно лучше и адекватнее ситуацию начала XVII в. отражает мнение историка К.В. Базилович, определявшего политическую форму Русского государства XVI–XVIII вв. как сословную, но не представительную монархию, т.к. господствующие сословия в России не только не ограничивали царскую власть, но, наоборот, служили средством ее усиления.⁵ Да собственно это есть и в первых же документах избрания Михаила на царство в «Утвержденной грамоте».

С первых дней правления Михаила Федоровича восстанавливается этикет отношения к царю. «Утвержденная грамота» 1613 года прямо называет Михаила Федоровича «Богом избранный царь». Здесь же содержится присяга всех участников Земского собора, подтверждаемая их подписями: «Богом избранному и Богом возлюбленному царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси самодержцу, его благоверной царице, и их царским детям, которых им, государем, наперед Бог даст, служите верою и правдою, а зла никоторыми делы на них, государей наших, не думати и не мысляти, и не изменити им, государем, ни в чем»⁶.

Эти представления о службе царю «верою и правдою» превращаются в стержневую политическую формулу русской монархии. Но это отношения подданных к власти.

Не менее интересно взглянуть на отношения самодержцев к своему призванию. Второй Романов – Алексей Михайлович оставил ряд важных источников (письма, послание) позволяющими увидеть его взгляд на предназначение православного самодержца. Как верующий православный человек он воспринял венец царя как подготовленное Богом испытание. Алексей Михайлович всегда помнил о том, что монарх призван охранять и строить Православное царство, весь смысл которого – путь к Царству Небесному. Он постоянно думает и помнит о своем долге. Укрепить царство и защитить веру, утешить «многи скорби праведных» ему надо не для обретения славы земного правителя, а для собственного спасения, «ибо широко открыт путь для душ грешных во врата ада и узок путь для душ праведных во врата Царства Небесного»⁷. Разумеется, с современной точки зрения не во всех поступках Алексей Михайлович безупречен. Часто, особенно в советской историографии, ему ставилось в вину расправы над участниками городских восстаний, подавление выступления Степана Разина. Но в этих подходах нет историзма, а если кому хочется судить Тишайшего, то необходимо перенестись в ту эпоху и исходить о «должном», которое было в его время.

Между тем, взгляд на свое царское служение, как служение Богу, делало для Алексея Михайловича всякое непослушание и нерадение тяжким грехом. Вот почему в его грамотах угроза царского наказания соседствует с напоминанием о наказании Божьем. Само же наказание для Алексея Михайловича не средство спасения, а способ образумить и наставить на путь истинный провинившегося. И еще один аспект богоизбранности мы встречаем у Алексея Михайловича. Рагуя за полное послушание, второй Романов желал послушания добровольного, послушание в любви, не за страх человеческий, а за страх Божий. Поэтому в грамотах часто звучит: служить всем сердцем, с любовью.⁸ В конечном счете завершая эту часть представления о власти, скажем, что Алексей Михайлович был твердо уверен, что каждым своим словом и поступком возводит величественное здание Православного царства.

Укрепление самодержавия при опоре и поддержке провинции позволили в правление Алексея Михайловича устоять перед новыми внутренними испытаниями. Это и раскол с его попытками утверждения святоотеческой старины, доходивший в своем протесте до изуверского самосожжения. Здесь и многочисленные восстания и волнения, завершившиеся бунтом Степана Разина, подпитанным желанием все сокрушающей «воли», при этом «воли» со смутным идеалом отрицания всех несправедливостей земной жизни. Но не только продолжением внутренних нестроений и социальных протестов отмечено правление Алексея Михайловича. Определение «Тишайший» в значительной мере искажило восприятие Алексея Михайловича потомками. Между тем Тишайший царь половину своего правления провоевал. «Отец его имел склонность к миру, но у этого царя все помыслы направлены к войне» – писали о нем иностранцы.⁹ В проведении внешней политики России Алексей Михайлович также стремится заручиться поддержкой провинции, поддержкой сословий. В результате перед войной с Речью Посполитой в феврале 1651 был созван Земский собор. Благодаря этому «литовское дело» – война с Речью Посполитой – и «черкасское дело» – принятие в подданство Украины – обретали поддержку не только верховной власти, но и всей земли. Как следствие дворянство брало на себя бремя, не только по приказу, но и по призыву всех «чинов» тяжкую воинскую повинность, а податные сословия – тяжелое бремя военных расходов.¹⁰ Сам же Алексей Михайлович старался всесторонне подготовиться к войне, каждодневно занимаясь вопросами изыскания «средств на формирования полков «нового строя», поиском денег на порох, хлеб и т.д. В массовом историческом сознании устроения регулярных войск всецело приписывается Петру I. Однако еще современники видели преемственность в военных реформах Алексея Михайловича и его сына Петра I. В 1717 г. на вопрос Петра о том, в чем он преуспел, а в чем отстал от своего отца, 70-летний князь Яков Долгорукий отвечал: в военном деле царь Алексей много похвалы заслужил и пользу великую государству принес, а устроением «регулярных войск тебе путь показал»¹¹.

Следствием основательных приготовлений, поддержкой всей земли, война с Польшей, это православное «контрнаступление», которое совершает с 1654 г. Алексей Михайлович развивается успешно. Сама же тяжелейшая, многолетняя война с Польшей завершается Андрусовским перемирием 1667 г. по которому

РАЗДЕЛ I

к России отходили Смоленское и Черниговское воеводства, Стародубский повет и Северская земля. На Украине граница проходила по Днепру, а Киев с небольшим округом на два года, а фактически навсегда оставался за православным царем.

В это же время русские партии землеискателей закрепляются в Западной Сибири, выходят в Забайкалье и долину Амура. По Нерчинскому миру 1689 г. Китай фактически признает Россию крупнейшей дальневосточной державой и устанавливает границу.

Таким образом, мы видим, что внутреннее согласие, укрепление самодержавной власти первых Романовых позволили не только восстановить, но и развить русскую государственность. Мы видим, как впервые после монгольского владычества под скипетром русского царя вновь объединяется Евразия. Конец XVII века соединяет в себе два периода. И если Петр I – первый российский монарх нового времени, то его отец – Алексей Михайлович – последний царь Московской Руси.

С правления Петра начинается второй период выстраивания отношений между центром и провинцией: начинается строительство вертикали власти в провинцию. Конечно, нельзя сказать, что этого не было до Петра I. Но при нем эта вертикаль формализуется. Появляются губернии, призванные дать новое качество отношениям центра и провинции.

Губернии как административно-территориальная единица появились в России в 1702 г., когда из присоединенных от Швеции провинций была образована Ингерманландская (впоследствии Санкт-Петербургская) губерния, отданная в управление губернатора князя Александра Даниловича Меншикова. Однако в стране не произошло еще ни разделения на губернии, ни введение должности губернатора. Шла Северная война и порядки шведские показались Петру более совершенными. Там же были губернии и губернаторы. Поэтому в отвоеванных новых провинциях, производили просто замену шведского губернатора на российского.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что основной причиной реформы местного управления при Петре I были военные потребности государства. Петру нужна была дееспособная местная власть, прежде всего для обеспечения ведения победоносных войн, решение новых геополитических задач. Вместе с тем царь не чужд был и глубинных общественных целей, т.е. «перехода от фискального военного учреждения... к гражданскому благоустройственному управлению», преобразование России в европейское государство, цель которого – «общее благо» т.е. устройство всех сословий. Все вышесказанное предопределило появление 18 декабря 1708 г. указа Петра о новом административно-территориальном делении России: «Великий государь указал, по именному своему великого государя указу, в своем Велико-Российском государстве для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним расписать города».¹²

Отметим, что при разделе на губернии принималась во внимание экономическая целесообразность, связанная с близостью важнейших транспортных артерий, налогообложением и т.д. Позднее новое расквартирование войск привело к образованию и новых губерний – Астраханской и Нижегородской.

Следовательно при Петре I появляется новое административно-территориальное деление – губернии, которые отражали с одной стороны чрезвычайные

условия Северной войны, с другой, делали следующий шаг в европеизации России, к гражданскому благоустройству страны, закладывали основы для прочного выстраивания отношений центра и провинции на многие годы вперед. Завершил административные реформы Петр I преобразованием России в 1721 г. в Империю. Этим актом безусловно подчеркивался независимый ни от кого в мире статус России, с опорой на собственные интересы и возможности.

С правления Петра взаимоотношения имперской столицы и губерний на последующие 200 лет определили взаимоотношения центра и провинции.

Екатерина II дала новый импульс выстраиванию вертикали власти, руководствуясь постулатом, что «целое только тогда может быть хорошо, когда части его находятся в устроении». Вступив на престол Екатерина застала 18 губерний, созданных ее предшественниками. До 1775 в ее правление было образовано еще 6 и, следовательно, их стало 23. Из этих 23 вместе с вновь присоединенными землями было образовано в 1773-1796 гг. 50 губерний или наместничеств: 42 на старых и 8 на вновь приобретенных территориях.¹³ Потребность в их создании состояла в правильном, рациональном размещении населения на огромных территориях России. Да и созыв Уложенной комиссии в 1767 г. выявил у участников единодушное свидетельство крайнего несовершенства местного управления. В наказах же депутатских, особенно дворянских высказывалось настойчивое желание в изменении этого управления. К тому же в это время наметилась тенденция на отток дворянства из столиц в провинцию. Это было следствием известного манифеста о вольности дворянской Петра III от 1762 г. когда была отменена обязанность дворян состоять на государственной службе.

Наконец, Пугачевский бунт, который местная администрация не смогла ни предотвратить, ни подавить, еще раз с особой остротой поставил задачу реформирования местного управления.

Следствием губернской реформы Екатерины стало появление на основе указа от 5 сентября 1778 года Костромского наместничества. А открытие наместничества состоялось 4 декабря того же года. Во главе вновь образованной административной территории (наместничества) ставились наместники, т.е. это были должностные лица, наделенные чрезвычайными полномочиями и ответственные только перед Екатериной II. Поэтому их назначали из высших сановников государства. Наместник был главой местной администрации и полиции, следил за исполнением законов, осуществлял общий надзор за всем аппаратом местного управления и суда, сбором податей и набором рекрутов и пр. Ему подчинялись местный гарнизон и войска, находившиеся на территории наместничества. Вместе с тем по создаваемой властной вертикали в наместническое правление, кроме наместника, назначался правитель, или губернатор, заменявший наместника в период его отсутствия, а также два советника и секретарь. Это приводило к переплетению функций наместника и губернатора, что создавало трудности в управлении.

Сближению уездов с губернским центром способствовало пребывание в Костроме дворян во время выборов и рекрутских наборов, купцов в период ярмарок и пр. Это дало новую жизнь строительству и торговле, в том числе в столице губернии. Каменные строения шагнули далеко за черту старого города.

РАЗДЕЛ I

В последней четверти XVIII в. в Костроме строятся четыре корпуса Гостиного двора, а в последнее десятилетие XVIII в. на возвышенном и красивом месте, близ церкви Всех святых – огромный губернаторский дом.

В конце 1796 – начале 1797 гг. Павел I довел административную реформу до логического завершения, сохранив местные учреждения и переименовав наместничества в губернии. С 1802 г. после образования министерств губернаторы стали подчиняться Министерству внутренних дел.¹⁴

В 1837 г. императором Николаем I издается «Наказ губернаторам», согласно которому «гражданские губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшей волею губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства».¹⁵

Со второй четверти XIX в. широко практиковались назначение вместо гражданских военных губернаторов, которым, кроме администрации и полиции, были подчинены местный гарнизон и военные учреждения на территории губернии.

Таким образом, к началу XX в. по своему положению губернатор – фигура надведомственная. Как отмечают современники, он «был оком Государя, имел право непосредственного отношения с Монархом»¹⁶. Губернатор выбирался лично императором, назначался и увольнялся указами царя Правительствующему Сенату.

Помимо права непосредственного сношения с Императором губернатор был обязан предоставлять ежегодно лично государю, минуя центральное правительство, всеподданнейший годовой отчет по губернии. Как свидетельствуют в своих воспоминаниях губернаторы: «В отчетах, не стесненных ... никакой формой, губернатор должен был сообщать Царю всю картину состояния губернии»¹⁷. Он имел также право указывать на те мероприятия, которые находил необходимыми для блага населения и улучшения местных условий жизни и быта. В отчетах, свидетельствует современник, допускались самые широкие обобщения, самая откровенная и смелая критика не только отдельных действующих законов и правительственных распоряжений, но и общего положения дел всей внутренней политической и экономической жизни. Министерство внутренних дел, которым формально подчинялись губернаторы, было поэтому осторожно с ними, памятуя эту возможность прямой связи с монархом. Как свидетельствуют губернаторы, годовые отчеты «неизменно аккуратно прочитывались как Императором Александром III, так и Императором Николаем II»¹⁸. Известны случаи, когда отдельные отчеты губернаторов, с собственноручными памятками Царя, передавались им на обсуждение Совета Министров и являлись отправленным пунктом для соответствующих законов.

Таким образом, в правление Романовых окончательно оформилась самодержавная вертикаль власти. Эта вертикаль была опорой, стержнем Русского государства позволявшего решать важные задачи внутреннего и внешнего развития. Россия в XVII – начала XX вв. обретала те контуры, границы, которые при незначительных отпадениях просуществовали до конца XX в. Многие же хозяйственные и политические начинания Романовых – освоение Урала, Сибири, Дальнего Востока, окно в Европу – т.е. выход к Балтийскому морю заложили основы

будущего развития, будущих успехов в рамках советской и постсоветской истории. Следует обратиться к изучению этого периода, потому что только единение власти, РПЦ, народа позволит нам увидеть потаенные силы нашей цивилизации, те скрытые резервы, использование которых даст новый импульс в развитии России в третьем тысячелетии.

Примечания

- ¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 344.
- ² История России с древнейших времен до конца XVII в. / под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 572.
- ³ Там же.
- ⁴ Ключевский В. О. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 366.
- ⁵ История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 573.
- ⁶ Ключевский В. О. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 72.; Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 319.
- ⁷ Цит по: Андреев И. П. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 385.
- ⁸ Там же. С. 387.
- ⁹ Утверждение династии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1997. С. 200.
- ¹⁰ Андреев И. П. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 239.
- ¹¹ Там же. С. 401.
- ¹² Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – нач. XX века). М., 2001. С. 30.
- ¹³ Там же. С. 53.
- ¹⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 180.
- ¹⁵ Цит. по: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 144.
- ¹⁶ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 106.
- ¹⁷ Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁸ Там же.

И. Г. Мельникова
*Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова*

ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ЧИНОВНИКОВ ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Реорганизация государственного управления в начале XIX века обнаружила крайне низкую общеобразовательную подготовку чиновничества и заставила правительство обратить самое пристальное внимание на повышение уровня их квалификации. Еще Петр I уделял внимание подготовке чиновников-профессионалов,

и в начале XVIII века в России открылись специальные подъяческие училища. Однако до начала XIX столетия для чиновничества не существовало обязательного образовательного ценза. В результате уровень общеобразовательной подготовки чиновников, как отмечают историки, был крайне низок, некоторые из чиновников были просто малограмотны¹. Основными причинами такого положения в начале XIX столетия являлись, во-первых, отсутствие в России развитой системы образования; во-вторых, рост армии, отвлекший в ее ряды массу наиболее образованной и материально обеспеченной дворянской молодежи; в-третьих, усложнение функций государственного управления в результате реорганизации государственного аппарата, которое предъявляло новые требования к кадрам государственных служащих.

Общий дефицит способных к выполнению служебных обязанностей чиновников, особенно заметный на губернском и провинциальном уровне, заставлял администрацию неоднократно уделять особое внимание источникам кадрового пополнения государственных учреждений. В начальный период правления Екатерины II в Манифесте 15 декабря 1763 г. была предусмотрена организация при Сухопутном Шляхетском корпусе и при Московском университете специальных классов для приготовления «детей разночинцев и приказного чина для определения в копейсты», их обучение и содержание за казенный счет².

Время правления императора Александра I, по словам современников, «ознаменуется распространением просвещения; всем открыты пути к оному: недостаточные родители платят за воспитание детей своих или весьма мало или вовсе ничего»³. За 1802 – 1804 гг. правительство реформировало российское просвещение, создав цельную систему начального, среднего и высшего образования: приходское училище – уездное училище – губернское училище – гимназия – университет. В дополнение к Московскому университету, созданному в 1755 г., открылись четыре новых: в Дерпте (Тарту), Вильно, Харькове и Казани. В 1804 г. был принят университетский устав, впервые предоставивший всем университетам автономию, и новый цензурный устав, самый мягкий за всю историю России. По уставу доступ в университеты был открыт для лиц всех сословий.

В начале XIX в. первое высшее учебное заведение появилось в Ярославской губернии. В 1803 г. П.Г. Демидов «пожертвовал 3800 душ и 300 тыс. руб. денег на учреждение в Ярославле Училища высших наук»⁴. По другим данным, П.Г. Демидов на его содержание пожертвовал 3578 душ и 120 тыс. руб.⁵. Устав Училища был издан 28 января 1805 г. Совету Училища предоставлялось право производить студентов в кандидаты с чином XII класса. В 1824 г. «По особливому уважению пользе Демидовского училища высших наук» было Всемилостивейшее повелено: изъять «сие училище» из ведения Московского учебного округа и поручить «в полное управление Гражданского Губернатора» А.М. Безобразова «с наименованием его почетным попечителем училища»⁶. В 1833 г. училище было преобразовано в Демидовский лицей. На весь дореволюционный период лицей оставался единственным вузом в верхневолжском регионе. Он готовил кадры не только для своей Ярославской губернии, но и для соседних и даже для дальних губерний.

15 мая 1802 г. была основана Ярославская губернская гимназия с уездным училищем, в которой преподавали выпускники Московского университета, Петербургского педагогического института⁷. В 1814 г. открылось духовное мужское училище. С 1747 г. Ярославле действовала Славяно-латинская духовная семинария с числом воспитанников до 300 человек. С конца XVIII в. в городе функционировала Леонтьевская городская школа, в которой обучались дети из разных слоев общества, за исключением духовенства и крестьян.

В диссертации Т.Ю. Амплеевой отмечалось, что в штатах Ярославской губернии на конец XVIII века не удалось встретить ни одного канцеляриста – питомца перечисленных учебных заведений⁸. Однако в рассматриваемый период ситуация коренным образом изменилась, и в фонде канцелярии ярославского губернатора, Ярославского губернского правления в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) содержатся дела с формулярными списками чиновников, являвшихся выпускниками различных учебных заведений. В результате анализа 397 послужных списков чиновников было выявлено, что только в 40 формулярах (10% от общего числа) имеются указания на то, какие учебные заведения закончили чиновники. В том числе выпускники Ярославской семинарии – 13 человек (32% от числа выпускников), Ярославского дома призрения ближнего – 2 чел. (5%), Ярославской губернской гимназии – 2 чел. (5%), прочих Ярославских учебных заведений – 2 чел. (5%, в т.ч. - Главного народного училища, Демидовского высших наук училища), различных кадетских корпусов – 11 человек (28%), Императорского Московского университета – 3 чел. (7%), прочих учебных заведений – 7 чел. (18%)⁹. Итак, среди чиновников, у которых указано образование, почти половина (19 человек, или 48%) получила его в Ярославских учебных заведениях.

В рассматриваемый период в Костроме, как и в Ярославле, действовало Главное народное училище, открытое согласно указу Екатерины II в 1786 г. и переименованное в 1804 г. в гимназию, в котором почти все учителя были из Костромской семинарии¹⁰. В 1814 г. было открыто 1-е Александровское приходское училище, в 1819 г. – 2-е Александровское приходское училище¹¹. Однако в ходе исследования архивных материалов Государственного архива Костромской области (ГАКО) было выявлено, что среди костромских чиновников только 25 % (6 человек) являлось выпускниками Костромских учебных заведений, из которых 83 % (5 человек) были выпускниками Костромской семинарии и один выпускник Костромского главного народного училища, им оказался заседатель Нерехтского уездного суда коллежский ассесор Яков Андреевич Шульгин¹². Сведения о том, какое учебное заведение закончил чиновник содержатся только в 24 формулярных списках из проанализированных 172, что составляет 14%. Причем из них 21% – это выпускники Костромской семинарии (5 чел.), 21% – 2-го кадетского корпуса, 13% – Морского кадетского корпуса (3 чел.), 8% – Московского университета (2 чел.), 8% – инженерного кадетского корпуса, оставшиеся 29% закончили различные учебные заведения (7 чел.)¹³. Таким образом, штат чиновников Костромской губернии формировался из выпускников различных учебных заведений.

24 января 1803 г. были опубликованы «Правила народного просвещения». Эта программа Министерства народного просвещения устраняла препятствия

к получению образования представителями всех свободных «состояний», прежде всего, дворянства. Министерство просвещения занималось организацией подготовки кадров для государственного аппарата, осуществляло цензуру издававшейся литературы. Ему подчинялись Академия наук, университеты, другие учебные заведения, библиотеки, типографии, музеи. В результате принятых в соответствии с «Правила народного просвещения» мер произошло расширение профессионального состава государственных служащих. К тем, кто занимал административно-распорядительные должности, добавились инженеры, врачи, учителя, библиотекари, музейные работники и другие. Как и все чиновники, они числились в штатах учреждений, получали чины и награды, носили мундиры, им назначались пенсии. Они составляли около 10% в общей массе чиновников¹⁴. Указ 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» устанавливал, что через пять лет все должности по гражданской государственной службе, требующие специальных знаний, начнут замещаться лицами, окончившими казенные или частные учебные заведения. Каждое учебное заведение, согласно закону, давало своим выпускникам право на определенный чин (обычно с XIV по IX классы), с которого они могли начать классную службу. С 29 сентября 1822 г. было постановлено, чтобы «действительные студенты университетов получали чин XII класса, а кандидаты – чин X класса; а 10 ноября 1811 г. велено студентов из недворян исключать из подушного оклада по окончании ими полного курса наук, следовательно, высшее образование недворянам на военной службе давало потомственное дворянство, а на гражданской – личное дворянство»¹⁵.

Выпускники вышеназванных учебных заведений по своему желанию выбирали, какому виду службы себя посвятить. В рассматриваемом периоде наблюдается рост престижа статской службы. Так в 1820 г. из 25-ти выпускников Царскосельского Лицея 16 (64%) воспитанников пошли в гражданскую, и только 9 (36%) – в военную службу. Из них в гражданскую – титулярными советниками – 10: двое с золотой медалью, трое с серебряной, четверо с похвальной грамотой; коллежскими секретарями – 5; губернскими секретарями – 1. В военную службу выбрали 9 выпускников, в том числе один – с серебряной медалью, один – с похвальной грамотой. Все выпускники с золотой медалью и 75% (3 человека) выпускников с серебряной медалью предпочли статскую службу¹⁶. Об этом же свидетельствует формулярный список выпускников 1806 г., воспитывавшихся «на счете приказа общественного призрения», обнаруженный в архиве Костромского губернского правления¹⁷.

С целью повысить профессиональную подготовку чиновничества 6 августа 1809 г. Александр I издал указ, регулирующий порядок производства в гражданские чины коллежского асессора (VIII класс) и статского советника (V класс). Эти чины обуславливали назначение на должности, приобретались не только заслугами, но и выслугой лет. Новый указ запрещал производить в эти чины служащих, не имеющих свидетельства об окончании курса в одном из русских университетов или не выдержавших в университете экзамена по установленной в указе программе даже при полной выслуге. Предпочтение отдавалось отечественному образованию, а не иностранным «способам учения», которые

Таблица 1.

Выпускники приказа общественного призрения

Число оных	Имя их и фамилии	В какой службе служить желают	Имеют ли Аттестаты или нет	Чему кто обучался
1	Яков Шульгин	Оные дворяне имеют желание поступить в стат- скую службу	Имеет о дво- рянстве своем свиде- тельство	Обучался геометрии, механике, архитекту- ре, всеобщей геогра- фии, всемирной исто- рии, российской исто- рии, математической географии, граммати- ке, французскому язы- ку и рисованию
2	Андрей Баскаков		На дворянст- во свое Свидетельст- во не имеют	Обучался геометрии, механике, архитекту- ре, всеобщей геогра- фии, всемирной исто- рии, российской исто- рии, математической географии, граммати- ке, французскому язы- ку и рисованию
3	Михайло Дмитриев			Обучался арифметике, российской истории, всемирной истории, грамматике, матема- тической, всеобщей и российской географи- ям, французскому языку и рисованию

назывались недоступными и ненадежными. Вдохновителем и автором этого указа был М. М. Сперанский.

Желающим получить чин коллежского асессора или статского советника необходимо было представить документы, удостоверяющие сословную принадлежность, свидетельство об окончании какого-либо учебного заведения или пройти испытания, с целью показать определенные знания, что «они не только имеют правильно читать и писать, но и знают основания грамматики и арифметики».

В архиве было обнаружено дело с формулярным списком «коллежского асессора и кавалера» Ивана Ивановича Будянского, 36-ти лет, Ярославского губернского прокурора, начавшего службу с 1802 г. копейстом в градской полиции. После «пожалования» 26 ноября 1815 г. титулярным советником он сдавал экзамен 9 июля 1816 г. в комитете, учрежденном при Харьковском университете для испытания гражданских чиновников, «оказал следующие в науках познания: в статистике Российской империи из риторики очень хорошие, в Российском естественном, частном, гражданском и уголовном правах, во всеобщей новой и древней истории, хронологии и географии Российского государства и во французском

РАЗДЕЛ I

языке хорошие, в политической экономии довольно хорошие, сверх того сочинение на Российском языке и перевод с французского на Российский, по рассмотрении показал довольно хорошими и аттестат выдан». 6 декабря 1824 г. он был произведен надворным советником¹⁸.

Требование определенного образовательного уровня от чиновников, которые должны были занимать те или иные должности, имело важное практическое значение. Разумеется, наличие знаний не означало стопроцентную пригодность человека к государственной службе, однако доказывало его способность к умственному труду. Для чиновников низших рангов, являвшихся простыми исполнителями, никаких научных испытаний не требовалось¹⁹. Чиновник служил, чтобы заработать на жизнь, повысить свой социальный статус, приобрести власть и влияние, которые зависели от его должности, а не от происхождения или богатства.

Проведенное на основании формулярных списков исследование показало, что чиновники Ярославской и Костромской губерний происходили из различных социальных слоев населения. К сожалению, в архивных материалах начала XIX в. весьма редко встречались сведения об образовании служащих, указывалось только, что они «российской грамоте обучены, читать и писать умеют», однако приведенные сведения позволили установить, что к 1825 г. все чаще можно встретить выпускников различных учебных заведений того времени. Таким образом, в рассматриваемый период происходило некоторое улучшение кадрового состава чиновничества, а также положительные изменения в образовательном уровне и деловой квалификации чиновничества Ярославской и Костромской губерний, что соответствовало общероссийским тенденциям. Благодаря политике правительства совершенствовалась профессиональная подготовка кадров государственного аппарата.

Примечания

¹ См.: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. [Текст] / П. А. Зайончковский. М., 1978. С. 29; *Шепелев, Л. Е.* Чиновный мир России XVIII – начало XX в. [Текст] / Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 113.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. Т. XV. № 11444.

³ Испытания в С.-Петербургском Университетском пансионе (с краткою историей оною) // Отечественные записки. № 4. Август. 1820. С. 207–215. Л. 209.

⁴ *Яблочков М.* История дворянского сословия в России [Текст] / М. Яблочков. СПб., 1876. С. 605.

⁵ История губернского города Ярославля : сборник / сост. А. М. Рутман [Текст]. Ярославль, 2006. – С. 364.

⁶ ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 1885, л. 10.

⁷ *Марасанова В. М., Федюк Г. П.* Ярославские губернаторы. 1777–1917: Историко-биографические очерки [Текст]. Ярославль, 1998. С. 136.

⁸ *Амплеева Т. Ю.* Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Ю. Амплеева. Ярославль, 1990. С. 143.

⁹ ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 43, ч. 1, л. 24; д. 134, л. 21, 23; д. 265, ч. 1, л. 61, 70, 75; ч. 2, л. 102; д. 463, л. 2; д. 672, л. 15; д. 692, л. 3; д. 742, ч. 1, л. 49, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 85; д. 743, л. 2; д. 744, л. 3–4; д. 800, л. 5, 7, 13, 14, 16, 18, 20, 22, 23, 24, 25; д. 1091, л. 26; д. 1596, л. 41, 90; д. 1773, л. 55, 74; оп. 4, д. 53, л. 20; ф. 79, оп. 1, д. 258, л. 4.

¹⁰ Андроников Н. О. Исторические записки о костромской духовной семинарии и костромской губернской гимназии [Текст] / Н. О. Андроников. Кострома, 1874. С. 7.

¹¹ Градоначальники Костромы. 1785–2003: От городского головы до главы самоуправления / авт.-сост. Т. П. Карпова, П. П. Резепин [Текст]. Кострома, 2003. С. 27, 33.

¹² ГАКО, ф. 134, оп. 9, д. 35, л. 32 об.–33.

¹³ ГАКО, оп. 1, т. 2, д. 2626, л. 19 об.–20, 70 об.–71, 124 об.–125; т. 3, д. 5658, л. 8 об.–9; д. 5651, л. 6 об.–7, 7 об.–8, 13 об.–14, 26 об.–27, 34 об.–35, 42 об.–43; д. 5652, л. 6 об.–7, 48 об.–49, 56 об.–57, 61 об.–62; д. 6235, л. 24 об.–25, 53 об.–54, 58 об.–59, 97 об.–98; д. 4934, л. 13 об.–14, 24 об.–25, 25 об.–26; ф. 200, оп. 7, д. 37, л. 6 об.–7; д. 44, л. 11 об.–12; ф. 134, оп. 9, д. 35, л. 1 об.–2, 11 об.–12, 32 об.–33, 40 об.–41.

¹⁴ Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 115.

¹⁵ Яблочков М. Указ. соч. С. 596.

¹⁶ Второй выпуск воспитанников из Царскосельского лицея // Отечественные записки. 1820. № 2. Июнь. С. 332–335.

¹⁷ ГАКО, ф. 134 бш, д. 4487, л. 1 об.–2.

¹⁸ ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 1596, л. 36, 54–56, 73–76.

¹⁹ Карнович Е. П. Собр. соч.: в 4 т. [Текст] / Е. П. Карнович; сост. Т. Прокопов. М., 1995. Т. 2. С. 639–640.

Л. Н. Новожилова
ст. научный сотрудник
Костромского музея-заповедника

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ, И ОТЕЧЕСТВО». ПОЛКОВЫЕ ЗНАМЕНА И РОТНЫЕ ЗНАКИ КОСТРОМСКИХ ОПОЛЧЕНИЙ ИЗ ФОНДОВ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В 1991 году в музей пришло письмо от внука одного из офицеров 503 дружины Костромского ополчения времен первой мировой войны. Его дед- Ратьков Дмитрий Михайлович- капитан, а затем подполковник принимал участие в формировании дружины, прошел с ней через всю войну, а в 1918 году вернулся на родину в ус. Рождествено возле Плеса. Автор письма спрашивал, можно ли увидеть и поклониться знамени 503 дружины, которое, по свидетельству его матери, находилось в исторической экспозиции музея-заповедника. Вот это письмо и побудило более внимательно и серьезно заняться историей музейных коллекций и, в частности, историей знамен костромских ополчений XIX – нач. XX в.в., а так же и историей самих ополчений.

На протяжении многих лет существования краеведческой экспозиции музея-заповедника, располагавшейся еще в стенах Ипатьевского монастыря, экспонировались несколько знаков и знамя в разделах по истории Отечественной войны 1812 года и Крымской войны (1853–1856 гг.). О них было известно только то, что знамена принадлежали ополчениям, сформированным в Костромской губернии в эти тревожные для страны годы. Но когда и при каких обстоятельствах они оказались в музее, где хранились раньше – эти вопросы долгое время оставались загадкой.

РАЗДЕЛ I

История Костромского ополчения 1812-1815 гг. частично известна по публикациям, как в современных, так и в дореволюционных изданиях¹. Сбор воинов Костромского ополчения начался 1 сентября 1812 года. Формирование народной военной силы шло медленно. Среди дворян, призванных на офицерские должности, нередко были случаи уклонения от призыва на службу. Некоторые помещики поставляли непригодных для службы в ополчении крестьян – физически слабых, больных, старых, плохо обмундированных. Участие крепостных крестьян в ополчении рассматривалось как результат пожертвования их владельцев в той мере, в какой помещики жертвовали в ополчение другие виды своего имущества. Самой сложной была проблема вооружения ратников.

Вооружение, обмундирование и продовольственное снабжение ополчения проходило на средства, как добровольные пожертвованные населением, так и обязательные взносы дворян, сельских крестьянских общин и ремесленников. Все костромские сословия участвовали в подготовке ополчения:

В поход костромские ополченцы выступили только 15 декабря 1812 года. В состав ополчения вошли 4 пехотных и 1 конный полки, всего 10800 человек. Полки делились на батальоны и роты. Губернским командующим Костромской военной силы был утвержден генерал – лейтенант П.Г.Бардаков, отличившийся еще в походах А.В.Суворова, при штурме крепости Очаков и в сражении при Рымнике. Костромское ополчение, входившее в состав Поволжского ополчения III округа под командованием генерал – лейтенанта графа П.А.Толстого, в военных действиях 1812 года на территории России не участвовало.

13 сентября 1813 года костромичи прибыли на место своего назначения – крепость Глогау в Силезии. Общее командование над всеми ополченскими частями, а под Глогау сражались полки не только Костромского, но и Рязанского, Симбирского, Нижегородского и Казанского ополчений, было возложено на П.Г.Бардакова. Он проявил себя опытным военачальником: под его непосредственным руководством крепость была осаждена по всем правилам военного искусства – создана единая блокадная линия вокруг Глогау. Наступившие осенние холода отразились на ратниках. В полках начались массовые заболевания, обмундирование пришло в ветхость. Несмотря на все невзгоды и лишения, ополченцы стойко несли осадную службу и совершали дерзкие вылазки. Ключи от крепости Глогау, капитулировавшей союзному российско-прусскому войску, русскому императору Александру I преподнес костромич – бригадный командир костромского ополчения С.П.Татищев. В приказе от 10 октября 1814 года командующего блокадными силами при Глогау генерала Розена получили высокую оценку боевые подвиги ополчения: «Вы, ополчившись (...) на защиту Отечества, горя усердием и ревностью с неутомимым терпением преодолели все трудности (...), во время суровой зимы, на биваках, отражали сильные покушения неприятеля, сбили его передовые посты (...), принудили к сдаче знаменитую крепость, чем снискали всеобщую похвалу и достойное уважение (...)»²

В начале февраля 1815 года Костромское ополчение вернулось в Кострому, где при большом стечении народа на главной площади в Успенском соборе состоялся благодарственный молебен.

Каждая рота, входившая в состав полка имела свой ротный знак. Знаки, которые сейчас хранятся в музее-заповеднике, представляют собой небольшого размера холст, на котором с одной стороны изображен вензель императора Александра I. На другой стороне в центре – герб Костромы Павла I (щит с крестом и месяцем). Выше герба – надпись «Костром.ополчение» и номер полка, ниже – номер батальона и роты (например, «4-го полка 2-го батальона 3-й роты») ³.

В отчете Костромского Научного общества по изучению местного края за 1922 год проходит информация о поступлении в областной музей знамен 1812 года из губернского революционного трибунала. 1 марта 1922 года в книге поступлений в музей была сделана запись под номером 1606: «Из Губревтрибунала: батальонные значки ополчения 1812 года. Полуистлевшие, изорванные, рамки разбитые» ⁴ Всего поступило 10 значков. Знаки были на древках. Их поставили на учет и занесли в инвентарную опись фонда «Оружие», составленную в 1-ой половине 20-х годов XX века. Напротив записи о знаках в инвентарной описи позже появилась отметка «Списаны... 20 сентября 1955 года». Но, не поднялась рука у музейщиков, избавиться от предметов, свидетельствующих о ратных подвигах костромичей в те далекие годы, да и редки подобные раритеты в местных музеях.

В 1955 году в музее-заповеднике были заведены новые инвентарные книги и книги поступлений, предметам даны новые номера. Информация же об источниках поступления вещей, за редким исключением, в новые документы внесена не была. Ныне знаки Костромского ополчения 1813-1815 гг. хранятся в фонде «Ткани». Часть из них можно увидеть на экспозиции «Воины и войны» в здании гауптвахты. В советские годы они были укреплены, но, тем не менее, нуждаются в тщательной реставрации.

Одновременно со знаками 1812 года из ревтрибунала было передано в музей еще 6 знамен костромского ополчения, но эпохи Крымской войны. «Знамена ополчения 1853 года из зеленого шелка-сырца на древках с кистями кроме одного и с орлами наверху древка. Полуистлевшие» – это запись под номером 1607 в книге поступлений за 1922 год ⁵. Знамена также были внесены в инвентарную книгу в фонд «Оружие», одно из них было списано, но оставлено в музее. Из шести, действительно полуистлевших, огромных полотнищ, усилиями первоклассного реставратора, были возвращены к жизни и возможности экспонирования пока два ⁶. Они представлены на экспозиции «Воины и войны» и на выставке «Русские императоры в Костроме» в Романовском музее. На каждой стороне знамени изображен ополченский крест с вензелем императора Николая I и надпись «За веру, царя и Отечество». На одном из знамен сохранилась металлическая пластина с записью «Костромского ополчения знамя №150-й дружины, получено в дружину 10 июля 1855 года, освещено 14 числа, в походе было от города Чухломы до города Пиотркова, Варшавской губернии и обратно, сдано из дружины в Костромской Кафедральный Успенский собор, сентября 30 дня 1856 года. Начальник дружины майор Денисьев, Адъютант прапорщик Белихов.» ⁷

По окончании войны по Высочайшему указу знамена дружин ополчений были помещены в кафедральные соборы губернских городов «на память потомству» ⁸. Следует добавить, что в некоторых губерниях дружины получали перед походом знамена ополчения 1812 года, хранившиеся после Отечественной войны

РАЗДЕЛ I

в местных соборах. Следовательно, и знаки первого костромского ополчения находились в кафедральном соборе. После закрытия Успенского собора все хранившиеся там воинские реликвии были переданы в областной музей.

Долгое время информация о формировании ополчения в Костромской губернии в годы Крымской войны, и о том, где оно несло ратную службу, не встречалась. Ситуация для автора данного исследования прояснилась в нач. 90-х гг. XX века после работы с документами областного архива, которые вновь постепенно становились доступными, были открыты новые интересные документы⁹.

Для руководства формированием ополчения был создан губернский комитет ополчения. Офицерский корпус набирался из костромских дворян. Часть из них вступала в ополчение по собственному желанию, осознавая возложенный на них долг. Среди основной массы дворянства патриотического настроения не было. Неизвестный автор рукописи «Из воспоминаний об ополчении 1855 г.»¹⁰, по-видимому, сам участник ополчения, в своих заметках рассказывал о том, как проходили выборы дворян в костромское ополчение, и какие проблемы в связи с этим возникли, с какой «охотой» шли костромские дворяне в ополчение, и чем это было вызвано. Впервые рукопись была опубликована в 1995г.¹¹ Наблюдения, сделанные автором, подтверждаются архивными документами.

Многие дворяне отговаривались от службы под предлогом болезней или просто не являлись на службу. Нельзя было выбирать в ополчение лиц, состоящих под судом и следствием. Этим воспользовались губернские, а так же и уездные чиновники, преданные суду за упущения по службе. Они бросились в Уголовную палату с просьбой о том, чтобы приостановить решение своих дел.

Кроме патриотически - настроенных и сознательных дворян в ополчение поступали и те, кто, промотав состояние, не знали, что дальше делать. Иные решили променять невидную карьеру губернского чиновника на офицерский чин и эполеты.

Большее половины офицеров ополчения понятия не имели о военной службе. Из 20 офицеров Варнавинской дружины № 152 в прошлом были военными 10 человек, в военных походах участвовали ранее лишь трое. Возраст офицеров дружины был от 21 года до 60 лет, большинство составляли лица до 40 лет¹². Период с 1815 по 1853 год в истории России не был насыщен масштабными военными событиями, и набраться опыта молодым дворянам не представлялось возможным.

Основной состав ополчения состоял из крестьян и мещан. Поставка крестьян в дружины шла за счет их владельцев. Они должны были вносить деньги на обмундирование, продовольствие, фураж, жалование. По желанию часть взносов можно было вносить натурой. Помещики старались сбить с рук старых, нерадивых, неблагонадежных крестьян. Среди крестьян распространились слухи, что всех ополченцев после войны освободят от крепостной зависимости. Поэтому многие из них самовольно уходили от помещиков в город, чтобы записаться в ополчение.

Ополчение формировалось нелегко. Не хватало ратников, обмундирования, продовольствия, имущества для обозов. Отдельные члены губернского комитета ополчения злоупотребляли служебным положением¹³. К лету 1855 года было

сформировано по уездам 10 дружин. По сведениям на 23 мая 1855 года общая численность Костромского ополчения составляла 11003 человека нижних чинов из мещан и крестьян и 199 офицеров из дворян¹⁴

Начальником костромского ополчения по просьбе дворянства был утвержден действительный статский советник Федор Иванович Васьков. Он был участником Отечественной войны 1812 года, в чине поручика сражался под Смоленском и в Бородинской битве был ранен, принимал участие в заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг. Позже исполняющим обязанности начальника костромского ополчения был назначен полковник Пасынков, а затем граф Игельстром.

С 12 июля по 4 августа 1855 года костромичи провожали дружины в поход. Под звуки горнов и барабанов, с развивающимися знаменами выступили дружины в поход. Предварительно каждое знамя было торжественно освещено¹⁵.

Губернаторы, уездные и губернские предводители дворянства тех губерний, в которых собирались ополчения, за их формирование получили Высочайшую благодарность. Но за «дурную» экипировку ополчения костромскому губернатору и губернскому предводителю дворянства был сделан Высочайший выговор¹⁶. В Варшаве на смотре при приеме костромского ополчения генерал Сумароков устроил разнос начальнику ополчения.¹⁷

Костромичи не участвовали в военных сражениях Крымской войны. Некогда дружественная Австрия вместе с Пруссией стали проявлять агрессивные устремления и выдвинули к границе Российской империи войска. Император Николай I вынужден был сосредоточить в Польше и юго-западном крае часть сил. В помощь действующей армии в Царство Польское и было направлено Костромское ополчение. Дружины располагались в Варшаве (Александровская цитадель), Бобруйске, Петркове. Ополченцы несли караульную службу, занимались боевой подготовкой, изучением воинского устава. Программа занятий фронтового образования дружин Костромского и Ярославского ополчений предполагала непосредственное обучение «пальбе» (стрельбе) лишь один раз в неделю. Все остальное время занимали ружейные приемы, расчет ратным колоннам, рассыпной строй, маршировка и т.п. В воскресенье дозволялось после полудня «собираться в кружки по-ротно и петь песни»¹⁸.

20 марта 1856 г. был подписан мирный договор. Вскоре был издан приказ о роспуске Государственного подвижного ополчения. Знамена дружин предписывалось сдать в ближайшие арсеналы¹⁹. Но, уже 5 мая 1856 года, император отменил это распоряжение и приказал все знамена поместить «для всегдашнего хранения в соборах губернских городов»²⁰. После возвращения дружин на родину знамена были переданы в кафедральный Успенский собор.

Но боевая служба знамен Костромского ополчения Крымской войны не закончилась. В 1914 году, вскоре после начала первой мировой войны, в губернии вновь началось формирование ополчения²¹. 14 ноября 1914 года на Сусанинской площади был совершен благодарственный молебен, после которого трем пешим дружинам были переданы знамена Костромского ополчения 1855 года из кафедрального Успенского собора²². Эти три знамени с полей сражений первой мировой войны в Кострому уже не вернулись.

РАЗДЕЛ I

Примечания

¹ Записки о костромском ополчении // Вестник Европы. 1815. Ч. 81. № 12; *Виноградова С.* Боевой путь Костромского ополчения 1812–1815 / Костромская старина. 1995. № 7. С. 20–24; В Наполеона грозный век. Записки о Костромском ополчении. Из дневника П. Г. Бардакова. Публикация подготовлена Виноградовой С. Г. // Губернский дом. 1996. № 5. С. 32–37.

² Записки о костромском ополчении. С. 310–311.

³ КМЗ ВХ 101-104, ВХ 1156, ДВХ 15 ...

⁴ КМЗ Книга поступлений № 27: «Запись пожертвований и поступлений в музей различных вещей в 1918 году и в последующие годы». С.98 об.

⁵ Там же.

⁶ КМЗ КОК 7242.

⁷ КМЗ КОК 7242.

⁸ Указ Правительствующего Сената // Костромские губернские ведомости. 1856. № 11. 2 июня.

⁹ *Новожилова Л.Н.* Костромское ополчение 1855–1856 гг. // Провинция как социокультурный феномен : сб. науч. тр. участников XVIII конференции. Кострома, май 2000 г. Кострома : КГУ им. Некрасова, 2000. Т. 1. С. 49–53.

¹⁰ ГАКО, ф. 558, оп. 2, д. 89.

¹¹ «Тихое море провинциальной жизни было взбаламучено»: Из воспоминаний об ополчении 1855 года / вступ. ст. Л. Новожиловой // Губернский дом. 1995. № 6. С. 48–53

¹² ГАКО, ф. 1009, оп. 1, д. 104.

¹³ ГА РФ, ф. 109, д. 445, л. 19–21.

¹⁴ ГАКО, ф. 1009, оп. 1, д. 48.

¹⁵ *Андроников П.* Освещение знамен Костромской и Буйской дружин Костромского ополчения / Костромские губернские ведомости. 1855. № 32.

¹⁶ РГВИА, ф. 12281, оп. 1, д. 1, л. 137.

¹⁷ *Колюпанов Н. П.* Из прошлого // Русское обозрение. М. 1895. № 6. С. 598–599. В 1850–1857 гг. служил чиновником Палаты Государственных имуществ в Костроме.

¹⁸ ГАКО, ф. 1009, оп. 1. Приказы по Костромскому ополчению 1855 г.

¹⁹ Костромские губернские ведомости. 1956. № 17. 5 мая.

²⁰ Положение о роспуске государственного подвижного ополчения от 5 апреля 1856 года // Костромские губернские ведомости. 1956. № 11. 2 июня.

²¹ *Григоров А. И.* Костромское ополчение в великой войне 1914–1918 гг. // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения // материалы конф. Кострома 29–30 мая 2008 г. Кострома, 2008. С. 241–256.

²² Поволжский вестник. 1914. № 2459. 14 ноября.

А. В. Новиков

*Костромской государственный
университет им. Н.А Некрасова*

**БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГУБЕРНСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(На материалах Костромской губернии)**

Проблема коррупции в органах власти российского государства на разных этапах его развития являлась сложнейшей задачей обеспечения эффективности его функционирования. Впервые законодательные мероприятия по искоренению взяток – «посулов» встречаются в Судебнике 1550 г. Разрушение приказной системы и формирование коллегий в начале XVIII века было призвано, в том числе, снизить уровень коррупции в центральных органах государственной власти. В результате губернской реформы 1775 г. началось создание системы губернского управления, в рамках которой борьба с коррупцией сохраняла свою актуальность.

На рубеже XVIII–XIX вв., указом императора Павла I «О новом разделении государства на губернии» от 12 декабря 1796 года была образована Костромская губерния. 31 декабря того же года указом Правительствующего Сената были утверждены штаты Костромской губернии. С первых же шагов своего существования в губернии пышным цветом расцвело мздоимство и казнокрадство чиновников, что было системной проблемой губернской системы управления по всей стране.¹

Первая половина XIX века в России стала временем роста чиновной бюрократии и, соответственно, роста государственных расходов на содержание управленческого аппарата. Министр внутренних дел А. А. Закревский по итогам поездки по губерниям Европейской России в 1831 году докладывал Николаю I о неудовлетворительном состоянии губернской администрации и полиции, объясняя лихоимство и взяточничество низкими окладами чиновников. Уже в 1835 году утверждены дополнительные штаты и расходы на содержание губернских правлений и канцелярий. Штат Костромского губернского правления с канцелярией составил 61 человек, в том числе три советника, два секретаря, девять столоначальников, их помощники, экзекуторы, регистратор, архивариус, писцы, другие должностные лица. На канцелярские расходы выделялось 6250 рублей, расходы на губернскую типографию определялись в 4000 рублей. В 1837 году штаты увеличиваются до 65 чиновников, а в 1857 году уже до 139 человек. В канцелярии костромского губернатора к 1857 году состояло уже 25 человек, включая правителя канцелярии, двух старших и двух младших помощников, регистратора, 13 писцов, три старших и три младших чиновника особых поручений. На ее содержание выделялось более 5957 рублей в год. Костромская казенная палата в 1851 году включала 10 чиновников. Неоднократно увеличивались полицейские штаты.²

Размер окладов чиновникам губернского правления и канцелярии губернатора на примере 1845 года составлял следующие цифры:

РАЗДЕЛ I

Губернское правление:

– столоначальники правлений – 286 рублей в год,

– ассессор – 600,

– старший советник – 1000,

– двое других советников – от 600 до 900;

по канцелярии:

– правитель – 600 (350 рублей жалования и 250 – столовых),

– старший чиновник по особым поручениям – 500,

– младший – 430.³

Усилия властей по улучшению материального обеспечения чиновников не смогли решить проблему коррупции в губернской администрации. В условиях самодержавно-крепостнической системы, попытки провести принцип коллегиальности в местном управлении через деятельность губернских правлений оказались тщетны. Губернатор чувствовал себя «хозяином» губернии, как государь считал себя «хозяином» «Земли Русской». Чиновники по укоренившейся в феодальную эпоху традиции, продолжали «кормиться» от дел и от просителей, рассматривая должность как род феодального пожалования, а взятки как разновидность ренты с подвластного населения. Для пресечения злоупотреблений в первой половине XIX века в России проводится 85 сенаторских ревизий губернского управления. 52 из них пришлось на период царствования Александра I и 33 проведены при Николае I.⁴ В Костромской губернии ревизии проводились в 1815 г. (ревизия сенатора А.В.Алябьева), в 1827 г. (ревизия сенатора Е.А.Дурасова) и в 1844 г. (ревизия князя И.А.Лобанова-Ростовского). Материалы ревизий, воспоминания современников и доносы на губернаторов и губернских чиновников, сохранившиеся в материалах III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии вскрывают картину самовластия и произвола, творимого на местах чиновной бюрократией феодальной эпохи.

С момента образования Костромской губернии до 1861 года в руководстве губернией сменилось 17 губернаторов. Для некоторых начальников губернии, полученный здесь опыт и проявленные способности становились неплохим трамплином к дальнейшему продвижению. Другие уходили в небытие, попадали в опалу. Остановимся на тех из них, деятельность которых сопровождалась расцветом коррупции или попытками ее искоренения в губернии.

16 августа 1807 года по Высочайшему повелению Костромским гражданским губернатором был определен морской офицер, участник 20 военных кампаний Н.Ф.Пасынков с производством в действительные статские советники и пребывал в этой должности до 1815 г.⁵

О нравах Н.Ф.Пасынкова оставил нелестные воспоминания балетмейстер Адам Павлович Глушковский. «Николай Федорович Пасынков любил весело пожить; у него бывали ежедневно гости и на нескольких столах играли в карты. Спектакли и балы были у него довольно часто... После ужина у губернатора бывали фейерверки и катание на лодках по Волге с песельниками, – одним словом, губернатор жил, как сыр в масле». «Когда в большие праздники костромской губернатор с женой своею отправлялся в собор, за несколько минут до их выезда скакал на дрожках частный пристав в собор с уведомлением, что

едет губернатор. Его превосходительство начальник города ездил не иначе, как в карете, запряженной четверкой лихих рысаков. Подле его кареты скакал верхом полицмейстер, позади нее летели верхом его ординарцы, а затем ехали в разных экипажах и другие власти костромские. Простой народ и купечество при виде губернатора скидывали шляпы и кланялись в пояс. Раболепствовали не только перед губернатором, но и перед его родственниками...».⁶ Н. Ф. Пасынков содержал домашний театр, участвовал в театральных дивертисментах сам и требовал того же от губернских чиновников.

Капризы губернатора поощряли произвол чиновников. В 1815 г. по просьбам костромского дворянства, по итогам ревизии сенатора А.В.Алябьева, Н.Ф.Пасынков был отстранен от должности и передан суду по обвинению в лихоимстве. Однако, как это часто бывало в первой половине XIX века, дело затянулось. Умер он в Санкт-Петербурге в 1837 г., находясь под следствием.⁷ В 1836 г. Костромскому дворянскому депутатскому собранию было предписано взыскать с бывшего гражданского губернатора Н.Ф.Пасынкова 22000 недоимок по дворянскому имению. Однако в 1837 г., в связи со смертью должника, указом Правительствующего Сената недоимка была списана.⁸

В правление в Костроме губернатора К.И.Баумгартена в 1816–1826 гг. в Костроме разворачивается широкое строительство. В 1817–1818 гг. архитектор Н.И.Метлин перестроен губернаторский дом. С 1819 по 1822 гг. по проекту архитектора В.П.Стасова возводятся овощные ряды. В 1820–1822 гг. вместо деревянного Архирейского дома Н.И.Метлин строит каменное здание, выдержанное в классическом стиле и украсившее архитектурный комплекс Ипатьевского монастыря. Можно отметить также строительство архива губернских присутственных мест. В центре Костромы строится жилой дом отставного генерала С.С.Борщова, ставшего влиятельной фигурой в губернии в период губернаторства К.И.Баумгартена.⁹

После смерти в 1822 г. Н.И.Метлина, губернским архитектором был назначен П.И.Фурсов. Сразу по приезду, в 1823 г. он оформил подъем с пристаней на Молочную гору парадным въездом – Московской заставой. П.И.Фурсову было заказано построить здание для созданной 28 октября 1823 г. по инициативе губернатора пожарной команды. Строительство продолжалось с 1823 по 1827 гг., благодаря чему центр Костромы до сих пор украшает здание пожарной каланчи.¹⁰ Годом раньше, в 1826 г. П.И.Фурсов доложил губернатору о завершении работ по возведению и отделке здания главной гауптвахты.¹¹ Началось благоустройство улиц: в 1823 г. Екатеринославская (с 1835 г. Сусанинская) площадь была вымощена булыжником. Таким образом, в правление К.И.Баумгартена и при его содействии центр Костромы обрел свой неповторимый облик, сохраняемый по сей день.

Широкое строительство развернулось и по всей губернии. По почтовым трактам строили почтовые станции и гостиницы. Однако строительная активность губернатора и губернского архитектора сопровождалась такими злоупотреблениями, которые невозможно было скрыть ни от костромского общества, ни от вышестоящих властей. Началось с того, что в 1824 г. ввиду ветхости дома Дворянского собрания было решено построить новое здание, для чего П.И.Фурсов предложил два проекта, а с каждой души крепостных было решено собрать

РАЗДЕЛ I

на строительство по 35 копеек дополнительного сбора.¹² Однако вместо строительства был куплен «старый особняк у купцов Дурьгиных, владевших в Костроме несколькими каменными домами...»¹³ Вскоре в III отделение Канцелярии его императорского величества поступила пространная записка директора местной гимназии Ю.Г.Бартенева, где, в частности отмечалось: «Для построения казенных зданий сметы делаются чрезвычайно увеличенные... На построение домов для спокойствия проезжающих на станциях в местах, изобилующих материалами, хорошими плотниками, каменщиками и печниками издержано на каждый таковой дом от 20000 до 23000, тогда как в существе он не стоит более 7 или 8 тысяч рублей, а посему около 2/3 столь значительного капитала похищается.»¹⁴ В инструкциях сенатору Дурасову, ревизовавшему Костромскую губернию в 1827 г., шеф корпуса жандармов и начальник III отделения императорской канцелярии граф А.Х.Бенкендорф специально указывал: «Во время объезда губернии следует обратить внимание на казенные каменные строения; как-то присутственные места, тюремные замки и гостиницы по большим дорогам, которые недавно выстроены, но жить в оных нельзя, для чего надобно истребовать смету с употребленных материалов, которая покажет, что кирпич покупая на те строения не менее 20 руб., тогда как по ценам оной продается не более 12 рублей.»¹⁵

Обширное строительство было удобной ареной бесконтрольного казнокрадства. Доходы чиновников умножались, кроме того, самым беззастенчивым взысканием. По словам того же Ю.Г.Бартенева «места Голов, старост, сотских и прочих продаются порочнейшим поселянам, подобно как... места земских чиновников. Сотские и прочие облагаются от исправников и стряпчих налогом таким же образом, как исправники облагаются губернатором и стряпчие прокурором... Определенные таким образом чиновники платимые ими за свои места деньги высасывают из народа разными поборами, притеснениями и нарушением правосудия. При заплате государственных податей, сверх того количества, которое входит в казну взимается с каждой ревизской души в обе половины по 20 к. и более, с каждого пашпорта сверх казенной пошлины, берется по 2 или 3 р.; за свидетельство на торговлю, сверх казенных пошлин, платится по 100 р. и по 200 р. смотря по капиталу.»¹⁶

К.И.Баумгартен не был простым заложником коррупционной системы, созданной еще Н.Ф.Пасынковым. Он целенаправленно осуществлял кадровую политику, расставляя на ключевые посты продажных чиновников. Даже выборное дворянское самоуправление было подчинено созданной системе. «В Костромской губернии с 1807 г. и поныне, т.е. во все время управления оною бывшим губернатором Пасынковым и нынешним Баумгартеном, многие достойные дворяне, по причинам подобным вышеозначенным, отклонялись от занятия мест даже самых почтеннейших, большею частию не приезжают и на выборы. Таким образом, Дворянское собрание наполняется наиболее такими только людьми, которые привлечены туда из видов корысти.»¹⁷ «В Костроме недавно было два случая во время выборов, где можно видеть власти губернатора и заговор выборов; выбраны были в уездный город Ветлугу два кандидата в исправники: Шишкин, который безвыходно под судом за лихоимство находится, и другой Рубановский; Рубановскому было положено 20 голосов, а Шиш-

кину 18 и представлены оба на утверждение. Губернатор утвердил Шишкина, нашел какие-то причины не утвердить Рубановского». «Прикрытие» губернатору обеспечивал ранее упомянутый генерал С.С.Борщов. «Полицмейстер ему племянник: с губернатором он в связях и во многих случаях помогал ему в Петербурге». ¹⁸ Пользовался губернатор поддержкой члена Государственного совета В.С.Ланского. Все это позволяло К.И.Баумгартену и его чиновникам безнаказанно осуществлять самые дерзкие операции. Губернатор, вице-губернатор, управляющий винной экспедицией Колюпанов оказались замешаны в махинациях с кизлярской водкой. По сообщению начальника 3-го отделения 2-го округа корпуса жандармов полковника Перфильева, для сокрытия злоупотреблений исправников, губернатор не брезговал подменой донесений и рапортов, поступавших на его имя. ¹⁹

Названные и многие другие факты «лихоимства» были установлены в результате ревизии Костромской губернии комиссией сенатора Дурасова в 1827 г. Губернские чиновники, связанные круговой порукой, как могли, старались воспрепятствовать работе комиссии. «В первых числах февраля сего года (1827 – А.Н.) от земских судов схвачены были у экономических крестьян черновые расходные тетради и почти по всей губернии истреблены. Известно, что в сих тетрадях крестьяне вписывают, для своих учетов, все поборы и подарки чиновникам». ²⁰ Полковник Перфильев сообщал в одном из донесений стих, ходивший по Костроме в период ревизии:

«Громовая стрела,
Ударь в Губернское Правленье,
И в нем сожги дела
Для нашего спасенья». ²¹

«Большая часть чиновников в унынии и беспокойстве ожидают решения своей участи, в утешение же и оправдание говорят, что они могут быть несчастливы только потому, что Костромская губерния подпала под ревизию, но что открываемые здесь злоупотребления и упущения существуют повсеместно, вообще же поставляют сему причиной недостаточные оклады жалованья, не доставляющие никакой возможности и средства к содержанию... Ревизию находят пристрастною, что г. сенатором посланы были... явные враги губернатору и его приближенным, домогаясь показаний на счет злоупотреблений,... прибегали к непозволительным средствам, кормили некоторых икрой, и томя жаждой, достигали своего намерения...» ²²

Итогом ревизии стало отрешение от должностей и предание суду более 100 чиновников. В ноябре 1827 г. отправлен в отставку губернатор. «Баумгартен уехал в Петербург, старик плакал прощаясь, все жалели его нелицемерно, не входя, каков он как губернатор, но для общества, как хозяин своего дома, он был человек прекрасный преобладающий и преласковый... многие провожали его до первой станции, некоторые же до Ярославля». ²³

Преемником К.И.Баумгартена на посту костромского гражданского губернатора стал герой войны 1812 года, инициативный чиновник, бывший Архангельский гражданский губернатор Я.Ф.Ганскау.

РАЗДЕЛ I

Документы свидетельствуют, что Я.Ф.Ганскау пытался, если не бороться, то хотя бы пресечь и расследовать наиболее вопиющие факты коррупции. Так, усилиями губернатора и начальника 3-го отделения полковника Перфильева был отстранен от службы врач Гретти, браковавший за взятки крестьян при наборе рекрутов.²⁴ Действия властей повлекли поток доносов и жалоб со стороны Гретти. Это подпортило репутацию губернатора. Я.Ф.Ганскау весьма нелестно характеризовался в бумагах Бенкендорфа, собранных «частным образом». «В делах несведущ, но старается казаться большим дельцом. Твердит о законах, поступая совершенно в противность оным... Взятки сам не берет, но нельзя то же сказать о жене, ключнице, а более о секретаре... Учреждение довольно хитро выдуманное на случай ответственности. Жена в знак дружбы, на память может получать безделки (между коими проскакивают весьма часто и тысячные вещи). Секретарь берет за дела, но на губернатора показаний нет, он только подписывает то, что секретарь ему подкладывает...»²⁵ Репутацию губернатора испортил ряд неуклюжих действий по кадровым вопросам, принятых под влиянием дочери покойного губернатора, девицы Норман.

27 апреля 1830 г. Я.Ф.Ганскау был переведен на должность Курского гражданского губернатора.

В ноябре 1832 года губернатором в Кострому был направлен действительный тайный советник М.Н.Жемчужников. Еще в 1827 г. в чине полковником корпуса жандармов, начальника 5-го отделения в г. Орле он выявил панораму злоупотреблений и коррупции во время выборов уездных и губернского предводителей дворянства. Обвинения касались Орловского гражданского губернатора Сонцова, губернского прокурора Андреева и губернского предводителя дворянства Г.Милорадовича.²⁶ Старания М.Н.Жемчужникова возымели действие. Орловский губернатор Петр Александрович Сонцов был смещен с должности, на его место назначен Аркадий Васильевич Кочубей.²⁷

Перед отъездом в губернию М.Н.Жемчужникова пригласил император Николай I и поручил расследовать и пресечь раскольническую деятельность судиславского купца Николая Андреевича Папулина. Н.А.Папулин основал в г. Судиславле Костромской губернии страноприимный дом (богадельню) на 12 человек, где в действительности скрывалось несколько сот «беспаспортных и беглых». Известно об этом стало после того, как в Судиславль направились, но были пойманы некоторые из участников движения декабристов. Попытки полиции и жандармов захватить беглых, скрывавшихся в богадельне, были безуспешны. Раскольники своевременно получали из Петербурга информацию о всех полицейских мероприятиях, планируемых лично императором, министром внутренних дел и шефом жандармов.²⁸ Факт нахождения в богадельне 170 беспаспортных здоровых молодых людей, в основном женщин и девочек в 1828 г. зафиксирован начальником 3-го отделения 2-го округа корпуса жандармов полковником Перфильевым.²⁹ По свидетельству Перфильева, раскольники широко использовали подкуп чиновников для освобождения от ответственности беглых преступников. Папулин распоряжался складным раскольничьим капиталом.³⁰ Предпринимательская деятельность Н.А.Папулина граничила порой с криминалом. По мнению Ю.В.Смирнова, купец чеканил фаль-

шивую золотую монету,³¹ не брезговал ростовщицеством – в государственном архиве Костромской области сохранились закладные записки крестьянина Ефима Ермилова и купца Ивана Андреевича Зубарева соответственно на 500 и 30000 рублей.³² По данным С.В.Максимова Г.Бочарова и В.Выголова, Папулин скупил в гор. Сольвычегодске Вологодской губернии иконостас Благовещенского собора под видом его ветхости за бесценок, за что протоиерей получил крупную взятку. В действительности купцу удалось приобрести 1300 древних икон XV – XVII вв. за 7000 рублей. Впоследствии за продажу отдельных икон им выручено 20000рублей.³³

По приезду в Кострому М.Н.Жемчужников лично познакомился с положением вещей. Среди чиновников и граждан, изъявивших почтение новому губернатору был и Н.А.Папулин. Как свидетельствует В.М.Жемчужников, губернатор «обошелся с ним сухо и не говорил ни слова». Полицмейстер Небольсин признался новому губернатору, что сознательно не вмешивался в деятельность Н.А.Папулина. «Я человек семейный и бедный, получаю от Папулина содержание и живу в довольстве, пока оставляю его в покое!» Опасения полицмейстера были не беспочвенны. Его предшественник, пытавшийся бороться со старообрядцами, находился под следствием. М.Н.Жемчужников отдал распоряжение направить всех беспаспортных из богадельни в губернский острог, а остальных выслать из губернии. Вскоре острог наполнился арестантами, но в этот момент Михаил Николаевич Жемчужников получил известие о внезапной смерти жены, вынужден был оставить службу и уехать в имение в Орловскую губернию, чтобы обеспечить воспитание малолетних детей.³⁴ В Костромскую губернию М.Н.Жемчужников больше не вернулся, а странноприимный дом Н.А.Папулина процветал до его ареста в 1846 году.³⁵

28 января 1846 года костромским губернатором был назначен Константин Никифорович Григорьев³⁶. Предшествующая его служба характеризовалась тем, что большинство занимаемых должностей было связано с финансами, сбором налогов, обеспечением армии или контролем над расходами.

2 сентября 1847 года К.Н.Григорьев выехал с ревизией в отдаленные уезды губернии, а в ночь с 5 на 6 сентября в Костроме загорелись надворные постройки купца Энгерта и крестьянина Литова. При сильном ветре огонь быстро распространился по городским улицам. Пожар бушевал всю ночь, а в 7 часов утра загорелся Богоявленский монастырь, да так, что монахам пришлось пробивать монастырскую стену, чтобы выбраться из огня. Всего огнем было уничтожено 118 жилых и административных зданий³⁷.

Губернатор вернулся в Кострому вечером 7 сентября, а в 11 часов на следующий день стало известно о новом пожаре во дворе чиновника Полянского, и по Костроме стали распространяться подметные письма с угрозами новых поджогов. 9 сентября в 19 часов начался новый пожар, продолжавшийся всю ночь. В городе началось мародерство. Пожарная команда и полиция были не в состоянии остановить ни пожары, ни грабежи. 11 сентября в 7 часов произошли новые возгорания.³⁸ В результате пожаров с 5 по 11 сентября сгорело 188 домов, Богоявленский монастырь, 3 фабрики и 4 общественных здания³⁹. Для города с населением в 15000 человек это стало катастрофой.

РАЗДЕЛ I

Осенью жители оказались на улице. К счастью, отмечал П.Островский, осень была теплая и сухая.

Продолжительность пожаров, возгорание в разных местах города, подметные письма с угрозами поджогов не оставляли у населения сомнений в наличии злого умысла. Жители организовали патрули, делившие город на округа и обеспечивавшие общественный порядок и охрану от новых поджогов. Губернатором была образована следственная комиссия, к подозреваемым были применены допросы «с пристрастием» (с пытками). За превышение власти 22 ноября 1847 г. Высочайшим повелением К.Н.Григорьев был отстранен от должности губернатора, отозван в Санкт-Петербург и отдан военному суду.⁴⁰ Не исключено, на наш взгляд, что поджоги в Костроме были организованы для пресечения ревизионных поездок губернатора. Тем более что впоследствии К.Н.Григорьев в своих действиях был оправдан и получил назначение губернатором во вновь образованную Якутскую губернию.

В апреле 1848 г. в Кострому был назначен новый, четвертый за полгода губернатор. Каменский Иван Васильевич был переведен в Костромскую губернию из Волынской за рукоприкладство в отношении волынского вице-губернатора. Иван Васильевич был резок и скор на расправу. Поэтому не только по созвучию имен, но и за свой характер получил прозвище «Иван Грозный». Взятчники его боялись как огня. Энергичный администратор с первых шагов заявил о себе как искоренителе всякой неправды. Орудием расправы были его кулаки. Яркую картинку рисует в своей работе С.Н.Плеханов. «Рассказывали о таких его внушениях: слышали-де, проходя мимо губернаторского дома, стон из открытого окна (в первом этаже помещалась канцелярия). А когда спросили у стоявшего на крыльце сторожа, кто болен, получили ответ: «Сегодня Сам сердит, правителя канцелярии неловко задел, зуб вышиб, вот бедолага и охает».⁴¹

Борьбу с недобросовестностью местных чиновников развернул в Костромской губернии В.Н.Муравьев (1852-1853 гг.). До назначения Костромским губернатором занимал должность помощника попечителя Московского учебного округа. Придерживался либеральных взглядов. Привез с собой «энергичных молодых людей, убежденных в том, что им предстоит расчислить авгиевы конюшни бюрократизма».⁴² При представлении местных чиновников новому губернатору, В.Н.Муравьев высказал вице-губернатору князю Гагарину негодование на все губернское Правление. Новый губернатор еще в Петербурге заявлял, что служить с Гагариным не будет и хлопотал о его увольнении. Жандармский полковник Перфильев в своем донесении управляющему III отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии Леонтию Васильевичу Дубельту отмечал, что горячие, «быстрые» распоряжения В.Н.Муравьева не всегда согласуются с законом, а их неисполнение Гагариным воспринимается как противодействие, ввиду чего советовал «развести» чиновников по разным губерниям.⁴³ Вскоре в губернию был назначен новый вице-губернатор Брянчанинов, затеявший судебные дразги с членами губернского Правления. В письме от 23 октября 1852 г. штаб-офицер корпуса жандармов подполковник М.Шевелев писал об отношениях губернатора с чиновниками: «В его мнении все костромские чиновники без изья-

тия, непременно плуты! Или пьяницы и картежники!... Муравьев действует по какому-то странному ожесточению и нет возможности его остановить.»⁴⁴ В склоки был втянут весь чиновничий аппарат. Многие вынуждены были покинуть службу или были отстранены от нее. Всего по настоянию нового губернатора оставили службу до 30 чиновников. Об увольнении других губернатор ходатайствовал перед министром внутренних дел и управляющим III отделением. Сегодня трудно определить, насколько обвинения губернатора и произведенные увольнения были справедливы. Вероятно, для них были основания. В то же время, смена чиновничьего состава при сменах губернаторов была типичным явлением для Николаевской России. Эта мера не меняла системы управления и не устраняла бюрократии и чиновничьих злоупотреблений. Ответом на кадровые чистки становился поток взаимных обвинений, поступавших в министерства, Канцелярию императора и Сенат. При частой смене самих губернаторов, чиновничья возня становилась скорее бедствием для управляемых губерний.

Решительные, но поспешные действия В.Н.Муравьева вызвали активный протест, проявившийся не только в потоке жалоб на губернатора. 13 ноября 1852 г. в 11.00 дня уволенный от службы бывший старший советник костромского губернского Правления, коллежский советник Попов ворвался в пьяном виде в кабинет губернатора и потребовал прекращения следствия в отношении его брата – станowego пристава.⁴⁵ Жандармский подполковник М.Шевелев и начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенант Перфильев 9 декабря 1852 г. доносили Начальнику III отделения императорской канцелярии, шефу корпуса жандармов графу А.Ф.Орлову о злоупотреблениях В.Н.Муравьева, обвиняя его в следующем.

«а) Муравьев, со дня вступления в должность, по особым предложениям губернскому Правлению, получил вперед свое содержание.

б) Не имея никакого основания на получение квартирных денег, потому, что прямо въехал в казенный дом, вытребовал квартирные себе деньги...

в) Муравьев, неизвестно по какому разрешению во время ревизования им губернии, собрал капитал от г. откупщиков, содержателей винных заводов и купцов, под предлогом для благоустройства города Костромы более 10000 рублей серебром, а капитал этот до сего времени остается безгласным и в произвольном его распоряжении...».⁴⁶

Указанные факты свидетельствуют, что борец с «авгиевыми конюшнями бюрократизма» сам оказался далеко не безгрешен. Однако от графа А.Ф.Орлова и Л.В.Дубельта последовала решительная отповедь затянувшимся дрязгам. А.Ф.Орлов признал обвинения против губернатора «не заслуживающими никакого внимания», а подполковнику Шевелеву сделал строгое замечание с угрозой отставки при дальнейшем отступлении от своих обязанностей. В свою очередь, Л.В.Дубельт оправдал перед губернатором действия жандармского подполковника.⁴⁷

Успешную и беспорочную службу Костромского губернатора А.Ф.Войцеха (1853–1857 гг.) омрачила работа по формированию Костромского ополчения в связи с начавшейся Крымской войной. Костромской губернатор и другие члены «Костромского губернского Комитета государственного

РАЗДЕЛ I

подвижного ополчения» были обвинены в многочисленных злоупотреблениях. Министерство внутренних дел и III Отделение Собственной канцелярии Его Императорского Величества проводили расследование обстоятельств дела. От министерства внутренних дел для расследования был направлен чиновник для особых поручений, статский советник Титов, от Корпуса жандармов – полковник Левенталь.

Флигель-адъютант, ротмистр князь Кропоткин в рапорте о состоянии Костромского ополчения указывал на следующие недостатки. Прежде всего претензии командования вызвало обмундирование ополченцев. «Некоторая часть кафтанов... построены из весьма дурного сукна», полы кафтанов и шаровары во всем ополчении сшиты без подкладки. «Полушубки вообще не хороши... коротки и узки, и есть даже из телячьих и козлиных шкур». Ратники были направлены с одной парой сапог, «и во время грязи и ненастной погоды им совершенно нечем переменить обуви... в дружине № 153 в особенности, сапоги пришли в ветхость». Не в лучшем состоянии находилось снаряжение. «Патронташи не могут вмещать 60 патронов по тесноте гнезд... Топоры не одинаковы, дурно отделаны, без железных заклепок, отчего при употреблении сваливаются. Лопаты совершенно не годны. Лазаретные фуры очень дурно сделаны и непрочны. Патронные ящики не могут вмещать должного числа патронов, непрочны и совершенно негодны, так что пустые не выдерживают дороги, ломаются и разваливаются; остальной обоз, построенный также Комитетом, весьма непрочен... Лошади в обозе вообще хороши, исключая купленных Комитетом, сбруя, построенная дружинными начальниками хороша, но полученная из Комитета сделана из дурного материала.» В рапорте было также высказано предположение о денежных злоупотреблениях. Комитет «не озаботился сделать хотя малейшее вспомоществование неимущим офицерам и обеспечить чем-либо их семейства». Командир дружины № 149 заявил, что средства, пожертвованные данной дружине галицким дворянством, не были переданы Комитетом в дружину.⁴⁸

Содержание рапорта совершенно определенно выявляет нарушения и злоупотребления, сопровождавшие формирование ополчения, однако, заметно желание автора возложить ответственность исключительно на Костромской губернский Комитет ополчения. В ходе расследования все названные недостатки в подготовке ополчения подтвердились. Особенно было обращено внимание на то, что полы кафтанов и шаровары не имели подкладки. Делопроизводство Комитета велось с явными нарушениями. Журналы и постановления оформлялись иногда «очень кратко и необстоятельно» и по большей части задним числом. Комитет для освидетельствования заказанного обмундирования редко собирался в полном составе. Все это и было вменено в вину Комитету и, в частности, губернатору, и признано ими как упущение. При этом жандармский полковник Левенталь особо отмечал, что злоупотреблений в действиях Комитета не оказалось.⁴⁹

В то же время, обнаружилось, что по разным причинам Костромской губернатор, Предводитель дворянства и в целом Комитет ополчения встречали открытое противодействие или саботаж со стороны костромского дворян-

ства. Начальник Ветлужской № 153 дружины ополчения полковник Быстроглазов отказался заниматься покупкой телег и лошадей. Телеги и прочее снаряжение для данной дружины были заказаны Комитетом в экипажном заведении штабс-капитана Колычева, однако работа была выполнена крайне недобросовестно. Приходилось несколько раз возвращать снаряжение на переделку. Быстроглазов, получив снаряжение, «как будто нарочно старался, еще до выступления все привести в худший вид. Одежда и амуниция употреблялись без всякой бережливости», а на лошадях и телегах ополчения по г. Ветлуге развозился песок. Дружина выступила из Ветлуги с опозданием и была «встроена» в состав ополчения уже в походе. Смотр Костромскому ополчению был устроен в 50 верстах южнее Москвы, в 700 верстах от Ветлуги. Ветлужская дружина прибыла на смотр после 52 дневного похода. В Калуге один из ратников Ветлужской дружины умер, не выдержав пути. Статским советником Титовым было установлено, что начальник дружины полковник Быстроглазов на последних дворянских выборах 1854 г. пытался избираться в уездные предводители дворянства, но, потерпев на выборах неудачу, был враждебно настроен к губернскому предводителю дворянства Миронову и губернатору Войцеху. По мнению следствия именно ввиду этих обстоятельств Быстроглазов старался «показать вверенную ему часть как можно хуже, чтобы подвергнуть Комитет ответственности».⁵⁰

Недостатки снаряжения ополчения проистекали из противодействия не только Быстроглазова. В губернии сложилось несколько дворянских группировок, боровшихся за выборные должности дворянского самоуправления. На выборах 1854 г. действительный статский советник Васьков баллотировался на пост губернского предводителя дворянства, но избран бы артиллерии поручик Миронов. Противоречия между дворянскими группировками обострились и в пик губернского предводителю, начальником костромского ополчения в феврале 1855 г. был избран Васьков. Ввиду личных качеств и состояния здоровья Васькова, губернатор А.Ф.Войцех отозвался, что находит Васькова неспособным к руководству ополчением, однако мнение губернатора учтено не было. Враждебные отношения Васькова с первыми лицами губернии привели к тому, что начальник ополчения «до самого выступления... от всего уклонялся, ни во что не входил, не являлся в Комитет даже по приглашению, отзываясь всегда болезнью, не ездил осматривать дружины на сборных местах». Противодействие оказывали некоторые другие начальники дружин, имевшие не менее трех месяцев до выступления в поход на исправление недостатков.⁵¹

Деятельность губернатора подвергалась острой критике со стороны председателя костромской казенной палаты, действительного тайного советника Тинькова. Отношения между ними не сложились. А когда обнаружилась неаккуратность и несвоевременность ведения делопроизводства Комитета, стал препятствовать его деятельности.⁵²

Полковник Левенталь и статский советник Титов, проводя расследование от разных ведомств, пришли к сходному заключению. Недостатки в подготовке Костромского ополчения они отнесли не только к деятельности Комитета,

РАЗДЕЛ I

но и к противодействию и интригам «начальствующих лиц ополчения против губернского Комитета государственного подвижного ополчения», а доносы на членов Комитета и губернатора были признаны «некоторые преувеличенными, а остальные совершенно ложными».⁵³

Результаты расследования оставляют крайне противоречивое впечатление. Император по его итогам принял «соломоново решение». Всем членам Костромского губернского Комитета ополчения, включая Костромского губернатора, был объявлен выговор с внесением в формулярные списки. Дело о недостатках снаряжения Костромского губернского ополчения было прекращено, члены комитета освобождены от всякой ответственности, но на дальнейшие просьбы А.Ф.Войцеха сложить со всех членов Комитета выговор, последовало его увольнение от должности Костромского губернатора.⁵⁴

Правительство пыталось преодолеть коррумпированность чиновников различными путями. Один из них – увеличение казенного содержания и окладов чиновников не решил поставленной задачи. Экстренной мерой по преодолению сложившейся на местах коррупционности местных чиновничьих и дворянских корпораций являлись сенаторские ревизии. Значительный вклад в это борьбу привносила незаметная постороннему взгляду деятельность III отделения Канцелярии Его Императорского Величества. Но, в конечной мере решение проблемы находилось в руках губернатора. Следует признать, что выбор средств у губернатора был невелик и нередко он сам становился объектом клеветы и серьезных расследований. Далеко не у всех, как видно из приведенных материалов хватало гибкости, а порой, добросовестности и порядочности, чтобы не стать частью этой системы лихоимства и чиновничьей чванливости.

Примечания

¹ См. например: *Марасанова В. М., Федюк Г. П.* Ярославские губернаторы. 1877–1917. Историко-биографические очерки. Ярославль, 1998. С. 204–205.

² *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004. С. 84–85, 88.

³ *Шумилов М.М.* Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50-х – 80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX вв. – СПб., 1999. – С. 190.

⁴ *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи... – С. 71–72.

⁵ См.: Пасынков Николай Федорович // Русский биографический словарь : в 25 т. / А. А. Половцев. М., 1896–1918. Т. 13. С. 366–367.

⁶ «Губернатор жил как сыр в масле» // Губернский дом. 1995. № 1. С. 38–39.

⁷ Русский биографический словарь... Т. 13. С. 367.

⁸ Костромские губернские ведомости. 1839. 8 апреля. № 13. Прибавление к Костромским губернским ведомостям. С. 42.

⁹ *Кудряшов Е. В.* Первый губернский архитектор // Губернский дом. 1997. № 1. С. 39–40.

¹⁰ Губернский город глазами костромских фотографов / сост. А. А. Анохин, В. А. Шпанченко. Кострома, 1991. С. 13, 22.

¹¹ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 2711, л. 43 об.

¹² ГАКО, ф. 133, оп. 4, д. 97, л. 110.

- ¹³ Каткова С., Торон К. Автор талантливой переделки // Губернский дом. 1998. № 5–6. С. 88.
- ¹⁴ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1897 г., д. 79, л. 14 об.–15.
- ¹⁵ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1897 г., д. 109, л. 3 об.
- ¹⁶ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1897 г., д. 79, л. 12 об.–13, 16.
- ¹⁷ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1897 г., д. 79, л. 12.
- ¹⁸ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1827 г., д. 109, л. 9, 6.
- ¹⁹ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 12–13.
- ²⁰ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1897 г., д. 109, л. 19.
- ²¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 7.
- ²² ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 13 об., 29 об.
- ²³ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 32–32об.
- ²⁴ См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 9, д. 1178, л. 36–37.
- ²⁵ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 2, 1827 г., д. 109, л. 34–34 об.
- ²⁶ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 5, 1830 г., д. 113, л. 5–12 об.
- ²⁷ Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 317.
- ²⁸ Костромской листок. 1899. 4 апреля. № 38.
- ²⁹ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 38 об.–39.
- ³⁰ Колюпанов Н. П. Из прошлого. Посмертные записки // Губернский дом. 1995. № 3. С. 49.
- ³¹ Смирнов Ю. В. Загадка одной жизни. Как купец Папулин раскол чинил // Губернский дом. 1997. № 4. С. 60.
- ³² См.: ГАКО, ф. 133, оп. 10, д. 1780, л. 23–23об.
- ³³ См.: Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск. 1984. С. 149; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотъма. М., 1983. – С. 24, 48.
- ³⁴ См.: Костромской листок. 1899. 4 апреля. № 38; РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 791, л. 35.
- ³⁵ Смирнов Ю. В. Загадка одной жизни. Как купец Папулин раскол чинил // Губернский дом. 1997. № 4. С. 61.
- ³⁶ Там же. С. 143; РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 608, л. 95–111.
- ³⁷ Дело о пожаре 1847 года // Губернский дом (Кострома). 1998. № 5/6. С. 97.
- ³⁸ Там же. С. 98–99.
- ³⁹ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 22, 1847, д. 322, л. 1 об.
- ⁴⁰ См.: РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 608, л. 109; Дело о пожаре 1847 года... С. 100.
- ⁴¹ См.: Плеханов С. Н. Писемский. (ЖЗЛ). М., 1986.
- ⁴² Плеханов С. Н. Писемский. М., 1986.
- ⁴³ ГАРФ, ф. 109, 1-й экспедиции, оп. 27, 1852 г., д. 289, л. 1–2 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 3 об.–4.
- ⁴⁵ Там же, л. 16.
- ⁴⁶ Там же, л. 19 об.–20.
- ⁴⁷ Там же, л. 21–21 об., 24–24 об.
- ⁴⁸ Там же, л. 19–20 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 5, 10, 14–14 об., 34–34 об.
- ⁵⁰ Там же, л. 9–12 об.
- ⁵¹ Там же, л. 13, 14 об.
- ⁵² Там же, л. 15–16.
- ⁵³ Там же, л. 5–6, 14 об., 34 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 22–23, 31 об., 34 об.–38.

И. В. Голубева
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЕЛИКИХ РЕ- ФОРМ 60–70-Х ГГ. XIX В. В КОСТРОМСКОМ КРАЕ

Отмена крепостного права и институциональные реформы 1860–1870-х гг. XIX в. дали серьезные импульсы социально-экономическому и политическому развитию России, в значительной степени изменили уклад жизни российской провинции, определили особенности капиталистической модернизации страны, а в конечном итоге – ее историческую судьбу.

В данной статье сделана попытка осмысления проблемы в контексте изучения механизма взаимодействия и взаимовлияния «центра» и «провинции» как двух ведущих субъектов российской истории на этапе глубоких общественных преобразований. Делается попытка ответа на вопрос, какие силы и почему могли тормозить на местах реформаторский импульс «сверху», верно ли видеть в провинции некий консервативный бастион, противостоявший реформам, выявить имевшиеся в этом плане противоречия между центром и провинцией, факторы, усиливавшие или погашавшие их.

История подготовки и осуществления *крестьянской реформы* показывает, что в числе последних немаловажную роль играло соотношение прореформаторских и консервативных сил не только в высших эшелонах власти, но и на местах, прежде всего в губернских дворянских комитетах, создание которых предписывалось в соответствии с Высочайшими рескриптами виленскому губернатору П.И. Назимову и петербургскому П.И. Игнатьеву в конце 1857 г. – начале 1857 года. В преобладающем их числе сложилось либеральное «меньшинство» и консервативное «большинство». Иная ситуация сложилась в Костромском дворянском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян, заседания которого были торжественно открыты 11 мая 1858 г. (по другим данным 3 июля). В его состав, под председательством Костромского губернского предводителя дворянства А.А. Миронова, вошли 40 членов (всего за время работы в нем участвовало 45 человек). Созданию проекта отмены крепостного права в губернии предшествовала большая подготовительная работа: в течение двух месяцев члены комитета собирали сведения о количестве имений, числе крепостного населения, величине крестьянских земельных участков и др., которые в дальнейшем были отправлены в Главный Комитет по крестьянскому делу в Петербург. Как убедительно доказал в своем диссертационном исследовании видный российский историк реформы Л.Р. Горланов, собранные сведения о состоянии помещичьих имений страны содержали заниженные на 17% данные о размерах крестьянского землепользования (величина среднего надела была уменьшена с 6, 9 дес. до 5, 8 дес.) и, наоборот, завышенные цифры крестьянских повинностей (например, оброка – на 12%) – факт, имевший значительные последствия в деле реализации реформы в крае и последующем социально-экономическом развитии. Расчет был прост: во время отмены крепостного права с помощью подтасовки этих

данных как можно больше оставить земли за собой и наложить как можно большие повинности на крестьян и тем самым надолго привязать их к себе. Подобная практика и в других губерниях была не редкостью¹.

К декабрю 1858 г. Редакционной комиссией был подготовлен «Проект общего положения об улучшении быта помещичьих крестьян Костромской губернии». По выработанному проекту крестьянин объявлялся лично свободным. Помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако, соглашались продать усадьбы крестьянам за выкуп – в размере 480 руб. серебром за одну дес. (Насколько высока эта плата ясно, если учесть, что накануне реформы стоимость 1 десятины заселенной земли в губернии составляла в среднем 9-10 руб. серебром). Причем, если помещик находил усадьбы крестьян «особо ценными», то мог потребовать от них и более высокой платы².

Комитет считал возможным предоставить в пользование крестьян земельный надел, причем только на время срочно-обязанного периода, за что крестьяне должны были платить оброк или отбывать барщину. При этом пореформенный крестьянский надел в многоземельных имениях должен был составлять не более 3 дес. на душу, в среднеземельных – 2,5 и малоземельных – 1,5 дес. По подсчетам Л.Р. Горланова, если учесть, что средний душевой дореформенный крестьянский надел составлял 6, 9 дес., не считая барщинных, неиспользуемых и незаселенных земель (с ними на одну душу приходилось до 14,3 дес. земли), то ясно, что помещики Костромской губернии намеревались оставить после реформы во временном пользовании крестьян земельные наделы, урезанные в 2–3 раза.

«Положение» предоставляло право помещикам обменивать свои земли на крестьянские для «правильного устройства» собственного хозяйства, для избежания чересполосности, переселять крестьян на другие места без их согласия, переносить крестьянские усадьбы, отрезать высший душевой надел.

Размеры повинностей планировались исключительно высокими. При наделе от 1,5 до 3 десятин при барщинной форме повинностей крестьянин должен был работать в году на помещика 140 дней мужских и 93 дня женских. Что касается оброка, то, согласно проекту, в чисто оброчных имениях, а их было в губернии большинство, денежная повинность крестьян обуславливалась кроме поземельного надела, местными и отхожими промыслами, т.е. неземледельческими заработками крестьян. В разных уездах она была неодинакова, колеблясь от 9–10 руб серебром в Ветлужском, Варнавинском, Кинешемском, Юрьевецком уездах, до 12–15 руб. в Чухломском, Кологривском, Галичском, Солигаличском уездах, где был развит отход в Москву и Петербург. Значительно урезав крестьянские наделы, костромские помещики в то же время планировали не только сохранить оброчные платежи на дореформенном уровне, но и значительно повысить их³.

Предвидя, что крестьяне могут отказаться от выкупа усадеб и от наделов на указанных выше условиях, Положение указывало, чтобы выкуп усадеб и пользование наделами были обязательны для крестьян, отказы запрещались. Костромские помещики сочли необходимым и увеличить срок переходного периода с 12 лет, как это предусматривал рескрипт, до 20.

Особенно важным для костромского дворянства было решить вопрос о лесах; ими в губернии было занято свыше 70% территории и во многих уездах

(особенно в восточных) лесные промыслы были основным занятием крестьян. Леса значили для них здесь отнюдь не меньше, чем полевой надел для крестьян земледельческих уездов. По мере модернизации промышленности ценность леса возрастала и он становился важным капиталом. В проекте костромского комитета устанавливалось, что «минеральные богатства, в недрах земли находящиеся, леса и воды на всем пространстве имения, принадлежащего помещику... составляют неотъемлемую и исключительную собственность помещика, на сем основании надел крестьян лесом для него необязателен...» и он (помещик) сохраняет право «владения и распоряжения рыбными ловлями и силою и течением стоячих и текущих вод». После некоторого обсуждения было внесено допущение, в соответствии с которым помещики могли разрешить крестьянам пользоваться дровяным лесом «на основании особо составленных правил и за дополнительную плату». В специальном постановлении комитета «Об охране и пользовании помещичьими лесами», вошедшем в него «Проекте лесного положения» указывались меры, которые «ограждали бы помещичью лесную собственность от всякого рода посягательств...» в виду того, что «...в последнее время порубки и расхищения крестьянами владельческих лесов усилились до чрезвычайности». Предусматривалось назначение к лесным дачам сторожей и «полесных», возложение ответственности на порубщиков и похитителей лесной собственности на общества крестьян или на них самих, если они не принадлежали к оным, воспрещение продажи похищенного лесного имущества на рынках, базарах, ярмарках и т.д.⁴.

Костромской комитет особенно позаботился о том, чтобы помещики и после отмены крепостного права остались полновластными хозяевами в деревне. В последних двух главах (VIII и IX) проекта, в которых рассматривались вопросы образования сельских обществ и права помещиков по отношению к ним, крестьяне в течение всего срочно-обязанного периода «признавались» совершенно «неспособными» к самоуправлению, поэтому над ними должна была быть учреждена опека самих помещиков⁵.

Костромской комитет разработал еще и Проект оказания помощи мелкопоместным землевладельцам, имевшим до 20 душ крепостных, коих в губернии, по данным комитета, насчитывалось 2156 имения (1895 крепостных) Учитывая, что «ни поземельная рента, ни урочные работы, ни выкуп усадеб не вознаграждают владельцев за лишение рабочих сил, которые составляли опору их собственного быта» в период крепостного права, правительству предлагалось осуществить выкуп «обязательного труда крестьян и их самих из крепостной зависимости» за наличные деньги. Капиталы, необходимые для выкупа, предполагалось найти через посредство внутреннего займа, учреждение в приказах общественного призрения особой ссуды и через учреждение частных или общественных банков. Долг погашался крестьянами взносом ежегодных процентов сверх текущего подушного оклада. Было подсчитано, что по Костромской губернии понадобится на эти цели 3000000 руб. Размер выкупных платежей при 5,5% годовых составил бы ежегодно 165 руб. Такой мерой можно, как подчеркивалось в документе, вывести мелкопоместных дворян из угрожающего им нищенства⁶.

Уже первые исследователи реформы 1861 г.⁷ оценивали работу комитета, как одного из самых рьяных защитников крепостного права в России. Проект ставил большинство крестьян в более худшие условия, нежели те, в которых они находились при крепостном праве.

Все содержание проекта было проникнуто мыслью о недопустимости каких-либо потерь помещиков и даже улучшения их положения. В отличие от всех других дворянских крестьянских комитетов России, в Костромском не сложилось деления на консервативное «большинство» и либеральное «меньшинство». Причина – в той социально-экономической ситуации, которая сложилась в губернии на рубеже 50-60-х гг. XIX в. Как и в целом в стране, остро заявляли о себе и требовали разрешения проблемы, связанные с кризисом изжившего себя крепостничества, внедрением новых капиталистических форм хозяйствования, необходимостью модернизации всего уклада жизни российской провинции. Помещичье хозяйство находилось в полном застое. За долги в период с 1853 по 1857 год включительно в губернии было взято в опеку 993 имения, причем половина из них приходилась на Костромской уезд. Дворянское сословие губернии переживало процесс внутренней перегруппировки, фактически свидетельствующий о начале его распада. Из 4010 помещиков – 3 325 были мелкопоместными (владевшими не более 100 душами), мало связанными с рынком⁸. Если в других губерниях нечерноземного региона – Ярославской, Владимирской, Тверской некоторая часть помещиков уже начала вести свое хозяйство на вольнонаемном труде, то в Костромской губернии помещичья среда не желала понимать и принимать сущность новых экономических процессов, предпочитая время от времени повышать оброки с крестьян, нежели изыскивать пути более рационального ведения своих хозяйств. Более того, сыграло свою роль и другое обстоятельство. По данным Л.Р. Горланова, в момент выборов в губернии проживало всего 800 землевладельцев, остальные 3,5 тысячи жили в Санкт-Петербурге, Москве, или находились на военной и гражданской службе в других городах империи. Те же, кто безвыездно проживал в своих имениях, представляли собой наиболее правую часть костромского дворянства. Как оброки, так и барщина в их поместьях были наиболее высокими, чем в других имениях губернии. Все это и определило состав комитета, который постарался разработать такую программу, которая позволила бы помещикам и после отмены крепостного права на долгие годы привязать к себе крестьян, максимально компенсировать потерю дохода, получаемого помещиком от личной зависимости крепостного крестьянина⁹.

Какие последствия имела позиция Костромского комитета и подобные ей программы «консервативного большинства» в других губернских дворянских комитетах; оказали ли они воздействие на выработку общероссийского законодательства? Давление консервативной провинции на центр было очевидным, оно усиливало в «верхах» влияние реакционно настроенных сановников, под натиском которых Главный комитет и сам Александр II в первой половине 1858 г. склонялись к т.н. «остзейскому» (безземельному) варианту отмены крепостного права, что вполне соответствовало настроению большинства губернских комитетов, более половины которых высказывались против наделения крестьян землей в постоянное пользование с сохранением их лишь на срочнообязанный период.

РАЗДЕЛ I

Казалось, реформа обречена на проведение ее с позиции консервативно настроенных кругов дворянства. Однако, совокупность объективных и субъективных обстоятельств, отодвинули опасность проведения реформы по наихудшему варианту. Под воздействием обострившейся общественно-политической обстановки в стране, крестьянских выступлений, активизации либеральных сил и ряда обстоятельств личного плана¹⁰ произошел перелом в позиции Александра II, что выразилось в принятии новой правительственной программы по крестьянскому вопросу в декабре 1858 г. Она признавала либеральную идею выкупа полевой наделной земли крестьянами в собственность, правительственное содействие выкупу путем организации кредита, введение крестьянского самоуправления в рамках сельской общины. Именно эта программа и легла в основу проекта «Положения о крестьянах, выходящих из-под крепостной зависимости», разработанного Редакционными комиссиями к августу 1859 г. Однако под воздействием консервативных сил он подвергся корректировке при обсуждении в Главном комитете по крестьянскому делу и в Государственном Совете в январе-феврале 1861 г. (дальнейшее понижение норм крестьянских наделов для некоторых местностей, увеличение оброка там, где имелись «особые промышленные выгоды», помещикам предоставлялось право предоставлять крестьянам «в дар» четверть надела). Хотя проект Костромского комитета, будучи представленным в Редакционные комиссии, и был признан неприемлемым, а министр внутренних дел С. Ланской, ознакомившись с ним, назвал его безобразным¹¹, тем не менее при составлении окончательного общероссийского проекта некоторые уступки костромским дворянам все же были сделаны. Запланированные Редакционными комиссиями для Костромской губернии наделы крестьян, по данным А.Скребицкого и подсчетам Л.Р. Горланова, были снижены по 10 из 12 уездов на 15–30%. Завышенные средние оброки костромских крестьян были понижены на 20–35% (в среднем составили 9 руб.), но учитывая, что дореформенные оброки были на 10-20% ниже тех, что показали в своем проекте костромские дворяне, то в конечном итоге выходило, что повинности оставались или на дореформенном уровне, либо понижались в самой незначительной степени¹².

Противоречивость реформы, непримиримость и разнонаправленность интересов помещиков и крестьян, выразившаяся в том числе в Костромской губернии в факте фальсификации сведений о величине крестьянского землепользования и дореформенных повинностей и их реальном завышении после освобождения, привели к ряду крестьянских выступлений и фактическому срыву всех предполагаемых сроков проведения основных этапов реформы. Затянулась выработка окончательного проекта волостного устройства: первые из них были открыты и приступили к работе лишь в начале июля 1861 г., последние – в конце сентября – начале октября (всего было создано 210 волостей и 1720 сельских обществ)¹³. Причем во всех 12 уездах губернии, помещики постарались протолкнуть на должности мировых посредников тех, кто, как оказалось впоследствии, послушно проводил их волю, и лишь незначительная часть мировых посредников в губернии выполняла свои обязанности в точном соответствии с законами, в первую очередь это мировые посредники Кинешемского уезда – А.Н.Кулом-

зин, А.П.Грек, И.Т.Сыроватский, М.П.Яковлев, мировой посредник Костромского уезда – И.Н.Готовцев и некоторые другие.

В конце июня – начале июля 1861 г. началось составление уставных грамот, определявших поземельные отношения между помещиками и крестьянами на период временнообязанного состояния, а так же повинности последних вплоть до выхода их на выкуп. На данный этап реформы отводилось всего лишь два года, однако в губернии процесс растянулся до 1867 г. (включительно) и шел в 3,5 раза больше времени, чем на это предусматривалось «Положениями» 19 февраля. По подсчетам Л.Р. Горланова, только 40% крестьян подписало грамоты; крестьянство, поставленное в более худшие условия хозяйствования в сравнении с дореформенным периодом, в своей значительной массе ждало «новую волю»¹⁴. Крестьяне, никогда не видевшие в своих наделах «излишней» земли, прежде всего, отрицательно встретили пресловутые «отрезки». Общая площадь отрезанных у крестьян земель была исключительно большой – 6778136 дес., что составляло 36,7% того количества земли, которым они владели до реформы. Средний крестьянский надел в губернии сократился с 6,9 до 4,8 дес., количество отрезанной земли было наибольшим из всех губерний нечерноземного центра. В отличие от них в Костромской губернии повинности крестьян, по причине вышеназванных фальсификаций, уменьшались в гораздо меньшей степени, чем уменьшилось землепользование. Это являлось другой важнейшей причиной отказа крестьян подписывать уставные грамоты¹⁵. Ясно, что крестьянство не спешило переходить на выкуп, величина которого определялась, как известно, капитализацией оброка. Значительная часть крестьян-отходников считала временнообязанное состояние более выгодным, нежели переход на выкуп, и результаты первого этапа реформы оказывали тормозящее влияние на ход второго. К моменту принятия закона об обязательном выкупе (28 декабря 1881 г.) в целом по Костромской губернии перешло на выкуп 69,3% временнообязанных крестьян (197707 человек). Остальные 30% – накануне Первой русской революции. Причем только 0,4% из них перешли на выкуп добровольно, из остальных 99,6% – 69,3% по одностороннему требованию помещика и 30,3% на основании обязательного выкупа¹⁶.

Урезанный крестьянский надел, обложенный выкупными платежами сверх его доходности, ставил крестьянское хозяйство в труднейшее экономическое положение; крестьяне не захотели брать отрезанные земли в аренду, ища средства к жизни в городах, на фабриках и заводах. О резком увеличении отхода на заработки свидетельствуют цифры выданных по губернии паспортов и билетов : в 1857 г. – 96,2 тыс., в 1880 г. уже – 162,7 тыс.¹⁷. Свыше 80% всех отходников составляли временнообязанные крестьяне. Развитию товарно-денежных отношений в городе был дан новый толчок, зато резкое увеличение отходничества в костромской деревне способствовало ее неуклонной медленной деградации в пореформенный период. Помещики, лишившись дешевой рабочей силы в лице временнообязанных крестьян и не имея достаточных средств для ведения своих хозяйств на основе вольнонаемного труда, начали свертывать их. В первые пореформенные десятилетия в губернии более чем в два раза сократилась запашка и численность поголовья скота в помещичьих хозяйствах. Усиление

РАЗДЕЛ I

отходнической деятельности повлекло за собой уменьшение размеров крестьянского производства. В результате сокращения крестьянской и помещичьей запашки в губернии обострялась продовольственная проблема. Средний размер урожая в губернии в 1880-е гг. составлял для озимого хлеба «сам-треть», для ярового «сам – треть и ?».

Ход подготовки и проведения реформы в Костромской губернии свидетельствовал о том, что здесь существовал очевидный механизм ее торможения в лице помещиков, навязавших деревне худшие, в сравнении с дореформенными, условия существования, и ограбленное им крестьянство, не желавшее их принимать.

В условиях пробуксовывания реформы роль субъекта ее реализации фактически играл «административный» ресурс самодержавия – институт губернаторской власти. Не случайно, например, в условиях подготовки крестьянской реформы в 1858 г. рассматривался вопрос об учреждении института генерал-губернаторства, чему, правда, не суждено было на ту пору сбыться. Вопрос о преобразовании губернской власти, уже в контексте подготовки реформы местного самоуправления, поднимался в ходе ее разработки в Комиссии «О губернских и уездных учреждениях», созданной в 1859 г. под руководством Н.А. Милютина. Однако, выдвинутые там предложения, шедшие по пути децентрализации, были отодвинуты. В итоге дело реформ было поручено «старой гвардии» губернаторов и старой системе губернской власти. Данное обстоятельство, по мнению одного из ведущих специалистов по проблеме института губернаторства в России Л.М. Лысенко, обуславливало невозможность «провести что-то принципиально новое в каждой отдельно взятой губернии и в стране в целом...». По мнению автора, крестьянская реформа последовательно проводилась всего в нескольких губерниях Калужской, Самарской, Нижегородской, где на губернаторские места удалось поставить людей прогрессивных взглядов. «В остальных губерниях, губернаторы старой закалки либо саботировали реформу, либо всячески вставляли палки в колеса»¹⁸.

Обращение к деятельности костромских губернаторов не позволяет согласиться со столь категоричным утверждением. Сам институт губернаторства, являясь одной из важнейших составляющей иерархии исполнительной власти, частью жесткой системы Министерства внутренних дел, исключал, на наш взгляд, крайние варианты подобной линии поведения. Оставляя в стороне весьма неопределенный ответ на вопрос, являлось ли дело проведения реформы глубоким личным убеждением «хозяев губернии» или за его организацией стояло лишь административное рвение, желание во чтобы то ни стало обеспечить «порядок» на вверенной территории, тем не менее можно утверждать весьма последовательную позицию костромских губернаторов (И.В. Романуса, Н.А. Рутзевича, В.И. Дорогобужинова, Н.Е. Андреевского) в стремлении осуществлять правительственную программу отмены крепостного права в России.

Так, например, в 1858 г., когда началось создание губернских дворянских комитетов для разработки крестьянской реформы, губернатор Романус, как свидетельствовала его конфиденциальная переписка с министром внутренних дел С.С.Ланским, оказал серьезный нажим на костромских землевладельцев, прежде чем те дали согласие на открытие комитета¹⁹. 10 марта 1861 г. И.В. Романус

возглавил начавшее работу Губернское присутствие по крестьянским делам, призванное, по Положению 19 февраля 1861 г., руководить проведением в жизнь крестьянской реформы. Заседания Присутствия в первое время проходили практически еженедельно, информация о содержании их работы публиковалась на страницах «Костромских губернских ведомостей». Впоследствии, вскоре после кончины губернатора Романуса, деятельность присутствия была отмечена «Высочайшим приказом по Министерству Внутренних Дел», в котором было объявлено «МОНАРШЕЕ благоволение»²⁰. Находясь на посту председателя Присутствия, губернатор Романус с самого начала занял позицию «золотой середины», быстро приобретя среди костромских помещиков репутацию «опасного либерала». Помещики, пытавшиеся с помощью разных махинаций лишить крестьян лучших земель или незаконно увеличить их повинности, держали «ответ» перед председателем, не находили поддержки с его стороны, но никогда и не наказывались последним. Во всех спорах между бывшими крепостными и их владельцами И.В. Романус в большинстве случаев советовал идти на частичные уступки в той мере, в какой это было возможно без ущемления интересов дворян, а требования крестьян удовлетворять в той степени, в какой это позволяли сделать законы²¹. В том же духе пытался действовать преемник Романуса, генерал-лейтенант Н.А. Рутзевич. Вступление его в должность Костромского губернатора 27 августа 1861 г. совпало с реализацией важного этапа в осуществлении крестьянской реформы – заключением уставных грамот между помещиками и крестьянами и межеванием земель. Фактически сразу после приезда в Кострому в начале сентября 1861 г., объехав волости Костромского, Макарьевского, Солигаличского уезда, губернатор обратил внимание мировых посредников на медленное заключение уставных грамот, предложив специально обсудить вопрос в губернском присутствии²². В интересах скорейшего подписания грамот, как показывают документы, Рутзевич, стремился учитывать интересы обеих сторон. Так, в имении костромского помещика Безобразова, где была замечена «обременительность» для крестьян издельной (барщинной) повинности, мировому посреднику «было предложено озаботиться» этим обстоятельством и ускорить составление по этому имени Уставной грамоты. Иначе действовал губернатор в деревне Поляны и других селениях княгини Трубецкой Варнавинского уезда, где крестьяне упорно отказывались от подписания грамот. В имение была введена военная команда и губернатор лично отправился для принятия соответственных мер. Однако после полицейского наказания одного главного виновника спокойствие было восстановлено без применения силы. В период составления уставных грамот в губернии по-прежнему имело место крестьянское движение, но было оно настолько слабым, что губернские власти не считали даже нужным сообщать о нем вышестоящим инстанциям. Как отмечалось во всеподданнейших губернаторских отчетах за 1861, 1862, 1863 гг. «в целом по губернии разрешение крестьянского вопроса совершалось самым мирным образом, и, если где и встречались беспорядки, то они большей частью прекращались методами кротости и внушения». За период с июня 1861 г. по декабрь 1863 г. включительно, в Костромской губернии было лишь два случая применения войск в подавлении крестьянских волнений, что являлось одним из самых «низких» показателей такого

рода в стране. Спад волны крестьянского движения в значительной степени был связан с созданием института мировых посредников и органов крестьянского управления, тактикой власти, направленной на преимущественное использование «мирных средств»²³. Любопытно, что на торжественном обеде, устроенном «городским обществом» по поводу отъезда Рутзевича из губернии 2 января 1867 г., подчеркивалось, что дело крестьянской и других реформ осуществлялись в губернии «спокойно, без всяких волнений, без жертв», благодаря «стараниям, светлому и верному взгляду на дело и находчивости» костромского губернатора Николая Александровича Рутзевича²⁴.

Стремился избегать крайних мер в борьбе с такой хронической болезнью губернии, как недобор выкупных платежей крестьянства губернатор Н.Е. Андреевский. Во всеподданнейшем отчете за 1883 г., указывая на принятые им меры, губернатор счел необходимым особо оговориться о том, что «в случае неудовлетворительного поступления сборов, соображаясь со степенью хлебных урожаев, развитием народной промышленности...» он «понуждал и настаивал на принятие полицией указанных в законе мер, ... не прибегая, конечно, к таким крайним понудительным мерам, которые могли бы привести к расстройству и ослаблению крестьянских хозяйств...»²⁵.

Исторический опыт проведения крестьянской реформы в Костромском крае, его сложный, мучительный характер, неоднозначные результаты – все это свидетельствовало о весьма *противоречивом* характере российской модернизации «сверху». Сила сопротивления реформе на местах, в том случае, когда, как в Костромской губернии, в сельском хозяйстве фактически отсутствовали ростки новых форм хозяйствования, приводила к тому, что осуществление отмены крепостного права шло в наиболее тяжелых формах, в качестве единственного субъекта реформы выступал административный ресурс – исполнительная власть. Благодаря губернаторскому нажиму процесс реформирования «худо – бедно» шел, однако при этом рождались такие противоречия, которые действовали в прямо противоположном заданному реформой направлению.

Отмена крепостного права, судебная реформа 1864 г., земская, городская, военная реформы 60-70-х гг. XIX в. существенно повлияли на должность губернатора, уменьшая, увеличивая и вообще изменяя разные стороны деятельности последнего. Отделение суда от администрации почти уничтожило судебную деятельность губернаторов и поставило новые суды вне их влияния. Расширение местного самоуправления в ходе земской и городской реформ привело, с одной стороны, к уменьшению деятельности губернаторов в решении большого массива вопросов, связанных с непосредственной жизнедеятельностью населения, с другой, – к увеличению значения губернатора как органа надзора.

В дореволюционной и советской историографии доминировало мнение, что губернаторы отрицательно относились к новым органам самоуправления, которые отобрали у них часть власти. В уже упомянутой работе Л.М.Лысенко подчеркивается, что некоторая часть прогрессивных губернаторов поддерживали реформы в этой сфере, но большая их часть «скрыто, а то и явно» им противилась, «являясь орудием торможения, а затем и свертывания реформ, а затем и перехода к периоду контрреформ»²⁶.

К сожалению, ограниченность источниковой базы (фонд канцелярии губернатора ГАКО значительно пострадал при пожаре), не позволяет выявить весь спектр проблем, который возникал во взаимоотношениях губернаторской власти с органами местного самоуправления. Имеющиеся данные скорее свидетельствуют о том, что отношения костромских губернаторов с последними характеризовались стремлением губернаторской власти в вопросах, подлежащих их контролю, соблюдать букву закона.

Так, например, в 1865 г. введение в действие принятых первым губернским земским собранием сметы расходов и раскладок сбора на «губернские повинности и мировые учреждения» было приостановлено губернатором Рутзевичем. Основанием к этому являлось, по мнению губернатора, несоблюдение земством закона, в том отношении, что недостаточно учитывалась при размере обложения имуществ величина их «ценности и доходности». Земство настаивало на своей «обязанности сделать раскладки», так как только после этого можно было приступить к выбору председателя и членов управы. Стороны так и не пришли к соглашению, и губернатор Рутзевич после довольно долгих объяснений с собранием окончательное решение вопроса передал в Сенат²⁷.

Преемник Рутзевича на губернаторском посту Николай Ефимович Андреевский вновь столкнулся с «небрежностью» составления земских смет и раскладок. Так, в 1881 г. последние им были опротестованы по 10 уездам. Трудно не согласиться с аргументацией губернатора, который отмечал в своем Отношении, что «сметы доходов по разным уездам составляются весьма разнообразно, с значительным иногда отступлением от установленной законом номенклатуры...», статьи обязательных расходов нередко «зачисляются» в необязательные.

Н.Е. Андреевский, а затем и последующий костромской губернатор В.В. Калачев в своих верноподданнейших отчетах соответственно за 1881 и 1885 годы давали неудовлетворительную оценку деятельности земства, подчеркивая «холодность» отношения земских деятелей к своим обязанностям²⁸.

Подобные жалобы губернаторов на земские органы были не редкостью, но в большинстве случаев они не означали каких-либо заметных трений между ними, были вызваны, в первую очередь, озабоченностью губернаторов качеством работы земских органов, тем более, что Костромское земство, по свидетельству выдающегося историка земства Б.Б. Веселовского, «не проявляло никаких оппозиционных тенденций, ...не осталось чуждо обнаружившейся вскоре реакции»...²⁹. Интересно, что сами земские деятели более позднего периода критически оценивали работу земства в 80-е гг. XIX в., которая в этот период, по их словам, «как бы замирает, почти не имея поступательно-го движения вперед...»³⁰.

Взаимоотношения губернаторской власти с Костромской городской думой, деятельность которой ограничивалась сугубо муниципальными вопросами и не выходила за рамки «Городового положения» 12 июня 1870 г., были вполне конструктивными. К числу вопросов городской жизни, особенно волнующих губернатора, относилась охрана общественного порядка, увеличение жалования и штата полицейских служителей и др., которые в соответствии с «Отношениями»

РАЗДЕЛ I

губернатора, дума рассматривала практически каждый год. Чаще всего стороны находили компромисс³¹.

Одним из наиболее злободневных вопросов жизни города была проблема его санитарного состояния, являвшаяся предметом совместной заботы губернатора и Костромской городской думы. В связи с опасностью распространения в начале 1879 г. эпидемии чумы, 6 и 14 февраля, 6 марта 1879 г. под председательством губернатора Н.Е. Андреевского состоялись первые заседания созданного по его инициативе Губернского комитета общественного здоровья, наметившего ряд предупредительных мер против распространения эпидемии в Костроме и других городах губернии, которые в дальнейшем были утверждены думой и осуществлены на практике³². После того, как опасность уже миновала, «Отношение» губернатора Андреевского от 2 апреля 1880 г. за № 1272 городской думе признавало целесообразным создать в городе особую санитарную комиссию. 10 апреля 1880 г. гласные городской думы согласились с предложением губернатора, создав предварительную комиссию по комплектованию выше предложенного органа³³.

По поручению губернатора городским врачом Иваном Саввичем Ивановым была подготовлена специальная записка о «местностях, где скапливаемая вода, при отсутствии надлежащего стока, причиняет зло имуществу и здоровью городских обывателей». Созданная думой комиссия рассмотрела ее содержание и наметила соответствующие меры; доклад комиссии на заседании думы 10 июля 1880 г. был принят к исполнению³⁴.

Угроза эпидемий, создавая экстремальную ситуацию в губернии, заставляла власть предпринимать шаги по объединению совместных усилий органов городского и земского самоуправления, действовать при опоре на них. Так было, например, зимой-весной 1888–1889 г., в связи с вспышкой дифтерита и оспы. В этой ситуации губернатор Виктор Васильевич Калачев 8 марта 1889 г. созвал специальное совещание представителей местного земства и городской думы, а так же губернской медицинской администрации с участием земских врачей. Выступая на нем, губернатор подчеркнул необходимость выработки предупредительных мер против оспы и других инфекционных болезней и созыва с этой целью совещания врачей г. Костромы. Подготовленные последним рекомендации были включены в обязательные постановления для жителей г. Костромы и утверждены думой на своем заседании 21 марта 1889 г.³⁵.

Предметом совместной заботы как губернатора, так и органов городского самоуправления была проблема противопожарной безопасности. Разрушительный пожар 1887 г. в Костроме, например, побудил губернатора Калачева остро поставить вопрос о совершенствовании пожарного дела. В своем «Отношении» от 11 сентября 1888 г. за № 1872 он предложил «увеличить состав пожарных служителей, лошадей и бочек», а также в помощь городской пожарной команде учредить в г. Костроме пожарное общество, с чем дума согласилась на заседании 20 апреля 1889 г.³⁶.

С обеспечением противопожарной безопасности был связан и вопрос об удовлетворительном водоснабжении населения. Меры, улучшающие и упорядочивавшие работу городского водопровода, не раз принимались в городской думе

в соответствии с «Отношениями» губернатора, в том числе – введение платы за пользование городским водопроводом, устройство парового котла и др.³⁷.

На основании Городового положения 1870 г. губернатор имел право надзора за «законностью» постановлений дум. Возглавляемое им Губернское по городским делам присутствие рассматривало дела по жалобам частных лиц или отношению губернатора о незаконности определений органов городского самоуправления. Жалобы на думу в 70–80-е гг. в наиболее значимых случаях касались несогласия налогоплательщиков с величиной городских сборов, при этом административная власть чаще всего подтверждала правильность определений думы. В этом плане характерно обращение к губернатору в 1884, 1885 гг. г. костромских предпринимателей Шипова и Михина. В каждом случае дума отказала в переоценке городского сбора с их предприятий по одной и той же указываемой причине – «бездоходности» и «временной приостановки» производства. В феврале и сентябре 1885 г. (соответственно) по этим делам Присутствие согласилось с решениями думы и ее мотивировкой о том, что предприятия находятся в черте города и не могут быть изъяты из оценочного сбора, причем оценивается только само помещение, а не промышленные обороты. Обращение в Сенат так же оставило жалобы «без последствий»³⁸. В 70–80-х гг. XIX в. все обязательные постановления Думы с минимальной корректировкой были утверждены губернаторской властью.³⁹.

Городское положение 1892 г., наделив администрацию правом контроля не только над законностью, но и целесообразностью решений органов городского самоуправления, несомненно, усилило вмешательство губернатора в дела думы. Редкое ее заседание обходилось без возвращения к какому-либо опротестованному губернатором решению думы, «проштампованному» губернским по земским и городским делам присутствием. Наиболее «мирно» разрешались вопросы, связанные с утверждением сметы городских доходов и расходов, замечания губернатора чаще всего принимались думой к «руководству и исполнению». Трудно, например, не согласиться с опротестованным губернатором постановлением думы запланировать дополнительные расходы к смете из предполагаемых сборов с «вновь возведенных и капитально отремонтированных недвижимостей г. Костромы» до того, как была произведена их оценка⁴⁰. Были и свидетельства явного «перегиба» в действиях администрации, отменявшей постановления думы, явно не выходявшие за пределы установленной компетенции. Так, присутствие по отношению губернатора 9 января 1898 г. отменило постановление думы о создании комиссии «по наблюдению» за переправками через реки Волгу и Кострому. Гласные оспорили решение в Сенате, который и отменил последнее⁴¹. Как явно «перестраховочное», «одергивающее» излишнюю активность городского самоуправления можно расценить и постановление Присутствия относительно отмены решения Костромской думы 4 апреля 1897 г. об образовании «комиссии о пользах и нуждах» города. Последнее по замыслу гласных должно было сыграть нечто вроде аналитического центра, определявшего перспективы работы. В решении присутствия указывалось, что Городовое положение от 11 июня 1892 г. предусматривает создание лишь двух комиссии – подготовительной и ревизионной. «Но нигде в законе

РАЗДЕЛ I

не содержится указания о том, чтобы городская дума имела право на образование комиссии о пользах и нуждах города, уполномоченная самостоятельно, по собственной инициативе, возбуждать вопросы по означенным предметам, составлять проекты мероприятий, изыскивать средства для выполнения их на практике» (курсив авторский)⁴². Интересно отметить, что когда на повестке дня в 1910 г. остро встал вопрос о подготовке города к празднованию 300-летия династии Романовых ничто не помешало созданию думской комиссии фактически с теми же полномочиями.

Вопрос о взаимоотношениях губернаторской власти и органов самоуправления был одним из ключевых в пореформенном развитии России. Даже в том виде, в каком они сложились в рамках законов о земских учреждениях и городских думах 60–70-х гг. XIX в., а затем 1890 и 1892 годов, все-таки, на наш взгляд, создавался известный минимум условий для решения проблем модернизации жизни российской провинции. В известном смысле слова губернаторская власть была сама «кровно» заинтересована в успешности деятельности органов общественного самоуправления в силу «запущенности» социально-экономической и культурной сфер. Деятельность земств и Костромской городской думы, в целом, соответствовала поставленным перед ними задачам; однако, уровень, масштабность их решения, определялись, увы, общей социально-экономической конъюнктурой в стране и, прежде всего в крае. Опыт деятельности органов местного самоуправления в Костромской губернии показывает известный предел их возможностей на этапе крупных, модернизационных задач, успех в решении которых требовал эффективного взаимодействия с федеральной властью, прежде всего в решении финансовой поддержки наиболее социально – значимых проблем.

Примечания

¹ Горланов Л. Р. Отмена крепостного права в Костромской губернии. Дисс. канд. ист. наук. МГУ, 1972. С. 154–162.; Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы. М., 1958. С. 15.

² ГАКО, ф. 123, оп. 1, д. 1, л. 23–33.

³ Там же, л. 33–35, 56–59.

⁴ Там же, л. 67–86, 212–215.

⁵ Там же, л. 119–147.

⁶ Там же, л. 119–147.

⁷ См. напр.: Скребицкий А., Иванюков И. в работе «Падение крепостного права в России». 2-е изд. Спб, 1903 ; и др.

⁸ Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблотский. Спб, 1861. С. 220, 292, 294; Владимирский Н. Н. Костромская область. Историко-экономический очерк. Кострома, 1959. С. 60.

⁹ Горланов Л. Р. Указ. соч. С. 156.

¹⁰ См. подр.: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 134–135.

¹¹ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонна-Рейне, 1862. Т. 1. С. 14.

Из опыта подготовки и осуществления Великих реформ 60–70-х гг. XIX в.

¹² Там же. Т.3. С. 1282–1291; *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 176–177.

¹³ Костромские губернские ведомости. 1861. № 16. С. 224.

¹⁴ *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 265–267.

¹⁵ Там же. С. 306–307, 348, 412.

¹⁶ Там же С. 404–406.

¹⁷ *Владимирский Н. Н.* Костромская область. Историко-экономический очерк. Кострома, 1959.

¹⁸ *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М., 2001. С. 85–86.

¹⁹ *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 155.

²⁰ *Рязановский И.* Историческая справка по вопросу о проведении крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. в Костромской губернии. Кострома, 1911. С. 11.

²¹ *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 227.

²² Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862. М. ; Л., 1950. С. 205.

²³ Там же. С. 205; *Лысенко Л. М.* Указ. соч. С. 89, 94, 97; *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 250.

²⁴ Костромские губернские ведомости. 1867. № 1 С. 5 об–6 об.

²⁵ Обзор Костромской губернии за 1883 г. Приложение к всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. Б. г. С. 6–7.

²⁶ *Лысенко Л. М.* Указ. соч. С. 89, 94, 97.

²⁷ Костромские губернские ведомости. 1865. № 13. С. 97–98, № 14. С. 119.

²⁸ Постановления Костромского губернского земского собрания очередной сессии 1881 г. Кострома, 1882. С. 65 ; и др; *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. Спб, 1905. С. 303; *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. Спб, 1911. Т. 3. С. 325.

²⁹ *Веселовский Б. Б.* Указ. соч. Т. 4. С. 441–444, 456.

³⁰ Доклад Костромской губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. Кострома, 1918. С. 10.

³¹ Журнальные постановления Костромской городской думы за 1872 год. Кострома, 1873. С. 70.

³² Костромские губернские ведомости. 1879. № 11. 14 марта. С. 115.

³³ Журналы Костромской городской думы за 1880 г. Кострома, 1881. С. 40.

³⁴ Там же. С. 78–82; Журналы Костромской городской думы за 1881 г. Кострома, 1882. С. 83; Журналы Костромской городской думы за 1882 г. Кострома, 1883. С. 97–99.

³⁵ Журналы Костромской городской думы за 1888 г. Кострома, 1889. С. 176–177; Журналы Костромской городской думы за 1889. Кострома, 1890. С. 17–23.

³⁶ Журналы Костромской городской думы за 1889 г. С. 41; Журналы Костромской городской думы за 1891 г. Кострома, 1892. С. 135.

³⁷ Журналы Костромской городской думы за 1889 г. С. 23, 27; Журналы Костромской городской думы за 1890 г. Кострома, 1891. С. 35 ; и др.

³⁸ ГАКО, ф. 144, оп. 1, д. 318, с. 76–77, 199.

³⁹ Там же. С. 40 об. ; и др.

⁴⁰ См., например: Журналы Костромской городской думы за 1897 г. С. 130–131.; То же за 1898 г. С. 38; То же за 1899 г. С. 188.

⁴¹ Отчет Костромской городской управы за 1899 г. С. 185.

⁴² Журналы Костромской городской думы за 1897 г. С. 123–124.

В. М. Марасанова
*Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова*

**МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(на примере Верхневолжского региона)***

В пореформенный период правительство стремилось укрепить государственный аппарат в центре и на местах и усилить связь коронной администрации с населением¹. Основным недостатком правительство считало «слишком слабое влияние на ход местного управления, и потому усиление сего влияния должно быть главной целью предстоящих преобразований. В основу организации местного управления должно быть положено начало единства власти. Все местные учреждения должны быть учреждениями правительственными, находящимися в связи с центральной правительственной властью»².

Административно-территориальное деление страны во второй половине XIX в. не претерпело существенных изменений. Российская империя разделялась на губернии, области и градоначальства³. Правительство продолжало курс на сокращение числа «посредников» между центральной и местной властью. К концу XIX в. в России оставалось 10 генерал-губернаторств: 9 из них располагалось на окраинах государства, а десятое – в Москве⁴. На территории Европейской России находилось 48 губерний и 2 области⁵. Только 9 губерний сохранили свои границы со времени губернской реформы 1775 г., в том числе все четыре верхневолжские губернии – Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская. Каждая губерния состояла из уездов и городов. В ходе крестьянской реформы вводилось распределение уездов на волости – единицы сословного крестьянского управления. В волости объединялись «селения крестьян и прочих сельских обывателей»⁶. К примеру, по Ярославскому уезду распределение на волости было утверждено 17 июня 1861 г., а всего в губернии было образовано 164 волости⁷. Министр внутренних дел П.А. Валуев в докладе императору от 1 сентября 1861 г. сообщал, что в Тверской и Костромской губерниях волости окончательно образованы, «кроме некоторых мировых участков» в последней⁸. Деление Костромской губернии на волости завершилось к началу 1870-х годов, когда в 12 уездах было создано 269 волостей. В конце XIX в. в этой губернии ликвидировали 11 волостей, но еще 6 создали, и в итоге получилось 264 волости⁹.

Реформа 1861 г. наложила на трехзвенное деление губерния – уезд – волость сеть округов: военного, учебного, судебного, путей сообщения, полицейского управления, фабричной инспекции и акцизный. Военные округа стали не просто органами строевого управления войск, но и местными структурами Военного министерства. При этом власть крупных администраторов значительно выросла. Так, московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков координировал

* Исследование выполняется при поддержке Гранта Губернатора Ярославской области в сфере науки и техники на 2008– 2009 гг.

деятельность по борьбе с антиправительственными выступлениями в Московском военном округе, объединявшем центральные губернии России.

Механизм взаимодействия высших, центральных и местных учреждений сохранил основные элементы дореформенного периода. Александр II и Александр III продолжили практику поездок по стране с целью ознакомления со страной и своими подданными, а также для проверки деятельности административных и правоохранительных учреждений в провинции. Например, Александр II трижды приезжал в Тверь при губернаторе П.Т. Баранове, что было показателем особого расположения императора к «начальнику губернии» (1858, 1860, 1862 гг.)¹⁰. Специально к поездкам императоров собирались статистические сведения, которые затем поступали в канцелярию МВД¹¹.

Костромскую губернию за вторую половину XIX в. представители царствующего дома посещали пять раз. В 1863 г. в Костроме побывали цесаревич Николай Александрович, великие князья Александр Александрович и Владимир Александрович, в 1883 г. – великие князья Николай Николаевич ст. и Петр Николаевич, в 1897 г. – великий князь Сергей Александрович. В 1888 г. Костроме посетил Александр III с супругой и наследником престола великим князем Николаем Александровичем¹².

Личные контакты с губернаторами поддерживали министры внутренних дел. Дневник П.А. Валуева зафиксировал его многочисленные встречи с губернаторами. Многие важные вопросы решались не только на встречах в министерстве, но и при неформальном общении на обедах и вечерах¹³. Связи губернаторов и министра внутренних дел во многом зависели от позиции последнего. Так, И.Л. Горемыкин мало общался с губернаторами. А.В. Богданович 8 февраля 1898 г. привел в дневнике слова мужа о том, что «с губернаторами Горемыке нет времени говорить, их выслушать. Когда тульский Шлиппе ему сказал, что его заботит голод в этой губернии, Горемыкин ему отвечал: «Охота вам думать о корме для этих «скотов», т.е. мужиков»¹⁴.

В пореформенный период заметно сократилось проведение сенаторских ревизий. Если за первую половину XIX в. прошло 85 ревизий, то за вторую – только 21. При Александре II было отправлено 18 сенаторских ревизий, а при Александре III всего 3. Законодательная основа проведения сенатских ревизий основывалась на инструкции от 17 марта 1819 года. Новая инструкция от 22 сентября 1880 г. включила 49 статей об обязанностях сенаторов по проверке учреждений МВД, а также ряда министерств: финансов, юстиции, государственных имуществ, народного просвещения и путей сообщения. В верхневолжском регионе за вторую половину XIX в. состоялось только 2 сенаторских ревизии. В 1861 г. А.Х. Капгер I-й ревизовал Владимирскую и Калужскую губернии. В 1871 г. сенатор А.Н. Шахов посетил Костромскую губернию для ревизии старых судов и проверки введения новых судебных уставов¹⁵.

Местные учреждения в каждой губернии различались: «1) предметами их ведомства; 2) пространством земли, на котором действие управления распространяется и 3) степенью власти их в разрешении дел»¹⁶. По второму основанию выделялись учреждения губернские, уездные, городские, участковые, волостные и сельские. Губернское звено управления по «Своду законов» 1892 г. представляли

РАЗДЕЛ I

«Губернатор, Губернское Правление, Статистический Комитет, Губернское по земским и городским делам Присутствие или Губернское по городским делам Присутствие, Губернское по крестьянским делам Присутствие, Губернское по воинской обязанности Присутствие, Губернское по питейным делам Присутствие, Казенная Палата, Губернский Распорядительный комитет, Управление Государственных имуществ»¹⁷.

Главой местного управления являлся губернатор. После реформ 1860–1870-х гг. губернаторы потеряли право «ревизии» судебных дел, в их ведение не попали контрольные палаты, губернские акцизные управления и некоторые другие учреждения, однако их реальную власть это практически не уменьшило. По «Общему учреждению губернскому» обязанности губернатора перечислялись в 62 статьях¹⁸. В 1880-е гг. губернатор вновь получил право влияния на суд (просмотр списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, списков присяжных заседателей). Согласно принятому 14 августа 1881 г. «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» на местах Комитетом Министров могла вводиться чрезвычайная охрана сроком до трех лет. При этом губернатор мог закрывать различные собрания и заведения, а также подвергать штрафам, арестам и высылке подозрительных лиц. МВД уделяло большое внимание «точному исполнению циркуляра министра о доставлении губернаторами еженедельных записок о событиях в губернии»¹⁹.

Необходимо было испрашивать «согласия губернатора на определение и перемещение чиновников и других лиц по разным ведомствам»²⁰. К примеру, тверской полицмейстер докладывал губернатору А.Н. Сомову о проверке политической благонадежности претендентов на различные должности, например, при назначении чиновников в Казенную палату и Губернское правление, при поступлении на работу преподавателей в учебные заведения и земских служащих²¹. Канцелярия МВД вела дела «о доставлении гражданскими губернаторами сведений о лицах, рекомендуемых к назначению на административные должности»²². Секретный циркуляр МВД от 3 июня 1897 г. предписывал губернаторам «сделать распоряжение об объявлении всем лицам, состоящим во вверенной Вам местности под надзором полиции, что со всякими ходатайствами и заявлениями следует обращаться к Начальнику губернии, от коего будет зависеть дальнейшее направление дела»²³.

При губернаторе находились канцелярия и чиновники особых поручений. В частности, при губернаторах в верхневолжских губерниях служили по четыре чиновника особых поручений. Канцелярией руководил правитель, она вела делопроизводство по следующим направлениям – «переписка по обозрению губернии, составлению годовых отчетов; переписка по делам земства и о дворянских выборах, выдачи заграничных паспортов и других срочных видов; производство дел по губернским по воинской обязанности присутствиям и переписка с военным начальством по движению и употреблению войск; переписка по делам печати; дела, требующие тайны»²⁴. Как правило, при смене губернатора вскоре следовала замена правителя канцелярии.

Правитель канцелярии губернатора имел трех помощников – двух старших и младшего либо одного старшего и двух младших. Кроме того, в штате

канцелярии был регистратор. Во второй половине XIX в. состав канцелярии ярославского губернатора постоянно составляли 9 человек. В канцелярии владимирского губернатора в пореформенный период служили 7 – 9 человек. В 1870-х гг. в канцелярии костромского губернатора появились новые отделения вместо столов, их функции были определены более четко, хотя начальников у каждого отделения первоначально не было.

Губернское правление в структуре правительственных учреждений определялось как «высшее в губернии место, управляющее оною в силу законов, именем Императорского Величества»²⁵. Губернское правление уже не имело прав самостоятельного учреждения, а являлось исполнительным органом губернатора. Компетенция губернских правлений была сходна с канцеляриями губернаторов, но в результате буржуазных реформ заметно сократилась. В 1863 г. появились независимые от губернских правлений акцизные управления, а после 1866 г. стали ненужными финансовые ревизии губернских правлений. У губернского правления осталась обязанность следить за деятельностью должностных лиц и применять к ним меры поощрения или наказания²⁶. Некоторые вопросы губернские правления рассматривали коллегиально. Это дела по правам личным и по имуществу, а также дела, «сопряженные с казенным или общественным интересом, или касающиеся благосостояния губернии или отдельных обществ, хозяйственные строительные дела»²⁷.

В начале 1860-х гг. Комиссия о губернских и уездных учреждениях разработала проект преобразования губернских учреждений, направленный на ликвидацию дублирования в деятельности губернских правлений и канцелярий губернаторов. Согласно проекту «О преобразовании губернских учреждений ведомства МВД» в губернские правления должны войти врачебные управы, комитеты общественного здоровья и оспенные комитеты, и одновременно должно сократиться их делопроизводство. Эти предложения Государственный Совет одобрил в 1865 году. Он также постановил образовать строительные отделения в составе губернских правлений взамен упраздненных строительных и дорожных комиссий. В том же году эти постановления утвердил император Александр II. В итоге речь шла не о слиянии губернских правлений и канцелярий губернаторов, как предлагали губернаторы, а только о более четком распределении их функций.

Каждое губернское правление состояло из общего присутствия, канцелярии и нескольких отделений. Председателем общего присутствия являлся губернатор. В 1865 г. при губернских правлениях региона появились строительные отделения во главе с губернскими инженерами. Инструкция МВД «О некоторых изменениях и улучшениях в устройстве и штатах губернских учреждений» (1865 г.) предусматривала создание пяти отделений в канцелярии губернских правлений. Из них три сохранили прежнюю компетенцию, четвертое отделение было строительным, а пятое врачебным.

Новые штаты губернских правлений 1876 г. не содержали принципиальных изменений. В составе губернских правлений сохранились два распорядительных отделения, а также врачебное, строительное и межевое отделения. В 1890 г. в большинстве губернских правлений было добавлено шестое тюремное отделение, а в 1897 г. – седьмое ветеринарное. Однако, например,

в Ярославском губернском правлении ветеринарное отделение не выделялось вплоть до начала XX века. В качестве особого подразделения губернского правления действовала губернская типография. Губернский землемер возглавлял чертежное отделение, которое к концу XIX в. стало называться межевым. Во Владимирской губернии до конца века это отделение называлось Губернской чертежной. В состав общего присутствия губернского правления входили вице-губернатор, советники, губернский врачебный инспектор, губернский архитектор, губернский землемер, тюремный инспектор, губернский инженер и губернский ветеринар, то есть руководители всех отделений. Кандидатуры советников губернского правления подбирал министр внутренних дел и назначал император. Ежегодные отчеты губернские правления представляли для рассмотрения губернатора в его канцелярию.

В 1875 г. Государственный Совет рассматривал проект «Об изменении в составе губернских правлений и губернаторских канцелярий». Он предполагал сокращение чиновников в губернских учреждениях и увеличение жалованья для оставшихся. Государственный Совет решил не устанавливать предельной суммы прибавок к окладу чиновников и высказался против права министра внутренних дел увольнять по своему «благоусмотрению» вице-губернатора, двух советников губернского правления, врачебного инспектора, губернского инженера, губернского архитектора и правителя канцелярии губернатора. В 1876 г. этот проект утвердил император Александр II. Министру внутренних дел предоставлялось право сокращать состав чиновников губернских правлений и канцелярий губернаторов. Освободившиеся денежные суммы оставались как прибавки к жалованью. Данные мероприятия служили показателем того, что правительство перешло от законодательной к административной регламентации порядка деятельности и состава губернских правлений и канцелярий губернаторов.

Последний всплеск внимания правительства к проблемам местного управления произошел, когда в 1881 – 1885 гг. работала комиссия под председательством статс-секретаря М.С. Каханова. Она обсуждала вопрос об объединении деятельности местных административных учреждений и о расширении их компетенции за счет центральных учреждений. Были получены отзывы 30 губернаторов об устройстве местного управления, и 26 из них высказались за упразднение губернских правлений, но все эти предложения остались нереализованными. В 1885 г. материалы «упраздненной Особой комиссии для составления проектов местного управления» поступили в архив МВД²⁸.

В 1866 г. губернаторы получили право ревизии всех гражданских учреждений губернии независимо от ведомства. Такие ревизии были довольно регулярными во всех губерниях. К примеру, в 1873 г. тверской губернатор А.Н. Сомов ревизовал присутственные места и другие учреждения в уездных городах своей губернии и посетил за время своей поездки города Бежецк, Торжок, Калязин и Кашин²⁹.

Управление уезда оставалось в руках местного дворянства. Дворянские сословные учреждения не претерпели существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом. Уездный исправник назначался губернатором из дворян. Двух дворянских заседателей в уездное полицейское управление избирало уездное дворянское собрание. Уездный предводитель дворянства председателем

ствовал в уездных присутствиях и комитетах, которые часто играли роль исполнительных инстанций для губернских органов.

В целом, следует отметить, что без создания новых губернских учреждений (присутствий, комитетов, комиссий) губернаторы, их канцелярии и губернские правления не смогли бы с должной оперативностью следить за деятельностью вновь создаваемых в результате реформ 1860–1870-х гг. органов управления и самоуправления. Верхневолжские материалы показали, что наименее приспособленными к работе в новых условиях оказались губернские правления. Канцелярии губернаторов работали более оперативно и постепенно сосредотачивали делопроизводство по наиболее важным вопросам. Многие губернаторы настаивали на ликвидации губернских правлений, но данная мера не была реализована.

В результате появления новых губернских учреждений в системе МВД численность чиновников в них выросла на протяжении столетия в 1,7 раза и достигла к концу XIX века по всем четырем верхневолжским губерниям 500 человек (при общем населении региона свыше 4 млн. человек). Строго иерархическая система губернских учреждений не ограждала рядовых чиновников от произвола местного начальства и в то же время не создавала реального механизма защиты всех слоев населения от притеснений бюрократической системы. Полное отсутствие контроля со стороны общества за губернскими органами управления и эффективной системы «сдерживаний и противовесов» административного произвола при неразвитости институтов правового государства в России создавало опасность серьезных социальных потрясений. Реформы, разработанные либеральной бюрократией, на местах реализовывались чиновничеством во главе с губернаторами, имевшими в основном весьма консервативные взгляды. Большая часть губернского чиновничества оставалась верна традиционным политическим устоям и абсолютной монархии. В этом, с одной стороны, был залог устойчивости традиционной государственности и, с другой стороны, неизбежность конфликтов и сложностей в реализации реформ. Поэтому, сделав первый шаг к конституционному строю и гражданскому обществу, Россия оказалась еще не готовой к таким кардинальным переменам, и они были отложены до первой российской революции.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Давыдова Г.* Губернатор. Вся власть в его руках // Губернский дом. Кострома, 1997. № 1. С. 17–20; *Рябинин А. Н.* Территориальные изменения верхневолжских губерний: история и современность // Вестник Костр. гос. пед. ун-та. 1997. № 2. С. 9–11; *Тверские губернаторы.* Тверь, 1996; *Шумилов М. М.* Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50-х – 80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Спб., 1999. С. 187 – 199; и др.

² Министерство внутренних дел: Исторический очерк. Спб., 1902. С. 173.

³ Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Спб., 1876. Т. 2. Ч. 1. Гл. 1. Ст. 3.

⁴ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях / сост. В. Кривенко. Спб., 1889. С. 53.

⁵ Военно-статистический сборник. Вып. IV: Россия. Спб., 1871. С. 6.

⁶ Общее учреждение губернское. Ст. 7, 8.

РАЗДЕЛ I

⁷ Ярославские губернские ведомости. 1861. 31 авг. № 35. Офиц. часть.

⁸ Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 гг. М. ; Л., 1950. С. 67.

⁹ Справка об изменениях административно-территориального деления Костромской области (губернии) // ГАКО: Путеводитель. Кострома, 1962. С. 284.

¹⁰ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 7706, л. 1; и др.

¹¹ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 155, л. 1–35.

¹² *Навоев П. Е.* Описание Костромской губернии: Опыт родинovedения. Кострома, б. г. С. 32.

¹³ *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. 1861–1868 гг. // Александр Второй: Воспоминания, дневники. Спб., 1995. С. 164, 183; и др.

¹⁴ *Богданович А. В.* Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 223.

¹⁵ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 4. С. 181, 513–516.

¹⁶ Общее учреждение губернское. Ст. 10.

¹⁷ Общее учреждение губернское. Ст. 14.

¹⁸ Общее учреждение губернское // Свод законов. 1876. Т. 2. Ч. 1. Гл. 3. Ст. 493–657.

¹⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 25, л. 1–24.

²⁰ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 14613; 14689; и др.

²¹ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 14689, л. 102, 137; и др.

²² РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 78, л. 1–66; и др.

²³ ГАЯО, ф. 288, оп. 1, д. 932, л. 1.

²⁴ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. С. 178.

²⁵ Там же. С. 179.

²⁶ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 14584, л. 1–3.

²⁷ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. С. 179.

²⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 26, л. 1–6; и др.

²⁹ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 18291–18295.

Н. Г. Карнишина

Пензенский государственный университет

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

В методологическом плане при изучении русской истории периода подготовки и проведения системных реформ, на наш взгляд, помимо многообразия объективных факторов исторического процесса и особенностей российской модернизации необходим учет такого малоизученного аспекта реформаторского процесса, каким является наличие исторически сложившегося в России водораздела между столицей и провинцией и тех каналов взаимосвязи между ними, степень эффективности которых, в конечном счете, определяла успешность продвижения реформ на местах. При наличии множества конкретно-исторических причин и предпосылок той или иной реформы или революции в России фактор

© Н. Г. Карнишина, 2009

разделения страны на столицу и провинцию мы относим к постоянно-действующему, влияющему на темпы и успешность модернизационного процесса как в столице, так и в провинции.

Использование парных терминов «центр-периферия» и «столица-провинция» открывает новые возможности в понимании ценностной природы обоих понятий, как равновеликих и равноценных. Понятие «центр» (от лат. *centrum* средоточие) понимается нами как место сосредоточения какой-либо деятельности, органов управления, имеющего административное, культурное и т.п. значение для страны. Применительно к России второй половины XIX в., отчасти и как итог правления Николая I, понятие «центр» все более наполняется значением бюрократической столицы централизованного государства. Эта тенденция не утратила своей актуальности в период реформ 1860–1870-х гг. в силу опоры на чиновничество и на этапе подготовки, и на этапе проведения преобразований в центре на местах.

Термин «периферия» (от греч. *periphēgia* окружность, окраина округлой плоскости, все части, удаленные от середины, периферический, к окраине относящийся) понимается нами как местность, внешняя по отношению к центру. В свою очередь, понятие «периферия политики» трактуется нами как субъект воздействия со стороны центральных органов управления. При этом необходимо учитывать, что периферия далеко не всегда слепо подчиняется центру, в свою очередь, стремясь к самодостаточности. Данное стремление могло принимать организационные формы, а могло быть неосознанным, инстинктивным, особенно на уровне общественных настроений, что особенно выпукло просматривается в период реформ, когда растет поведенческая активность и повышается интерес к политике в целом у большинства населения.

Формы коммуникации между центром и периферией понимаются нами как исторически сложившиеся каналы взаимодействия столицы и провинции, которые оказывают определяющее воздействие на формирование общественного мнения, находящегося за пределами индивидуальных предпочтений и представлений социальных групп. Исследование взаимодействия власти и общества на уровне «центр – периферия» открывает, на наш взгляд, новые возможности именно в плане сравнительного анализа общественной среды, включая общественные настроения, политические предпочтения представителей разных сословий и устойчивых профессиональных групп.

В России условия для укрепления сплоченных профессиональных групп были созданы в эпоху Великих реформ. В первую очередь этот процесс наглядно проявился в среде бюрократии, особенно высшего и среднего звена. Важнейшими элементами самоопределения профессионалов стали: высшее образование, групповые интересы, профессиональные объединения, сотрудничество с периодическими изданиями. Выделение в чиновничьей среде группы «просвещенных бюрократов» явилось закономерным этапом в этом процессе.

Анализ реакции провинции на «вызовы времени» позволяет расширить исследовательские рамки изучения предпосылок, характера и последствий реформ и отойти от рассмотрения этой проблемы на уровне или только политической элиты, сконцентрированной в столицах (бывшей столице – Москве

РАЗДЕЛ I

и бюрократической столице – Петербурге), или оперирования широкой парной категорией «власть – общество». На наш взгляд, признание многофакторности российского общественно-политического процесса (особенно при изучении таких исторически значимых реформ, как отмена крепостного права, земская и судебная), при установлении жесткой прямой взаимосвязи между содержанием и своеобразием реформ и волевыми усилиями государственной власти, дает возможность исследовать пути продвижения реформ на места и те факторы, которые объективно и субъективно воздействовали на их успешность. Включение в исследование историко-коммуникативного аспекта, предполагает анализ содержания и эффективности воздействия на общество информационных потоков по периметру «центр-периферия» и путей взаимосвязи столицы и провинции.

Применительно к периоду второй половины XIX в. можно говорить о следующих коммуникационных путях взаимодействия центра и периферии: бюрократический (деловая переписка, ревизии Сената, официальные периодические издания, деловые и частные поездки сановников); конфессиональный (иерархическая структура Русской Православной Церкви и ее делопроизводство, проповедь, паломничество, духовная печать, поездки архиереев по обзору епархии). Большую роль в информационно-коммуникативном воздействии имела периодическая печать, которая на протяжении второй половины XIX в. наращивала свое влияние и в столице, и в провинции. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают устные формы передачи информации, доминирующее положение среди которых занимали социальные слухи. В крестьянской среде России преобладали устные формы передачи информации (слухи, рассказы ходяков), что подтверждает вывод о зависимости средств коммуникации от характеристик и предпочтений социальных групп.

Словесные характеристики в этой связи сохраняют свою значимость в силу их влияния на место человека в социальной структуре и влияют на открытость политической информации при учете наличия у представителя любого сословия собственных критериев отбора значимой для него информации. От социальных характеристик, в свою очередь, зависит степень доступа индивида к социальному потоку информации, связанной с политикой. Таким образом, политическая информация находится на пересечении индивидуальных целей граждан и источника информации, обусловленного средой.

Пространственно-территориальный подход к исследованию власти и политики предполагает также изучение пространственной форм уже не просто как поля размещения социальных и политических процессов, а с более функциональной стороны, т.е., как нечто формирующее эти процессы, в которых осуществляются политические процедуры, имеющие конкретное, чаще всего заданное пространственное измерение.

Сама структура политического пространства, не совпадающая с геометрией географического пространства, так или иначе, формирует центр политического влияния, варьирующегося не только периферийно, но во времени и в политической среде. Применительно к изучению истории России 1850–1890-х гг., учет наличия разноравности политического пространства ставит на первый

план анализ направленности и эффективности информационно-коммуникативного воздействия из центра на периферию.

Основу пространственно-территориального подхода, на наш взгляд, составляет понятие «политическая периферия» и, как следствие, отношения центра политического пространства и периферии. Термин «периферия» или близкое ему по смысловому содержанию, более распространенное в нашей историографии, понятие «провинция» понимается нами как вся территория государства, за исключением столиц. При этом, проблематика «центр-периферия» выходит за рамки исследования лишь феномена исторического пространства политики, включая в себя аспекты иерархических, ролевых, функциональных, информационных характеристик, неизбежных при анализе взаимодействующих объектов.

Англо-американская традиция при определении термина «периферия» исходит из противопоставления ей центра как носителя потребителю институтов власти (экономической, правительственной, политической, военной) и создателя культурных символов. Провинция расценивается как «место действия» центральной власти, а не как равноправный участник общественно-политического процесса. При этом, периферия рассматривается как многообразное явление и различается по степени периферийности¹. В данном случае авторы придают гипертрофированное значение роли политического центра, инициирующего все новое, без учета эффекта обратной связи и ответного воздействия со стороны периферии, усиливая значение ее «вторичности». На наш взгляд, диалог со столицами, оживившийся под воздействием реформ 1860–1870-х гг., строился именно на информационно-культурном поле. В противовес трактовке периферии как «застывшей» хранительнице традиционной культуры, враждебно настроенной к столице и ее влиянию, мы рассматриваем русскую провинцию второй половины XIX в. как особое пространство, чутко реагирующее на «новые веяния эпохи».

При анализе пространства политики пореформенной России мы исходим из понимания понятия «провинция», как многоуровневой целостности, подразумевая под «провинциальным» не оценочную характеристику (в сравнении со «столичным»), а то, что относится не к столицам. Многоуровневая природа «провинции» предполагает учет многообразия региональных особенностей, как относительно устойчивых черт, присущих части территории страны, и локальных черт, т.е. свойственных данной местности, но не выходящих за ее пределы.

Неоднородность российской провинции строится и на степени территориальной приближенности к столицам – Петербургу и Москве, как источникам политических, социальных и культурных новаций. В этом плане различают «ближнюю провинцию» и «отдаленную», «провинцию третьей ступени». Как локальный вариант состояния «центра-периферии» в социокультурном плане выделяют «городскую», «негородскую» (полугородские формы пригородов) и «сельскую» (традиционную) провинцию².

На характер моделей провинции влияли: специфика колонизации той или иной территории, ее пограничное положение, конфессиональные, этнические особенности, степень удаленности от политического центра, демографическая ситуация.

РАЗДЕЛ I

Применительно к России учет фактора политического участия имеет принципиальное значение, как по социальной направленности реформ, так и по динамике развития массовых настроений в обществе, которые, на наш взгляд, прошли эволюцию от «завышенных ожиданий» середины 1850-х гг. до «усталости от политики» к концу 1880-х гг.

Учет наличия дихотомии «центр-периферия» позволяет изучать динамику массовых политических представлений и настроений, особенно в контексте модернизационного процесса без проведения жесткой грани между традиционным и современным обществом, что всегда представляло определенную сложность при изучении реформ в России как переходного политического процесса. Использование термина «переходный процесс» методологически оправдано применительно к 1850-1880-м гг. при условии его расширительного толкования как критического состояния локализованных общественных систем, в котором происходят существенные и устойчивые изменения, в том числе и их пространственно – временных характеристик.

Учет волевой сферы коммуникативного воздействия с признанием наличия дистанции между его субъектом и объектом позволяет значительно расширить методологические возможности исследования именно пространственных и временных характеристик политического процесса. Основу в данном случае составляет традиционное мировоззрение, опирающееся на культурное оформление элементов архаического мышления, эмоциональное восприятие действительности. Эмоциональное восприятие обыденной жизни, будучи субъективным по своей природе, перерастает в осознание интересов и своего места в цепи происходящих событий.

Генезис массового сознания от обыденных представлений до сложившегося общественного мнения является сложным процессом трансформации массового сознания, ускоряющегося в период системных реформ.

Взаимосвязь обыденного и общественного уровней сознания просматривается в категориях «настроения», «симпатии», «слухи». Социальные слухи в России всегда являлись отражением интерпретации событий тем или иным сословием. Примером является трансформация социальных слухов в крестьянской среде в ходе подготовки и проведения реформы 1861 г. по отмене крепостного права. Даже не ставя себе напрямую задачу ответа на вопрос: «Как видится реформа из окна деревенского дома?», в ходе изучения путей трансляции информации из центра на периферию исследователь неизбежно выходит на проблему различий в предпочтениях источников информации и интерпретации событий у различных сословий. Применительно к крестьянству нами выявлено явное предпочтение неформальных источников информации.

Слухи выполняют функции адаптации, осмысления обществом новаций, попыток установления контроля над угрожающими изменениями реальности, ориентирования и стандартизации коллективного поведения. Социальный слух – это вневременной, всепроникающий механизм, оказывающий существенное воздействие на социальные взаимодействия. Будучи неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации, социальные слухи дополняли, а иногда и замещали официальные источники информации. Социальные слухи

различаются по содержанию, по типу происхождения, по отношению к реальности, по эмоциональной насыщенности, по степени охвата населения, по доминирующему каналу распространения, по уровню устойчивости и степени достоверности информации.

Мы рассматриваем социальные слухи и в информационном, и в коммуникативном плане, считая, что столь широкое распространение их в политическом пространстве России было связано не только с переходным состоянием развития общества, но и с устойчивыми характеристиками информационного поля страны в целом.

Социальные слухи выступают, по нашему мнению, полноценной составляющей информационного поля. Информационное поле мы понимаем как динамическую модель природного и социального окружения, которая позволяет осуществлять реализуемые с той или иной степенью вероятности прогнозы развития событий. Такой подход позволяет исследователю снять проблему взаимодействия индивидуальной и социальной природы информации в условиях слабости информационных и коммуникативных возможностей столичной и провинциальной печати России второй половины XIX в.

Анализ механизма взаимодействия и взаимовлияния столицы и провинции России позволяет исследователю по-новому переосмыслить общественно-политические, культурные, социально-экономические характеристики того или иного периода российской истории

Примечания

¹ Social justice and theory. L., 1973, P.11; *Olsen M.* Political powerlessness as reality // Theories of alienation. Leiden, 1976; *Lewin K.* The Dynamic theory of personality. N.Y., 1967; *Deutch M.* Field theory in social psychology. N.Y. 1968.

² *Афиани В. Ю.* Мир русской провинциальной культуры // Русская провинциальная культура XVII–XX вв. М., 1993. С. 15022.

А. О. Ершова

*Костромской государственной
университет имени Н.А. Некрасова*

КОСТРОМСКОЕ УЕЗДНОЕ ЗЕМСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Земства в России как выборный орган местного самоуправления были созданы в 1864 году в результате реформ государственного управления. В Костроме Губернский комитет о земских учреждениях был открыт 10 июля 1864 года. По положению 1 января 1864 года земства создавались «для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам», «которые, составляя потребность преимущественно местных жителей, имеют в то же время и государственное значение»¹. Так же отмечалось, что земские собрания должны собираться раз в год, и заседать в течение 10 дней

РАЗДЕЛ I

на уездном уровне и 20 дней – на губернском. В случае необходимости сроки заседаний могли быть продолжены.²

Таким образом, земств создавались для заведывания хозяйством, еще важнее было решение задач государственного значения, то есть содержание местных органов власти, включая сюда полицию и жандармерию, квартирная, дорожная, этапная и другие повинности. В связи с этим не стоит упрекать земства первых десятилетий в том, что они не заботились о народном образовании и здравоохранении. Эти расходы были «необязательными», а, следовательно, финансировались они по остаточному принципу. В реальности же на них просто не оставалось и без того малых средств, которые находились в распоряжении земства. Но как, ни странно впоследствии именно эти направления и стали приоритетными в деятельности земства.

На заседании, посвященном полувековому юбилею Костромского уездного земства, выступавшие отмечали три главных, по их мнению, направления в деятельности земства: «экономическое процветание, просвещение, в самом обширном смысле этого слова и здоровья населения». При этом подчеркивалась необходимость компасного решения этих задач: «Глубокою иронией были бы заботы о насаждении просвещения там, где непрестанно слышится вопль» есть хочу» и не находит удовлетворения; что мало полезен капитал, где царит тьма и невежество; что горькие чувства вызывает забота о просвещении и экономическом процветании края, когда видишь, что о здоровье населения, о мерах к ограждению его от повальных болезней не думают, не беспокоятся».

Можно говорить о том, что при открытии первых земских собраний не наблюдалось в общем, той торжественной обстановке, которую можно было бы ожидать, принимая во внимание то, как это преподносилось в прессе и передовых слоях общества.³

Первое Костромское уездное земское собрание было открыто 16 февраля 1865 года. Собрание состояло из 50 гласных, которые избирались по специальной избирательной системе – от трех курий: 1) «землевладельцы всех сословий», 2) «горожане», 3) «сельские общества». Из пятидесяти гласных от землевладельцев было 25 человек, от городов – 10 человек и от сельских обществ – 15 человек.⁴ Пятьдесят первым членом собрания был председатель собрания. Эта должность была не выборная, ее занимал предводитель уездного дворянства (в губернии соответственно губернский предводитель дворянства). Следует уточнить, что на первое собрание явилось 45 человек, а председателем собрания был уездный предводитель дворянства А. А. Пушкин.⁵

Первым же вопросом, который был поставлен на первом собрании земства. Был вопрос об учреждении исполнительного органа уездного земства – уездной управы, и вопрос определения ее финансовой основы, финансового обеспечения. В результате уездная управа была открыта 2 марта 1865 года в составе нескольких человек. Председателем управы был избран Н. Н. Прохоров (эта должность была выборной – председатель избирался из числа гласных собрания), а членами управы были выбраны Н. К. Бошняк, Г. Д. Солодовников и В. М. Шипов, а «кандидатом к ним» П. Е. Логовский. Финансовое обеспечение определялось в следующих суммах: жалование председателю – 1500 руб., членам – по 1000 руб. и на содер-

жание канцелярии, которая так же учреждалась при управе, – 1000 руб.⁶. Дела в управу принимались дежурным членом с 11 часов утра до 2 часов дня ежедневно, а собрания по обсуждению этих дел проходили 2 раза в неделю – в субботу и в понедельник.

В отличие от других уездов губерний, в Костромском уездном земстве не была создана такая организация как статистическое общество, по крайней мере, ни в отчетах управы и собраний, ни в периодической печати не встречается указаний на такое общество.⁷ Но есть свидетельства того, что уездная управа занималась «некоторым» сбором статистических данных. В 15 номере «Костромских Губернских Ведомостей» от 17 апреля 1865 года напечатано обращение Костромской уездной управы ко «всемь, сочувствующим делу земства» с просьбой помочь ей собрать порученные ей сведения. «Воззвание» представляло собой статистическую программу из 20 «вопросов по предметам, перечисленным в «инструкции», о доходности земли. Так же некоторые статистические сведения были собраны управой и размещались в приложении к 35 номеру «Костромских Губернских Ведомостей» от 4 сентября 1865 года. Имелись статистические материалы и в других номерах издания («Костромские Губернские Ведомости» – это официальное издание Костромского губернского земства).

Откуда же брались у земства средства? Или какова его финансовая основа? Если до реформы большая часть налогов забиралась в казну, а от туда лишь малая часть, доля, возвращаясь на места через министерства и департаменты, то после проведения земской реформы в 1864 году все доходы, полученные от обложения недвижимого имущества (земель, жилых и промышленных зданий), торговли и промышленности, поступали в казну местного земства.

В пореформенные десятилетия объем бюджетных средств рос медленно, в 90-е годы этот процесс ускоряется ввиду промышленного подъема, кроме того происходит перераспределение основных статей дохода. Из таблицы 1 видно, что бюджет Костромского уездного земства был на первом месте среди уездов Костромской губернии.

Таблица 1.

Бюджеты Кинешемского, Костромского, Макарьевского, Ветлужского уездных земств (в рублях).⁸

Год	Кинешемское земство	Костромское земство	Макарьевское земство	Ветлужское земство
1866	35069	40331	32829	32040
1870	35286	50566	48273	40571
1875	56144	64355	65435	58120
1880	84076	90757	65642	72701
1885	97275	11467	78700	88106
1890	98620	90757	82870	93266
1895	127700	151451	101140	116850
1900	219622	218289	135106	169118
1905	317968	332343	175823	210394
1910	736370	476755	290522	482090

РАЗДЕЛ I

В связи с этим приведем цифры роста «раскладочного» рубля и сбора с недвижимых имуществ по категориям за время существования уездного земства в различные периоды (см. табл. 2).

Таблица 2.
Сборы с недвижимых имуществ в Костромском уезде.⁹

	Сбор в рублях							Обложение с тысячи руб.
	С земель	%	С пром. завед.	%	С гор. имущ.	%	Всего	
1866	23606	84,8	1575	5,6	2667	9,6	27848	3 р. 95 к.
1876	33328	71,2	6754	14,4	6736	14,4	46845	5 р. 15 к.
1886	65102	70,7	11569	12,6	15373	16,7	92044	6 р. 50 к.
1896	89437	71,0	16037	12,7	20397	16,3	125871	8 р. 50 к.
1906	189736	59,0	76118	23,4	55660	17,3	321514	18 р. 30 к.
1915	335579	52,5	182167	28,5	121010	19,0	638756	31 р. 45 к.

Из представленной таблицы мы видим, что обложение на землю в первые годы существования земства составляет свыше 4/5 всего окладного сбора, а обложение промышленных заведений – меньше 6 %, а городских имуществ – менее 10%. В последующие же годы объем сборов с земли уменьшается и в 1915 году составляет немного более 1/2 всего окладного сбора, остальная же половина приходится на промышленные заведения, которые составили немного менее 1/3 сбора, на городские же имущества приходится приблизительно 1/5 сбора.

Все расходы земства делились на обязательные и необязательные. И те и другие, по мнению Н.Д.Кондратьева, «не были разграничены столь четко, как следовало бы». Так общественные повинности – писал он – являлись переходной ступенью от чисто государственных к чисто местным, включая в себя:

1. Содержание местных гражданских управлений.
2. Содержание присутствий по крестьянским делам.
3. Содержание мировых и судебных установлений.
4. Дорожная повинность.
5. Подворная повинность.
6. Квартирная повинность.
7. Общественное презрение¹⁰.

К необязательным расходам земств относились:

1. Народное образование.
2. Медицина.
3. Ветеринария.
4. Улучшение экономического благосостояния.

Рассмотрим как менялись показатели необязательных расходов на народное образование и медицину по Костромскому уездному земству (см. табл. 3).

Таким образом, мы видим, что бюджет земства неуклонно растет, несколько медленнее в пореформенное десятилетие, более быстрыми темпами после промышленного подъема 1890-х годов и начале 20 века.

Таблица 3.

**Смета Костромского уездного земства по расходам
на народное образование, медицину и агрономию.¹¹**

Год	Медицинская часть		Народное образование		Агрономическая деятельность	
	Руб.	% сметы	Руб.	% сметы	Руб.	% сметы
1866	250	0,8	6912	21,2	---	---
1870	3260	6,3	3032	5,8	231	0,4
1875	6000	9,9	6600	10,9	700	1,2
1880	17000	20,1	10856	12,9	100	0,1
1885	20495	21,2	17020	17,7	175	0,2
1890	21229	20,1	22099	20,9	200	0,2
1895	24633	20,5	23007	19,1	200	0,2
1900	35992	26,1	31128	22,6	1450	1,1
1905	94214	38,7	63058	25,8	970	0,4
1910	116747	34,7	89998	26,7	6210	1,8
1912	143032	31,5	159660	35,1	14237	3,1

В целом Костромское уездное земство до 1900-х годов не привлекало общественного внимания, деятельность его развивалась тихо, и оно имело характер довольно безжизненного. Еще в 1893 году корреспондент «Недели» («Русская мысль» 1881 г., V) писал: «заедания земского собрания производили такое впечатление, как будто среди костромских гласных нет ни одного человека, хорошо знакомого с практикой земского дела, с его целями и задачами... Способ обсуждения всех вопросов поражает своею первобытностью и наивностью. Большая часть разговоров вращалась около вопросов: дать или не дать пособие».¹²

Таким образом, земства Костромской Губернии начинают развиваться с 1900 годов. Мы не видим здесь именитого дворянства. Состав руководителей – дворян очень устойчив, причем должности предводителя дворянства и председателя управы часто совмещались. В уезде у власти подолгу оставались 2–3 лица. Соперничества «партий» почти не наблюдалось. Среди самих гласных было много священников и крестьян. Первые вначале работали весьма активно, последние же то же не раз выступали на собраниях в пользу уравнивания налогов и повинностей, но увы обычно без успеха.

Недостаток интеллигентных сил, в связи с бедностью края, долго задерживали развитие земского дела. С 1900-х годов благодаря притоку радикальной интеллигенции земство быстро выдвигается. Известная демократичность собраний – преобладание крестьян, отсутствие крупных помещиков – содействовала влиянию этой интеллигенции. В 1906–1909 гг. костромское земство остается в стороне от реакционных влияний. Не вступило оно на путь реакции и в 1910 году, хотя состав гласных и изменился в сторону усиления «правых» элементов.

Примечания

¹ Положение о губернских и земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Реформы Александра II. М., 1998. С. 212.

РАЗДЕЛ I

² Там же. С. 214–225.

³ *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Спб., 1911. Т. 3. С. 58.

⁴ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к 50-летию его существования. Кострома, 1915. С. 6–7.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского уезда Костромской губернии. Кинешма, 1915. С. 445.

⁹ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к 50-летию его существования. Кострома, 1915. С. 23.

¹⁰ *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства... Указ. соч. С. 228.

¹¹ Свод смет и раскладок Костромского уездного земства с 1866 по 1912 гг. включительно. Кострома, 1913. С. 9–11.

¹² *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Спб., 1911. Т. 4. С. 441.

Ю. В. Лебедев

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

СУДЬБЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ЗАКАТЕ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Незадолго до своей трагической гибели Александр II в разговоре с министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым с величайшим недоумением сказал: «Я никак не ожидал, чтобы в двадцать лет дело освобождения крестьян не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено. Изю всего, что помогли мне совершить, крестьянскую реформу я считаю самым важным делом своего царствования»¹.

Удивления достойна эта странная забывчивость российского императора по отношению к коренному населению своей страны. Ведь решил же Александр II крестьянский вопрос в западных губерниях и Белоруссии, где срок обязательного выкупа был твердо установлен и переход на выкуп повсеместно введен с 1 января 1864 года.

Разгадка такой забывчивости довольно проста: Александр II не любил помещиков западного края, поляков по большей части, которые омрачили его реформаторские начинания участием в польском восстании 1863 года. О крестьянстве же коренной России русским дворянам выгодно было помолчать; они постарались, чтобы и при дворе об этом забыли. Началась лихорадочная деятельность по строительству железных дорог, государственные головы занимали нужды фабричной промышленности...

Только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда затеплилось либеральное оживление, вспомнили, что около семнадцати лет назад был подпи-

сан указ о переходе мужиков на выкуп, и обнаружили, что большинство крестьян жило по-прежнему в дореформенных порядках и в течение всего этого времени по старинке платило барину крепостнический оброк.

Тогда же, в конце 1870-х гг., либеральный профессор Ю.Э. Янсон произвел «опыт исследования о крестьянских наделах и платежах» и пришел к результатам неутешительным: «По всем 12 губерниям нечерноземной великороссийской полосы, за редкими исключениями, не только наделы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля в иных случаях может только прокормить их, не покрывая других потребностей крестьянского хозяйства, в большинстве же и прокормить их не в состоянии. Оно иначе и не может быть. На тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел, для того чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом, если земля не очень уж плоха, – не может быть, с усадьбой, менее 8 десятин. Средние наделы у бывших государственных крестьян не достигают этой цифры, у бывших помещичьих они наполовину ниже»².

Так были отмечены симптомы надвигавшегося на русскую деревню общественного бедствия. Первое испытание катастрофически обрушилось на наши деревни к концу XIX века. Сельское население 50 губерний Европейской России выросло со времени реформы 1861 года на 79 процентов – с 50 до 86 миллионов человек. Площадь же наделной земли оставалась неизменной. И если в 1860 году средний размер надела на душу мужского пола составлял 4,8 десятины, то к 1900 году он понизился до 2,6 десятины, уменьшившись почти вдвое.

На драматические последствия начавшегося «земельного утеснения» русская литература откликнулась нашумевшим в свое время очерком В. В. Вересаева «Лизар» (1899). Ранней весной, когда «среди ореховых и ольховых кустов все пело, стрекотало, жужжало», а «вдали повсюду звучали девические песни, – была Троица, по деревням водили хороводы», резким диссонансом по отношению к «таинству неудержимо рвущейся вширь жизни» прозвучала мужицкая дума Лизара: «Дай, Господи, скотинку с приплодом, а деток с приморцем. Вот как говорится у нас!»

И доморощенный «Мальтус» развил перед рассказчиком целую философию, оправдывающую пресечение живой жизни. «Выедешь с сохой на нивку, а что орать, не знаешь! Сосед кричит: “Эй, дядя Лизар, мою полоску зацепил!” Повернулся – с другого боку: “Мою-то зачем трогаешь?” Во-от какое стеснение!»³ Пытаясь выйти из такого «стеснения», крестьянская община расширяла пашню внутри скудного надела, который превращался в сплошное пахотное поле. Свертывались, сжимались и почти исчезали сенокосные угодья, жалкие их клочки ютились по оврагам и заболоченным берегам рек. Это привело к сокращению скотоводства, к стремительному падению поголовья лошадей и крупного рогатого скота. Произошло резкое уменьшение органических удобрений, и началось прогрессирующее падение урожайности хлебов. Количество зерна, производимого на душу населения в нечерноземных губерниях, сократилось в 1898 году по сравнению с 1865 годом почти на одну четверть.

Рост населения при неизменной площади наделов породил и другую беду. В условиях малоземелья уравнительная система, принятая в общине, повела к чрезмерному дроблению душевых наделов и образованию обильной череспо-

РАЗДЕЛ I

лосицы Ширина наделных полос измерялась «ступнями» или «лаптями». Такие узкие полосы получили название «шнуров». На них нельзя было применять ни плуг, ни борону, а приходилось вскапывать заступом. Под межниками пропала при этом 1/7 часть полевой земли.

Тупик, в который заходило сельское хозяйство страны, усугублялся нарастающей тяжестью тех повинностей, которые вынуждены были платить крестьяне за наделную землю. При Александре III, спустя 22 года после реформы, 28 декабря 1881 г. вышел, наконец, указ, по которому все крестьяне переводились на выкуп своих наделов с 1 января 1883 г. И тут возникло непредвиденное для властей обстоятельство: «невежественные» мужики идти на выкуп не хотели. Они считали выкупные платежи столь высокими, столь несправедливыми, что свое освобождение видели только в избавлении от них.

Особенно резко введение обязательного выкупа ударило по крестьянству Нечерноземья, так как стоимость выкупного платежа была искусственно завышена и превосходила естественную доходность земли. В ответ на рост недоимок правительство ввело не предусмотренные Положением способы их выколачивания: по приговору волостного суда «за нерадение и мотовство» стали применяться телесные наказания розгами. Становые приставы во время разъездов по деревням прихватывали с собой волостных судей, чтобы на месте пороть недоимщиков. Так из старых барских конюшен порка перекочевала в волостные правления.

К 1894 году недоимки достигли такой баснословной суммы, что правительство вынуждено было перенести их уплату на годы, которые последуют за окончанием срока выкупа. И если при естественном ходе выкупной операции срок последнего взноса для помещичьих крестьян растягивался до 1932 года, то при доплате недоимок последние выкупные платежи приходились на 1950 год.

Первый грозовой симптом возник в 1891 году, когда сплошной неурожаем хлебов и кормовых трав охватил 16 губерний. Последствия оказались драматическими, так как малоземельные крестьяне не только не имели никаких хлебных запасов, но и жили-то по большей части в долг. А далее голодовки в России приняли хронический характер. С 1896 по 1908 годы неурожаем охватывал 1/4 часть Европейской России 7 раз.

Перед этим стихийным бедствием, являвшимся результатом коренного расстройств всего хозяйственного организма деревни, было бессильно и правительство, которое не имело хлебного запаса, ежегодно продавая «излишки» зерна за границу. Складывалась парадоксальная ситуация: голодная Россия кормила сытую Западную Европу. Об этом молчала официальная пресса, но протестовала немая статистика. В начале XX века в США на душу населения потреблялось 62 пуда хлеба в год, в Дании – 57, в России же весь сбор из расчета на душу составлял 22,4 пуда, а на внутреннее потребление оставалось всего 16 пудов.

Рост госбюджета России тех лет происходил не на почве сопутствующего ему роста народного благосостояния, а на почве неуклонного крестьянского оскудения. Появились симптомы физического вырождения народа. С 1874 по 1883 годы на 100 призывников приходилось 13 забракованных, с 1884 по 1901 – уже 19. Смертность в России настолько подскочила, что стала в 1,5 – 2 раза выше, чем в большинстве европейских стран⁴.

Судьбы русского крестьянства на закате правления династии Романовых

Поражение России в войне с Японией обострило крестьянское недовольство и привело к первой буржуазно-демократической революции 1905–1906 годов. Крестьянское движение на этот раз приняло еще более угрожающий и массовый характер. Около 900 выступлений крестьян произошло летом 1905 года. В августе оформился Всероссийский крестьянский союз, потребовавший перехода земли в общенародную собственность.

Размах крестьянского движения на первых порах вызвал панику при дворе. Часть помещиков и правящей бюрократии во избежание насильственного захвата земли крестьянами готова была уступить народным требованиям. Дворцовый комендант Д.Ф. Трепов заявлял министру внутренних дел Витте, что он готов отдать крестьянам половину своей земли, лишь бы сохранить за собой остальную. А генерал Ф.В. Дубасов предлагал оставить за мужиками захваченные ими в ходе революционных выступлений земли.

Николай II находился в замешательстве. Пытаясь подавить волнения, он приказал 1 ноября 1905 года мобилизовать 10 полков казачества и направить в места наибольшего распространения крестьянских волнений. Но царь пошел и на значительные уступки. Указом 3 ноября 1905 года с 1 января 1906 года выкупные платежи понижались наполовину, а с 1 января 1907 года отменялись совсем. Это была серьезная победа, завоеванная крестьянством, но центральный вопрос о земле по-прежнему оставался открытым и крестьянское движение не утихло.

В конце ноября Совет министров обсуждал проект реформы, разработанной комиссией под председательством Н.Н. Кутлера. Предлагалось отчуждение части помещичьих земель за «справедливое вознаграждение». Но поддержки в бюрократических кругах проект не получил. 6 января 1906 года правительство мотивировало отказ от проекта Кутлера тем, что передача помещичьей земли крестьянам приведет к падению культуры земледелия, а в современной накаленной атмосфере может спровоцировать попытку крестьян захватить всю помещичью землю даром.

24 января 1906 года правительство вновь вернулось к рассмотрению крестьянского вопроса в Совете министров. Нужно было готовить законопроект о крестьянах для обсуждения в Думе. Предлагалось уравнение крестьян с другими сословиями в имущественных правах и гражданских законах, намечалась индивидуализация наделного землевладения с переходом от семейной к личной собственности. Целью подобной реформы было окончательное разрушение крестьянской общины.

26 апреля 1906 года, после отставки Витте и назначения главою правительства И.Л. Горемыкина, Николай II приглашает на пост министра внутренних дел саратовского губернатора П.А. Столыпина, жестоко и успешно подавившего крестьянское движение в своей губернии. Первая Государственная дума решительно отвергла предложенный правительством проект реформы. После требования депутатов заменить правительство Горемыкина правительством, пользующимся доверием Думы, 8 июля 1906 года был принудительно распущен первый российский «парламент», а Столыпину вверен ключевой пост председателя Совета министров.

РАЗДЕЛ I

Далее 5 октября 1906 года появляется указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». По сути он направлен на раскрепощение крестьян от пут фискальной общины. По указу запрещалось отдавать неисправных плательщиков податей и налогов в заработки или назначать им опекунов. Снимались все ограничения в получении паспортов и видов на жительство. Взрослые члены семьи могли теперь уходить в город на заработки без согласия домохозяина и земского начальника. Желающие учиться или служить получали такое право без увольнительного приговора, а на время службы или учебы освобождались от повинностей. Снимались все ограничения семейных разделов. Земские начальники не могли свободно арестовывать и штрафовать крестьян. Указ отменял, таким образом, принудительную приписку крестьян к сельскому обществу.

Но вслед за ним был издан другой указ – от 9 ноября 1906 года, который, по словам народного социалиста А. Пешехонова, «всадил нож в самую глубь народного организма». Борьба за землю теперь переносилась внутрь деревенской общины и крестьянского двора. В основе указа лежала административная ликвидация общинной собственности на землю и перевод крестьян-единоличников на отруба или хутора.

Попытка Столыпина провести этот указ через II Государственную думу потерпела полный провал. Пришлось наскоро сфабриковать обвинение социал-демократической фракции Думы в военном заговоре против правительства. В ночь на 3 июня 1907 года социал-демократическая фракция была арестована, Дума распущена и подготовлен новый избирательный закон.

В итоге «третьеиюньского переворота» Столыпину удалось создать III Государственную думу, в которой большинство депутатских мест заняли представители помещиков и крупной буржуазии. Здесь-то Столыпин и провел наконец свой законопроект аграрной реформы, которая оценивается как спасение крестьянской России современными нашими либералами.

Не церемонясь с крестьянскими интересами, Столыпин поднял руку на коренной институт общинной собственности, которую он считал главным злом современной деревни. Как объяснить, что правительство, в течение полувека отстаивавшее незыблемость и святость этого института, вдруг решило уничтожить его единым росчерком бюрократического пера? Дело заключалось в том, что в ходе революции 1905 года правительство увидело в общине не консервативный оплот, а очаг революции. Ведь почти все революционные требования крестьян провозглашались от лица «мира». «Мир» предъявлял помещикам приказ покинуть земли и передать их крестьянам, по приговору «мира» разбирали хлеб из помещичьих амбаров или самовольно распахивали помещичьи поля.

В основе столыпинских посягательств на общинную жизнь деревни лежала парадоксальная версия реформатора, что община как таковая давно умерла. В качестве доказательства Столыпин указывал на множество сельских обществ центральной России, в которых 24 года не было общих переделов. Считая такие общины умершими, он предлагал передать в личное владение крестьянам те наделы, которыми они пользовались в момент введения в жизнь указа 9 ноября.

Подобное решение – образец бездумно-бюрократического вторжения в налаженный веками строй крестьянской жизни. Ведь всякому человеку, мало-мальски знакомому с жизнью общины, было известно, что общие переделы в ней – дело редкое, обычно совпадающее с очередной государственной переписью населения. А в 15–20-летние промежутки между переписями естественным регулятором правовой жизни в общине являлись ежегодные частные переделы, обеспечивавшие живое функционирование общинного организма.

В чем заключалась хозяйственно-экономическая дезорганизация, внесенная в народную жизнь столыпинским указом 9 ноября 1906 года?

Во-первых, указ закрепил в личную собственность полосы внутри общинной земли. И эти мелкие десятки, сотни полос, как метастазы, начинали пронизывать общинные земли в разных направлениях. Провозглашенное в указе право выдела земли к одному месту чаще всего оставалось на бумаге, ибо на практике, особенно на разнокачественных участках Нечерноземья, этот выдел был сильно затруднен. А так как за общинниками указ все же сохранял право старого способа ведения хозяйства, деревенские пахотные земли оказались в чрезвычайно запутанном состоянии. На деле группа частных собственников вторгалась в живой организм общинных полей. Неподвижные ремни полос единоличников парализовали отлаженный механизм переверстки («свалки-навалки») общинных полос. Сколько ссор в миру это породило, какую вражду между общинниками и собственниками!

Во-вторых, указ бесцеремонно нарушал все правовые основы в определении объема выделяемой в личную собственность земли для каждого домохозяина, выходящего из общины. Попытаемся разобраться – почему?

Исторически на Руси считалось, что землей распоряжается общество. Оно раскладывало подати на мирском сходе, несло натуральные повинности, разрешало семейные разделы. По законам обычного права, общество наделяло новые семьи усадебной и полевой землей, определяло рабочую силу семей, их способность обрабатывать земельный надел того или иного размера, который периодически изменяется по мере изменения рабочей силы крестьянского двора.

Представим себе, что в селении С. один из хозяев 20 лет обрабатывал с семьей 10 десятин земли и исправно вносил за эту землю выкупные платежи и прочие повинности. Но в последние четыре года рабочие силы его семьи ослабели, и при частном переделе он получил 2 десятины. Их-то и закрепляет за ним в личное пользование указ 9 ноября. Почему? По какому праву? Ведь за все 24 года внесенных им выкупных платежей он может претендовать хотя бы на 8 десятин действительно выкупленной им земли! Однако по указу он такого права лишен.

Другой факт. Семья несла тяжесть большого надела в течение 23 лет. Но в последний год болезни домочадцев заставили ее отказаться на время от этого надела и свести до минимума полевую землю. Временно освободившаяся земля перешла к соседу, который за нее в течение этих 23 лет не внес ни копейки. И в этот момент выходит указ, заведомо обрекающий первую семью на ничем не заслуженное нищенство, а вторую – одаривающий ничем не оправданной милостью. Как посмотрит первый домохозяин на этот абсурдный «закон» и как он отнесется к соседу, если тот рискнет забрать в вечное пользование землю, выкупленную за чужой счет?

РАЗДЕЛ I

Неспроста крестьяне давали выборным в Думу такие наказания: «Скажи ты в Государственной думе, что так больше нельзя жить, что этот закон восстанавливает нас друг против друга»⁵. Возникало недоумение. Если правительство провозглашает принцип неприкосновенности и священности собственности, то как же оно может заставить общину отдать каждому ее члену то количество земли, каким он в данный момент пользуется? Да, может, он получил ее всего лишь год назад как пришелец, севший на готовую землю! Какое право имеет правительство в нарушение законов божеских и человеческих облагодетельствовать его как владельца? И почему с надлежащим уважением правительство не относится к подлинному собственнику всей деревенской земли – к общине, ибо она и только она является, по исторически сложившимся обстоятельствам, единственным юридическим лицом – собственником земли?

В-третьих, столь же бесцеремонно расправился Столыпин и с институтом крестьянской семейной собственности, имевшим вековые корни в устоях семейного быта русского народа. Крестьяне искони были убеждены, что земля и имущество принадлежат всей семье, а не отдельным лицам в ней. Субъектом права здесь оказывался не домохозяин, а все семейство, крестьянский двор. Столыпин приказал выделять и укреплять землю в личную собственность не семьи, а отдельных домохозяев. С уничтожением права семейной собственности в безвыходное положение попадали, например, все сыновья, живущие нераздельно с отцом-домохозяином: они лишались юридического права наследования, а вместе с тем и той личной энергии, которую они до сих пор вкладывали в семейную работу. Новый закон породил страшную сумятицу в отношениях между домочадцами. Например, в 1861 году крестьянин получил надел. Шло время, и у него родилось 5 детей. И вот вчера крестьянин умер. Кого следует признать старшим в семье? Если старшего брата, то как быть с остальными братьями? Или другой вариант: нерадивый домохозяин, хозяйство которого до сих пор держалось на трудолюбивых сыновьях, трезвых и работающих, закрепляет надел в личную собственность и наутро продает его. Куда деваться труженикам этой земли?

Вот почему, по единодушным словам делегатов от крестьянства в Государственной думе, указом 9 ноября 1906 года крестьянство «натравлено друг на друга: бедные поджигают богатых, получается полное расстройство в хозяйстве деревни, и никто не знает, как быть дальше, как пойдет сельская жизнь»⁶. На деле, по словам тех же делегатов, вместо соблюдения священного права собственности, правительство учинило «настоящий грабеж общинной земли». Оно обратилось к людям «смелого почина» из среды крестьянства и сказало: «Грабьте... только не помещиков, а своих же общинников. Более того, грабьте и родственников и даже детей, но не грабьте только помещиков»⁷.

Началось совершенно бесцеремонное насилие над деревенской жизнью. Выдел во многих местах осуществлялся принудительно. Сельские общества с ним не соглашались и оказывали сопротивление. Волей-неволей приходилось выделять и укреплять в личную собственность только отдельных домохозяев, да и то с применением административной власти в лице земских начальников. Как показывает статистика, выделялись и укреплялись вопреки воле обществ 95 процентов крестьян в Тамбовской губернии, 84 – в Рязанской, 71 – в Тульской, 98 –

Судьбы русского крестьянства на закате правления династии Романовых

в Орловской. На местах возникали столкновения крестьян с администрацией, ссоры внутри крестьянских обществ.

Обращаясь к П. А. Столыпину с письмом, Л. Н. Толстой писал: «Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9 ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом) – ведь то, что делается теперь с законом 9 ноября, подобно мерам, которые бы принимались правительством в 50-х годах не для уничтожения крепостного права, а для утверждения его»⁸.

В речах думских делегатов от трудовой партии неспроста звучала угроза по отношению к правительству: «Вы вместо комитетов на местах, вместо того, чтобы опросить на местах у крестьян, как они думают об общине, какой вред от общины, какая польза, послали стражников; вы облекли властью генерал-губернаторов, которые занимались и занимаются расстрелами в деревнях... Но как вы ни старайтесь, жизни вы своими бумажными законами не переломаете, жизнь крепче вас, тем более, что вы всплыли на поверхности этой жизни временно, и недолго вы на поверхности этой пробудете; жизнь возьмет свое. Вас она устранил...»⁹.

Слова думских депутатов от крестьянской партии оказались пророческими: столыпинская аграрная реформа действительно встретила массовое сопротивление крестьян и захлебнулась в море народной жизни. Вызванный реформой разлад выплеснулся в 1917 году очередной волной народного возмущения, завершившейся ленинским декретом о земле, провозгласившим отчуждение всех частновладельческих земель и безвозмездную передачу их трудовым крестьянским общинам. Как это ни парадоксально, община после 1906 года не только не разрушилась полностью, но существенно укрепилась благодаря пошедшему ей навстречу мощному, не сопоставимому по своим масштабам ни с одной страной мира кооперативному движению.

И здесь надо прямо сказать, что спасла Россию от голода не столыпинская аграрная реформа, а те культурно-созидательные силы, которые принесло в деревню кооперативное движение, возникшее в какой-то мере как защитная реакция живого организма русской деревни на бюрократическое вмешательство в нее государственных чиновников. Не случайно первая волна кооперации поднимается в России после 1906 года, после пресловутого указа 9 ноября. Этот указ по-своему всколыхнул деревню: значительная ее часть двинулась в кооперацию.

Уже в 1908 году делегаты III Думы, отстаивавшие демократические интересы крестьянских масс, указывали на новые формы общинной жизни, рождавшиеся, например, в Пермской и Вятской губерниях. В крестьянских общинах здесь стали появляться сельскохозяйственные машины, применялись искусственные удобрения. Трехпольный севооборот стал уступать место многопольному. Вводилось травосеяние, причем в таких широких размерах, что продукты его вывозились в соседние губернии. Принудительный севооборот стал уходить в область преданий и с появлением корнеплодных растений¹⁰.

Община не только не умирала, но продолжала развиваться далее, превращалась из союза, закрепощающего человека, в свободный союз равноправных личностей. Благодаря трудам русских кооператоров была доказана совместимость

РАЗДЕЛ I

технических улучшений сельского хозяйства с общинным землевладением. Давний спор к 1912–1915 годам разрешила сама жизнь. Выяснилось, например, что мирское устройство помогает приобретению лучших семян, что целой общиной гораздо легче купить сеялку или сортировку. А поскольку химические удобрения приносят немедленный результат, в первый же посев, мирские переделы не представляют для них уже никакой помехи.

Община в эти годы взяла под свой контроль и органические удобрения: воспрещалось продавать навоз на сторону, был установлен общественный контроль за повсеместностью и правильностью внесения удобрений в почву. Отменялась переверстка недавно удобренной земли, а в некоторых случаях общинники давали вознаграждение тем крестьянам, кто терпел убытки от передела или переверстки. Оказалось, что в общине быстрее и легче усваиваются и внедряются всякого рода нововведения: достаточно только большинству сделать их, как тотчас же вслед за ними тянется и меньшинство.

Наконец, с отменой жестокого паспортного режима и принудительного прикрепления крестьянина к земле, с ликвидацией разорительных выкупных платежей отпал традиционный у противников общины аргумент, что в ней подавляется личность, что член общины лишается всякой инициативы, всякой свободы. Теперь, при послаблении внешних стеснений, надельное землепользование давало полный простор личности крестьянина проявлять свою трудовую инициативу, свою самостоятельность, свои знания.

Известную положительную роль в подъеме земледельческой культуры крестьянских хозяйств сыграли в конце XIX – начале XX веков земские учреждения, значительно демократизировавшиеся за счет так называемого «третьего элемента», штата служащих при земствах учителей, врачей, агрономов¹¹. В послереволюционные годы при земских учреждениях укрепляются агрономические организации: экономические советы при уездных и губернских земских управах, исполнительные их органы в лице уездных и губернских агрономов. Разумеется, это движение было еще весьма непрочным, не хватало квалифицированных кадров. Один агроном на уезд не мог активно влиять на повышение агрономической культуры всех крестьянских дворов. Жизнь ставила земцев перед необходимостью организации института волостных агрономов. Их прогрессивная деятельность очень часто наталкивалась на косность основного ядра земской организации – крупных помещиков, равнодушно относившихся к интересам крестьянских хозяйств.

И тем не менее большую долю практической помощи деревне земская интеллигенция оказывала вопреки равнодушию господ. Широко развернулось земское строительство сельскохозяйственных складов орудий и семян. Они давали возможность крестьянину получать в кредит сельскохозяйственные машины и снабжать общины сортовыми семенами. Подъем сельскохозяйственной культуры был неотделим, с другой стороны, от повышения грамотности крестьянского сословия. И на этом пути успехи были. Около половины крестьян, поступавших в военную службу из земских губерний, не умели читать и писать. Однако в тех губерниях, где в земстве оказывался достаточно сильным демократический «третий элемент», достигались ощутимые результаты. Так, в Московской, Ярославской, Тверской губерниях грамотным было 9/10 всего взрослого населения, а пятая часть

крестьян, поступивших на военную службу, имела свидетельства об окончании полного курса земских школ.

Общинное владение землей и артельные формы организации труда, искони свойственные русскому крестьянину, во многом способствовали успешному переходу населения нечерноземного края к более совершенным культурным формам обобществления труда и сбыта – к кооперации. В конце XIX – начале XX. веков широкое распространение получили трудовые артели крестьян, занимавшихся кустарными промыслами, промысловые товарищества по сбыту молока и молочных продуктов. Возникали и множились товарищества по приобретению сельскохозяйственных орудий, по строительству и эксплуатации кооперативных мельниц и картофелепаточных заводов. Создавались сырьевые товарищества смолокуров, гончаров, ткачей и кузнецов.

Кооперативное движение в стране опиралось на неонародническое учение о борьбе двух экономических типов в русском народном хозяйстве: капиталистического и социалистического. Развивалась мысль о способности сельской общины вкуче с артелью и кустарными промыслами привести страну к процветанию и к созданию при поддержке государства нового общественного строя – народнического государственного социализма. А.А. Николаев, Е.Д. Максимов, В.Е. Зюрюкин мечтали о мирном переходе страны от капитализма к социализму при сохранении основ монархической государственности. Огромную роль в консолидации сил теоретиков и практиков «кооперативного социализма» сыграли Всероссийские съезды кооператоров в Москве (1908) и в Киеве (1913). Однако начавшаяся в 1914 г. первая мировая война разрушила все планы и все успешные начинания русских кооператоров.

Примечания

¹ См.: Кн. Д. И. Шаховской. Выкупные платежи // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 6. М., 1911. С. 109–110.

² См.: Янсон Э. Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1881.

³ Деревенские летописи. Повести и рассказы русских писателей конца XIX – начала XX вв. М., 1990. С. 148–154.

⁴ Дроздов В. Экономическое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 372–373.

⁵ Речь крестьянина Вятской губернии *Кроптова* // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. – Стб. 206.

⁶ Выступление депутата *Березовского* от Симбирской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 395.

⁷ Выступление депутата *Петрова* из Пермской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 525–526.

⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. М., 1984. С. 674.

⁹ Из речи депутата *Булата* от Сувалкской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 605.

¹⁰ См. выступление депутата от Пермской губернии, священника *Титова* // Стенографические отчеты Государственной Думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 604–608.

¹¹ См.: Белоконский И. П. Земство и конституция. М., 1910; Слобожанин М. Из истории и опыта земских учреждений в России. Спб., 1913.

**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**

Неотъемлемым компонентом внутренней политики позднеимперской России после событий 3 июня 1907 г. являлась реализация комплекса мер, нацеленных на формирование местного управления. Целесообразно выделить факторы, стимулировавшие внимание к разработке этой проблемы. Во-первых, речь шла о недостаточной эффективности деятельности властей в провинции в период революционных потрясений 1905–1907 гг. Как оказалось, ставка администраторов исключительно на использование насилия в условиях нарастающего радикализма и активизации общественного движения оказывалась неадекватной новым реалиям развития страны. В этой связи корректировка практики административного управления была достаточно очевидной для реалистически мыслящих политиков-прагматиков, к которым принадлежал П.А. Столыпин. Достаточно симптоматична эволюция его взглядов. Будучи саратовским губернатором, П.А. Столыпин нередко переоценивал авторитет местной власти. Так он приказал подвергнуть аресту на семь суток пристава, который не выполнил прекратить общественное собрание. Попытки оправдаться, что полиция ничего не могла предпринять, не убедили губернатора: «Я уверен, что чувство законности настолько развито среди саратовских обывателей, что большая часть публики исполнила бы требование полиции, основанное на законе»¹. Впоследствии, возглавив Совет Министров, П.А. Столыпин впервые сформулировал программу мероприятий, призванных обеспечить стабилизацию положения на местах. Речь шла о секретном циркуляре генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам от 15 сентября 1906 г.² Глава правительства осудил ставку на решение проблем исключительно силовым путем. Решительно осуждалась практика злоупотреблений в использовании войск. Чрезмерные по численности конвои, сопровождавшие губернаторов и чиновников в их командировках по губернии, усиленная охрана с использованием артиллерии были оценены как деяния, явно превышающие служебные полномочия. Особо отметим инициативу премьера, нацеленную на обязанность власти на местах опираться на активную помощь частных лиц, сочувствующих борьбе с революционным движением». Это отражало понимание П.А. Столыпиным необходимости учитывать новые реалии общественно-политического развития страны³.

Во-вторых, еще до революции 1905–1907 гг. все большую остроту принимал вопрос об устранении «полного расстройств правительственной губернии». Концепции реформирования губернского устройства, по справедливому мнению П.Н. Зырянова, были сведены с учетом мнений губернаторов в общий свод до гибели министра внутренних дел В.К. Плеве, однако после его убийства, оставались вне должного внимания⁴. Проблема преодоления кризисных явлений в функционировании местного управления рассматривается как важ-

ный элемент реформ П.А. Столыпина. В современной историографии методологический аспект нашел отражение в работах С.В. Любичанковского, обратившего внимание на то обстоятельство, что в исторической науке нет единого взгляда на содержание понятия «кризис государственной власти». Анализируя концепции устройства системы местного управления, выдвинутые П.Н. Зыряновым и Н.П. Ерошкиным, С.В. Любичанковский констатирует, что их авторы пришли к выводу об ограничении власти губернатора правами дворянства и учреждениями МВД⁵. Отправными точками анализа проблемы С.В. Любичанковский признает представления А.А. Богданова о тектологическом кризисе организации и цепкой связи между элементами организованного комплекса, позицию А.Я. Авреха по вопросу сочетания корыстных и идейных начал в деятельности правительства позднеимперской России 1914–1917 гг., а также идеи академика Н.Н. Моисеева об иерархии целей в системе. Признавая новизну в постановке научной проблемы, тем не менее, приходится констатировать, что автор прав, самокритично признавая упрощенный характер сделанных наблюдений об определении уровня развития системного (внутреннего) принципа государственного учреждения в историческом исследовании.

Выводы другой работы С.В. Любичанковского⁶ представляются более обоснованными. Речь идет о формировании ряда суждений о степени эффективности местного управления, вызывающих полемику среди историков (выводы о всесии государственной власти и повышении качества работы бюрократии, с которыми автор не согласен). Он справедливо отмечает, что «большинство органов управления были введены в систему государственной власти, таким образом, что гарантии принятия ими нужного губернатору решения отсутствовали... В результате широта подчиняющихся губернатору учреждений (более полутора десятков) оказалась обманчивой»⁷. Правомочно и другое суждение – о росте служебных преступлений, что являлось следствием их укрывательства и поощрения произвола⁸.

В-третьих, изучение планов реформирования местного самоуправления может быть плодотворным с учетом социокультурного фактора. Нарастание общеполитического кризиса в стране не могло не повлечь перемен в отношении восприятия бюрократии не только у людей, вовлеченных в политическую жизнь. А.В. Репниковым в фундаментальной монографии тщательно проанализировано содержание критики чиновничества теоретиков консерватизма. Именно бюрократия в глазах консерваторов являлась «средостением», «заменяющим» в глазах монарха, что не могло не исказить царский идеал в народной среде⁹.

Новые условия общественно-политической жизни обусловили вынужденность должностных лиц учитывать возросшую роль прессы, отражавшую различные точки зрения общества. В этой связи примечательно отражение на страницах газеты «Русь» конфликта между вятским губернатором С.Д. Горчаковым и вице-губернатором А.Ф. Шидловским¹⁰. Вице-директор департамента общих дел МВД через три дня после публикации анонимной статьи, в которой содержались обвинения губернатора в злоупотреблении служебным положением, предложил губернатору дать объяснения. Достаточно симптоматично и письмо вятского губернатора в редакцию газеты «Русь» с опровержением информации, изложенной в статье.

РАЗДЕЛ I

Таким образом, разработка положений реформы местного управления и попытки ее реализации были отмечены комплексом факторов, определивших и судьбу П.А. Столыпина.

Необходимость реформы губернских учреждений была четко сформулирована в Записке, представленной на рассмотрение Совета Министров Министерством внутренних дел и одобренной 24 марта 1907 г. Николаем II. Впоследствии ее содержание стало основой разработанного Департаментом общих дел МВД законопроекта¹¹. В документе указывалось на недостатки местного управления: отсутствие единства управления и необходимого количества помощников, распыление обязанностей среди должностных лиц, несоответствие окладов служащих возросшему масштабу задач их деятельности¹². Впоследствии были разработаны Положения о правительственных участковых комиссарах и губернском управлении¹³. Исчерпывающий анализ данных документов, проведенный в исследованиях П.Н. Зырянова, В.С. Дякина, К.И. Могилевского¹⁴ избавляет нас от необходимости дать полную характеристику содержательной части положений.

Масштабность предполагаемых перемен, действительно, была очевидной. Речь шла о ликвидации инстанций на уровнях губерний и уездов (финансового, военного и других ведомств) с объединением всех гражданских властей, создании губернского совета, ликвидации институтов уездного предводителя дворянства и земского начальника с заменой их новыми – начальника уезда и участкового комиссара. Между тем, П.Н. Зыряновым и В.С. Дякиным обращалось внимание на ряд дефектов намеченных мероприятий, свидетельствовавших об отличиях в правовом мировоззрении либералов и чиновников, не признававших ценностей и правовых норм, утвердившихся в деятельности аналогичных учреждений западноевропейских стран¹⁵.

Каково же было отношение к реформам местного управления в провинциальной среде? Дальновидная часть местной элиты не могла не осознавать двойственного положения губернатора, починявшегося императору и министру внутренних дел. Р. Роббинс констатировал, что «в то время, как статус губернатора, как наместника царя, возрастал, позиция начальника губернии в глазах людей и администрации все больше сводилась к нему как к простому исполнителю»¹⁶. Губернатор был обязан брать на себя решение вопросов, которые могли быть прерогативой местного управления.

Выступая при открытии 20 ноября 1908 г. второй сессии общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, П.А. Столыпин доказывал необходимость устранения негативных последствий ведомственной политики, отразившейся в концентрации власти в руках губернаторов. Во-вторых, намечалось создать условия для прекращения трений между администрацией и органами самоуправления. В-третьих, предполагалось привлечь к разрешению в Совете спорных проблем представителей общественности¹⁷.

В выступлении П.А. Столыпина местное дворянство усматривало шаг, способный внести дестабилизацию в систему местного управления и, в конечном счете, посягавший на прерогативы монарха и «первого сословия». Намерение возложить ответственность на назначаемого начальника уездного управления и

упразднение должности земского начальника не могло не задеть корпоративных амбиций дворянского сословия.

Интерпретируя положения проекта губернской реформы, саратовец Э.А. Исеев эмоционально заявил, что ее смысл заключается в том, чтобы «местное представительство было совершенно устранено, и когда из Петербурга будет дан по камертону известный тон, он отразился бы, начиная с губернатора, и кончая последним урядником»¹⁸. Более категоричен в оценке был пензенский землевладелец А.Л. Цитович, возвестивший об угрозе некоей автономии губернатора от МВД и самого правительства¹⁹.

Атаки на правительство шли под аккомпанемент славословий дворянства. Признания в том, что его экономическая мощь ослабла, не давали, однако повода сомневаться в значимости «службы по обязанности, а не по найму». Симбирянин В.Н. Ознобишин, сравнивая чиновника с наемником, процитировал строку из Евангелия: «Наемник не есть пастырь божий». Проекты реформы были оценены как имеющие «революционный характер», а правительственная политика определялась как результат банкротства бюрократии, которая «не добившись успехов в законотворчестве в Государственном совете и Государственной думе», стремились якобы «вытащить дворян из системы местного управления и занять освободившееся место»²⁰.

Таким образом, восприятие местным дворянством реформаторских инициатив отражало утрату идеалов традиционного общества, резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований²¹. В конечном итоге, судьба проектов преобразований осталась заложницей комплекса факторов, отражавших противоречия российского модернизационного процесса.

Примечания

¹ Русские ведомости. 1905. 17 января.

² ГАРФ, ф. 1463, оп. 3, д. 181.

³ Вместе с тем, необходимо принимать во внимание различные интерпретации содержания секретного циркуляра от 15 сентября 1906 г., рассмотренные А.П. Бородиным (*Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 55–57).

⁴ *Зырянов П. Н.* В ответ на революционные потрясения: административные реформы начала XX в. // Административные реформы в России: история и современность / под ред. Р. Н. Байгузина. М., 2006. С. 296.

⁵ Электронный ресурс. Режим доступа: www.intelros.ru/2007/08/20/print:page,1,s_v_ljubichankovskijj_krizis_gosudars...

⁶ *Любичанковский С. В.* Мифы об эффективности местного государственного управления поздней имперской России и их критика // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. №7. С. 99–105.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 165, 166.

¹⁰ «Смушение в центре губернской светской власти обостряется». Документы Госархива Кировской области о конфликте вятского губернатора С. Д. Горчакова с вице-губернатором А. Ф. Шидловским. 1907 г. / публ. С. В. Любичанковского // Отечественные архивы. 2007. № 2.

РАЗДЕЛ I

¹¹ П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 715.

¹² Там же. С. 263.

¹³ Там же. С. 325–352.

¹⁴ Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 226–302; *Он же*. В ответ на революционные потрясения: административные реформы начала XX века. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 259–319; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Он же*. Реформы П. А. Столыпина // Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. М., 2006. С. 536–560; Могилевский К. И. Столыпинский проект уездной реформы в Совете по делам местного хозяйства // Долг и судьба историка : сб. ст. памяти д-ра ист. наук П. Н. Зырянова. М., 2008. С. 151–179.; *Он же*. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.

¹⁵ Дякин В. С. Реформы П. А. Столыпина. С. 550–551.

¹⁶ Robbins R. The Tsar's viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and London, 1987.

¹⁷ Доклад Совета объединенного дворянства по вопросу об изменении положения губернаторов согласно проекту правительства о преобразовании общего учреждения губернского. Спб, 1909. С. 9–10.

¹⁸ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. Спб, 1911. С. 139.

¹⁹ Там же. С. 142.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Баринаева Е. П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006. С. 323.

Д. В. Сидоров
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Российская империя в результате реформ Александра II совершила определенный модернизационный рывок, выразившийся в изменении вектора социально-экономического и общественного развития. Создание органов земского самоуправления явилось основой к складыванию институтов гражданского общества. Однако уровень практической реализации законодательных норм Положения о земских учреждениях 1864 г. показал объективную необходимость его оптимизации. С середины 70-х гг. XIX в. земское самоуправление начинает подвергаться активной критике, как со стороны противников последовательных либеральных реформ, так и представителей российской общественности. Критику

облегчал факт неспособности многих земств действительно решать свои задачи в рамках, установленных законом.

В начале 1880 г. министерством внутренних дел на имя императора была подана записка, лейтмотивом которой выступали «некоторые неопределенности и проблемы Положения 1864 г., вызывавшие разъяснения и дополнения»¹. Подтверждая земство в качестве «начала местного хозяйственного самоуправления», министерством признавалось «изменение общего направления внутренней политики, не допускавшее расширение земских прав и права ему предоставленные сокращавшее»². В связи с этим «чтобы предотвратить охлаждение земской деятельности, выход из него лучших людей», высказывалось несколько предложений, требующих изменений и «настойчиво повторяемых в земских ходатайствах»³. Резюмируя записку, возможно функционально объединить предложения в смысловые группы: во-первых, точное распределение земского представительства, пересмотр земского ценза; во-вторых, изменение порядка работы земских органов в контексте кворума, проблема соединения распорядительной и контролирующей власти в лице предводителя дворянства, «установления инстанционных отношений между уездными и губернским земством»⁴, в-третьих, пересмотр законодательных актов, относящихся к 1866–1880-м гг. и устанавливающих особые права губернатора по замещению земских должностей, разрешение свободного межгубернского земского взаимодействия, изменение системы налогообложения. Таким образом, общеимперскими государственными структурами признавался конгломерат проблем местного земского самоуправления требующий решения.

В докладе от 28 января 1881 г. М. Т. Лорис-Меликов излагал программу дальнейших преобразований. Он предлагал «в видах успокоения правильными занятиями возбужденных умов, жаждущих деятельности», привлекать дворянство, земство и города к участию в обсуждении второстепенных проектов. Для этого он считал полезным время от времени призывать их представителей в Государственный Совет, при котором предполагал учредить временные подготовительные комиссии, наподобие Редакционных комиссий 1858 г. Работы этих комиссий рассматривались бы с участием представителей от земства и некоторых крупнейших городов»⁵.

В августе 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов назначил ревизию девяти губерний (в том числе и Костромской губернии) для выяснения потребностей местного управления. В Особом наставлении им предлагалось выявить, «не зависит ли недостаточность личного состава земств от существующего порядка земского представительства и производства выборов; нельзя ли расширить участие земств в решении дел, касающихся местных хозяйственных потребностей; может ли быть изыскана удобная форма для совместных суждений земств различных губерний по таким вопросам, которые бы требовали совокупных мер; не должна ли быть допущена большая гласность в опубликовании журналов земских собраний...»⁶. 22 декабря 1880 г. циркуляром Министерства внутренних дел по Земскому отделу губернаторам предписывалось передать на обсуждение губернских по крестьянским делам присутствий и местных земств «вопрос о некоторых изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений»⁷.

РАЗДЕЛ I

В совещании 1 марта 1881 г. императору предстояло сообщить о своем решении, которое должно было определить сроки начала работы министерств над составлением проекта. Но осуществлению этого плана помешало убийство Александра II.

Новый курс был провозглашен в Манифесте Александра III. Он заявил о намерении утверждать и охранять самодержавную власть⁸. 4 апреля 1881 г. императором принимается «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия»⁹. Срок его действия определялся в три года. В нем подтверждалось право губернаторов и градоначальников утверждать поступающих на все должности по земским и городским органам общественного управления и судебно-мировым установлениям, а также требовать увольнения служащих этих учреждений, если их признают неблагонадежными. О фактах выборов на такие должности неблагонадежных лиц губернаторы обязывались доносить в министерство внутренних дел с подробностями биографии и результатами наблюдения за поведением вызывающих подозрение лиц.

Вступивший на пост министра внутренних дел в начале мая 1881 г. Н. П. Игнатьев разработал и осуществил на практике проект созыва назначенных правительством «сведущих людей». Была создана Особая комиссия для составления проектов местного управления¹⁰. В ее состав вошли сенаторы (С. А. Мордвинов, А. А. Половцев, И. М. Шамшин и др.), ревизовавшие в 1880–1881 гг. ряд губерний, а также представители различных ведомств. Они собирались дважды, но начинание Игнатьева не встретило сочувствия у земств. Они стали заявлять ходатайства, чтобы земские люди привлекались к участию в законодательстве не в отдельных случаях и не по назначению правительства, а постоянно и по выбору самих земств¹¹.

Предусматривалась иная система выборов в земские учреждения, вместо управы – исполнительный орган, присутствие по земским делам, составленное из местной администрации с участием двух членов от земства¹². При обсуждении земской избирательной системы на заседании Комиссии в феврале 1885 г. Пазухин, Бехтеев, Оболенский предложили ввести сословный принцип деления избирателей, причем Пазухин и некоторые члены Комиссии высказались за предоставление крупным землевладельцам права участия в качестве гласных в уездных собраниях без выборов. Этот вопрос был передан в специальную подкомиссию. Подкомиссия уже в марте того же года представила «Доклад по вопросу о составе уездных земских собраний»¹³. Точка зрения трех членов – Пазухина, Бехтеева и Оболенского – на необходимость сословной организации земского представительства обосновывалась в докладе «угрозой вытеснения в недалеком будущем из земских собраний наиболее культурного элемента»¹⁴. Предлагалось учредить четыре «избирательные коллегии»: съезды дворян, лиц торгового состояния, избирательные сходы мещан и крестьян. Заранее оговаривалось, что «землевладельческие сословия должны занимать первенствующее положение в земском представительстве»¹⁵. Очень важно отметить, что в этой схеме сословных выборов крестьяне – собственники оказались отнесены к крестьянскому избирательному сходу с двухстепенной подачей голосов. Отменялся ценз по годовому обороту, что значительно ограничивало права торгово-промышленной бур-

жуазии. Помимо системы преобразования земского представительства на сословном начале были внесены в Кахановскую комиссию ряд предложений по различным вопросам организации и деятельности земства: сокращение численности управ, допуская возможность замены коллегиального принципа единоличным по усмотрению собрания; за некоторое ограничение компетенции земских собраний (в частности, по вопросам народного образования, системы раскладок и т.д.)¹⁶. Крупным собственникам предполагалось предоставить право быть гласными уездных земских собраний без избрания, а от выборов председателя собрания и выплаты суточных денег гласным снова отказались.

Даже такой проект вызвал возражения оберпрокурора Синода К. Л. Победоносцева. В своем письме министру внутренних дел Д. А. Толстому он высказывал замечания «на проект изменения устройства земских учреждений с целью значительного ограничения в них выборного начала и подчинения их правительственному контролю»¹⁷. Он выступал за резкое уменьшение числа гласных (не более 25, даже в уездном земском собрании) и поэтому возражал против предоставления крупным собственникам права быть гласными без избрания. По его мнению, крупное землевладение само по себе еще не являлось гарантией благонадежности. Меры, направленные на ограничение «произвола» земских учреждений, получили одобрение Победоносцева. Он также считал, что следовало бы «открыть недовольным – в течение известного срока – право обжалования состоявшихся в прежнее время постановлений земства»¹⁸.

Тем не менее, проект не соответствовал новой политике, министра внутренних дел Д. А. Толстого, человека крайне реакционных взглядов, последовательно проводящий идею преобладающей роли дворянства в земских учреждениях. Поэтому проект комиссии отвергли, а 28 февраля 1886 г. распустили и саму комиссию.

Проект Положения о губернских и уездных земских учреждениях вновь оказался в Государственном совете 4 февраля 1890 г. Однако Д. А. Толстой не успел его осуществить. Он умер в апреле 1889 г. до рассмотрения проекта. Новый министр внутренних дел И. Н. Дурново поддержал некоторые требования Д. А. Толстого. В записке о земских учреждениях, подготовленной 27 августа 1889 г., он также настаивал на установлении «твердого правительственного контроля» над деятельностью земств, на «действительной, а не фиктивной ответственности» земских служащих¹⁹. 12 июня 1890 г. новое Положение о губернских и уездных земских учреждениях было принято²⁰.

Новое обсуждение реформы земского самоуправления началось в начале XX века в условиях нарастания оппозиционных настроений в российском обществе. Святополк-Мирской, признавая, что «преобразования 90-х гг. XIX в. носили характер компромисса, придав земским учреждениям лишь внешний облик государственных»²¹ предложил ликвидировать «двойственность: правительственную официальную и народную земскую»²². По его мнению, созрела необходимость изменения условий представительства «в видах расширения круга избирателей и объединения в земских собраниях имущественных и хозяйственных интересов местности»²³. Проблему взаимодействия государственных структур и земств он предлагал решать путем «изменения порядка

РАЗДЕЛ I

надзора за деятельностью земств – установления правила, что распоряжения земства изменяются высшими инстанциями только в случае противоречия существующему законодательству»²⁴. Оптимизация системы земского налогообложения должна осуществляться за счет «более правильного распределения между государством и земством повинностей с отнесением удовлетворения каждой на подлежащий источник»²⁵. Данный проект «Реформ государственных и земских учреждений», представленный Николаю II 24 ноября 1904 г., остался не рассмотренным.

Таким образом, во второй половине XIX в. – начале XX в. правительственные государственные органы посредством губернаторской власти неоднократно обращались к проектам реформ местного земского самоуправления. Первые шаги государственной власти в данном направлении свидетельствуют о стремлении широкого привлечения к данному процессу земства: рассмотрение вектора развития местного самоуправления земскими деятелями по всей вертикали – от уездных земских собраний до губернских.

Резюмируя предложения правительственных проектов, следует высказать несколько приоритетных линий:

- необходимость изменения избирательного процесса;
- расширение компетенции земства путем передачи ему функций крестьянских присутствий и создания всеобщей волости;
- позиционирование земства как хозяйствующего субъекта.

Проект Кахановской комиссии содержал в себе некоторые обусловленные первоочередным развитием земства демократические параграфы – свобода межгубернского земского общения и расширение полномочий губернского земства. Между тем, консервативный правительственный курс в отношении земства выразился в принятии нового Положения о земских учреждениях 1890 г., законодательные нормы которого остались в силе до конца существования органов земского самоуправления.

Примечания

- ¹ ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 601, л. 1.
- ² Там же, л. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, л. 7.
- ⁵ Былое. 1918. Книга 4/5. С. 162–166.
- ⁶ Конституция графа Лорис-Меликова. Берлин, 1904. С. 38.
- ⁷ Циркуляр министерства внутренних дел // Сборник правительственных распоряжений по делам, до земских учреждений относящимся. Спб., Т. XIII. 1891. С. 52.
- ⁸ П.С.З. . III. . Т. I. . № 1.
- ⁹ П.С.З. . III. . Т. I. . № 350.
- ¹⁰ См. подробнее: *Сидоров Д. В.* Самодержавие и земское самоуправление в конце XIX века // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения: материалы конф., Кострома, 29–30 мая 2008 г. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. С. 203–209.
- ¹¹ *Лантева Л. Е.* Земские учреждения в России. М., 1993. С. 69.
- ¹² Подробнее см.: *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа. М., 1968. С. 93.
- ¹³ ГАКО, ф. 655, оп. 2, д. 479, л. 27.

К вопросу о взаимоотношениях Великого Княжества Финляндского...

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАКО, ф. 655, оп. 2, д. 482, л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА, ф. 797, оп. 96, д. 95, л. 1–7 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Пирумова Н.* Земства и политика // Родина. 1993. № 5–6. С. 101.

²⁰ См. подробнее: *Сидоров Д. В.* Институциональное влияние губернской власти на земское самоуправление Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Верхнего Поволжья) // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 4 (28). С. 3–6.

²¹ ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 872, л. 43.

²² Там же.

²³ Там же, л. 47.

²⁴ Там же, л. 48.

²⁵ Там же, л. 47.

Н. В. Страхова

*Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Взаимоотношения российского центра с национальными образованиями на рубеже XIX – XX вв. в последнее время привлекают особое внимание исследователей, что связано с попыткой поиска моделей структуры отношений “центр – провинция”. На наш взгляд, интересен опыт Великого Княжества Финляндского, входившего на правах автономии в состав российской империи. Долгое время в отечественной историографии поднимались лишь аспекты, связанные с революционными событиями 1917–1918 гг. в Финляндии. В 1960-е гг. появилось несколько монографий советских исследователей, посвященных революционной борьбе на территории Финляндии, где подробно описывалась ситуация на финских землях к октябрю 1917 г., взаимоотношения между финскими социал-демократами и российскими революционными кругами¹. Авторы этих работ придерживались официальной точки зрения на финскую проблему: советское правительство предоставило угнетенному царским режимом Великому Княжеству Финляндскому независимость. В статьях затрагивался тот же вопрос – влияние Октябрьской революции на ситуацию в Финляндии². Историки подробно освещали революционные события в Финляндии, создание там Красной Гвардии и борьбу правительства Народных Уполномоченных с белогвардейцами. Статьи П. В. Волобуева “Историческое место Финляндской революции 1918 г.”, В. Ю. Черняева “Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости” подводили итоги работам 1960–1980-х гг.³ Необходимо рассматривать не только и не столько революционные события в Финляндии, а причины, заставившие

РАЗДЕЛ I

финских лидеров требовать выхода из состава российского государства. Этому и будет посвящена данная работа.

В качестве источников нами были использованы законодательные акты российского правительства, позволяющие отследить основную линию в отношении Великого Княжества Финляндского⁴, а также делопроизводственная документация внешнеполитического ведомства, отложившаяся в Архиве Внешней Политики Российской Федерации⁵.

Представление финского народа о России как о государстве – угнетателе формировалось в период, когда Финляндия в качестве Великого Княжества Финляндского входила в состав Российской империи, и во многом определялась политикой царского режима в отношении Великого Княжества Финляндского. Великое Княжество Финляндское было включено в состав Российской империи в 1809 г., причем одновременно Александр I признал автономию Финляндии, оставив ее национальные деньги, почту, органы управления, парламент. В 1878 г. вступил в действие закон, согласно которому у Финляндии появилась своя армия. Однако он был изменен и реализован таким образом, что финские солдаты стали служить в российских вооруженных силах⁶.

В 90-е гг. XIX в. перед русским правительством встал вопрос, явившийся одним из основных в последующие десятилетия: обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны финской границы. Царское правительство по-своему пыталось решить эту проблему – через полное подчинение Финляндии России. Именно с 90 гг. XIX века имперское руководство взяло курс на уменьшение автономии Великого Княжества Финляндского⁷, который в сознании финского народа ассоциировался с угнетением, поэтому то 90-е гг. XIX в. и получили название “первого периода угнетения”⁸.

Однако вопрос о Финляндии не был решен до конца. Так, он возник в III Государственной Думе. Думских лидеров не удовлетворяла все еще сохраняющаяся государственная независимость Великого Княжества Финляндского, так как эта проблема всплывала как прецедент в польском вопросе. В 1907 г. было создано особое совещание для унификации свода законов Финляндии по образцу Российской империи. Кроме того, в 1908 г. по инициативе октябристов началась кампания против нахождения Финляндии на автономном режиме. В 1910 г. в Думе был поставлен вопрос о пересмотре прерогатив финского Сейма. П. А. Столыпин предложил законопроект, по которому Сейм в своих правах приравнивался к земствам в российских губерниях, причем Финляндия обязывалась проводить мобилизацию в имперскую армию; на территории Великого Княжества Финляндского вводились два языка. Этот законопроект был принят 17 июня 1910 г., однако его так и не реализовали: финны откупились от мобилизации, заплатив 20 млн. марок. Тем не менее, меры российского правительства начала XX в. утвердились в восприятии финнов как “второй период угнетения”⁹.

Таким образом, можно констатировать, что царское руководство в конце XIX – XX вв. пыталось проводить на территории Финляндии политику уничтожения сохранившейся до этого периода автономии Великого Княжества Финляндского и насильственной русификации. Все это делалось с видимой целью обеспечить безопасность столицы российской империи. Однако, курс Николая

II на уменьшение прерогатив финского Сейма, наделение генерал-губернатора Финляндии диктаторскими полномочиями подорвал лояльность финнов к Российской империи и вызвал формирование представлений о России как о враге, стремящемся подчинить Финляндию, лишить ее независимости. Такой настрой обозначил направления идеологической пропаганды руководства Финляндии вплоть до 50-х гг. XX в.

Уже в конце 90-х гг. XIX в. в Финляндии зародилось общенациональное движение за независимость, одним из проявлений которого стал “активизм”, включавший в себя действия против России с позиции крайнего национализма. Центры активистов возглавляли: Центральный комитет – А. Гриппенберг, Заграничную делегацию финляндского освободительного движения – И. Кастрен, Р. В. Эрих (Стокгольм); Финляндский комитет (Берлин) – Ветергоф¹⁰. К декабрю 1916 г. русской контрразведке удалось справиться с “активизмом”, но сохранилось другое направление недовольства финнов – движение егерей. С 1915 г. финские юноши стали проходить военную подготовку в Германии (около 2 тыс. молодых людей вернулось в страну в 1918 г.)¹¹.

Хотелось бы отметить, что именно курс царского правительства на уничтожение автономии Финляндии и постепенную русификацию населения последней вызвал к жизни негативное отношение финнов к России как к угнетателю, возникновение национального движения на территории Великого Княжества Финляндского, толкнул финское руководство на установление тесных контактов с Германией и поднял вопрос о безопасности Санкт-Петербурга. По наследству решение этой проблемы перейдет к Временному правительству, взявшему на себя власть после свержения самодержавия.

Февральскую революцию 1917 г. финны восприняли как долгожданное освобождение: они рассчитывали, что с падением самодержавного режима на территории Российской империи исчезнет и их зависимость. Однако, Временное правительство считало себя законной верховной властью и собиралось сохранить все прерогативы царской власти в национальных районах. 20 марта 1917 г. оно восстановило автономию Финляндии в пределах, существовавших до 90-х гг. XIX в.¹². 13 (26) марта 1917 г. был образован финский коалиционный Сенат, однако его председателем по-прежнему являлся генерал-губернатор Финляндии, назначаемый в Санкт-Петербурге¹³. Новый Сенат подготовил проект закона о верховной власти¹⁴ и внес его на рассмотрение в Сейм, где в тот период преобладали представители социал-демократической партии. После этого представители социал-демократической фракции Сейма Э. Гюллинг и К. Х. Вийк обратились 9 апреля 1917 г. ко Временному правительству с запросом по поводу отношения к законопроекту¹⁵. 13 апреля 1917 г. А. Ф. Керенский заявил возглавлявшему Сенат Токою, что “в законопроекте содержатся непомерные требования, которые не будут одобрены Временным правительством”¹⁶.

Однако, среди населения Финляндии все отчетливее проявлялись настроения и стремления к государственной независимости. СДПФ уже 16 (29) марта переслала А. Ф. Керенскому свою программу, где ясно проявлялось ожидание независимости. На заседаниях Сейма Токой прямо заявлял о необходимости независимости для Финляндии¹⁷. Кроме того, весьма показательны в этой связи

речи видного деятеля СДПФ О.В. Куусинена о том, что Временное правительство не является носителем той власти в Финляндии, которую олицетворял царь, поэтому Финляндия по отношению к России является совершенно самостоятельной: “утверждение о том, что мы якобы признали переход к Временному правительству тех прав, которые имел царь, неправильно. Такое признание означало бы добровольный отказ от прав на независимость”¹⁸. Правда, финские социал-демократы, как и представители буржуазии, понимали независимость в виде полной автономии Финляндии в рамках новой российской государственности. Конфликт между Россией и Финляндией мог бы вполне разрешиться в случае, если бы Временное правительство согласилось на подобную автономию Финляндии, но последнее предпочитало вести традиционную политику по отношению к национальным образованиям.

Именно из-за неготовности Временного правительства пойти на компромисс к лету 1917 г. ситуация в Финляндии осложнилась. На волне массового освободительного движения 18 июля Сейм принял закон о верховной власти, направленный на достижение независимости Финляндии¹⁹. Согласно этому закону Сейм получил право утверждать и вводить в силу все постановления, касающиеся государственного хозяйства, налогообложения, финансовой отчетности, которые раньше решал Великий Князь. Правда, Сейм не касался ведения внешней политики, военного законодательства и военного управления. По этому закону Сейм сам устанавливал периодичность созыва, срок окончания сессий. Кроме того, Сейм получил возможность назначать исполнительную власть и сенаторов²⁰. Итогом принятия “Закона о власти” стал роспуск Временным правительством “красного Сейма” 31 июля 1917 г.²¹ После этой акции Сенат пытался обеспечить себе право издания административных постановлений, создания государственных учреждений и назначения должностных лиц, то есть сенаторы стремились перетянуть на себя часть вопросов Сейма, пока не прошли перевыборы в последний.

При Сенате создали особый Конституционный комитет, который разрабатывал положение о формах правления и взаимосвязях Финляндии с Россией. Интересно, что комитет строил свои положения, исходя из автономии Финляндии в рамках России. Предлагалось закрепить связь Финляндии и России путем принятия государственного закона, утвержденного на Сейме и на Всероссийском Учредительном собрании.

В Финляндии декларировалось независимое от России правительство и законодательство. Внешнеполитическая деятельность оставалась в руках российского правительства, но финское руководство принимало бы активное участие в ее осуществлении. Кроме того, русская армия находилась бы на финской территории до создания там своей армии, которая участвовала бы совместно с российской в военных действиях, но только на своей территории²². Однако Временное правительство прервало переговоры и возобновило их только в октябре 1917 г.

На октябрьских переговорах в Гельсингфорсе финская сторона пыталась добиться передачи царских полномочий избранной Сенатом директории, однако из – за разногласий во внешней политике и военных делах Временное правительство не собиралось идти на такой шаг²³.

А 24 октября 1917 г. произошел государственный переворот и Временное правительство потеряло власть над страной.

Таким образом, Временное правительство не смогло решить проблему, связанную с предоставлением Финляндии автономии. Показательно, что до октябрьского переворота финны не пытались получить полную независимость, рассчитывая остаться в рамках российской государственности.

Хотелось бы отметить, что политика царского правительства и политика Временного правительства в отношении Финляндии были органически связаны: оба эти режима боялись предоставить финнам полную автономию, в результате чего постепенно превратили Финляндию во врага России, постоянно опасаящегося полного подчинения. Именно страх толкнул финское руководство на более тесные контакты с Германией и негативное отношение к Советской власти. После октябрьского переворота перед вновь формирующимся правительством большевиков в бесконечном ряду требующих безотлагательного решения проблем встал вопрос о положении Финляндии.

Если до этого переломного в истории России момента и либеральные, и социал-демократические круги Финляндии были за автономное положение внутри Российского государства, то сейчас либеральная буржуазия заявила о необходимости полного самоопределения, то есть о выходе из состава бывшей Российской империи.

Примечания

¹ Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962; Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; Саломаа Э. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Финляндии. М., 1967; Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

² Ильинский Я. С. Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 60–79.; Коронен М. М. Финны – участники Октября // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 17–29.; Рюэмя М. Октябрьская революция в Финляндии // Международная жизнь. 1957. № 9. С. 51–61.

³ Волобуев П. В. Историческое место Финляндской революции 1918 // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 15–25.; Черняев В. Ю. Революция 1917 и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–44.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Спб., 1902. Т. XIX.

⁵ АВП, ф. 135. Референтура по Финляндии.

⁶ Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. №1. С. 57.

⁷ В 1890 г. была упразднена финляндская почта. В 1891 г. появился рескрипт о более тесном объединении России и Финляндии. И, наконец, манифестом от 15 февраля 1899 г. Николай II попытался изменить финское законодательство, объявив о распространении на территории Финляндии общеимперского законодательства. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Спб., 1902. Т. XIX. С. 97–98.

⁸ Вирмавирта Я. Указ. соч. С. 60.

⁹ Там же.

¹⁰ Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. №6. С. 37.

¹¹ Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 101.

РАЗДЕЛ I

¹² Волобуев В. П. Историческое место Финляндской революции 1918 // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 18.

¹³ Революция 1917 г. и обретение Финляндией... С. 28.

¹⁴ АВП, ф. 135, оп. 1, д. 2, л. 1.

¹⁵ Рюэмя М. Октябрьская революция в Финляндии // Международная жизнь. 1957. № 9. С. 52.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Революция 1917 г. и обретение Финляндией... С. 29.

¹⁸ Цит. по: Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 82.

¹⁹ Обращение ЦК Коммунистической партии Финляндии // Новая и новейшая история. 1958. № 2. С. 116.

²⁰ АВП, ф. 135, оп. 1, д. 2, л. 1.

²¹ Волобуев П. В. Указ. соч. С. 18.

²² Революция 1917 г. и обретение Финляндией... С. 31.

²³ Там же.

Р. Ю. Мальцев

*Костромской историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

УЧАСТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СОЗДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРОВИНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Предприниматели Российской империи начала XX в. обладали огромным экономическим потенциалом. В то же время, в связи со спецификой политического строя, реальной политической властью они не обладали. В итоге они были вынуждены проводить лоббирование своих интересов в подковерных играх правящей верхушки. Дополнительные сложности вызвала и организация управления торгово-промышленным сектором экономики, сосредоточенная в финансовом ведомстве. Такой способ управления не давал предпринимателем нужной свободы. И только в 1905 г. в условиях политического кризиса было организовано Министерство промышленности и торговли.¹

В интересах экономической модернизации самодержавный режим допускал объединение предпринимателей в представительных и совещательных организациях.

В начале XX в. в России насчитывалось около 150 таких объединений: полуказенные комитеты торговли и мануфактур (15), купеческие управы (3), биржевые комитеты (85), съезды промышленников и торговцев (27)².

Но уровень их компетенции был жестко ограничен вопросами торгово-промышленной политики.

Отсутствие единства в среде самих промышленников, разногласия и размолвки так же не способствовали объединению. До 1905 г. в провинции и столицах было несколько попыток организовать на основах различных профессиональных союзов и обществ. В 1900 г. в г. Костроме был учрежден Комитет Торговли

и Мануфактур с составом 12 членов, с распространением действием его на губернии: Костромскую, Ярославскую, Вологодскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Тверскую, Владимирскую, Смоленскую, Псковскую. Все расходы принимались на счет владельцев промышленных заведений³.

Задачи политические, до первой русской революции, предприниматели имели возможность решать на уровне местного самоуправления -представительских организаций и городских муниципалитетов. Например Н.А. Найденов, один из богатейших предпринимателей начала XX в., 30 лет с 1877 г. до своей кончины в 1905 г. возглавлял Московский биржевой комитет- ведущую организацию российских предпринимателей пореформенного времени, будучи одновременно гласным Московской Городской думы.⁴ Таким образом, к выборам в Государственную думу представители буржуазии уже имели определенный опыт участия в деятельности представительных организаций.Еще одним направлением деятельности предпринимателей было объединение на почве православия. С осени 1903 г. в Иваново-Вознесенске и Костроме формируются «Общества соборных хоругвеносцев». Само движение имело успех – во Владимирской губернии к 1912 г. было около двух десятков таких обществ. В Костроме кружок действовал довольно вяло, количество членов общества колебалось от 40 до 60 человек. Это были в основном представители городской буржуазии: Ботников, Кашин, Прянишников, Зотов. Показательно, что лидером местных октябристов позднее стал один из видных «хоругвеносцев» городской голова Г. Ботников. Аналогичная ситуация была во Владимирской губернии: здесь в хоругвеносцы входили «лица разных правых политических убеждений, включительно до октябристов». Владимирская администрация сама стремилась, чтобы хоругвеносцы, придерживаясь консервативных идей, не стали «средством объединения единомышленников какой-либо одной политической партии»⁵.

События начала 1905 г. ускорили процесс политического самоопределения предпринимательского мира и вызвали острую конфронтацию его консервативного и либерального крыльев. На это оказало влияние разделение предпринимателей на два лагеря, которые соответствовали промышленным центрам империи. Первым был Петербург, дельцы которого были тесно связанные с военно-промышленным комплексом и соответственно с центральной буржуазией и банками. Вторым, Москва центр легкой и пищевой промышленности, которая наиболее пострадала от кризиса 1900–1903 гг. К 1905 г. она стала центром предпринимательской оппозиции⁶. Экономическая связь костромских и ивановских текстильных предприятий с первопрестольной, сближали провинциальных предпринимателей с наиболее политически активными слоями отечественных буржуа.

Костромской комитет торговли и мануфактур во главе с А.И.Коноваловым, уже являвшийся инициатором образования «Всероссийского общества льнопромышленников». Во второй половине 1905 г. предложил образовать общество для защиты интересов фабрикантов. Как отмечалось самими участниками, главной задачей является организация союза фабрикантов и заводчиков для планомерной работы в смысле противодействия стихийному забастовочному движению, возникшему в рабочей среде под влиянием усиленной агитации крайних элементов.

РАЗДЕЛ I

Процесс участия предпринимателей в партийном строительстве проходил, в провинции так же как и в центре, по следующей схеме: Продвижение в Думу собственных партий- провал их на выборах в Первую Думу- поиск партии наиболее близкой по идейному содержанию. Далее участие в выборах уже от нее.

Программы партий буржуазии были схожи, отличались они деталями. Наиболее крупной была Торгово-промышленная под руководством Г.А. Крестовникова (он заменил умершего в конце 1905 г. Найденова на посту председателя Московского биржевого комитета). Программным документом партии являлось воззвание к избирателям, он был подписан 87 видными деятелями деловой элиты центрального региона (среди которых был и костромич А.И. Коновалов). Идейными принципами партии, аналогичными программным требованиям октябризма, являлись: полное содействие правительству в проведении в жизнь новых начал, вознесенных манифестом 17 октября, и в ограждении «закономерного правопорядка», сохранении целостности России, предотвращении ее автономизации («мы не признаем возможности давать окраинам особые, опасные для целостности России, права»). Кроме того, партия выступала за протекционизм в промышленной сфере; «увеличение крестьянского землевладения в тех случаях, где это является необходимым, при содействии реорганизованного Крестьянского банка»; за «установление условий труда, быта и рабочих организаций в соответствии с результатами, достигнутыми в более развитых промышленных странах».⁷

Процесс создания партий предпринимателей бурно шедший в течении 1905 г. закончился полным крахом. В 1906-1907 гг. многочисленные мелкие партии промышленников исчезают с политической арены. Не возможность привлечь на свою сторону избирателей, отсутствие мощной партии, прагматизм предвыборных программ⁸ стали камнем преткновения на пути к политической власти. Они «были как бы генеральными штабами без армий, они умирали от неизлечимого равнодушия избирателей».⁹

Действительно если в разгар предвыборной кампании 1906 г. упоминания о партиях буржуазии мелькали на страницах периодической печати и донесений полицейских чинов с завидной регулярностью.

Иваново-Вознесенский полицмейстер сообщал в ноябре 1906 г. «Г. Гороховец прошлые выборы в гос. Думу выделялась партия Торгово-Промышленная под руководством городского головы Кобякова».¹⁰ Март 1906 г. Шуя, участие в компании принимают две партии- народной свободы и торгово-промышленная и два союза: русских людей и с. 17 октября¹¹.

К 1907 г. партии промышленников прекращают свое существование. А члены этих партии в большинстве вступают в союз с объединениями близкими по содержанию программ- мирного обновления и октябристов.

Муромский уездный исправник пишет в докладе губернатору 8 декабря 1906 г.: «торгово-промышленную партию можно считать распавшейся, так как и в прошлом году некоторым из записавшихся в нее лиц указывалось что, она к своей программе включила некоторые условия, на которые многие не соглашались и считали, что они обмануты»¹².

Предвыборные кампании 1907 г. отличалась от выборов в первую Думу более обдуманном участием в партийных объединениях представителей предпри-

нимательства. Можно говорить об ориентации буржуазии на правое крыло партийного многообразия.

Нужно отметить факт участия представителей буржуазии в деятельности партий, как левого, так и правого толка. К числу кадетской партии, например, принадлежало, по словам Муромского исправника, «большинство торговцев, преимущественно из незначительных, приказчиков и служащих торговых фирм, лавок и магазинов»¹³.

Основными для предпринимателей партиями в период первой революции стали Союз 17 октября и партия Мирного обновления. Из пятнадцати членов бюро «Костромского отдела «Союза 17-го октября» пятеро значились в письме направленного в ЦК партии как промышленники и фабриканты. В то время как в аналогичном органе партии в Ярославле из 10 членов 2 были промышленниками¹⁴. Похожая ситуация по количеству предпринимателей была и у партии Мирного обновления

По стране подлинное лицо партии октябристов так же определяли представители крупного бизнеса, торгово-промышленные и финансовые дельцы, помещики, крупноцензовая интеллигенция. Именно они возглавляли руководящие органы местных отделов. Из 238 человек, входивших в 23 губернских и уездных комитета, промышленники банкиры, торговцы, домовладельцы и помещики составляли – 39%, крупноцензовая интеллигенция – 37,8%, чиновники – 16,4%, т. е. более 93% всего руководящего состава¹⁵.

Таким образом, разногласия в среде предпринимателей помешали создать общероссийскую политическую организацию. К осени 1905 г. возникло несколько региональных партий буржуазии. Ведущими среди них были Прогрессивная экономическая, Умеренно-прогрессивная, Торгово-промышленная, Всероссийский торгово-промышленный союз и Партия правового порядка. После провала попытки создания собственной партии, предприниматели должны были определиться в политических предпочтениях. В сложившихся условиях крупная буржуазия тяготела к октябристам, мелкая – к черносотенцам., а средняя делила симпатии между теми и другими и (в значительно меньшей степени) кадетами¹⁶.

Примечания

¹ История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М. : РОСПЭН, 1999. С. 230.

² Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 122.

³ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 6573, л. 8.

⁴ История предпринимательства в России. Книга 2. С. 232.

⁵ ГАВО, ф. 14, оп. 4, д. 3668, л. 3.

⁶ Партии российских промышленников и предпринимателей. С. 9.

⁷ Там же. С. 568

⁸ Партии российских промышленников и предпринимателей. См. напр., программу Торгово-промышленной партии. С. 134–145.

⁹ Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М. : Книга, 1922. С. 243.

¹⁰ ГАВО, ф. 14, оп 14, д 101, л. 32.

¹¹ Клязьма. 1906. 12 марта.

¹² ГАВО, ф. 14, оп 14, д 101, л. 44 об.

РАЗДЕЛ I

¹³ ГАВО, ф. 14, оп 14, д 101, л. 44 об.

¹⁴ ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 100, л. 7.

¹⁵ Киселев И. Н., Карелин А. П., Шелохаев В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990 №4.

¹⁶ Селезнев Ф. А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. 2006. №1. С. 47.

О. Б. Панкратова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

**«СПЛОТИВШИЙ ВСЕ СЛОИ ОБЩЕСТВА
И ВОДВОРИВШИЙ МИР В ГУБЕРНИИ...»
(П. П. ШИЛОВСКИЙ – ОДИН ИЗ ГУБЕРНАТОРОВ
РОМАНОВСКОЙ РОССИИ)**

Каждое государство при любой династии, при любых режимах, сильно своими именитыми и неименитыми, но преданными гражданами – министрами и генералами, крестьянами и мастеровыми, врачами и учеными, музыкантами и поэтами. Традиционно сложилось, что русская история редко «хвастается» деятельностью первых лиц наместничеств, уездов, городов и губерний. Костромская губерния может похвалиться губернатором, оставившим светлый след в ее существовании и теплые воспоминания в сердцах костромичей.

В роду Шиловских общественная служба была, можно сказать, традиционной. Дед Петра Петровича, Степан Иванович, надворный советник и кавалер нескольких орденов, более десяти лет занимал пост предводителя дворянства. Отец, Петр Степанович, действительный статский советник, выполнял обязанности губернского секретаря.

Окончив блестяще 3-ю гимназию в Петербурге, в 1887 году П.П. Шиловский держал экзамен в очень привилегированное образовательное учреждение, которое в свое время заканчивали многие будущие государственные деятели – училище правоведения. Его он закончил в 1892 году.

Петр Петрович с самого начала отличался характером любознательным, ищущим, благородным. А по сему служба его особо не прельщала, а карьера всегда тяготила. После получения образования он не сразу поступил на службу, хотя был причислен к Министерству Юстиции, а отправился за границу, в Германию продолжать образование. Там он, вопреки своей служебной стезе, увлекся агрономией. Но увлечение было недолгим, и он возвращается в Россию. При посредстве серьезных родственных связей, без предварительного стажа, он получает место следователя в Луге, в районе Петербургского окружного суда. Работает он там недолго, т.к. служба тяготит его.

В это время проявляется еще одно увлечение будущего костромского губернатора – публицистика. Он избирает для своих литературно-критических проб –

книгу князя Мещерского «Гражданин» и становится известен как автор острых статей на правовую тему. Этим занятием увлекся настолько, что попал в опалу тогдашнего министра юстиции Н.В. Муравьева. П.П. Шиловский подверг критике его нововведения, высказавшись едко о том, что «перемену поперечных погон на продольные, дело правосудия нельзя поставить на новые рельсы»¹. Рассерженный министр хотел его исключить со службы вовсе, но ограничился понижением по службе – П.П. Шиловский был переведен на место следователя, но в очень глухое место – Новоржев. По неизвестным причинам, он опять входит в милость к начальству и едет работать товарищем прокурора в Ревель. Не служба интересует нового чиновника на новом месте. Он начинает изучать русско-финляндские отношения, ездит в Гельсингфорс и, в конечном итоге, пишет ряд статей на эту тему. Н.И. Бобриков, генерал, с 1900 года – член Государственного Совета, ознакомившись со статьями П.П. Шиловского, приближает его к себе и знакомит с В.К. Плеве. Такие знакомства прочили молодому чиновнику дальнейшее и быстрое продвижение по службе. Новые назначения сорвались, так как начальство заподозрило молодого человека в желании обойти его в известности (он должен был читать широко анонсированный реферат о Финляндии, а непосредственные руководители об этом даже не знали). П.П. Шиловский был приглашен для объяснений и после всех этих событий отправлен в Саратов на место товарища прокурора.

В это время В.К. Плеве становится министром внутренних дел и вспоминает о молодом, подающем надежды чиновнике. С 1902 года П.П. Шиловский получает место вице-губернатора в Уральске. В этом городе он проявил себя умелым и твердым организатором, особенно во время эпидемии чумы и был переведен вице-губернатором в Екатеринослав. Это было явное повышение по службе. Как человек с характером и неуправляемым темпераментом, он поссорился со своим губернатором Клингенбергом и оба они, покинув свою губернию, поехали жаловаться друг на друга в Петербург. Выяснение отношений длилось очень долго. Об этом деле знали уже все высокопоставленные чиновники, дело принимало неприятный оборот и чтобы избежать дальнейшей огласки, П.П. Шиловского, с явным понижением, отправляют вице-губернатором в Симбирск. Он становится полновластным хозяином губернии, так как по своей старческой немощи тамошний губернатор Д.Н. Дубасов не мог уже выполнять свои обязанности. В этот период жизни в Симбирске у будущего костромского губернатора появляется новое увлечение – игра на скрипке. Желание заниматься на этом музыкальном инструменте было настолько сильным, что Петр Петрович подумывал бросить службу и отдаться одной лишь музыке.

В 1911 году жизнь Симбирского вице-губернатора резко меняется, так как министром внутренних дел был назначен А.А. Макаров, знавший его еще по работе в Саратове. Он и назначает П.П. Шиловского на должность губернатора в Кострому. Петербургское начальство надеялось, что новый губернатор установит, наконец, в Костроме «добрые отношения между администрацией и обществом. Это было нужно по случаю предстоящих в 1913 году юбилейных праздников. Цель эта была П.П. Шиловским выполнена» - так говорил депутат Государственной Думы от Костромской губернии А.И. Коновалов (прогрессист)².

РАЗДЕЛ I

Положительно деятельность в Костромской губернии нового губернатора оценивал Н.П. Шагов, придерживавшийся противоположных политических взглядов: «Конечно, как рабочему, живущему в отдаленном районе, мне лично мало приходилось сталкиваться с высшей администрацией, но после предшественника Шиловского, генерала Веретенникова, даже нам, рабочим, стало несколько легче дышать»³.

Губернатор П.П. Шиловский находился на этом посту в нашей губернии с 1910 по 1912 годы в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, был статским советником⁴.

Главным достижением нового губернатора, несомненно, было то, что он нашел золотую середину между строгостью и либерализмом в управлении губернией. Он был корректен, выдержан, демократичен, но мог и спросить и твердость проявить. Городское хозяйство пошло в гору. Авторитет П.П. Шиловского в Костроме быстро вырос.

Его стараниями в городе начали строиться Романовский музей и решаться вопрос о памятнике 300-летия царствования дома Романовых. Вопрос о памятнике оказался очень сложным. Осенью 1910 года Академией художеств премированы были 3 проекта памятников, но затем, когда костромское дворянство и земство выступили за одобрение скульптурной группы Адамсона, Академия высказалась против этого проекта, ввиду его бесхудожественности. Проект был переработан ввиду критики Академии и дороговизны проекта в сторону уменьшения количества фигур и изваяний и заявлено новое ходатайство. Но, понимая, сколько нужно будет времени для прохождения нового заявления по всем бюрократическим инстанциям, П.П. Шиловский приходит к единственному выводу, что «в настоящем случае нет иного выхода, как вознесение всего дела со всеми сопровождающими обстоятельствами на непосредственное благовоззрение Его Императорского Величества»⁵. П.П. Шиловский, возглавляя Особый комитет, образованный по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел с Высочайшего Государя Императора соизволения, на предмет сооружения в городе Костроме памятника в ознаменование 300-летия Дома Романовых, подписывает с академиком Адамсоном договор 10 августа 1912 года. Памятник, как известно, так и не был возведен, а вот судьбой бронзовых фигур П.П. Шиловский был озабочен даже в сентябре 1917 года. «Производимая эвакуация Петрограда поставила весьма остро вопрос об участии медной бронзы, в количестве 2–3 тыс. пуд., предназначавшейся на исполнение памятника в Костроме и ныне хранящейся при мастерской академика Адамсона... Член бывшего комитета от архивной комиссии П. Шиловский⁶».

Жена губернатора занялась в Костроме организацией детских больниц и амбулаторий, возглавила местное отделение Союза по борьбе с детской смертностью. «Костромским отделом союза для борьбы с детской смертностью в России... были открыты и функционировали детская больница и амбулатория, сооруженная на средства почетного члена союза А.И. Акатова⁷». В обзоре Костромской губернии за 1912 год отмечается, что в году этом «детская больница (Акатова) продолжала функционировать... причем амбулаторный прием больных с 26 февраля 1912 года проводился в отдельном от больницы новом деревянном здании⁸». По циркуляру Министра Внутренних Дел от 11 декабря 1910 года

«Сплотивший все слои общества и водворивший мир в губернии...»

о выяснении формы приюта «в память князя Иродиона и княгини Марии Оболенских» для бедных вдов потомственных дворян, учреждаемого на капитал, завещанный княгиней Оболенской, губернатор Шиловский уведомляет «канцелярию господина министра», что собрание предводителей и депутатов Дворянства Костромской губернии после его запроса к ним «высказалось за желательность устройства приюта небольших размеров» с таким расчетом, чтобы часть капитала оставалась неизрасходованной и проценты с нее могли быть употреблены на выдачу пособий (по 8–10 руб. в месяц) для всех нуждающихся, которые имеют возможность жить вне приюта⁹. В 1911 году была открыта богадельня в селе Синцово Богчинской волости им. крестьянина А.И. Белякова, и приют в селе Родники (устав губернатором был подписан 6 апреля 1911 года), богадельня в с. Молвитино, учрежденная на средства крестьян, с разрешения губернатора¹⁰. В 1911 году были открыты вновь: землемерное училище в г. Костроме, 4 мужских гимназии (в Ветлуге, Кологриве, Юрьевце, Нерехте) и одна женская прогимназия в г. Солигаличе. Для обучения грамоте взрослого населения открыты в разных частях губернии 13 воскресных школ (9 мужских и 4 женских)¹¹. В 1912 году были открыты вновь: два высших начальных училища по закону 25 июня 1912 года – одно в с. Спасском, Кологривского уезда и другое – в с. Новая Гольчиха, Кинешемского уезда. Все городские по Положению 1872 года преобразованы в высшие начальные по закону 25 июня 1912 года¹².

Время правления П.П. Шиловского не совпало с какими бы то ни было знаменательными периодами в жизни страны. Но сам он о своем времени сказал, что «порядочному человеку в России нельзя быть губернатором»¹³. Его губернаторство совпало лишь с выборами в Государственную думу. Особенно характерным явилось его невмешательство в общественную жизнь губернии во время выборов в Государственную Думу. «Никакого давления на выборы им произведено не было»¹⁴. Член социал-демократической фракции, костромич Н.П. Шагов указывал на корректное отношение бывшего костромского губернатора к населению. Особенно это чувствовалось во время выборной компании. К рабочим организациям придинок не было и «в рамках закона при Шиловском возможно было нормальное существование»¹⁵.

Известен факт, что эсеру Сергею Михайловичу Лотошникову удалось, наконец, в январе 1912 года поступить в Костромское уездное земство, исключительно благодаря тому, что в Костроме тогда был «единственный в своем роде», либеральный губернатор Шиловский¹⁶.

За время своего правления в костромской губернии П.П. Шиловский снискал любовь и уважение костромичей. Он участвовал в работе Губернской ученой архивной комиссии, принимал живое участие в решении вопросов. При нем комиссия получила собственное здание – здание музея. Он участвовал в заседании ГУАК по поводу передачи здания Романовского музея этой организации, выступал там с приветственной речью. «Представителем от архивной комиссии в комитет по устройству памятника 300-летия Дома Романовых был избран единогласно П.П. Шиловский»¹⁷. Он находился в близких, доверительных отношениях с костромскими учеными-краеведами, интересовался их делами уже будучи далеко от Костромы. Это подтверждают два сохранившихся до сегодняшнего

РАЗДЕЛ I

дня документа 0- телеграмма Николаю Николаевичу Виноградову: «вышлите сюда хорошо переплетенную справочную книжку с прекрасными вашими статьями для представления. Шиловский» и письмо П.П. Шиловского Н.Н. Виноградову с вопросами о работе архивной комиссии)¹⁸.

Отношение населения Костромской губернии к губернатору проявились в характере проводов, которые носили чрезвычайно сердечный характер. Все было предусмотрено и продумано. «В 11.30 дня отъезжающие губернатор и его супруга заедут помолиться в Собор, где и состоится сопутствующий молебен, затем, в начале первого часа Петр Петрович и Мария Николаевна приедут в Дворянское Собрание, где соберутся лица, желающие почтить отъезжающих прощальным приветствием, и в 2 часа дня бывший губернатор с супругой будут на железнодорожной станции»¹⁹.

Накануне отъезда к губернатору являлись различные депутации служащих и частных лиц, представители местного «Союза русского народа», Костромской Еврейской общины, о чем оповещали костромские газеты. В его адрес также приходило много телеграмм и писем от желающих поблагодарить его за уважительное и мудрое правление. «С великим огорчением узнали мы о неожиданном уходе Вашего Превосходительства из Костромской губернии... Почти уже приготовленные к празднованию 300-летия Царствования Дома Романовых под Вашим просвещенным руководством, мы, к сожалению, должны будем провести эти знаменательные дни без вас, сплотившего все слои общества и водворившего мир в Губернии»²⁰, – писали ему из Родников.

Шиловского выбрали почетным гражданином города Костромы, почетным мировым судьей, почетным членом различных общественных организаций. «В среду 2 января состоялось экстренное заседание Городской Думы, на котором было вынесено постановление об избрании бывшего Костромского губернатора П.П. Шиловского почетным гражданином г. Костромы»²¹. Еще в период губернаторства П.П. Шиловский все более раздражался формализмом и неосведомленностью столичных чиновников и бездеятельностью власти. Он впал в немилость. Результат не заставил себя долго ждать – в конце 1912 года Шиловского переводят губернатором же, из Костромы в отдаленную Олонецкую губернию, затем в Петро-заводск. Накануне Романовских торжеств, он получает от благодарных костромичей пригласительную телеграмму и обращается к министру за разрешением на поездку в Кострому, но получает грубый отказ. Немедленно П.П. Шиловский подает в полную отставку. Он уезжает в Петербург, что бы полностью посвятить себя техническому творчеству. Еще в середине апреля 1911 года по случаю 75 –летия со дня прокладки в России первой железной дороги, бывший костромской губернатор представил на организованную по этому поводу выставку действующую модель гирскопической железной дороги, а за год до приезда в Кострому, в 1909 году, он получил патент за № 27091 за изобретение сохраняющего устойчивость, быстро вращающегося волчка или гироскопа. Его можно было применять на подводных лодках, торпедках, аэропланах. В 1914 году стало известно о новом изобретении губернатора – юриста – музыканта – человека, не имевшего специального технического образования. Это был первый в мире гироскопический автомобиль. Здесь же в Англии, Шиловский и построил машину на известном автомобильном заводе «Уолсли»²².

Самодержавное устройство российской власти как объект изучения

В 1919 году было принято его предложение о постройке однопутной железной дороги Петербург – Гатчина новым военным ведомством. Руководство строительством опытной железной дорогой было поручено ВСНХ. О подготовительных работах по этому поводу сообщала «Петроградская правда» в 1921 году, но из-за тяжелого положения страны сооружение дороги было прекращено, хотя проложены были уже 12 километров.

Как дальше сложилась судьба губернатора неизвестно. Имя его упоминается во многих научных книгах.

Примечания

- ¹ Костромская жизнь. 1913. 22 июня
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Губернаторы костромские с 1796 по 1917 гг. // Губернский Дом. 1997 № 1. С. 21.
- ⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 130–131 об.
- ⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 10, л. 19–21 об.
- ⁷ Обзор Костромской губернии за 1911 г. Кострома. 1912. С. 32.
- ⁸ Обзор Костромской губернии за 1912 г. Кострома. 1913. С. 34
- ⁹ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 13917, л. 1, 6–7.
- ¹⁰ Обзор Костромской губернии за 1911 г. Кострома. 1912. С. 34; Обзор Костромской губернии за 1912 г. Кострома. 1913. С. 34.
- ¹¹ Обзор Костромской губернии за 1911 г. Кострома. 1912. С. 29–30
- ¹² Обзор Костромской губернии за 1912 г. Кострома. 1913. С. 32.
- ¹³ Воля народа (Кострома). 1917. 18 октября. № 92.
- ¹⁴ Костромская жизнь. 1913. 22 июня. № 133.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Воля народа (Кострома). 1917. 18 октября. № 92.
- ¹⁷ Поволжский вестник. 1913. 4 января.
- ¹⁸ ГУК КОИАМЗ. КОК. 42002, 42003.
- ¹⁹ Поволжский вестник. 1913. 12 января.
- ²⁰ Там же. 1913. 4 января.
- ²¹ Там же.
- 22 См.: Черненко Г. Чудо-поезд губернатора Шиловского // Губернский Дом. 1994. №2.

В. А. Кудинов

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

САМОДЕРЖАВНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

В настоящей публикации я остановлюсь на некоторых исторических проблемах взаимоотношений центра и провинции, формирования российской государственности с самодержавным устройством системы власти.

Одним из первых высокопоставленных историков Русского царства, высказывавшимся по проблеме взаимоотношений государства, как центра и его составляющих частей был Иван IV Грозный.

Он в полемической борьбе со своими оппонентами ссылаясь на множество примеров гибели разных царств из-за разделения власти, или, как он выражался, «дурных государственных устройств». Иван Васильевич Грозный в шести словах выразил сущность своего отрицания представительной системы управления «Тамо особь каждо о своем печесея»¹. Соответственно вся полнота власти должна быть сконцентрирована у государя. Самодержавие – истинный представитель интересов «всей земли», гарант соблюдения всегда и во всем общегосударственных интересов. Эта мысль постоянно внушалась всем подданным. По его мнению, самодержец был единственным источником власти и единственным источником права.

В соответствии со своими представлениями о системе власти Грозный создал фактически новую концепцию Всемирной истории от империи Августа до падения Константинополя. В ней все подчинено главной мысли, опыта мировой истории, который, по мнению Грозного, заключался в том, что при единодержавии государства процветают, при самоуправлении территорий – падают.

Иван Грозный эту мысль внедрил на практике: он ликвидировал как политическую, так и экономическую независимость Новгорода, Пскова, Твери, Москвы и других городов, создал централизованную систему управления, налоговую систему и т. д.

В средневековье в Западных странах уже шел процесс демократизации обществ, в некоторых странах создавалась представительская система парламентаризма, ограничивающая власть центра (монарха), часть функций управления лежала на органах местного самоуправления.

Первый русский царь Иван IV абсолютно не принимал системы монаршего правления, считающейся с парламентом. Так, в письме английской королеве Елизавете в 1570 году, он писал: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и свой государьской чести смотришь и своему государству прибитка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но мужики торговые, и о наших о государьских головах, и о честях, и о землях прибитка не смотря, а ищут своих торговых прибитков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица»².

Система единовластия созданная Грозным, не умерла вместе с создателем, а стала основой развития аппарата власти неограниченной монархии. После смерти Рюриковичей, лихолетья смутного времени на престол был избран Михаил Романов. Какие заслуги имел 16 летний молодой человек? Какими выдающимися чертами личности обладал? Имел ли он государственное мышление? Что предопределило выбор Земского собора в пользу Михаила? Скорее всего, при выборах представители сословий, властных семей, земель, имели ввиду, что править будет не столько он, Михаил, сколько патриарх всея Руси Филарет, отец Михаила. Он находился в это время в польском плену, но влияние церкви было столь велико, что авторитет патриарха, даже находящегося вдали от родины влиял на принятие судьбоносных решений. Но вот парадокс истории. Филарет выступал за самодержавное устройство страны, но когда вернулся из плена, то подписывал государственные документы, как самодержец, несмотря на присутствие на троне царя Михаила.

Самодержавное устройство российской власти как объект изучения

Понятно, что идеологическое обоснование самодержавия развивалось вместе с ней в тысячах публикациях при всех последующих царях. Петр I усилил самодержавную власть в ходе реформирования российской империи. Екатерина II успешно провела преобразование местной власти. Александр I в начале XIX века провел реформу центральной администрации, поскольку считал, что административная система, сложившаяся при Петре I в начале XVIII века, за свою вековую историю устарела.

Верховным управляющим органом империи признавался Сенат, правда, подотчетный самодержцу, вводилось министерское административное управление, подотчетное Сенату. Все это способствовало дальнейшей централизации управления. Циркуляры чиновников – бумажное делопроизводство, стали основным средством управления. И как следствие – расширение штата чиновников.

Буржуазные реформы в области государственного и местного управления, проводимые после отмены крепостного права, приспособляли самодержавный строй к потребностям капиталистического развития страны.

Кардинальные изменения во взаимоотношениях провинции и центра прошли в ходе февральской революции, начались они свержением самодержавия, но системный характер они приобрели после прихода к власти большевиков в октябре 1917 года.

Проблема взаимоотношения государства в целом и его составляющих частей на всем протяжении российской истории, так или иначе, отражена в исследованиях, а также учебных пособиях, курсах лекций историков. Я познакомлю с концепциями наиболее известных историков, так как по ним можно определить вехи в изучении истории, их концепции или развивались, или подвергались критике.

При этом следует иметь в виду, что сами историки – являются продуктом своей исторической эпохи, и в их исследованиях отражаются их общественно-политические взгляды, подходы к источникам и к предшественникам.

Н. М. Карамзин не изучал взаимоотношения между различными территориями в X – XIV веках, так как считал, что «битвы нашего удельного междоусобья, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца»³.

То есть Карамзин и его последователи (школа) считали, что подлинная история начинается с Ивана IV. Но при этом история территорий, народов оставалась на заднем плане, служа лишь фоном деяний государя.

Другое дело С. М. Соловьев. Он включил в сферу своих исследований и феодальную Русь. Он руководствовался взглядами, что государственный строй создается князем в интересах всего общества. Начало развития государственного строя Соловьев относит к периоду феодальной раздробленности, считая последнюю, изменением форм государственного строя, налаживанием договорных отношений между княжествами (территориями).

С этим можно согласиться. Столкновение государственности шло не только мирно, договорным процессом, но и военным путем: произошло почти 160 войн между различными русскими княжествами.

Причины войн, захвата территорий Соловьев сводил к примитивному пояснению: «Повинуясь природным указаниям, распространяли свои владения вниз

РАЗДЕЛ I

по Волге, причем постоянно должны были бороться с болгарами, мордвой и другими инородцами»⁴.

Рассматривая историю России XVI – XVII веков С. М. Соловьев считал, что страна имеет «печальное экономическое состояние» и причины его не в низком уровне общественного развития, развития производительных сил, государственном устройстве, а в войнах с внешними врагами. При этом Соловьев восхищался действиями государственного аппарата, сильный централизованный аппарат власти выступал как государственная сила, преодолевающая все преграды⁵.

Талантливый ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский в начале своей деятельности тоже разделял эту концепцию.

Позднее он стал критически относиться к роли центрального аппарата в развитии территорий, подмечая мелочную опеку и насильственное регулирование закупочных и отпускных цен, сбора налогов и исключительное право ими распоряжаться, недовольство на местах экономической и социальной политикой правительства страны. Он писал: «Стоит заметить, что всякий раз как верховная власть слабела, господствующие классы у нас спешили пользоваться минутой и развивали широкую спекуляцию на счет свободы народного труда»⁶.

«Правительство новой династии по усвоенной им привычке ничего не предупреждать и уступать только силе или угрозам удовлетворяло отдельные жалобы, не объединяя их»⁷.

Ключевский говорил и о необходимости разграничения полномочий между самодержавным правительством и местном самоуправлении, о западном влиянии на личность и гражданина преобразующего общество и в селах и в городах, провинции и столице⁸.

«Но чем шире пользовались мы плодами западной культуры, - писал Ключевский, – тем более расходились с ее основными стремлениями к равенству и свободе»⁹. Обратил внимание Ключевский и на другое противоречие. «По мере усвоения западноевропейских форм политического и гражданского быта, характер и внутренний строй государства становился все более азиатским (менее европейским)»¹⁰.

Ключевский первым обратил внимание и на то обстоятельство, что чем больше расширялась территория государства тем более стеснялась внутренняя свобода народа. Народа, 95 процентов которого проживало в провинции.

В.И. Ленин, определяя государственное устройство в Советской России, разделяя властные полномочия центра и губерний, не мог не высказаться и по истории этих отношений.

«Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызвалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были купцы-капиталисты, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазии»¹¹.

Процессы реформирования России на рубеже XX–XXI веков актуализировали вопрос о соотношении центральной и местной власти, распределения финансовых потоков и налоговых сборов, развития образования и формирования наци-

ональной идеи. Историки, обращаясь к прошлому опыту, пытаются из него извлечь уроки и дать рекомендации, к которым центральная и местная власть прислушивается только в меру своего понимания необходимости его использования.

Есть две составляющих в управлении государством: объект и субъект управления. Под объектом понимается управляемая система, а под субъектом управляющая система, то есть система управления.

Среди исследователей есть те, кто изучает факторы, влияющие на управляемую систему, различные механизмы формирования государства, другие же разрабатывают цели, методы и средства управления. Этим познавательным процессом занимаются экономисты, социологи, политологи, управленцы, философы. Историки же изучают происходивший процесс и явления в далеком и недавнем историческом прошлом.

Применительно к провинции как составной части государства, серьезные научные исследования начались в 20-е годы XX века. В середине 90-х годов изучением этой проблемы занялись костромские ученые. Пятнадцатилетние междисциплинарные научные исследования обобщены в коллективной монографии, выпущенной в 2009 г. ко вторым Романовским чтениям.

Примечания

¹ Послания Ивана Грозного. М. ; Л. С.27.

² Там же. С.226.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн 1. М., 1990. С. 10.

⁴ Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. М., 1998. С. 738.

⁵ Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. М., 1998. С. 606.

⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. 3. М., 1988. С. 150.

⁷ Ключевский В. О. Соч. Т. 3. М., 1988. С. 151.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Там же. С. 366.

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 153–154.

М. В. Ермушин

*Костромская государственная
сельскохозяйственная академия*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СВОДКИ ГУБ ЧК О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ НАКАНУНЕ ВВЕДЕНИЯ НЭПА (ЯНВАРЬ–МАРТ 1921 г.) ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, НИЖЕГОРОДСКОЙ И СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Изучение истории России советского периода вызывает много трудностей связанных с ограниченностью и недостоверностью многих документов официального происхождения: статистика, периодическая печать и т.д. Вопрос о политических предпочтениях населения не является исключением. В связи с этим

большой интерес представляют информационные сводки Губчека. Они носили закрытый характер и предназначались для ограниченного круга лиц. В силу этого не подвергались предварительной цензурной обработке и относительно объективно отражали настроение населения. Единственным недостатком этого вида источника можно считать некоторую декларативность сведений. Это подразумевает большой объем скрытой информации, которую не всегда можно выявить. В тоже время, сводки составлялись дважды в месяц, что позволяет составить более объективную картину по исследуемому вопросу.

Фонд Государственного архива новейшей истории Костромской области Ф.Р. 3656 опись 3 содержит, помимо материалов по Костромской губернии, информационные сводки Губчека Иваново-Вознесенской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской и Северодвинской губерний. Структура документов идентична. Все это дает возможность исследователям выявить особенности политических позиций населения Верхнего Поволжья.

В информационных сводках Губчека главное внимание обращалось на выявление активности небольшевистских партий, настроения крестьян, рабочих, военных и духовенства. Сведения об остальных категориях населения (интеллигенция, буржуазия) приводятся фрагментарно. Поскольку эти социальные группы не проявляли политической активности и попадали в поле зрения Губчека, поскольку постольку.

В 1921 г. население жило новыми ожиданиями, вызванными окончанием гражданской войны. Особенность Верхневолжского региона в контексте рассматриваемого вопроса заключалась в удаленности от театра военных действий и преимущественном сельскохозяйственном характере развития экономики. Все это, безусловно, влияло на социально-политические взгляды населения.

Наиболее многочисленной категорией населения в регионе являлось крестьянство. В годы гражданской войны оно несло на своих плечах основные тяготы государственных повинностей. На протяжении 1918–1919 гг. крестьяне неоднократно принимали участие в антисоветских выступлениях. Однако из-за отсутствия в регионе централизованного политического руководства со стороны антибольшевистских сил, выступления не переросли в крупномасштабную войну¹. Хотя в отдельных случаях организатором антибольшевистских акций в деревне являлись представители левых эсеров. Помимо отсутствия единого антибольшевистского центра на действия крестьян повлияло изменение политики местных органов власти².

В начале 1921 г. крестьянство Верхнего Поволжья в целом позитивно воспринимало советскую власть. Главным предметом недовольства в информационных сводках фигурирует трудовая повинность, насаждение коммун и др. Особую неприязнь крестьяне испытывали к гужевой повинности, которая оставляла их без тягловой силы в период посевной и уборочной компании. Таким образом, условия, благоприятные для антисоветских выступлений, сохранялись. В связи с этим небольшевистские партии (прежде всего, эсеры и анархисты) пытались активизировать свою работу в деревне. Костромское ЧК зафиксировало распространение по уездам журналов левых эсеров “Знамя”, правых эсеров “Народ”, эсеров-максималистов и анархистов “Голос труда”³. Они распространяли неле-

гальную литературу по почте. Это говорит об отсутствии в регионе у этих политических организаций каких-либо связей среди населения. В Губчека отмечали, что абстрактные призывы к свержению советской власти отклика не находили. Большим успехом пользовалась критика отдельных мероприятий аграрной политики большевиков: повинности, коммуны и др.⁴. Суля по информационным сводкам крестьянство четко разделяло эсеров на контрреволюционеров, говоривших о свержении власти, и эсеров критиков власти. Последних в ЧК называли “шептунами”, которые в кругу доверенных лиц критиковали действия советских органов власти, но не более. Поэтому каких-либо репрессивных мер к этой категории местные ЧК не планировали.

Одной из форм сопротивления принято считать бандитизм. Поскольку подобных явлений зафиксировано мало и преимущественно на границах губернии, то бандитизм носил больше уголовный, нежели политический характер. В данном случае скорее присутствовало желание “половить рыбку в мутной воде”, обогатиться легко и быстро.

Антибольшевистские настроения в рассматриваемое время характерны для солдатской среды. Красноармейцы из крестьян, возвращаясь с фронта, сталкивались с противоречием между теми идеалами которые они защищали и положением в деревне⁵. Считаем уместным полностью (сохраняя орфографию и стиль) привести воззвание одного из красноармейцев, вернувшихся домой в одну из деревень Иваново-Вознесенской губернии.

“Воззвание к товарищам фронтовикам

Товарищи фронтовики довольно спать раскройте глаза, что мы спим долой тех пауков, засели здесь и ни хотят ехать на фронт а только здесь проезжают на наших шеях как в рай парткомы в комиссии по дезертирам как комиссариаты эти все враги трудового крестьянства они грабители они пауки нете пауки которые добывают хлеб честным трудом ате которые отбирают мы на фронте а они храбры с безоружным крестьянством пусть же они нонухают пороху фронтового мы нанюхались и приехали к голодным отцам у которых все отобрали эти крысы наши враги. Мы защищаем не трудовых крестьян а этих пауков долой проснись товарищи фронтовики сомкните теснее ряды пуст они подут на фронт а мы займем их места мы сможем тоже правит долой войну да здравствует мир записывайтесь в мой отряд.

Я помощник дяди Махно

Адрес сорок верст три креста

Подымим на воздух все парткомы комиссии по дезертирам с его пауками и комиссариаты

Як Дядя Рак”⁶.

К сожалению, автор документа неизвестен. Однако из него видно, что его образование вряд ли больше нескольких классов церковно-приходской школы. Не вызывает сомнений, что он относился к крестьянскому сословию. Возможно, дезертир, поскольку ненависть к “комиссиям по дезертирам” проходит через все произведение. В нем не прослеживается влияния эсеров или других антибольшевистских партий, так как в воззвании нет характерной для них револю-

ционной лексики. Возможно, документ являлся продуктом не одного человека, а коллективного творчества, так как автор считал возможным выступать от лица всех фронтовиков и пишет в третьем лице. Не менее интересна подпись и адрес. Здесь, к сожалению, сказать что-нибудь определенное не представляется возможным. Скорее всего, в качестве адресата выступали люди какого-либо селения, те, кто хорошо знал местные названия объектов. Возможно, воззвание привез кто-то из солдат, вернувшихся с фронта и прихватил ее для самокрутки. Так или иначе, из отчетов Губчека следует, что подобные призывы не находили отклика в солдатской среде. В документах отмечалось удовлетворительное положение в военных гарнизонах рассматриваемых губерний.

В рабочей среде отношение к власти тесно увязывалось с продовольственным снабжением. В тех районах, где наблюдалась неблагоприятная ситуация, зафиксированы забастовки и наоборот⁷. Требования рабочих носили экономический характер. Как и в случае с крестьянством, проявляли себя небольшие политические силы, пытавшееся недовольство рабочих перевести из экономической плоскости в политическую. Так, например, в г. Середи Иваново-Вознесенской губернии на заборе фабричных ворот были расклеены листовки следующего содержания: “Граждане. Не пора ли проснуться, не довольно ли этой волчьей жизни, ведь голод и нищета открыли свою пасть и хотят проглотить нас и Россию”, - и далее шло обращение к большевикам – “... Вы взяли в руки власть, так удовлетворите же народ до некоторой степени. Иначе можно ожидать плохих результатов”⁸. Однако ЧК склонно было рассматривать это как хулиганскую выходку, не имевшую никаких политических последствий.

Относительно спокойное поведение рабочих на фоне продовольственного кризиса объясняется расположением промышленных предприятий в пригородах. Рабочие жили неподалеку от места работы и вели свое приусадебное хозяйство. Помимо этого значительная их часть находилась в армии, что, безусловно, сглаживало продовольственную проблему. В последствии, когда начнется демобилизация, а количество действующих промышленных предприятий сократиться, то социальный кризис в этой среде обострится.

В Нижегородской и Северо-Двинской губерниях для большевиков дело обстояло далеко не так благополучно. В информационных сводках Нижегородского и Северо-Двинского ЧК фиксировалась большая, чем в Верхнем Поволжье, активность небольшевистских партий, антибольшевистская работа служащих и священников. При этом их деятельность находила широкую поддержку населения. В северо-Двинской губернии ЧК зафиксировала создание антисоветских групп. Так, в Никольском уезде выявлена группа из 15 человек, поставивших цель свержение советской власти⁹. В Сольвычегодском уезде и г. Котласе активизировались анархисты. Их деятельность ограничилась антисоветской пропагандой и хулиганскими выходками (избили 21 ответственного работника). Некоторые священники в проповедях обращались к населению с призывом свергнуть советскую “антихристову власть”. Приведем несколько строк из призыва священника к прихожанам: “Слово всем

православным христианам, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, это есть антихристы, так как власть не признает Иисуса Христа с Господом Богом Творцом небесным и церковь Божию гонит и святых угодников не почитает это и есть братцы дух антихриста¹⁰.

Волнение среди населения вызывали слухи о якобы продаже Севера России Англии. На этой почве в Устьсысольском и ряде других уездов прошли митинги и манифестации¹¹.

В Нижегородской губернии ЧК отмечало враждебное настроение крестьян к советской власти. Перевыборы в советы Арзамасском уезде в начале 1921 г. показали недоверие местных жителей к большевикам: из 160 человек лишь 40 были членами РКП (б). Со стороны служащих участились случаи саботажа и антисоветской агитации¹². К сожалению, в документах не приведены количественные данные, поэтому говорить о массовости таких явлений трудно. Такое отличие в настроении населения в отличие от Верхневолжского региона объясняется наличием более крупных промышленных предприятий. Следует учесть и то, что Нижний Новгород располагался в непосредственной близости к театру военных действий, а Архангельск недавно находился в сфере деятельности оккупационных сил. Кроме того, Нижний Новгород и Архангельск являлись старинными крупными торговыми центрами с богатым купечеством и значит, политика советской власти вызывала здесь большее недовольство.

Таким образом, отношение население к советской власти губерний Верхнего Поволжья к власти в целом можно характеризовать как лояльное. Нарекания населения вызывали отдельные элементы политики большевиков и представители советских органов. Таких явлений, которые привели бы к выступлениям как в Тамбовской губернии в регионе не зафиксировано. В тоже время в Нижегородской и Северо-Двинской губерниях оппозиционность населения к большевикам была выше и носила не экономический, а ярко политический характер.

Примечания

¹ См.: *Тихонова О. В.* Крестьянские выступления в Верхнем Поволжье в годы гражданской войны (1918–1921 гг.) / автореф ... дисс ... канд. ист. наук. Кострома, 2004. С. 20–29.

² См.: *Миловидов В. Л.* Страницы российской истории: избранные статьи и очерки. Кострома : КГУ им Н. А. Некрасова, 2006. С. 129.

³ ГАНИКО, ф.р. 3656, оп. 3, д. 8, л.8.

⁴ Там же, д. 5, л. 3 об.

⁵ Там же, д. 8, л. 35.

⁶ Там же, д. 8, л. 36.

⁷ Там же, д. 7, л. 8, 18.

⁸ Там же, д. 7, л. 13.

⁹ Там же, д. 7, л. 19.

¹⁰ Там же, д. 7, л. 2.

¹¹ Там же, д. 7, л. 19.

¹² Там же, д. 7, л. 13 об.

А. Б. Белихов
*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КОСТРОМСКОГО КРАЯ В XX ВЕКЕ

Наибольшей своей значимости железнодорожный транспорт достиг в конце XIX – начале XX веков. Именно в это время Россия переживала настоящий железнодорожный бум, выходя по темпам укладки рельс и шпал на первое место в мире, мобилизуя на эти мероприятия огромные материальные и людские ресурсы.

Железная дорога пришла в Кострому в 1887 году, связав губернский центр с Ярославлем и Москвой; спустя десять лет Кострома получила железнодорожное сообщение с Рыбинском, а через него с тогдашней столицей, Санкт-Петербургом.

Но очень скоро этой железной дороге, которая проходила (и проходит до сих пор) сильно выгнутой от Волги дугой, расстояние по которой до Ярославля составляло 101 км, оказалось мало. Интенсивно развивавшаяся промышленность Костромы, прежде всего текстильная и мукомольная, властно требовали новых путей подвоза сырья и сбыта готовой продукции. Ситуация осложнялась отсутствием железнодорожного моста через Волгу в Костроме. Все грузы, следовавшие в город, приходилось перегружать на паромы, чтобы преодолеть водную преграду.

Для решения проблемы в 1913 году, к трехсотлетию династии Романовых, инженером путей сообщения В.М. Толстопятовым был разработан проект оптимального соединения города Костромы непрерывным рельсовым путем с общей сетью железных дорог Российской Империи. Этот проект предусматривал строительство в Костромской губернии новых магистральных железнодорожных линий: новой, прямой магистрали Ярославль–Кострома через Гузицыно–Саметь, Кострома–Вологда через Сандогору и Кострома–Мантурово через Судиславль–Игодово. Реализация этих проектов позволила бы установить удобное железнодорожное сообщение Костромы с большинством регионов России¹.

Первоочередное значение придавалось новой линии на Ярославль. Стальная магистраль должна была соединить два крупных промышленных и административных центра кратчайшей дорогой по левому берегу Волги². Проект был одобрен на высочайшем Уровне³. Новый путь сократил бы расстояние между городами на треть. Путеукладочные работы планировалось начать в 1914 году, но им помешала первая мировая война.

Этот проект был наиболее близок к завершению. В 1925 г. Ярославский губернский исполком добивается разрешения верховных властей страны возобновить строительство. В 1926 г. было начато строительство полотна от станции Филино в Ярославле, которое в кратчайшие сроки было дотянуто до Красного Профинтерна (бывшее Гузицыно). Вновь построенная линия обеспечивала потребности крупнейшего в стране завода по переработке картофеля, на котором производилось более 30 % всей крахмалопаточной продукции России. До Костромы оставалось построить чуть более 20 км пути. Но они так и остались не пройденными, так как строители столкнулись с сильно заболоченными террито-

риями в тех местах, где ныне находятся Костромские разливы. Кроме того, к тому времени Костромская губерния была расформирована, а Костроме отводилась незавидная роль райцентра. Не смотря на то, что в 1932 году был введен в эксплуатацию железнодорожный мост через Волгу, Кострома оказалась оторванной от магистральных железных дорог⁴.

Существовавшая до недавнего времени узкоколейная Мисковская железная дорога также являлась частью проекта инженера Толстопятова⁵. Она была построена для нужд торфопредприятия в Мисково и была введена в эксплуатацию в 1962 году. Существовало пассажирское сообщение: до середины 80-х годов XX века два раза в день ходил пригородный поезд, на станции 5-й км в Костроме действовала касса. Поезда следовали с остановками: Мякишево, Сущево, Абабурово, Шоды. Рабочие поезда курсировали вплоть до закрытия дороги в 2002 году.

Мисковское торфопредприятие находится в поселке Мисково Костромского района Костромской области. В едином комплексе был построен жилой поселок торфодобытчиков – Мисково, и узкоколейная железная дорога, которая была в свое время крупнейшей среди торфовозных узкоколейных железных дорог региона. Помимо относительно небольших линий, связывающих поселок с торфомассивами, появилась достаточно протяженная магистраль, ведущая во «внешний мир» – от станции Мисково до станции 5 километр, расположенной в Костроме.

По планам, добываемый на Мисковском торфопредприятии торф должен был поступать на Костромскую ТЭЦ-1, для которой он становился основным видом топлива. У станции 5 километр был создан относительно крупный комплекс торфяного склада. Подвижной состав узкой колеи мог следовать и далее, по «трехниточному» пути – непосредственно на территорию ТЭЦ.

Планы были успешно реализованы. Несмотря на экономические и политические перемены в стране, такая схема работы торфопредприятия и узкоколейной железной дороги продержалась почти 40 лет.

На протяжении всей истории Мисковского торфопредприятия, известно о четырех торфомассивах, где велась добыча торфа: Калиниха, Кремь, Караси и Андреевский.

Протяженность линии узкоколейной железной дороги от станции Мисково до станции 5 километр, предназначенной для доставки торфа на Костромскую ТЭЦ-1, составляет 36 километров. По меркам торфовозных узкоколейных дорог, это чрезмерно большое расстояние. Но стабильность работы этого участка во времена плановой экономики могла не вызывать опасений. После 1991 года события стали складываться иначе. Самого худшего удалось избежать – от планов полного перевода ТЭЦ-1 с торфа на другие виды топлива местные руководители благоразумно отказались. Но с каждым годом все острее вставал вопрос о целесообразности использования узкоколейной железной дороги для транспортировки торфа на торфосклад в Костроме.

Затраты на текущее обслуживание и ремонт пути на участке Мисково – 5 километр теперь уже казались слишком обременительными. Можно сказать, что в 1990-е годы этот участок действовал «по инерции» – из него выжимали последнее, не затрачиваясь на ремонт. Однако непропитанные деревянные шпалы, как известно, имеют очень короткий срок службы [6].

В 2001 году, как поначалу казалось, наметилась тенденция к улучшению ситуации. После длительного периода упадка, когда Мисковское торфопредприятие объявлялось банкротом, а ТЭЦ-1 работала в основном не на торфе, а на газе и мазуте, было объявлено о планах реконструкции узкоколейной дороги. Торфяное топливо должно было вновь стать основным для Костромской ТЭЦ-1. ТЭЦ была приобретена компанией «Газпром», но газовики заявляли о том, что считают торфодобычу перспективной. Некогда известное в России и за ее пределами Мисковское торфопредприятие в 2001 году назад стало банкротом.

Между тем, запасы торфа в окрестностях поселка Мисково весьма значительны. Их, по оценкам специалистов, хватит как минимум на 50 лет. В 2002–2003 годах, благодаря беспроцентному кредиту АО «Костромарегионгаз», добыча торфа была увеличена.

До недавнего времени, озвучивались идеи восстановления железной дороги от Мисково до областного центра на стандартной колее 1520 мм. Предполагалось, что благодаря этому инвестиционному проекту брикетированным торфом будут обеспечены не только костромские ТЭЦ, но и сельскохозяйственные предприятия, которые получают экологически чистые и недорогие удобрения. Газовики, выступавшие в роли инвесторов, преследовали свои цели давнего стратегического плана по замене «голубого топлива» на альтернативное. Освободившийся в результате этого газ они могли бы пустить на газификацию новых районов Костромской области.

В действительности события стали развиваться так, как и следовало ожидать: дальнейшее поддержание деятельности 36-километровой линии узкоколейной железной дороги было признано экономически нецелесообразным. Так вместо реконструкции, вскоре началась ликвидация этого участка. В 2002 году снятие рельсов на всем его протяжении было завершено.

Потеря этого участка – одного из самых необычных в России, была печальным событием для всех, кому не безразличны железные дороги, для каждого жителя Костромы – город утратил частицу своей неповторимости.

В сентябре 2005 года добыча торфа была почти полностью прекращена. Последние участки узкоколейной железной дороги были разобраны. Вопрос о продлении этой дороги до Вологды. Согласно проекту Толстопятова, в советский период никогда не ставился.

До настоящего времени Кострома, по сравнению с другими областными центрами европейской части России, наиболее плохо обеспечена железнодорожным транспортом.

В 1955 году, когда была сдана в эксплуатацию железная дорога Кострома–Галич, появилась надежда на улучшение ситуации. Но именно под Костромой были размещены военные «ракетные» поезда (БЖРК), курсирование которых интенсивно изнашивало пути и существенно ограничивало развитие участка Кострома – Галич в мирных целях. Местным властям того времени пришлось приложить немало усилий, чтобы единственный транзитный поезд дальнего следования (Москва–Абакан, затем Москва–Хабаровск) все-таки стал «заезжать» в Кострому.

Планы улучшить ситуацию с поездами дальнего следования в Костроме предпринимались и в конце советского периода истории. Для военных нужд была построена отдельная ветка Первушино–Заволжск, строился железнодорожный

мост в Кинешме. В 1984 году на станцию Кострома-Новая прибыл первый электропоезд из Ярославля⁶.

Костромское направление ярославцы начали электрифицировалась изначально исключительно под пригородное движение, поскольку вдоль него располагалось большое количество пионерских лагерей, летних дач и детских садов, в основном железнодорожных. Для Костромы это был «статусный» объект и подготовка инфраструктуры для массового образования садоводств. Затем стратегической целью электрификации был перевод ж/д Ярославль – Кострома – Галич в разряд магистральных в качестве дополнительного выхода из Европейской части на Урал и в Сибирь. В 90-е годы, по понятным причинам, и этим проектам не суждено было сбыться.

Теперь, когда военные БЖРК расформированы, развитию железной дороги ничто не препятствует. И вот обнадеживающая весть. Теперь можно сказать с очень большой долей уверенности: магистральной железной дороге в Костроме быть! Новое дыхание «костромская ветвь» получит благодаря строительству порта на Балтийском море в Усть-Луге, под Санкт-Петербургом. Развитие экспортно-сырьевого сектора экономики, остающегося для России по-прежнему важнейшим, аргумент более чем серьезный!

Как сообщил начальник Северной железной дороги В.А. Билоха на страницах газеты «Гудок»⁷, к концу 2010 года объем грузоперевозок на усть-лужском направлении должен увеличиться до 36 млн тонн в год... Одновременно с развитием направления Свеча - Кошта необходимо ускоренным темпом развивать направление Галич – Кострома – Ярославль – Сонково – Мга.

Разгадка проста: железная дорога Буй – Вологда – Санкт-Петербург практически исчерпала свою пропускную способность на участке Вологда – Череповец из-за продукции «Северстали». Деваться железнодорожникам некуда: для освоения перевозок на Усть-Лугу, к 2015 году, когда грузопоток возрастет почти в пять раз, волей-неволей предстоит построить второй главный путь на участке Галич – Ярославль протяженностью 154 км, электрифицировать участки Галич – Кострома и Ярославль – Сонково – Будогощь, усилить и электрифицировать участок Савелово – Сонково. В самом деле, не через Москву же и Нижний Новгород возить сотни тонн нефти! А других железных дорог нет!

В результате, через несколько лет станет не только возможным, но и экономически оправданным пропускать через Кострому новые транзитные пассажирские поезда.

Электрификация участка Кострома – Галич вынудит железнодорожников развивать и всю сопутствующую инфраструктуру. До сих пор этот участок остается неэлектрифицированным из-за разных параметров контактной сети: в Костроме постоянный ток напряжением 3 кВ, в Галиче – переменный ток напряжением 25 кВ. Для беспрепятственного прохождения поездами «токораздела» потребуются сооружение станции стыкования, где коммутируют ток и меняют электровазы, как это происходит во Владимире, Рязани или Данилове Ярославской области. Станция стыкования потребует и строительства нового локомотивного депо. В результате, только развитие железнодорожной инфраструктуры потребует открытия в Костроме десятков, если не сотен новых рабочих мест.

РАЗДЕЛ I

Железнодорожная сеть на протяжении XX века развивалась не только в окрестностях города Костромы, но и в удаленных районах. О. условлено это было, прежде всего, бурно развивавшимся лесо-промышленным комплексом. До 1990-х годов Костромская область относилась к числу регионов с высоким уровнем насыщенности узкоколейными железными дорогами (в основном лесовозного назначения). По многим направлениям существовало пассажирское сообщение.

По состоянию на 2005 год, в Костромской области все еще оставалось 5 действующих узкоколейных железных дорог, в том числе 4 лесовозные (Ужугская узкоколейная железная дорога, Зебляковская узкоколейная железная дорога, Колногорская узкоколейная железная дорога, Ленинская узкоколейная железная дорога), и 1 торфовозная (узкоколейная железная дорога Бельниковского торфопредприятия). В 2008 году практически все они прекратили существование.

Монзенская железная дорога, пролегающая по территории Вологодской и Костромской областей – одна из крупнейших в России ведомственных железнодорожных линий. Эта железная дорога имеет стандартную колею 1520 мм.

Строительство «Монзенской железнодорожной ветки» началось осенью 1933 года. Ее начальным пунктом стал разъезд Вохтога на железнодорожной линии Вологда – Буй.

На самой ветке сразу же было построено несколько поселков-лесоучастков: Монзенский (станция Монза) на 16 километре (предположительно, рядом со старым Монзенским лесоучастком), Восьинский (Восья) на 29 километре, Истопный или Истопной (станция Истопная на 32 километре). Вскоре от Истопной была построена пятикилометровая ветка в восточном направлении – до Прудовицкого лесоучастка (поселок Прудовица). Позднее ей будет суждено стать главным ходом большой Монзенской железной дороги.

В годы войны строительство новых участков продолжалось. В 1946 году велось активное строительство поселка Каменка. Здесь возникла самая северная в то время станция Монзенской железной дороги, удаленная от Вохтоги на 49 километров. Помимо самой Каменки, рядом появилось также несколько менее крупных поселков.

К 1950 году железнодорожная линия широкой колеи была продлена от Прудовицы до новопостроенного поселка Лосья. От него в восточном направлении вела узкоколейная железная дорога, на которой возник поселок Стекланка. В самой Лосье был построен механизированный нижний склад. Кроме того, механизированные нижние склады, оборудованные для разделки хлыстовой древесины, возводились в Каменке, Востроксе (этот поселок находился рядом с Каменкой), и в Прудовице.

В 1970-х годах продолжалось обустройство и заселение новых поселков – Гремячего, Карицы и Иды, велась реконструкция существующих участков Монзенской железной дороги. В поселке Вохтога к тому времени уже действовал крупный деревообрабатывающий комбинат (Монзенский ДОК). На него направлялась значительная часть древесины, заготавливавшейся Монзенским леспрохозом.

Большинство поселков после прекращения лесозаготовок сохранялись. Постепенно они утрачивали свою «лесную» специализацию, и становились похожими скорее на обычные деревни. В то же время, некоторые

поселки (Лосья и Весеннее – на широкой колее, несколько поселков на узкоколейных дорогах) были закрыты и разрушены. Их жители принудительно переселялись в другие места.

За 1971 год по Монзенской железной дороге было вывезено 107 тысяч кубометров леса. Тогда на ней работали еще в основном паровозы. В 1974–1975 годах дорога окончательно переведена на тепловозную тягу. Поступали тепловозы ТЭМ2, ТГМ1, ТГМ3, ТГМ4, ТГМ6, ТГМ23, а паровозы были разрезаны и отправлены в металлолом.

За десятилетие объем вывозимой древесины увеличился почти в шесть раз: в 1981 году Монзенская железная дорога перевезла 620 тысяч кубометров леса. Кроме того, перевозилось значительное количество грузов для промышленных предприятий города Солигалича.

По имеющимся данным, к началу 1980-х годов был открыт для эксплуатации новый перегон Ида – Кунож, длиной 28 километров. На станции Кунож был построен нижний склад, древесина доставлялась на него автотранспортом. Крупного поселка вблизи станции Кунож не строилось – здесь стали работать жители Иды, а также близлежащего села Юркино. От Иды в восточном направлении было организовано движение рабочих поездов.

По данным на 1985 год, в составе Монзенской железной дороги находились службы пути, движения, связи и вагонная. Работа всех служб производилась в соответствии с Правилами технической эксплуатации железных дорог СССР. В том же году грузооборот составил 210 955 110 тонно-километров.

Станция Кунож недолго была конечным пунктом. К востоку от нее появилась станция Юза (208 километров от Вохтоги). Здесь началась погрузка в вагоны леса, заготавливаемого лесопунктом Зайчики Бабушкинского леспромхоза. Но и на Юзе магистральная линия не остановилась. Было принято решение о продлении дороги до города Никольска (298 километров). В те годы ни у кого не возникло бы сомнений в том, что в Никольск скоро придут поезда.

Монзенская железная дорога достигла таких масштабов, что к ней уже не подходило определение «ветка местного значения», уместное в 1930-е годы. А наиболее вероятный сценарий дальнейшего развития событий был таким: продление дороги от Никольска на Кичменгский Городок и Великий Устюг (другие варианты – до поселков Подосиновец или Речной в соседней Кировской области), коренное обновление уже существующего участка Вохтога – Никольск, с последующей передачей его в состав сети общего пользования МПС Советского Союза. Ветка Ядриха – Великий Устюг, строившаяся в 1970-е годы, изначально планировалась вовсе не как тупик, а как часть новой железнодорожной магистрали (по разным данным, либо на Никольск – Шарью, либо на Вологду).

Участок Никольск – Великий Устюг должен был строиться, в первую очередь, с целью развития экономики и улучшения транспортного обслуживания восточных районов области. Не исключалось, что в более отдаленной перспективе он станет частью транзитного хода Урень – Шарья – Котлас.

Строительство новых участков вышло далеко за рамки «внутреннего дела» Монзенского леспромхоза. К сожалению, несмотря на это, оно по-прежнему велось лишь его силами и средствами. Поэтому темпы строительства были очень

РАЗДЕЛ I

низкими (по 7–8 километров в год). Лишь в летнее время здесь были задействованы студенческие стройотряды. Известно, что на «Монзу» направляли студентов МАИ и других московских институтов.

На многих участках сразу же после укладки пути вблизи него организовывались лесозаготовки. Лес треловался тракторами прямо к рельсам, и грузился в вагоны-«сцепы», минуя промежуточную стадию перевозки автолесовозами.

По данным на 1987 год, длина главных путей Монзенской железной дороги составляла 227,2 километра, развернутая (с учетом всех станционных путей и тупиков лесопогрузочных пунктов) – 285,88 километра.

По данным на 2001 год, на дороге действуют 14 станций (Вохтога с «районом» Таежный, Монза, Истопная, Каменка, Стеклянка, Побоичная, Ламса, Солигалич, Гремячий, Карица, Ида, Кунож, Юза, Кема). Насчитывается 22 малых и средних моста. Работают 11 тепловозов (ТЭМ различных модификаций). Кроме того, еще несколько маневровых тепловозов находятся в собственности Солигаличского известкового комбината, а на участок Вохтога – Солигалич заходят тепловозы 2ТЭ10, приписанные к депо Вологда Северной железной дороги. Имеется также значительное число различных автотрис и мотодрезин полукустарного производства. До настоящего времени по Монзенской железной дороге четыре раза в неделю курсирует пассажирский пригородный поезд Вохтога–Ида.

Пассажирское движение существовало и в Кологривском районе. От поселка Ужуга ходили пассажирские поезда до станции Еленский близ Неи, на главном ходу Транссибирской магистрали.

Ужугская узкоколейная железная дорога принадлежит Кологривскому леспрому (Ужугский лесопункт). Находится в Кологривском районе Костромской области, на значительном удалении от железнодорожных линий широкой колеи. Начальный пункт узкоколейной железной дороги – поселок Ужуга, расположенный на левом берегу реки Унжа.

Кологривский леспромхоз существует с 1929 года. Ориентировочная дата открытия первого участка Ужугской узкоколейной железной дороги – 1949 год. Изначально дорога являлась сплавной. Вывезенный по ней лес сплавлялся по реке Унжа. Подвижной состав завозился на узкоколейную железную дорогу баржами в период высокой воды. В 1950-е годы на Ужугской узкоколейной железной дороге появился лесной поселок Ульшма. В 1973 году он был выселен⁸.

Напротив Ужуги, на правом берегу реки, появилась линия узкоколейной железной дороги Красноборского лесопункта Кологривского леспромухоза, которая позднее составила единую сеть с Потрусовской узкоколейной железной дорогой. В случае строительства моста через реку Унжа Ужугская узкоколейная железная дорога стала бы частью крупной сети, получила бы выход на широкую колею (станция Еленский).

Не смотря на то, что многие железные дороги Костромского края разобраны, сохранились насыпи. Впоследствии, эти насыпи могут быть реконструированы и послужить основой для укладки рельс стандартной, широкой колеи.

В настоящее время приоритет развития отдается автомобильным дорогам. В то же время в России, с учетом ее расстояний и климатических условий, железнодорожный транспорт будет оставаться вне конкуренции при перевозках на

Гражданский аспект в самоуправлении российских территорий и городов

расстояния более 300 км. По мере исчерпания запасов нефти и газа, вопрос об изменении приоритета в транспорте будет все более актуальным.

В связи с вышеизложенным, есть основания предполагать, что в исторической перспективе неизбежно встанет вопрос о реализации как проекта инженера Толстопятова, так и восстановления на широкой колее железных дорог в Кологривском, Вохомском и Павинском районах.

Особо значимым следует считать развитие костромского узла – строительство магистралей на Ярославль по левому берегу Волги и на Вологду через Мисково – Сандогору (по трассе разобранный пять лет назад узкоколейки).

Реконструкция Монзенской железной дороги, организация вагонов беспересадочного сообщения Москва–Солигалич и Санкт-Петербург–Солигалич может дать новый потенциал развития уникального бальнеологического курорта на севере Костромской области.

Примечания

¹ *Толстопятов В. М.* О наилучшем соединении города Костромы непрерывным рельсовым путем с общей сетью железных дорог Империи. Кострома, 1914. 14 с.

² Доклад Костромской городской Головы о строительстве железной дороги Кострома – станция Филино. Кострома, 1914. 16 с.

³ *Данилов А. В.* Несостоявшиеся проекты XX столетия: Призрачный рельсовый путь: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2006. http://www.adm.yar.ru/zk/project_shurnal_st2.html; Коммерческие изыскания ж/д ветвей в районе Северных железных дорог. Часть 1. Костромская ветвь от г. Костромы до ст. Филино Сев. ж/д. М.: Коммерческая служба управления Северных ж/д., 1914.

⁴ *Белихов А. Б.* Потенциал развития железнодорожного сообщения в окрестностях г. Костромы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 4. 2000. С. 20–22.

⁵ *Толстопятов В. М.* О наилучшем соединении города Костромы непрерывным рельсовым путем с общей сетью железных дорог Империи. Кострома, 1914. 14 с.

⁶ *Белихов А. Б.* Указ. соч.

⁷ *Былоха В. А.* Нефть требует развития дороги. «Гудок». № 54996, 14.12.2007–http://www.gudok.ru/files/pdf/200712/20071214_4.pdf

⁸ *Белихов А. Б.* Указ. соч.

А. И. Исаков

ГРАЖДАНСКИЙ АСПЕКТ В САМОУПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И ГОРОДОВ

Управление, как и самоуправление, может основываться как на принципах рационализма, так и здравого смысла. В первом случае предполагается достижение максимального успеха, а во втором – минимизация неудачи, ущерба.

В самоуправлении объектов русского феодального общества, действовавшего в России на протяжении сотен лет, реализовывались и те и другие принципы. Рационализм централизованного государства возобладавал и стал основой нового самоуправления эпохи Ивана III – Ивана IV. Позиции здравого

РАЗДЕЛ I

смысла постоянно восстанавливались и укреплялись в связи с действовавшим в стране, по климатическим, географическим и геополитическим условиям, режимом выживания.

В реальной практике формы самоуправления выражались в вечевом самоуправлении, «кормлении», воеводстве, в организации земских и губных служб в различных сочетаниях, в управлении на основе магдебургского права.

Гражданские аспекты феодального самоуправления заключаются в регламентируемой выборности, частичной независимости, например, судов; соседских общин, в исполнительной самостоятельности, в ограниченном общественном контроле. Гражданские аспекты в самоуправлении допускаются в той мере, в какой они удобны великому князю, наместнику, помещику.

Под влиянием усложнения общественной практики, возрастания роли торговли, накопления капитала, в первую очередь в городах, эти аспекты могут перерасти в полноценное гражданское самоуправление, руководимое интересами зажиточного населения территорий и городов, вплоть до преобразования сути государства.

В практике самоуправления обязательно присутствует анализ деятельности объекта управления с выбором критериев анализа; или определение цели управления и стратегии осуществления задач управления, уточнение параметров управления. Из стратегии самоуправления вытекают способы и методы решения возникающих проблем, выбор технических и организационных средств. В гражданском самоуправлении необходимы: контроль исполнения, оценка эффективности реализации алгоритма самоуправления.

По степени вовлечения населения в вопросы самоуправления можно оценить гражданский характер самоуправления и выделить следующие варианты:

1) неучастие (игнорирование) или вовлечение на стихийном, случайном уровне (бунт, несанкционированные акты протеста, восстание);

2) неосознанное случайное участие население (регламентируемые выборы на основе случайных параметров, без альтернативы);

3) осознанное частичное участие (выборы без сравнения программы кандидата с алгоритмом управления, неполное самоуправление);

4) осознанное полное участие (выборы при знании программы кандидата и сравнении ее с алгоритмом управления, участие в общественной организации, осуществляющей контроль и оценку эффективности управления);

5) осознанное оптимизационное участие (полное участие и разработка предложений по оптимизации самоуправления, формирование гражданского государства).

Особенно показательна степень вовлечения населения в контроль эффективности самоуправления.

Следует различать контроль пассивный, характерный для 1, 2, 3 степеней вовлеченности, – пересуды с отрицательными или положительными эмоциями, (заявления поддержки, благодарности, жалобы, обращение к власти о помощи); проявление отрицательных форм протеста в художественной форме (анекдоты, слухи, частушки, песни, стихи и т. д.).

Гражданский аспект в самоуправлении российских территорий и городов

Активный контроль предполагает поиск источников негативных ситуаций и определение путей выхода из сложившейся ситуации, которые могут быть простыми – при 1 и 2 степени вовлеченности или сложными 4, 5 степень участия.

Простые пути выхода из сложной ситуации в самоуправлении в активной фазе предполагают одноходовые, одноразовые часто, силовые решения.

Сложные пути состоят: в замене силового решения договором, требования допуска к информации и контролю, в использовании судебного иска, в оптимизации или изменении части или всего алгоритма управления.

Идеи гражданского общества, возникающие как продукт товарного развития общества, являются источником гражданского аспекта в самоуправлении. Появляясь в феодальном обществе, гражданское общество изменяет представление о человеке, о его правах и обязанностях, нравственности и морали, о его уровне жизни и его жизненной стратегии, стимулирует переход от выживания к потребительству. Под влиянием гражданского общества за счет более глубокого разделения труда и освоения природных ресурсов создается новый более высокий уровень жизни. Труд более не воспринимается как божье наказание. В содержании труда увеличивается доля творческого начала, но воспринимается это не как случайный подарок, а как результат трудового упорства человека и понимания человеком самого себя.

Признание России в числе развитых капиталистических стран на международном политическом уровне сегодня связывается с формированием российского правового гражданского общества. Причем, особый акцент делается на развитии прав личности и создании системы институтов гражданского общества, способных выступать как противовес власти государства. Гоббс отметил, что сущность нового (гражданского) общества состоит в переходе от природного состояния первозданных страстей, всеобщей вражды и страха смерти к культурному, дисциплинированному состоянию, в личностном развитии.¹

Одновременно достаточно широко известно убеждение, что в России гражданского общества ни когда не существовало и оно может быть только в очень отдаленной перспективе или - «Москва – третий Рим... и исторический опыт минувших веков заключает гарантии будущих перспектив».²

В Западной Европе начала гражданского общества связывают с началом борьбы городских коммун за автономию, с возникновением правовых институтов местного самоуправления. Борьба городов за самоуправление заканчивается установлением государственной системы гражданского общества. В виде конституционной монархии это произошло в Англии в 1265 г., во Франции в виде республики – в 1789 г., через 457 лет после созыва Генеральных Штатов в 1302 г.

На территории Киевской Руси, Московского царства на протяжении более 1000 лет существовали разные русские государства, в самоуправлении которых присутствовали черты гражданского общества. Наиболее ярким и древним примером служит Великий Новгород, где с 862 г. установился договорный характер власти и сохранилось вечевое самоуправление. Ключевое

РАЗДЕЛ I

положение на торговых (Днепровском и Волжском) путях привело к реальной независимости. В Новгороде, когда транзитный путь по Днепру иссяк, с 1136 г. приглашение князей стало фактом найма. После реформы 1416–1423 гг. в Новгороде институт посадничества превращается в общебоярский орган Совет Господ, вечевой Новгород в Господин Великий Новгород, который нередко сравнивают с Венецией, где Совет дождей концентрировал всю полноту власти.

Полнота новгородского гражданского общества подтверждается широким распространением письменности, активными международными торговыми связями с Ганзейским союзом, состоявшем из 60 торговых прибалтийских городов. Одних беличьих шкур Ганзой вывозилось до 500 тыс. штук в год. Торговая практика, состоящая из анализа, расчета, осмысления своей деятельности и ее эффективности породили потребность переосмысления феодальной духовности.

В 1370 г. в Великом Новгороде и Пскове, в среде образованного духовенства началось чисто русское движение стригольников, ставшее массовым. Религиозная догматика стригольников предвосхищала мысли европейских протестантов.

Новгородская олигархическая республика с архаичным вечевым порядком стала одним из первых гражданских государственных образований в Европе. Однако республика мешала формированию единого Российского государства с центром в Москве и закрывала один из путей на Волгу. Она потерпела военное поражение в 1471 г., но, расселив новгородских «лучших» людей по Подмосквью. Иван III дал толчок гражданскому развитию Московии.

В конце 15 века духовными предвестниками русского гражданского общества выступили, «нестяжатели» лидером которых стал Нил Сорский. Однако, в самодержавном государстве утвердились предложения иосифлян, по которым духовная власть должна занимать подчиненное положение по отношению к царской, но удельные князья должны безоговорочно служить великому князю московскому как Богу, что начинал требовать князь Андрей Боголюбский.

В древних русских городах (Киеве, Смоленске, и др.) вече созывались от случая к случаю, но в 12 веке на фоне княжеских усобиц влияние вече и бояр усиливается. Князей вече как приглашает, так и выгоняет. Мономашичи – потомки Юрия Долгорукого - Андрей Боголюбский и Всеволод III (Большое Гнездо) застраивают земли Владимиро-Суздальского княжества и обеспечивают переселение людей из южных земель, где уменьшились доходы от транзита по Днепру, а кабальная зависимость усилилась. Андрей Боголюбский устанавливается самодержавный не вассальный характер власти в княжестве, а Всеволод III укрепляет его.

После монгольского разгрома в городах Московского княжества деятельность вече прекратилась, но в 14–16 вв. многие русские города уже в Великом княжестве Литовском получают городское самоуправление на основе магдебургского права, явившегося шагом к гражданскому обществу. В послемонгольской северо-восточной Руси действовало архаичное феодальное самоуправление, полностью контролируемое властью. В 15–18 вв. удельные правители заменялись кормленщиками, воеводами, земским и губным управле-

Гражданский аспект в самоуправлении российских территорий и городов

нием и снова воеводами, магистратами. Городское самоуправление находилось на уровне «допускаемого». После I раздела Польши Екатериной II магдебургское право было распространено на всю империю, но в 1831 г. Николай I, отменил магдебургское право городов.

Стараниями Ивана Грозного элита древней Руси двигалась к гражданским началам на Земских Соборах. При Иване Грозном было три Собора, потом было два Собора по выбору правящих династий Годуновых и Романовых. Накопленный в XVI веке опыт самоуправления стал основой в преодолении Смуты, в чрезвычайных условиях которой, проявилось полноценное русское гражданское общество и ранее, чем это случилось в Европе.

Все Земские Соборы по своему составу были сословно – служилыми 50/50% и по составу мало отличалось от сословного английского парламента, шведского риксдага, собранного в 1435 г., от французских Генеральных Штатов 1302г, польского и чешского Сеймов.

При Алексее Романове прошло три Собора, а позже и стала применяться практика сословных совещаний. При Петре I Соборы не собирались.

Как видно из приведенных примеров, Московская Русь в XVI–XVII вв. входила в широкий спектр европейских держав, преодолевавших абсолютистский феодализм в одно время с остальными государствами Европы.

Страна пыталась приблизиться к конституционной монархии, но камнем преткновения стало правление Петра I.

В XVII веке Московская Русь была уже мощной военной державой, империей, владевшей новгородскими землями, Московией, частью Украины, Волгой и частью Сибири. Ее мощь как державы подтверждается военными победами. В 1677 г. турецкая сотысячная армия и 50 тысяч крымских татар начали наступление на юге России. Их встретили под Чигириным 120 тысяч русских войск Ромодановского, состоявшие из дворянской конницы, стрельцов, и солдатских полков иноземного строя, мощной артиллерии и казачьих полков гетмана Самойловича. В двухдневных многочасовых сражениях русские отбили все атаки турок и татар, сняли осаду Чигирина и заставили турок уйти. В следующем году пришла армия турок в 200 тысяч и 50 тысяч крымских татар. В двухдневных сражениях русские отбили все атаки турок, но оставили городок Чигирин, взорвав его укрепления. Неприятель был отбит, турецкая армия ушла в Турцию, но вскоре попыталась прорваться в Центральную Европу через Австрию. Чтобы снять осаду Вены турками в 1683 г. потребовались объединенные усилия австрийцев, поляков и русских. В 1685–1689гг. русские войска царицы Софьи осадил Азов для отвлечения турецких сил, выполняя решения союзного договора Австрии, Польши и России о совместной борьбе с Турцией³.

Эти эпизоды полностью развенчивают мифы о долгопятой, неуклюжей, бородатой, беспомощной, дикой Руси, спасенной Петром I.

Следует отметить, что в начале 17 в. Московская Русь находилась на пике гражданского развития. К началу Смуты русское гражданское общество, сформировавшееся на земском и губном управлении в 1610 по призыву патриарха единой русской церкви Гермогена, к борьбе с иностранным господством, спасло

РАЗДЕЛ I

Московскую Русь от маргинального провала и царства Владислава на царство по принципу здравого смысла и минимизации ущерба был избран неродовитый Михаил Романов, присягнувший ранее королевичу Владиславу и вышедший из Кремлевской осады всего стольником. Слабая царская власть укрепилась Земским Собором⁴, который с 1613 по 1622гг. стал постоянно действующим, с трехлетней ротацией, т.е. фактическим парламентом. Окрепло купечество. В Москве усилилось влияние служилого люда, ремесленных посадов. В 1618 году Владислав, обещая шляхетские вольности, пытался вернуть русский трон в Москве, но получил отпор гражданской Руси.

Освобожденный из польского плена монах (митрополит) Филарет был избран патриархом и стал «великим государем». Ему удалось остановить гражданское развитие России. Постоянно действующий Собор отменили, и только через 300 лет будет избрана Государственная Дума, которая проработает те же 10 лет.

Сильнейшим ударом по национальному и гражданскому развитию страны стал «Раскол». Главным антигражданским актом «Раскола» стала отмена выборности приходского духовенства и превращение церкви в государственное синодальное учреждение.

Ни о каком гражданском развитии страны Романовы и помыслить не могли, иначе тут же теряли престол. Попытки гражданских реформ Екатерины II были остановлены жесткой оппозиции дворянства. Только в 1905 г. 17 октября Николай II заявил о даровании народу «незыблемых основ гражданских свобод», по столыпински урезав их.

Русская православная церковь никонианского толка, следуя указу Петра I от 1718 г., доносила о злостных замыслах или недовольстве в нарушение тайны исповеди, тем самым стала выполнять и полицейские функции. Поэтому к 1917 г. она не сумела подготовить философскую базу по восприятию Россией идеологии гражданского общества. В полиции настоящие философы не водятся.

Отречение Николая II разрушило государственную, военную, религиозную и гражданскую нравственность. Английский парламент в 1917 г. запретил королю Георгу V принимать семью Николая II в Англии⁵ с нелестной характеристикой последнего. За Англией и другие европейские страны отказали в убежище Николаю II и его семье. В Европе Романовы стали никому не нужны. В совокупности династия Романовых на 200 лет остановила гражданское развитие России.

При переходе человека из одного социального слоя в другой он вынужден изменять свой нравственный строй, приспосабливаться. Нравственность царской России, построенная на царстве (см. решения Поместного собора 1917–1918гг.), после 15.03.1917 г. рухнула. Население в 1917 г. вдруг оказалось маргинальным, оставшимся под воздействием только той морали, которую заложили в русских их родители. В условиях Мировой войны, революции родительской морали для стабилизации жизни оказалось недостаточно. Глубочайший маргинализм поразил и белых, и красных, и открыл дорогу коммунистической нравственности со слабой основой в рабочем классе. Поэтому позже, в 1991–1993 гг. когда рухнул Советский Союз страну поразила новая волна глубокой маргинальности и ее побочные эффекты: криминализация, упадок эко-

Гражданский аспект в самоуправлении российских территорий и городов

номики, сексуальная «революция», и др. В III тысячелетие отягощенная маргинальностью Россия начала новое движение к русскому гражданскому обществу, не имея четкого философского обоснования гражданского пути, путаясь между демократией, либерализмом и возможным тоталитаризмом, а также жизнью «по понятиям». На этом пути к гражданскому обществу стране необходимо преодолеть недоверие к собственному гражданскому опыту, слепую веру в универсальные ценности, понять, что русский гражданский путь начинается в самоуправлении.

Примечания

¹ Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1986. Т. 2. С. 116.

² Платон (Игуменов). Династия Романовых и нравственный идеал Руси. Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых : актуальные проблемы изучения : материалы конф., Кострома, 29–30 мая 2008 года. Кострома : КГУ им Н. А. Некрасова, 2008. С. 19.

³ БСЭ. Чигиринские походы 1677–1678 г. Австро-турецкие войны XVI–XVIII вв. электронный ресурс.

⁴ История СССР. Том 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под. ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. Акад. наук С. В. Бахрушева. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. С. 449.

⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 488.

РАЗДЕЛ II. РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. В. Гневыхев
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

СТАНОВЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ЧУХЛОМСКОГО АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XIV–XVIII ВВ.

Становление и изменение архитектурного ансамбля Авраамиево-Городецкого монастыря в историографии рассмотрено подробно. Однако большинство работ очень кратки и сообщают только о наименовании храмов (реже построек) и времени их постройки (в большинстве случаев приблизительно).

Появление первых построек в обители преподобного Авраамия связано с деятельностью самого святого, когда, прибыв к Чухломскому озеру «в подгори, близ самых вод, построил для молитвы деревянную часовню»¹. Эта часовня с небольшими изменениями и перестройками сохранилась до начала XX века² и в начале 1929 года крестьянка Крылова обратилась в Чухломской уисполком «с просьбой продать ей на постройку стоящую на берегу озера часовню»³. Уисполком учтя «бедность» Крыловой, «передал ей часовню бесплатно»⁴. В современный период (1993 год) часовня была восстановлена⁵ по дореволюционным фотографиям⁶.

Еще при жизни Авраамия воздвигается первый монастырский храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с трапезой. По житию преподобный сам построил первую церковь «наносив из под горы земли для насыпи»⁷. Данный храм был построен в 1371 году⁸, остается тайной его внешний вид. Каких либо описаний говорящих об этом не сохранилось.

Так же еще при жизни первого настоятеля Авраамиево-Городецкого монастыря появляется еще одна постройка, а именно также часовня. «...отошел от монастыря на разстояние одного поприща, перенес туда из под горы прежнюю свою часовню...»⁹. Вероятно, Авраамием была разобрана первая часовня и перенесена на новое место. В дальнейшем старая часовня была восстановлена, а вторая заменена на каменную. В 1868 году часовни описывались так: «...Часовен, принадлежащих сему монастырю, две; из них одна каменная, другая деревянная. Первая находится при тракте из г. Чухломы в г. Солигалич, в 1 версте от монастыря; в ней скончался преподобный Авраамий; деревянная часовня построена под горою, на которой расположен монастырь, при озере, на том месте, где, преподобный отец Авраамий подвизался долгое время...»¹⁰. Как выглядели представленные владения при святом неизвестно, поскольку каких либо описаний их внешнего вида не сохранилось.

Все дальнейшие изменения архитектурного ансамбля монастыря происходили уже после смерти преподобного Авраамия. XV–XVI века по документам и печати не отмечены как повлиявшие на облик монастыря. Конечно, в обители происходили внешние изменения. Скорее всего, это были хозяйственные строения, а также братские кельи так как «... Число братии еще при жизни Преподобного простиралось до 100 человек...»¹¹. Обитель в это время могла себе позволить возводить различные постройки, так как вскоре после своего образования она начала получать вотчины и угодья, была освобождена от пошлин и подсудности вместе со всеми крестьянами.

Первые, после времени жизни преподобного Авраамия, зафиксированные архитектурные изменения относятся к XVII веку. В 1608 году¹² в монастыре начата постройка каменной Соборной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы¹³. Строительство церкви продолжалось очень долго, и окончательно закончено было 8 сентября 1831 года, а в следующем году было совершено освящение – первого каменного храма во всей северной части костромского края¹⁴. Описание данной церкви относящего именно к времени ее постройки не сохранилось, поэтому трудно представить, как выглядел данный храм сразу после постройки¹⁵.

К 30-м годам XVII века монастырь был уже одним из крупнейших в костромском крае. По сохранившемуся описанию¹⁶ видно что «... в Чухломском окологороде, на городке, монастырь Покрова Пречистыя Богородицы и Преподобного Авраамия Городецкаго чудотворца, на озере на Чухломском; а на монастыре церковь каменная, Покров Пречистыя Богородицы, да в пределе Илья Пророк, да церковь Рождество Христово деревяна, да на монастыре ж келья игуменская, келья келарная, келья казенная, пять келий братских, келья хлебная, келья гостиная; да под монастырем двор конюшенный, двор коровий...»¹⁷. Из представленного описания видно насколько сильно изменился монастырь со времени настоятельства в нем Святого Авраамия. Когда были произведены все эти изменения неизвестно, но можно предположить что все эти постройки были сделаны в XV – XVI веках, так как мало вероятно, что обитель, несмотря на хорошее финансовое состояние, вела сразу несколько строительных операций¹⁸, а братские кельи, вероятно, были построены еще при преподобном Авраамии.

XVII век отметился в истории Авраамиева монастыря строительным бумом. Вскоре после освящения каменного Покровского собора в обители был построен второй каменный храм Николая Чудотворца с приделом Параскевы Пятницы. Первое упоминание о нем имеется в 1650 году¹⁹, когда она названа «... новая церковь, что на святых воротах, каменная церковь...»²⁰. Описания этой монастырской постройки относящейся к времени сооружения также не сохранилось.

Как уже ранее упоминалось, в обители преподобного Авраамия находилась еще и «деревянная» церковь Рождества Христова. С данной монастырской постройкой, после анализа историографии, возникает больше всего вопросов. Впервые она упоминается в промежутке времени от 1627 до 1635 года, и говорится, что она деревянная²¹. Прилуцкий Д.Ф. единственный кто сообщает данную информацию (описание 1627–1635 гг.), в дальнейшем сам себе противоречит и в конце 50-х гг. XIX века он о ней говорит уже как каменной²². В другом исследовании (Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 6: Чухлома.

РАЗДЕЛ II

Чухломской район. Кострома 2004 год) данная церковь с момента ее постройки до момента ее разборки в XIX веке всегда была деревянной. Архимандрит Никандр (Анпилогов) в своем исследовании говоря об этом храме, не уточняет, из чего он был сделан. В другом исследовании («Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь». Кострома, 1859 г. С.7), говорится о храме как о каменном. Таким образом, в историографии существует два мнения: 1) Храм Рождества Христова был деревянным; 2) Храм Рождества Христова был каменным. По источнику середины XIX века достоверно известно, что данное монастырское строение было каменным²³. На основании всех данных можно сделать вывод, что в монастыре преподобного Авраамия существовала древняя деревянная церковь Рождества Христова, построенная в XV–XVI веках, она просуществовала до 30-х годов XVII века, а затем после окончания строительства Покровского собора была перестроена из деревянной в каменную²⁴. Что представлял из себя древний Рождественский храм неизвестно, в источнике он описывался как «...церковь Рождество Христова древяна...»²⁵. Описания нового каменного храма относящегося к времени его построения также не найдено.

К концу XVII века Авраамиево-Городецкий монастырь становится главным украшением Чухломского края и представляет собой один из лучших архитектурных ансамблей северо-запада Костромской земли, состоящим из трех каменных храмов и множества других построек.

С наступлением XVIII века для обители наступают тяжелые времена. В 1701 году по указу из монастырского приказа из монастыря был взят один из колоколов в Москву на пушечный двор. К этому же году относится и первое описание архитектурного ансамбля окончательно оформившегося в конце XVII века.

В начале XVIII века «... в Авраамиеве Городецком монастыре соборная церковь во имя Покрова Пр. Б. каменная о 5 главах, средняя глава обита белым немецким железом, а 4 главы окожучены лемехами деревянными, кресты спаяны белым немецким железом, ... (полная опись содержится в Материалах по истории Костромской епархии. Галичская десятина. Вып. 1. Кострома, 1895. С. 111–112.) у соборной церкви и придела прикладена паперть каменная.

В том же монастыре другая церковь теплая во имя Рождества Христова с приделом пр. Авраамия чудотворца и с трапезою и с подкеларскою каменная, церковь о 3 главах шатровыя, глава и кресты обиты белым немецким железом.

На св. вратах церковь во имя Николая чуд. с двема приделами св. Дмитрия Прилуцкаго и св. муч. Параскевы нареченныя Пятницы, у церкви и у приделов паперть и сход каменные, на ней 4 главы и 4 креста опаяны белым немец. железом.

У соборной церкви над папертью колокольня каменная шатровая об одной главе, на той колокольне 6 колоколов, а по указу в. г. из монастырского приказа тех колоколов весить не велено...»²⁶.

Как видно из представленного описания в начале XVIII века в монастыре было три каменных храма. Наибольший интерес представляет опись внутреннего убранства Покровского – как первого строения в монастыре. Можно предположить, что данную опись можно отнести и к периоду завершения строения Покровского собора, вероятно так выглядел этот храм в 1632 году.

Опись монастырских строений показывает нам и то, что в обители имелась колокольня как составная часть соборной церкви. К сожалению неизвестно когда она была построена. Вероятно, являясь составной частью Покровского собора, она была построена одновременно с ним, т.е. в период с 1608 (1607) по 1631 года.

Данное описание единственное (по данному периоду) которое показывает краткое описание церкви Рождества Христова, а именно «...церковь теплая... с трапезою и с подкеларскою каменная, церковь о 3 главах шатровыя...»²⁷. Этот собор можно отнести к редкому типу трехшатровых храмов. А.А. Тиц в своем исследовании называет данную церковь «уникальным памятником»²⁸ русской архитектуры, и считает что прототипом для зодчих при строительстве (перестройке) нового храма послужила монастырская церковь Иоанна Предтечи в городе Казани. Он также насчитывает, что по всей тогдашней России было всего три подобных памятника архитектуры, а именно – в Казани, Угличе и Чухломе²⁹.

Дальнейшее изменение архитектурного ансамбля и внутреннего убранства проследить сложно, так как следующее описание монастыря относится только к 1765 году, когда монастырь после реформы 1764 года был оставлен за штатами и находился на собственном содержании. Таким образом, период в истории изменения архитектурного ансамбля монастыря с 1701 по 1765 года остается загадкой. Постараемся проследить возможные архитектурные изменения с помощью описания обители преподобного Авраамия составленного в 1765 году. «1765 г. марта дня. Покрова Пр. Бог. Авраамиев монастырь, что у Чухломскаго озера. ... В том монастыре каменных церквей: 1) соборная церковь, в ней один престол во имя Покрова Пр. Б., при ней придел по левую сторону с трапезою во имя прор. Илии, под трапезой погреб каменной, а над трапезою колокольня; 2) церковь с трапезою, в ней два престола: первой по правую сторону Рождества Хр., второй преп. о. Авраамия, над тою церковию хлебня, да келарня для хлеба, да козничейской полаты, к той церкви паперть деревянная ветхая на левой стороне; 3) над св. воротами, в ней два престола с трапезою: первой по правую сторону Николая чуд., второй по левую сторону в. муч. Парасковии, под трапезою сторожка.

Около монастыря вокруг каменная ограда 250 саж., в ширину на 2 саж., в том числе недоделано и непокрыто той ограды на 90 саж., в том числе 2 башен.

За оградою под горою часовня деревянная...»³⁰.

Из представленного описания видно, что архитектурный ансамбль монастыря в период с 1701 по 1765 года не изменяется. Единственное изменение заключается в постройке каменной ограды, точнее в том, что в данный период в обители строится каменная стена. К сожалению, не в одном из источников нет даты начала данного строительства³¹, однако Прилуцкий Д.Ф. об окончании строительства сообщает, что в 1766 году «...поряжен был каменщик достроить ее (авт. – стену) и две башни и плотник покрыть последния и срубить третью, осмериком под тес...»³² и уже в 1768 году³³ «...значится...ограда каменная, с двух сторон покрытая тесом, а с двух кирпичем. Ворот в ограде двои, – одне святыя на западной стороне под Николаевскою церковью, а другия с северо-восточной от большой Солигаличской дороги; на южной же стороне имеется калитка...»³⁴.

РАЗДЕЛ II

В дальнейшем (1766(7)–1800 гг.) по документам не прослеживается, каких либо изменений в архитектурном ансамбле Авраамиево-Городецкого монастыря³⁵.

Таким образом, к 1766(7) году заканчивается процесс складывания ансамбля Городецкого монастыря. В XIX век обитель вступает, представляя собой, множество деревянных и каменных построек и строений, главными из которых являлись: Соборная, холодная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы (построена в 1608(7)–1631 гг.); Теплый храм во имя Рождества Христова (построен в XV–XVI вв., перестроена в 50-х гг. XVII века) и Трехэтажный храм во имя Николая Чудотворца (впервые упоминается под 1650 годом), огражденной каменной оградой (построена в 1764–1766(7) гг.).

Примечания

¹ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. Спб., 1861. С. 2.

² Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 380.

³ Из монастыря – в клуб // Северная правда. 1929. 24 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Архимандрит Никандр (Анпилогов) Светильник северной Фиваиды. Кострома ; Москва, 2004. С. 76

⁶ Фотографии хранятся в фондах ЧКМ. Большинство фотографий без инвентарного номера.

⁷ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. Спб., 1861. С. 2.

⁸ Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859. С. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868. С. 116.

¹¹ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. Спб., 1861. С. 2.

¹² Первым эту дату называет Д. Ф. Прилуцкий, а в след за ним и другие исследователи: В. А. Самарянов; В. И. Галкин, Н. А. Зонтиков; архимандрит Никандр (Анпилогов); А. А. Тиц и др.

¹³ Лукомский Г. К. в своем труде «Старинные церкви Костромской губернии», а также в труде «Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь» пишут, что строительство церкви Покрова началось в 1607 году, а вслед за ним данная информация содержится и в издании – Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 6: Чухлома. Чухломской район. Кострома, 2004.

¹⁴ Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 9.

¹⁵ Внешний облик храма, вероятно, был неизменным, а вот внутреннее убранство изменялось.

¹⁶ Данное описание содержалось в Галичских писцовых книгах письма и меры князя Никифора Мещерского, Никиты Беклемишева и подьячего Феоктиста Тихомирова, составившихся с 1627 по 1635 года (Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 13).

¹⁷ Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 13

¹⁸ В издании: Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 6: Чухлома. Чухломской район. Кострома, 2004 – говорится, что деревянная Рождественская церковь была построена вскоре после освящения Покровского собора, однако этот факт мало подтверждаем так как описание, по которому он уже есть, составлялось с 1627 по 1635 год, т. е. во время, когда строился Покровский собор. Маловероятно, что монастырь, только постро-

ив одну церковь и, возможно, не полностью ее украсив, начинает строить другую. Наше предположение можно подтвердить еще и тем фактом, что, когда начиналось строительство Покровского собора, маловероятно, что он был построен на другом месте, нежели был отстроен самый первый храм Покрова, возведенный еще при преподобном Авраамии (это воспринялось как неуважение к святому и его деятельности). Таким образом, для постройки нового каменного храма был разобран старый, и тогда получается, что монастырь остался без церкви, где бы велись службы, что невозможно. Видимо, Рождественский храм был возведен раньше, чем Покровский храм. Во время же постройки первой каменной церкви службы были перенесены в Рождественский храм. Наше предположение можно также подтвердить и тем фактом, что нелогично смотрится строительство каменного собора, затем деревянной и снова каменной (Никольская надвратная церковь, см. далее по тексту) церкви в промежуток времени менее 20 лет.

¹⁹ Этот год сообщает в своем труде Прилуцкий Д. Ф., однако в писцовых книгах писца Романа Киреева от 161 года (1652 год) говорилось, что в монастыре имелось только две церкви: Покровская и Рождественская (Галичская десятина // Костромской епархиальный вестник, 1892. № 19–20. С. 114).

²⁰ Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 14.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же. С. 20–21.

²³ ГАКО, ф. 715, оп. 1, д. 15, л. 25.

²⁴ Наиболее вероятным кажется перестройка храма во второй половине XVII века.

²⁵ Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 13.

²⁶ Материалы по истории Костромской епархии. Галичская десятина. Вып. 1. Кострома, 1895. С. 111–112.

²⁷ Там же. С. 112.

²⁸ Тиц А. А. На земле древнего Галича (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 68.

²⁹ Там же. С. 68–69.

³⁰ Материалы по истории Костромской епархии. Галичская десятина. Вып. 1. Кострома, 1895. С. 117.

³¹ А. А. Тиц в своем исследовании говорит, что монастырская ограда начата строительством в 1764 году. При этом информации о первоисточнике он не сообщает (Тиц А. А. На земле древнего Галича (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 70).

³² Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 23.

³³ Вероятнее всего, монастырская ограда была построена в 1764–1766 (возможно, 1767) годах.

³⁴ Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 23.

³⁵ В этот период какие-либо изменения маловероятны, так как монастырь, в 1764 году выведенный за штат, стал быстро приходить в упадок. В 1768 году большая часть монастырских зданий значилась с многими ветхостями, которые исправить не было возможности за недостатком денег (Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч. С. 16).

Е. А. Флейман

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ЦЕРКОВЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПОТСДАМЕ – ПАМЯТЬ О СОЮЗЕ И ДРУЖБЕ РОМАНОВЫХ И ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

«Кто не видел церковь Александра Невского, тот не видел Александровку». В этой известной среди жителей Потсдама поговорке (сравните с: «Кто не видел Эйфелеву башню, тот не видел Парижа») заложен смысл. Храм не только входит в общий архитектурный пейзаж бывшей русской колонии Александровки, что находится ныне под покровительством ЮНЕСКО, как памятник мирового значения, но и является необходимой частью здешнего историко – культурного ландшафта. Посетителей здесь вознаградит как архитектура, так и исторические свидетельства, находящиеся в самом здании православного храма.

Но прежде чем говорить о церкви и истории ее строительства, следует сначала узнать о зарождении собственно православия в Потсдаме.

История эта давняя, начавшаяся задолго до учреждения в 1829 году Фридрихом Вильгельмом III Александровки с ее русскими обитателями, которые были не первыми православными в Потсдаме.

Судьбы России и Германии тесно переплетались уже с давних времен. Расположенные на одном континенте, близкие по географическому положению, они вынуждены были совместно сосуществовать со всеми последствиями такой ситуации. Взаимоотношения отличались переменчивостью: от тесного сотрудничества в науке и культуре, союза в военной сфере в тяжелое для обеих стран время, когда решался вопрос сохранения независимости, до военного противостояния друг с другом.

Германия для России была главными воротами в европейскую цивилизацию, а Россия для Германии стала первым рубежом в соприкосновении с далеким и непонятным Востоком. Как бы то ни было, но в сознании жителей двух стран (независимо от переменчивой политики) утвердилось суждение о традиционности связей, в том числе, на династическом уровне.

Но вернемся ко времени возникновения первой православной общины в Потсдаме, а для этого обратимся к эпохе Петра I.

Царь, чтобы склонить Пруссию к союзу против Швеции передал в собственность (подарил!) прусскому королю Фридриху Вильгельму I (1688–1740) группу высокорослых гренадеров для включения в воинское подразделение *lange Kerls* (буквально – «длинные парни» или «длинные малые») – любимую игрушку «шведского короля».

Личная гвардия Фридриха I состояла из солдат очень высокого роста (минимальный – 1 метр 88 см), которых тот покупал (!) в разных странах. Впрочем, лейб-гвардия из рослых солдат не была таким уж и капризом. Дело в том, что на ее вооружении использовались ружья, которые заряжались через дула, а солдаты с длинными руками могли это делать быстрее. Со временем русские солдаты составили треть полка.

Словосочетание *lange Kerls*, как мы видим, имеет исторические истоки. Но образ, возникший очень давно, продолжает жить в обыденной жизни современной Германии, правда с другим значением. Так называют иногда, например, школьников-акселератов.

Итак, группа русских в рамках интернациональных «длинных малых» стала первой православной общиной в Потсдаме. И тогда король распорядился построить для них церковь, справедливо считая, что гвардейцы после многочасовых упражнений будут нуждаться в духовной помощи и заботе в традициях своего отечества. В 1733 году деревянное двухэтажное сооружение первой православной церкви во имя Симеона и Анны построили, а в марте следующего года, приехавший из России священник Василий Щербацкий в присутствии прусского короля и его семьи совершил обряд придания святости храму.

Между тем, король – главный устроитель – понимал, что православная религия вряд ли получит широкое распространение в Потсдаме – в городе – резиденции прусских королей, где, как и по всей Пруссии сильны позиции евангелическо – лютеранской веры, а потому здание церкви получилось скромным по размерам. Вероятно, была и другая причина. Король, по свидетельству современников, во всем экономил и платил придворным сущие гроши. Как раз в то самое время и появилось в широком немецком обиходе выражение «*fuer der Koenig von Preussen arbeiten*» («работать на прусского короля»), что означало «работать даром».

Король запомнился и тем, что создал огромную армию (отсюда и прозвище «солдатский король»), но несмотря на любимые им военные упражнения, ввязываться в войну не торопился. Такая осмотрительность дала повод для возникновения в народе другого словесного выражения, пережившего столетия: *so schnell schiessen die Preussen nicht* («так скоро пруссаки не стреляют»), то есть «так дело быстро не делается».

В сущности, Фридрих Вильгельм I был дальновидным человеком, твердо стоявшим на грешной земле. Его предположение об уменьшении численности православной общины в Потсдаме сбылось. Смерть руководителя православной паствы Щербацкого в 1740 году, кончина в этом же году самого учредителя церкви – короля, привели к роспуску легендарного гренадерского полка и к затуханию православной жизни. Хотя, немногочисленный батальон из трех – четырех десятков ветеранов все же сохранился, существуя на деньги теперь уже Фридриха Вильгельма II.

Нечастые приезды в Потсдам берлинского священника Кирилла не смогли спасти положение – община нуждалась в постоянном пастыре. Обеспокоенный король просил своего министра в Берлине, чтобы тот заботился о поездках священника из столицы с гарантией его дорожных издержек. Но время не способствовало оживлению православной жизни – число ветеранов неминуемо сокращалось, что привело в 1750 году к преобразованию храма в помещение, где разыгрывались театральные постановки (*Komoediensaal*). Но и театр в 1775 году закрыли, а совсем уже редкие члены общины теперь снимали помещение на деньги королевской казны. Одно из, может быть, самых последних мест расположения общины считается дом продавца *Luettich* на углу *Lindenstrasse* и *Baeckerstrasse*.

В 1806 году батальон ветеранов перестал существовать, а в 1809 году умер последний русский из его рядов. Потом православная жизнь в Потсдаме, должно быть, настолько замерла, что местные хроникеры совсем не упоминали о ней, а потому можно считать, что между русскими «длинными малыми» Петра I и строительством через 100 лет церкви Александра Невского прямой связи нет.

На этот раз новая церковь в противоположность предшественнице должна была войти в историю архитектуры Гогенцоллернов как произведение искусства.¹ При этом главный заказчик строительства король Фридрих Вильгельм III (1770–1840) утвердился во мнении, что зданию следует придать все признаки русской церковно-архитектуры в сочетании с возможностями берлинского романтического классицизма.

Но прежде чем говорить об этой творческой инициативе и обстоятельствах строительства, следует хотя бы кратко упомянуть о русской колонии Александровке, без которой проект возведения церкви вряд ли был бы осуществим. Для этого обратимся к историческим сюжетам уже начала XIX века.

Тогда у русской и прусской армий было много общего. Дружественные отношения между царем Александром I и королем Фридрихом Вильгельмом III развивались на фоне французской агрессии. Русская армия перестраивалась по прусскому образцу. Царь в 1801 году заявил своим послам: «Большая часть германских владетелей просит моей помощи; независимость и безопасность Германии так важны для будущего мира, что я не могу пренебречь случаем для сохранения за Россией первенствующего влияния в делах Империи»².

Встреча двух монархов в 1802 году в Мемеле положила начало и личной дружбе, выходящей часто за рамки дипломатических условностей. (Александр не без влияния своего отца Павла I был расположен к Пруссии, стремился бывать здесь и связывал с этим надежды).

Однако нет необходимости подробно описывать все зигзаги военных и дипломатических действий полководцев и послов того времени. Достаточно иметь в виду главное: вступив в войну с Францией в 1806 году, Пруссия потерпела жестокое поражение, а король вынужден был покинуть Берлин и уехать в Санкт-Петербург. В 1812 году Пруссия стала площадкой для сосредоточения мощной группировки французских войск для вторжения в Россию. Более того, Пруссия вынуждена была подписать с Наполеоном договор о совместных действиях против России. Прусские солдаты пленили 500 русских солдат в Курляндии и доставили их Фридриху III. Получив живой трофей, король попытался как можно тактичнее выйти из затруднительного положения (напомним, что роль противника России ему была навязана Наполеоном) и приказал выбрать из толпы пленников... солдатский хор. После пробного пения группа солдат тотчас была переведена в резиденцию короля в Потсдам, а в октябре 1812 года в тамошний гвардейский полк. В составе хора оказался и Иван Федорович Яблоков (1779–1843) из Костромской губернии.³

Полоса удач Наполеона не была вечной. Уже Бородинское сражение в августе 1812 года изменило ситуацию не в пользу французов, а через несколько месяцев Россия и Пруссия окончательно объединились, подписав договор о мире и дружбе. После поражения Наполеона Александр I оставляет в Потсдаме по просьбе короля русских солдат – певцов, а после смерти Александра в 1825 году

принимает решение создать в Потсдаме мемориал русскому царю. В какой же форме? Королевский указ от 10 апреля 1926 года определил так: «По моему желанию, как непреходящий памятник воспоминаний об узах дружбы между мною и его Величеством Императором России Александром I, основать у Потсдама колонию с русскими певцами, которых я получил от его Величества в качестве колонистов, и назвать колонию Александровкой».

Храм Александра Невского начали строить практически в одно и то же время с Александровкой. Чертеж поступил из царского дома Романовых, а автором был придворный архитектор Василий Петрович Стасов (1769–1848). В 1827 году капитан Шнетлаге (Snetlage), строивший Александровку отослал предварительные наброски интерьера церкви в Санкт – Петербург для обсуждения и согласования. На всякий случай царь Николай I (1796–1855) распорядился подготовить два проекта храмового интерьера, для чего привлек лучших художников. В начале 1828 года в Пруссию прислали два эскиза внутреннего убранства церкви, один более пышный, другой – попроще. Немецкий архитектор Карл Фридрих Шинкель (1781–1841) (Karl Friedrich Schinkel) скорректировал по своему усмотрению эскизы, внес изменения и дополнения в угоду «простоты и спокойствия». В свою очередь король признал не все замечания и предложения Шинкеля, хотя принципиальные и поддержал.

Талант Шинкеля проявился в том, что усиливая элементы классицизма, он не потеснил богатство мысли древнерусской архитектуры. Немецкий архитектор достиг с помощью мудрых символов русско-православного и немецкого классического зодчества художественной завершенности, пережившей столетия.⁴

Первоначальное положение церкви святого Александра Невского знаменитый садово-парковый оформитель Петер Йозеф Ленне (Peter Joseph Lenne) (1789–1866) предусмотрел на окраине Александровки. Однако король хотел видеть церковь на открытом месте. Наконец, Ленне выбрал ближнее возвышенное место известное в округе как «Минная гора» (Minenberg). Название зародилось после того, как в далеком 1753 году французский военный инженер обер-лейтенант Ле Фабре (Le Fabre) произвел здесь опыты с 53 центнерами пороха. Прусский же король Фридрих Великий (1712–1786) посадил на взрывном полигоне 379 шелковиц для шелковичного хозяйства.

Возведение храма шло параллельно строительству Александровки, хотя трудности по созданию фундамента из-за характера почвы несколько замедлили работы. 11 сентября 1826 года (в день памяти Александра Невского) Фридрих Вильгельм III, следуя доброй традиции церковной архитектуры, заложил первый камень под будущий алтарь. На фундаментном камне сделали запись по-немецки и по-русски, главный смысл которой состоял в том, что церковь будет непреходящим памятником воспоминаний о сердечной привязанности и дружбе Фридриха Вильгельма III и Александра I.

Руководил строительством капитан Шнетлаге, а помогал ему одаренный инженер-лейтенант фон Мотц. Да и потсдамские мастера-каменщики Форк, Трипель и Бланкенкорн показали сполна свои профессиональные возможности. Помогая ремесленникам, в строительстве церкви приняли участие и русские солдаты. К работе приступили немедленно!

Хороший темп строительства, взятый умельцами и их помощниками, позволил членам потсдамской общины уже 10 июля 1829 года собраться в новую церковь на первое богослужение. Встреча состоялась в присутствии царя Николая I, его супруги Александры Федоровны (Шарлотты), короля Фридриха Вильгельма III и сотрудников духовной миссии в Берлине, глава которой Иоанн Чудовский руководил богослужением.

А 11-го сентября 1829 года состоялось праздничное освящение потсдамской церкви, то есть через три года после того, как был заложен первый камень. Освятили ее в честь Александра Невского. После победы над Наполеоном при Ватерлоо, в 1815 году на Марсовом поле в Париже состоялся военный парад в честь Александра Невского, на котором присутствовал царь Александр и король Фридрих Вильгельм III. На выбор Александра Невского именным патроном потсдамской православной церкви повлияло и другое существенное обстоятельство – у русского императора Александра I, в память которого и построили церковь, духовным покровителем был Александр Невский. В праздничном богослужении участвовали Николай I, Фридрих Вильгельм III, первосвященник и председатель церковной миссии в Берлине Чудовский и, конечно, жители Александровки.

Церковь Александра Невского представляло собой квадратное в плане здание, построенное в традиционном русском стиле. Внутреннее пространство вмещало около 50 человек, иконы же создавались в России в 1828–1829 годах специально для этого храма. Постепенно он наполнялся церковной утварью, многие предметы обихода в качестве вкладов поступали из Санкт-Петербурга и Москвы. Под иконой Святого Георгия Победоносца есть надписи с именами 14 русских колонистов с указанием года их кончины, а рядом висят медали России и Пруссии, полученные солдатами – певцами за участие в военных походах.

В 1898 году в Александровке проживали всего лишь 4 семьи, а богослужение проходило уже на немецком языке, так как «вследствие постоянных смешанных браков и немецкой школы, потомки колонистов совершенно онемечились». Православный приход имел священника из коренных немцев и церковно-приходскую школу на немецком. Церковь числилась в ведомстве гвардейского полка, шефом которого был российский император.

В непосредственной близости от церкви располагалось кладбище, проект ограды которого разработал К.Ф. Шинкель в 1830 году. Здесь похоронены те, кто особенно тесно связал свою жизнь с потсдамской православной общиной. Например, Иван Борисович Чудовский (1765–1838); Василий Кутузов – граф, военный уполномоченный прусского императора, генерал-адъютант, участник войны против Наполеона; Мария А. Мальцева – супруга православного священника А.П. Мальцева (1886–1914), вернувшегося с началом Первой мировой войны в Россию. Русских жителей деревни Александровки хоронили на лютеранских кладбищах в Потсдаме.

В период между двумя мировыми войнами жизнь потсдамской общины оставалась неопределенной. Однако, в 1945 году она снова обрела священника в лице Николая Маркевича. Духовный попечитель получил дом рядом с церковью и руководил духовной общиной на протяжении 20 лет. После его смерти

место священника общины оставалось свободным. Николай Маркевич (1889–1968) и его супруга Мария (1901–1976) похоронены на церковном кладбище.

В последующие годы время от времени божественную службу проводил приезжающий священник, однако, с 1986 года уже на постоянной основе исполняет эти обязанности Анатолий Коляда. Сегодня потсдамская православная община состоит из русских, сербов, румын, немцев. Здание церкви считается наиболее старой в Западной Европе русской церковной постройкой.

Примечания

¹ Гогенцоллерны (Hohenzollern) – династия бранденбургских курфюрстов в 1415–1701 годах, прусских королей в 1701–1918 годах, германских императоров в 1871–1918 годах.

² Александр I говорит о государствах «Священной Римской империи германской нации». Цит. по: Саундерс Э. Сто дней Наполеона / Э. Саундерс ; пер. с англ. М. Косныревой ; послесл., указ., коммент. А. Бауман. М., 2002. С.336.

³ См. подробно: Флейман Е. А. Из России в Германию: от костромского села Палкина до деревни Александровки в Потсдаме. Кострома, 2003; *Он же*. Костромское село Палкино – малая родина в историческом пространстве России. Кострома, 2006.

⁴ Шинкель Карл Фридрих (Schinkel К. Ф.) – немецкий архитектор, представитель классицизма, автор внушительных и строгих по форме общественных сооружений: Новая караульная (1816–1818), Драматический театр (1819–1821), Старый музей в Берлине (1824–1828), церковь Николай-кирхе в Потсдаме (1830–1837). Обращался к мотивам готики. В последних работах искал новые формы и материалы (строительное училище в Берлине, 1831–1835).

В. В. Денисов

*Угличский государственный
историко-архитектурный
и художественный музей*

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ» МОНАСТЫРЕЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ (XIX–НАЧАЛО XX ВЕКА)

Целенаправленное систематическое изучение монастырей Русской Православной церкви началось еще в конце XVIII в., однако наибольшее распространение такая деятельность получила только в XIX – начале XX в. Анализ трудов предшественников дает возможность выявить три основных подхода к изучению проблемы.

Церковно-археологический подход получил развитие в первой половине XIX – начале XX в. Термин «церковная археология» впервые использовал иеромонах Иродион (Ветринский) в 1829 году¹. В середине XIX в. церковная археология была введена в программу духовных учебных заведений как вспомогательная литургическая дисциплина, изучающая происхождение и развитие церковного богослужения. Дальнейшее развитие и расцвет церковной археологии приходится на конец XIX – начало XX в. В указанный период эта дисциплина развивалась по двум основным направлениям: историко-литургическому и историко-описательному.

Первое направление было связано с изучением культурных памятников христианского востока, которые в большом количестве поступали во время путешествий российских ученых в Палестину, Сирию, Египет, на Афон, Синай. Второе направление восходило своими корнями к жанру «хождений», составленных паломниками Древней Руси, запискам участников «академических путешествий» XVIII в., описям церковного и монастырского имущества.

Представителей церковно-археологического подхода отличал повышенный интерес к письменным источникам и «археологическим древностям». История монастырей у этих исследователей рассматривалась в тесной связи с историей региона или России в целом. Отличительной особенностью церковно-археологических публикаций, особенно в начальный период, был незначительный объем и недостаточно глубокая проработка вопроса. Авторы уделяли особое внимание отдельным наиболее замечательным фактам из истории монастырей, исследовали связи с выдающимися деятелями.

Одним из самых ранних указов духовной консистории, датированным 18 января 1801 г. предписывалось «сделать справки, нет ли в монастырях иконостасов из образов патриарших»². В апреле 1804 г. в обители поступил указ Его Императорского Величества, позволявший историографу Николаю Карамзину работать с древними рукописями во всех монастырях и библиотеках Святейшего Синода.³ В июле того же года был разослан документ об учреждении при Московском университете «Общества истории и древностей Российских»⁴. Настоятелям предписывалось подготовить описи всем летописям и хронографам, хранящимся в монастырях, и отправить их в общество для изучения.

Выявлением и сбором древних рукописей занимался архиепископ Ярославский и Ростовский Антоний (Знаменский) (1806–1820). В 1816 г. он получил список с «Летописи о граде Угличе», находившейся в Алексеевском монастыре, копии с летописца из Николо-Улейминского монастыря и целого ряда других источников⁵. Ко времени управления архиепископом Антонием Ярославской епархией относятся несколько документов, связанных с исследуемой проблемой. Указом от 23 июня 1814 г. учреждением духовного ведомства предписывалось заводить книги «для записи о случающихся достопамятностях исторических, служить могущих к продолжению Российской истории»⁶. Распоряжением архиепископа Антония от 1817 г. настоятели и настоятельницы всех монастырей епархии приглашались делать дополнения к вышедшей в свет «Истории Российской иерархии»⁷.

В монастырских архивах сохранились копии указа из Святейшего Синода 1828 г. о проведении «археографического путешествия по России» и допущении ученых-археографов в библиотеки и хранилища духовного ведомства⁸. Многие документы ярославских монастырей были опубликованы в издании «Акты археографической экспедиции».

Монастырские хранилища содержали не только ценные документы и книги, но также уникальные вещественные памятники, представлявшие большой интерес для создававшихся музейных собраний. В архивах удалось обнаружить два таких указа: от 6 ноября 1829 г. о выявлении древних знамен, оружия и доспехов и от 26 июня 1842 г. о наличии в монастырях «антиминсов древнего освящения»⁹.

Археолого-статистический подход получил развитие в середине XIX – начале XX в. Основными предпосылками для его развития стали общее увеличение объема информации о состоянии монастырей, более глубокое изучение выявленных источников, а также развитие методов статистики не только в государственных органах, но и в церковном ведомстве. С этого времени «значительная информация о церковных древностях была введена через успешно развившийся жанр монографических археолого-статистических очерков, которые готовили настоятели храмов и монастырей или близкие к ним исследователи»¹⁰. Многие памятники и архивные материалы, на которых базировались авторы, впоследствии были утрачены. Во второй половине XIX в. начали выходить существенные для истории церквей и монастырей сводки архивных материалов.

Представителей археолого-статистического подхода отличал интерес к текущему состоянию монастырей. Описания монастырей, сделанные настоятелями в соответствии с получившими в то время распространение программами, содержали также сведения об имуществе и земельных владениях. Эти авторы не всегда считали себя представителями церковной археологии, которая тогда рассматривалась в большей степени как литургическая учебная дисциплина, однако они готовили почву для ее развития.

Императорским указом от 26 июня 1852 г. предписывалось всем настоятелям оказывать помощь протоиерею Иоанну Троицкому, проверяющему представленные ему церковно-исторические и статистические описания¹¹. Аналогичным документом от 27 апреля 1861 г. назначались в губернские и областные статистические комитеты члены от местных духовных консисторий. В нем предписывалось: «Дать знать Преосвященным Епархиальным Архиереям, с предписанием, чтобы они, Преосвященные, избрали в местные Статистические Комитеты неперменных членов от Консистории, и сделали распоряжение об оказании духовными лицами вверенных им Епархий содействия в доставлении Статистическим Комитетам необходимых им числовых данных и других сведений, и в предоставлении Секретарям Комитетов или другим лицам, от их уполномоченным, средств к проверке и пополнению этих данных и сведений по подлинным источникам, если, впрочем, не будет встречаться особенных препятствий к удовлетворению сего последнего ходатайства»¹².

Археолого-художественное направление в церковной археологии прошло несколько этапов становления. «Прежде всего, следует выделить «художественные путешествия» первой трети XIX в., в ходе которых складывались начальные представления о типологии церковных сооружений, фиксировались руины и ранние раскопки, создавался первичный фонд материалов для анализа»¹³. Во второй трети XIX в. изучение церковной архитектуры дополнительно стимулировало развитие национального стиля в зодчестве.

Мощный толчок изучению церковных древностей дал процесс организации археологии как самостоятельной науки в России. С 60-х гг. XIX в. шло быстрое оформление археологических обществ, был создан особый орган централизованного управления развитием археологических исследований – Императорская археологическая комиссия, организовывались археологические съезды. В конце XIX – начале XX в. появились особые церковно-археологические комиссии, ко-

РАЗДЕЛ II

митеты и общества, занимавшиеся охраной местных церковных древностей, их изучением, описанием, реставрацией и даже археологическими раскопками.

Так 3 июня 1852 г. в обители поступило распоряжение архиепископа о продолжении графом Уваровым «археологических розысканий отечественных древностей в нынешнем году вблизи стен и оград монастырских и вообще на землях церковного ведомства Ярославской епархии»¹⁴. В 1855 г. Императорское археологическое общество, «желая привести в известность русские древние памятники», распространило по епархиям «Записку для обозрения русских древностей»¹⁵. По своей форме и затронутым вопросам это была своеобразная программа комплексного изучения культовых и гражданских памятников, в том числе и монастырей.

Указ Его Императорского Величества от 15 мая 1859 г. был связан с задачами реставрации и музеефикации одного из древнейших архитектурных памятников Москвы - Палат Бояр Романовых. Документ предписывал выяснить, «не находится ли в монастыре... какой-либо старинной утвари XVI и XVII вв., как-то: мебели, столового прибора, постельного убора, умывального прибора, кухонной и другой домашней утвари и снарядов: военного и охотничьего, музыкального и для езды, и буде где окажутся таковые вещи и немедленно донести...»¹⁶. Другой указ от 3 мая 1873 г. требовал «доставить сведения, не хранятся ли в ризницах монастырей и соборов каких-либо писем и бумаг императора Петра Великого»¹⁷. В настоящее время неизвестно, предпринимались в монастырях региона какие-либо действия в соответствии с вышеназванными документами или нет, однако в архивах обителей сведений об этом не зафиксировано.

Распоряжением Ярославской духовной консистории от 1876 г., изданным согласно указа Александра II, настоятелям было предписано вести церковные летописи¹⁸. Последний указ, относящийся к теме исследования, датирован апрелем 1882 г. Документ предписывал настоятелям монастырей озаботиться составлением списков «древним церковным и монастырским вещам, не употребляемым при богослужениях, но имеющим значение по отношению к нашей церковной археологии и истории Русского художества вообще и церковного, в особенности (как-то: разного рода орудиям, воинским доспехам, монетам, древним сосудам и утвари, жертвованным в дар картинам, портретам, мебели, вещам и прочим, а также самым зданиям древнейших и знаменитейших монастырей и церквей)»¹⁹.

В первой половине XIX в. начали активно издаваться книги и брошюры о монастырях Ярославской епархии, которые сразу заняли особое место среди прочих церковно-исторических публикаций. Именно в них были зафиксированы наиболее ценные сведения об истории обителей, а также достопримечательностях и реликвиях, хранящихся там. Авторами исторических описаний обычно выступали три категории исследователей: краеведы, изучавшие историю данного монастыря, епархиальные архиереи или монашествующие лица, занимавшие административные и хозяйственные должности в монастыре (настоятели или строители).

Необходимо отметить, что мотивация к творческой деятельности у всех перечисленных категорий церковных историков имела некоторые отличия, а, соответственно, отличались и конечные результаты их труда. Основной контингент краеведов составляли школьные учителя и приходское духовенство – представители наиболее образованных сословий. Главный мотив их к научному труду – личный инте-

рес к объекту исследования. Личным интересом могли руководствоваться также епархиальные архиереи и монашествующие. Однако, чаще всего, они составляли монастырские описания в контексте своей текущей административной деятельности или по поручению вышестоящего начальства.

Самым ранним, из них является выполненное, вероятно, Д.С. Селецким «Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках», изданное в 1849 году²⁰. Годом позже вышло в свет отдельным изданием «Описание Югской Дорощеевой общежительной пустыни»²¹.

Среди обителей Ярославля научный интерес краеведов вызывали, прежде всего, наиболее древние и знаменитые. Так, например, А.П. Крылов в 1860 г. опубликовал «Описание Ярославского первоклассного Толгского мужского монастыря»²². Несколько позже, в 1873 г., вышла книга об этой обители, составленная, вероятно, кем-то из монашествующих²³. Второе издание книги под названием «Ярославский первоклассный Толгский монастырь» появилось в 1888 году²⁴. И, наконец, в 1913 г., в связи с подготовкой к юбилею монастыря, вышли в свет труды Д. Орлова, посвященные как его основателю, так и самой обители²⁵. Годом позже появилась брошюра Н.Г. Первухина о Толгском монастыре²⁶. Первым исследованием по Спасо-Преображенскому монастырю стала работа архиепископа Нила (Исаковича), опубликованная в 1862 году²⁷. Книга ризничного иеромонаха Владимира, посвященная этой обители вышла в свет в 1881 г., а в 1913 г. была переиздана²⁸. Также следует упомянуть «Описание Ярославского Афанасьевского мужского монастыря», которое появилось в 1860 г., а к 300-летию юбилею этой обители была опубликована небольшая по объему брошюра²⁹. Отдельным изданием в 1864 г. вышла книга по Казанскому женскому монастырю³⁰.

Значительный научный интерес представляли для исследователей и монастыри Ростова. В 1858 г. священник А. Израилев опубликовал описание Рождественского девичьего монастыря, которое было переиздано в 1899 г.³¹ Несколько книг было написано ростовским краеведом А.А.Титовым. Так, например, в 1893 г. он опубликовал исследование о Троице-Варницком монастыре³², а годом позже – о Богоявленском Авраамиеве монастыре³³. Примерно в то же время, вышла его книга о Борисоглебском монастыре³⁴. Неоднократно А.А.Титов обращался к изучению Спасо-Иаковлевского монастыря – в 1898 г., 1900 г. и 1913 году³⁵. И. Охотин в 1862 г. составил описание Богоявленского Авраамиева монастыря³⁶. К числу трудов по истории ростовского края относилась книга о жизни преподобного Иринарха, затворника Борисоглебского монастыря³⁷. Исследователь А.В. Гаврилов опубликовал «Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря» в 1880 году³⁸. Н. Чуфаровский годом позже издал книгу о Петровской обители³⁹.

Настоятели угличских монастырей тоже приняли участие в подготовке и публикации исторических описаний. Так, например, в 1870 г. архимандрит Антоний издал небольшую книгу о Покровском монастыре⁴⁰. Несколькоими годами позже вышел в свет одноименный труд по этой обители⁴¹. Николо-Улейминский строитель иеромонах Власий в 1892 г. опубликовал небольшое исследование о своем монастыре⁴². Игуменя Измарагда в 1873 г. издала брошюру «Угличский Богоявленский женский монастырь»⁴³ которая в том же году была

опубликована в епархиальной периодической печати. Этому же монастырю посвятил свое исследование краевед А.Н. Ушаков⁴⁴. К сожалению, до настоящего момента остаются невыясненными причины, по которым не было издано отдельного труда по древнейшему угличскому монастырю – Алексеевскому.

В остальных городах и уездах Ярославской губернии процесс изучения и публикации историко-культурного наследия монастырей протекал весьма активно, хотя и чуть в меньших масштабах. Рыбинск, кроме упомянутого ранее описания Югской Дорофеевой пустыни, отметился еще одним исследованием по данной пустыни⁴⁵, а также брошюрой протоиерея Ф. Морева о Софийском монастыре⁴⁶. Игумен Антоний написал брошюру о пошехонской Исаковой пустыни, которая была в 1861 г. издана в Рыбинске отдельным тиражом⁴⁷, а также опубликована в епархиальной периодической печати. Следующее описание этого монастыря было издано отдельной брошюрой в 1877 году⁴⁸. Небольшое исследование о православной женской общине, существовавшей на месте бывшей Севастьяновой пустыни в Пошехонском уезде вышло в свет в 1888 году⁴⁹.

Наиболее ранней по времени публикацией по истории монастырей в «Ярославских губернских ведомостях» является статья С. Сперанского о Толгском первоклассном монастыре, опубликованная в 1845 году⁵⁰. Известный угличский краевед И.П. Серебrenиков опубликовал статью, посвященную Алексеевскому монастырю⁵¹, а его сын, В.И. Серебrenиков, Богоявленскому, Воскресенскому монастырям⁵². Их ярославский краевед С. Серебrenиков подготовил исследование об угличском Покровском монастыре⁵³. В.И. Лествицын составил описание Югской Дорофеевой пустыни⁵⁴. Заслуживает внимания исследователей церковной истории статья о Ярославском Казанском женском монастыре.⁵⁵

Анализ публикаций, вышедших «Ярославских епархиальных ведомостях» следует начать с исследований, посвященных монастырям г. Ярославля. Наиболее часто в данном издании встречаются статьи о Толгском и Спасо-Преображенском монастырях. Так, например, А. Боголюбский в 1861 г. опубликовал статью о старине Толгского монастыря и его окрестностей.⁵⁶ Несколькими годами позже вышло в свет подробное описание данной обители.⁵⁷ И. Токмаков подготовил к изданию материалы для истории Толгского монастыря.⁵⁸ Архиепископ Нил в 1861 г. опубликовал в епархиальных ведомостях описание Спасо-Преображенского монастыря.⁵⁹

Значительное число публикаций было посвящено и ростовским обителям. В этом издании вышли в свет исторические описания Авраамиева⁶⁰ и Спасо-Песоцкого монастырей.⁶¹ А. Боголюбский написал исторический очерк о Борисоглебском монастыре.⁶²

Не были обойдены вниманием исследователей угличские обители. Игуменья Измарагда написала статью о Богоявленском монастыре, которая была опубликована в ЯЕВ⁶³, а также отдельным изданием. В периодическом издании вышло в свет историческое описание Николо-Улейминского монастыря⁶⁴. Две статьи были подготовлены священником и членом ЯГУАК К. Ярославским. В первой рассматривалась история Богоявленского монастыря⁶⁵, а вторая представляла собой список всех угличских монастырей с указанием имен настоятелей, источников и литературы⁶⁶. Исследователь церковной истории А.А. Соколов посвятил свои труды Покровской, Кассиано-Учешской обителям⁶⁷.

Из остальных обителей можно отметить следующие описания: А. Крылова о рыбинском Софийском женском монастыре⁶⁸, дьячка И. Благовещенского о мологском Афанасьевском⁶⁹, о пошехонской Исаковой пустыни игумена Антония⁷⁰.

Завершая статью, можно сделать вывод о том, что в указанный период в монастырях Ярославской епархии довольно активно велась деятельность по составлению «исторических описаний». Они имели большое научно-практическое значение: одновременно выступали в роли исследований по церковному краеведению, а также выполняли функции отчетов о текущем состоянии обителей.

Примечания

¹ *Беляев Л. А.* Церковная археология и церковное искусство // Православная энциклопедия. Т. вводный. М. : Православная энциклопедия, 2000. С. 459.

² УФГАЯО, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 29, л. 22.

³ Там же, ед. хр. 21, л. 63.

⁴ Там же, л. 66.

⁵ *Денисов В. В.* Роль церкви в изучении местной истории в XIX веке / Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развития культуры народа. Кострома : КГПИ, 1994. Ч. 1. С. 71–75.

⁶ УФГАЯО, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 92, л. 95.

⁷ Там же, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 33, л. 29.

⁸ Там же, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 97, л. 62–62 об.

⁹ УФГАЯО, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 51, л. 10 об., л. 39 об.

¹⁰ *Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 460.

¹¹ УФГАЯО, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 51, л. 124.

¹² О назначении в Губернские и Областные Статистические Комитеты членов от местных Духовных Консисторий // Ярославский епархиальный вестник, 1861. Ч. оф. № 36.

¹³ *Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 461.

¹⁴ УФГАЯО, ед. хр. 45, л. 114.

¹⁵ См.: Ярославские губернские ведомости, 1855. Ч. н. № 21 и др.

¹⁶ УФГАЯО, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 49, л. 35.

¹⁷ Там же, ед. хр. 60, л. 5.

¹⁸ Там же, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 155, л. 55.

¹⁹ Там же, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 63, л. 32.

²⁰ [*Селецкий Д. С.*] Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. СПб, 1849.

²¹ Описание Югской Дорофеевой общежительной пустыни. Ярославль, 1850.

²² *Крылов А.* Описание Ярославского первоклассного Толгского мужского монастыря. Ярославль : Тип. Г. Фалька, 1860. 40 с.

²³ Ярославский Толгский монастырь. Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1873. 84 с.

²⁴ Ярославский первоклассный Толгский монастырь. Изд. 2-е, доп. Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1888. 163 с.

²⁵ *Орлов Д.* Основатель Толгского монастыря. Ярославль, 1913.; *Он же.* Ярославский первоклассный Толгский монастырь. 1314–1914. (Историко-статистический очерк). Ярославль, 1913.

²⁶ Ярославский первоклассный Толгский монастырь 1314–1914 / сост. Н. Г. Первухин. Ярославль : Тип. Н. Х. Николаевой, 1914. 24 с. : ил.

РАЗДЕЛ II

²⁷ *Нил [Исакович], архиеп.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1862.

²⁸ Владимир, ризничный иеромонах. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом. М. : Тип. В. А. Александровской, 1881. 206 с. + 2 плана; *Он же.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913. 192 с. + 2 плана.

²⁹ Описание Ярославского Афанасьевского мужского монастыря. Ярославль : Тип. Фальк, 1860. 40 с. Ярославский Афанасьевский третьеклассный монастырь. К 300-летию его юбилею 2 мая 1615 года – 2 мая 1915 года. Историко-систематический очерк. Ярославль : Епарх. тип., 1915. 18 с.

³⁰ Ярославский Казанский женский монастырь. Ярославль : Тип. Фальк, 1864. 84 с.

³¹ *Израилов А., свящ.* Описание Ростовского, Ярославской губернии, Рождественского девичьего монастыря. Спб. : Тип. Ю. Штауф, 1858. 72 с.; *Он же.* Ростовский Рождественский третьеклассный женский монастырь Ярославской губернии. Спб., 1899.

³² *Титов А. А.* Историческое описание Троице-Варницкого заштатного мужского монастыря близ Ростова Великого Яросл. губ. Моск. губерн. : Тип. А. И. Снегиревой, 1893. 43 с.

³³ *Титов А. А.* Ростовский Богоявленский Авраимев монастырь / изд. архимандр. Ювеналия. М., 1894. 75 с. : ил.

³⁴ *Титов А. А.* Ростовский, что на Устье, Борисоглебский монастырь. Б. м. : б. г. 61 с.

³⁵ Святой Иаков, епископ Ростовский и основанный им монастырь в Ростове Великом, Яросл. губ. По рукописям А. А. Титова. 2-е изд. Ростов Великий : Тип. Опфель, 1898. 15 с. *Титов А. А.* Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в городе Ростове Ярославской губернии. М.: Печатня Снегиревой, 1910. 24 с.; *Он же.* Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в городе Ростове Ярославской губернии. Ростов Ярославский, 1913.

³⁶ *Охотин И.* Описание Богоявленского Авраимева Ростовского монастыря. Ярославль, 1862.

³⁷ Жизнь преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисо-Глебского монастыря, что на Устье реке. М., 1863.

³⁸ *Гаврилов А. В.* Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря. Спб., 1880. 41 с. : 2 л. ил.

³⁹ *Чуфаровский Н.* Ростовский Петровский монастырь и его основатель преподобный Петр царевич / изд. тщ. строит. Макария. Ярославль : Тип. Губ. Зем. управы, 1891. 17 с.

⁴⁰ *Антоний, архим.* Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1870. 74 с.

⁴¹ Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1874.

⁴² *Власий, иером.* Николо-Улейминский монастырь близ города Углича. Ярославль : Тип. Губернск. Земск. Управы, 1892. 15 с.

⁴³ *Смарагда, игум.* Угличский Богоявленский женский монастырь. Ярославль. 1873. 72 с.

⁴⁴ *Ушаков А. Н.* Угличский Богоявленский женский монастырь в г. Угличе, Ярославской губернии. Ярославль : Тип. губ. прав., 1891. 32 с.

⁴⁵ Югская Дорофеева пустынь. Ярославль, 1899. 15 с.

⁴⁶ *Морев Ф., прот.* Рыбинский Софийский женский монастырь. Ярославль, 1908.

⁴⁷ *Антоний, игум.* Исакова пустынь в Пошехонском уезде. Исторический очерк. Рыбинск, 1861.

⁴⁸ Пошехонская Исакова пустынь Ярославской епархии. Ярославль, 1877.

⁴⁹ Православная женская община на месте бывшей Севастьяновой пустыни в Пошехонском уезде. Ярославль : Тип. Губ. Правл., 1886.

⁵⁰ *Сперанский С.* Краткое историческое описание Толгского первоклассного монастыря // Ярославский губернский вестник. 1845. Ч. неоф. № 3, 7, 9.

⁵¹ *Серебренников И. П.* Исторические сведения об Угличском Алексеевском монастыре // Ярославский губернский вестник. 1848. Ч. неоф. № 9 и др.

⁵² *Серебренников В. И.* Богоявленский девичий монастырь в Угличе // Ярославский губернский вестник. 1853. Ч. неоф. № 44–45.; *Он же.* Исторические сведения об Угличском Воскресенском монастыре, ныне упраздненном // Ярославский губернский вестник. 1849. Ч. неоф. № 28, 29, 37.

⁵³ *Серебренников С.* Исторические сведения об Угличском Покровском монастыре // Ярославский губернский вестник. 1849. Ч. неоф. № 12–13.

⁵⁴ *Лествицын В.* Югская Пустынь // Ярославский губернский вестник. 1873. Ч. неоф. № 51, 53, 55, 57, 59.

⁵⁵ Ярославский Казанский женский монастырь. Историческое описание // Ярославский губернский вестник. 1863. Ч. неоф. С. 803, 932, 942, 945.

⁵⁶ *Боголюбский А.* Несколько слов о старине Толгского монастыря и его окрестностей // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 43.

⁵⁷ Ярославский Толгский мужской монастырь. Подробное описание // Ярославские епархиальные ведомости. 1867. Ч. неоф. № 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 49, 50, 51, 52.

⁵⁸ *Токмаков И.* Материалы для истории Толгского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. 1881. Ч. неоф. С. 23, 30.

⁵⁹ *Нил, арх.* Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом, с присовокуплением: жития св. благоверных князей Феодора, Давида и Константина Яросл. чудотворцев и хронолог. указателя иерархов Ростовския и Ярославския паствы // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12.

⁶⁰ Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь. Историческое описание // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 27, 28, 33, 40.

⁶¹ Ростовский Спасо-Песоцкий монастырь // Ярославские епархиальные. 1876. Ч. неоф. № 1.

⁶² *Боголюбский А.* Ростовский Борисоглебский монастырь, что на устье. Исторический очерк // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. Ч. неоф. № 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

⁶³ *Измарагда, игум.* Угличский Богоявленский женский монастырь // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. Ч. неоф. № 10–11.

⁶⁴ Угличский Николо-Улейминский монастырь. Историческое описание // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. Ч. неоф. № 22–28, 34, 36.

⁶⁵ *Ярославский К.* Об основании и месте первоначального существования Угличского Богоявленского женского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. Ч. неоф. № 41.

⁶⁶ *Ярославский К.* Исторические сведения о бывших и существующих Угличских монастырях с хронологическим перечнем начальствовавших лиц, с указателем источников и пособий для полного описания монастырей // Ярославские епархиальные ведомости. 1887. Ч. неоф. № 24–29 и др.

⁶⁷ *Соколов А. А.* История Угличского Покровского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 44–47. *Он же.* Учемская Касьянова пустынь // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 29.

⁶⁸ *Крылов А.* О заложении близ г. Рыбинска общежительного женского монастыря во имя Софии // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. Ч. неоф. № 16.

⁶⁹ *Благовещенский Ив., дьячок.* Мологский Афанасьевский монастырь. Описание // Ярославские епархиальные ведомости. 1866. Ч. неоф. № 20, 28, 35, 36, 39, 41, 45, 46, 47.

⁷⁰ *Антоний, игум.* Исакова пустынь в Пошехонском уезде. Исторический очерк // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Ч. неоф. № 36, 37.

О. Б. Молодов*Филиал Северо-Западной академии
государственной службы в г. Вологде***СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Синодальный период истории Русской православной церкви (РПЦ) хронологически совпадает с правлением династии Романовых. С ликвидацией института патриаршества Петром I и возведением Священного Синода в статус органа государственного управления, по существу – коллегии по духовным делам, начался особый этап церковной истории, длившийся до свержения Романовых в 1917 году.

Вологодская православная епархия в XIX – начале XX вв. территориально не совпадала с современными границами и включала отдельные земли нынешних Архангельской, Новгородской областей и Республики Карелия. По данной причине при формировании фондов материалы по местам лишения свободы дооктябрьского периода оказались именно в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО). Наибольшие возможности представляют для исследователей фонды Вологодской губернской тюремной инспекции (ф. 111) и Вологодского губернского комитета попечительства о тюрьмах (ф. 112). Фонды уездных тюремных учреждений и отделений попечительства немногочисленны, отличаются небольшим объемом и фрагментарностью. Например, фонд Вытегорской тюрьмы Олонецкой губернии (ф. 1201) состоит из 11 единиц хранения, а Тотемской тюрьмы (ф. 1233) всего из одного дела. Большая часть материалов по уездным тюрьмам представляет собой списки заключенных, документы по финансовой отчетности и вещевому обеспечению арестантов, не способных пролить свет на изучаемую нами проблему. Наиболее информативно ценным среди них является фонд Череповецкого уездного тюремного отделения Новгородской губернии (ф. 1178).

В данной работе предпринимается попытка охарактеризовать основные направления социального служения духовенства в пенитенциарных учреждениях, находившихся на территории Вологодской губернии до октября 1917 года. В систему органов, исполняющих уголовные наказания в царской России, входили губернские тюрьмы (тюремные замки), уездные тюрьмы и исправительно-арестантские отделения. К первым относилась Вологодская губернская тюрьма, построенная в 1824 г., остатки здания которой сохранились на Советском проспекте г. Вологды. Кроме того действовала Вологодская пересыльная тюрьма, первоначально построенная во второй половине XIX в. под ночлежный дом, расположенный на перекрестке современных ул. Герцена и М. Ульяновой. Вологодское исправительно-арестантское отделение (Временная каторжная тюрьма), выстроенная в 1853 г. за Архангельской заставой, ныне следственный изолятор на ул. Трудовая¹.

Уездные тюрьмы имелись в Вытегорском, Вельском, Великоустюжском, Грязовецком, Никольском, Кадниковском, Сольвычегодском, Тотемском, Усть-

Сысольском, Устюженском и Яренском уездах. Территории Вельского, Сольвычегодского и Усть-Сысольского уездов принадлежат в настоящее время Архангельской области.

Обязательным атрибутом каждого тюремного учреждения того периода было церковное сооружение или помещение. Тюремные православные церкви имелись в Вологодской, Грязовецкой, Кадниковской, Великоустюгской, Тотемской, Устюженской, Сольвычегодской тюрьмах; часовни – в Никольской и Усть-Сысольской². В Яренской тюрьме богослужения проводились в свободных камерах, а строительство деревянного храма началось только в 1902 году³. Большинство церковных сооружений находились среди помещений тюрьмы либо пристраивались к арестантским корпусам. Например, церковь в Грязовецкой уездной тюрьме находилась на втором этаже арестантского корпуса, в Череповецкой – на третьем⁴. В Тотемском тюремном замке каменная одноэтажная церковь была пристроена к основному корпусу в 1857 году. Как сообщается в отчете тюремного отделения, «наконец усердием Архимандрита Спасо-Суморина монастыря Нафанаила при содействии прочих директоров отделения... на пожертвования частными лицами до 6 тыс. рублей» церковь была построена и освящена⁵.

Тюремные школы. Богослужения, проводимые в тюремных церквях и часовнях, были лишь частью большой работы, осуществляемой православным духовенством. Обучение заключенных грамоте и Закону Божию, как правило, ложилось на штатных священнослужителей (священников и диаконов), хотя в ряде тюремных учреждений школы отсутствовали «за неимением помещения»⁶. «Школа не устроена, обучения нет», - отмечалось в отчете Вологодского исправительно-арестантского отделения за 1915 год⁷. Не было школ Великоустюгской, Никольской, Тотемской и Череповецкой уездных тюрьмах⁸. Циркуляром МВД № 33 от 1879 г. отмечалась «почти повсеместная праздность арестантов, как взрослых, так и несовершеннолетних, не говоря уже об отсутствии правильного и последовательного обучения последних грамоте»⁹. Вместе с тем Правила, утвержденные МВД 31 августа 1887 г. (§ 15), устанавливали обязательное изучение в тюремных школах «Закона Божьего, грамоты с чистописанием, основ арифметики и других необходимых сведений об обязанностях и правах верноподданного»¹⁰.

В некоторых тюремных учреждениях Российской империи, судя по отчетам, в конце XIX в. школьное дело позитивно развивалось, например, в Воронежском и Саратовском исправительно-арестантских отделениях. В Вологодской губернской тюрьме в 1896 г. была устроена школа грамоты для заключенных «с целью их исправления и введения в их жизнь религиозно нравственных начал», где в 1903 г. обучалось 18 человек. Закон Божий преподавал священник, а чтение и письмо – диакон. Занятия велись 4 раза в неделю по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам с 9 часов до времени обеда заключенных. В результате все неграмотные, посещающие школу, на момент подготовки отчета читали и писали, но «еще не бойко»¹¹.

Преподавали в тюремных школах священнослужители, иногда помощь в этом оказывали грамотные арестанты¹². Занятия с осужденными также проходили в рамках пенитенциарных правил. Согласно циркуляру Главного тюремного управления (ГТУ) от 28 мая 1914 г. № 37, заключенные во время занятий в школе

могли «обращаться только к учителю или отвечать на его вопросы, отнюдь не разговаривая между собою»¹³.

По мнению Н.Ф. Лучинского, «тюремный священник, конечно, явился бы наилучшим, самым желательным преподавателем тюремной школы, но [он должен научиться] относиться к своим воспитанникам-арестантам не только с христианским чувством милосердия и участия к страждущим, но и со здоровым, практическим взглядом на пенитенциарные задачи»¹⁴. Образование, получаемое в тюремной школе, благодаря преподаванию священнослужителей, действительно имело клерикальный характер и страдало односторонностью. М.Г. Детковым справедливо отмечается попытка ограничить сознание осужденного рамками религиозного мышления в отрыве от возможности использования богатств научной мысли и культуры¹⁵.

Чтения. Начальники тюремных учреждений в отчетах откровенно признавали, что общие чтения и беседы находятся «в зачаточном состоянии», их программа «заранее не установлена и записи не ведутся»¹⁶. Как правило, чтения проводились в непригодных помещениях – тюремных коридорах, вмещающих 50–60 арестантов. Количество подобных мероприятий указывается в отчетах по-разному. В Великоустюгской тюрьме в 1917 г. чтения организовывались «изредка в воскресные и праздничные дни, в течение 1–2 часов в послеобеденное время». В Никольской тюрьме – «до 25 раз в год по воскресным и праздничным дням от 1 до 2 часов по усмотрению священника»¹⁷. В 1902 г. в Вологодской губернской тюрьме чтения проводились также по воскресным дням, кроме каникулярного времени¹⁸.

Как видно из архивных материалов, они организовывались, как правило, штатными или приходящими священнослужителями – о. А. Углецким (Великоустюгская тюрьма), о. В. Яхлаковым (Никольская тюрьма), диаконом А. Алехиным (Вологодская губернская тюрьма), которым помогали грамотные арестанты. Для проведения бесед иногда приглашались представители общественных организаций – комитетов грамотности, комиссий по устройству народных чтений, попечительства о народной трезвости. Чтения сопровождалось, как указывается в отчетах, «туманными картинками», демонстрируемыми с помощью «волшебного фонаря» – предшественника современного диапроектора. Подобными техническими средствами тюремные учреждения обычно не располагали по причине скудного финансирования, и поэтому заимствовали их у местных общественных объединений на время проведения мероприятий. Если в Вологодском исправительно-арестантском отделении был свой «волшебный фонарь», то Великоустюгская и Никольская тюрьмы брали его у отделений комитета народной трезвости¹⁹.

Как заключал Н.Ф. Лучинский, «чтения проводятся без всякой системы, по выбору чтеца, не одобренному даже и ближайшим тюремным начальством; сами же чтецы, по большей части бывают совершенно лишены не только необходимого образования, но и всяких лекторских способностей»²⁰.

Библиотеки. Библиотеки имелись в каждом тюремном учреждении, где специальных помещений для них не предусматривалось. Литература часто содержалась в конторе (канцелярии) тюрьмы, поскольку по причине незначительного чис-

ла книг и журналов много места не занимала. В уездных тюрьмах библиотеки насчитывали 150–300 экземпляров книг и периодических изданий духовно-нравственного содержания. «Книг духовного и нравственного содержания и Св. Писания для чтения арестантам достаточно», – сообщает начальник Яренской тюрьмы²¹. Напротив, начальник Череповецкой тюрьмы докладывал Попечительству Новгородской губернии 4 марта 1913 г. о том, что «многие из заключенных просят из тюремной библиотеки для чтения книг, но уважить просьбу эту он не может, за отсутствием в библиотеке книг... С 1900 г. расход на покупку книг для тюремной библиотеки не производился, хотя ежегодно таковой разрешался в размере 5 руб. в год»²². В 1915 г. библиотекой заведовал сам начальник Череповецкой тюрьмы на общественных началах («без вознаграждения») и говорится о наличии 180 экз. «разных учебников, Божественных повестей, рассказов и романов»²³. В последние годы монархического правления в России в некоторые тюремные библиотеки журналы не выписывались вообще (например, в 1915 г. в Вологодском исправительном отделении и Великоустюгской тюрьме).

В 1915 г. Вологодское исправительно-арестантское отделение располагало относительно богатой библиотекой, в которой имелось до 2000 экземпляров книг «при 1056 названиях». Помещения для библиотеки, которой заведовал священник, не было. Грамотным арестантам выдавались книги религиозно-нравственного содержания, по истории и географии, в значительном количестве беллетристика²⁴. Выписываемые журналы также имели религиозную направленность («Русский паломник», «Воскресный день», «Отдых христианина», «Зерно»), реже – посвящались проблемам тюремной системы, как «Труды II съезда тюремных деятелей».

Священники играли первостепенную роль в пополнении тюремных библиотек, будучи заказчиками необходимой литературы и цензорами других присылаемых изданий. Библиотеки обычно пополнялись за счет средств местного попечительства над местами лишения свободы и добровольных пожертвований от общественных организаций (Общества распространения Священного Писания, Британского общества и др.)²⁵. Список требующихся книг иногда составлялся тюремным священником. Любопытным документом является Реестр книг необходимых для церкви и библиотеки Вологодского исправительно-арестантского отделения, подготовленный 29 февраля 1892 г. священником Александром Доброумовым²⁶. Там перечислено 20 изданий на сумму 50 руб. 10 коп., причем все имеют сугубо религиозный характер – Церковный устав, библии, молитвенники, жития святых.

Циркуляром Министерства юстиции от 16 июля 1908 г. № 52 предписывалось выдавать арестантам для чтения книги и журналы, «если они по содержанию своему не могут быть признаны вредными ни в религиозном, ни в нравственном отношениях и не заключают в себе учений, направленных против существующих государственного строя и управления»²⁷. Главное тюремное управление в циркуляре от 12 июля 1910 г. № 31 выражает беспокойство о проникновении в тюремные библиотеки значительного числа «вредных» книг и запрещает допускать в библиотеки издания «противные религии, правительственному и общественному порядку, а также доброй нравственности»²⁸. Кроме того, под предлогом распространения Священного Писания в тюрьмы иногда проникали пропагандисты

РАЗДЕЛ II

сектантских учений (баптисты, адвентисты и др.), что вызывало опасения руководства ГТУ, поскольку распространение иных вероучений и прозелитизм были запрещены законом²⁹.

ГТУ констатировало, что за неимением денежных средств, по незнанию и равнодушию лиц, заведующих библиотеками, они находятся в «весьма неудовлетворительном состоянии»³⁰. Только после Февральской революции 1917 г. состоянием тюремных библиотек озаботилось новое правительство и руководство Главного управления местами заключения (ГУМЗ). Было признано, что «до сих пор потребность заключенных в чтении удовлетворялась далеко несовершенно». Имевшиеся библиотеки были не только «малоинтересны по содержанию, но и ничтожны по количеству книг»³¹. Заключенным не разрешалось чтение свежих газет и журналов. Циркуляром ГУМЗ предусматривался ряд мероприятий, направленных на развитие тюремных библиотек, которые по причине дальнейших революционных событий в стране реализовать не удалось.

Таким образом, православное тюремное духовенство кроме проведения богослужений, активно участвовало в иных мероприятиях воспитательного и просветительного характера. В целом по стране священнослужители представляли собой «довольно многочисленный отряд должностных лиц, оказывающих немалое влияние на состояние мест заключения»³². Несмотря на прилагаемые усилия по нравственному исправлению осужденных, их деятельность не могла дать желаемых результатов. Православные священники сталкивались с мощной субкультурой уголовного мира, которая закрепляла и культивировала преступное поведение. В этих условиях исправление заключенных было возможно параллельно с разрушением уголовных норм, но в те годы борьба велась, как правило, только с наиболее злостными внешними проявлениями этой субкультуры: сквернословием, азартными играми, пьянством³³.

Вместе с тем, оценивать результаты тюремного служения необходимо с учетом того, что в условиях традиционной для России экономии средств на тюремные нужды, священнослужители порой на общественных началах или за символическую оплату проводили большую, часто подвижническую работу по воспитанию и обучению осужденных к лишению свободы.

Примечания

¹ Коновалов Ф. Я. и др. Вологда, XII – начало XX века: Краеведческий словарь. – Архангельск, 1993. С.113.

² ГАВО, ф. 1202, оп. 1, д. 7, л. 152 об.

³ Там же, л. 97–98.

⁴ Там же, ф. 1178, оп. 1, д. 1, л.4.

⁵ Там же, ф. 112, оп. 1, д. 6, л. 42 об.

⁶ Там же, ф. 1178, оп. 1, д. 30, л. 24; ф. 4578, оп. 1, д. 5, л. 31, 35, 42.

⁷ Там же, ф. 115, оп. 2, д. 78, л.14.

⁸ Там же, ф. 115, оп. 1, д. 9, л. 12 об; ф. 1178, оп. 1, д. 31, л. 24.

⁹ Там же, ф. 112, оп. 1, д. 38, л. 2.

¹⁰ Там же, ф. 111, оп. 2, д. 6, л. 37 об.

¹¹ Там же, ф. 1202, оп. 1, д. 31, л. 24.

¹² Там же, ф. 115, оп. 1, д. 4, л. 18 об.

¹³ Там же, ф. 114, оп. 2, д. 33, л. 63–63 об.

¹⁴ Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. Спб. : Изд. ред. журн. «Тюремный Вестник», 1904. С. 82.

¹⁵ Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт–1 М, 1999. С. 48.

¹⁶ ГАВО, ф. 4578, оп. 1, д. 4, л. 31.

¹⁷ Там же, л. 31, 43.

¹⁸ ГАВО, ф. 4578, оп. 1, д. 7, л. 15 об.

¹⁹ Там же, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 5; ф. 4578, оп. 1, д. 5, л. 31–31 об, 42–43.

²⁰ Лучинский Н. Ф. Указ. соч. С. 76.

²¹ ГАВО, ф. 1202, оп. 1, д. 7, л. 98.

²² Там же, ф. 1178, оп. 1, д. 17, л. 65.

²³ Там же, д. 31, л. 25.

²⁴ Там же, ф. 115, оп. 2, д. 78, л. 13–14, 26.

²⁵ Там же, ф. 1178, оп. 1, д. 4, л. 3 об.

²⁶ Там же, ф. 115, оп. 1, д. 4, л. 2–3 об.

²⁷ Там же, ф. 111, оп. 1, д. 1, л. 143 об.

²⁸ Там же, л. 233 об.

²⁹ ГААО, ф. 32, оп. 7, д. 1, л. 4, 7.

³⁰ Детков М. Г. Указ. соч. С. 47.

³¹ ГААО, ф. 32, оп. 7, д. 1, л. 75.

³² Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649–октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М. : Щит – М, 2004. С. 137.

³³ Бортникова О. Н. Православные тюремные церкви // Основы государства и права. 1999. № 5. С. 63.

И. С. Наградов

*Костромской историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

ЕДИНОВЕРИЕ В КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из видов привлечения старообрядцев в синодальную церковь было, созданное в 1800 г., единоверие. В 1799 г. московские старообрядцы-поповцы – прихожане Рогожского кладбища – подали прошение митрополиту Платону о разрешении им иметь официально признанных священников. 27 октября 1800 г. Павел I, опираясь на мнение митрополита Платона, подписал указ о формировании единоверия – организационного отделения Русской православной церкви, проводящего службы по дореформенным обрядам. Священники единоверческих церквей были рукоположены в официальной церкви по дониконовским книгам, и совершали обряды, признаваемые староверами. Единоверческие священнослужители освобождались от обязанности участвовать в соборных молениях господствующей церкви, в крестных ходах, где служба велась по новым обрядам. При этом единоверцы были подчинены суду по духовным делам архиереям господствующей церкви. Переходить из православия в единоверие

было категорически запрещено. Таинства, совершенные в единоверческой церкви признавались истинными (например брак православного и единоверца мог быть совершен по любому из обрядов). Единоверческие церкви получали метрические книги для записи актов гражданского состояния своих прихожан. Единоверческим священникам было приказано молиться за царя с семейством, а православным запрещено упрекать единоверцев в исполнении старых обрядов.¹

Указ императора Николая I от 19 декабря 1838 года еще раз подтвердил правила единоверия, а так же предупредил благочинных, что мешать единоверцам вести службу по старым обрядам не следует: единоверие рассматривается как мера расположения старообрядцев к правительству.²

В 1877 и 1878 гг. на Нижегородской ярмарке состоялась встреча мирских лидеров единоверцев. На ней было составлено прошение в Синод о расширении прав единоверцев. Синод в 1881 г. пошел на уступки. Если раньше православному и единоверцу можно было только венчаться по любому из обрядов, то теперь можно было крестить детей от смешанных браков в любой церкви. Если ранее православный не мог перейти в единоверие, то теперь по прошествии 5 лет после уклонения в старообрядчество, человек мог перейти в единоверие с разрешения епископа. Православному разрешалось в экстренном случае принять причастие у единоверческого священника. Единоверцам было разрешено исповедоваться у православного священника и наоборот. А вот просьба о разрешении проводить крестные ходы и молиться за царя по книгам первых пяти патриархов не была удовлетворена.³

Если говорить о всероссийской кампании по распространению влияния единоверия, то, безусловно, определенные успехи были. Так 24 июня 1865 г. в Московской Троицкой единоверческой церкви к единоверию присоединились епископы Онуфрий Браиловский и Пафнутий Коломенский, а с ними трое старообрядческих священнослужителей.⁴ А 25 февраля 1868 г. в Московском единоверческом монастыре присоединились к единоверию белокриницкие епископ Иустин Тульский, епископ Дмитровский Леонид и несколько беспоповских наставников.⁵ С стороны старообрядцев отношение к православию было двояким. Исполнение старых обрядов и отсутствие преследований привлекали в него старообрядцев. С другой стороны оно использовалось как формальная защита от притеснений с сохранением приверженности первоначальному вероисповеданию.

Судя по имеющимся данным в Костромской губернии время активного строительства единоверческих церквей в местностях с большим количеством старообрядцев приходится на конец 1890-х – начало 1900-х гг. В этот период было построено 16 из 25 известных храмов.⁶ До этого единоверческие церкви появлялись довольно равномерно. Значительная их часть построена на средства Синода или с его участием. Проводником политики по распространению единоверия в губернии на рубеже веков был синодальный миссионер Ксенофонт Крючков.

О ярославских единоверческих церквях нам известно меньше. Первая церковь появилась в Ярославской епархии в 1848 г в г. Ярославль за рекой Которосль в районе Большой мануфактурной фабрики.⁷ В 1854 г. в рамках общероссийской кампании были разгромлены беспоповские моленные в г. Романово-Борисоглебске. Многие старообрядцы после этого перешли в единоверие. Ак-

тивным агитатором в данном случае выступил городской голова Игнатий Андреевич Юрин. При поддержке губернатора А.П. Бутурлина он добился формирования единоверческого прихода в городе. На свои деньги он перестроил поповскую часовню, куда были перенесены около 90 икон из закрытых беспоповских моленных. В следующем году единоверцам была передана Архангельская церковь.⁸ В 1860 г. Синод по прошению ярославского епископа Нила выделил 300 рублей серебром на постройку единоверческой церкви в с. Великое Ярославского уезда.⁹ К 1859 г. был построен единоверческий храм в с. Старо-Борисовское Пошехонского уезда.¹⁰ В 1867 г. открыта единоверческая церковь в с. Колодине Пошехонского уезда.¹¹ В 1860-е гг. возникло единоверческое училище при Архангельской единоверческой церкви в Романово-Борисоглебске. Помещение училища было устроено при храме и содержалось церковным старостой купцом Дмитрием Дехтяревым. Староста получал на это от городской думы деньги. В школе в 1868 г. обучалось 20 мальчиков и 6 девочек, и вновь поступило 5 мальчиков.¹² В 1880 г. проект епископа Ионафана об открытии еще одной ярославской единоверческой школы был утвержден Синодом. Новое начальное училище расположилось при Вознесенской единоверческой церкви в с. Колодине Пошехонского уезда. Дети единоверцев должны были изучать закон Божий, чтение по церковным и гражданским книгам, письмо, четыре действия арифметики, а так же крюковое пение. Обучение в школе было бесплатное.¹³ Таким образом, волна активности по созданию единоверческих приходов имела место на рубеже 1850–1860-х гг., что связано с деятельностью епископа Нила, направлявшего в Синод многочисленные прошения о постройке церквей.

К 1914 г. в Ярославской губернии существовало как минимум шесть единоверческих церквей: две в Романово-Борисоглебске, в с. Колодине Пошехонского уезда, в с. Мещерское Любимского уезда, в Ярославле и в с. Старое Пошехонского уезда. Священников для них не хватало: в двух церквях Романово-Борисоглебска и в с. Старое служил благочинный единоверческий священник Александр Понгильский.¹⁴

Общее количество единоверческих церквей в Ярославской и Костромской губерниях было средним (в Уральской области, например, их было более 80). В Костромской губернии в Макарьевском уезде имелся один монастырь – Третьеклассный Высоковский Успенский единоверческий. До 1800 г. на его месте располагался старообрядческий скит. Основатель и руководитель скита инок Герасим перешел в единоверие и стал первым настоятелем. В монастыре постепенно появилось 4 церкви. К 1868 г. ему принадлежали два участка строевого и дровяного леса. Кроме того, имелось почти 60 десятин пахотной и сенокосной земли. Еще была мельница, приносящая доход до 150 рублей в год. А вместо положенных монастырю рыбных угодий, казна выплачивала братии 114 рублей 24 копейки компенсации ежегодно. Капитал монастыря, составленный из пожертвований, равнялся 15350 рублям.¹⁵ Кроме того, монастырь с 1829 г. получал от казны 799 рублей 26 копеек.¹⁶ Братия заштатной пустыни, преобразованной из скита в 1820 г., состояла из 17 человек, включая настоятеля. В 1829 г. пустынь получила статус трехклассного монастыря, и количество братии выросло

РАЗДЕЛ II

до 30 человек.¹⁷ Не позднее 1855 – 1856 гг. настоятелем монастыря был иеромонах Иосиф. В 1857 г. им стал иеромонах Афанасий. В 1858 г. должность настоятеля занимал архимандрит Арсений. 1859 – между 1865 – 1868 гг. – время пребывания на посту игумена Иоанна.¹⁸ В 1868 г. настоятелем числился иеромонах Модест.¹⁹ 1877 – не ранее 1883 гг. настоятелем был иеромонах Косьма. В 1891 г. настоятелем был уже иеромонах Иоанн. Он был вольноотпущенным крестьянином князя Волконского д. Мурашкино Княгининского уезда Нижегородской губернии. В 1848 г. восемнадцатилетним юношей он поступил в монастырь и через 10 лет постригся в монашество.²⁰ Это последний из настоятелей, о котором нам что-либо известно. Но с именем игумена Иоанна связаны интересные события, позволяющие раскрыть отношения внутри монастыря.

В 1864 г. на игумена Иоанна стали поступать жалобы от братии. Игумен обвинялся в растрате монастырских денег, в частых поездках за казенный счет. А в мае 1864 г. настоятель «возвращаясь из Крестовоздвиженского женского монастыря ... бывший довольно нетрезв, решил посадить на свою повозку двух лиц женского пола сомнительного поведения.... Келейник с ним бывший послушник Никанор, то же бывший нетрезвым, остановивши коней, вытащил его, настоятеля, из повозки за волосы и бил его довольно...». Еще Иоанн обвинялся в том, что 15 октября 1864 г. бросил монастырь на произвол судьбы и уехал в Пучеж. Во время его отсутствия трое наемных работников подрались с послушниками и затем долго буянили за оградой. Наконец, настоятель обвинялся в том, что часто ездит к неким девицам в д. Вершинино. Эти девицы Ульяна и Прасковья Васильевы часто прибывают с ним в монастырь на лошадях, а назад отправляются с обильной провизией из братских кладовых. Так из докладов иеромонаха Афанасия и иеродиакона Иоанна вырисовывается обескураживающая картина полной разрухи и хаоса, царящих в монастыре. Назначенная для расследования инцидентов комиссия во главе с игуменом Макарьевского Успенского монастыря Платоном опросила свидетелей и пришла к следующим выводам. Монастырские деньги находятся в сохранности. Игумен Иоанн действительно взял по дороге двух женщин, старушку и девушку, которые были родственницами послушника, но при этом все они были трезвы и драки не было. В монастыре действительно происходили противоправные действия. Во время отлучки настоятеля трое наемных рабочих сняли с пришедших к одному из послушников женщин шубу и платок. Продав вещи, они пропили деньги вместе с их владелицами. Так же они принесли вино иеромонаху Афанасию по его просьбе. Братия собралась и выставила хулиганов за стены монастыря. По приезду игумена работники были уволены. Прибывающие в монастырь с игуменом девицы оказались немолодыми женщинами, стирающие белье за плату продуктами. Кроме того, их родители были похоронены на монастырском погосте и они часто приходили на их могилы.²¹ Находясь во главе монастыря около 10 лет, игумен вел постоянную борьбу с Афанасием и Иоанном. Вражда началась с того, что игумен по распоряжению епископа сломал ветхую келью, завещанную прежним настоятелем этим инокам.²² Кроме того, Иоанн сам метил на место настоятеля, а Афанасий часто выпивал, за что его не любил игумен. Сам же игумен Иоанн, несмотря на козни двух монахов, многое сделал

для монастыря. Под его руководством была приведена в порядок библиотека, улучшена мельница, перестроена плотина. Многие здания внутри монастыря были выкрашены, побелены, отремонтированы. Были построены конюшня, коровня, баня, прачечная. В результате монастырь стал обладателем приличного стада: 7 лошадей, 16 дойных коров, 2 быков, 3 полутороговых телок, 1 бычка, 4 телок и бычка «прошлой зимы».²³ И со всем этим хозяйством управлялись 1 игумен, 12 монахов, 15 послушников и 4 работника по найму.²⁴ Комиссия рекомендовала выслать Афанасия и Иоанна из монастыря.²⁵

Являясь одним из средств борьбы синодальной церкви со старообрядчеством, единоверия развивается неравномерно как во времени, так и пространстве. В Ярославской епархии.

Примечания

¹ Единоверие // Старообрядчество: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 47.

² Разумовская О. В. Старообрядчество в политической и экономической жизни Владимирской губернии XIX – начала XX вв. Дис ... к.и.н. 07.00.02. М., 2002. С. 46–47.

³ Высочайше утвержденное определение Святейшего Синода о дополнении некоторых пунктов правил единоверия // Ярославские епархиальные ведомости. 1881. 14. ноября. № 46. Ч. офиц. С. 365–367.

⁴ Обращение в православие старообрядческих архиереев // Ярославские епархиальные ведомости. 1865. 17 июля. № 25. Ч. неофиц. С. 239–240.

⁵ Присоединение к православию старообрядцев // Ярославские епархиальные ведомости. 1868. 23 марта. № 12. Ч. неофиц. С. 101–102.

⁶ Подсчитано нами на основании: Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: справочная книга. Кострома : Изд. Костром. епарх. ведомостей. Кострома : Костром. губерн. тип., 1911. С. 398–406; ГАКО, ф. 132, оп. 1, д. 1240, л. 2; *Зубарев Е.* Беглый дьячок // Костромские епархиальные ведомости. 1907. 1 июля. № 13. Ч. неофиц. С. 434.

⁷ *Троцкий И.* Ереси, расколы и отступления от устава церкви, бывшие с существующие в Ярославской епархии // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. 8 августа. № 32. Ч. неофиц. С. 323.

⁸ *Мизеров А.* Единоверие в г. Романово-Борисоглебске (краткие исторические сведения) // Ярославские епархиальные ведомости. 1883. 14 мая. № 20. Ч. неофиц. С. 153–160.

⁹ Распоряжения правительственные // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. 5 ноября. № 3. Ч. офиц. С. 221.

¹⁰ Распоряжения правительственные // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. 7 мая. № 4. Ч. офиц. С. 22.

¹¹ *Мизеров А.* Единоверие в г. Романов-Борисоглебске (краткие исторические сведения) // Ярославские епархиальные ведомости. 1883. 2 июля. № 27. Ч. неофиц. С. 209–213.

¹² Известия и объявления. О состоянии училища при Архангельской единоверческой церкви // Ярославские епархиальные ведомости. 1868. 27 июля. № 30. Ч. офиц. С. 246–247.

¹³ Распоряжения правительственные // Ярославские епархиальные ведомости. 1880. 30 июля. № 3. Ч. офиц. С. 241–242.

¹⁴ ГАЯО, ф. 230, оп. 3, д. 3290, л. 1–6 об.

¹⁵ Памятная книга Костромской епархии. I отдел. Кострома, 1868. С. 108–109.

- ¹⁶ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 143, л. 118 об.
¹⁷ Памятная книга Костромской епархии. I отдел. Кострома, 1868. С. 109.
¹⁸ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 143, л. 118 об.
¹⁹ Памятная книга Костромской епархии. I отдел. Кострома, 1868. С. 59.
²⁰ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 227, л. 55 об.
²¹ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 215, л. 1–58.
²² ГАКО, ф. 132, оп. 1, д. 1344, л. 1–5.
²³ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 215, л. 23, 55.
²⁴ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 143, л. 73.
²⁵ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 215, л. 58 об.

Н. Ф. Басов

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Православная церковь всегда принимала активное участие в оказании помощи нуждающимся: бедным, неимущим, нищим... Основанием этой деятельности является идея милосердия, с проповедью которой всегда выступало христианство.

Простейшей формой проявления милосердия всегда была подача милостыни. Это во многом определяло огромное скопление нищих у церквей и монастырей. Они считались «красою церкви», «Христовой братией», «церковными людьми», «богомольцами за мир» и т. д.¹

Костромской край не являлся исключением. Из общего населения губернии в 1894г., составляющего 1416366 чел., 1388865 чел. были людьми православными². В начале XXв. в Костромской епархии насчитывалось 28 соборных церквей, 1015 приходских, 23 домовых, 22 приписных, 44 кладбищенских. Кроме того в губернии было 1711 часовен³. Только в Костроме насчитывалось более 47 православных церквей. Можно представить себе каким было скопление нищих вокруг этих церквей, особенно в выходные дни и церковные праздники, и каждый из них мог рассчитывать на подавание.

Во второй половине XIX в. в России наблюдается оживление благотворительной деятельности православной церкви. Важным обстоятельством развития этого процесса стало появление в мае 1864г. «Основных правил для учреждения церковных братств». По сути дела это были объединения православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для создания и украшения православных храмов и т. д. Братства учреждались при церквях и монастырях с благословения епархиального архиерея и по согласованию с губернатором.

Наряду с церковно – корпоративными целями, например Александровское православное братство брало на себя и ответственность за социальные нужды прихожан. В параграфе 6 Устава общества говорится, что братство по мере своих средств утверждает ремесленные училища, приюты, лечебницы для приходящих, богадельни и больницы. Братство брало опеку над безработными, помогая одним – в «приискание соответственно их силам и способностям занятий» (12 Устава братства), другим – денежными вспомоществованиями (13 Устава братства)⁴.

По инициативе Александровского православного братства 11 января 1886 г. была создана амбулаторная братская лечебница в Богословской слободе близ Ипатьевского монастыря, для чего братством был куплен полукаменный двухэтажный дом.

В день открытия лечебницу благословил Костромской преосвященный Александр, передав богато украшенный образ святителя и чудотворца Николая, и пожертвовал ценный медицинский электрический аппарат.⁵

18 октября 1887 года состоялось торжественное открытие еще одного церковного братства – Православного Федоровско-Сергиевского. Оно было учреждено при Костромском кафедральном соборе. Активно занималось вопросами просвещения и ставило перед собой следующие задачи: учреждение в городе Костроме епархиальной библиотеки; снабжение церковной литературой школ Костромы и Костромской губернии; распределение денежных пособий школам Костромской епархии; контроль над нуждами школ Костромской епархии.

Одной из задач деятельности Костромского Федоровско - Сергиевского братства являлась организация и содержание книжных складов. Их в 1903 г. по отчету братства насчитывалось 160. Кроме того, под крылом братства работало немало благочиннических библиотек. В Галическом уезде их было 3, в Нерехтском – 18, Макарьевском – 7, Буйском – 7⁶.

Активно действовало в Костромской губернии Кологривское церковное братство. Оно было основано в 1907 г. и состояло из 165 членов. Одной из важнейших задач братства была борьба с нищенством в приходе. С этой целью была учреждена школа труда для нищих детей, с раздачей им бесплатных обедов. Кроме того, братство оказывало материальную помощь неимущим прихожанам, страдающим хроническими болезнями. Общество оказывало также поддержку бедным ученикам, а бедным крестьянам выдавали семена для посева и т. д.

При этом главной задачей правление братства считало: взять детей с улицы, освободить от попрошайничества, приютить их, одеть и накормить. Параллельно с этим предполагалось обучить их молитвам и началам закона Божия, научить читать и писать, познакомить с основами арифметики. Девочек обучали рукоделию, а мальчиков – плетению корзин и вязанию сетей. Школа была открыта 17 августа 1908 г. председателем братства протоиреем Ф.И. Иорданским. А уже 19 августа 1908 г. в ней начались регулярные занятия⁷.

Довольно активно работало церковное братство во имя Царицы Небесной при церкви Одигитриевской г. Судая Чухломского уезда. Для изыскания средств для бедных учеников Беберинской второклассной церковноприходской школы Варнавинского уезда при ней было основано в 1902 г. церковное братство

РАЗДЕЛ II

преподобного Варнавы. В 1910 г. при церкви Кинешемского духовного училища было основано Святодуховское церковное братство⁸.

Костромская епархия немало внимания уделяла помощи неимущим лицам духовного звания. С этой целью в 1852 г. в губернии было открыто и активно работало вплоть до 1917 г. Костромское попечительство о бедных духовного звания. Оно устанавливало опеку над сиротами из семей духовенства. Кроме всего, в экстренных случаях создавались специальные комитеты, например, Комитет помощи духовенству неурожайных местностей Костромской губернии⁹. Попечительства финансировались только за счет епархии, поэтому в церквях выставлялись специальные кружки для сбора пожертвований, отчислялась часть дохода от продажи свечей и т. д.

В Костромской епархии большое внимание уделялось церковно-приходским школам, являющимся наиболее доступными для масс бедноты. В начале XX в. в губернии насчитывалось более 500 церковно-приходских школ. Наибольшее распространение получили такие типы этих школ, как школы грамоты, одноклассные, двухклассные и второклассные школы. Однако больше всего насчитывалось одноклассных школ, которых к 1913 г. в губернии было 355¹⁰.

Роль церквей, монастырей и братств в их развитии была довольно существенной. В частности в 1910 г. от церквей поступило 14 тыс. рублей. Приветствовались поступления от частных лиц. За этот же год от благотворителей было собрано более 14 тыс. рублей. Например, вдова псаломщика с. Чуди Макарьевского уезда пожертвовала и отремонтировала на свои средства здание для местной школы стоимостью около 1 тыс. рублей¹¹.

Примером служения делу школьного образования является деятельность сельского священника отца Алексея Александровича Скворцова из с. Клевцово Нерехтского уезда Костромской губернии. Именно по его инициативе еще в 1872 г. была организована церковно-приходская школа, которая до обретения отдельного здания в 1896 г. располагалась в доме священника. Он неоднократно назначался обществом опекуном сирот¹².

С ростом количества таких школ обострилась проблема педагогических кадров. С этой целью в 1896 г. были открыты второклассные церковно-приходские школы, имевшие целью готовить учителей для школ грамоты. В Костромской губернии таких учебных заведений в 1914 г. насчитывалось более десяти¹³.

Кроме того, учителей для всех типов церковно-приходских школ готовили специальные церковно-учительские школы. Требования к уровню знаний в них были изложены в «Правилах для производства испытаний по духовному ведомству на звание учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы». Этот документ отражал программу по таким основным школьным предметам, как Закон Божий, церковнославянский и русский языки, чистописание, арифметика, история, география, церковное пение¹⁴.

Некоторую потребность в кадрах для церковно-приходских школ удовлетворяло Костромское епархиальное женское училище, которое было открыто в Костроме в 1901 г. Количество учениц тогда достигло более 500 человек. Директрисой училища была дочь протоиерея Л. И. Поспелова. В состав преподавателей Костромского епархиального женского училища Костромской духовной семи-

нарии входили кандидаты Московской, Киевской, Казанской духовных академий¹⁵. Основная часть учениц была из семей духовенства. При училище имелось общежитие-интернат. Обучение было платным, однако дочери малоимущих родителей освобождались от этого. Были и стипендиатки Костромского епархиального попечительства. В 1907 г. Их насчитывалось 15 человек. При училище существовало также общество вспомоществования бедным ученицам, которое оказывало поддержку малоимущим воспитанницам. В 1910 г. средства училища для оказания помощи нуждающимся складывались из следующих источников: ассигнования епархиального духовенства – 1500 руб.; поступления от Костромского епархиального попечительства о бедных духовного звания – 3590 руб.; проценты со специального и вспомогательных капиталов епископа Костромского и Галичского Виссариона – 332 руб.; стипендия от Кривозерского монастыря – 120 руб.; пожертвования от разных лиц – 745 руб.(всего 6287 руб.)¹⁶.

Инициаторами и наставниками церковно-приходских школ были священнослужители. Большая часть из них вышли из стен Костромской духовной семинарии, которая была солидным учебным заведением того времени. Количество учащихся в ней с 1896 по 1912 гг. составляло: 1896г. – 526; 1901г. – 544; 1906г. – 599; 1911г. – 472; 1912г. – 501чел.¹⁷. В семинарии имелся большой библиотечный фонд, который в 1913 г. составлял 19445 томов. Деятельность семинарии получила высокую оценку обер-прокурора Святейшего синода ст. секретаря В.Х. Саблера, который посетил это учебное заведение 18 мая 1913 г.¹⁸.

Широкой известностью пользовалась деятельность «Общества взаимопомощи нуждающимся учащимся в Костромской духовной семинарии», открытого 2 февраля 1899 г. Покровителем общества являлся Епископ Костромской и Галичский Виссарион. Непременным почетным членом общества являлся Костромской губернатор (Л.М. Князев, П.П. Стремеухов и др.). Кроме того, в обществе было в разное время от 23 (1914г.) до 30 (1904г.) почетных членов, 4 пожизненных, более 100 действительных. Председателем правления общества являлся ректор семинарии (в 1904г. протоирей М. И. Щеглов, в 1913г. протоирей В. Г. Чекан). Многие годы секретарем правления был преподаватель семинарии А. И. Черницын, а казначеем В. И. Лаговский. В 1904 г.всего членов общества насчитывалось 271 человек. В 1910г. – 98 чел.¹⁹.

Согласно уставу общество помогало нуждающимся учащимся взносом платы за обучение, снабжало бесплатными учебными пособиями, выдавало одежду и обувь, платило за проживание в Епархиальном общежитии, выдавало ссуды на лечение, на поездку в Духовную академию для продолжения образования и т.д.

Источниками материальных средств общества являлись членские взносы, проценты от «неприкосновенных капиталов общества», пожертвования, сборы по подписным листам. В 1913 г. общий капитал составлял 2616 руб. наличными и 17700 руб. ценными бумагами. Всего за 1913 г. Правлением общества было рассмотрено 284 прошения²⁰.

Развитие церковной благотворительности связано с деятельностью приходских попечительств. В августе 1864 г. появился «Закон о приходских попечительствах при православных церквях». В соответствии с ним задачей деятельности попечительств наряду с заботой о благосостоянии местной церкви являлась

РАЗДЕЛ II

благотворительность. Источниками средств попечительств являлись кружечные сборы, проводимые в храмах, членские взносы, сбор денег по подписными листами, пожертвования состоятельных лиц и т. д. Принимали помощь натурой – хлебом, мясом, картофелем, холстом, лесом, кирпичом и т. д. В начале XX века в Костромской епархии насчитывалось 35 церковноприходских попечительств²¹.

Православная церковь активно поддерживала все благотворительные начинания костромичей. В 1898 г. в г. Кологриве купец Дометий Минеевич Звонов на собственной земле и на свои средства устроил богадельню для призрения свыше 20 человек, стоимостью 40000 рублей, и обеспечил содержание ее и призреваемых в ней лиц процентами с внесенного им 16 декабря того же года в Костромское отделение государственного банка капитал в 100 тыс. руб.

Хозяйство богадельни состояло из жилого дома, кухни, бани, трех колодцев, огорода. Отопление было дровяное, для чего требовалось 134 сажени дров. Расходы составляли от 2016 руб. в 1905 г. до 5302 руб. в 1913 г. Число проживающих составляло в разные годы от 29 до 40 человек (1912 г.). Призреваемых опекали и обслуживали заведующий, смотритель, письмоводитель, сиделка, кухарка, два сторожа.

Богадельня была торжественно открыта 27 января 1899 г. и освящена протоиереем собора Успения пресвятой Богородицы Феоктистом Иорданским. Выступая перед собравшимися он отметил: «Слав Богу! Вот и богадельня, так давно в городе жданная, освящена, и сии старцы и старицы, от трудов и продолжительной жизни своей потерявшие силы, уже поселились в ней доживать свой век на покое. Христиански приветствуем тебя, Дометий Минеевич, с похвальным окончанием высокого дела христианского благотворения ближним... Тебя, Дометий Минеевич, Господь благословил хорошим достатком, и ты из него делаешь христианское употребление. Много твоих пожертвований на храмы Господни, лет десять тому назад ты употребил 2300 рублей на перелитие соборного благовестного колокола; лет пять тому назад ты употребил 5 тысяч рублей на внутреннее украшение соборного храма; года два тому назад ты пожертвовал 5000 рублей на возобновление кладбищенской церкви и ограды; 1500 рублей ты употребил на устройство близ собора дома для просфорни и приезда богомольцев на богослужение с малыми людьми; ты послал 1000 рублей на устройство церкви... Известно нам и твое благотворение ближним: ты на всякий дом сгоревший, где бы то ни случилось, жертвуешь по три рубля. Ты иных бедных девиц удержал от падения нравственного, помогши им вступить в законный брак. Предавая гласности твои жертвы во славу Бога и во ближних, мы находим неуместным преподавать тебе пастырский совет... Дорого тебе стоит богадельня, но живущих в ней молитвенников за тебя более 20 дряхлых старцев и стариц. Это жизнь уже отцветшая и совсем увядающая. Их молитва – охи и вздохи, а иногда и ропот. Но и эти молитвенники молятся не столько за тебя, сколько за приснопамятную супругу твою, которой, как мы сказали, принадлежит первая мысль устройства сего старческого покоя...»²².

Можно привести в качестве другого примера и такое событие. В июле 1908 г. в г. Чухломе было совершено освещение строительства здания для приюта на 100 детей бедных родителей. Он сооружался на средства почетных граждан Санкт-

Петербурга, уроженцев из Чухломы братьев Дмитрия и Федора Парфеновых. На освещение места для строящегося дома 22 июля прибыл старший брат Дмитрий Лаврентьевич. Состоялась Божественная литургия с выносом из храма святых икон, и участием духовенства всего города, во главе с настоятелем Авраамиевского монастыря и священников двух сельских церквей, а также жителей города. Настоятель собора протоирей Николай Соболев произнес речь, в которой говорилось о том, что к существующей уже 15 лет богадельне для призрения бесприютных старцев добавляется еще одно богоугодное учреждение для воспитания детей бедных родителей. Строится оно благодаря «почтеннейших братьев Парфеновых, столь щедрых благотворителей наших»²³.

Приходская благотворительность развивалась и на селе. В материале «Деревенская благотворительность», опубликованном в 19 номере Костромских епархиальных ведомостей за 1908 г. дана яркая картина раздачи нуждающимся собранных прихожанами денег. «Великий четверг 1908 года... В церкви невольно обращают на себя внимание десяток – полтора дряхлых старух и стариков, больных, хромых... Сегодня раздача бедным прихода «красного яичка» к Великому празднику. И вот собрались все нуждающиеся. Раздавать будут пожертвования самих же прихожан, собираемых в особую кружку, которая каждую обедню ставится при подходе молящегося ко кресту по окончании службы.

Кончилась обедня... По окончании всего, когда богомольцы ушли и остались почти одни только бедняки, приступили к раздаче пожертвованных в кружку «копеек».

«Не забывают, – заключил наставления батюшка – в молитвах своих неизвестных благотворителей, помните, что это все ваши соседи, ваши односельчане»²⁴.

В заключение заметим, что даже такой небольшой обзор благотворительной деятельности православной церкви в Костромской епархии конца XIX – начала XX вв. говорит о многообразии форм призрения нуждающихся. В дополнение к разнообразным мерам, принимаемым в этом направлении земствами, частными лицами, благотворительными обществами, церковная благотворительность давала ощутимый результат, смягчала проявления нищеты и бедности.

Примечания

¹ *Прыжов И.* Нищие на святой Руси. Казань, 1913

² Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1914 г. С. 395.

³ Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г. С. 35.

⁴ Отчеты по Костромскому Александровскому православному братству, состоящему под Его Императорского Величества покровительством за 1880, 1886 и 1899 годы.

⁵ Епископ Костромской и Галицкий Виссарион (Нечаев) с 14 декабря 1891 г. по 30 мая 1905 г. Доктор богословия. Скончался 30 мая 1905 г. в загородном архиерейском доме в с. Соловикове. Погребен в усыпальнице костромского кафедрального собора. См.: 200 лет Костромской епархии. Кострома ; Мюнхен. 1994. С. 30.

⁶ *Бердова О. В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати в XIX – нач. XX вв. Кострома, 2002. С. 127.

⁷ Костромские епархиальные ведомости. 1909. Приложение к офиц. ч.

⁸ Костромские епархиальные ведомости. 1902. № 11. Неофиц. ч. С. 124.

⁹ Костромские епархиальные ведомости. 1901. № 19. Неофиц. ч. С. 90–95.

РАЗДЕЛ II

¹⁰ Бердова О. В. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 10. Неофиц. ч. С. 216; Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 6. Приложение к офиц. ч. С. 3.

¹² Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 17. Неофиц. ч. С. 565.

¹³ Костромские епархиальные ведомости. 1906. Неофиц. ч. С. 390.

¹⁴ Бердова О. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁵ Костромские епархиальные ведомости. 1907. № 1. Неофиц. ч. С. 16.

¹⁶ Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 29. Неофиц. ч. С. 625.

¹⁷ Бердова О. В. Указ. соч. С. 64.

¹⁸ Костромские епархиальные ведомости. 1907. № 23. Неофиц. ч. С. 702; Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 12. Неофиц. ч. С. 311.

¹⁹ Отчет о состоянии и деятельности общества взаимопомощи нуждающимся учащимся в Костромской духовной семинарии за 1904 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 8. Приложение к офиц. ч. С. 1–5.

²⁰ Отчет о состоянии и деятельности общества взаимопомощи нуждающимся учащимся в Костромской духовной семинарии за 1913 г.

²¹ Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г. С. 35.

²² *Протоирей Феоктист Иорданский*. Сочинения. Кострома, 1911. С. 88–90.

²³ Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 19. – С. 487–489.

²⁴ Там же. С. 521–524.

Н. С. Майорова

*Костромской государственной
университет им. Н.А. Некрасова*

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

Непосредственным толчком к воплощению идеи соборности в Русской православной церкви стала революция 1905–1907 гг. В высочайшем рескрипте от 27 декабря 1905 г. император Николай II высказал пожелание, чтобы «произведены были некоторые преобразования в строе отечественной церкви на началах вселенских канонов, для вящего утверждения православия». Для подготовки Собора и определения даты начала его работы Синод принял решение создать особую структуру – Предсоборное присутствие. 8 марта 1906 г. состоялось его первое заседание, открытое митрополитом Петроградским Антонием.

Этой работе приписывалось огромное значение, поскольку церковная реформа Петра I, в ходе которой власть патриарха была заменена Святейшим Синодом, по сути своей разрушила лежащий в основе церковного устройства принцип соборности и превратила Русскую церковь в «ведомство православного исповедания», составлявшего часть государственной машины. Тягостная «опека» государственной власти делала церковную организацию мало приспособленной к житейской борьбе, атрофировала самостоятельность церковного общества. «Почти 200 лет руль церковного корабля не в руках церковной власти. И все важнейшее в отечественной церкви по части управления, по части хозяйства и т.д., ведалось и решалось в сферах не церковных и не свято-заповеданным церкви соборни-

ческим «советом и разумом»¹. Этот факт признали и политические институты в лице Государственной думы и Государственного совета, и часть православного духовенства, и русское общество. Так старообрядческие журналисты подчеркивали, что положение господствующей новообрядческой церкви было весьма сложным: при всем формальном единстве отсутствовала общая жизнь и объединение даже в виде прихода, а церковь ставшая ведомством перестала быть церковью. Неназванный профессор церковного права расценивал соборность как душу церкви, без которой церковь представляет собой не живое тело, а паралич или даже мертвый труп. По мнению отдельных представителей интеллигенции именно старообрядчеству был присущ особый крепкий религиозный дух и практическое осуществление начал широкой церковной соборности.

Работа Предсоборного присутствия носила подготовительный характер. В семи его отделениях рассматривались шаги по изменению, оздоровлению и оживлению церковной жизни, подъема ее «на высший из возможных» уровней. Однако, сколько-нибудь действенных мер за одиннадцатилетний период своего существования присутствие не предприняло из-за косности епископата. На заданный главой Синода вопрос «В чем корень церковной разрухи и что необходимо для спасения положения?» только пять, входивших в его состав, епископов высказались за коренную и генеральную реформу с отделением церкви от государства и возвращением к каноническому строю первых христиан. Остальные епископы или ничего не ответили, или неодобрительно отнеслись к самому вопросу. Архиепископ вологодский Никон, именно в силу этого не желавший впредь посещать заседания Синода, крайне пессимистично взирал на перспективы грядущих изменений: «Ничего сделать нельзя и ничему не поможешь, все развалилось и ничего не поправишь... Ни о какой деятельности размышлять не приходится. Остается одно – сидеть, молчать и наблюдать, что будет»².

Вину за промедления в возможных церковных преобразованиях возлагал на Синод и депутат Государственной думы В.Н. Львов. С думской трибуны он заявлял: «Мы находимся при такой церковной разрухе, когда пастыри церкви задаются вопросом: каков же авторитет Святейшего Синода, если он не может повлиять ни на духовенство, ни на иерархов... Если Синод не изменит своего лица, не расстанется с митрополитами, занимающимися политиканством, и митрополитами, за ветхостью организма неспособными управлять епархией, если он... не поднимет своего властного голоса за освобождение церкви от государственной власти, если он не скажет, что церковь не может терпеть такого позора, что она должна быть свободною в своем внутреннем управлении, – то наступит день разрухи православной церкви»³. Боязнь синодального ведомства открыть собор объяснялась, по мнению одного из авторов старообрядческих журналов «Слово церкви» и «Старообрядческая мысль» И. Кириллова, непониманием силы собора⁴.

К началу 1917 г. состояние церковной жизни людьми здравомыслящими расценивалось как губительное, средством врачевания которого мог стать только собор, «созванный на твердых началах вселенских канонов». Упавший моральный авторитет церковной власти подпитывал антимонархические настроения внутри церкви. Революционный процесс, приведший к гибели монархии, сделал реальностью перспективу созыва Поместного собора.

РАЗДЕЛ II

Временное правительство в вопросе реформирования церковной жизни проявляло известную осторожность, откладывая радикальные преобразования до будущего Учредительного собрания. Постановлением Синода были внесены изменения в богослужение, прекращались молитвы за Романовых, взамен их желательными стали моления о благоденствии Временного правительства. В марте 1917 г. из депутатов Думы и общественных деятелей был создан Совет по делам Православной церкви, результатом его деятельности стали проведенные в большинстве епархий съезды епархиального духовенства и мирян, подтвердившие лояльность по отношению к правительству и высказавшиеся за скорейший созыв Поместного Собора.

Программа Временного правительства в отношении церкви отражала широкие либеральные течения общественного мнения. Она предполагала во-первых, свободу религиозной совести для всех исповеданий, которая органически включала и свободу пропаганды; во-вторых, свободу соборного самоуправления для Православной церкви; в-третьих, упразднение государственной опеки обер-прокурора над Церковью; и, в-четвертых, упразднение некоторых привилегий Православия в частности осуществляемой государством его полицейской защиты от посторонней пропаганды⁵. Таким образом, ставилась задача устранить положение, при котором церковь была лишена свободы, т.е. соборности управления, подчинена власти светского чиновничества и имела ограниченную самостоятельность, а христианская вера была приспособлена для нужд государственной идеологии.

Важнейшим для перспектив развития все же оставался вопрос о Соборе. Еще в апреле 1917 г. Священный Синод объявил о созыве Поместного собора и создании Предсоборного совета по его подготовке, ссылаясь на начавшееся повсеместно церковное оживление и невозможность при изменившемся государственном строе Русской церкви оставаться при отживших порядках. Организационные принципы Собора разрабатывались во всех деталях. Утверждалось в соответствии с канонами и правилами Вселенской церкви два образующих его начала – правящий епископат и выборные делегаты от «остального тела Церкви, от клира и мирян». Епархиальный съезд имел полномочия проводить прямые выборы из кандидатов не моложе 21 года. От епархии избирались семь священно- и церковнослужителей: епископ, один представитель от мужских и женских монастырей, пять клириков (два священника, один диакон и два псаломщика) и семь мирян. Представители клира и мирян имели право решающего голоса, епископ – право первого, определяющего голоса. Епископат высказывал мнение, решение – прерогатива всего Собора.

В задачи Собора входили:

1. Восстановление соборного начала в жизни церкви;
2. Кодификационные работы – свод церковных канонов;
3. Решение догматических и церковно-практических вопросов, богослужебных и юридических⁶.

В июне Предсоборный совет начал свою работу и почти с первых дней в нем сформировались две противостоящие группы, которые по-разному видели будущую форму церковного управления и положение Православной церкви.

Профессор Покровский и разделявшие его взгляды настаивали на полном отделении церкви от государства и принятии синодально-соборной структуры управления. Сторонники точки зрения князя Е.Н. Трубецкого и С.Н. Булгакова не отвергали сам принцип отделения, но настаивали на том, чтобы за Православием как национальной церковью сохранялся особый статус – первой среди равных. По их мнению, церковь органически срослась с народом, культурой и государственностью, настолько сильно, что оторвать ее от общественного организма – национального государства уже невозможно. Множество споров вызывало и восстановление патриаршества. Отсутствие единодушия по основополагающим вопросам было характерно и для дальнейшей работы Собора.

Отделение церкви от государства и соборное решение по этому поводу приобретали огромное значение. 13 июля Предсоборный совет принял проект, в котором фиксировалось первенствующее публично-правовое положение Православной церкви в стране, приличествующее ей как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности и религии большинства населения. Полная свобода религиозной совести для нее должна выражаться в независимости от государства в делах своего устройства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений. Издаваемые церковью для себя постановления со стороны государства должны признаваться нормами права, обязательными для всех лиц и установлений с момента их опубликования. Надзор за действиями органов РПЦ может осуществляться только в порядке соответствия их законам государства. Глава государства и министр исповеданий должны быть православные. Во всех случаях, когда государство обращается к религии, преимущество у Православной церкви. На нужды церкви государством должны выделяться ежегодные ассигнования в зависимости от ее потребностей. Таким образом, устанавливалась система взаимной независимости соборной церкви и правового государства при их моральном и культурном сотрудничестве.

Левое крыло Поместного собора состояло из белого духовенства городов, церковной интеллигенции и профессуры, в том числе и из мирян. Оно выступало за ослабление позиций монашества и епископата, за синодальную, т.е. максимально демократичную коллегиальную систему церковного управления, где голос архиерея приравнивался бы к голосу простого священника. Правое крыло (так называемое патриаршее большинство) составляли консервативно настроенные делегаты, которые выступали за сильную патриархально-епископальную систему управления, где наибольший вес и значение имели голоса церковных иерархов, с правом совещательного голоса рядового духовенства и мирян.

В августовском номере старообрядческого журнала «Слово церкви» за 1917 г. под рубрикой «Из жизни инославных и иностранных исповеданий» было опубликовано послание Св. Синода к членам Русской православной церкви. Значимость послания была велика, поскольку Синод в лице экзарха Грузии архиепископа Карталинского-Кахетинского Платона, архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия, архиепископа Ярославского и Ростовского Агафангела, епископа Самарского и Ставропольского Михаила, епископа Уфимского и Мензелинского Андрея и других иерархов провозглашал открытие 15 августа 1917 г.

РАЗДЕЛ II

Всероссийского Поместного Собора. К избранию на Собор предпочтение отдавалось «людям благочестивым, мужам благоговейным, прекраснейшим членам церковного братства, бескорыстным и ревностным защитникам дела Церкви, знающим и понимающим нужды церковные, имеющим христианскую «добрую совесть», пользующимся заслуженным уважением в церковных обществах». Цель Собора, состоявшего из епископов, монашествующих, приходских клириков и мирян, заключалась в решении вопроса о наилучшем устройении Церкви, которая получила возможность воспользоваться правом осуществить «внутреннее на началах соборности устройство и... совершить великое дело обновления церковного строя и улучшения жизни церкви во благо и спасение русского православного прихода»⁷.

С речью на торжественном заседании открытия Собора выступил министр исповеданий А.В. Карташев. Перед соборным большинством он сделал попытку определить принцип взаимоотношений государства и церкви: «Временное правительство видит в соборе РПЦ полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений церкви к государству»⁸. Тесная близость правительства к делам и интересам церкви есть первооснова правительственной идеи культурного сотрудничества государства с церковью. «Взаимная свобода при взаимном сотрудничестве». При этом до принятия Собором законодательных положений, касающихся преобразований церковного управления, прежние постановления, принятые Временным правительством, оставались в силе.

Все делегаты работали вместе и имели равное право голоса; проекты постановлений и определений передавались на окончательное утверждение архиереям, заседания которых проходили отдельно. По уставу Собора епископы несли особую ответственность за судьбу церкви. Если собрание архиереев отвергало проект, он вновь возвращался на общее рассмотрение. При повторном отклонении проект снимался с повестки дня. Более всего это правило касалось вопросов догматического и канонического характера. Такая система все же позволяла высшим иерархам оказывать влияние на принимаемые Поместным Собором решения.

Наиболее важные и первоочередные проблемы, которые стояли перед Собором и требовали его решения, были следующие:

- 1) система церковного управления и восстановление патриаршества;
- 2) участие женщин в церковной жизни;
- 3) обязательность преподавания Закона Божьего;
- 4) регламентация деятельности монастырей и монастырской жизни;
- 5) церковная собственность и имущество.

Программа несколько отличалась от намеченной Всероссийским съездом, в частности это касалось вопроса о патриархе. Собор образовал 22 отдела, которые занимались подготовкой докладов и определений, выносившихся на заседания. Особое значение среди них имели отделы Высшего Церковного управления, Уставный, епархиального управления, благоустройства приходов, правового положения церкви в государстве. Но созданный для решения внутренних церковных проблем Собор расценивался как своеобразная политическая сила, дей-

стве которой основывалось на глубокой религиозной вере и от которой ждали содействия в устройстве государственной жизни. Не оказывая поддержки какой-либо группировке и не идя на поводу политических взглядов своих членов, Собор преследовал цель возрождения России, восстановления ее могущества и авторитета. Опираясь на исторические аналогии со Смутным временем, он претендовал на роль конструктивного первоначала, отрекшись от участия в борьбе политических партий и указывая, что непременным условием мира должно служить отрешение от односторонних точек зрения класса и партии. Власть должна быть не партийною, а всенародною.

Вопреки ожиданиям благоприятных изменений, в старообрядческой среде с первых дней работы Собора утвердилось мнение о его неканоничности и способности породить новый раскол. Журнал «Слово церкви» писал: «Новообрядческая церковь господствовавшая в России в течении двух с половиной столетий, утратив господство перестраивается по-новому – как будто на соборно-канонический лад, а в действительности на парламентарно-мирской»⁹. Перспектива грядущего раскола, «духовного расточения» подтверждалась и появлением в соборной среде двух течений – консервативного, представленного епископатам, и прогрессивного, возглавляемого профессорами академий и университетов и церковно-общественными деятелями. Реакционный элемент представлен членами «Союза русского народа», попавшими на Собора из-за довольно прохладного отношения населения к самим выборам.

Негодование вызвало и то обстоятельство, что белое духовенство не только получило право избирать из своей среды представителей на Собор, но и то, что голос приходского священника приравнялся к голосу епископа. Публицист Н.Н. Дурново, сотрудничавший с газетой «Петроградские ведомости» отмечал: «Все епископы знают, что одни они состоят членами Собора, что на Собор не выбирают попов и мирян, а приглашают ревнителей Церкви: иноков, иереев, мирян за которых поручатся их епископы. Обращать же Собор в парламент или в какой-либо площадной митинг – св. Церковь лишена права это делать»¹⁰. Старообрядческие журналисты высказывали сожаление о том, что великое дело, каким виделся Собор в момент его открытия проходило так неприглядно, с многими шероховатостями и при отсутствии единого духа. Среди епископата старообрядцы не видели кандидатуры, вокруг которой могло бы произойти объединение духовенства и верующих.

Серьезной проблемой Собора, по мнению старообрядцев, стала и увлеченность политикой, чему немало способствовала и в целом неблагоприятная обстановка в стране. Мятеж генерала Корнилова повлек за собой еще более глубокий раздел соборного большинства. Однако эти оценки вряд ли можно назвать верными. Тяжелейшее «междоусобие» и постепенное нарастание кризиса власти способствовали большей консолидации и смене настроений членов Поместного собора. Предсоборный совет в проекте устройства Высшего церковного управления не предусматривал восстановления патриаршества. И при открытии Собора сторонников избрания патриарха насчитывалось гораздо меньше, нежели противников. Но все же, поставленный на обсуждение, он встретил широкую поддержку.

РАЗДЕЛ II

Вопрос о восстановлении патриаршества принял особую остроту в условиях, когда государство открыто разрывало союз с церковью, которая должна стать «воинствующей и иметь духовного вождя. Противники настаивали на несовместимости соборности и единовластия, на преимуществах коллегиальности, объединяющей различные по силе таланты и дарования перед единоличной властью. Октябрьская революция и вооруженное противостояние послужили мощным стимулом решения вопроса, соответствующее постановление было принято 30 октября.

5 ноября 1917 г. жребий патриаршего выбора пал на митрополита Московского Тихона, который в годину войны, смуты, междоусобия и нашествия иностранного, ослабления веры и неистовства безбожного духа принял на себя «великое и страшное служение» Патриарха Московского и Всея Руси. На высказанные на Соборе опасения, что восстановление патриаршества нанесет вреда идее соборности и затенит Собор патриарх ответил, что ««не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто-либо как бы велик он ни был и какую бы духовною силою не обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русской церковью. <...> Патриарху нечего и думать о том, чтобы получить власть и господствовать над церковью. Нет, это ему не по силам. Благо Святой Православной церкви создается общей работой всех, общим сотрудничеством»¹¹.

К избранию патриарха старообрядческая печать отнеслась довольно сдержанно. Журнал «Слово церкви» ограничился лишь констатацией факта: Собор восстановил патриаршество; патриарх будет стоять во главе управления церковными делами; высшая судебная, законодательная и контролирующая власть предоставляется поместному собору. Скупость эмоций можно объяснить тем, что страна переживала приход к власти большевиков, повергший ее в состояние полной анархии и погружение в пучину «братоубийственной бойни и кровавой вакханалии». Декабрьские номера «Слова церкви» возвратились к теме Собора, вновь констатируя факты и особо отмечая препятствия, причиненные новыми властями при интронизации патриарха Тихона, планировавшийся по этому случаю и запрещенный властями крестный ход, обыск в патриарших покоях в Троице-Сергиевой лавре.

Итогом первой сессии Поместного собора стало восстановление принципа соборности и избрание патриарха. В решениях Поместного собора реализовывались процессы демократического обновления внутри церкви, создание иной, более приспособленной к историческому моменту структуру церковной власти. Усилив позиции Православной церкви за счет объединения вокруг патриарха разных ее течений, Собор стал условием ее выживания в условиях антирелигиозной политики. В последующие годы «канонический строй свободного, соборного самоуправления имел и утилитарное значение, поскольку спас ее сколь было возможно среди наступившей катастрофы от грозившего ей глубокого и внутреннего и внешнего распада.

Примечания

¹ Превращение церкви в государство // Слово церкви. 1917. № 3. С. 54.

² Из жизни господствующей церкви. Развал Синода // Слово церкви. 1917. № 9. С. 175.

³ Ш-ов. Создание свободной церкви // Слово церкви. 1917. № 4. С. 69.

⁴ Кириллов И. Новая страница // Слово церкви. 1917. № 1. С. 3.

⁵ Карташев А. В. Временное Правительство и Русская церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 12.

⁶ Журналы Костромского очередного Епархиального съезда духовенства и мирян 1917 года. Кострома, 1917. С. 47–48.

⁷ Созыв Собора новоправославной церкви // Слово церкви. 1917. № 32–33. С. 580.

⁸ Карташев А. В. Указ. соч. С. 24–25.

⁹ Отступление от православия // Слово церкви. 1917. № 30. С. 540–541.

¹⁰ Вокруг Собора // Слово церкви. 1917. № 37. С. 627.

¹¹ Тихон, патриарх. Россия в проказе. М.: Лодья, 1998. С. 65.

Протоиерей Владислав Цыпин

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
НА ПУТИ К СОБОРУ (1905–1917 гг.)**

Подготовка к Поместному Собору 1917–1918 гг., явившемуся одним из самых значимых исторических рубежей в истории Русской Церкви, началась фактически за 12 лет до его созыва, в 1905 г. Правительство тогда обратило особое внимание на положение Церкви в связи с законодательством о свободе вероисповедания, подготовка которого началась в канун революции и завершилась апрельским манифестом 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». При подготовке манифеста выяснилось, что с его изданием Православная Церковь, находившаяся в течение 200 лет под жестким правительственным контролем, окажется в некотором отношении в худшем положении, чем привыкшие к большей независимости старообрядческие, инославные и даже иноверные общины, которые этим актом освобождались от ряда прежних ограничений в правах. Об этом тогда заговорили с амвонов и на страницах церковной печати.

Ректор Петербургской Академии епископ Сергей (Страгородский), позже Патриарх, выступая на религиозно-философском собрании, прямо заявил, что объявить полную свободу совести «значило бы всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными». 17 февраля 1905 года на молебне в память об основании Петербургской Академии он сказал по поводу предстоявшего манифеста: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... В дальнейшем потребуют от нас уже не красных фраз и не заученных силлогизмов, не пестрого народа показной учености, от нас потребуют духа и жизни, потребуют веры... потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернильниц, а кровью из нашей собственной груди».

Правительственным откликом на подобные выступления стала поданная на Высочайшее имя премьер-министром С.Ю. Витте в марте 1905 г. пространная записка «О современном положении Православной Церкви», составитель

РАЗДЕЛ II

которой остался неизвестным. В ней резкой критике подвергались бюрократизация синодального правления и обер-прокурорский произвол. В «Записке» предлагалось созвать Собор и восстановить Патриаршество.

Правительство по инициативе С.Ю. Витте образовало Особое совещание, в которое был включен и первенствующий член Синода митрополит Петербургский Антоний. Он заявил в Совещании: «Если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства». Эта опека связывает самостоятельность духовенства и «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни». Митрополит подал меморандум, в котором предлагал устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, который лишает Церковь самостоятельности и инициативы.

Болезненно задетый «Запиской» С.Ю. Витте обер-прокурор К.П. Победоносцев выступил с «Соображениями по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в которых категорически отвергал целесообразность восстановления Патриаршества, утверждая, что Патриаршество противоречит «соборному началу в Церкви», а обер-прокурорский надзор является надежным гарантом коллегиальности и соборности. По ходатайству Победоносцева вопрос о проведении церковных реформ был изъят из ведения Особого совещания и переведен в Святейший Синод.

После трех заседаний Св. Синода, посвященных теме церковных преобразований, 22 марта 1905 года святому императору Николаю II был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом» и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта государь наложил на докладе резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, для подготовки которого предусматривалось образование Предсоборного присутствия.

Указом Св. Синода от 27 июля 1905 г. епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательных церковных преобразованиях. Отзывы архиереев поступили к концу года и сразу же были напечатаны. В них дана объективная характеристика существовавшего положения Церкви. Большинство архиереев критически оценило канонические дефекты синодальной системы, резче всех высказался на эту тему архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). Решительное большинство архиереев высказалось за созыв Поместного Собора. Разногласия вызвал вопрос о составе Собора: одни Преосвященные настаивали на исключительно епископском его составе, другие предлагали призвать на Собор представителей клириков и мирян.

В обсуждении ожидавшихся церковных преобразований приняло участие и белое духовенство. На имя Петербургского митрополита Антония была подана записка от лица петербургских священников, так называемой «группы 32-х», составленная в духе церковного либерализма и модернизма, с демагогическим лозунгом всестороннего обновления, с требованием ввести в Церковь выборное начало на всех уровнях. «Группа 32-х» высказалась против восстановления Патриаршества. Для первоиерарха Русской Церкви авторы «Записки» предусматривали титул архиепископа столичного города, а если и допускали титулование его Пат-

риархом, то при этом считали недопустимым наделять его никакими административными правами по отношению к другим епископам, предоставляя ему лишь первенство чести. Патриарх, считали они, не должен быть чем-то большим, чем председателем Поместного Собора.

Группа «32-х» требовала также широкого представительства клириков и мирян на Соборе, настаивала на том, чтобы они получили равные права с епископами в решении всех вопросов церковной жизни. В данной тенденции открыто проявились сословные интересы обновленцев, стремление закрепить побольше прав и привилегий за белым духовенством за счет епископата и монашества; монашествующих не епископов представители «группы 32» вообще считали нецелесообразным и неканоничным призывать на Собор. «Не считая правильной мысль, что первый Собор, по встречающимся для совершенной организации его затруднениям, может состоять из одних только епископов, мы полагаем, что он-то, прежде всего, и должен обладать характером всецерковного представительства. 200-летнее отсутствие соборов и современное положение высшей иерархии, не избираемой, как встарь, самими церквами, то есть клиром и народом самих вдовствующих церквей, обязательно требует участия на соборах низшей иерархии и мирян»¹.

Совершенно противоположных взглядов на предстоявшие преобразования высшей церковной власти придерживался архиепископ Антоний (Храповицкий). Он выступал за исключительно епископский состав ожидаемого Собора.

С глубоким разбором вопроса о составе Поместного Собора выступил в печати архиепископ Финляндский Сергей (будущий Патриарх). Он писал: «Можно ли, стоя на строго канонической точке зрения, утверждать, что клирики и миряне имеют право, наравне с епископами, участвовать с решающим голосом в областных соборах... Ответ может быть только отрицательный. Что клир и миряне обязательно присутствовали на соборах и что некоторые из них принимали в рассуждениях Собора самое замечательное участие, это правда... Но сказать, чтобы таков был закон церковный, обязательный для всех, чтобы этого требовали правила Св.Апостол и Св.Вселенских и Поместных соборов... невозможно. «Книга правил» не содержит никаких узаконений для участия клира и мирян в областных соборах и, напротив, – всюду, где говорит о Соборах, – говорит только об епископах и никогда о пресвитерах, клириках и мирянах (IV Всел.19, Трулл.8, VII Всел.6, Карф.14, 27, 87,141, 142, Лаод.40 и проч.)»².

Однако ради единства и мира церковного, архиепископ Сергей считал все же целесообразным призвать для участия в Соборе клириков и мирян: «Но, – отмечал он, – нужно поставить это участие так, чтобы оно не разрушало... основного принципа канонического строя»³. Для этого архиепископ Сергей предлагал ввести в положение о Соборе такое условие: «Всякое постановление общего собора, достигнуто ли оно путем голосования или без него, получает силу закона, но может быть опротестовано, с указанием мотивов и передано на рассмотрение Собора одних епископов. Если постановление имеет характер догматико-канонический, для протеста достаточно одного голоса, кому бы он ни принадлежал. Во всех остальных случаях необходимо, чтобы протест был заявлен или поддержан не менее как одной четвертью всех присутствующих»⁴. Епископат в

РАЗДЕЛ II

целом стоял на позициях, выраженных в выступлениях архиепископов Антония и Сергия. В том же духе был составлен доклад Святейшего Синода, представленный государю.

17 декабря 1905 г. император Николай II дал аудиенцию трем высшим иерархам: митрополитам Петербургскому – Антонию, Московскому – священномученику Владимиру (Богоявленскому), Киевскому – Флавиану (Городецкому) и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. Через 10 дней состоялась вторая встреча. Царь заверил митрополитов в том, что он считает неотложно необходимым проведение преобразований в структуре Церкви. 16 января 1906 г. государь утвердил состав «Предсоборного присутствия» во главе с митрополитом Антонием. В него было включено 10 архиереев, 7 священников, 21 профессор богословия.

Предсоборное Присутствие заседало в Александро-Невской Лавре с марта по декабрь 1906 г. Участники заседаний единодушно высказались за восстановление Патриаршества. В Присутствии прозвучали решительные требования освободить Церковь от мелочной обер-прокурорской опеки. Большинство выступавших поддержало предложение о многократном увеличении числа епархий. Обсуждались также вопросы о благоустройстве приходской жизни, о состоянии Духовных школ. В основу работы Присутствия легли «Отзывы» архиереев. Главной темой совещаний была подготовка Поместного Собора.

Предсоборное присутствие подготовило материалы для предстоящего Поместного Собора, следуя в них в основном идеям, высказанным архиепископом Сергием. По завершении своих трудов оно было распущено указом св. Императора Николая II. Работу Присутствия продолжил Св. Синод, который 25 апреля 1907 г. представил Царю доклад о программе занятий предстоящего Поместного Собора. Царь наложил на доклад резолюцию, в которой повелел отложить созыв Собора «ввиду переживаемого ныне тревожного времени». Он опасался, что деятельность Собора примет направление, оппозиционное по отношению к Самодержавной власти, параллельное тому, которого придерживалось большинство депутатов Государственной думы 1-го и 2-го созывов.

Между тем, через два дня после издания Октябрьского манифеста 1905 г. о гражданских свободах и созыве законодательной палаты – Государственной Думы К.П. Победоносцев, не одобрявший этого шага, вышел в отставку с поста обер-прокурора. Его преемниками, сменяя один другого, назначались князь Д.А. Оболенский, князь А.А. Ширинский-Шихматов, П.И. Извольский, чиновник, неблагоклонно относившийся к духовенству, но на закате жизни, в эмиграции, сам принявший священство, и затем С.М. Лукьянов, который пытался поддерживать хорошие отношения с Думой, откуда раздавалась крикливая и неосновательная критика в адрес Св. Синода.

В 1911 г. государь назначил обер-прокурором многоопытного синодального чиновника В.К. Саблера, который еще с 1881 г. служил в канцелярии обер-прокурора. Многие годы он был ближайшим помощником К.П. Победоносцева, с изрядным административным талантом проводил его церковно-политический курс, но в 1905 г. у него вышло разногласие с Победоносцевым по вопросу о созыве Собора. В.К. Саблер выступил тогда в поддержку иерархии, стремившейся

к возрождению соборности. Поэтому назначение В.К. Саблера обер-прокурором в церковных кругах воспринято было с удовлетворением.

По инициативе нового обер-прокурора возобновилась подготовка Собора. Для этой цели 28 февраля 1912 г. указом императора Николая II было создано Предсоборное совещание под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). На Совещании пересматривались материалы Присутствия 1906 г. Из них тщательно удалялись идеи, носившие оттенок церковного либерализма. Работы Совещания были прерваны начавшейся в июле 1914 г. мировой войной.

После отречения св. Императора Николая II и образования Временного правительства 9 марта 1917 г. Св. Синод обратился к всероссийской пастве с посланием, в котором говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Таким образом Св. Синод признал новый порядок государственного управления.

Между тем, в России начинался развал государства, фронт подступал к столице, на окраинах страны сепаратисты, не дожидаясь Учредительного собрания, в явочном порядке провозглашали автономии, парализовав деятельность правительственных служб и местных учреждений власти. Повсюду происходили самочинные экспроприации. Разлагающие веяния проникли и в церковную среду. Сразу же после событий февраля-марта 1917 г. возобновила свою деятельность образованная в 1905 г. группа 32-х священников, переименованная вскоре в «Союз церковного обновления». По инициативе священников И. Егорова, Д. Попова, А. Введенского в Петрограде под председательством протоиерея Димитрия Попова был учрежден «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян», ставший своего рода штаб-квартирой обновленческого движения. Действуя под покровительством Временного правительства, этот союз настаивал на скорейших преобразованиях церковного строя, которым они собирались придать самое радикальное направление.

Уже в марте 1917 г. Святейший Синод по настоянию обер-прокурора В.Н. Львова, назначенного Временным правительством, уволил на покой Петроградского митрополита Питирима (Окнова), престарелого Московского святителя Макария (Невского) и архиепископа Тобольского Варнаву (Накропина), обвинив их в тесных отношениях с Распутиным. Вслед за этим по инициативе Львова по всей стране начались увольнения архиереев, либо под предлогом их, чаще всего надуманных, связей с Распутиным, либо даже по юридически несостоятельному и не имеющему никакого канонического значения обвинению в поддержке старого режима. Напряженность отношений обер-прокурора с Синодом и епископатом объяснялась не только личными качествами В.Н. Львова, но и тем обстоятельством, что прежде обер-прокурор представлял в органе высшей церковной власти – Святейшем Синоде Императора, миропомазанного самой же Церковью. Теперь же обер-прокурор, представляющий светскую власть – правительство, лишённое всякой сакральности, но при этом действующий с полномочиями прежнего, царского обер-прокурора,

РАЗДЕЛ II

воспринимался церковным сознанием как узурпатор, хотя действовала еще старая привычка к подчинению правительству, и Церковь оставалась лояльной ему до самого его падения в октябре 1917 г.

Провозгласив всевозможные политические и гражданские свободы, правительство ужесточило давление на Церковь. 20 марта вышел закон об отмене ограничений в правах, связанных с религиозной и национальной принадлежностью. Тем самым Православная Церковь теряла свой привилегированный статус. Разрабатывался декрет о факультативном, вместо обязательного, преподавании Закона Божия. Многовековой союз Церкви и государства рушился, но Временное правительство пыталось сохранить за собой право контроля над внутренней жизнью Церкви. В глазах православных зависимость Церкви от Временного правительства, лишенного всякой сакральности, приобретала противоестественный характер.

15 апреля обер-прокурор в зале синодальных заседаний огласил указ Временного правительства о прекращении зимней сессии Синода и об увольнении в свои епархии его членов, в том числе митрополита Киевского священномученика Владимира (Богоявленского), архиепископов Литовского святого Тихона, Новгородского Арсения (Стадницкого), всех, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), и о вызове новых членов и присутствующих на летнюю сессию. 29 апреля Св. Синод в своем новом составе обратился с Посланием к российской пастве, в котором призывал провести «выборное начало на всех уровнях церковного управления», в том числе и при замещении архиерейских кафедр.

Курс религиозной политики Временного правительства, направленный на лишение Православной Церкви ее привилегий, становился все более очевидным. 20 июня вышло постановление о передаче церковно-приходских школ в ведение министерства народного просвещения. Закон о свободе совести, опубликованный 14 июля, провозглашал свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина по достижении 14-летнего возраста, когда дети еще учатся в школе. Министерство просвещения торопилось использовать это положение для того, чтобы низвести преподавание Закона Божия на уровень факультативного предмета или вовсе устранить его из программы обучения. Именно в этот год сказаны были горькие слова о «раскрещивании России, получившей Крещение тысячу лет назад».

После отречения Императора Николая II, который согласно Акту о престолонаследии, составленному императором Павлом, имел статус главы Церкви, возникла острая необходимость в устройении нового порядка церковного управления. Временное правительство проводило политику, направленную на построение исключительно светского государства, на отделение Церкви от государства. Созыв Собора в сложившихся условиях нельзя было откладывать далее.

29 апреля 1917 г. Святейший Синод принял решение о подготовке к Поместному Собору – со стороны Временного правительства возражений против этого решения не было. Проводя курс на отделение Церкви от государства, оно готово было предоставить Церкви право на самоопределение в рамках складывавшегося тогда нового государственного строя.

При Синоде был образован Предсоборный Совет под председательством архиепископа Финляндского Сергия, в него вошли 62 члена – архиереи, священники, ученые богословы из мирян, известные церковно-общественные деятели. Первое заседание Совета состоялось 13 июня в Петрограде. При обсуждении программы предстоящего Собора в Совете использовались материалы Предсоборного Присутствия 1905–1906 гг. и Предсоборного Совещания 1912–1914 гг. Острые споры вспыхнули по вопросу о высшем церковном управлении. Профессора Петроградской Духовной Академии, особенно влиятельные в Предсоборном Совете, настояли на том, чтобы предложение о восстановлении патриаршества было отвергнуто. Горячо обсуждался вопрос об участии мирян в ведении церковных дел. Профессор Петроградской Академии А.А. Папков отстаивал самые широкие права прихода, ему возражал Н.И. Лазаревский: «Бесконтрольное хозяйничанье мирян может привести к самым неожиданным постановлениям, а если они постановят продать Казанский собор на увеселительные заведения, тогда что делать?».

5 июля Синод принял постановление об открытии Поместного Собора в Москве, в праздник Успения Божией Матери, и утвердил положение о созыве Собора. 24 июля Святейший Синод в посланиях к предстоятелям поместных Церквей приглашал их прибыть на Всероссийский Поместный Собор.

В самый канун Собора произошли очередные перемены в составе Временного правительства. 25 июля обер-прокурором Синода вместо Львова был назначен А.В. Карташов, в прошлом доцент Петроградской Духовной Академии. 5 августа Временное правительство упразднило должность обер-прокурора и учредило Министерство исповеданий, назначив министром Карташова. В компетенцию нового министерства входили отношения Православной Церкви с другими религиозными общинами России и государственной властью – какое-либо вмешательство во внутрицерковные дела при этом не предусматривалось. Эта перемена послужила освобождению Церкви от давления со стороны правительственных чиновников, но серьезного значения появление нового министерства для Церкви уже не имело – Временное правительство теряло власть в стране.

За два дня до открытия Собора Святейший Синод возвел столичных архипастырей - святых Тихона Московского и Вениамира Петроградского, а также экзарха Грузии архиепископа Платона в сан митрополитов. Синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви доживала последние дни. 15 августа в Москве в Успенском соборе Кремля открылся Поместный Собор.

Примечания

¹ К церковному Собору. С. 127.

² *Сергий (Страгородский), архиепископ*. О составе ожидаемого чрезвычайного Поместного Собора Российской Церкви. Спб., 1905. С. 5–6.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 27.

А. Е. Кидяров
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖ 1918 г. И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Ярославский мятеж 1918 г., организованный членами созданного Б. Савинковым «Союза защиты Родины и свободы», был поддержан представителями различных слоев населения, в том числе духовенством.

Длительное время вопрос об участии служителей церкви в июльских событиях 1918 г. в Ярославле рассматривался достаточно односторонне. Священнослужители характеризовались исключительно как «контрреволюционеры в рясах». Представляется интересным рассмотреть эту проблему с учетом исторических документов, ставших доступными в настоящее время.

Следует отметить, что Ярославская епархия в рассматриваемый период занимала одно из ведущих мест в России по числу служителей культа и прихожан: до 1917 года на территории, ныне занимаемой Ярославской областью, действовало 1064 православные церкви и 28 монастырей. Духовенство оказывало сильное влияние на широкие массы населения.

Советские авторы отмечали поддержку мятежа со стороны представителей духовенства. При этом обращалось особое внимание на то, что еще задолго до событий июля 1918 г. ярославское духовенство выражало «контрреволюционные настроения». Так, 22 января 1918 г. «толпа буржуазии, духовенства, маклаков и прочего темного элемента пыталась устраивать уличные беспорядки погромного характера. Заполняя улицы центра города... толпа пыталась избивать проходящих по улицам работников Совета. Толпа была рассеяна отрядом солдат под командой т. Громова. Подобная погромная демонстрация устраивалась 17 января под видом крестного хода»¹

Подчеркивался тот факт, что руководитель восстания полковник А.П. Перхуров перед началом мятежа лично испросил благословение у митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела (Преображенского). «В подвалах монастырей, – писал Р.Балашов, – пряталось продовольствие и оружие. При подавлении белогвардейского мятежа только в Спасском монастыре г. Ярославля красноармейцы обнаружили 6 тысяч пудов хлеба, а на Толге было захвачено много оружия... В последние дни перед мятежом, как потом выяснилось, в монастырских кельях пряталось немало белого офицерства»² Один из участников событий лета 1918 года Д.Малинин писал: «Ярославское духовенство с самого начала октябрьской революции было настроено активно, контрреволюционно ... попы призывали православных христиан покаяться и причаститься перед вступлением в бой с большевиками. Те же самые призывы слышались из уст духовенства и в июльские дни. Кроме того, чтобы поднять, начавший быстро падать дух «защитников» Ярославля, попы все время мятежа служили господу богу молебны – «о победе и одолении ненавистных большевиков». Некоторые, наиболее ярые из попов не ограничивались этим и принимали активное участие в боях. Так, после мятежа на станции Всполье был расстрелян священник Владимирской

церкви, как пулеметчик, стрелявший из пулемета с колокольни своей церкви»³. Враждебную по отношению к большевикам позицию духовенства подчеркивал В. Галкин: «С амвона произносились погромные проповеди против большевиков. Церковные агитаторы призывали к свержению Советской власти»⁴.

Документы свидетельствуют о том, что отдельные служители церкви принимали непосредственное участие в восстании. «Шедшая улица со станции Всполье в город упирается как раз в церковь, с которой все время бил пулемет, – говорит в своих воспоминаниях комиссар охраны Северных железных дорог Я.Т. Руцкий, участвовавший в подавлении восстания. Мною было выкачено одно орудие против этой церкви и шагов из 1000 она была обстреляна, но все же пулемет с таковой бил. В ночь на 8 или 9 церковь была красноармейцами окружена и с таковой с пулеметом был снят поп»⁵.

«Заводы и фабрики, а также церкви и монастыри, которые, кстати сказать, выбирались белыми как бастионы – оттуда шла сильная пулеметная стрельба по красной гвардии, – отмечал очевидец. Было установлено, что духовенство помогало белым, вплоть до того, что монахи были пулеметчиками»⁶.

Духовенство также пыталось морально поддерживать повстанцев, организуя во время боев крестные ходы с молебнами о даровании восставшим победы⁷.

Особо следует отметить роль Толгского монастыря в ярославских событиях. Расположенный в 10 верстах от Ярославля Толгский монастырь стал базой восставших. Через него осуществлялась связь с волостными центрами и деревнями уезда. Р. Балашов описывает операцию губчека по аресту офицеров, которые после подавления мятежа воспользовались покровительством монахов и укрылись в кельях и подвалах Толгского монастыря. «...В ночь с 5-го по 6-е августа монастырь был окружен отрядом красноармейцев и работников губчека. Чекисты скрытно пробрались во двор монастыря и проникли в жилые помещения. В одной из келий спящим был взят скрывающийся под именем иеромонаха Варлаама начальник контрразведки Перхурова бывший полковник Некрасов. В другой келье арестовали его заместителя, бывшего полковника Гиляровского. Всего в монастыре чекисты обнаружили 12 офицеров перхуровского штаба. При обыске помещений было найдено несколько ящиков оружия, патронов, чистые бланки паспортов и деньги»⁸. От старожилов Толги сейчас можно услышать рассказ о том, что после мятежа в монастыре якобы скрывался сам Б. Савинков, однако это не более чем легенда⁹.

Однако, как считает А.Бурмистров, едва ли участие монахов Толгского монастыря в организации мятежа было значительным. Об этом свидетельствует тот факт, что сам полковник Перхуров укрыться в монастыре не решился. Поняв, что повстанцы обречены, и покидая горящий, обстреливаемый артиллерией город, на небольшом катере с отрядом в 50 человек, он проплывал мимо монастыря, но, опасаясь встретить красноармейцев, причаливать к пристани не стал. Катер прошел далее, вверх по течению. Отряд Перхурова высадился на пустынном берегу и ушел в лес¹⁰.

Следует отметить, что спустя три месяца после подавления мятежа Ярославский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на основании декрета Совнаркома принял решение о том, чтобы принадлежащий Русской Православной

РАЗДЕЛ II

Церкви Толгский мужской монастырь «передать религиозной общине в бессрочное и бесплатное пользование». Однако продлилось это «бессрочное» пользование семь с половиной лет¹¹.

В дни ярославского мятежа женский монастырь Казанской иконы Божьей Матери, расположенный в центре Ярославля, наполнился ранеными из повстанческих отрядов. Монахини ухаживали за больными, варили им щи и кашу, стирали белье. Позднее, после подавления восстания Казанский монастырь был упразднен, все имущество было изъято, монахини направлены в Толгский монастырь, где им было выделено отдельное помещение, в котором они пребывали до закрытия монастыря. Сам же Казанский монастырь был превращен в концлагерь¹².

В июльских событиях 1918 г. принимало участие не только духовенство самого Ярославля, но и священнослужители окрестных сел. Служители церкви присутствовали на сборах крестьянских отрядов Диево-Городищенской волости, выступивших на помощь бойцам А.П. Перхурова. Так, 8 июля, собравшись по звону колокола и отслужив молебен о даровании победы «в борьбе с безбожной властью», волостной сход села Диево-Городищево принял решение идти на помощь ярославским повстанцам. Участник событий К.А. Тарасов на допросе показывал: «В 6 часов вечера собрались около Потребилковки, а потом перешли и собрались опять около Пожарного депо. Немного после от Смоленской принесли икону и стали служить молебен. Служил священник отец Константин и диакон Витальский»¹³. Упомянутый диакон Витальский вместе с другим диаконом – М.В. Агаповым – по показаниям допрошенных входил в состав Диево-Городищенского Комитета, в котором он занимался выдачей пропусков, а также вел агитацию в пользу восставших¹⁴.

С целью подавления восстания красными были использованы чрезвычайные меры. Город непрерывно подвергался не только артиллерийскому обстрелу, но и бомбардировке. Советская печать призывала к расправе над участниками мятежа, в том числе, духовенством. «В Ярославле убиты восставшими белогвардейцами Доброхотов... Закгейм... Нахимсон... – писала газета «Правда» от 14 июля 1918 г. Убиты самые стойкие, испытанные борцы пролетарской армии... Товарищи ярославцы! мы ждем от вас ответа: сколько сотен гадов и паразитов истребили вы за эти три драгоценные жизни наших друзей? Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах, купеческий сынок - все равно. Ни ряса, ни мундир, ни диплом не могут им быть защитой. Никакой пощады белогвардейцам!»¹⁵.

В ходе артиллерийского обстрела и бомбардировки пострадали многие храмы и монастыри Ярославля. «О разрушенных церквях и монастырях сожалеть не приходилось, – откровенно писал председатель комитета северных железных дорог И. Миронов, – тем более, что их обитатели показали себя как активные белогвардейцы, превративши «дома божии» в контрреволюционные крепости»¹⁶.

Огромные разрушения были в Афанасиевском и бывшем Спасо-Преображенском монастырях. Последний был основан еще в начале XIII в. ростовским князем Константином Всеволодовичем. «Спасибо тебе за соблезнование о гибели Спасского монастыря, – писал митрополит Агафангел в письме к племяннице 28 июля 1918 года. Да, можно сказать, его уже не существует, он в развалинах. Слава Богу, чудотворная Печерская икона и святые мощи благоверных князей сохранились невредимыми. Всё остальное разрушено и погребено в огне...»¹⁷.

Митрополит Агафангел для молитвенного поминовения на Поместном Соборе составил список жертв «ликвидации белогвардейского мятежа»; оказывалась сильная материальная помощь осиротевшим семьям.

В результате разрушений и пожаров, вызванных бомбардировкой города при подавлении мятежа, многие мирные жители лишились крова. При Ярославской духовной семинарии, в подвальных помещениях двух ее корпусов, нашли убежище до 800 погорельцев. «...в числе их немало детей, – говорилось в заявлении комитета погорельцев. Преимущественно это бедняки, лишившиеся последнего имущества. Положение многих из них критическое... у многих не было ни куска хлеба». На кухне семинарии для них готовился хлеб и горячая пища. Как отмечается в документе, «для погорельцев и прочих собравшихся в Семинарии устроено и религиозное утешение: находящийся в числе их о. ректор Семинарии протоиерей Дороватовский по временам совершает молебны в подвальном коридоре»¹⁸.

По рассказам очевидцев, в ходе ожесточенных боев близ станции Всполье «доктор и поп больницы посылали депутатов к красным с предложениями прекратить огонь». Однако договоренности достичь не удалось¹⁹.

Интересно отметить, что не только в Ярославле, но и в Муроме, где членами «Союза защиты Родины и свободы» также было организовано восстание, духовенство поддержало восставших. «...местное купечество, интеллигенция и духовенство отнеслись очень сочувственно к белогвардейцам и помогали им подарками, хлебом, пряниками», – отмечал очевидец событий заведующий спекулятивным отделом Муромской чрезвычайной комиссии А.И. Кириллов²⁰. Муромское отделение «Союза» возглавлял начальник Восточного (муромского) отряда Добровольческой армии полковник Н.П. Сахаров. Семья Сахарова проживала в Спасском монастыре г. Мурома, так как мать полковника, Антонина Васильевна, была родственницей Муромского епископа Митрофана (Загорского). «Духовенство и епископ Митрофан давно были враждебно настроены к власти Советов и настраивали толпу против этой народной власти рабоче-крестьянского правительства», – утверждает в «Красной книге ВЧК»²¹. В документах отмечается, что еще 2 февраля 1918 г местным духовенством в церкви Иоанна Предтечи на Советской площади было совместно с представителями буржуазии и бывшего офицерства устроено собрание, где критиковали декрет об отделении церкви от государства, читалось послание патриарха Тихона о посягательстве советской власти на церковь и ее достоинство, «причем говорились контрреволюционные речи, призывающие к выступлению на защиту церкви. С тою же целью духовенством устраивались крестные ходы»²².

Согласно показаниям послушника епископа Митрофана В. Алексинского «Сахаров часто ходил к архиерею... Накануне восстания Сахаров был у архиерея... говорили, как хорошо жилось при царе, и все было дешево, а сейчас мы проживаем все последнее. Большевики Россию довели до гибели и что их нужно прогнать от власти, тогда будет нам лучше жить, они довели до того, что хлеба нет, и народ голодает, и все это из-за большевиков». Алексинский также показал, что епископ Митрофан передал через него Сахарову «посылку, которая была завернута в обертку, в которой были деньги»²³.

РАЗДЕЛ II

Накануне восстания полковник Сахаров получил благословение епископа Митрофана, а утром 9 июля (на второй день Муромского мятежа) состоялся городской крестный ход и были отслужены благодарственные молебны. «Духовенство отнеслось сочувственно к восстанию, – отмечал Н.Н. Тагунов, председатель уездного комитета компартии. Так, 9-го днем в соборе был молебен в присутствии всей буржуазии Муром, где было благодарственное молебствие об освобождении города от большевиков»²⁴.

Мятеж, однако, был быстро подавлен. 10 июля восставшие покинули город и двинулись по направлению к Выксе. Их преследовал отряд красноармейцев из трехсот пятидесяти человек. Двенадцать захваченных белогвардейцев были расстреляны в Выксе у стен Иверского женского монастыря, еще двенадцать – спустя две недели в Муроме.

На заседании 22–26 февраля 1919 г. Владимирский губернский революционный трибунал, рассмотрев дело о белогвардейском восстании 8–9 июля 1918 года в городе Муроме, приговорил: епископа Митрофана признать виновным, но за старостью от наказания освободить, лишив, однако, права проживания в Муроме и Муромском уезде. Епископ был отправлен в Рязань. Муромский Спаский монастырь был закрыт «как очаг контрреволюционных сил»²⁵.

Таким образом, участие представителей церкви в организованных «Союзом защиты Родины и свободы» восстаниях было многосторонним. Церковные власти (в частности, в лице митрополита Агафангела и епископа Митрофана) сочувствовали восставшим и выражали поддержку выступлениям в Ярославле и Муроме. Оказывалась помощь мятежникам провизией и предоставлялась возможность укрыться в стенах монастырей, где также осуществлялся уход за ранеными в ходе боев. Некоторые священнослужители с оружием в руках примкнули к повстанцам. Вместе с тем духовенство оказывало помощь мирным гражданам, пострадавшим во время бомбардировки Ярославля.

Примечания

¹ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 73. Л. 75

² *Балашов Р. В.* Пламя над Волгой (Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г.). – Ярославль, 1984. – С. 64

³ Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6 – 21 июля 1918 г.). – Ярославль: Издание Ярославского губкома РКП, 1924. – С. 62

⁴ *Галкин В. А.* Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. – Ярославль, 1939. – С. 19

⁵ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 8

⁶ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 75. Л. 12

⁷ Красная книга ВЧК. Т.1 – М., 1990. – С. 157

⁸ *Балашов Р. В.* Пламя над Волгой (Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г.). – Ярославль, 1984. – С. 80

⁹ *Бурмистров О.* Толга. //«Русское возрождение». 1992 – 1993. № 60. – С. 14

¹⁰ Там же

¹¹ Там же.

¹² Черных Н. А. Последний старец. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). – Ярославль, 2004. – С. 84

¹³ Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). – Ярославль: Издание Ярославского губкома РКП, 1924. – С. 223

¹⁴ Шестнадцать дней : материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского губкома РКП, 1924. С. 216, 220.

¹⁵ Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам : www.e-lib.info.ru С. 260–261.

¹⁶ ФГАЯО – ЦДНИ, ф. 394, оп. 1, д. 75, л. 22.

¹⁷ Черных Н. А. Последний старец. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль, 2004. С. 209.

¹⁸ Шестнадцать дней : материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского губкома РКП, 1924. С. 56.

¹⁹ ФГАЯО – ЦДНИ, ф. 394, оп. 1, д. 63, л. 104.

²⁰ Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 79.

²¹ Там же. С. 80.

²² Там же. С. 84.

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Там же. С. 91.

О. А. Прядкина

Костромской политехнический колледж

**ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ
(по материалам Костромского края)**

В переломные моменты отечественной истории Русская православная церковь (РПЦ) выполняла важную роль хранительницы духовных ценностей и способствовала консолидации русского общества. Так было в годы борьбы с немецко-шведской агрессией XIII в., в сражении с полчищами Мамая на Куликовом поле, при освобождении страны от польских и шведских интервентов в Смутное время, в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Патриотическая деятельность духовенства и верующих пробуждала чувство гражданской ответственности за судьбу Родины, являлась значимым фактором сохранения и укрепления российской государственности.

Война оказала потрясающее по силе воздействие на советское общество. В какой-то момент она смела все преграды и условности, разделявшие людей, обнажила их души и напомнила забытые пророчества Апокалипсиса. Война дала

РАЗДЕЛ II

понять, что главная ценность – это человеческая жизнь. Книга Памяти (по Костромской области) свидетельствует, что более половины числа павших и пропавших без вести приходится именно на первый этап войны (1941–1942 гг.)¹. Страх, переживания за судьбу близких усиливали религиозные настроения. “Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли... – говорил Черчилль в своем выступлении по радио вечером 22 июня 1941 г. – Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких...”². Религиозные нотки проникали и в официальную советскую пропаганду. Так, в речи И.В. Сталина от 3 июля 1941 г., обратившегося к народу со словами: “Дорогие братья и сестры...”, – чувствовались теплота и призыв к всеобщему единению перед лицом опасности. В годы войны огромную популярность приобрели стихотворения К. Симонова. В одном из них были такие строки:

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Народ потянулся к храму в поисках надежды и утешения. В этой ситуации особую важность приобрел вопрос о позиции духовенства и верующих.

Война вызвала различную реакцию в советском обществе. Большинство населения восприняло ее как страшную беду и готово было встать на защиту Родины. Но были и такие, которые надеялись на осуществление своих давних планов свержения советской власти и введения свободы религиозной жизни. Эти люди проявляли повышенный интерес к церковной политике Гитлера. Они заявляли: “В нашей стране забыли Бога, а Гитлер воюет во имя истинного Бога”. С приходом немцев они связывали возвращение к дореволюционным порядкам и к старому образу жизни. Оживилась деятельность подпольных религиозных общин и священнослужителей, а также фанатически настроенных верующих, утверждавших, что советская власть безбожная, что церковь в Советском государстве не является истинно-православной. Борьба этой части населения, в которой переплетались религиозные и антисоветские мотивы, вызывала репрессии со стороны местных карательных органов советской власти³. Вместе с тем, руководство страны осознавало значимость религии и церкви как духовного ресурса победы.

В первый же день войны было опубликовано послание патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В нем прослеживалась взаимосвязь православной веры и патриотических традиций русского народа. В своих многочисленных обращениях духовенство учило всецело отдавать себя служению Отечеству и вселяло уверенность в победе над врагом.

Важным направлением в деятельности церкви стал сбор средств на государственные и общественные нужды, связанные с войной. В Костроме в июле 1941 г. религиозная община Трудовой Слободы направила властям просьбу разрешить проведение молебна о даровании победы русскому воинству и крестного хода с целью увеличить поступления в фонд обороны страны⁴. 30 декабря 1942 г. митр. Сергий обратился к верующим с призывом жертвовать свои сбере-

жения на танковую колонну имени Дм. Донского. Общая сумма средств, собранных на ее строительство составила 8 млн. рублей⁵. В Костромской отдел Госбанка к апрелю 1943 г. на создание указанной колонны перечислено, по неполным данным, более 93 тыс. рублей⁶. Протоиерей Костромской епархии А.Н. Соболев в 1943 г. организовал среди верующих сбор средств и передал в фонд обороны 700 тыс. рублей, за что получил благодарность от И.В. Сталина. Настоятель Иоанно-Златоустовской церкви (1939–1944) А.Д. Флоренский, неоднократно вносивший личные сбережения в фонд государства (один из его взносов составил 100 тыс. рублей) и проводивший активную патриотическую работу среди верующих, был удостоен медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”. На завершающем этапе войны материальные пожертвования РПЦ значительно возросли. За 1945 г. в храмах Костромской области на государственные нужды было собрано 1 млн. 400 тыс. рублей⁷. По личным заявлениям служителей культа только за 1 полугодие 1945 г. от них поступило свыше 774 тыс. рублей и облигациями около 159 тыс. рублей. Точную сумму материальных средств, внесенных верующими на патриотические цели, невозможно подсчитать ввиду того, что пожертвования производились не только в храмах (многие из них оставались закрытыми), но и через государственные организации, например, колхозы и отделения Госбанка. Силами костромичей построены авиационные эскадрильи “Ярославский комсомолец”, “Валерий Чкалов”, танковые колонны “Иван Сусанин”, “Юрий Смирнов”, “Народный учитель” и другие. В этом, безусловно, присутствовал и вклад верующих.

Важным проявлением патриотической деятельности духовенства и верующих стало участие в боевых действиях. В начале войны многие из них были призваны на службу в армию. В качестве заместителя командира роты начал боевой путь по фронтам войны будущий патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков). По окончании войны до 1946 г. он служил священником в Благовещенском Соборе г. Мурома, а впоследствии некоторое время возглавлял Костромскую епархию.

Диакон Костромского кафедрального Собора Борис Васильев по направлению поступил в офицерское училище и закончил его в звании лейтенанта. После этого сразу попал под Сталинград, где командовал взводом разведчиков. В дальнейшем о. Борис сражался в должности заместителя начальника полковой разведки.

Константин Ильичевский, протоиерей Костромской епархии, также участвовал в боевых действиях. В первые годы войны он находился на оккупированной немцами территории, в Брестской области. С весны 1942г. исполнял там обязанности псаломщика. 1 августа 1944г. был призван в Красную Армию и оказался на передовой 1-го Белорусского фронта, где служил в качестве артиллерийского разведчика. «Началось великое горе на священной земле русской. Это горе коснулось и моей жизни, моей малой Родины, – так писал о войне К. Ильичевский в своем фронтовом дневнике. И меня хотели немцы увести в рабство, в Германию. Увезли многих моих товарищей и подруг. Самому мне несколько раз приходилось скрываться в лесу, в болотах. Все было подвергнуто разорению. От моего родительского дома остались только стены. И вот 1 августа оставил я седого отца-инвалида, мать-старушку, жену с ребенком, сестер, оставил их под открытым

РАЗДЕЛ II

небом, лишенных всякой помощи, и влился, как капля в море, в эту гигантскую силу, гонящую немецких фашистов»⁸. В 1945 г. К. Ильичевский участвовал в Висло-Одерской операции. В марте 1945 г. он получил тяжелое ранение и после излечения был демобилизован.

В период Великой Отечественной войны РПЦ была признана важным фактором мобилизации духовных и материальных сил общества на борьбу с фашизмом. Это вызвало необходимость пересмотра прежнего курса государственно-церковных взаимоотношений. В пользу РПЦ были сделаны значительные уступки: дважды, в 1943 и 1945 гг., на Поместном Соборе состоялось избрание Патриарха Московского и всея Руси. Московская Патриархия получила возможность издавать собственный журнал. Были открыты некоторые духовные учебные заведения. Начали действовать закрытые прежде храмы. В Ярославской области, в которую до августа 1944 г. входила часть районов будущей Костромской области, открытие храмов приобретало стихийный характер. Местные власти пытались сдерживать этот процесс. В ряде случаев Председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин направлял телеграммы в исполкомы облсоветов с требованием передать церковные здания верующим. И все же открытие храмов в нашем регионе имело дозированный характер.

Своеобразным проявлением заботы со стороны государства стало внимательное отношение к памятникам старины. Уже в 1943 г. на заседании исполкома Костромского Горсовета депутатов трудящихся обсуждался вопрос о состоянии помещений Ипатьевского монастыря и церкви Воскресения на Дебре. В 1945 г. Комитетом по делам архитектуры при СНК СССР были выделены значительные средства на реставрацию храмов Ярославской и Владимирской областей.

Государство признало заслуги деятелей РПЦ. Митр. Николай и еще 19 представителей духовенства г. Москвы были награждены медалью «За оборону Москвы». Митр. Алексей дважды был удостоен ордена Трудового Красного Знамени и вместе с другими священнослужителями получил медаль «За оборону Ленинграда». Более 50 священнослужителей Московской Патриархии получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В их числе митр. Иоанн (Соколов), архиеп. Ярославский и Ростовский Алексей (Сергеев), архиеп. Димитрий (Градусов), епископ Ивановский и Шуйский Кирилл (Поспелов), епископ Костромской и Галичский Антоний (Кротевич), епископ Владимирский и Суздальский Онисим (Фестинатов). Изучение списков прихожан, членов церковных советов и ревизионных комиссий за военный и послевоенный периоды также показало, что среди них было немало людей, удостоенных медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В годы войны государство сделало значительные шаги навстречу церкви, но при этом не ослабило своего контроля над ней: все обращения и послания иерархов прочитывались в соответствующих органах власти; ЦК ВКП (б) давал санкцию на распространение того или иного церковного документа. Церкви по-прежнему была запрещена какая-либо социальная, педагогическая, производственная, медицинская деятельность. Совет по делам Русской православной церкви, ставший с 1943 г. главным механизмом реализации новой политики государства в отношении духовенства и верующих, также не должен был допускать

укрепления и расширения церковью ее социальных позиций, поэтому им категорически отвергались любые предложения о создании общественных религиозных организаций.

23 марта 1944 г. в Совет по делам РПЦ обратился М.А. Островский, племянник русского драматурга А.Н. Островского. Он выступил с инициативой создания Союза Христианской Молодежи в СССР. По его мнению, данный Союз должен быть основан на принципах глубокой любви к Родине и вере. Объединяющей деятельностью должна была стать патриотическая по следующим направлениям:

- а) сбор средств на строительство танков, самолетов, восстановление разрушенных немцами городов, организацию госпиталей;
- б) благотворительность, шефство над сиротами, инвалидами, ранеными;
- в) воспитание младшего поколения в духе патриотизма;
- г) связь Союза с христианской молодежью союзных государств и русской христианской молодежью, находящейся за границей.

Ответ Г.Г. Карпова был категоричен: «Организацию Союза Христианской Молодежи считаю излишней. Церковь, будучи отделена от государства, не имела и не имеет каких-либо организаций внутри себя, и не может иметь каких-либо организаций наподобие данного Союза»⁹. Докладывая об этом визите в вышестоящие органы, Г.Г. Карпов отметил: «Островский производит впечатление физически здорового молодого человека, но в психическом отношении, видимо с отклонениями от нормы».

Неприятие советским руководством подобных предложений существенно ограничивало возможности РПЦ в оказании помощи населению. Представителям интеллигенции, выдвигавшим проекты создания религиозно-философских обществ, молодежных организаций и воскресных школ, дали понять, что по окончании войны не произойдет либерализации в идеологической сфере жизни общества.

Близость окончания войны в партийных кругах воспринималась как возможность нового «наступления» на религию. 27 сентября 1944 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации научно-просветительной пропаганды». Данный документ призывал усилить работу по распространению естественно-научных знаний.

Однако, в 1945–1948 гг. еще сохранялись условия для сотрудничества государства с церковью. Этому содействовала международная деятельность РПЦ. Советское руководство намеревалось использовать акции духовенства в целях распространения своего влияния в Европе. Кроме того, служители культа и миряне принимали самое активное участие в послевоенном восстановлении народного хозяйства. Во всех православных храмах зачитывались обращения патриарха и произносились проповеди, направленные на поддержку мероприятий по выполнению производственных планов, госпоставок, уборки урожая, быстрой ликвидации последствий фашистского вторжения. В апреле 1947 г. епископ Костромской и Галичский Антоний напомнил настоятелям и прихожанам: «В данный момент с наступлением весны и связанных с нею полевых работ долг каждого истинного сына своей Родины приложить все усилия к успешному и своевременному проведению полевых работ весенней компании»¹⁰. В ознаменование

РАЗДЕЛ II

30-й годовщины Октябрьской революции епархиальное управление собрало с приходов Костромской области облигации госзаймов на сумму 350 тыс. рублей и внесло их в фонд государства¹¹. В 1947–1949 гг. верующие оплатили облигации Государственного Займа восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1 млн. 132 тыс. рублей, а с 1950 г. по 1953 г. еще на 2 млн. 400 тыс. рублей. Материальный вклад РПЦ выражался не только в хозяйственной помощи государству, но и в сдаче дополнительных средств в фонд помощи детям-сиротам. Местные власти в некоторых случаях злоупотребляли полномочиями и требовали от верующих увеличения пожертвований.

В послевоенный период также имел место личный трудовой подвиг священнослужителей. Так, во время уборочной кампании 1947 г. священник погоста Успенье Ореховского района Костромской области собрал группу верующих и убрал зерновых культур с площади 12 гектар. Председатель колхоза обратился к архиерею с благодарностью: «Наша успешная уборочная в своих рядах имела до сих пор невиданную бригаду, а именно двадцатку храма погоста Успенье, во главе которой стоял бригадир священник Ф.И. Соколов Умелой четкой работой он воодушевлял своих прихожан»¹².

Стремясь поддержать достигнутый в годы войны компромисс, церковь посредством проповеди пропагандировала достижения советского строя. Например, 7–8 ноября 1949 г. в 32-ую годовщину Октябрьской революции, 5 декабря в день Сталинской Конституции, 21 декабря в день 70-летия И.В. Сталина – во всех храмах были отслужены молебны и проповеди.

По мнению исследователя О.Ю. Васильевой, в 1948 г. наблюдается угасание интереса государства к внешнеполитическим акциям РПЦ¹³. Она не смогла оправдать сталинских планов по созданию «православного Ватикана». Вскоре последовало закрытие храмов, возобновление репрессий духовенства и верующих. Только по Костромской области за 1947–1952 гг. было снято с регистрации 25 храмов.

В 1952–1953 гг. положение церкви стабилизировалось, но в 1954 г. были предприняты новые попытки ограничения ее прав. В постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. содержался призыв «разоблачать реакционную сущность религии». При осуществлении данного постановления в действиях советских и партийных работников сразу обнаружились очевидные перегибы.

Таким образом, процесс развития взаимоотношений государства и РПЦ в 1941–1954 гг. отличался сложностью и противоречивостью. Сохранив значительное влияние в советском обществе, церковь смогла развернуть в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления активную патриотическую деятельность. Свой вклад в достижение победы внесли духовенство и верующие Костромской епархии. Они собирали денежные средства на строительство танков, самолетов, оказывали помощь семьям погибших воинов и детям-сиротам, участвовали в боевых действиях Красной армии и партизанских отрядах. РПЦ способствовала реализации сталинских планов во внешней и внутренней политике. Но в суровых условиях советской действительности она осталась с народом, проявила невероятную жизнеспособность и была востребована обществом.

Примечания

¹ Книга Памяти (Российская Федерация. Костромская область) : в 8 т. Ярославль, 1997. Т. 8. С. 32–33.

² *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 107.

³ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО), ф. 272, оп. 224, д. 310, л. 57; д. 315, л. 128, 208; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 1909, 2411.

⁴ В грозном 41-м... : сб. документов и материалов 22 июня – 31 декабря 1941 года. Кострома, 2001. С. 7.

⁵ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 43.

⁶ ГАНИКО, ф. 2, оп. 1, д. 804, л. 2.

⁷ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. р-2102, оп. 1, д. 2, л. 7, 13.

⁸ *Шапошников В. И.* Пастырь. Слово о митрофорном протоиерее // Почетные граждане г. Костромы 1967–2201 гг. Кострома, 2002. С. 272–273.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 1, д. 5, л. 13–15.

¹⁰ ГАКО, ф. р-2102, оп. 1, д. 4, л. 15.

¹¹ Там же, л. 30.

¹² Там же, л. 29.

¹³ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства 1943–1948 гг. М., 1999.

Н. В. Малхасян

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

**ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

В первый день войны, 22 июня 1941 года, глава Православной Церкви России патриарший местоблюститель Сергей обратился к пастырям и верующим с посланием. В нем он выразил уверенность в том, что с Божью помощью, и на сей раз русский народ развеет в прах фашистскую вражескую силу. Текст послания был разослан по всем приходам¹. Идея о том, что «наше дело правое», что война русских с фашистами – священная война народа единой Родины, единой веры против языческих сатанистов², являлась общим знаменателем обращений к народу как представителей светской власти (Молотова, Сталина и др.), так и духовенства. «Родина! Вот-то святое, великое слово, выше которого быть не должно...»³ – так начинается одно из патриотических стихотворений епископа Димитрия Градусова, служившего в 1941–1942 гг. в Ярославле. Слова, произносимые священнослужителями в храмах, всегда обладали мощной энергетикой и сопровождалась сильным эмоциональным воздействием на народ.

Гитлеровцы объявили свой поход на русскую землю «крестовым», но Русская Православная Церковь опровергала это⁴. Послания священнослужителей к своей пастве печатались в государственных типографиях и распространялись с помощью государства. Они были призваны поднять боевой дух народа, как на передовой линии фронта, так и в тылу: «Малодушного – ободрить и вразумить; огорченного – поддержать и утешить; колеблющегося – напомнить о долге...»⁵. В блокадном Ленинграде на протяжении всей блокады со своей паствой оставался Митрополит Ленинградский Алексий. В Вербное воскресенье он обратился к верующим с такими словами: «...зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ»⁶.

Результаты патриотической деятельности Церкви выражались не только в призывах и обращениях. 30 декабря 1942г. митр. Сергей обратился к верующим с призывом жертвовать свои сбережения на танковую колонну имени Дм. Донского. В итоге, на ее строительство было собрано около 8 млн. рублей⁷. Только костромичами к апрелю 1943г. на строительство указанной колонны было перечислено на счет в Госбанке более 93 тыс. 146 тыс. рублей внесли на создание танковой колонны в 1943 г. прихожане Ивановской области⁸. Прихожане Федоровской церкви г. Ярославля в 1943 г. собрали на эти цели 100 тыс. рублей, а затем – еще 43 тыс. в фонд обороны и подписали заем в размере 30 тыс. рублей⁹. Более трех миллионов рублей на нужды фронта и обороны в первые же годы войны было собрано в Московских храмах. В июле 1941 г. религиозная община Трудовой Слободы г. Костромы обратилась к властям с просьбой разрешить совершить молебен о даровании победы русским войнам и провести крестный ход, чтобы как можно большее количество людей привлечь для сбора средств на оборону страны¹⁰. В храмах Ленинграда собрали 5,5 миллионов рублей. Церковные общины Нижнего Новгорода за 1941–1942 гг. перечислили в фонд обороны более четырех миллионов рублей. Новосибирская епархия за первое полугодие 1944 года собрала на нужды военного времени около двух миллионов рублей. На средства, собранные Церковью, были созданы воздушная эскадрилья имени Александра Невского и танковая колонна имени Дмитрия Донского¹¹. В условиях, когда подавляющее большинство семей практически жили в нищете, сбор средств, в частности, на колонну имени Дмитрия Донского для людей был крайне тяжел. Все советские люди, уже второй год платили резко повышенные налоги, а так же участвовали в сборе средств на строительство других военных объектов; к примеру, жители Костромской земли собирали средства на танковую колонну имени Ивана Сусанина¹².

Вера в Бога жителей тыла отличалась от веры в Бога бойцов на фронте. В тылу оставались старики, женщины и дети. Они переживали за близких, которые находились на передовой линии фронта, но уберечь их от гибели было невозможно. Оставалось молиться, просить Бога, чтобы Он защитил и уберег. Оставалось молиться, просить Бога, чтобы Он защитил и уберег. «Я каждую минуту молилась, чтобы папка остались жив, и скорее вернулся домой, - вспоминает уроженка поселка Нижний Кисляй Воронежской области З.В.Михайлова (в замужестве Гейко). – Молилась по-детски, не правильно, ведь правильно то не умела.

Мама и бабушка Фрося – неграмотные крестьянки, молились постоянно: вставали на колени перед иконами, крестились и просили: когда помощи, когда милости, когда терпения, когда хлебушка, когда хорошей погоды или дождика для скудных посевов, но всегда скорейшей победы и спасения жизни близких...Глядя на них, молились и мы, дети...»¹³. Молиться ходили и в начинавшие действовать после долгого забвения церкви. К примеру, по бездорожью из Углича в Троицкий храм села Дивная гора Угличского района Ярославской области приходили помолиться у Рублевской Троицы женщины, чтобы с фронта вернулись их сыновья и мужья¹⁴. Однако, принимать прихожан стали не далеко не все храмы. Так, Костромской Богоявленско-Анастасиинский женский монастырь с 1919 г. был отдан под поселение рабочих под символическим названием «Безбожник», а с 1925 г., в военные и послевоенные годы, в его стенах размещался областной архив. Под жилье для рабочих в годы Великой Отечественной войны использовались и помещения Костромского Ипатиевского монастыря, в Церкви Спаса – одной из древнейших в Костроме размещались склады. С 30-х годов по 1946 г. была закрыта для прихожан Костромская Воскресенская церковь. В военные годы в ней размещались воинские склады и зернохранилище. В 1946 г. храм вернули верующим¹⁵. В Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, построенной в древнем государевом дворцовом селе Братовщина, что на старой Ярославской дороге по пути от Москвы до Сергиева Посада, в годы Великой Отечественной войны размещалось производство веревок¹⁶. С 1928 по пятидесятые годы был закрыт Свято-Введенский Толгский женский монастырь (г.Ярославль). За это «темное» время в Никольском, Крестоводвиженском, Спасском храмах этого монастыря воцарилась «Мерзость запустения»¹⁷. Хотя были и такие церкви, которые даже в самые суровые годы гонений продолжали действовать. К примеру, Никольская церковь, построенная в 1801 г. в одном из красивейших уголков Ярославской земли с. Николо-Гора Пречистого края - единственная, которая никогда не закрывалась со времени своего открытия. Службы в этой церкви велись на протяжении всех лет Великой Отечественной войны¹⁸. Молитвы помогали обрести хотя бы минимальное душевное успокоение, а это было очень ценно в беспокойное военное время.

Однако, иногда наступали минуты отчаяния, когда люди сетовали на Всевышнего: «Как же Бог допускает, чтобы наших невинных детей, мужей, братьев убивали ненавистные фашисты, почему не заступится за своих детей?»¹⁹. Но даже в такие моменты отчаянья, у людей оставалось ощущение присутствия Бога, хотя он и не оказывал видимой помощи. Такие высказывания хотя и проникнуты духом отчаяния и обиды, но все же указывают на присутствие веры в сердцах людей. Хотя, были и такие, кто оставался во время войны убежденными атеистами. Но большинство людей верили в Бога как в последнюю надежду на справедливость, защитника свыше.

На фронте бойцы шли в бой, на смерть с криками « За Родину, за Сталина!». Однако, не редки были случаи, когда даже самые рьяные атеисты перед боем осеяли себя крестным знаменем - просили Всевышнего защитить их. «Боже, спаси и помоги!» - говорили, крестясь, бойцы и шли на смерть²⁰. В книге «Россия перед вторым пришествием» протоиерей Василий Швец приводит воспоминания

РАЗДЕЛ II

одного из солдат - участника штурма Кенигсберга. В самый ответственный момент, когда силы советских бойцов были уже на исходе, на передовую приехал командующий фронтом, офицеры и священники с иконой. Священники служили молебен прямо под вражеским огнем и пули в них не попадали. Вдруг неожиданно стрельба с немецкой стороны прекратилась и бойцам Красной Армии была дана команда к штурму крепости²¹. Подобных историй в годы войны ходило множество, а это говорит о том, что в сердцах людей жила вера в справедливость своего дела и поддержку высших сил. Маршал Жуков перед боем всегда произносил: «Ну, с Богом!». Существует свидетельство архимандрита Иоанна (Крестьянкина), что Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери. В одном из Киевских храмов хранится чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов²².

Несмотря на некоторое «сближение» Церкви и власти в школах пропагандировался атеистический взгляд на жизнь и мироустройство (хотя многие учителя были в душе глубоко верующими людьми). «Учителя говорили нам, что в Бога верят только «темные», неграмотные люди... Даже желание праздновать Новый год у наряженной елки часто осуждалось. До сих пор помню стишок: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов...» Но, все равно, новогоднюю елку всегда наряжали и водили вокруг нее хороводы...»²³.

Таким образом, с началом войны Православная Церковь в СССР обрела новый статус. Она сотрудничала с властью и приступила к активной общественно-патриотической деятельности. Правительство изменило тактику ведения антирелигиозной деятельности, однако, не отказалось от нее. В церковной политике власть следовала, прежде всего, своим интересам, и сближение и укрепление Церкви и государства было лишь временным. Не смотря на «сближение» Церкви и официальной власти школьная политика в этом направлении не изменилась. Подрастающее поколение воспитывалась в духе атеизма.

Примечания

¹ *Цытин В.* История Русской Православной Церкви : учебное пособие для православных духовных семинарий. – М. : Хроника, 1994. С. 109–117.

² *Гусев Г.* Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война // Наш современник. 2000. № 5. С. 212–226.

³ *Миловидов В. Л., Касаткина О. А.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны и ее вклад в достижение победы : <http://fisinter.ru/~ain/materPP/348PobPrib.htm>.

⁴ *Цытин В.* История Русской Православной Церкви... С. 109–117.

⁵ *Гусев Г.* Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война... С. 212–226.

⁶ *Цытин В.* История Русской Православной Церкви... С. 109–117.

⁷ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 43.

⁸ Журнал Московской Патриархии. 1943. № 2. С. 30–31.

⁹ *Миловидов В. Л., Касаткина О. А.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны и ее вклад в достижение победы : <http://fisinter.ru/~ain/materPP/348PobPrib.htm>.

¹⁰ В грозном 41-м... : сб. документов и материалов 22 июня – 31 декабря 1941года. Кострома, 2001. С. 7.

Усиление общественно-политической роли Русской Православной Церкви

¹¹ День победы, день памяти : <http://www.sbras.ru/НВС/2000/n171/f28/html>.

¹² Церковь во имя святых мучеников Александра и Антонины Римских – Костромская... Исторический очерк. К 225-летию закладки храма в камне 1779–2004 гг. : www.alant.orthodoxy.ru

¹³ *Гейко З. В.* Воспоминания о военном детстве / Личный архив автора, документ № 1.

¹⁴ Троицкий храм в селе Дивная гора Угличского района Ярославской области : <http://www.poklonnik.ru/site.xp/053055124051057052124.html> (гиперссылка на Паломнический центр МП (www.poklonnik.ru)).

¹⁵ Кострома в фотографиях через сто лет / сост. Н. Л. Николаев, А. А. Анохин. Кострома, 2007. С. 34, 31, 21, 57.

¹⁶ Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, Братовщина : <http://agios.itkm.ru/13606>.

¹⁷ Свято-Введенский Толгский женский монастырь. М. : СОФРИНО, 2004. С. 24–25.

¹⁸ Никольская церковь в с. Николо-Гора : <http://www.prechistoe.yaroslavl.ru/priroda/turism.htm>.

¹⁹ *Гейко З. В.* Воспоминания о военном детстве / Личный архив автора, документ № 1.

²⁰ Там же.

²¹ Промысел Божий и Великая Отечественная война (пророчества о России в годы Великой Отечественной войны) : <http://www.zavet.ru/shvets.htm>.

²² *Жуков М. Г., маршал.* Сокровенная жизнь души / из книги М. Г. Жуковой, дочери полководца : <http://www.zavet.ru/zhukov.htm>.

²³ *Гейко З. В.* Воспоминания о военном детстве / Личный архив автора, документ № 1.

В. В. Камордин

*Пензенский государственный
педагогический университет*

УСИЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

События 1991г. коренным образом изменили ситуацию в стране, которая усугубилась отсутствием полномасштабной программы переустройства общества, одобренной большинством россиян. В данных условиях РПЦ не могла оставаться посторонним наблюдателем за ходом событий. Руководство РПЦ одной из главных политических целей поставило консолидацию российского общества вокруг духовно-нравственных ценностей. Так, 14 августа 1991г., накануне событий, связанных с ГКЧП, Св. Патриарх Алексей II произнес проповедь, в которой отмечал: «Каждому из нас нужно преодолеть нетерпимость и озлобленность друг ко другу и всем вместе, единодушно, думать о спасении России и российского народа, содействовать его духовному и нравственному возрождению после тяжелых десятилетий испытаний, гонений на веру, которые, мы верим, ушли в прошлое: мы вступили в эпоху созидания нового государства – государства Российского, сынами и дочерьми которого мы являемся».¹

Более интенсивным становится и общение РПЦ с властными структурами. 18–19 сентября 1992г. в Москве состоялась конференция «Христианство и культура

РАЗДЕЛ II

в современной России», которая была организована Российским христианско-демократическим движением. В ней приняли участие священнослужители, ученые, работники культуры и христианского просвещения, церковные и светские публицисты.

На региональном уровне одним из центров православной мысли стал Нижний Новгород. На страницах местного журнала² для православных христиан «Сеятель» публиковались статьи талантливых историков и публицистов О. Колобова, А. Лунина, А. Корнилова, Д. Кривцова и др. тематика была разнообразной от монастырей древней Руси до современного положения православных общин. Но практически во всех статьях «ненавистной раздробленности» противопоставлялся идеал соборности. И если возрождение церковной жизни внушало оптимизм, так в Нижегородской области количество церквей с 1988 по 1992 гг. увеличилось с 45 до 169³, то политическая обстановка в стране внушала все большую тревогу. Быстрым реформам по насаждению «аристократии негодяев» противопоставлялся серафимовский принцип «потихоньку – полегоньку». Однако официальная позиция РПЦ не была столь прямолинейной и однозначной.

Св. Патриарх и другие иерархи РПЦ в ходе конфликта между Верховным Советом и Президентом РФ стремились сохранить нейтралитет и добиться от светских властей максимальной свободы церковной жизни и возвращения имущества конфискованного или просто разграбленного при советской власти.

В начале 1994г. в эксклюзивном интервью журналу «Сеятель» Св. Патриарх отметил: «... я думаю. Что не так скоро и не так легко мы выберемся из того экономического кризиса. В котором находится наша страна, и за этот период многие обратятся к Богу, к нравственным ценностям православия, потому что решение многих экономических проблем без духовной основы невозможно».⁴

Чуть ранее (8 октября 1993г.) расширенное заседание Св. Синода РПЦ запретило иерархиям участвовать в предстоящих парламентских выборах. Все это явно свидетельствовало о критической оценке деятельности Президента РФ.

С 29 ноября по 2 декабря 1994г. в Москве прошли заседания Архиерейского Собора РПЦ, на котором было принято определение «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского патриархата в настоящее время».

В этом документе Церковь впервые на равных разговаривала с государством, четко отстранив себя от политики, но также четко заявив о своей самостоятельности. Теперь Церковь не просила у государства, а требовала уважения своих прав. По завершению собора член Св. Синода РПЦ митрополит Николай заявил: «... Православная церковь ... «блудных сынов» своих в любое время готова принять обратно. Это касается и Зарубежной Церкви и прочих церковных раскольников, ушедших в катакомбы и т.п.».⁵

РПЦ заявляла о себе как о самостоятельной общественной силе, желающей четко говорить о своем месте и целях в социально-экономической жизни и восстановить свое единство. Теперь православная концепция политического и социально-экономического развития России, впервые в XX веке, должна была развиваться не вне церкви и даже не вокруг нее, а, прежде всего внутри РПЦ.

Усиление общественно-политической роли Русской Православной Церкви

Однако дело это оказалось трудным и продвигалось очень медленно, несмотря на то, что к разработке концепции были привлечены представители синодальных учреждений, духовных школ, церковно-общественных организаций и отдельных богословов и специалистов в области церковно-общественных вопросов.

Между тем общественная деятельность РПЦ продолжалась. Одним из важнейших моментов политической жизни России середины 90-ых гг. XX века стал вопрос о союзном государстве с Белоруссией. РПЦ твердо встала за воссоединение двух братских народов. Этому должны были способствовать и визиты Св. патриарха в Белоруссию.

В 90-е гг. XX века таких поездок было три. Первая летом 1991г. проходила по территориям наиболее пострадавших от чернобыльской катастрофы. Вторая в 1995г. была посвящена празднованию великой победы в ВОВ. Третья состоялась в 1998г. и была приурочена к празднованию Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Помимо встреч с паствой и чисто церковных дел второй и особенно третий визиты Св. Патриарха в Белоруссию носили и политический оттенок. Глава РПЦ однозначно поддержал стремление лидера белорусского народа А.Г. Лукашенко создать союзное государство с Россией. Алексей II прямо заявил: «Хотелось бы верить, что наши народы, которые насильственно отторгались и от веры в Бога, и от христианских ценностей, осознали необходимость вернуться к ним. Легче будет решить и экономические, и социальные проблемы, когда нравственные основы будут возрождены».⁶

Типичными стали и поездки Св. Патриарха по Российским епархиям. Примером служит визит в Пензенскую и Кузнецкую 1–3 октября 1999г., посвященный 200летию этой епархии.⁷

Празднества, посвященные двухвековому юбилею епархии, проходили в Пензе с 1 по 3 октября 1999г. их возглавил Св. Патриарх Московский и всея Руси Алексей. Примечательно, что он стал первым из пятнадцати российских Патриархов ступивших на Пензенскую землю.

В 90-е гг. РПЦ проводила активную деятельность, главным образом миротворческую, и в других странах: Сербии и Черногории, Албании, Молдавии, Грузии, Болгарии, Украине.

Активизировалась работа РПЦ по расширению своих связей и усилению своего влияния внутри России. Особое внимание было уделено образованию и воспитанию подрастающего поколения.

С 26 по 30 января 1998г. в Москве проходили VI Международные рождественские образовательные чтения.

С 28 по 29 июля 1999г. в Московских Духовных школах прошла конференция «Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования».

17 марта 1998г. в резиденции Патриарха в Свято-Даниловом монастыре состоялось заседание попечительского совета и представление общественности благотворительного фонда «Святыни Россия». Фонд был создан по благословлению Предстоятеля РПЦ, в числе его учредителей – Московская Патриархия, Правительство Москвы, Торгово-промышленная палата России в лице ОАО «Совинцентр», Внешэкономбанка, Российская ассоциация «Росреставрация»,

РАЗДЕЛ II

Международный православнопросветительный центр при Московской Патриархии и Российская финансовая корпорация.

Главной задачей деятельности фонда «Святыни Россия» было определено: «Содействие духовному возрождению нашего Отечества, сохранение и развитие традиций православной культуры».⁸

В 1998г., при содействии «Тауэр-сети», «Телепорт», «Радио-МГУ» была создана страница издательства Московской Патриархии в компьютерной сети Интернет (адрес: <http://www.jmp.ru>).⁹

РПЦ неоднократно подчеркивала, что одним из условий подлинного возрождения России является восстановление единства Православной Церкви и армии. Испокон веков российская армия была православной: вера являлась духовным стержнем народа, из недр которого выходили солдаты – защитники Отечества.

Летом 1998г. Руководство РПЦ не побоялось, открыто вступить в конфликт с Правительством РФ по поводу захоронения «екатеринбургских останков». Правительственная комиссия и особенно активные ее участники – неудавшийся политик Б. Немцов и «телевизионный историк» Э.Радзинский беспартийно настаивали, что останки, обнаруженные в Ганиной яме под Екатеринбургом принадлежат царской семье и требовали их торжественного захоронения.

Однако у значительной части российского общества, в том числе и у РПЦ, были сомнения в этом, которые разделялись и за пределами России.

В связи с этим было опубликовано «Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 80-летию убийства Императора Николая II и его семьи», в котором в частности говорилось: «...Убийство Царской Семьи – тяжелое бремя на народной совести, которая хранит сознание того. Что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения или безгласного попустительства в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей, которое достигается путем не безразличного соглашательства, но вдумчивого осмысления произошедшего со страной и народом. Именно тогда оно будет единством не по форме, а по духу».¹⁰

Руководство РПЦ устранилось и от освещения останков, и от «торжеств» по случаю их перезахоронения в Петербурге.

Нам представляется, что конфликт этот был во многом политическим. РПЦ не столько не доверяла различным экспертизам и экспертам, сколько главе комиссии Б. Немцову и его тайным стремлением.

К 1998г. в России не для кого не было секретом, что страной, в условиях явной недееспособности Президента РФ Б. Н. Ельцина, фактически управляют два временщика – два первых заместителя председателя правительства Б. Немцов и А. Чубайс. Оба представителя нового олигархического капитала. В этих условиях «олигархат» искал пути сохранения и стабилизации своей власти. Одним из таких путей, на первый взгляд фантастическим, было установление «монархии» с «потешным» царем вроде Кирилла Романова и консервирование власти олигархов.

Но твердое нет, сказанное руководством РПЦ, сорвало этот авантюристический план. Таким образом, РПЦ оказалась в числе противников олигархического правления в России.

Усиление общественно-политической роли Русской Православной Церкви

Поэтому не случайно то горячее поздравление, направленное Св. Патриархом первому борцу с олигархией в России Е.М. Примакову.¹¹

Поддержка курса на укрепление российской государственности и усиление международного влияния России проводилась РПЦ и в дальнейшем. Св. Патриарх выразил солидарность с сербским народом во время НАТОвской агрессии 1998г., активно требовал прекращения бомбардировок Югославии, поднимал вопрос об осквернении и даже разрушении многих православных святынь, о надругательстве над духовенством и монахами, об исходе со своей исторической земли десятков тысяч сербов.

Было предложено созвать международную религиозную конференцию с участием лидеров стран для обсуждения проблемы Косово. Однако лидеры НАТО не откликнулись на этот призыв, в очередной раз, забыв о миролюбии, свободе и институтах гражданского общества.

Настоящим испытанием для российского общества стало наведение конституционного порядка в Чеченской республике. И здесь РПЦ оказала полную поддержку федеральным властям. 12 ноября 1999г. Св. Патриарх Алексей сделал заявление по поводу ситуации в Чечне и вокруг нее:

«... Православные христиане не могут примириться с грехом и беззаконием. То, что происходило, и происходит в Чечне – захват в заложники сотен людей, включая православных и мусульманских священнослужителей, убийства, пытки и притеснения невинных граждан, крайний разгул преступности, – не могло более оставаться без ответа. Попытки распространить волну террора на сопредельные регионы и всю Россию также нуждались в твердом противодействии.

Имея это в виду, РПЦ поддерживает антитеррористические цели, поставленные российской государственной властью перед воинством и правоохранительными органами...»¹²

Наиболее актуальной в конце 90-х гг. XX в. Становиться для Церкви подготовка к проведению юбилейного Поместного Собора РПЦ в 2000г.

5 октября 1998г. под председательством Патриарха Алексея в патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре прошло первое пленарное заседание Юбилейной комиссии по подготовке к празднованию 2000-летия Рождества Христова.

Что касается России как государства и ее светских властей то, осознавая всю важность грядущего события, они также приняли участие в ответственном процессе подготовки к юбилею. В середине 1998 года был опубликован Указ Президента Российской Федерации «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства», на основании которого образован Российский организованный комитет по осуществлению комплекса мероприятий, связанных с этим великим, изменившим весь ход земной истории, эпохальным событием.

Через некоторое время после этого было принято заявление Соборной встречи «Россия: путь к спасению», которая состоялась в Патриаршей резиденции - Свято-Даниловом монастыре:

«... Несмотря на имеющиеся различия в понимании новейшей российской истории, политических и экономических решений, принятых в последние годы, а также программы действий на будущее, участники форума проявляют готовность

РАЗДЕЛ II

начать совместный поиск конкретных путей устранения причин нынешнего кризиса и создания условий, при которых он не мог бы повториться. Мы также полагаем важной срочную выработку единой, согласованной экономической политики для ее проведения Правительством России, ныне сформированным на широкой политической основе...

Мы обращаемся к согражданам, соотечественникам нашим с призывом спасти Россию. Это наш долг перед Богом, народом и историей».¹³

На Соборной встрече выступили многие политические деятели и известные люди России.

Таким образом, РПЦ вплотную приблизилась к моменту, когда насущной необходимостью стала православная социально-политическая доктрина развития России. Это диктовалось с одной стороны необходимостью творческого осмысления богатого опыта XX в., а с другой стороны тем кризисным положением России, в котором она оказалась к концу XX в., в том числе и из-за непростибельного «забвения» своих исторических православных корней.

Примечания

¹ Журнал Московской Патриархии. 1993. № 0. С. 15.

² Впрочем, данный журнал широко распространялся и за пределами Нижегородской области.

³ Сеятель. 1993. янв. С. 38.

⁴ Сеятель. 1994. № 4. Спец. вып. С. 4.

⁵ Сеятель. 1994. № 5–6. С. 43.

⁶ Журнал Московской Патриархии. 1998. № 11.

⁷ См.: *Кирьянова О.* Юбилей Пензенской епархии // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 12. С. 25–37.

⁸ Журнал Московской Патриархии. 1998. № 5. С. 30–31.

⁹ Журнал Московской Патриархии. 1998. № 12. С. 78.

¹⁰ Журнал Московской Патриархии. 1998. № 7. С. 11–12.

¹¹ Журнал Московской Патриархии. 1998. № 11.

¹² Журнал Московской Патриархии. 1999. № 12. С. 4.

¹³ Журнал Московской Патриархии. 1999. № 11. С. 49.

Ю. И. Сидоренко

*Костромская государственная
сельскохозяйственная академия*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОСЛАВИЯ

В 20-й век Россия вошла как крупнейшая православная держава. В стране активно функционировали десятки тысяч церквей, сотни монастырей. Ежедневно осеняли себя крестным знаменем десятки миллионов людей. Через 60 лет Россия уже была страной массового атеизма. Еще через 60 лет мы опять стали православной страной. Что будет еще через 60 лет, тем более, как мы все знаем, в России возможно все? («И нет истории страшней, безумней, чем исто-

рия России». Варлам Шаламов). Причем вопрос стоит не только и даже не столько о будущих судьбах православия, сколько о судьбах России вообще.

Всякая развитая религия обладает огромными возможностями через человеческие души (психологию) воздействовать на нравственные, политические, социальные, экономические и другие стороны жизни широких масс. Совершенно очевидно, что с состоянием веры (в том числе доверия к вере), связана духовная мощь народа, его трудоспособность, готовность к защите своих святынь, на первом месте среди которых, конечно же, Отечество, производительность труда, демографические показатели, степень криминализации общества, уровень алкоголизма и наркомании и т.п. Религия, в особенности православие в России, играет такую важную роль, что дело церкви не может быть, делом только церкви. Можно сказать даже шире: христианство слишком важно для русского народа и для России в целом, чтобы доверять его только христианам, даже в лице его главных иерархов и теоретиков.

Ныне, в период «второй христианизации Руси», общество вправе задать вопрос, способно ли и в чем православие, на которое затрачивается сейчас огромные государственные средства и под которое переделывается вся государственная идеология, выполнить возложенные на него задачи? Не будет ли в конечном итоге больше вреда, чем пользы? Не войдут ли в обиход межконфессиональные схватки в нашем обширном, наполненном огромным количеством социальных, экономических, национальных и прочих противоречий обществе? Насколько на самом деле христианство привлекательно для широкой массы нашего населения, состоящего ныне из людей высокого образовательного и культурного уровня? Не проиграет ли наше общество из-за массовой замены христианской идеологией традиционных государственных идеологических ценностей? Не оглупим ли мы множество людей, призывая их к той вере, которая весьма искусственно создавалась в Палестине на протяжении примерно со 2-го века до н. э. до примерно 4-го века н.э.? Не превратится ли просвещенная Россия в клерикальное государство, в котором Евангелие и Псалтирь будут настольными книгами для огромного числа широко мыслящих в прошлом людей? Не случайно атеистически думающие представители нашего общества уже требуют воспрепятствовать «погружению России в ночь средневековья». (Эти мысли, в частности, активно проводились в известном письме группы выдающихся ученых страны во главе с Нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым Президенту Российской Федерации В.В.Путину).

Чтобы ответить на эти и другие близкие по смыслу вопросы, необходимо определить, прежде всего, почему сложилась столь благоприятная обстановка для возрождения православия в стране?

Первая, политический причина, сразу же бросается в глаза. Пришедшие к власти после мгновенного позорного исчезновения КПСС политические силы, не имевшие поначалу никаких особенно понятных народу преимуществ, сразу же набрали немалый политический капитал, вернув народу веру. Люди получили право безбоязненно молиться, посещать храмы, крестить детей, заключать церковные браки, совершать отпевания умерших и т.д. Быстро были открыты и освоены приемы «демонстративной веры» (манера ни к месту и не ко времени

РАЗДЕЛ II

осенять себя крестным знаменем, носить крестики всех форм и размеров прямо на верхней одежде и т.п. Для части населения, особенно молодежи, актеров и поэтов, большей частью посредственных, и других алчущих внимания «почтеннейшей публики» представителей богемы это давало возможность обратить на себя внимание рассказами о своих страданиях «за веру» в бывшем комсомоле, показать свою неординарность, смелость, в общем «засветиться». Через короткое время эта «показушная» вера стало модой. (И что бы по этому поводу не говорили сами священнослужители, очень навредила настоящей вере как и всякое иное позерство и лицемерие).

Для политических деятелей, особенно государственных чиновников разного уровня, демонстрация глубоких религиозных убеждений и, тем более, наличие личного духовника стало обязательным пропуском на лучшие места в новом обществе. (Совсем недавно и практически для тех же самых чиновников таковым был партийный билет члена КПСС).

Другая причина столь ускоренной христианизации страны имеет более глубокий характер. Кровавый семидесятилетний «ленинский эксперимент» над Россией показал абсолютную несостоятельность коммунистического учения. Вера в коммунизм, которая так долго оправдывала безмерные усилия народа в борьбе за свое будущее счастье, рассыпалась в прах. Высшие ценности, выступавшие для каждого индивидуального сознания конечной основой мира, оказались абсолютно ложными. Людям стало нечем жить, не стало духовной пищи, которая для русского человека не менее, если не более важна, чем пища материальная. Вакуум в душах приводит к серьезным психическим и социальным сбоям (депривации, фрустрации, состоянию аномии). Безверие во все, когда, по словам В. Высоцкого «ни церковь, ни кабак, ничего не свято» крайне опасно для любого общества, тем более, для российского. Этнопсихологи хорошо знают, как опасен русский человек в своем яростном протесте («русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Он будет крушить не только действительных или мнимых врагов, но и самого себя. Русский, по словам А.П.Чехова, не любит жить. И ему ничего, начиная с самого себя, не жаль. Смерти русские, в такой форме и в такой степени, как это свойственно человеку западного менталитета, не боятся. Л.Н.Толстой очень верно сказал: «Страшно то, что ничего не страшно». Русского более всего надо оберегать от самого себя. Дубины и штыка здесь мало. Ему надо указать какие-то высшие духовные ценности. Для России, как показывает многовековая историческая практика, все же более всего подходит именно христианство как религия в его восточном варианте.

Приходится иметь в виду и еще один момент. Произвольное расчленение исторической России в девяностые годы 20-го века (носящей на тот момент название «СССР») и ликвидация КПСС ослабило нашу страну политически, экономически, подорвало оборонный потенциал в сотни раз. Были оборваны связи России со многими другими государствами, руководители которых очень дорожили дружбой с нами. И православие в настоящее время позволяет в той или иной степени восстановить эти связи, потому что именно оно начинает все более представлять Россию за ее рубежами.

И вот тут возникает главный вопрос наших дней, насколько действительно сильна вера в «нашу веру», на чем она базируется, насколько она надежна и

долговечна? Чем православие может помочь России в решении очень трудных и опасных вопросов, которые как из рога изобилия высыпает на мир 21-й век? (По мнению ряда футурологов, 21-й век может оказаться последним веком жизни человечества, ибо уже начинают свое действие так называемые «механизмы самоликвидации» человечества как биологического вида, каковым оно по своей природе является).

В целом авторитет христианства и буддизма в современном мире в отличие от ислама падает. В христианстве более полутора тысяч только рациональных ересей. После войны около двух десятков людей, в том числе женского пола (известная Мария Дэви Христос) объявляли себя Христами. В нашей стране по разным данным более миллиона сектантов. Все более громко раздаются мнения о необходимости преобразования православия с учетом психологии и уровня образованности современных россиян, о создании вообще новой религии. Рождаются предложения о поддержке экуменического движения, о сближении католицизма, протестантских учений и православия. Поднимается вопрос о необходимости изменении языка, на котором ведется богослужение и т.д. Пойдет ли русский народ как главный носитель православной веры на эти шаги? Будут ли они полезны русскому этносу? Не приведут ли они к гибели и самого православия, и русских как нации, и России как государства?

Как известно, христианство принято Русью в 988 году (на 22 года позже, чем Польшей). Само христианство после разделения его в 1054 г. на Западное (католичество) и Восточное (православие) претерпело немало изменений. Католичество во многих странах эволюционировало в различные ветви протестантизма (лютеранство, кальвинизм, англиканство, баптизм, иеговизм и т.д.). Православие после реформы Никона в 17-м веке тоже потеряло единство.

Если обратиться к первоисточкам, христианство было предложено миру евреями Палестины. Были учтены библейские пророчества Исаи о будущем Мессии. Сыграли свою роль усвоенные ессеями легенды зороастризма еще шестого века до нашей эры о непорочном зачатии земной девы и рождении потом ею некоего богочеловека, мученическая и позорная смерть этого сына божьего с обязательным возвращением потом этого Мессии для наведения порядка на Земле. В Кумранских рукописях, написанных во второй половине второго–первой половине первого века до нашей эры оказалось более тысячи фрагментов, которые позже были приписаны апостолу Павлу. Хорошо известно, как формировалось Священное писание. Филон Александрийский предлагал вообще воспринимать положения Библии символически. Споры о личности Христа не затихали вплоть до 4 века н. э. (а фактически продолжают и сейчас в различных ересях и разного рода сектантских учениях). Например, ариане утверждали, что Христос был просто человеком, монофизиты, что он был только Богом, несторианцы полагали, что вначале он был человеком и лишь потом стал Богом). Основатель ислама Мухаммед (для которого Библия столь же священная книга, как и для христиан) в самом начале седьмого века нашей эры вообще объявил, «что нет Бога кроме Бога», а Иисус Христос всего лишь «святой Иса». Вдобавок нужно вспомнить, что в начале нашей эры велась отчаянная борьба христианства с гностицизмом, сочетавшим в себе множество заимствованных конфессиональных

РАЗДЕЛ II

положений, с манихейством с его тезисом о том, что добро и зло (Бог и дьявол) равны по силе и с целым рядом других его активных врагов.

Неизвестна даже точная дата рождения Иисуса из Назарета (есть мнение, что если такой человек действительно был, то дата его появления на свет где-то в 4-ом году до н. э. и дата смерти где-то в 30 году н.э.). Есть предположения о реальных земных родителях этого человека, о происхождении Иоанна Крестителя, о действительных биографиях евангелистов и их родственных связях и т.п.

Не удивительно, что существует огромное количество высказываний самых авторитетных мыслителей и философов об иллюзорности религиозного сознания вообще и христианского, в частности. (Например, И.Кант утверждал, что «все выдуманное людьми религии – идолослужение», Н. Макиавелли, что «вера в Бога – абсурд», А.Эйнштейн, что «Библия – собрание детских сказочек» и т.д.). Однако речь сейчас идет не о рациональной критике религий, в частности, христианства, (хотя для определения будущности земных религий это очень важно), и даже не о степени достоверности их исторических посылок, а о том почему те или иные народы избирают для себя эти, пусть и «выдуманные» верования.

Чтобы ответить на эти вопросы, следует вспомнить, почему русские приняли христианство, хотя имели свою исконную веру, причем довольно развитую? В чем корни столь долгой и сильной приверженности русских к православию? Почему нередко раздаются утверждения, что русский этнос создан православием? Какие черты русского народа сделали его приверженным не католицизму, не иудаизму, не исламу, не буддизму, а все же православию? (Хотя многие утверждают, что если бы Русь приняла католичество, и, тем более, позже – протестантизм, она не была бы столь «ленивой и отсталой», если бы русские стали мусульманами, они не пили бы горячительные напитки в таком количестве со всеми столь трагическими для жизни народа последствиями).

Христос для русского – это, прежде всего, образец того нравственного поведения, который является естественным, генетически обусловленным поведением русского человека, константой его этнопсихологии. В Христе русский видит свой собственный нравственный идеал. (Хотя буддизм с его «восьмеричным» путем избавления от страданий в его собственно нравственной составляющей в определенной степени так же был бы полезен русским, тем более, что буддизм как и ислам не разрешает употребление горячительных напитков).

В христианстве русского человека привлекает прежде всего, гигантский нравственный смысл гибели Христа: «положить живот свой за други своя». Русский человек по своим имманентным психологическим установкам также «предназначен» для жертвенного спасения не только и даже не столько себя, сколько других людей, народов, человечества в целом.

Вера в Бога укрепляет дух сражающихся воинов. («Не в силе Бог, а в правде»). Вера в силу и «правильность» своего Бога делает армии непобедимыми.

Разумеется, как и всякая вера, православие с его способностью тончайшего прикосновения к духовным струнам человека обладает важной терапевтической функций. Оно врачует больные души, помогает пережить потери, во многом

позволяет смириться с традиционными «свинцовыми мерзостями» российской жизни, обещает воздаяние на небесах за справедливую, праведную жизнь и наказание за грехи земные. В социальном плане оно умеряет боль от обид, от несправедливого неравенства и притеснений, в политическом – провозглашает надежду на более сильную и праведную силу, чем сила земных владык («Но есть, есть божий суд, наперсники разврата, он недоступен звону злата и судьбы и дела он знает наперед...» М.Ю.Лермонтов). Это позволяет ему выполнять очень важные воспитательные и, прежде всего, нравственные задачи. Это одна из важнейших функций православия в наши дни. Ибо государство полностью отошло, а общество почти отошло от морального просвещения народа. Пока человек или народ ощущает себя несчастным, он не может жить без Бога.

У православной веры есть и еще ряд положительных качеств. Поэтому патриоты России, даже вполне атеистических взглядов, поддерживают русское православие, потому что хотя бы здесь они видят нечто исконно русское, а не просто безмозглое копирование западных стандартов, сюжетов, форм и прочих клише так называемой западной культуры, чуждой в своей основе мировидению русского человека.

Однако христианство в силу неразвитости нынешней государственной идеологии вынуждено брать на себя и «светские» задачи. И вот тут обнаруживаются его слабости. Православие, к сожалению, никогда не считало смертным грехом пьянство. Поэтому оно не может в полную силу противостоять этой опаснейшей социальной болезни современной России. Православие в отличие, например, от протестантизма никогда не возвеличивало труд (о чем говорил еще А.М.Горький). Ведь главное в православии – забота о спасении души. Призыв к смирению и терпению у многих убивает социальную энергию и мешает активной борьбе с пороками современного общества. Но всего требовать ни от какой конфессии нельзя.

К сожалению, действительно серьезные неприятности могут подстергать современное российское общество в связи с православием совсем с другой стороны. Русский человек никогда не был особенно религиозным, во всяком случае до изуверского фанатизма он в массе своей никогда не доходил. (По словам В.Г.Белинского, «русский мужик одной рукой молился, а другой почесывал задницу»). Более или менее глубоко верующих, регулярно посещающих церковь, по данным социологов, в стране около 10 %. Можно сюда добавить еще процентов 30 людей так или иначе периодически обращающихся к Богу. Столько же у нас, как и в Европе «чистых» атеистов. Остальные верят в зависимости от «ситуации и состояния дел». (Например, на войне, как правило, все становятся верующими).

Если условием успешной карьеры станет обязательное христианское вероисповедание, в том числе посещение церкви, как было, например, в дореволюционной России, мы увидим множество ханжей, лицемеров, новых Иуд, которые развратят наше общество и подорвут истинную веру. Вообще насильственное (в любой форме) приобщение людей, особенно детей к вере, может привести к тяжелым социальным эксцессам и даже кризисам. Например, если во всех российских школах действительно будут введен предмет «Основы православной культуры» (для которого надо будет подготовить 400 тысяч учителей), это

РАЗДЕЛ II

не престо вызовет протесты огромного числа родителей (даже при традиционном «холоустье» российской интеллигенции перед властями), но и обязательно вызовет межконфессиональные столкновения в школах, вузах, а то и на улицах. (Только мусульман у нас в стране 20–25 миллионов). Введение подобных предметов для представителей других конфессий только усугубит ситуацию. К тому же это нарушит Российскую Конституцию об отделении школы от церкви и обесценит «Основной закон» в глазах многих законопослушных людей.

Настораживает процесс открытия сотен новых монастырей за последние годы. Не слишком ли это большая роскошь в стране, где так много голодных и бездомных, в стране, которая занимает 59-ое место в мире по уровню благосостояния своего народа?

Слишком сильное сближение церкви с государством и государства с церковью представляет большую опасность для обеих сторон. Великие церковные иерархи прошлого (Патриарх Никон, Патриарх Тихон и другие) снискали себе высший авторитет в народе отнюдь не тем, что подпевали власть предержащим, а обличали их и боролись с ними. В противном случае, церковь кладет под топор истории свою голову рядом с головой государства. И если государственная власть каким-либо образом будет наказана, это бесконечно уронит авторитет православия. И мы снова рискуем увидеть разоряемые храмы и убиваемых священнослужителей. (В европейской истории это, увы, довольно заурядное явление). Все должно быть в меру или хотя бы на уровне здравого смысла.

Когда-то главный богоборец России – В.И. Ленин в своей знаменитой статье «О значении воинствующего материализма» провозгласил необходимость теснейшего союза философов-материалистов и атеистов. Та ситуация, в которую попало современное российское общество, требует иной постановки вопроса. Желателен союз философов и священнослужителей, союз нерелигиозных людей и верующих для наиболее эффективного достижения общих целей нашего государства.

РАЗДЕЛ III. ЦАРСТВУЮЩИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

А. Д. Шипилов
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

КОСТРОМСКИЕ ИСТОРИКИ О СТАНОВЛЕНИИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Дореволюционная провинциальная историография всегда уделяла особое внимание местным событиям, влиявшим тем или иным образом на ход общероссийской истории, а также отдельным провинциалам, ставшим лицами государственного масштаба. В нижегородской историографии таким сюжетом являлось формирование и деятельность в Смутное время народного ополчения под руководством Д. Пожарского и К. Минина, в Саратовской – губернаторство П.А. Столыпина, в уральской – предпринимательство Демидовых и т.д. Для костромских историков основным событием местной истории было призвание на царство М.Ф. Романова и подвиг И. Сусанина.

«Романовская» и «Сусанинская» темы стали ведущими уже в одном из первых историко-краеведческих исследований конца XVIII в., автором которого являлся Н.С. Сумароков. В своей рукописи 1778 г. «История о первоначалии и происшествии города Костромы» автор подробно описал процедуру избрания на царство Михаила Романова, находившегося в 1613 г. вместе с матерью в Костроме в Ипатьевском монастыре, а также подвиг Ивана Сусанина. В рукописи приведена полностью копия грамоты Екатерины II от 3 декабря 1764 г. о подтверждении привилегий потомкам И. Сусанина¹. Эти же темы, нашли отражение в первом печатном труде по истории Костромы полковника Ивана Васькова «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы», опубликованное в Москве в 1792 г. Особенно подробно автор описал процедуру направления в Кострому и пребывания там посольства, сформированного Земским собором, и имевшего целью склонить Михаила Федоровича принять монаршую власть².

Период Смутного времени стал главной темой сочинения Костромского историка первой половины XIX в. князя Александра Козловского «Взгляд на историю Костромы». От предыдущих трудов оно выгодно отличалось широкой источниковой базой: были использованы опубликованные летописи, мемуары, монографическая литература. Все это позволило автору детально описать процедуру избрания на царство первого из Романовых³. Важной историографической особенностью данного сочинения являлись подробнейшие примечания по тексту, созданные явно под влиянием карамзинского труда.

В XIX в. в Костромской историографии появляется целый цикл трудов, посвященных истории местных монастырей. В первую очередь внимание авторов было обращено на первоклассный Ипатьевский монастырь, который в костромском самосознании ассоциировался не иначе, как «колыбель Дома Романовых». Описаний Ипатьевского монастыря было создано 5, их авторами были П.П. Свиньин, Павел II Подлипский, М.Я. Диев, В.А. Самарянов, П.Ф. Островский⁴.

События Смутного времени и избрание на царство первого из рода Романовых занимали в этих описаниях центральное место. Однако явственно прослеживалась определенная «заезженность» темы, выражавшаяся в многочисленных повторах, схематичной описательности, слабой источниковой базе, отсутствии аналитики. Все это подменялось пафосностью изложения, преобладанием верноподданнейших эмоций над научным анализом».

Наибольший вклад в развитие данной исторической тематики внесла Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК), основанная в 1885 г. Уже на первом организационном собрании членов комиссии 6 июля 1885 г. это направление, как приоритетное, подчеркнул в своей речи директор Петербургского Археологического института Н.В. Калачов, отметив, что «нас всех связывает с Костромью ее историческая судьба как города, где в тяжелую годину междуцарствия, 270 с лишком лет тому назад, духовенство, служилые люди и народ обрели себе, на спасение Отечества, государя в лице юного Михаила Федоровича, родоначальника ныне благополучно царствующего Дома Романовых»⁵.

В 1895 г. председатель КГУАК Н.Н. Селифонтов выступил с инициативой по случаю предстоящего 12 июля 1896 г. 300-летия царя М.Ф. Романова и 24 февраля 1913 г. – 300-летия Дома Романовых «возбудить вопрос об открытии «Романовского отдела» при историческом архиве комиссии.⁶ В мае-июне 1895 г. на общих собраниях комиссии активно обсуждались детали плана предстоящих работ. Главной задачей было признано комплексное и скрупулезное исследование рода Романовых. Причем, начать эту работу следовало с изучения родословной матери М.Ф. Романова – инокини Марфы (в миру Ксении Ивановны Шестовой), которая в начале XVII в. владела в Буйской осаде Костромского уезда Домнинской волостью в 50 селений. Н.Н. Селифонтов поставил в связи с этим следующую задачу: 1) произвести осмотр местностей бывшей Домнинской вотчины, в т.ч. церквей и монастырей; 2) собрать местные предания о Смутном времени и о владельцах вотчины; 3) попытаться разыскать родовой архив Шестовых; 4) ходатайствовать о допуске членов КГУАК в правительственные архивы; 5) собрать печатные материалы генеалогического характера; 6) составить исторический очерк рода костромских дворян Шестовых. Конечным результатом этой работы должно было явиться издание специального сборника материалов о предках царя М.Ф. Романова.⁷ Данный план работ был доведен до сведения вице-президента Академии Наук и 1 ноября 1895 г. одобрен на совещании ее историко-филологического отделения.⁸

4 февраля 1897 г. в Комитете Министров была заслушана записка министра внутренних дел об образовании при КГУАК особого «Романовского отдела». На заседание был приглашен председатель костромской комиссии Н.Н. Селифонтов, сообщивший присутствующим следующее: изучение истории и в частности генеалогии Царствующего Дома относится к задачам всех отечественных учреждений

научно-исторического характера. «Но некоторые отдельные вопросы данной области исследования могут служить предметом изучения тех или иных местных исторических учреждений. Таким именно вопросом специального исследования является для КГУАК собрание сведений о предках родоначальника династии Романовых – царе Михаиле Федоровиче». Поэтому КГУАК ходатайствует об открытии при ней особого Романовского отдела. Комитет Министров постановил: 1) «испросить высочайшее разрешение» на открытие отдела; 2) предоставить возможность представителям КГУАК «для обозрения документов и снятия с них копий» доступа в архивы Государственного Совета, Комитета Министров, Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Синода, министерств – Двора и уделов, Иностранных дел, Внутренних дел, Путей сообщения, Народного просвещения, Финансов, Земледелия и государственных имуществ, Юстиции, Государственного контроля. 15 февраля 1897 г. «высочайшее разрешение» было получено.⁹ А 26 августа 1797 г. на специальном заседании КГУАК было объявлено об открытии Романовского отдела.¹⁰

В создании при КГУАК «Романовского отдела» Н.Н. Селифонтов проявил себя, выражаясь современным языком, как опытный «имиджмейкер». Крупный администратор, хороший знаток психологии высшей чиновничьей бюрократии он прекрасно понимал, что играя верноподданнейшими чувствами, в будущем ставит свою комиссию в особое, привилегированное положение. В тот момент было не важно, какими будут реальные результаты конкретной деятельности. Важно было вовремя и громко заявить о себе, привлечь к деятельности комиссии самое высокое внимание и извлечь из этого максимальные выгоды. В самом деле, результаты первоначальной работы в рамках «Романовского отдела» в 1897–1900 гг. были весьма скромными: осмотрена Домнинская волость, Новоспаский монастырь в Москве (родовая усыпальница бояр Романовых), храм в с. Коробово (местопребывание потомков И. Сусанина); из синодиков разных монастырей были сделаны выборки о лицах из рода Романовых (Шестовых, Салтыковых, Морозовых); предпринята попытка (неудачная) определить место погребения И. Сусанина; просмотрены частично дела Министерств юстиции и внутренних дел.¹¹ Зато, пользуясь принципом – «куй железо, пока горячо» – КГУАК замахнулась на масштабное, по меркам провинции, мероприятие – построить собственное здание музея, присвоив ему в будущем наименование «Романовский». 17 декабря 1898 г. на заседании костромского губернского дворянского собрания было решено отвести под постройку музея землю рядом с домом дворянства на улице Павловской.¹²

К 1907 г. была расширена и более детализирована программа работ «Романовского отдела». Поняв, что одним только изучением родословной рода Романовых не объяснишь существование отдела и не создашь никаких музейных экспозиций, т.е. видимых результатов своей работы, КГУАК решила начать сбор материалов, относящихся в целом к династии Романовых: портретов, бюстов, реликвий и регалий, автографов, авторских сочинений, грамот, манифестов, указов, личных вещей и др. Продолжалась реализация амбициозного проекта строительства здания музея комиссии. Первоначальный проект и смету здания музея составил губернский инженер Л.А. Треберт. Планировались расходы в сумме 35 тыс. рублей. В феврале 1903 г. костромской губернатор И.М. Леонтьев через

РАЗДЕЛ III

великого князя Сергея Александровича передал этот проект Николаю II, который одобрил его. В губернской типографии было отпечатано ок. 2 тыс. подписных листов для сбора денежных пожертвований. В 1908 г. МВД сообщило КГУАК, что Николай II разрешил присвоить проектируемому зданию музея наименования «Романовский».¹³ 21 июня 1909 г. была торжественно совершена закладка здания Романовского музея. В этом же году губернатор А.П. Веретенников образовал специальный строительный комитет. Городской архитектор Н.И. Горлицын создает новый проект музея, предусматривающий строительство здания больших размеров, чем по проекту Л.А. Треберта.¹⁴ В 1909 г. по подписным листам было собрано более 20 тыс. руб. На эти деньги был сделан фундамент и первый цокольный этаж. В 1910 г. в строительный комитет поступило более 30 тыс. руб. пожертвований: на эти средства были выведены стены двух остальных этажей, выточены украшения из белого камня, устроена крыша из оцинкованного железа, построено крыльцо по главному фасаду. В 1911 г. поступило более 14 тыс. руб. пожертвований: средства использовались для устройства железобетонных сводов, внутренней и внешней штукатурки, проведения водопровода, канализации, монтажа парового отопления и вентиляции. В 1912 г. частных пожертвований было получено на сумму 8481 руб.; Николай II выделил из личных средств 35 тыс. руб.: на эти деньги были закончены все остальные работы, в т.ч. по внутренней отделке.¹⁵ 2 января 1913 г. общее собрание членов КГУАК состоялось уже в новом здании Романовского музея. Здание имело 3 этажа, 12 комнат и 2 небольшие квартиры для прислуги. Общая стоимость работ составила 110 тыс. руб. По подписным листам было собрано 102.717 руб. Наиболее крупные пожертвования, кроме царского, поступили: от костромского дворянства – 3000 руб., от красноярского купца Г.В. Юдина (уроженца г. Чухломы) – 10000 руб., от Товарищества мануфактуры И.И. Скворцова – 3000 руб., от Товарищества мануфактуры Анны Красильщиковой – 5000 руб., от губернской земской управы – 3000 руб., от Костромской льняной мануфактуры – 2000 руб.¹⁶

Н.Н. Селифонтов много работал над составлением подробной родословной предков царя М.Ф. Романова. Это было зафиксировано и в общем плане работы «Романовского отдела» КГУАК. Первым результатом данной работы стала публикация в Петербурге двумя частями опять же на средства автора «Сборника материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова». Причем, вторая часть была издана в 1898 г., а первая – в 1901 г., уже после смерти Н.Н. Селифонтова.¹⁷ Первая часть «Сборника» структурно делилась на два «отдела». В первый «отдел» автор поместил родословные списки потомков Андрея Ивановича Кобылы, заимствованные из различных изданных к этому времени материалов и, частично, архивных источников: 1) две росписи начала XVII в. по спискам Московской синодальной библиотеки и МГАМИД; 2) роспись, составленная в 1665 г. и извлеченная из 6-й книги А.П. Барсукова «Род Шереметевых»; 3) роспись из Бархатной книги; 4) родословная императрицы Елизаветы Петровны, составленная П. Крекшинным; 5) генеалогия Дома Романовых, составленная бароном Б. Кампенаузенем (на немецком языке и в переводе Н.Н. Селифонтова); 6) родословная графов Шереметевых, заимствованная из 3-й части «Российской родословной книги» П. Долгорукова; 7) родословная Романовых-Юрьевых-Захарьиных, составленная Т.И. Студенкиным; и др. Во втором «отделе» размещались библиографичес-

кий, именной и географический указатели. К родословным росписям прилагались подстрочные комментарии по тексту¹⁸.

Во второй части «Сборника» была помещена родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Н.Н. Селифонтов заимствовал ее из рукописей И.П. Сахарова (1809–1863), много лет занимавшегося исследованием генеалогии М.Ф. Романова. Рукопись была подготовлена И.П. Сахаровым в середине XIX в., и как отмечал Селифонтов, не соответствовала «современным требованиям исторической науки и богатству добытого в последнее время археологического материала»¹⁹. Н.Н. Селифонтов значительно дополнил родословную летопись данного рода на основе опубликованных к концу XIX в. историко-юридических актов, летописей, трудов П. Крекшина, Б. Кампенгаузена, П. Хавского, Г. Студенкина и др. Текст рукописи И.П. Сахарова давался целиком особым шрифтом и, одновременно уже другим шрифтом, шли обстоятельные дополнения, замечания и комментарии Н.Н. Селифонтова, представляющие собой, фактически, серьезное источниковедческое исследование. Родословная роспись включала в себя 107 лиц в 10 коленах и была снабжена именованным указателем. Сам автор рассматривал обе части своего труда лишь как предварительный этап большой и длительной работы по подготовке обобщающего труда по истории предков царя М.Ф. Романова. Он писал: «Составление обстоятельной Родословной предков Царя Михаила Федоровича дело вообще будущего, обусловленное наличием нужного исторического материала, для систематического собрания которого учрежден Особый Романовский отдел... Костромская архивная Комиссия, тем не менее, не выжидая окончательного собрания, указанного выше рукописного исторического материала, на что потребуется немало времени, признала полезным к изготовлению ныне же тех частей «Сборника», которые предназначены для законченных уже в прежнее время монографий по Родословию Романовых»²⁰. Реализовать полностью данный план Н.Н. Селифонтов не успел. «Сборник» оказался единственным и последним опубликованным трудом по генеалогии предков М.Ф. Романова. Никто из членов КГУАК после смерти Н.Н. Селифонтова даже не пытался продолжить эту работу.

Примечания

¹ РГАДА, ф. 196, д. 1639, л. 50-65.

² *Васьков И. К.* Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. М., 1792. С. 52–61.

³ *Козловский А. Д.* Взгляд на историю Костромы. М; 1840.

⁴ См. *Свиньин П. П.* Ипатьевский монастырь // Отечественные записки. 1820. Ч. 1. № 1. С. 1–44; *Павел II Подлинский.* Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в Костроме юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг. М., 1832; *Диев М. Я.* Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858; *Самарянов В. А.* Палаты бояр Романовых или Дворец царя Михаила Федоровича, в Костромских кафедр. 1-го кл. Ипатьевском монастыре. Рязань, 1892; *Островский П. Ф.* Историко-статистический описаний Костромских перв. Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870.

⁵ ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 27, л. 208.

⁶ Там же, д. 3, л. 7.

⁷ ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 23, л. 11–20; д. 9, л. 82–84.

⁸ Там же, д. 27а, л. 282–283.

⁹ Там же, д. 27а, л. 279б, 279в.

¹⁰ Там же, л. 288.

¹¹ Там же, д. 27а, л. 284–286.

¹² Там же, д. 22, л. 73.

¹³ ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 22, л. 65.

¹⁴ Там же, д. 20, л. 26.

¹⁵ Там же, д. 25, л. 16.

¹⁶ Там же, д. 20, л. 29–30.

¹⁷ *Селифонтовым Н. Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам // Исторический вестник. Спб. Год 22. 1901. Май. Т. 84. Ч. 1. С. 756–757.

¹⁸ *Селифонтов Н. Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам // Исторический вестник. Спб. Год 22. 1901. Май. Т. 84. Ч. 1.

¹⁹ *Селифонтов Н. Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. По материалам И. П. Сахарова // Исторический вестник. Спб., 1898. Ч. 2. С. 7.

²⁰ Там же. С. 18.

И. В. Рогов

*зам начальника отдела по культурной политике
Департамента культуры Костромской области*

**«СМЕЛОСТЬЮ И МУЖЕСТВОМ ВИТЯЗЬ, РЕМЕСЛОМ
ГРАБИТЕЛЬ» (ДЕЙСТВИЯ ПОЛЬСКОГО ПОЛКОВНИКА
А.-И. ЛИСОВСКОГО НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ В
ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НАЧАЛА XVII ВЕКА)**

Характеристика, вынесенная в заголовок настоящей статьи, дана Н. М. Карамзиным одному из наиболее ярких персонажей Смутного времени в России начала XVII века – литовскому (белорусскому) шляхтичу, польскому полковнику Александру-Иосифу Лисовскому, который с 1608 по 1610 год возглавлял наиболее боеспособный отряд армии Лжедмитрия II, а затем перешел под знамена короля Сигизмунда III.¹

Важным этапом деятельности Лисовского стали попытки подавления земского движения, вспыхнувшего на территории Галичского и Костромского уездов в самом конце 1608 – начале 1609 годов и отсюда распространившегося на все Замосковье и Поморье.² Особую актуальность рассмотрение данных событий приобретает сегодня, в преддверии 400-летнего юбилея династии Романовых и в год, когда Костромская область может с полным правом отмечать 400-летие разгрома отрядов Лисовского в июле 1609 года в сражениях, состоявшихся у городов Кинешмы и Юрьевца, входивших тогда в состав Костромского уезда, а также у Ипатьевского монастыря близ города Костромы.

На фоне незаурядной личности этого польского военачальника становятся особенно заметными мужество и героизм простых российских крестьян и посадских людей, которые, несмотря на явное превосходство противника в военных навыках и вооружении, нашли возможность дать ему отпор и в конечном итоге одержали победу.

Александр-Иосиф Лисовский (полное имя – Александр-Иосиф Лисовский-Янович) – выходец из рядовой и, по-видимому, обедневшей шляхетской семьи, принадлежавшей к гербу «Еж».³ Ко времени участия в описываемых событиях Лисовскому было немногим более 30 лет.⁴ Следовательно, родился он около 1577 г. Рассказывают, что прежде чем избрать военную карьеру, А.-И. Лисовский некоторое время учился в иезуитском колледже в г. Вильно.

В 1607 году Лисовский принимал участие в «рокоше Зебжидовского» – восстании части польско-литовских магнатов и шляхты против Сигизмунда III, на стороне противников короля. Поэтому оставаться на родине стало для него небезопасным: он был лишен дворянства и объявлен вне закона. Данный факт нашел отражение в договоре между Василием Шуйским и Сигизмундом III. Этот договор, подписанный 17 (27) июля 1608 г., предусматривал заключение между Россией и Речью Посполитой перемирия на 3 года и 11 месяцев, и освобождение всех пленных поляков, находившихся в России после печально известной свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек. О Лисовском же в договоре было сказано, что с ним московские власти могут поступать по своему усмотрению, так как он «выволанец (wywołaniec), и чести своей отсужен».⁵

Польский полковник прибыл в лагерь Лжедмитрия II поздней осенью 1607 года. Первоначально его отряд состоял из 200 всадников, но по пути к русской границе Лисовский смог пополнить его донскими казаками.⁶ По свидетельству К. Буссова, полковник привел в стан Лжедмитрия II «700 конных копейщиков».⁷ На российских наблюдателей численность «полка» Лисовского не произвела впечатления: составитель Нового летописца сообщал, что «пришел к Вору из Литвы полковник Лисовский с небольшим отрядом». Но при этом он отметил, что именно по инициативе этого полковника самозванец активизировал боевые действия и, в частности, предпринял поход на Брянск: «Начал [Лисовский] говорить Вору о том, чтобы идти на Брянск: «Покамест де у царя Василия будут собираться ратные, мы де тот замок, идучи, возьмем». Вор же его выслушал и начал собираться».⁸ Здесь проявился деятельный характер А.-И. Лисовского, а также особенность его тактики: брать города и крепости не длительной осадой, а «изгоном», то есть внезапной атакой.

В конце августа – начале сентября 1608 г., после продолжительного рейда на Рязанщину, полк Лисовского прибыл в Тушино, где поступил под командование нового гетмана самозванца – усвятского старосты Яна-Петра Сапеги⁹, который в сентябре 1608 г. привел в тушинский лагерь солидное подкрепление: 1700 польских солдат, до этого воевавших против Швеции и взбунтовавшихся из-за невыплаты жалования.¹⁰ 19 (29) сентября 1608 г. 10-тысячная армия Лжедмитрия II во главе с Я.-П. Сапегой выступила к Троице-Сергиеву монастырю. Овладение данной крупной крепостью открывало путь в Замосковные города, Верхнее и Среднее Поволжье. Входивший в состав указанной армии полк Лисовского насчитывал

РАЗДЕЛ III

5–6 тысяч всадников и 6 полевых орудий. Большую часть этих сил составляли русские служилые люди разных категорий, в том числе бывшие «болотниковцы», а также казаки.¹¹

Стремясь помешать походу войск Лжедмитрия II к Троице, царь Василий направил против Я.-П. Сапеги войско во главе со своим младшим братом И.И. Пуговкой-Шуйским. Решительное сражение произошло 22 сентября (2 октября) 1608 г. у с. Рахманцева. Это был первый большой бой с правительственной армией, в котором участвовал А.-И. Лисовский. Он завершился тяжелым поражением московских ратников, которое надолго лишило правительство царя Василия возможности активно действовать за пределами осажденной столицы.¹²

Один за другим города, расположенные к востоку от Москвы, в так называемом Замосковье, стали присягать на верность новому «государю». Костромичи присягнули Лжедмитрию II сразу вслед за ярославцами в первых числах ноября 1608 г. Костромское посольство, в состав которого входили архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий и игумен Богоявленского – Арсений, доставило в стан Я.-П. Сапеги под Троице-Сергиевым монастырем подарки: хлеб, «два осетра длинных», «лисицу черну», да два косяка меха костромского. 1 (11) ноября 2008 года присягу самозванцу принесли жители Галича.¹³

Лагерь Я.-П. Сапеги под Троице-Сергиевым монастырем более чем на год стал базой для походов войск Лжедмитрия II в Замосковье, Поморье, на Верхнюю и Среднюю Волгу. Вскоре население этих регионов в полной мере ощутило последствие пребывания на своей территории десятитысячной армии, постоянно нуждавшейся в материальном обеспечении. В города и села двинулись «загонные отряды», направляемые отдельными полками и ротами с целью сбора продовольствия, а также денежного и вещевого довольствия для солдат. Эти отряды состояли из казаков и «пахоликов» – военных слуг польских шляхтичей. Их действия сопровождалось грабежами, насилиями и пытками крестьян и посадских людей.

То, как расходовалось продовольствие, поступавшее в тушинские лагеря, весьма красноречиво описал К. Буссов: «Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало повсюду на проходах в лагере, что собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден готовый мед у крестьян и в монастырях».¹⁴

Варварское разграбление и крайне нерациональное использование ресурсов Замосковья наемниками самозванца привело к тому, что эта территория, которая могла бы в течение многих месяцев, а может быть и лет содержать армию Лжедмитрия II, была опустошена меньше, чем за месяц. Население замосковных городов и уездов, добровольно признавшее власть «царя Дмитрия» в надежде сохранить имущество и обеспечить относительную безопасность, жестоко обманулось в своих ожиданиях. Результатом этого стало земское движение против тушинцев, стихийно вспыхнувшее на костромской земле уже в начале декабря 1608 г. и оттуда распространившееся по всему Замосковью и Поморью.¹⁵

26–27 ноября (6–7 декабря) 1608 г. началось восстание в Галиче, поводом к которому послужили слухи о разгроме тушинских отрядов войсками воевод В. Шуйского: М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева. В действительности до подобных побед было еще далеко. Тем не менее, галичские ополченцы выступили к Костроме.

Представитель Я.-П. Сапеги на Костромской земле – дон Хуан Крузатти, был уверен, что зачинщиком мятежа является костромской воевода Д.В. Горбатый-Мосальский, и в своих письмах гетману называл его не иначе, как «искариотом».¹⁶ Однако последний до конца сохранял верность Лжедмитрию II, за что и поплатился: восставшие костромичи схватили воеводу, а также находившихся с ним литовских людей и бросили в темницу. Д.В. Горбатый-Мосальский был затем подвергнут жестоким пыткам и казнен: ему отрубили ноги и спустили под лед р. Волги.¹⁷

Затем костромичи присягнули на верность Василию Шуйскому. Вместе с галичанами они выступили в поход к Ярославлю с целью освободить его от тушинцев.

Во время этих бурных событий А.-И. Лисовский со своим полком осаждал Троице-Сергиев монастырь. Но отпадение от Лжедмитрия II Галича, Костромы и Ярославля заставило Я.-П. Сапегу принять решительные меры. Против восставших были направлены полк Лисовского, а также отряды ротмистров Э. Стравинского и Б. Ланцронского общей численностью около 3 тысяч человек (2 тысячи казаков и четыре роты регулярной польской кавалерии, по 180 человек каждая).

Около 11 (21) декабря 1608 г. Лисовский подавил анти-тушинское восстание в Ярославле.¹⁸ Когда об этом стало известно участникам объединенного костромского и галичского ополчений, находившимся всего в двух верстах от города, в их рядах произошел раскол. Дворяне и дети боярские решили перейти на сторону Лисовского. Они составили заговор, и по условному сигналу «ясак» напали на своих союзников – посадских и крестьян, пытаясь отбить у них «наряд», т. е. артиллерию. Попытка не удалась, однако представителям недворянской части ополчения пришлось спешно отступить к Костроме, бросив по пути обоз. Галичские дворяне и дети боярские присоединились к Лисовскому и вместе с ним двинулись от Ярославля на Кострому.¹⁹

Кострома в то время располагала достаточно мощной крепостью и могла, при необходимости, выдержать осаду. Но измена наиболее опытных в военном деле участников ополчения – дворян и детей боярских, внесла дезорганизацию в ряды защитников города. Очевидно, как в случае с Брянском и Колодной, конница Лисовского взяла Кострому внезапным ударом: «и воры литовские люди и казаки и дети боярские пришли на нас в Кострому ж, и на Костроме нас, крестьян, галичане и костромичи дворяне и дети боярские, вора литовским людем подали; и воры нас и дети боярские многих крестьян на Костроме побили, и наряд галицкой (т.е. пушки) взяли, а иные наши ратные люди разбежались врознь».²⁰

Последним оплотом восставших стали расположенные в черте города монастыри, имевшие каменные стены и здания: Богоявленский и Крестовоздвиженский (на территории костромского кремля). Богоявленский монастырь был взят 30 декабря 1608 г. (10 января 1609 г.). Наряду с защитниками, в ходе штурма

РАЗДЕЛ III

погибли три иеромонаха, один иеродиакон и семь монахов. Царь Василий Шуйский в 1609 г. прислал на имя игумена Арсения утешительную грамоту и извещение об отпуске из Нижнего Новгорода хлеба для монастырской братии.

В Крестовоздвиженском монастыре были убиты 10 монахов и архимандрит Геннадий.²¹

3 (13) января 2009 г. Лисовский захватил Галич²² и отправил отряд Н. Пудковского к Солигаличу. Солигаличане вынуждены были присягнуть на верность Лжедмитрию II и заплатить выкуп в 250 рублей.²³

С целью не допустить нового восстания, в Костроме был оставлен сильный гарнизон «с большим нарядом из 3 проломных пушек и полного сорокового снаряда».²⁴ Артиллерия, возможно, была вывезена из Галича.

В конце января 1609 г. Лисовский покинул Кострому и направился к Троице-Сергиеву монастырю. Первоначально тушинскую администрацию в Костроме возглавлял ростовский воевода И.Ф. Наумов, затем его сменил Н.Д. Вельяминов.²⁵

Практически сразу после ухода Лисовского в феврале 1609 г. в Костроме вновь вспыхнуло восстание. На этот раз, наряду с тушинцами, расправе со стороны восставших подверглись костромские и галичские дворяне, и дети боярские, перешедшие в декабре 1608 г. под Ярославлем на сторону Лжедмитрия II. Около 200 дворян с их семьями были утоплены в Волге. Н.Д. Вельяминову с оставшимися сторонниками пришлось укрыться за стенами крепости Ипатьевского монастыря.²⁶

В течение марта 1609 г. город неоднократно переходил из рук в руки. Сначала ростовский воевода И.Ф. Наумов и польский ротмистр Сума, а затем полковник С. Тышкевич отбивали город у земцев. Но уже к концу апреля 1609 г. Кострома попала под прочный контроль земского ополчения. В руках Н.Д. Вельяминова и тушинцев остался лишь Ипатьевский монастырь и прилегавшая к нему территория по правому берегу реки Костромы.²⁷

В то время как тушинцы безуспешно пытались удержать за собой Кострому, полковник Лисовский со своим летучим отрядом громил врагов «царя Дмитрия» в других уездах России.

Во время подавления земского движения Лисовский, его солдаты и казаки проявляли особую жестокость по отношению к населению, «убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян горожан и крестьян».²⁸ В значительной степени эта жестокость объяснялась тем, что большую часть отрядов Лисовского составляли «русские тушинцы» и казаки, связавшие свое будущее с успехом движения Лжедмитрия II и искренне ненавидевшие «изменников царя Дмитрия». А тому, как следует поступать с «государевыми изменниками», россияне успели научиться еще во времена опричнины.

В начале мая 1609 г. в Кострому прибыл посланный М.В. Скопиным-Шуйским воевода Давыд Жеребцов, отряд которого состоял из профессиональных воинов: галичских и костромских детей боярских, нижегородских и сибирских стрельцов, унженских, парфеньевских и судайских казаков.²⁹

С приходом Давида Жеребцова тушинцы, осажденные в Ипатьевском монастыре, оказались в критическом положении. Н.Д. Вельяминов одну за другой направлял в стан Я.-П. Сапеги отписки с мольбой о подкреплениях.

Наряду с Костромой и Галичем, в Костромском Поволжье в конце 1608-начале 1609 гг. сформировался еще один крупный очаг анти-тушинского сопротивления. Его центрами были Решма, Кинешма и Юрьевец Поволжский. «Бог же вложил мысль добрую во всех черных людей, и начали собираться по городам и по волостям: в Юрьевце Поволжском собрались с сытником Федором Красным, на Решме с крестьянином Гришкой Лапшою...».³⁰

Земцам удалось освободить от тушинцев ближайшие населенные пункты: «И в Лухе литовских людей побили и дворян, схватив, отослали в Нижний (Новгород – И.Р.), а иных [людей] взяли и дома их разорили, и пошли в Шую». Против восставших выступил суздальский воевода Ф.К. Плещеев, но в начале февраля 1609 г. его рать была разбита в бою у с. Дунилова близ Шуи ополченцами из Кинешмы, Юрьевца и ряда соседних городов во главе с Федором Бобарькиным.³¹

И хотя в конце февраля – начале марта 1609 г. направленные Я.-П. Сапегой подкрепления, состоявшие в основном из польских наемников, разбили земское ополчение под Суздалем, разорили Шую, Плесо, Лух и Холуй, Федору Бобарькину и земцам удалось удержать за собой Решму, Кинешму и Юрьевец.³²

Таким образом, к началу июня 1609 г. участок Волжского водного пути от осажденного тушинцами Ярославля до Нижнего Новгорода оказался в руках сторонников Василия Шуйского. Единственным оплотом власти Лжедмитрия II в Верхнем Поволжье оставался Ипатьевский монастырь. Тем временем из Великого Новгорода выступило войско во главе с кн. М.В. Скопиным-Шуйским, усиленное шведским корпусом под командованием Я.П. Деллагарди. В Нижнем Новгороде к походу против тушинцев готовился казанский воевода боярин Ф.И. Шереметев.

В этих условиях важной стратегической задачей тушинских военачальников стало подавление земского движения в Верхнем Поволжье, что позволило бы не допустить объединения правительственных войск.

Эту задачу взялся решить А.-И. Лисовский. В начале июня 1609 г. его полк, усиленный полками Й. Будилы, Пузелевского и ростовского воеводы И.Ф. Наумова выступили в поход на Кострому из лагеря под Ярославлем.³³ Но первый удар они нанесли по расположенному в 85 верстах ниже по течению Волги городу Кинешме.³⁴

Смысл этого маневра заключался, вероятно, в том, чтобы не допустить возможного подхода к Костроме юревецко-кинешемского ополчения во главе с Ф. Бобарькиным. Нападение на город произошло 26 мая (6 июня) 1609 г. накануне праздника Вознесения Господня и было совершенно неожиданным для кинешемцев.³⁵ Тем не менее, они оказали яростное сопротивление тушинцам. На помощь защитникам Кинешмы из Юрьевца Поволжского прибыл отряд ополченцев во главе с Федором Бобарькиным. Однако Лисовскому удалось разгромить земское ополчение: «и град Кинешму взяли приступом..., воеводу Федора Бобарькина и ратных людей многих побили...».³⁶

От Кинешмы Лисовский со своими полками двинулся по правому берегу Волги к Костроме. Согласно преданию, в 11 верстах от Кинешмы, напротив села Солдого, расположенного на левом берегу Волги, тушинцам попытался оказать

сопротивление отряд местных крестьян во главе с детьми боярскими Куломзинным и Шушериним. Этот отряд был полностью уничтожен, а тела его предводителей позднее похоронены на кладбище в с. Солдоге.³⁷

Двигаясь на помощь Н.Д. Вельяминову, Лисовский направил к нему послание с пленным костромским посадским человеком Олешкой Иевлевым, который был перехвачен в Костроме ополченцами и на допросе показал, что «отпустил его Лисовский... в Ипатьевский монастырь к Никите Вельяминову, чтобы в Ипатьевском монастыре сидели крепко, а мы-де вас выручим... хотя бы нам добыть малых судов с десятков, и мы-де, зашедши сверху, переведемся в них через Волгу пехотою, человека по два и по три».³⁸

Очевидно, полковник рассчитывал, что Н.Д. Вельяминов может контролировать, помимо собственно Ипатьевской крепости, еще и прилегающую к ней территорию, включая участок левого берега Волги. Весеннее половодье уже закончилось, приближался межень, и конница Лисовского вполне могла преодолеть Волгу на лошадях вплавь, а пехота – на небольших лодках.

Однако этот расчет оказался ошибочным, так как 11 (21) июня 1609 г. ополченцы во главе с Д. Жеребцовым форсировали р. Кострому и открыли огонь по «воровским таборам», стоявшим вокруг монастырских стен. Н.Д. Вельяминов оказался заблокированным в Ипатьевском монастыре и не мог прикрывать полки Лисовского во время переправы.³⁹ Переправляться же на берег, занятый противником, было очень рискованно, так как и коннице, и пехоте требовалось время для того, чтобы привести себя в готовность и построиться в боевой порядок.

Лисовский в августе 2008 г. уже потерпел поражение при переправе через сравнительно неширокую р. Москву у Медвежьего брода и не стал еще раз испытывать судьбу. Он вновь пошел вниз по Волге в сторону Юрьевца, чтобы достать речные суда, с их помощью переправиться на левый берег и все-таки захватить Кострому.⁴⁰

После разгрома земского ополчения во главе с Ф. Бобарькиным, в этой части Поволжья оказывать сопротивление тушинцам было некому. Оставив отряд Наумова в с. Решме, Лисовский занял и сжег Юрьевец. Здесь ему удалось достать 4 струга и 6 лодок. Суда перевезли к Решме, где и стали переправляться.⁴¹

Волга в этом месте была шире, чем под Костромой, примерно посередине русла располагались намытые течением острова. Один из них (в некоторых источниках он именуется «Мамшин») стал перевалочной базой для переправлявшихся тушинцев.⁴²

Уцелевшие жители Юрьевца и близлежащих к нему селений, входивших в состав Елнатской и Березниковской весей, вместе с семьями перебрались на левый берег Волги и, объединившись с жителями левобережных населенных пунктов, принадлежавших к Коряковской веси, решили, во что бы то ни стало помешать переправе Лисовского: «на берег реки Волги вси собравшися, брань противу врагов творяху, не дающее ни единому от них, ко брегу их приблизитися, но порным бдением, и стрелянием врагов одолеваху».⁴³

Согласно преданию, защитники волжского левобережья в своих молитвах обращались к местно-чтимому святому – преподобному Макарию Унженскому и Желтоводскому, который уже не раз спасал их во время татарских набегов. При этом они дали обет «монастырь воздвигнути... во имя преподобного».⁴⁴

И святой пришел им на помощь. Местные жители и взятые в плен воины Лисовского свидетельствовали, что неоднократно наблюдали явление преподобного Макария как «старца в монашеском образе, светла видением, власы главы и браны имуща седы, овогда ходяща по берегу, ... овогда же в малой ладийце по реце ездяща, и даже до острова безбоязненно доезжающа, и стрелы их (тушинцев – И.Р.) пушаемые на его самого, и на православныя люди, собирающа к себе в ладийцу и отвозяща на берег, к правоверным».⁴⁵

В середине июня 1609 г. правительственный воевода Ф.И. Шереметев получил известия о действиях Лисовского под Костромой и Кинешмой. «И послал Федор Иванович на них [рать] в судах, и сошлись с ним под Юрьевцом Поволжским на острове...».⁴⁶

Нижегородское ополчение прибыло к Решме 28 июня (8 июля) 1609 г. в самый разгар переправы, что стало полной неожиданностью для тушинцев. В это время Лисовский и 200 казаков уже переправились на левый берег, отряд И.Ф. Наумова находился на острове, а Й. Будила и Подгорецкий продолжали оставаться на правом берегу.⁴⁷ Ополченцы получили возможность разбить тушинские полки по частям: «и побили их (тушинцев – И.Р.) наголову, а иных потопили. Лисовский же с небольшим отрядом, что в ту пору был на берегу, убежал, и возвратились ратные люди в Нижний со многим богатством».⁴⁸

Разгром на Костромской земле наиболее боеспособного тушинского карательного отряда во главе с А.-И. Лисовским имел самые роковые последствия для движения Лжедмитрия II. Лишенный надежды на помощь, тушинский гарнизон Ипатьевского монастыря капитулировал. Верхнее Поволжье перешло под контроль правительственных войск, следствием чего стало изгнание отрядов Лжедмитрия II из Замосковья. А это, в свою очередь, явилось одной из важнейших причин краха самозванческой авантюры.

Местные предания о помощи преподобного Макария Унженского и Желтоводского в победе над тушинцами у Решмы и Юрьевца, вероятно, способствовали формированию общероссийского почитания данного святого. Возможно, указанные предания стали известны юному Михаилу Федоровичу Романову и его матери инокине Марфе во время их пребывания на Костромской земле в 1612–1613 гг. Это могло послужить основанием для молитвенного обращения будущего российского государя к преподобному о скорейшем возвращении из польского плена его отца – Филарета (в миру Федора) Никитича Романова и стать одним из значимых стимулов паломничества, совершенного царем Михаилом ко гробу святого Макария в 1619 г.

Земское движение, начавшееся в 1608–1609 годах на Костромской земле, явилось предвестником того патриотического подъема, который охватил все русское общество в 1611–1612 годах, привел к созданию народного ополчения во главе с Д. Пожарским и К. Мининым и положил начало преодолению структурного кризиса, охватившего нашу страну в первое десятилетие XVII века.

Примечания

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Калуга, 1993. Т. 9–12. С. 485.

² Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М., 2008. С. 423.

РАЗДЕЛ III

³ Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Спб. : Ледье-Лопарев, 1896. Т. 17-А; переизд.: М. : ТЕРРА-TERRA, 1991. Т. 34. С. 739–740.

⁴ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27.

⁵ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. / Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1994. С. 229.

⁶ *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 182.

⁷ *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 101.

⁸ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 318.

⁹ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 257.

¹⁰ Там же. С. 248–249.

¹¹ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 74; *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 268.

¹² *Буссов К.* Указ. соч. С. 108–109; *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 287–289.

¹³ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 304, 421.

¹⁴ *Буссов К.* Указ. соч. С. 111.

¹⁵ *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 88.

¹⁶ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 441.

¹⁷ *Островский П.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 14; *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 446.

¹⁹ *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 94.

²⁰ Там же. С. 95.

²¹ *Скворцов Л.* Материалы для истории города Костромы. Кострома, 1913. Ч. I. С. 64–65.

²² *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 447.

²³ *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 96.

²⁴ *Миловидов И.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1885. С. 201.

²⁵ *Островский П.* Указ. соч. С. 14–15.

²⁶ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 431; *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 104–105.

²⁷ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 466.

²⁸ *Буссов К.* Указ. соч. С. 114.

²⁹ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 471.

³⁰ Новый летописец. С. 328–329.

³¹ Там же.

³² *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 465–466.

³³ Там же. С. 471.

³⁴ *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 120.

³⁵ *Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 152.

³⁶ Новый летописец. С. 325.

³⁷ *Козловский А.* Указ. соч. С. 153.

³⁸ *Скворцов Л.* Указ. соч. С. 66.

Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край

³⁹ *Островский П.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁰ *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 121.

⁴¹ Там же.

⁴² Житие и сказания о чудесах св. прп. Макария Унженского и Желтоводского (рукопись XVIII в.). // Солигаличский краеведческий музей, № 1149, л. 221об.

⁴³ Там же, л. 222.

⁴⁴ Там же, л. 222об.

⁴⁵ Там же, л. 223-223об.

⁴⁶ Новый летописец. С. 331.

⁴⁷ *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 494.

⁴⁸ Новый летописец. С. 331.

Е. Ю. Волкова

*Костромской государственный
технологический университет*

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА К ПРЕСТОЛУ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Первый царь из рода Романовых, Михаил вступил на престол в 1613 г., когда ему исполнилось 16 лет. О его царствовании упоминают все историки, изучающие данный период¹. В 2004 г. в серии ЖЗЛ профессор В.Н. Козляков издал глубокое современное исследование, где собрал уникальные материалы о жизни и царствовании Михаила Федоровича². Однако практически во всех изданных работах крайне мало рассматривается жизнь Михаила до вступления на престол. Изучив источники, литературу, свидетельства иностранцев и даже народные предания, в данной статье обобщен материал о связи Михаила Романова с Костромским краем.

Род Романовых издавна был связан с Костромским краем. Большие вотчины были у его представителей в Костромском, Галичском, Буйском уездах. Михаил Никитич, дядя первого царя из рода Романовых, владел землями возле Нерехты. Вотчину другого дяди Ивана из-за своих размеров даже называли «княжеством». Она занимала территорию от нынешнего села Унжа Макарьевского района до Кологрива. В нее входило 140 селений и проживало 3500 душ крестьян обоего пола³.

За свои 16 лет до вступления на престол Михаил Федорович несколько раз оказывался на территории Костромского края. Как известно, Михаил родился 12 июля 1596 г. Четыре его брата умерли в младенчестве, осталась в живых лишь сестра Татьяна. Счастливое детство Миши закончилось, когда ему шел пятый год. В конце 1600 г. Романовых обвинили в тягчайшем государственном преступлении – покушении на жизнь царя. Наказание за это было суровым. Вотчины и поместья опальных раздали другим. Дома, имущество взяли в казну, а самих отправили в ссылку.

Родных Миши раскидали по разным уголкам страны. Дальше всех отослали его родителей. Федор Никитич, «приводимый не единово к пыткам» был сослан

© Е. Ю. Волкова, 2009

РАЗДЕЛ III

в Антониево-Сийский монастырь, расположенный в 90 верстах от города Холмогоры (Архангельская область) и там пострижен в монахи под именем Филарета. Мать его, также постриженную насильно в монахини в июне 1601 г. под именем Марфы, сослали на озеро Онега, сначала в погост Толвуй, а потом в село Челмуж, Повенецкого уезда (ныне Республика Карелия, недалеко от города Петрозаводска).

В конце июня 1601 г. и Мишу с сестрой Таней и тетками отправили на Белое озеро. Таким образом, он был разлучен сразу с обоими родителями и даже бабушкой. Ставший «сиротой» при живых родителях Миша вызывал повышенную жалость окружающих. Белоозеро худо-бедно было городом. Двор ссыльных не был совсем уж уединенным. Тем не менее, атмосфера тревоги и неизвестности, в которую попали взрослые, не могла не повлиять на мальчика. Чтобы скорее увидеть своих родителей, он должен был усиленно молиться. Может быть, именно в ссылке Миша стал очень религиозным, что буквально поражало в будущем современников в царе Михаиле.

В 1602 г. участь изгнанников была облегчена. В начале сентября княгине Марфе Никитичне Черкасской было разрешено переехать со своими племянниками Таней и Мишей на жительство в вотчину Романовых, село Клин Юрьевецкого уезда (ныне Ивановская область). Княгиня Черкасская отправилась в дорогу. В это время в стране творились страшные вещи: голод, пожары, моровая язва, сопровождавшиеся грабежами и убийствами. «Люди сделались хуже зверей, - пишет Н.М. Карамзин, - оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга... Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках!.. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях»⁴. Только в Москве за время голода похоронили в трех братских могилах 120 тысяч человек.

Вести о положении в стране доходили до княгини Черкасской. Дорога в Клин пролегла через Унженский монастырь, основанный в 1398 г. преподобным Макарием, который скончался 25 июля 1444 г., был «кроме окружающих местностей, мало кому известный». Монастырь, затерявшийся в глухих костромских лесах, был очень бедным. Монахов в нем насчитывалось не более 20 человек, питались они плохо, строить монастырь было не на что. Но слава о чудодейственных свойствах мощей Макария, хранившихся в монастыре, разнеслась по всей округе. Десятки людей, помолвившись у них, исцелялись от тяжелых недугов. Измученная страхами и неизвестностью княгиня Черкасская захотела помолиться у гроба святого и попросить у него помощи.

Настоятелем монастыря был Давид Хвостов. При первом же свидании Давид взвесил всю важность сохранения в своих руках молодого Михаила от Годунова. В Макарьевской обители можно было укрыть не только 6-летнего мальчика, а и сотню каких угодно царских недоброжелателей. «Выносу» быть не могло. Черкасская, убежденная доводами Хвостова, взяла с собой только свою племянницу, а Михаила оставила в монастыре.

Почему княгиня Черкасская доверила маленького Мишу Хвостову? Скорее всего, княгиня была лично знакома с ним, ведь у Романовых и Хвостова поместья были в одном, Буйском уезде. Хвостовым принадлежали поместья и в соседнем Чухломском уезде. Предки Давида Хвостова в одно и то же время с предка-

Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край

ми Романовых пришли из Пруссии и нанялись на службу к московскому князю Даниилу Александровичу. При царе Федоре Ивановиче Хвостов был боярином.

6-летний Миша остался совсем один в монастыре. Там он прожил три года с 6 до 9 лет. Его атмосфера, отсутствие родных, особенно отца, матери и старшей сестренки, заставляли мальчика все чаще обращаться к Богу. Он молил его только об одном - поскорее увидеться с близкими. Мишу окружали только монахи, которые, как могли, заботились о нем, за это в будущем, став царем, Михаил был им очень благодарен. Это доказывает, что Миша не жил в Клину. Он, как очень благодарный человек по характеру, не смог бы обойти царской милостью Клин или хотя бы местный храм, в котором он должен был проводить много времени.

Где же Миша жил в монастыре? Позднее этих событий при переписи имущества Макарьевской обители особо выделяли какую-то «комнату» при келье игумена Хвостова. Это могла быть приемная при игуменской келье, так как к настоятелю, естественно, приходило много народа. Но что такого особенно в «приемной» игумена? Почему выделяется именно эта? Более того, только в Макарьевском монастыре сохранился особый образ Михаила – «келейный», говоривший о том, что именно здесь в какой-то келье и жил Михаил. Чтобы сохранить жизнь мальчику, Хвостов должен был оберегать его и не спускать с него глаз. Он понимал, что Михаил при определенных обстоятельствах может фигурировать как претендент на престол. Поэтому он поселил мальчика в комнате при своей келье.

Кто занимался воспитанием Михаила с 1602 по 1605 года? Кто учил будущего царя грамоте? Скорее всего, это был Давид Хвостов или кто-нибудь из монахов, так как в те времена грамотными были в основном представители духовенства. Это могли быть его тетки. Но женщины в XVI – XVII веках, даже княгини и царицы в подавляющем большинстве были неграмотны. Могла его учить и мать, которая была грамотной и хорошо знала церковную историю. Но она была далеко.

13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался царь Борис Годунов. На престол встал его сын Федор. Но династия Годуновых не устраивала верхушку бояр. В июне в Москве произошло восстание, в ходе которого царь Федор был убит. Все присягнули Лжедмитрию I (1605–1606).

Поскольку официально новый царь был «родственником» Романовых, он сразу же постарался вернуть им их прежнее положение в обществе. Все выжившие Романовы были возвращены в Москву и щедро пожалованы. Инокния Марфа, как только ей разрешили покинуть Челмуж, сразу же приехала в Макарьевскую обитель к сыну. Об этом говорит тот факт, что еще в начале 1880-х гг. в монастыре хранились сани кошевые, подбитые широкими крепкими шинами. Ими не пользовались, а просто хранили в память о том, что на них приезжала Марфа за сыном. А когда она уезжала из Макарьевской обители, началась весенняя распутица, и сани были не нужны. Марфа привезла сына в Москву в родовой терем на Варварке.

Следующий важный этап в жизни Михаила, связанный с Костромским краем, приходился на 1612–1613 годы. Отряды Второго ополчения во главе с К.Мининым и Д.Пожарским штурмом взяли Китай-город, а через четыре дня польский гарнизон сдался и в Кремле. Когда Кремль освободили, то обнаружили, по

РАЗДЕЛ III

словам Авраамия Палицына, «множество трупы человека разсечены от человека в сосудах лежащих». Михаил с матерью, фактически заточенные в Москве, получили свободу. Они тут же уехали в Костромское свое поместье, село Домнино, где боярский двор, скорее всего, находился на месте нынешней Успенской церкви. Рядом проходила так называемая большая Вологодская дорога, соединявшая Кострому с находившимися севернее городами – Галичем, Чухломой, Солью Галицкой и Вологдой.

В имени Миша и инокиня Марфа отдыхали. Казалось, что всем несчастьям пришел конец. Домнино было далеко от столицы, затерялось в глубокой провинции. Мать с сыном навещали соседей, в том числе двоюродных братьев Михаила бояр Салтыковых, которые жили рядом в селе Молвитино (ныне п. Сусанино). При встречах делились впечатлениями о пережитом. Но их не оставляли страхи за Филарета, который все еще был в польском плену. Они молились за него дома, в местном храме. Однако Михаил с матерью больше уповали на «помощь» святого Макария, который считался покровителем пленных. И они, «отринув надежды на земных владык, для испрошения себе помощи у Небесного Царя, через молитвы преподобного Макария, Унженского чудотворца, предприняли путь в его обитель».

В монастыре мать с сыном много молились у гроба святого Макария, просили дать Филарету свободу. Об этом повествует житие преподобного Макария и местное монастырское предание: скрываясь «от безбожных ляхов в пределах костромских», будущий царь молился «о родителе своем, чудном архиереи Филарете, яко да облобыжет святые его седины». У гроба Макария Михаил, скорее всего, дал обещание вернуться сюда, если вновь увидит своего отца.

Вернувшись в Домнино, Миша и инокиня Марфа стали ждать добрых вестей. Но вместо этого на них обрушилась новая беда. Изгнанные из Москвы интервенты небольшими отрядами рассеялись по стране. Летописи того времени отмечали: «Сами видите, что они ныне над нами чинят: всегда в очах наших всем нам смерть показывают, и надругаются, и насилуют нас, и дома у нас отнимают, яко волцы, зубами своими скрежегчут. И грозят нам, и претят смертью». Одному из польско-литовский отрядов, продолжавшему бродить по стране в целях грабежа, было поручено тайно проникнуть в село Домнино, захватить Михаила и отправить в Польшу, а в случае сопротивления его убить. Это надо было сделать до созыва Земского собора, то есть осенью 1612 г. или зимой 1613-го. Если Михаила не будет, то шансы польского королевича Владислава стать русским царем резко возрастут.

Жизнь Михаилу спас Иван Сусанин, который рассказал своему зятю Богдану Сабинину о великой опасности для Михаила и его матери, а сам завел поляков в лес. Предупрежденная Сабининым, ничего не зная о решении Сусанина, инокиня Марфа понимала, что оставаться в Домнино становилось крайне опасно. Надо бежать, но куда? Железноборовский монастырь был от Домнина в 15 верстах, но он был малолюдный и слабо укрепленный. Можно было скрыться в Макарьевском монастыре, который уже однажды помог Михаилу, но он отстоял от Домнина на 120 верст. Так далеко ехать без должной охраны Марфа побоялась, поскольку не было гарантии, что им не попадется другой отряд разбойников. Решили уехать

Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край

в Кострому. Но где скрываться в Костроме? Скорее всего, Михаил Романов жил с матерью на территории Костромского кремля. Рядом с Успенским собором кремля на месте северо-западного угла соборной ограды, «в старом городе переулок на Большую улицу к водяным воротам» находился собственный двор инокини Марфы размером 6,75 сажени в длину и 6 в ширину (14,5 на 12,8 м)⁵. Здесь и нашли себе очередное пристанище Михаил и Марфа.

21 февраля 1613 г. начался Великий пост, когда «цари и бояре, по благочестивому древнему обычаю, нередко помещались в монастырях для душеспасения, для сохранения или поддержания доброго христианского покаянного настроения». Скорее всего, Михаил с матерью переехали в Ипатьевский монастырь, так как он после смерти Годунова входил в подчинение Филарету как митрополиту Ростовскому и Ярославскому. Следовательно, Михаил и Марфа могли без боязни ехать именно в этот монастырь, как теперь принадлежащий им. Таким образом, как предполагает историк И.В.Баженов, они оказались в монастыре не для того, чтобы скрываться от врагов, а в силу обычая⁶.

В монастыре Марфе и Михаилу отвели кельи, которые когда-то были «келарские» или наместничьи. Миша поселился в трех комнатках с левой стороны от входа из сеней, а его мать – в четырех справа. Комнаты Михаила выходили на небольшую галерею, где он мог гулять. Но в целом покои были маленькими с низкими зарешеченными окнами. На нижнем этаже располагались помещения для прислуги и хозяйства. Отныне мать с сыном практически целые дни проводили в молитвах.

В этот же день 21 февраля в Москве Земский собор избрал царем Михаила Романова. 2 марта 1613 г. посольство Земского собора торжественно выехало из Москвы. Его возглавили рязанский архиепископ Феодорит, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын и Ф. И. Шереметев. Вечером 13 марта посольство прибыло в село Селищи, расположенном на правом берегу реки Волги напротив Костромы. 14 марта, в воскресенье четвертой недели Великого поста в Троицком соборе Ипатьевского монастыря Михаила провозгласили царем. Кострома отмечала это событие трехдневным колокольным звоном. А 19 марта 16-летний царь Михаил покидал Кострому. Крестный ход костромичей проводил его за стены монастыря. Отправляясь на царство, Михаил взял копию Федоровской иконы, чтобы потом поставить ее в придворной Рождественско-Богородицкой церкви Московского кремля. У Западных ворот Ипатьевского монастыря его ждала повозка. На этом месте в 1642–1643 гг. при возведении новой монастырской стены была построена особая «зеленая» башня, так как была покрыта в отличие от прочих дорогой зеленой черепицей.

Через 42 дня 2 мая Михаил под колокольный звон въехал в столицу. На венчании Михаила на царство от Костромы присутствовали архимандрит Ипатьевского монастыря Кирилл и игумен Богоявленского монастыря Арсений.

Последнее посещение Михаила Костромского края состоялось в 1619 г. По официальной версии это было связано с благополучным возвращением отца Михаила митрополита, а впоследствии патриарха Филарета из польского плена. Настало время выполнять обещание: отблагодарить святого Макария

Унженского за благополучное возвращение отца. Началась подготовка к паломничеству в обитель преподобного. Источники XVIII века подтверждают, что путешествие было по его «царскому обещанию» за некоторые его «чудеса и помощь», оказанные ему, Великому государю и его родителям «во время их государских печалей». Сам патриарх Филарет побуждал царя исполнить обещание: «Молю и благословляю Ваше Царское Благородие, чтобы Вы, Великий Государь, свое обещание совершил, к преподобному отцу Макарию шел без всякого сомнения».

Посещению монастыря предшествовало официальное расследование о чудесах преподобного Макария. Патриарх Филарет писал Михаилу 3 сентября 1619 г., когда паломничество уже началось: «По твоему царскому повелению и по совету, а по нашему благословию» обнаружили, что всего исцелил Макарий 74 человека, правда, многие рассказывали сами, а не свидетели.

Вечером 10 сентября 1619 г. Михаил прибыл в Кострому и остановился в Кремле на своем подворье. В течение пяти дней он посещал костромские храмы, вспоминал пережитое. А 15 сентября тронулся в путь. С 17 по 20 сентября находился в с. Домнино. 26 сентября, в праздник Покрова Пресвятыя Богородицы, царь прибыл в Спасскую пустынь, откуда до монастыря оставалось 20 верст. Началась осенняя распутица, когда «дожди и снега идут многие и грязи великие». Но царь принял решение идти пешком. Три дня длился нелегкий путь. Народное предание сохранило и осветило царственный путь от Спасской пустыни к обители преподобного. В каждом из пяти селений, где царь, утомленный путем и осенней непогодой, отдыхал, были построены часовни.

Прибыв в монастырь, царь разместился в деревянных кельях, которые по его указу были специально построены для него внутри монастыря около рва. Через десять лет эти кельи, к сожалению, сгорели. На их месте построили сначала деревянную, а потом каменную церковь. 1 октября Михаил покинул монастырь, а 7-го прибыл в село Красное. Путешествие затянулось, осенняя непогода усиливалась. Михаил писал отцу: «Мы идем мешкотно (то есть медленно), потому что дожди и снега идут многие и грязи великие, и мы идем, льгота людям нашим». В довершение ко всему начались болезни.

Таким образом то, что Михаил стал царем, есть заслуга и Костромского края. Здесь он скрывался в самые опасные годы смутного времени, сумел выжить и стать основателем новой династии. Костромская земля, а также святой Макарий Унженский и чудотворная икона Федоровской Божией Матери хранили его. Об этом никогда не забывали сам первый царь из Дома Романовых Михаил Федорович и его потомки. А костромской историк В.В.Беляев прямо делает вывод: «Находясь Михаил в другой губернии, он бы непременно пропал»⁷. Поэтому в Костромской губернии, как ни в какой другой, Михаилом, его детьми и внуками почитались те места, с которыми была связана жизнь Михаила до восшествия на престол, и направлялись сюда щедрые, по-настоящему царские подарки: Ипатьевская обитель, Успенский собор Костромского кремля, где хранилась чудотворная икона Федоровской Божией Матери. Однако ни одному другому монастырю не оказано таких великих пожертвований как Макарьевской обители.

Примечания

¹ *Баландин Р. К., Миронов С. С.* Тайны смутных эпох. М., 2003; *Бушуев С. В.* История государства Российского : Историко-библиографические очерки. Кн. 2. XVII–XVIII вв. М., 1994; *Валишевский К.* Первые Романовы. М., 1993; Великие российские историки о Смутном времени / авт. сб.: В. Татищев, Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Д. Иловайский. М., 2007; *Григорян В.* Царские судьбы. М., 2007; *Морозова Л. Е.* Смута: ее герои, участники, жертвы. М., 2004; Начало династии Романовых. Царь Михаил Федорович. М., 2005; Романовы. Триста лет служения России. М., 2004; *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. М., 2005; Три века: Россия от Смуты до нашего времени : в 6 т. М., 2007 и др. Т. 1.

² *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. (Серия ЖЗЛ.)

³ *Зонтиков Н. А.* Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 20.

⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9–12. С. 66.

⁵ Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. / сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004. С. 21.

⁶ *Баженов И. В.* Где Михаил Федорович Романов с матерью инокинею Марфою нашел безопасное для себя убежище от преследования поляков в начале 1613 года? Кострома, 1911. С. 15.

⁷ *Беляев В. В.* История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Федоровича. Спб. : Издание И. М. Чумакова, 1907. С. 213.

Б. Н. Гусев

*Костромской государственной
технологический университет*

ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ: ИСТОРИЯ ИЗБРАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО

В многовековой истории династии Романовых едва ли не самым спорным фактором является неожиданное выдвижение и избрание Михаила Федоровича на царский престол.

Как известно, Смутное время разрушило всю структуру государственного управления: не было ни правительства, ни властных органов в центре и на местах. Распоряжения и приговоры временного правительства «Совета всея земли» в основном действовали в пределах влияния вождей II ополчения. Однако, вопреки воле народа, значительная часть боярской, служилой знати, московского посада еще считала главными претендентами на русский престол польского короля Сигизмунда III и его сына королевича Владислава. В этой обстановке раскола и разброда 7 апреля 1612 года из Ярославля прозвучал призыв к объединению и воссозданию на всей территории страны законно избранной власти. Дмитрий Пожарский и Козьма Минин от имени всего русского народа направили

РАЗДЕЛ III

в разные города страны грамоты, в которых предлагалось присылать выборных на общий Совет. «Вам бы, господа, – говорилось в них, – пожаловать... выбрать общим Советом государя.... Сами, господа, ведаете, как нам стоять без государя против общих врагов польских, и литовских, и немецких людей, и русских воров...»¹.

Но собрать выборных не удалось, освобождение Москвы затягивалось, шли долгие сборы ратников в ополчение.

Лишь после полной капитуляции 26 октября 1612 года поляков в Кремле, полного освобождения столицы и других городов от интервентов, стало возможным организовать созыв Земского собора. 21 декабря воеводы-освободители направили новые грамоты городам «всей земли» с указанием, чтобы выбирали «лучших и разумных людей» для выборов государя на Земском соборе. Но из-за различных препятствий: нападения бродячих и разбойничьих шаек, отсутствия денег, плохого сообщения – выборные не могли собраться в назначенный срок. Они съезжались в Москву дважды: в декабре 1612 года и в январе 1613 года.

Именно только в январе их собралось достаточное количество, более 700 человек, представлявшее все сословия и даже представителей других народов².

На Совете, который собрали из людей разных чинов, сословий, национальностей, было решено назначить трехдневный строжайший пост. «Пусть, – говорили здесь, – избрание сие совершится от Бога, а не от человека»³.

Особую ответственность в подготовке выборных проявляло духовенство. Священники во всех церквях служили молебны, просили Бога вразумить выборных, чтобы они повиновались Божьему персту, а не человеческому измышлению. Их опасения оказались ненеправильными: участники Собора распались на партии и, по выражению летописца «на многие дни быть собрания людям, дела же утвердите не могут и всуе метутся сею и овамо»⁴.

Знатные воеводы и бояре ссорились между собой, некоторые из них пытались подкупить выборных, соблазняли их всякими благами и льготами, шли даже на открытый подкуп своих оппонентов. Поэтому ссоры и раздоры продолжались, заняли весь месяц; не то, что выбрать государя, между собой договориться не могли. Неурядицы разрушили хрупкий мир: казаки, бродяги и всякий гулящий и разбойный сброд безбоязненно бесчинствовали, грабили и мучили людей. «Вся беда от своих, – свидетельствовал архимандрит Троицкого монастыря келарь Авраамий Палицын, – они могли бы... перебить в непроходимых местах, будучи впятеро многочисленнее»⁵.

Простые люди вновь были объаты страхом, как бы от этого беззакония не пришло новое горе и опустошение. Новые власти с трудом, но настойчиво стали наводить порядок, преодолевать анархию и разгул. «Несмотря на все удары, на все бедствия, – отмечал историк С. М. Соловьев, – общество умело соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычным стремлением к единству религиозному и государственному. Земля собралась и очистила государство»⁶.

Благодаря решительным мерам, Москва стала принимать вид спокойного и безопасного города. Только на Земском соборе согласие не было достигнуто: развернулась напряженная борьба между боярскими и княжескими родами, их

окружением и кланами. Некоторые из них добивались избрания Федора Мстиславского, Василия Голицина, Ивана Воротынского, искали поддержки у своих сторонников героя-освободителя Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, который позднее сознавался, что потратил на подкупы до 20 тысяч рублей⁷.

О своих правах на русский престол заявляли шведский королевич Карл-Филипп, королевич Владислав, казацкая вольница и атаман Заруцкий настаивали на признании законных прав сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II Ивана, прозванного в народе «воренком». Развернувшаяся перепалка, откровенная неприязнь к своим соперникам не исключала появление новой смуты, теперь уже гражданской войны, так как за каждой группировкой стояла определенная военная сила. Опасность подобного развития конфликта осознавали многие. Толпы из дворян, посадских и земских людей не уходили с улицы, требовали от Собора решительных действий, прекращения ссор и казней и выборов законного государя. Иначе, если выборные не договорятся между собой, народ сам решит, кого поставить в цари. Такие угрозы раздавались постоянно и вызывали сильные волнения среди выборных и даже претендентов на престол.

Перелом в настроениях произошел в феврале. После совершения поста закончились пересуды и обсуждения, Собор перешел к выборам. Вот как об этом судьбоносном согласии сообщал Н.М. Карамзин в Записке 1811 г.: «Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее, никогда не имел побуждений святейших; все хотели одного: целости, блага России...»⁸.

На первом же заседании было достигнуто единодушное мнение: «отнюдь не выбирать никакого иноземца», не допускать к выборам и законопреступного сына католички Марины. Все согласились в том, чтобы выбрать достойного царя только из своих. Но и своих подвергли строгой проверке. Голицына не было в Москве, он находился в польском плену, Воротынский стар, Мстиславский подозревался в связи с поляками. Освободители столицы Пожарский и Трубецкой не принадлежали к династическому роду Рюриковичей, поэтому даже в народном воображении они не воспринимались как достойные приемники царского венца. Неожиданная развязка, напоминавшая истинное чудо, произошла 7 февраля 1613 года. Внезапно появившийся дворянин из города Галича буквально потряс выборных Собора логикой доказательств в пользу избрания на царский престол молодого боярина Михаила Федоровича Романова⁹.

Дебаты на Земском Соборе теперь сосредоточились не на вопросе «Кого избрать?», а кто может быть царем на Руси?

Шестнадцатилетний Михаил «был всем дорог», как свойственник угасшего рода, «по свойству свойственному царскому семени Богом избранный цвет», как внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны, как сын томившегося в польском плену за православную веру Филарета Никитича и как представитель славного боярского рода, давшего целый ряд верных слуг Московскому государству.

В сознании простых людей история рода Романовых восходила к Рюрику. Даже те, кто хорошо был осведомлен, умалчивали, что род Рюриковичей пресекался со смертью Федора Иоановича. В сущности, Романовы вели свою родословную от Романа Захарына Кошкина, отца известной Анастасии. И только через нее для

них открылся выход на династию Рюриковичей. Настоящие же родовые корни Романовых находятся в Пруссии у мифического вождя Видвунга. Род их не княжеский, а боярский¹⁰. Но такие подробности замалчивались. Зато даже удаленная родственная принадлежность к почитаемому роду Рюриковичей давала претендентам безграничные преимущества. «Роду Рюриковичей, – писал Карамзин, – Россия обязана бытием, именем и величием, ... счастьем и промыслом Божиим»¹¹.

Русская православная церковь убежденно придерживалась главного своего постулата на власть: «Цари нам вместо бога», – утверждал митрополит Дионисий, благословляя на царство Федора Иоановича¹².

Но даже такие серьезные доводы в пользу Михаила не примирили враждующие силы. Письменное мнение неизвестного человека раздражало многих, раздавались сердитые голоса: «Кто принес такое писание, откуда?». Не подействовало на их поведение и другое, более веское доказательство того, что на него как на возможного кандидата в цари указывал еще патриарх Гермоген: «Только он может примирить всех»¹³.

И тут, казалось бы, в тупиковой, безвыходной ситуации мнение выборных резко изменил донской атаман, предоставив новое доказательство в пользу кандидатуры Михаила Романова. «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его князь Дмитрий Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», – отвечал атаман.

Дружная, единогласная поддержка со стороны казаков и решила дело. «Прочетшее писание атаманское и быть у всех согласен и единомышлен совет», – так напишет один из современников¹⁴. Настойчивые требования казаков увенчались успехом: Михаил был провозглашен царем. Действительно, казаки составляли реальную силу, вдвое превосходили оставшихся служилых людей, стрельцов и дворянское войско. Московскому правительству пришлось для удовлетворения казаков обложить сборами все население Москвы. По словам современника: «Что у казны същут, и то все отдают казакам в жалованье...». Чувствуя себя господствующей силой, казаки «примеривали на царство» тех, кто им был по сердцу, хвалились, что кого хотят, того и посадят на московский престол. Вот в таких условиях они и стали главной опорой Романовых¹⁵.

Как этого удалось достичь, история умалчивает. Историк Фаина Гринберг предполагает наличие уговора, обещаний каких-либо привилегий, льгот. Несомненно, многих своих обещаний Романовы не исполнили. Отсюда постоянные волнения и буйствования среди казаков, требования участников разинских выступлений, а позднее движения Пугачева выполнить обещанное¹⁶.

Но чтобы не дать эмоциям одержать верх над благоразумием, Собор признал такое решение предварительным избранием. Окончательный выбор был отложен до выяснения общего мнения народа. Постановив это, Собор послал за разъехавшимися по деревням боярами, требуя, чтобы они для большего государственного дела и для общего Земского Совета ехали к Москве «наспех». В то же время и во все города Руси послали известить тайно имя того, кого Собор наметил в цари и спросить народ, кого хотят государем-царем. Народ оказался достаточно подготовленным. Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала до велика, та же мысль: быть государем Михаилу Романову¹⁷.

Из многих городов стали поступать челобитные и письменные извещения о том, что народ хочет видеть царем только Михаила. Казаки, настроенные воинственно, кричали, что не допустят иного царя, кроме Михаила Федоровича. Они были готовы поднять оружие, если кто-то будет противиться их воле¹⁸.

Последним убедительным аргументом в пользу сделанного выбора был выход на лобное место к народу рязанского архиепископа Феодорита, Авраамия Палицына, боярина Василия Морозова. Им не пришлось ни говорить, ни спрашивать. Все собравшиеся в один голос кричали: Михаил Федорович Романов будет царь-государь Московскому государству и всей русской державе!¹⁹.

В торжественный день 21 февраля 1613 года, в первое воскресенье Велико-го поста, состоялись окончательные выборы. Всех подписей под грамотой об избрании Михаила Федоровича было 277, из них 57 принадлежали духовенству, 136 боярам и высшим служилым чинам, остальные 84 – городским выборным²⁰.

Избрав себе царя по душе, народ верил, что новая династия навсегда избавит страну от кризисов и бедствий. Наступало время ожиданий и надежд, Смута ушла в прошлое.

Примечания

¹ *Гримберг Ф.* Две династии. Вольные исторические беседы. М. : Изд-во Когеле, 2000. С. 109.

² Там же. С. 109.

³ *Костромаров И. С.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования 1604–1613. М. : Изд-во Чарли, 1994. С. 732.

⁴ *Костромаров И. С.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования 1604–1613. М. : Изд-во Чарли, 1994. С. 759.

⁵ *Карамзин Н. М.* История государства российского. М. : Изд-во Золотая аллея, 1993. Т. 10. С. 127.

⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1989. С. 176.

⁷ *Костромаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3 т. Ростов на/Д. : Изд-во Феникс. Т. 1. С. 64.

⁸ *Костромаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х т. Т.1. Ростов-на-Дону: изд-во Феникс. С. 64.

⁹ Там же. С. 758.

¹⁰ *Князьков С. А.* Допетровская Русь. М. : Вече, 2005. С. 247.

¹¹ *Князьков С. А.* Допетровская Русь. М. : Вече, 2005. С. 248.

¹² *Князьков С. А.* Допетровская Русь. М. : Вече, 2005. С. 248.

¹³ *Невярович В. К.* Благословенно царство. СПб, 2004. С. 58.

¹⁴ Российская императорская фамилия. М. : Прометей, 1990. С. 5.

¹⁵ *Невярович В. К.* Благословенно царство. СПб, 2004. С. 61.

¹⁶ *Нечволодов А.* Сказание о русской земле. Альманах Святая Русь. СПб, 1913. С. 109.

¹⁷ *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989. С. 195.

¹⁸ *Татищев В.* История Российская : в 3 т. М. : Изд-во «Ермак», 2005. С. 819.

¹⁹ Романовы. Триста лет служения России. М. : Белый город, 2004. С. 76; Российская императорская фамилия. С. 5.

²⁰ Романовы. Триста лет служения России. М. : Белый город, 2004. С. 80.

Протоиерей Дмитрий Сазонов
*Председатель Костромского
церковно-исторического общества*

ИВАН СУСАНИН: ОБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ

Наша Отечественная история, не говоря о мировой, насыщена фактами покушения на первых лиц государства с целью их устранения. Пожалуй, в качестве лидеров, если можно так назвать, в российской истории (беря и советский период) в этом отношении фигурируют император Александр II (6 покушений) и В.И. Ленин (10 покушений)¹.

Человечество почти с самого своего зарождения всегда жило повторением и подражанием тех или иных подвигов своих предков или современников. Мы знаем, что «дух героев» всегда воодушевлял человечество. Подвиг их мужества и самоотверженности, хранившийся в памяти народной, поднимал и воодушевлял людей на борьбу с врагом, с захватчиками родной земли, пробуждал его силы в строительстве мирной жизни, воодушевлял в преодолении, казалось бы, непреодолимых препятствий, подвигал на решение великих задач.

И часто, в народных сказаниях, героические личности наделялись чертами (сверхлюдей), насколько их интерпретировало народное сознание. Их подвигам приписывалось подчас то, что в реальной жизни не могло быть, но что хотел видеть в их героическом подвиге народ (или сказитель), или данная идеологическая система. В ряд таких сказаний мы можем поставить народные эпосы о преподобном Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче и т. д. И многие легенды, главные герои которых являлись реальными людьми, мы и воспринимаем как легенды созданные на ниве того или иного мировоззрения или идеологии. Многие необыкновенные случаи, взятые из житий святых, нам кажутся сказочными, вымышленными, неправдоподобными². В связи с этим, зададим вопрос: захотим ли мы разрушить светлый образ героя, отрицая все то, что не поддается нашей логике и нашему мировоззрению, нашему разумению?

«Трагедия возникает тогда, - писал выдающийся русский философ А. Ф. Лосев в своем исследовании античной мифологии «Очерки античного символизма и мифологии», - когда начинает подвергаться разрушению и раздроблению самый факт, носивший до сих пор всю полноту смысла на себе и целостно выражавший и воплощавший вечную чтойность и энергично-умную самодавляемость смысла в себе»³.

Обратимся к подвигу нашего земляка Ивана Осиповича Сусанина, подвигу, который своей жертвенностью и сакральностью озарил восшествие на царство новой династии. Вот как он описан в брошюре, изданной к 300-летию царствования Дома Романовых в костромской типографии М. Ф. Риттер: «Проведавши, что Михаил избирается царем Московским, поляки страшно озлобились, и решили во что бы то ни стало погубить Михаила. Шайки поляков рассеялись по России, и одна из них зашла в сельцо Деревнище, в 3-х верстах от Домнина, где тогда находился Михаил. Случайно злодеи попали в дом крестьянина Ивана Осиповича Сусанина и требовали, чтобы он проводил их в Домнино. Сусанин

понял, какая опасность грозит Михаилу, и тот-час же послал в Домнино верного человека, чтобы Михаил немедленно уезжал в Кострому, в Ипатьевский монастырь. А сам, медленно собравшись, пошел с поляками и завел в болото с лесом без дорожек и тропинок, откуда выбраться не было возможности. Злодеи поняли, что старик обманул их, и пулями и саблями изранили и умертвили его; но здесь же погибли и сами от холода и голода. Михаил был спасен. Так умирают истинно русские люди за святую веру, Царя и отечество»⁴.

Основными письменными источниками подлинности подвига Ивана Сусанина, на основании анализа которых получает свою подлинность свидетельство реальности прошедшего события являются:

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича 1619 г. данная им зятю Сусанину Богдану Собинину⁵;

Утвержденная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича датированная маем 1613г.⁶;

Жалованная грамота Михаила Федоровича от 8 февраля 1612 (1614) года настоятелю Железно-Боровского монастыря (в данное время утрачена)⁷.

Вышеприведенные источники, а так же свидетельства очевидцев, труды и мнения наших выдающихся исследователей, историков, общественных деятелей, как местного, так и общероссийского масштаба, позволяют считать, что:

Сусанин был реально существующей исторической личностью, эпическая интерпретация его подвига носила печать поздних наслоений⁸;

угроза уничтожения кандидатов на царский престол реально существовала и угроза устранения Михаила Романова – несомненно была⁹;

юный боярин Михаил Федорович Романов действительно находился во время описываемых событий в своей вотчине – Домнино, предупрежденный своим зятем Богданом Собининым, он действительно нашел спасение в стенах Ипатьевского монастыря¹⁰;

исходя из сложившихся в ту эпоху жизни Сусанина религиозных и родо-семейных отношений, мы можем сделать вывод, что он, староста имения Романовых, был искренне предан и близок своему господину, а учитывая то обстоятельство, спасение ближнего было заповедью Евангелия, что царь считался помазанником Божиим, то, его действия можно квалифицировать и как действия религиозно-родового характера (спасал своего ближнего и своего господина), так и действия религиозно – племенного и государственного характера (спасая будущего царя, спасал Отечество от опасности);

великое религиозное и патриотическое значение его подвига вполне оправдано, полезно, назидательно и поучительно, тем более, что подвиг его лишь минимально (в деталях) эпически дополнен, но имеет под собой реальный исторический факт¹¹;

попытки некоторых историков поставить под сомнение факт подлинности подвига, «желание сокрушить идеологические штампы», во все времена встречали спокойную отповедь позитивно настроенных и опирающихся на подлинные факты историков¹²;

его подвиг на протяжении почти четырехсот лет востребован, он вдохновляет людей на жертвенное служение своему Отечеству.

Епископ Василий (Родзянко), на наш взгляд, сказал слова, наиболее ярко и подлинно определяющие и характеризующие жертвенный подвиг Ивана Сусанина: «Это подвиг истинно христианский, подвиг христианского мученичества, подвиг, совершенный во имя Православного Отечества и Православной веры нашей. Потому-то народ наш и сохраняет в памяти своей, уже почти четыре столетия, это святое им, давно ставшее для каждого русского человека именем-символом»¹³.

Заметим, что вышеприведенные слова наиболее подчеркивают истинный, подлинный смысл подвига истинного христианина, в других интерпретациях – «народного героя» и «спасителя царя и Отечества». Христианина, который жизнь свою отдавал в первую очередь за «ближнего своего» (Ин.15,13), затем своего господина, царя, Отечество. Его подвиг был, в первую очередь, подвигом религиозным, подвигом веры. Ответим себе на вопрос: кем были в глазах христианина-крестьянина, верного слуги своего господина и царя, а значит и царства-Отечества, польско-литовские люди, грабящие и разоряющие храмы и монастыри, захватчики и губители? Врагами, покушающимися на Церковь, устои царства, Помазанника Божия, Богом данного Отечества. Богом данного избраннику и Помазаннику Своему. «Мною цари царствуют и повелители узоканивают правду», – говорится в заповедях, данных Богом царю Соломону (Притч. 8,15). «Бога бойтесь, царя чтите», – читаем мы в полании апостола Петра (1Петр.2,17). В 10-ом кондаке Акафиста посвященного иконе Божией Матери «Федоровской» говорятся слова укоренившиеся в сознании православного христианина «...да вси видящии видят, яко Вышний владеет царством и ему же хошет дает е»¹⁴.

Поэтому, все свидетельства историков и идеологов, которые сводят подвиг Сусанина к «подвигу за царя и Отечество», к подвигу против захватчиков, опускают главное – жизнь, отданная за Помазанника и Отечество, была подвигом исполнения заповедей Божиих, а затем, подвигом за царя (что лишь дополняет подвиг веры), и за свое Православное Отечество. Когда ставят веру в конце триады, то этим заслоняют подвиг веры, существенно принижают его, скрывают главную его подоплеку – евангельскую заповедь данную «новому человеку во Христе» – христианину. Существенно ограничивают жертвенное служение его.

В «Описании» памятника в честь 300-летия романовской династии скульптора А.И.Адамсона, основание которого было заложено 20 мая 1913 г. святым императором-страстотерпцем Николаем II, скульптурные композиции, посвященные царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину были центральными фигурами монумента.

Сусанин был представлен умирающим у ног женщины изображенной в древнерусском одеянии XVII века – аллегории России. В описании говорилось: «...она полным грусти, но спокойным, гордым взглядом взирает на умирающего у ее ног русского крестьянина; на лице ее отражается сознание величия, которое покоится на готовности верноподданных пожертвовать жизнью для спасения своего царя; щит в ее руке с изображением российского герба осеняет лучшего из них – Сусанина. Фигура...Сусанина изображает его в последние минуты жизни:...левая его рука прикрывает рану, а правая – с перстами, сложенными для крестного знамения, бессильно отклонилась в сторону...»

Отметим, что в «Описании» сказано: «Одеяние на аллегорической фигуре исполнено... в некоторых частях по фотографиям, изображающим Ее Императорское Величество Государыню Императрицу Александру Федоровну»¹⁵.

Представляется, что в «Описании» юбилейного монумента замечательно отмечены (с позиций нашего времени и свершившихся в XX веке событий) очень важные, на наш взгляд моменты: самодержавие и Россия заслоняют собой Промыслителя всех – Бога. И крестное знамение, ограждающее от зла, бессильно отклонено в сторону.

Вспомним, что верующий во Христа народ является Телом Церкви. Вспомним, как премьер министр России П.А.Столыпин в 1911г. во время постановки оперы М. Глинки «Жизнь за царя», за два года до закладки памятника, во втором акте, уже пораженный пулей злодея, находит в себе силы осенить своего императора крестным знаменем. Но, в 1917 г. уже никто уже не спасает – ни своего царя, ни государыню, олицетворяющую Россию¹⁶.

Вполне допускаю, что многие не согласятся с подобной «вольной» трактовкой событий. Но, позиция их будет верна только в том случае, когда верно утверждение, что история – это цепь случайных событий и фактов, череда комедий и трагедий, часто повторяющихся в виде фарса.

Ведь, что значит для русского крестьянина, воспитанного на евангельских чтениях в Церкви, на церковных заповедях, на светлом образе святых (для которых вера, верность, жертвенность были не пустым звуком, не средством наживы), значили такие слова как господин, царь, Отечество? «Они служили с религиозным сознанием того, что их служба государству есть служение Богу – пишет историк Е.Е.Алферьев – ибо сама государственная власть считала единственной целью своего существования служение Богу, Божией Правде и Божией Церкви... Духовная жизнь и стремление к подражанию своим общепризнанным духовным вождям стояли на первом плане, а этими вождями были святые, и среди них почитались преподобные Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский и митрополиты всея Руси святителя Петр и Алексей...это ключ к пониманию формулы Святая Русь...святость была единственным идеалом для всех, и других идеалов русский народ того времени не знал. Все прочие добродетели – просвещение, героизм, культурность пр... имели ценность лишь при условии, что они освящались святостью. Сознывая свою греховность, русские люди...каялись в своих грехах, исповедуя свое единство со святыми...»¹⁷ Недаром, национальным девизом русских было: За «Веру, Царя и Отечество». Девизом, который выражал идеалы народа, воодушевлял его на борьбу с врагом. В этой триединой соборности – «Православие, Самодержавие, Народность» – суть России как государства призванного Богом к своей миссии – воплощение идеалов Царства Божия на Земле. «Русское государство – писал свидетель саровских торжеств прославления во святых преподобного Серафима протоиерей Василий Боцановский – по плоти и крови своей от мира сего, но по духу не от мира сего, ибо его основное задание... воплощение...в жизни народа Царства Божия; Царства Христовой истины... Вот почему Русское Царство по глубокому пониманию русских праведников не просто царство земное, а Русь Святая – Православная, Дом Пресвятой Богородицы...»¹⁸

Вот потому-то жертвенное служение Ивана Сусанина является в своем высшем смысле служением Правде, Истине, Любви – служением Богу. Это подвиг благоверных князем Александра Невского и Дмитрия Донского, подвиг святого государя-страстотерпца Николая II, отдавшего жизнь за Отчизну.

В своем приветственном слове, обращенном к Государю-страстотерпцу Николаю II, архиепископ Волынский(впоследствии митрополит РПЦЗ) Антоний(Храповицкий) сказал: «В сердце народном у Тебя, Государь, нет на земле соперников, а есть они только на небе. Православный народ Твой никого так на земле не любит, как своего Царя. Но он любит на небе святых Божиих угодников, тех, которые, будучи в теле, жили на земле жизнью блаженных Ангелов»¹⁹.

Подтверждая мысль о том, что «жизнь за царя» была в первую очередь подвигом веры, приведем замечательные слова, сказанные некогда отцом Павлом Флоренским.

Он писал: « В сознании русского народа Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, – милость Божия, а не человеческая условность, так что Самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры; а не выводится из внерелигиозных предпосылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу»²⁰.

То что «жизнь отданная за други своя», за царя есть подвиг во имя Родины-ярко свидетельствуют слова оптинского старца Анатолия (Потапова): «Судьба Царя - судьба России»²¹.

В том, что долг народа служить государю, и служение это – служение религиозное, подтверждает мысль высказанная В. В. Розановым: «Царская власть есть чудо. В Царской власти и через ее таинственный институт побеждено чуть ли не главное зло мира, которое никто не умел победить и никто его не умел избежать: злая воля, злое желание, злобная страсть. Злоумыслить что-нибудь на Царя и отказать ему в повиновении – ужасная вещь в отношении всей истории, всего будущего, тысячи лет вперед. Вот отчего истребление всяких врагов Государя и всякой вражды к Государю есть то же, что осушение болот, что лучшее обрабатывание земли...что дождь для хлеба. Никакого черного дня Государю, все дни его должны быть белы, – это коренная забота народа»²².

Поэтому этот подвиг веры во имя заповедей Божиих живет и будет жить в веках, и никому его не удастся умалить или бросить на него тень сомнения или положить на него печать забвения, потому что дела Божии, не дела человеческие. Хочется верить, что обретя еще одного небесного заступника, мы лишь подтвердим путь святости еще одного страстотерпца. От святости его, мы станем только еще богаче. Необходимо это для будущего нашего народа и Родины.

В заключении хочется привести слова русского писателя, затем принявшего монашеский постриг, архимандрита Константина (Зайцева), его мысли о будущем России : «Россия не просто «монархия», которую можно восстановить выдвиганием «легитимного» претендента на вакантный русский Престол... Самого Царя – кто создал? Церковь его создала! В этом – содержании всей Русской истории. И склонилась перед Царем Церковь как перед своим не только покровителем, но и служителем. Ею помазываемым на Царство и перед Нею свою «про-

грамму», неотменную и неизменную, возглашающим – Символ Веры. И перед каким Царем склонялась Церковь? Перед Тем, кто преемственно несет державное послушание Кесарево как Царь, возглавляющий Третий Рим!... вот что должно восстановиться! Россия покаянно возвратиться должна в Церковь!»²³

В этом ее будущее!

Примечания

¹ Стреляли и в М. Горбачева. 7 ноября 1990 г. во время торжественной демонстрации на Красной площади его пытался убить ленинградский слесарь Александр Шмонов. Злоумышленнику не дали произвести прицельный выстрел, о чем он до сих пор жалеет (Аргументы и факты. 2009. № 4. С. 18).

² Преподобный Савва Вышерский привел однажды на вече дикого медведя, жалуясь, что он растерзал двух рабочих коней монастырских. По суду посадников медведь был осужден работать вместо лошади и нес это наказание несколько лет (*Толстой М. В.* История Русской Церкви. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 288); Защищая обитель от врагов (Троице-Сергиеву лавру), великий чудотворец (преподобный Сергий) явился в чине Взбранного Воеводы... Он охранял и ободрял подвизающихся за Веру и Отечество, устрашал врагов и умножал свои чудеса, дабы, при умножении опасностей, не изнемогла надежда спасения (Там же. С. 488).

³ *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 733.

⁴ Великий Всероссийский праздник 300-летия Царствования Дома Романовых. Кострома : Изд-во «Ритгер», 1913. С. 21.

⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее СГГД). М., 1822. № 50. Ч. 3. С. 214–215.

⁶ СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 203.

⁷ *Самарянов В. А.* Памяти Ивана Сусанина за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. Рязань, 1884. Приложение № 1. С. 71–74.

⁸ Жалованные грамоты коробовским белопащцам. 1633 и 1644 гг. СГГД. Ч. 3. С. 333–335; *Воротной К.* Память // Молодой ленинец. 1978. 22 декаб.

⁹ Нападение польско-литовского отряда на Иаково-Железноборовский монастырь / Жалованная грамота Михаила Федоровича настоятелю Железно-Боровского монастыря, выданная 8 февр. 1614 г.; *Самарянов В. А.* Памяти Ивана Сусанина за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. Рязань, 1884. Приложение № 1. С. 71.

¹⁰ Новый летописец. Полн. собр. русских летописей (далее ПСРЛ). Спб., 1910. Т. 16. С. 129; Дворцовые разряды... Спб., 1850. Т. 1 Стб. 17; Разрядные книги 598–1638. М., 1974. С. 186–187.

¹¹ *Домнинский А.* Правда о Сусанине (свод местных преданий) // Русский Архив. 1871. № 2. С. 4, 8, 14; Г. П. Федотов писал: «Само по себе возвращение национального чувства в России, так долго его лишенной, так долго обреченной жить отбросами международной цивилизации, могло бы быть положительным явлением. Но пошлость, безбожие и бездушные монополисты государственной культуры отравил национальное чувство» (*Федотов Г. П.* Полное собрание статей : в 6 т. PARIS, 1988. Т. 4. С. 301).

¹² *Костомаров Н. И.* Иван Сусанин // Исторические монографии и исследования. Спб., 1903. Кн. 1. Т. 1; *Соловьев С. М.* История и современность // Наше время. 1862. 12 апр.; *Островский П. Ф.* Исторические записки о Костроме и ее святыне. Кострома, 1864. С. 58.

РАЗДЕЛ III

¹³ О канонизации Ивана Сусанина // Благовест. 1991. № 2 (12). С. 7.

¹⁴ Федоровская икона Божией Матери. Акафист. Сказание. Учебный комитет Русской Православной Церкви, 2003. С. 45.

¹⁵ *Виноградов Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914. С. 147–169.

¹⁶ *Алферьев Е. Е.* Император Николай II как человек сильной воли. Нью-Йорк : Джорданвилль, 1983. С. 134–135.

¹⁷ Там же. С. 66–67.

¹⁸ *Боцановский В., протоиерей.* Саровские торжества. Прославление мощей преподобного Серафима Саровского 19 июля (1 августа) 1903. Нью-Йорк : Джорданвилль, 1950. С. 15.

¹⁹ *Тальберг Н. К.* К роковой дате. Церковная деятельность Царя-Мученика // Православная жизнь. 1952. № 3.

²⁰ *Флоренский П. А.* Около Хомякова (критические заметки). Сергиев Посад, 1926. С. 26.

²¹ Жевахов воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Мюнхен. Т. 1. С. 333.

²² *Розанов В. В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. Спб., 1912. С. 86.

²³ *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 268.

Н. И. Рожкова

Институт Славяноведения РАН

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVII В. ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Россия с момента своего зарождения контактировала как со странами Востока, так и со странами Запада. Это и известные торговые пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы», это и династические браки русских князей, и многое другое. Контакты происходили на разных уровнях, в том числе и в культуре. Русское государство, в принципе, никогда не боялось заимствовать, по возможности лучшее, у Европы и Азии, и само делилось наработанным опытом.

Какими же путями проникали в Московскую Русь западноевропейская культура и просвещение в XVII в., тем более, что международная обстановка была как всегда на пределе?

В XVII в. существовало два пути проникновения западноевропейской культуры в Россию. Собственно, эти пути действовали и позже, в XVIII в.

1) прямой – через Швецию, Германию, Англию, Голландию; позже, кроме того, еще через Венецию и Францию;

2) косвенный – через Польшу и Польско-Литовскую Русь.

Национально-религиозный характер польских войн, борьба за Зарубежную Русь в XVII в. придали московско-польским отношениям значение защиты рус-

ской народности и русского православия от католичества, в том числе и на уровне просветительства и книгопечатания.

Проблема просвещения и книжного дела (в частности, и книгопечатания) была государственной проблемой, и практически все вопросы данной области интересов входили в круг забот царя, или иных государственных органов от имени царя. Об этом свидетельствуют даже названия документов, например: «Письмо киевского митрополита И. Борецкого царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету об отправлении в Россию иеромонаха Памвы Беринды для исправления церковных книг. 1624 г. сентябрь 1»¹, или «Письмо монахов киевского Богоявленского монастыря царю Михаилу Федоровичу о присылке икон, священнических одежд и богослужебных книг для монастырской церкви и об оказании помощи Греко-славянскому училищу в Киеве. 1640 г. января 29»². Или другой, более поздний пример: «Память из Посольского приказа в Монастырский приказ о предоставлении помещения киевлянину А. Сатановскому, приехавшему в Москву для перевода греческих книг. 1652 г. августа 13»³, где прописано «по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу...»⁴. Как пишет Поздеева И. В., один из составителей каталога кириллических изданий: «на основании [записей внутри тома, книги XVII в.] можно было бы составить карту книжных вкладов царя Михаила Федоровича, которые никогда не были случайны и объяснялись теми или другими государственными причинами»⁵. Эти же слова можно отнести и к царю Алексею Михайловичу. Тому свидетельство – «Память из Посольского приказа в приказ Большого прихода боярину И. Хованскому о выдаче печатных книг батуриному Никольско-Крутицкому монастырю. 1650 г. сентября 5»⁶. Причем это, по всей видимости, не была простая формальность визировать любые документы именем вышестоящего начальника. Вот как это доносит документ: «Лета 7159-го сентября в 5 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу боярину князю Ивану Никитичю Хованскому, да думному дворянину Богдану Федоровичю Нарбекову... пожаловал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси из Литвы города Батурина Никольского Крутицкого монастыря игумена Исихея з братьею велел им дати в монастырь книг печатных: Псалтырь с следованьем, Евангелие на престольное... А деньги, что дати за те книги торговым людем, указал государь взяти в Посольской приказ из Большого приходу, а заплатит за те книги по цене 21 рубль. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу боярину князю Ивану Никитичю, да думному дворянину Богдану Федоровичю учинить о том по государеву указу.

И те книги подписаны.

А подписка на тех книгах такова: Лета от создания мира 7159-го сентября 6-го дня великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец и многих государств государь и облаадатель пожаловал сию книгу Евангелие на престольное (или иноя которая) города Батурина в Никольской Крутицкой монастырь при игуменье Исихие з братьею»⁷.

На тот момент, с учетом непростой обстановки в отношениях России с Речью Посполитой, просветительские контакты с православной Польской Русью,

Украиной и Белоруссией носили не просто дипломатический характер по отношению к территориям сопредельного государства, а это была, в какой-то степени, дипломатическая война на фронте идеологии: с одной стороны – деятельность отцов-иезуитов, с другой стороны – миссионерская деятельность православного царя по отношению к своим единоверцам. Поле битвы в XVII в. как раз и стали восточные славянские земли Речи Посполитой. Причем, в качестве идеологического оружия выступало не только книжное дело, но и все искусство в целом, например: «Жалоба луцких православных шляхтичей и мещан на иезуитов, студентов и служителей луцкого иезуитского коллегиума за двукратное вооруженное нападение на Луцкий православный монастырь, разорение и ограбление монастырской церкви, школы, госпиталя и частных домов, убийства и избиение православных мещан и монахов. 1634 г. августа 11»⁸, (интересна следующая пометка в конце документа «Государю чтено»). Или «Челобитная монахов Густынского монастыря о присылке книг и оказании денежной помощи, ввиду бедственного положения монастыря и притеснений со стороны поляков»⁹, где старцы этого монастыря, обращаясь к «Божиею милостию пресветлому и богом венчанному православному государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю, многих царств и государств царю государю и всея великия Росии обладателю»¹⁰, пишут следующее:

«Милостивый государь царь, благодатель наш и создатель обители нашея Густынской! От давних времен превеликое твоего царского величества имя в наших недостойных иноческих молитвах незабвенно есть и будет хвалимо... Токмо, милостивый царю, припадая к подножию ног твоего царского величества престолу, мы, убогие старцы и всегдашне молитвенницы твои, с нижайшим покорением просим о милостине на соружение храма святыя живоначальные и неразделимыя троицы, юже начахом здати, а помощи и денег ниоткуда не имеем, понеже в нынешней Ляжской земле все непотребни суть: князи вельможные и паны, иноверными гонители святого благочестия обретошася, православия же отвергошася. Господь бог им судия! О книгах церковных твоего царского величества просим, крест, евангелие, кадельницу, потир, чашу на трисвятое, понагии, на престол покров и на завесы, ризы, стихарь, патрахель и прочая потребная обители святой молим и просим. Вся сия имели сами, но братия наша с собою взяша волю и всякой скот, и многа имения монастырская забраша, и пусту святую обитель оставиша. А деревни и мельницы, и всякое земляное угодье, и пашни к сеянию розных семян довольно быша на монастырскую нужу, князь Еремей Вишневецкой взял сия вся и не хошет дати; аже де мне дадите 1000 ефимков; для чего братия ваша изыдоша безо всякого изгону моего и много нам зла сотвориша.

Братия наша молит: милостивый царю, милосердствуй пожалуй, воздвигни обитель святую и изми от руки пленения вражия щедрою милостынею. Токмо на господя бога да на твое царское величество надежду имеем. Такожде и грамоты вашей царской проезжей просим, да невозбранно будем к твоему царскому величеству прибегать, яко до создателя святыя обители нашия.<...> А в нашей Ляжской земли всегда нестерпимая налога и теснота всяким мирским людом. Нынешняго году на сейме установлено 7 податей, подымное вдвое...»¹¹. В том же духе написано «Письмо монахов киевского Богоявленского монастыря царю Михаилу»

лу Федоровичу о присылке икон, священнических одежд и богослужебных книг для монастырской церкви и об оказании помощи Греко-славянскому училищу в Киеве. 1640 г. января 29»¹².

Надо сказать, что, наверно, и в XVII в. были потребности, что называется, в «искусстве для искусства», но, все равно, подоплека была политическая. Например, «Грамота из Посольского приказа путивльским воеводам Ф. Хилкову и П. Протасьеву о приглашении из Киева в Москву резца Антония и иконописца Варлаама. 1652 г. сентября 17»¹³. Текст этой грамоты такой: «Ведомо нам учинилось, что есть в Киевском Печерском монастыре иконописец старец Варлам да сницер, или резец, старец Антоний. А нам они к церковному делу надобны. И как к вам ся наша грамота придет, и ты б, окольников наш и воевода князь Федор Ондреевич, отписал от себя киевского Печерского монастыря к архимариту: ведомо нам, великому государю, учинилося, что есть в Киевском Печерском монастыре иконописец старец Варлам да сницер старец Антоний. А нам, великому государю, они к царскому делу на время надобны. И он бы, архимарит, нам, великому государю, послужил, тех старцев иконописца и сницера для церковного дела к нам, великому государю, прислал на время. А как они похотят ехать назад в Печерской монастырь, и их, пожаловав нашим жалованьем, смотря по их работе, отпустить велим со всеми их животы тотчас, а задержанья им никакова не будет. И он бы, архимарит, для церковного строенья к нам, великому государю, тех старцов прислал к Москве. Да как архимарит тех старцов в Путивль пришлет, и вы б, дав им в дорогу корм, и подводы, и пристава, отпустили их к нам к Москве тотчас»¹⁴. Кстати, никаких подводных камней нет в том факте, что мастера «въезжают» в Россию через Посольский приказ (то же самое, что и мы все передвижения за границу и домой осуществляем через ОВИР): «А на Москве велели с ними явитца в Посольском приказе диаком нашим, думному Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову»¹⁵.

Примером тому, что книжное дело – это категория политическая, служит, смеем предположить, тот факт, что во всех документах рассматриваемых нами источников фигурируют книги религиозного характера, только 2-3 книги – светские. Да, действительно, наше государство в XVII в. было, так скажем, духовное государство, а процессы секуляризации (обмиршения) культуры еще только начинались, и если русское общество уже стало задаваться, казалось бы, бесспорными вопросами догм православия, то литература, в основе своей, продолжала оставаться глубоко православной. Тем ни менее, Г. Вернадский в книге «Московское царство»¹⁶ утверждает, что светские повести стали появляться еще в XVI в., а к XVII в. были в России в очень большом количестве. На тот момент война между Польшей и Россией в сознании большинства простых людей была войной за веру. В трехтомнике «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы» представлен путь книги из России на Украину в качестве гуманитарной помощи терпящим произвол от католиков и униатов. Этот путь опосредованно доказывают И. В. Поздеева и другие в своей книге «Кириллические издания. XVI – 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку МГУ». Почти все книги, представленные в данном каталоге, найдены на территории бывшей УССР, БССР, МССР или в

РАЗДЕЛ III

сопредельных российских областях, а если были находки старых книг с какими-либо западнорусскими записями или из западнорусской типографии, то эти книги хранились у старообрядцев и попали на Север вместе с хозяевами, например: «2Pa283. Миния служебная. Сентябрь. – М.: печ. Иван Андроников Невежин, 31.12.1607 (01.06.7115– 31.12.7116). Василий; Гермоген.

№ 85. Инн. 3033-10-75. Записи. <...> На листах оттиск печати: «Советь Киевской общины старообрядцевъ приемлющих священство Белокриницкой іерархии». По л. 3–37 западнорусским полууставом: «[Сию книгу] ц<е>ркви б<о>жеи потрібную положил і надаль ку храмоу ц<е>ркви с<вя>т<о>го прор<о>ка Ілии мешчанин бялыницькіи Оникей Таренісовичъ ні за которую то Мънею золотых десяти полских дал за державы г<осу>д<а>ря великого короля полского Владыслава Четвертог[о] [с]ына короля Жигмунта Третего и за державы тое маєтности места Бялыничъ п<а>на Дедичного Его м<и>л<о>сти п<а>на Казімера Лєвновіча Сапєги пісара ... старосты городенского, волпенского и любошанского. Дъялося в Бялыничах рокоу 1634 м<е>с<я>ца апрєля 27 дня». Получена в 1974 г. в г. Винница УССР, в общине старообрядческой белокриницкой церкви»¹⁷.

Или пример другого движения книги: «50h443. Иоанн златоуст. Беседы на 14 посланий ап. Павла. – Киев: тип. Лавры, печ. Тимофей Александрович Вербицкий, Стефан Берында и Тимофей Петрович, 02.04.1623 (26.03.7129–02.04.7131).

№ 146. Инв. 5910-4-82. <...> Записи. На обклейке верхней крышки поздним полууставом название главы «О вкушении с торжища» с указанием столбцов (смыто). На припереплетном листе в начале книги: «Сия книга Соли Вычегод<с>кои купца Петра Иванова Заякина куплена в (!) ыркуцкого у яренчанина Игнатия Никитина Варыгина (?) сего 1755 году 14 марта». На обороте того же листа другим почерком: «Сия книга БЪСЪды куплена Соліи Вычегоцкой у купца Петра Заякина Иваномъ Слезіінымъ в Ыркуцке 1765 году декабрия 1 дня». Получена в 1983 г. в с. Кунича Каменского р-на МССР от Ф.К.Макарова, прихожанина белокриницкой церкви»¹⁸. И другие примеры.

Что же касается просветительского движения с Запада на Восток, то, помимо примера, представленного выше, можно попытаться найти в трехтомнике «Воссоединение Украины с Россией» документальное свидетельство этому.

При работе с имеющимися документами можно сделать следующий вывод: если из России в Польскую Русь шли книги и церковная утварь, то в Россию шли мастера, как по собственному желанию, так и «выписанные». Тому пример – «Грамота из Посольского приказа киевскому митрополиту С. Косову о присылке в Москву ученых иеромонахов А. Сатановского и Д. Птицкого для проверки перевода Библии с греческого языка на славянский. 1649 г. мая 14»¹⁹, где написано следующее: «Ведомо нам великому государю нашему царскому величеству учинилося, что учителя священноиноки Арсений да Дамаскин Птицкий божественнаго писания ведущи и еллинскому языку навичны, и с еллинского языка на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны. <...> А ныне мы, великий государь паше царское величество, велели о том к тебе послати нашу царского величества грамоту: и вам бы, митрополиту, нам, великому государю, послужить и нашего царского жалованья к себе поискать, в тех

учителей приговорити и прислати к нам, великому государю, к нашему царскому величеству для справки библеи греческие на словенскую речь, на время нам, великому государю, послужити. <...> Писан в государства нашего дворе, в царствующем граде Москве, лета от создания миру 7157-го месяца мая 14-го дня»²⁰.

Опять же в приведенном примере речь идет о религиозных канонических книгах. Это же касается иконописи, музыки или прикладного искусства (см. приведенный ранее в работе текст «Грамота из Посольского приказа путивльским воеводам Ф. Хилкову и П. Протасьеву о приглашении из Киева в Москву резца Антония и иконописца Варлаама. 1652 г. сентября 17» или «Доклад, составленный в Посольском приказе о жалованье, выданном для содержания приехавших с Украины в Москву переводчиков, переписчиков и «спеваков». 1652 г. мая 25»)²¹.

Как видно из примеров по второму пункту данной главы, основная тематика книг, предметов и явлений просвещения и искусства, пришедших к нам с Польской Украины и Литовской Белоруссии или получаемых там из России, так или иначе, связана в вопросами веры и религии – вопросами, очень остро стоящими как перед русским обществом, так и перед польско-украинским (литовско-белорусским). Это был вопрос самоидентификации. С этим, кстати, связано появление в первых учебных заведениях уже в XVII в. такой формы беседы – выявления позиций, как диспут (первоначально, по вопросам веры). Возможно, возникнет вопрос о том, что здесь были представлены примеры не столько русско-польского взаимодействия, сколько русско-украинских контактов. Возразить по этому поводу можно следующим образом: Украина (или Белоруссия) в XVII в. была частью Речи Посполитой. Будучи православной территорией, так же как Россия, она оказалась в состоянии буфера между двух государств, двух религий (православие, католицизм и их разновидности), а по сути – двух цивилизаций (Восток – Запад); поэтому-то и вполне уместно говорить о русско-украинских контактах как примере русско-польских взаимоотношений.

Примечания

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 48.

² Там же. С. 299.

³ Там же. Т. 3. С. 228.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания. XVI – 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку МГУ. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 11.

⁶ Воссоединение... Т. 1. С. 48.

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Там же. Т. 3. С. 228.

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 228 – 229.

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 343.

¹³ Воссоединение... Т. 3. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 233–234.

¹⁵ Там же. С. 234.

¹⁶ Вернадский Г. В. Московское царство : в 2 ч. Тверь : ЛЕАН ; М. : АГРАФ, 2001.

¹⁷ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания... С. 90–92.

¹⁸ Там же. С. 136–138.

¹⁹ Воссоединение... Т. 2. С. 197.

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Воссоединение... Т. 3. С. 217–218.

О. В. Горохова

*Военная академия радиационной,
химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко*

КНИЖНЫЕ ПОДНОШЕНИЯ КОСТРОМИЧЕЙ ВЫСОЧАЙШИМ ОСОБАМ

Книгообмен между костромичами и Романовыми осуществлялся на протяжении всех трех столетий их царствования, но если книжные вклады Романовых в костромские церкви и монастыри, как уже сообщалось¹, являлись традиционными и ограничивались богослужебной литературой, то книжные подношения костромичей отличались разнообразием и оригинальностью.

Как, например, «Потешная книга» для царевича Петра Алексеевича, над оформлением которой в 1673 году трудились такие известные костромские изографы и впоследствии участники росписи Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря, как Аксен Ионин, Василий Козьмин и Артемий Тимофеев². Или ставшая литературным памятником челобитная царю Федору Алексеевичу, поданная тремя годами позднее уроженцем села Спас-Верховье Селецкой волости Костромского уезда Василием Васильевичем Полозовым с описанием своих двадцатилетних злоключений в турецком плену и паломничества на Святую Землю³. На челобитную была наложена такая резолюция: «Велено вышеписанному челобитчику за его службу и за многое его полное терпение выдать государева жалования тысяча»⁴.

В дальнейшем гостями Костромского края и адресатами подношений были:

15 мая 1767 года в Костроме императрица Екатерина II – «четверо из воспитанников Костромской Семинарии имели счастье приветствовать Августейшую Покровительницу отечественного просвещения речами, на языках классических и отечественном, по окончании коих были допущены к руке Государыни; Преосвященный поднес Императрице образ и богословские опыты юных питомцев Костромской Семинарии»⁵;

9 октября 1834 года в Кинешме император Николай I - «Взгляд на историю Костромы» князь Александр Дмитриевич Козловский поднес в рукописи Государю Императору в проезд его в 1834 г. через Кинешму»⁶;

13 мая 1837 года в Нерехте наследник-цесаревич Александр Николаевич –

«законоучитель училища, священник М. Диев имел счастье представить Государю Наследнику рукопись: Историю Новгородских владык, с археологическими замечаниями, и удостоился получить подарок от Его Высочества – золотые часы, за свое сочинение»⁷;

29 июня 1863 года в Костроме наследник-цесаревич Николай Александрович – фотоальбома⁸ от Николая Ефимовича Бранденбурга (1839–1903)⁹.

И высочайшие особы в долгу не оставались. В 1860 году костромской писатель и книгоиздатель Павел Иванович Андроников (1835–1888) за книгу «Император Александр II в Костромской стороне»¹⁰ удостоился от заглавного героя бриллиантового перстня¹¹. Эту традиционную награду ранее получили также уроженец села Матвеевского Кинешемского уезда Николай Федорович Грамматин (1786–1827) за перевод «Суда Любуши»¹² в 1823 году¹³, уроженец посада Большие Соли Костромского уезда Василий Иванович Назанский (1798–1877) за «Краткое руководство к познанию правил для производства следственных и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное»¹⁴ в 1833 году¹⁵ и уроженец усадьбы Пчелкино Костромского уезда Александр Николаевич Бутаков (1779–1845) за «Словарь морских слов и речений»¹⁶ в 1837 году¹⁷, а впоследствии – Александр Николаевич Островский (1823–1886) за пьесу «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»¹⁸ в 1862 году¹⁹, Петр Алексеевич Илинский (1837–1907) за очерк «Русская женщина в войну 1877–78 гг.»²⁰ в 1879 году²¹, Михаил Иванович Горчаков (1838–1910) за монографию «О тайне супружества»²² в 1884 году²³.

Одной тысячи рублей в 1862 году за рукописный дневник путешествия по Волге, опубликованный лишь столетие спустя²⁴, удостоились уроженцы города Луха Юрьевецкого уезда художники Григорий Григорьевич (1802–1865) и Никанор Григорьевич (1805–1879) Чернецовы²⁵, а действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии Николай Михайлович Бекаревич (1861–1905) в 1896 году за два фотографических альбома с 35 видами села Домнина и его окрестностей – высочайшей благодарности²⁶.

В 1913 году из Костромы семья последнего российского самодержца подано увезла целую библиотеку из 10 научных монографий и 7 альбомов, подаренных костромичами. В частности, «при входе в зал собраний Романовского музея почетный член Костромской губернской ученой архивной комиссии, член Государственного Совета статс-секретарь А.Н. Куломзин имел счастье поднести Его Императорскому Величеству Государю Императору составленные под редакцией его и сотрудника Императорской Археологической комиссии М. Г. Курдюмова и изданные на его средства две книги – «Архив сельца Зиновьева. Акты и письма» и «Архив сельца Корнилова. Документы по землевладению в XVII столетии в одном из уголков Костромской губернии».

В самом зале собраний Романовского музея Его Императорскому Величеству имели счастье поднести свои труды члены совета Костромской губернской ученой архивной комиссии: Л. П. Скворцов – «Материалы для истории города Костромы» и Н. Н. Виноградов – «Род бояр Романовых в его отношениях к Костромской стороне», «Потомки Сусанина» и «Сказание о спасении царя Михаила Феодоровича Романова от руки поляков». «Материалы для истории города Костромы» были поднесены автором также и Наследнику Це-

саревичу и Великим Княжнам»²⁷. Затем в Анастасиинем Богоявленском монастыре «Ея Императорскому Величеству поднесены были: 1/ Святое Евангелие, в большой лист, обложенное шитой золотом «в пришивку» материей ... 6/ «Описание Богоявленскаго Анастасиина монастыря» с видами, отпечатанное на слоновой бумаге, в богатом парчевом переплете»²⁸ председателя совета Костромского церковно-исторического общества Ивана Васильевича Баженова (1854–1920) и наконец императору на юбилейной губернской земской выставке²⁹ – очерк «Беяна»³⁰ выпускником Лесного института Владимиром Николаевичем Верховским (1874–1943)³¹, а «депутация от Дирекции народных училищ Костромской губернии, во главе с директором народных училищ, действительным статским советником И. П. Виноградовым, имела счастье поднести Ею Императорскому Величеству Государю Императору «Краткий очерк развития народного образования в Костромской губернии». Книга эта была написана специально к знаменательным дням юбилея трехсотлетия благополучного царствования Дома Романовых»³².

О дальнейшей судьбе этих книг можно только догадываться, учитывая, что последний император свою последнюю книгу прочитал еще кадетом. Он и культурную программу в Костроме оценил двумя словами: «Интересно, но утомительно»³³.

Примечания

¹ *Горохова О. В.* Книжные вклады Романовых в Костромском крае // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 3. С. 3–5.

² *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910. С. 133, 143, 271–272.

³ *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 36.

⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 534.

⁵ *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующаго императорскаго Дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 33.

⁶ *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 24.

⁷ *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующаго императорскаго Дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 85.

⁸ Фотографический альбом видов, поднесенный Ею Высочеству Бранденбург // Костромские губернские ведомости. 1863. № 28. Ч. н. С. 200.

⁹ Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 80.

¹⁰ *Андроников П. И.* Император Александр II в Костромской стороне. Кострома, 1858.

¹¹ Волжский вестник (Казань). 1888. № 305.

¹² *Грамматин Н. Ф.* Суд Любуши, древнее чешское стихотворение. М., 1823.

¹³ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 7. С. 435–436; Русская энциклопедия. СПб., б. г. Т. 6. С. 218; Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 9 а. С. 529; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографи-

ческого словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 17–18.

¹⁴ *Назанский В. И.* Краткое руководство к познанию правил для производства следственных и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное. Спб., 1832. Ч. 1–2.

¹⁵ Русский биографический словарь. Спб., 1914. Т. 14. С. 38.

¹⁶ *Бутаков А. Н.* Словарь морских слов и речений, с английского на французский и русский языки. Спб., 1837.

¹⁷ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. 2-е изд. Спб., 1903. Т. 4. С. 130; Русская энциклопедия. Спб., б. г. Т. 3. С. 360–361.

¹⁸ *Островский А. Н.* Козьма Захарыч Минин, Сухорук // Современник. 1862. № 1. С. 5-130; отд. отт.

¹⁹ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. 2-е изд. Спб., 1903. Т. 14. С. 532–533; Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Спб., 1897. Т. 12. С. 353.

²⁰ *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877–1878 гг. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. Спб., 1879.

²¹ Новый энциклопедический словарь. Спб., б. г. Т. 19. Стб. 220; Русская энциклопедия. Спб., б. г. Т. 8. С. 427.

²² *Горчаков М. И.* О тайне супружества. Исследование 50 главы печатной Кормчей книги. Спб., 1880.

²³ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. 2-е изд. Спб., 1903. Т. 7. С. 326–327; Русская энциклопедия. Спб., б. г. Т. 6. С. 136–137; Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Спб., 1893. Т. 9. С. 345.

²⁴ Путешествие по Волге. М., 1970.

²⁵ Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т. 22. С. 228–229.

²⁶ Костромские губернские ведомости. 1896. № 14. Ч. н. С. 4.

²⁷ *Виноградов Н. Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914. С. 85.

²⁸ Там же. С. 175–176.

²⁹ Там же. С. 193.

³⁰ Беяна. Спб., 1911.

³¹ *Мерковский В. Г.* Костромские дворяне Верховские. М., 2000. С. 73–74.

³² *Виноградов Н. Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914. С. 195.

³³ Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 401.

Л. И. Сизинцева
*Костромской историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

ЕКАТЕРИНА II В КОСТРОМЕ: У ИСТОКОВ ОБРАЗА

Остается пять лет до празднования 400-летия Дома Романовых, что неизбежно должно актуализовать имперскую тематику в Костроме. Логично было бы вспомнить о событии, многое определившем в формировании образа города, стоявшего у истоков династии.

Однако, вернемся к началу. 12 октября 1619 г. Михаил Федорович, первый государь из рода Романовых, оставил костромские пределы и отправился в Ярославль¹. После того лишь его внуки, Федор Алексеевич с братьями Иоанном и Петром, побывали в Нерехте в 1678 г., но событие это не получило значительного резонанса. Лишь нерехтский историк о. Михаил Диев об этом бегло упомянул в связи с историей одного из городских монастырей: «остановились в Нерехте, в доме Нестора Трескина. Посещали не один раз Сретенский монастырь, Государь приказал на построение там каменной церкви и другия надобности дать довольное число денег, а из казны ежегодно выдавать монахиням летний урок, который чрез несколько годов и выдавали каждой монахине, но по скольку – неизвестно. Шестилетний же Царевич Петр Алексеевич тогда дал в этот же монастырь вклад на престольное Евангелие, покрытое зеленым Бархатом, с серебряными и вызолоченными Евангелистами»². Описано скромное локальное событие, сохранившееся в памяти нерехчан, напоминанием о котором служила вложенная книга. Настольное скромное и локальное, что даже священник Евтихий Вознесенский, «вспоминая» в 1859 г. «о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии», об этом посещении забыл.

В течение первой половины XVIII столетия династия продолжала жить своей жизнью, не вспоминая ни о Нерехте, ни о Костроме, которая оставалась одним из многих провинциальных городов Российской империи. Перелом обозначился лишь в 1767 году, когда состоялось путешествие Екатерины II по Волге. Оно готовилось в сложной ситуации противоречия между способом восшествия императрицы на престол в нарушение всех существовавших тогда норм – и ее желанием утвердить «законную монархию». По справедливому замечанию Г. В. Ибнеевой, «путешествие коронованной особы всегда содержит элемент символического утверждения власти императора над определенной территорией. В путешествии 1767 г. по Волге вчерашней немецкой принцессе было важно самоутвердиться как *русской* царице и *российской* императрице»³.

2 мая 1767 г. Екатерина Алексеевна и ее многочисленная свита отплыли из Твери. Специально для этого были построены четыре галеры – «Тверь», «Волга», «Ярославль» и «Казань»⁴. Названия были выбраны не случайно – первый и последний города путешествия, название великой реки и старейший из русских волжских городов, который предстояло миновать. Путешествие завершилось в Сим-

бирске 5 июня, а оттуда через десять дней на лошадях все возвратились в Москву – «старую» российскую столицу.

Флотилия останавливалась не только во всех лежавших по пути городах, но и в некоторых селениях и усадьбах. Все было продумано, насыщено знаками и символами. Г.В. Ибнеева даже высказала предположение, что «церемониал был продуман и санкционирован петербургской администрацией», настолько все воспроизводилось снова и снова. Она перечисляла составляющие сценария: «толпы счастливых наряженных подданных, гирлянды цветов, бросаемых под ноги государыне, роскошные триумфальные арки (они строились даже на небольших пристанях, куда императрица могла и не захватить). В некоторых местах, где галеры в обеденное время бросали якорь, плавали лодки, с которых местное население картинно ловило рыбу»⁵.

Границу Костромской губернии флотилия пересекла утром 14 мая, а в Кострому прибыла вечером того же дня, а уже 17 мая, в день Вознесения Господня, императрица посетила усадьбу Борщовка на правом берегу реки и покинула пределы губернии. Что и откуда знаем мы об этих днях, каково их значение для дальнейшей жизни края?

Наиболее ранние из известных памятников костромского историописания второй половины XVIII столетия в разной степени отражают события 1767 г.

Едва ли не наиболее раннее из них, «История Костромской Иерархии», родившаяся в недрах костромской духовной семинарии и законченная осенью 1773 г., упоминает о высочайшем путешествии лишь в связи со строительством Екатерининских ворот Ипатьевского монастыря, служившего в ту пору архиерейской резиденцией. Автор⁶ пишет: «В 1767^м году на прибытие ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, когда она по Волге реке к городу Казани проежжать изволила, построены от проежжей мимо дому архиерейского Ярославской дороге в домовою оградной стене ворота, которыми шествовать ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО в дом архиерейской изволила. На них фронтон каменной, подмазаны с обеих сторон алебастром и украшены клеймами и штуками разными с иконописным в оных Пресвятыя Троицы и некоторых святых изображением. В самых воротах затворы деревянные столярной работы и выкрашены, а на них крышка деревянная»⁷. Прозаические подробности начисто лишены всяких попыток осознать значение события.

Почти в то же самое время, около 1776 г. работает над первой светской историей Костромы Н.С. Сумароков⁸. Уже первый, краткий вариант его неопубликованного труда содержит подробнейшее описание приема императрицы в Костроме⁹, с некоторой правкой перенесенное и в позднюю редакцию¹⁰. В качестве источника информации автор ссылается на прибавления к газете «Московские ведомости» за 1767 г. (№42), где опубликована речь надворного советника Золотухина. Также из обмолвки явствует, что он планировал в качестве приложения поместить некий журнал¹¹, но в последующем варианте от этого отказался¹².

Между тем рассказ изобилует подробностями, которые могли быть известны лишь очевидцу¹³. Вторая версия текста тщательно отредактирована, повторы и лишние подробности удалены. В обоих случаях рассказ Н.С. Сумарокова отли-

РАЗДЕЛ III

чается попытками придать изложению образность, которая позволяет передать чувства участников событий. Так, говоря о людях, вышедших на лодках от Костромы навстречу приближающейся флотилии, пишет: «На лицах всех ехавших начертано было сердечное восхищение, лотки, окружая галеру Тверь, представляли виду живое изображение пчельного роя, окружающего матку свою. Находящийся во оных народ, увидя в окне галеры мать и государыню, своим тихим произношением молитв уподоблялся журчанию тех же пчел»¹⁴. Сравнение подчеркивает природную безусловность связи народа и императрицы, залог ее неразрывности.

Тема переключки двух эпох, 1613 и 1767 годов (между ними 144 года), появляется у Н.С. Сумарокова в рассказе о Божественной литургии, отслуженной в Троицком соборе Ипатьевского монастыря. «Примечания паче всего достойно то, – отмечал он, – что будто и все на свете истребляющее время, предвидя подвиги толь великой монархини, попечительно старалось сберечь для принятия Ея то самое царское место, на котором в прекращение терзавших Россию злополучий и возстановления ея славы и блаженства избран и возведен на престол благочестивый царь Михайло Феодорович. Тогда на сем щасливом хитрою резьбою украшенном месте видела Кострома приемлющаго державу и обновления силу России изнемогшия России кроткого государя, и теперь еще к большей радости на сем же, древностию и бытием тем Отечеству любезным освященном месте, видим его правнуку, милосердную свою императрицу, носящую державу и утверждающую премудрыми законами, трудными путешествиями и неутомленным попечением на бесконечные веки благоденствие России»¹⁵.

Эта же тема возникла в единственной речи, приведенной в сумароковском варианте изложения событий, – речи костромского помещика и депутата Уложенной комиссии А. И. Бибикова. Он, между прочим, говорил: «Преславное и знаменитое время здешней стране и граду: в Костроме всевышнему промыслу судилось возвесть на всероссийский престол вечно прославленного достойного государя царя Михаила Феодоровича, пра прадеда ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, и тем спасти и избавить многими мятежами колеблющую Россию от всеконечнаго ея разрушения»¹⁶.

И так, Кострома – не просто один из старинных волжских городов, она – место, где некогда прекратилась смута, и где теперь молодая императрица, («праправнучка» Михаила Федоровича!) снова готова принести стране мир и стабильность. И снова, как в 1613 г. – «Здешнее дворянство, сей город и вся сия страна приносят Вашему Императорскому величеству верноподданническое усердие, благодарные сердца и непоколебимую верность»¹⁷.

Два момента «нечувствительно» соединились в этом утверждении: и город – знаковый для истории государства, и нынешняя гостя – не просто одна из немецких принцесс, чье восшествие на российский престол весьма и весьма сомнительно. Пусть не по крови, но по миссии она – «праправнучка» первого Романова. Именно надежды на это, а не что-либо еще – источник всеобщего ликования, в котором участвуют все сословия.

Это единение различных социальных слоев неоднократно не только отмечено, но и подчеркнуто. Не только «господин предводитель и депутат»,

вкупе с дворянством всего уезда, но и «гражданские головы», и духовенство, как белое, так и черное, и семинаристы, поющие специально к этому случаю сочиненные канты и произносившие речи на древних языках, и жители Татарской слободы. Азовский полк приветствует императрицу «обыкновенным уклонением знамен, музыкою и барабанным боем». Купечество, которое выполняет непривычную для себя функцию сопровождения императрицы при переездах по городу, представляет и Кострому и Нерехту. Представлены женщины и дети. Одним из самых трогательных эпизодов стала встреча императрицы, спускавшейся от Успенского собора, девочками в пастушеских платьях. И, наконец, «бесчисленное множество народа, по обоим берегам реки стоявшего», чье «всенародное восклицание» заглушало звук пушек и колоколов...

Разумеется, такое единение царило не только в Костроме. «Екатерина писала с дороги, что даже «иноплеменников», т. е. дипломатический корпус, ее сопровождавший, не раз прошибали слезы при виде народной радости, с какой ее встречали, а в Костроме граф Чернышев весь парадный обед проплакал, расстроганный «благочинным и ласковым обхождением» местного дворянства»¹⁸, – отмечал В.О. Ключевский и объяснял потоки слез так: «Плакали от радости при мысли, что бироновское прошлое уже не вернется; никогда, кажется, не было пролито в России столько радостных политических слез, как в первые годы царствования Екатерины II»¹⁹.

Обед, в ходе которого изливал свои «потоки слез» граф Чернышев, описан очень подробно. Он был дан костромским дворянством в архиерейских покоях, построенных в Ипатьевском монастыре. Стол был накрыт «на сорок кувертов», а «великолепный десерт в аллегорических изображениях представлял добродетели и бессмертные дела Ея Величества и искренность и верноподданническую любовь усерднаго костромскаго дворянства»²⁰. Знаковым был и тот факт, что «при столе носили и ставили пред Ея Величества кушанье костромские дворяня, а за стулом служили две девицы, знатнейшия и благовоспитанныя дворянския дочери»²¹.

Все было исполнено смысла: «Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравие зачали пить при пушечной пальбе предводитель и депутат, став против Ея Величества со всем дворянством на колени, принося тем и самыя горячия сердца своя в залог непрестаннаго ко всевышнему о продолжении ея лет моления. Всемилостивейшая Государыня, повелев им встать, изволив в знак отменнаго своего благоволения зачать кушать их здоровье, с пушечною из 31-го орудия пальбою и в продолжении стола играла придворная музыка, и таковой был при сем торжестве похвальной порядок, каковаго от почтеннаго сея правинции депутата ожидать долженствовало»²².

Именно там выяснилось, что Кострома не имеет исторического герба – слишком недолго была она самостоятельным удельным княжеством. Тут же герб был придуман и пожертвован, 21 октября того же года он был утвержден, а 7 ноября костромичи получили уже «Изъяснение на герб города Костромы»: «По имянному Ея Императорскаго Величества указу, объявленному в правительствующем сенате его сиятельством генерал-прокурором и кавалером князь Александр Алексеевичем Вяземским повелено городу Костроме и его уезду

сочинять по приличеству вновь герб, а как Ея Императорское Величество в нынешнем 1767 году во время для высочайшего своего утверждения благополучия нашего от Твари до Казани по реке Волге на построенной нарочно для того галере предпринятого путешествия между протчими городами по реке Волге лежащими, и город Кострому высочайшим своим присутствием и посещением всемилостивейше удостоить соизволила, того для в память сего по реке Волге путешествия и представляется в сем гербе в голубом поле галера под императорским штандартом на гребле плывущая по реке, натуральными цветами изображенная»²³. Дарованный герб еще раз подтверждал личную связь «внуки Михаила Феодоровича» с этим городом. Это был знак – помнит, ценит.

Вечером же того знаменательного для костромичей дня, 15 мая 1767 г. на правом берегу Волги, не входившем в ту пору в городскую черту, светился вензель: «На нагорной стороне против галеры зажены были иллюминации, представляющая вензелевое Ея Величества под императорскою короною имя, и весь город и монастырь во всю ночь иллюминированы были»²⁴.

В конце повествования Н. С. Сумароков поместил подробное описание аллегорических изображений, украшавших триумфальные ворота. Среди скульптур, изображавших Благочестие и Милосердие, а также императрицу в виде богини плодородия Цереры в колеснице, можно было видеть еще две фигуры, выразившие основные образы взаимоотношений государыни с костромичами. То была «Курица, к которой прибегают со всех сторон цыплята с надписью: “матерь свою познавают”» и сама Кострома «в виде женщины в долгой одежде с распущенными волосами и имеющая на голове зубчатой венец, которая, припадая одним коленом на землю, подает сидящей в колеснице правую рукою горящее сердце, а левою показывает на упражнение молодых гениусов, из которых один вяжет из колосов сноп, а другой собирает земные плоды и кладет в корзину, третий держит в руке челнок, играя нитяным клубком, четвертый, указывая на поставленную кипу, которая назначена ко отправлению в путь»²⁵.

Фактическое пребывание Екатерины II в Костроме продолжалось всего лишь день, 15 мая 1767 года. Н.С. Сумароков считает необходимым начать изложение событий с получения известия о ее возможном приезде и отправки 10 мая депутации в Ярославль, заканчивает рассказом о молебне в Успенском соборе о здравии и долгоденствии императрицы 18 мая, закончившемся обедом в воеводском доме – «Таким образом сие достопамятное навеки для здешняго городе торжество окончилось»²⁶.

Между тем необходимо помнить, что рассказ Н.С. Сумарокова – лишь часть исторического сочинения, и в этом смысле можно предположить известную обработку впечатлений самовидца, подчинение их общему замыслу. Наряду с этим известны две публикации дневникового характера. Одна из них, появившаяся в «Русском вестнике» в 1810 г., была представлена как «статья», представленная Анной Николаевной Протасьевой с замечанием: «Сей отрывок почерпнут мною из записок моего родителя, хранящихся в его библиотеке. Родитель мой описывал сие происшествие как самовидец»²⁷. Вопреки этому утверждению текст является кратким пересказом фрагмента «Истории» Н.С. Сумарокова, на что указывают многочисленные текстовые совпадения.

Гораздо больший интерес представляет второй журнал. Он впервые увидел свет в 1837 г., а совсем недавно в Государственном архиве Костромской области был найден список и опубликован Л. А. Поросятковской в журнале «Губернский дом»²⁸. Совершенно справедливо, вслед за Е. Вознесенским, публикатор указывает на Родиона Зузина, упомянутого в тексте в третьем лице, как на автора дневника. Можно предположить, что это и был «некий журнал», который полагал поместить в своей рукописи Н.С. Сумароков. Текст позволяет за общей канвой, в основных чертах совпадающей с повествованием историка, увидеть людей, поскольку поименованы почти все участники событий, добавляет многочисленные подробности. Вместе с тем журнал подтверждает выводы, сделанные на основе рукописей первого историка Костромы о том, что приезд императрицы в 1767 г. стал поводом для напоминания представительнице правящей династии об особой роли города в утверждении семьи Романовых на престоле. Тем самым было положено начало формирования образа Костромы как «колыбели Дома Романовых», во многом определившего самосознание костромичей на последующие столетия.

Примечания

¹ *Вознесенский Е. П., свящ.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего Императорского Дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома : Типография Андроникова, 1859. С. 7.

² *Диев М. Я.* История Города Нерехты [рукопись] // Государственное учреждение культуры «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (далее – КГИАХМЗ). КМЗ КОК 24761, л. 44.

³ *Ибнеева Г.* Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г. // *Философский век: Европейская идентичность и российская ментальность* : альманах-16. СПб., 2001. С. 88.

⁴ См.: *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. 2-е изд. М. : МГИ им. Е. П. Дашковой, 2008.

⁵ *Ибнеева Г.* Указ. соч. С. 89–90.

⁶ М. Я. Диев в разных случаях считает автором этого труда выпускников семинарии – то Егора Назанского (*Титов А.* Материалы для био-библиографического словаря. М., 1892. С. 29), то Иоанна Красовского (Российская национальная библиотека, о. р., Тит 4013, л. 18).

⁷ История Костромской Иерархии // КГИАХМЗ. КМЗ КОК 24830, л. 10.

⁸ *Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография XVIII века. М., 1998. С. 115–117.

⁹ *Сумароков Н. С.* Краткое историческое известие о городе Костроме, собранное из разных древних летописей и исторических книг [рукописная копия] // Государственное учреждение культуры «Российский этнографический музей» (далее РЭМ), архив, ф. 2, оп. 2, д. 78. л.л. 19 об.–25. (Копия выполнена В. И. Смирновым в 1920-х гг.)

¹⁰ История о первоначалии и происшедствиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумороковым [рукопись] // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА), ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 79 об. – 87. Опубликовано: «...высоким своим присутствием удостоить благоволила...» // *Губернский дом (Кострома)*. 1998. № 5–6. С. 62–65.

РАЗДЕЛ III

¹¹ РЭМ, архив, ф. 2, оп. 2, д. 78, л. 19 об.

¹² РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 79 об.

¹³ Его имя упоминается в числе участников событий и другими источниками – см.: Журнал о высочайшем путешествии Ея Императорского Величества императрицы Екатерины II-й от Ярославля до Костромы, 1767 года // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 26. № 10. С. 151.

¹⁴ Там же; см. также: РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 80 – 80 об.

¹⁵ Там же, л. 21 об.; РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 81 об.

¹⁶ РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 82.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Изд-во «Правда», 1990. С. 325.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 82 об.

²¹ РГАДА, ф. 196 Мазурин, ед. хр. 1639, л. 82 об. – 83.

²² Там же.

²³ Там же, л. 85 об. – 86.

²⁴ Там же, л. 84.

²⁵ Там же, л. 84 об. – 85.

²⁶ Там же, с. 87.

²⁷ [Протасьев Н.] Пребывание Екатерины Второй в Костроме // Русский вестник. 1810. Ч. 9. № 2. С. 75.

²⁸ [Зузин Р.] «Под ноги государыни метали цветы...» // Губернский дом (Кострома). 2008. № 6. С. 29–38.

Г. В. Ибнеева

Казанский государственный университет

ЕКАТЕРИНА II И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ЦЕРЕМОНИАЛЕ ВЫСОЧАЙШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ

В практике высочайших путешествий императрица Екатерина II использовала символические ресурсы культурного пространства: религиозные, моральные и другие для того, чтобы утвердить образ российской императрицы. Важным элементом этого образа являлась его православная составляющая. Большую роль в утверждении благочестивого облика Екатерины II сыграло православное духовенство. В этом отношении поездки императрицы по стране представляют существенный интерес в плане изучения использования ею факторов религиозной и культурной идентичности как одно из средств политической легитимации.

В начале царствования в целях укрепления своих политических позиций Екатерине было важно заявить о своей преданности православию и церкви. Это было особенно актуально, учитывая ее намерения провести секуляризацию церковных земель. Хотя ей не было свойственно благочестие, она, тем не менее, через месяц

после коронации – 17 октября 1762 г. – отправилась в свое первое паломничество – в Троицкий монастырь. В официальном отчете этого визита отмечалось, что архимандрит Лаврентий приветствовал ее как «освободительницу России», по благочестию явившейся «второй Еленой», а по мужеству «образом израильской Юдифи»¹. Таким образом, православное духовенство сознательно начинает конструировать благочестивый образ новой правительницы. Утверждению этого имиджа должна была служить и иллюминация, зажженная в этот вечер 17 октября перед императорскими «чертогами» в Лавре. Она представляла собой симбиоз светских и религиозных элементов. В ней как различными эмблемами, так и изображениями, включающими сюжеты из Священного писания, давалось понять, что новая императрица – это Божий промысел, и, следовательно, благо для России². Этим же целям служило и паломничество Екатерины в мае 1763 г. в Ростов г., куда она отправилась на открытие новой раки Дмитрия Ростовского.

В своих последующих поездках Екатерина постоянно стремилась поддерживать образ *православной* императрицы, что отражается в аккуратном исполнении ею религиозных обрядов. Практически в каждом населенном пункте, сойдя с лошадей или с пристани, она шла прямо в церковь, выстаивала службу, выслушивала литургию, прикладывалась к образам и мощам святых. Так, во время путешествия по Волге, в Твери 2 мая 1767 г., в день Преполовления, после литургии в соборной, Спаса преображения, церкви, монархиня приняла участие в крестном ходе. Как писалось в газете: «...и хотя погода была не очень хорошая и дождь непрестанно шел: однако ее императорское величество будучи всегда теплым к Богу усердием преисполнена изволила от самого собора до пристани [где было сооружено место для освящения воды] ... пешествовать за духовенством»³.

Екатерина была достаточно религиозна. Однако, это не означало, что она, действительно, внутренне высоко ценила обрядовую сторону церкви. Прагматически настроенная царица понимала значение православия для русских людей, а, следовательно, важность соблюдения церковного ритуала. Соблюдая православные обряды, она выглядела в глазах населения «русской», природной царицей, в чем достигала определенного успеха. Исправное соблюдение религиозных обрядов не остается незамеченным со стороны подданных. Г. Добрынин, имея возможность наблюдать Екатерины в Могилеве в 1780 г., так воспринял ее религиозность: «Известно, что государыня императрица рождена и воспитана в законе евангелическом, а грекороссийский приняла уже перед бракосочетанием. Но, с каким достойным зрением благочестием и нравственной простотою, предстала она тогда священному алтарю, и, при важнейших действиях, заключающих в себе таинство греко-восточной церкви, изображала на себе полный крест, и поклонялась столь низко, сколь позволяет сложение человеческого корпуса! Сие приметно было всем тогда, и единоверцам, и католикам!»⁴.

Большое внимание августейшая путешественница уделяла духовенству: посещала кельи, больных, приглашала к обеду духовных лиц. Причем, она сообщала приближенным об этом, очевидно, рассчитывая на определенный эффект. Так, например, 29 марта 1787 г. она информирует Ф. Миранду⁵ о том, что навещала после службы больного архиепископа в Киеве. «Какое человеколюбие», отмечает венесуэлец⁶. Так создается имидж истинно православной императрицы.

Другим важным аспектом восприятия населением Екатерины как истинно благочестивой императрицы являлись ее пожертвования, дары русской православной церкви. На церкви, монастыри, епархии, семинарии жертвовались денежные суммы. Пожалования и дары должны были убедить население в ее попечении о православной церкви. Высшие иерархи церкви в лице Самуила Миславского воспользовались этим поводом для того, чтобы еще раз подчеркнуть ее благочестие. Так в письме к Екатерине, Самуил выводил из высочайших даров ее истинную веру: «она поставляя драгоценнейший матерний дар в Храм Богоматери с восхищением проповедует чистейшую веру и пламеннейшее усердие Вашего Величества к Богу... и не находя иной жертвы кроме вечных благодарений и горячих молений новой славы, возвышается ко пресветлому превечному престолу...»⁷. Таким образом, Самуил поднимал образ императрицы до уровня божественного престола, т.е. подчеркивал сакральность ее власти.

Акцент на православной идентичности способствовал легитимации власти Екатерины. Исследователи отмечают, что понятие «легитимность» характеризует способность власти обеспечивать свое институциональное господство посредством эффективного использования «верований в моральные символы, священные эмблемы и юридические формулы», веры в «символы господства»⁸. Путешествия Екатерины II реализуют эту функцию власти, и особая роль в конструировании этого пространства легитимации принадлежит русской православной церкви. Речи духовных лиц (приветственные речи, хвалебные слова, поздравительные речи), написанные по случаю приезда императрицы; одическая поэзия, канты учащихся и учителей российских семинарий, долженствующих приветствовать российскую царицу – все это способствовало политической поддержке российской монархии. Данные тексты позволяют выделить уровни легитимации монарха, где **сакрализация** образа монарха составляет ее важнейшую часть.

Речь, слово – это вид церковной проповеди. Содержание проповеди определялось двумя планами: планом текущей ситуации и планом авторитетных топов, которые заимствовались из сакральных текстов, святоотеческой и агиографической литературы и т. д.⁹ Анализируя подобные тексты, следует принимать во внимание элемент конъюнктуры: встречая коронованную особу, духовные лица надеялись и на повышение статуса, и на вознаграждение, и на улучшение материального состояния епархий и т. д.

При составлении слов, речей они обращаются к священному Писанию, что является основным источником гомилетики – теории церковной проповеди¹⁰. В этом отношении показательно приветствие белорусского архиепископа Георгия Конисского, сказанное им в Мстиславле 19 января 1787 г. на приезд Екатерины II: «Оставим Астрономам доказывать, что земля вокруг солнца обращается: наше солнце вокруг нас ходит, и ходит для того, чтобы мы в благополучии почивали. Исходиши, милосердая монархиня, яко жених от чертога своего: радуешься, яко исполин тещи путь...»¹¹. *Ситуация приезда или прихода императрицы приравнивается к Христову пришествию, и она олицетворяет образ Христа, «грядущего во полунощи».*

Уподобление императрицы образу и подобию Бога просматривается во многих хвалебных речах, причем духовенство использует различные риторические

приемы. Например, архиепископ Казанский и Свияжский Вениамин (Пуцек-Григорович) в приветственной речи 26 мая 1767 г. возвышал ее сакральный образ тем, что более (паче) других своих предшественников (царей земных) «она богом помазанная и на престоле царства российского ...православного посажденная»¹². Таким образом, восшествие императрицы на престол определялось им как воля Божья. В текстах же, произнесенных киевским духовенством в 1787 г., встречаются сравнения Екатерины с «Превечным Отцом»¹³, «отцом небесным»¹⁴, с «Воскресшим Христом»¹⁵. Встречается и уподобление государыни «Богочеловеку»¹⁶.

Если для духовных лиц основным источником составления речей служило Священное Писание, то для кантов, речей семинаристов, од, составленных учителями семинарий, были характерны барочные традиции одической поэзии XVIII в. Одной из ее особенностей являлось обращение к языческой мифологии¹⁷. Видимо, в текстах семинаристов (в отличие от текстов духовенства) отражалось известное наставление Феофана Прокоповича, бывшего киевского профессора пиитики, относительно возвеличивания героев. Восхваляемое лицо он позволял сравнивать со «всяким высоким предметом, даже с самим Богом, при одном только ограничении: можно сказать, что оно кажется подобным Богу или немного ниже его, но нельзя сказать, что оно больше, чем творение Божие, или что оно – сам Бог»¹⁸. Поэтому в семинарской пиитике и риторике наблюдается стремление воздержаться от прямого уподобления императрицы с Богом.

Барочные штампы – обращение к языческой мифологии позволяли этого избежать. Так, ректор Казанской семинарии Константин (Борковский), произнеся приветственную речь при встрече Екатерины в Казанской духовной семинарии 30 мая 1767 г., сказал: «Музы, видя великую россос Богиню, осеняющую блеском своих прекрасных Парнасских гор места, зря [видя] вшедшую в храм Минервы премудрую Палладу, в священном восхищении стократно ублажают свою судьбину»¹⁹. Очевидно, никому не показалось кощунственным назвать семинарию храмом языческой богини Минервы, а саму Екатерину – богиней Палладой. Сравнение Екатерины ее с Палладой встречается и в оде тверской семинарии на приезд Екатерины в Тверь (1785): «Подобно как та Паллада, к которой самая Эллада огнем усердия горит», и в оде на пришествие в Вышний Волочек (1785): «Толико мудрая Паллада Виновница всеобщих благ, грядет в пределы она града»²⁰. Подобные сравнения действовали на сознание современников: были доступны для понимания и восприятия окружающих. В воспоминаниях Е. Ф. Комаровского, современника и очевидца высочайшего пребывания в Киеве, отмечается речь Самуила (сказанная на Пасху), в которой он «уподобил ее Христу, явившемуся, после Воскресения своим ученикам»²¹. Восхитила современников и речь Г. Конисского. «Речь Георгия, писал Сумароков, – вмещает в себя все, чего требовали и достоинство предмета, и чувствования Витии. Я не знаю подобного ей ни у Боссюэта, ни у Масильона, Бурдалу, ... Она единственна»²². Его речь была переведена на латинский, французский, польский языки.

Другим важным аспектом легитимации монархической власти является установление **преемственности** власти Екатерины II с предшествующими правителями. Для многих городов российской империи приезд императрицы был ярким событием, поскольку, действительно, со времен Петра I они не удаивались высочайшим посещением²³. В Екатерине видят не просто наследницу предшествовавших

правителей, но продолжательницу дел Петра I и Елизаветы Петровны. Об этом говорят не только хвалебные слова, но и оды, написанные по поводу встреч с императрицей. «Мы чувствуем в Екатерине Российску мать Елисавет, мы прадеда следы зрим в сыне», «Премудрая дая законы, учить изыскивать судей, ... что начал Петр с Елизаветой, свершилось то Богиней этой»... – писал в своей оде учитель казанской семинарии Иван Стефанович в 1767 году²⁴.

С другой стороны, в приветственных речах духовенство отражало свое понимание отличия природы политической власти Екатерины II от Петра I, что также являлось средством ее политического возвышения. Так, архиепископ Псковский и Рижский Иннокентий во время пребывания Екатерины в Пскове в 1780 г. в своей речи, говоря о приездах Петра Великого в Псков, давал понять, что его деятельность, направленная на защиту обитателей города, носила воинственный характер. Он руководил сооружением воинских крепостей и отражением неприятеля. Петр сеял страх своим непобедимым мужеством. Таким образом, он был явно представлен с милитаристским отсветом²⁵. Прибытие же Екатерины ассоциировалось с «миром, сошедшим с небес на Израиля», поскольку она, прославленная «крепостью», мужеством и победами, безопасность своих подданных «утверждает миром». «Блаженство всех возвышается ее премудростью и человеколюбием, матерней кротостью», – отмечается в речи преосвященного Иннокентия. Цель ее государственного строительства отражена в контексте концепции общего блага: «мир и тишина отвне, удовольствие всех и каждого»²⁶.

Духовные лица в проведении преемственной линии царицы с предшествовавшими правителями в своих риторических стратегиях использовали *образ места* – куда приезжала венценосная особа. В Костроме, во время ее прибытия в Ипатьевский монастырь 14 мая 1767 г. епископ Дамаскин (Аскаронский) напомнил императрице о значимости обители для рода Романовых: прежде здесь «блаженные памяти предок Вашего Императорского величества, Михаил Федорович... по прошению духовных и мирских, нарочно от царствующего града Москвы, присланных чинов, принял скипетр Российского государства»²⁷. Весьма символично, что в Троицком соборе Ипатьевского монастыря Екатерина участвовала в торжественной литургии, стоя на царском месте, присланном сюда Михаилом Федоровичем Романовым²⁸. В своих речах Дамаскин устанавливал преемственную связь не только с Михаилом Федоровичем, но и заглядывал далеко вглубь веков – к эпохе Василия III: «...Вниди в древнюю обитель своего предка и обнови ее Твоим присутствием. Прими отчину древнего князя Василия Ивановича и с нею град сей и страну под твое монаршьё покровительство и матернее милосердие...»²⁹.

Образ города ярко использовался и в речах духовных лиц в Киеве – в городе, символами которого являются князья Владимир, Ярослав и др. Сквозь эту символическую топонимику проступали архетипы обновления и преобразования власти, что связывалось с пребыванием российской царицы в этом древнем городе. 11 марта 1787 г. по совершении божественной литургии преосвященный Самуил обратил внимание государыни на то место, где они находятся – *Софийский собор*, строительство которого для него является

доказательством теплоты веры и усердия к Богу. Кратко отмечая вехи его существования, он начал его историю с Ярослава Великого, продолжил Владимиром Мономахом, который возложил на себя «все украшения царского сана» (символы власти) и закончил Петром Великим, приносившим торжественное благодарение Богу в этом храме за победу под Полтавой. Все эти события сделали этот храм привлекательным и знаменитым³⁰. Митрополит проводил мысль о преемственности власти и подводил слушателей к мысли о том, что отныне храм «воспримет новое сияние власти» в силу присутствия в нем «такой» монархини. Таким образом, обращение к истории Софийского собора, где находилась императрица, явилось средством легитимации монархической власти³¹.

В хвалебных словах духовных лиц, утверждающих преемственность Екатерины с предшествовавшими правителями, императрица связывалась со всей православной традицией. Так, в речи ректора Киевской академии Варлаама Миславского (1787) говорилось: «*Виноград* сей высочайшего вашего посещения удостоенный есть насажден ... десницею ... святого князя Владимира. Первые его ветви были слабы и малочисленны. Но любомудрие и ревность к просвещению великого Ярослава подкрепили и распространили их. ... Петр Первый росую обильных щедрот напоил, а возрастить и сладчайшими плодами от них ... церковь христову обогатить ... предоставлено Вашему Императорскому Величеству... - Толь милосердый и попечительный о сем винограде промысел, толь высокое покровительство соделали, что ветви в нем произрастающие со дня на день умножают свои плоды»³².

Виноградник – это символ христианской церкви³³. Очевидно, что здесь обыграна молитва: «Призри с небесе Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади десница Твоя»³⁴. В данном случае этот символ, взятый из Священного писания, не только риторическое украшение, он наполнен определенным смыслом. Отношение Екатерины к православной церкви связывается здесь с истоками православия («первые его ветви») в древнерусском государстве и с политикой предшествующих правителей («Владимир насади, Ярослав распространи, Петр напои, а премудрая Екатерина возрасти и утверди»). Учитывая радикальность реформы церкви, а секуляризация в Малороссии проходила именно в эти годы (1786–1787 гг.), можно увидеть, что часть малороссийского духовенства искренне или лицемерно выказывала ей поддержку, легитимируя ее как православную императрицу. К слову сказать, такая лояльность была отмечена властью: из сумм Кабинета киевским духовным лицам была пожалована денежная дача в размере 31 тысячи рублей³⁵.

Значимым фактором в утверждении легитимного образа императрицы являлся акцент духовенства на ее **православной идентичности**. Об этом уже несколько говорилось выше. Истовое исполнение Екатериной религиозных ритуалов явилось поводом для духовенства подчеркнуть ее православный облик. Так, в речи, сказанной в Девичьем монастыре архимандритом Свяжского Богородицкого монастыря Иеронимом, отмечается благочестие императрицы, которая вместо того, чтобы отдохнуть от тягот путешествия («от зыбей водных, от жара солнечного»), «поклоняется святой трапезе, лобзает честные иконы, почитает

чудотворные мощи Гурия (в Казани) с чудным благоговением». Это дает повод Иерониму сравнить ее с образцами благочестия – «Ольгой христолюбивой», «Феодосием Благочестивым»³⁶.

Рассматриваемые нами тексты относятся к последней четверти XVIII в. Исследователями отмечалось, что барочная традиция, в отличие от гражданской сферы, устойчиво сохранялась в духовной среде, даже и в XIX веке³⁷. Однако, эпоха просвещенного абсолютизма все же не могла не повлиять на культуру проповедничества. В текстах духовных лиц прослеживается одно оснований легитимности власти в XVIII веке – целью государства провозглашалось общее благо всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. **Концепт «общего блага»** в текстах духовных лиц прослеживаются во взаимосвязи с концептом **«матери отечества»**. В отдельных речах разворачиваются те рациональные константы образа «матери отечества», которые и составляют целостностный образ «божества».

Обратимся к речи Самуила Миславского, которую он произнес 28 марта 1787 г.: «Сладость мира, какову мы внушаем под благословенною твоею державою, обилие радости, какову мы в *кротости твоего духа*, как в неисчерпаемом *милосердия* источнике почерпаем *снисхождение*, и *матерния твои беседы*, коими ободряемы и утешаеши чад твоих, *неусынное твое попечение о просвещении в вверенных тебе народов*, суть совершенные *оказательства Твоего Воскресшему Христу сообразования*, твоего истинного о восстании его из мертвых радования»³⁸. «Снисхождение», «милосердие», «попечение о просвещении... народов», «матерние беседы» – это составляющие концепта «матери отечества» и «общего блага», что было характерно для наступающей эпохи Просвещения. Милосердие, милость, как часть образа матери отечества, проецируются на подданных.

В церемониале путешествий Екатерины II духовенству отводилась важная роль. Именно оно подчеркивало православную идентичность российской императрицы. В этом отношении религиозные обряды позволяли представить ее в образе природной православной императрицы. Екатерина как никто другой из российских императриц XVIII века использовала возможности религиозных ритуалов для того, чтобы нарастить свой политический ресурс. Хвалебные слова православного духовенства, приветственные речи дворянства, одическая поэзия духовных семинарий и дворянства легитимировали власть российской императрицы. В них были отражены определенного рода идеологические «матрицы», которые действовали на сознание населения в правильном направлении. Именно они формировали представление об императрице у населения как благочестивой монархине, руководствующейся в своих действиях только целями «общего блага».

Примечание

¹ Описание всерадостнейшего вшествия Благочестивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны в Святую-Троицкую Лавру. М., 1762. Л. 5.

² Описание всерадостнейшего вшествия ... Л. 6.

³ Прибавление к № 41 Санкт-Петербургских ведомостей от 22 мая 1767 г.

⁴ *Добрынин Г.* Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. Спб., 1872. С. 209.

⁵ Венесуэлец Франсиско де Миранда вошел в историю как руководитель борьбы за независимость Испанской Америки. Важным этапом длительного путешествия по Европе стало его почти годичное пребывание в России – с 26 сентября 1786 г. по 7 сентября 1787 г. – см.: *Альперович М. С.* Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

⁶ *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 129.

⁷ Самуил – Екатерине II, январь 1789 г. // ЦДИАУ (Центральный Державный Исторический архив Украины), ф. 128, оп. 1 (заг.), д. 749, л. 63.

⁸ *Миллс Ч.* Социологическое воображение. М., 1998. С. 48–49.

⁹ *Кагарлицкий Ю. В.* Проповедь как источник по истории русской культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 248.

¹⁰ *Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий.* Гомилетика: теория церковной проповеди. М., 1999. С. 6.

¹¹ *Конисский Г.* Речь на прибытие Ея Императорского Величества в город Мстиславль 19 января 1787 г. // Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского ... жизнеописанием, составленным протоиереем И. Григоровичем. Спб., 1861. Ч. 1. С. 275–276.

¹² Речь приветственная на пришествие в Казань ... государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийская, говоренная ... преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свяжским, 26 мая 1767 года // Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни премудрейшая Монархини и попечительнейшая матери Екатерины Вторья в Казани. Спб., 1769. С. 4–5.

¹³ Речь на всерадостное и всевожденное прибытие в Киев генваря 29 дня прибытие в Киев // Речи поздравительные Ея Императорскому Величеству во время высочайшего прибытия, пребывания и отшествия, сказыванныя святейшего, правительствующего Синода членом, преосвященным Самуилом, митрополитом Киевским и Галицким, и архимандритом Киево-Печерския Лавры в Киеве. Киев, 1787. Л. 48.

¹⁴ Благодарственная речь Ее императорскому величеству старца Феофана бывшего типографа // Зеркало света. 1787. Май. № 72. С. 343.

¹⁵ *Самуил.* Речь на Всерадостный праздник святяга Пасхи 28 марта 1787 // Речи поздравительные ... Л. 50.

¹⁶ Разные сочинения Тверской семинарии на прибытие Ея Императорского Величества в Тверь // Разные поучения и речи, сказыванныя на пришествие ... государыни Екатерины Вторья в 1787 год, а притом и в другия разных годов высокаторжественные дня, синодальным членом архиепископом тверским Иоасафом. М., 1787. С. 5.

¹⁷ *Харлампович К.* Материалы для истории казанской духовной семинарии в XVIII в. // Волжский вестник. Казань, 1903. С. 122.

¹⁸ Труды Киевской духовной академии, 1867. № 1. С. 92; 1902. Июль–август, С. 59. (Хотя известно, что с самого Ф. Прокоповича начинается традиция прямого сравнения монархов с Богами: «Монархи суть Бози и Христы».)

¹⁹ *Лунаков Е. В.* Очерки истории казанских духовных школ // Семинарский вестник. 2004. № 2 (11). С. 17.

²⁰ Ода на прибытие Ея Императорского Величества в Тверь; Ода на пришествие Ея Императорского Величества в Вышний Волочек // Разные сочинения Тверской семинарии Ея Императорского Величества в Вышний Волочек и в Тверь 1785 г. М., 1787. С. 18, 26.

РАЗДЕЛ III

²¹ Из записок графа Е. Ф. Комаровского // Оснадацатый век. 1869. Кн. 1. С. 388.

²² Цит. по: Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского ... жизнеописанием, составленным протоиереем И. Григоровичем. Спб., 1861. Ч. 1. С. 275.

²³ Речь приветственная на пришествие в Казань ... С. 4.

²⁴ Ода на всевысочайшее прибытие Ея Императорского Величества Екатерины Вторья, императрицы самодержицы Всероссийской из Москвы в Казань казанской семинарии учителем, что ныне префект, Иван Стефановичем сочиненная и при краткой здесь приложенной речи поднесенная 1767 г. мая 30 дня // Духовная церемония ... С. 36.

²⁵ Описание действия, от стороны Святейшего Правительствующего Синода члена, преосвященного Иннокентия, архиепископа Псковского и Рижского, и его семинарии, происходившего во время всевожделенного прибытия Ея Императорского величества, всеавгустейшия императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторья, во Псков, и высочайшего Ея Величества в нем пребывания, мая от 13-го до 16-го дней продолжавшегося, 1780 года. Спб., 1780. С. 18.

²⁶ Описание действия, от стороны ... преосвященного Иннокентия ... С. 19.

²⁷ *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетии. Кострома, 1959. С. 31–32.

²⁸ *Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь : исторический очерк. М., 2003. С. 101.

²⁹ Журнал о высочайшем путешествии Ея Императорского Величества Екатерины II от Ярославля до Костромы 1767 года // ЖМВД. 1837. Ч. 27. № 10. С. 135.

³⁰ Речь на всерадостное и всевожделенное прибытие в Киев генваря 29 дня прибытие в Киев. ... Л. 48.

³¹ Речь на всерадостное и всевожделенное прибытие в Киев генваря 29 дня прибытие в Киев. ... Л. 49.

³² Речь Ея Императорскому Величеству во время высочайшего присутствия в Академической Богоявленской церкви, сказыванная Академии Киевской ректором Киево-Михайловского монастыря архимандритом Варлаамом 11 апреля 1787 г. // Зеркало света. 1787. 27 авг. № 87.

³³ См.: Матф. 20:1; 20:4; 21:28; 21:33. Ис. 27:2. и т. д.; См.: Библия. Книги Священно Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1992.

³⁴ *Булгаков С. В.* Настольная книга для священнослужителей : сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1993. Т. 1. С. 929.

³⁵ Рескрипт о пожаловании из Кабинета 31 тысячи рублей разным лицам, 15 марта 1787 г. // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. II (1721–1795). Т. 5. Царствование Екатерины II (1762–1795). Киевский митрополит Самуил Миславский (1783–1795). Киев, 1908. С. 204.

³⁶ Слово во время высочайшего присутствия Ея Императорского Величества, говоренное в Казанском девичьем монастыре Казанской семинарии Ректором Спасо-Казанского Преображенского, что ныне Свяяжского Богородицкого монастыря Архимандритом Иеронимом // Духовная церемония... Пагинация отсутствует.

³⁷ *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Семиотика истории; Семиотика культуры. М., 1996. С. 303.

³⁸ Речь на Всерадостный праздник святых Пасхи 28 марта 1787... // Речи поздравительные ... Л. 50.

М. П. Мохначева
*Российский Государственный
Гуманитарный Университет*

**«ВОДИЛИСЬ ПУШКИНЫ С ЦАРЯМИ»:
МИССИЯ О. СЕРГИЯ (МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА
МУСИНА-ПУШКИНА) В ИРЕМЕ**

Мстислав Владимирович Мусин-Пушкин – представитель известного графского рода в России. Он - праправнук открывателя «Слова о Полку Игореве» графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1744–1817), и его супруги княгини Екатерины Алексеевны Волконской (1754–1829).

Прадед Мстислава Владимировича – граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (1783–1836) был старшим сыном А.И. Мусина-Пушкина. В 1805 г. он был прикомандирован в русскую миссию в Бадене, затем его перевели в Берлин, в 1807 г. – в Кенигсберг. В войне с Наполеоном из придворного он боевым офицером. В июле 1812 года поступил полковником во 2-ю дружину Петербургского ополчения, сражался с французами под Полоцком, был награжден золотой шпалгой. Участвовал в боях под Чашниками, Смоленянами, Студенкой; преследовал отступавших французов в Польше, принимал участие в боевых действиях в Силезии, Пруссии и Саксонии. За отличие в сражениях под Бауценом, Вуршеном и Герлицем был награжден орденом св. Георгия IV степени и пожалован в камергеры с «присвоением чина 4-го класса». Участвовал в сражениях под Дрезденом, Пирной и Лейпцигом. В сражении под Дрезденом был тяжело ранен, за что получил орден св. Владимира III степени. Участвовал в боях во Франции – при Арси-сюр-Обе, Сен-Дизье и при взятии Парижа. В 1814–1815 гг. он исполнял должность дежурного генерала при Главной квартире 2-й армии, получил чин генерал-майора.

Прабабушка Мстислава Владимировича – княгиня Мария Александровна Урусова (1822–1853) славилась умением проводить интереснейшие литературные вечера, затем салоны, на которых перебивал весь цвет русской литературы и поэзии первой четверти XIX в. Вторым браком она была замужем за канцлером князем Александром Михайловичем Горчаковым (1798–1884) и, таким образом, стала прародительницей графов Мусиных-Пушкиных и князей Горчаковых. Известно, что А. С. Пушкин был безответно влюблен в Марию Александровну и посвятил ей поэму «Кто знает край где небо блещет».

Дед Мстислава Владимировича – граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1825–1879) с 1844 г. был приписан к Министерству иностранных дел России и послан с особой миссией в Штутгарт, откуда вернулся в 1846 г. Одно время был предводителем дворянства Петербургского уезда. Получил по разделу имущества с братьями и сестрой в наследство более 2 тыс. крепостных душ мужского пола. В отошедшем ему имении «Иловна» Мологского уезда числилось на ту пору 99 слуг. Он был крупным землевладельцем. Владел также домом № 17/19 по Литейному проспекту в Санкт-Петербурге. Известно, что Алексей Иванович и его брат Александр Иванович Мусины-Пушкины были друзьями детства Льва Толстого. Они – прообразы братьев Ивиных в повести «Детство».

РАЗДЕЛ III

Бабушка Мстислава Владимировича – графиня Любовь Александровна Кушелева-Безбородко (1833–1917) была дочерью сенатора Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (1800–1855) и его супруги, урожденной княжны Александры Николаевны Репниной (сконч. В 1836 г.).

Отец Мстислава Владимировича – граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1868–1918) начал свою карьеру в 1891 г. в Министерстве юстиции. В 1896 г. был послан в Москву в качестве член канцелярии Сената на торжества по случаю коронации Николая II, исполнял обязанности церемониймейстера. В 1899, 1902 и в 1911 гг. он - предводитель дворянства Сосницкого уезда. В 1897 г. он – коллежский асессор, надворный советник в 1901 г., коллежский советник в 1905 г., церемониймейстер в 1909 г. Он получил в наследство имения «Козари», «Носовка», «Нежин», «Стольное», «Рудановчино» и «Макошино». Все они находились в Черниговской губернии. Кроме того, он получил в наследство 21053 десятины земли в Одесском уезде близ Херсона, 41451 десятин в Пирятинском уезде близ Полтавы, 2026 десятины в Переяславском уезде близ Полтавы, 589 десятины в Лохвицком уезде близ Полтавы, 7962 десятины в Нежинском уезде близ Чернигова, 5563 десятины в Козелецком уезде близ Чернигова, 5734 десятины в Сосницком уезде близ Чернигова, 1548 десятины в Торженском уезде близ Чернигова и 14810 десятины в Могилевском уезде близ Ярославля. Он приобрел также 4000 десятины в Терской губернии в Пятигорском округе и немало других владений, желая наделить ими каждого из своих детей. Владел сахарными заводами «Яготин» и «Носовка-Козари», которые и работают и сегодня. Построил сахарный завод в Лесняках в Пирятинском уезде Полтавской губернии. Был крупным домовладельцем в Петербурге, имел дом № 31 на Каменоостровском проспекте и дом № 34 на ул. Широкой. Сам жил на Литейном Проспекте в доме № 17.

Мать Мстислава Владимировича урожденная графиня Елизавета Васильевна Капнист (1868–1944) была дочерью титулярного советника графа Василия Алексеевича Капнист (1838–1910) и его супруги урожденной княжны Варвары Васильевны Репниной (1840–1922). Известно, что она была старой доброй знакомой художника Серова, он несколько раз писал ее портреты. Один из них был показан в 1897 г. на выставке художников-передвижников в Санкт-Петербурге. Была она знакома и с художником Нестеровым.

Мы привели эти краткие биографические справки о титулованных предках графа Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина с тем, чтобы читатель получил более полное представление о том, что выпало на долю детей русской эмиграции первой волны, что происходило с их родителями и с ними самими, с их сознанием в первые годы жизни на чужбине, когда кроме родовой памяти не было ничего и нужно было как-то выживать, заново строить свою жизнь, жизнь семьи и рода. Единственной опорой была вера в воскрешение Православной России.

Мстислав Владимирович был пятым ребенком в семье.

Старшая сестра Варвара (1892–1970) в 1917 г. вышла замуж за князя Игоря Владимировича Репнина (1892–1970). В разгар Гражданской войны в 1919 г. в Екатеринодаре у них родился старший сын Николай. Он умер в 1981 г.

в Париже. В 1932 г. в Париже у Варвары и Игоря Репниных родился младший сын Михаил. Сейчас он живет под Парижем.

Старший брат Алексей (1893–1966) закончил свои дни США, погребен в Вашингтоне.

Второй брат – Василий (1894–1959), участник боев Белой Армии на Перекопе, где погиб 17-летний граф Илларион Владимирович Мусин-Пушкин, после падения Крыма оказался, как и многие русские офицеры, сначала в Галлиполи, потом перебрался в Берлин, некоторое время жил в Париже, Ницце, где серьезно увлекся религиозной философией, принимал участие в кружке отца Александра Ельчанинова. Затем переехал в Америку. Принял священство в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Стал настоятелем и председателем строительного комитета Свято-Владимирского храма-памятника в г. Кэсвилл (штат Нью-Джерси, США). Здесь у алтарной апсиды наружной стены храма-памятника он и покоится.

Вторая сестра – Любовь (1897–1939) в 1918 г. в Киеве вышла замуж за Сергея Сергеевича Исакова, который 1 октября 1919 г. был убит, расстрелян большевиками. В июне того же года в Екатеринодаре он успел взять на руки своего новорожденного сына Сергея. В 1944 г. Сергей Сергеевич Исаков – младший женился в Вене на графине Ирине Николаевне Мусиной-Пушкиной, в 1949 г. они переехали в США, в Монтерей.

Младший брат Андрей (1903–1969), отец Андрея Андреевича Мусина-Пушкина, главы Семейной Ассоциации Мусиных-Пушкиных и руководителя научно-издательского проекта «Мусины-Пушкины: род, семья, личность», после первых лет скитаний по Европе обосновался в Шаровине (Франция), окончил Высшую Коммерческую Школу в Лозанне (Швейцария). Работал начальником департамента на бумажном заводе Монгольфье в Шаровине. Вышел в отставку в 1968 г., переехал в Антиб, где и скончался, и был погребен на старом городском кладбище.

Андрей Владимирович Мусин-Пушкин по признанию С. С. Исакова и других членов рода Мусиных-Пушкиных создал в Шаровине «центр», «родовое гнездо», где нашли приют и тепло домашнего очага очень многие родственники, оказавшиеся на чужбине.

Второй младший брат Мстислава – Илья (1908–1989) пошел по стопам Андрея, служил в лаборатории бумажной фабрики Монгольфье в Шаровине, в 1949 г. в Гренобле женился на Тамаре Николаевне Кибардиной, родившейся в Галлиполи в семье офицера в 1921 г.

Мстислав Владимирович по воспоминаниям братьев и сестер, а также их детей, хорошо его знавших, был очень незаурядной личностью, в чем-то мистической. Он оставил о себе очень глубокие воспоминания у многочисленных современников, для которых стал духовным руководителем.

Полной биографии графа Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина, архимандрита отца Сергия еще нет, ее еще предстоит написать. Поэтому каждая ее страничка, каждое знаковое событие в его жизни, так или иначе открывшиеся современному исследователю, заслуживают самого пристального внимания и тщательного изучения.

Он родился 20 октября 1899 г. в Петербурге. Скончался 8 мая 1960 г. в Шель (Франция), покойся на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Знаковых событий в его жизни, как у любого человека было немало, и это его личная история, его биография. Но есть в его жизни и такая страница, которую по праву можно назвать знаковой и в истории России, и в истории РПЦЗ, и в истории русской православной культуры.

На официальном сайте Офенской духовной миссии (Венгрия) в разделе «Священники, служившие в миссии» в числе двадцати имен, включая протоиерея Николая Кима, служащего здесь с 2001 г. и любезно предоставившего в наше распоряжение некоторые материалы, выявленные в архиве миссии, названо имя нашего героя – архимандрита Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина), «служившего с 1939 г. по 1944 г.». Его предшественником в этом списке был священник Янош Руско, который «служил в 1930-х годах», скончался в 1943 г.

На сайте Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже указаны иные сведения, различающиеся с приведенными выше относительно хронологии пребывания архимандрита Сергия в Венгрии. Так, со ссылками на «Дневники: 1973–1983» протоиерея Александра Шмемана, изданными в Москве в 2005 г. в переводе с английского на русский язык, в биографической справке о Сергия указано, что он служил в Офенской духовной миссии с 1934 г. по 1940 г. В 1937 г. стал иеромонахом. Был настоятелем православного храма-усыпальницы дочери Павла I царевны Александры Павловны в местечке Урем (Ирем), которое сегодня стало одним из пригородов Будапешта. В этой же справке говорится, что в 1945 г. о. Сергей переехал в Париж. В 1948–1960 гг. был настоятелем храма Сергиевского подворья в Париже.

В воспоминаниях Николая Михайловича Осоргина, опубликованных в книге «Свято-Сергиевское подворье в Париже. К 75-летию со дня основания» (СПб., 1999) приведена иная хронология, здесь говорится, что отец Сергей служил в Венгрии с 1936 г. по 1940 г. Н. М. Осоргин указывает также, что Мстислав Владимирович поступил в Богословский институт в Париже в 1934 г., вскоре был пострижен митрополитом Евлогием в монахи с наречением имени прп. Сергия Нуромского, ученика прп. Сергия Радонежского, и в 1936 г., не окончивши академии, был послан настоятелем в православный храм Будапешта.

В метрических книгах, исследованных Н. Кимом, «последняя запись, оставленная рукой о. Сергия, датируется маем 1944 г. Кроме того, в этих же метрических книгах записи начинаются с 1939 г., а не с 1936 г.». Отец Н. Ким обнаружил также переписку отца Сергия с венгерским православным администратором, относящуюся к периоду 1942–1943 гг. Это позволило ему сделать следующее заключение: «...Можно с уверенностью утверждать, что о. Сергей служил в Венгрии, по крайней мере, с 1939 по 1944 годы. Был ли он здесь до 1939 г., по имеющимся материалам не ясно». На основе метрической книги, выданной управлением русских церквей в Европе, Н. Ким установил еще два важных момента: юрисдикционную принадлежность, точное название и адрес прихода о. Сергия.

Итак, достоверно известно, что архимандрит Сергей принадлежал к так называемой евлогийанской ветви РПЦЗ, служил в Будапеште в приходе во имя Пресвятой Троицы, который в Венгрии и сегодня по традиции называют рус-

ским эмигрантским приходом. Он находился по адресу: Будапешт, 6-й район, улица Сив, дом 6.

«Остаются невыясненными, – пишет Н. Ким, – два важных вопроса: с какого времени о. Сергей служил в Будапеште и окормлял ли о. Сергей также и старейшую русскую святыню в Венгрии – храм св. Александры в селе Иреме».

На эти вопросы дают косвенные ответы неопубликованные воспоминания С.С. Исакова, племянника Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина. Это магнитофонная запись устного рассказа, сделанная графом А.А. Мусиным-Пушкиным в 1986 г. в США, она хранится в его личном архиве в Париже. С.С. Исаков подтверждает версию Н. Кима о верхней дате служения отца Сергия в Будапеште. Это – 1944 г. Нижней датой С.С. Исаков, как и Н.М. Осоргин, называет 1936 г.

По просьбе графа А. А. Мусина-Пушкина нам удалось лично дважды беседовать с Н. М. Осоргиным, сыном протоиерея М. М. Осоргина- младшего (1887–1950), внуком протоиерея М. М. Осоргина-старшего (1861–1939) и его жены княжны Е. Н. Трубецкой. Говорили об отце Сергии (графе Мстиславе Владимировиче Мусине-Пушкине), о том, каким он запомнился ему и другим священникам и прихожанам. Это было в ноябре 2001 г. на квартире Н. М. Осоргина в Сергиевском подворье на улице Крима в Париже.

Н. М. Осоргин рассказал, что впервые встретился с отцом Сергием «еще до войны», «здесь в Сергиевском подворье», когда был 13–14-летним мальчиком. Он родился в 1924 г. в Париже. Родители эвакуировались через Крым в Константинополь, «где родился старший брат», затем был Баден-Баден (Германия), где отец – Михаил Михайлович Осоргин служил псаломщиком и регентом православной церкви. В 1923 г. «или в 1924 г., точно не помню», по предложению митрополита Евлогия, тогда архимандрита, М. М. Осоргин перебрался в Париж. В 1925 г. стал управляющим Свято-Сергиевского подворья, начал преподавать церковный устав и русское церковное пение в Свято-Сергиевском богословском институте. Граф М. В. Мусин-Пушкин появился в доме отца, когда уже был тяжело болен: туберкулез сильно его изматывал. «Худой, скромный, денег у него не было, он привлекал к себе внимание окружающих и домочадцев необычными глазами, большими, излучающими какой-то особый свет». Когда «он попросил оставить его в подворье, взять на любую работу, его послали к инспектору о. Сергию Булгакову», который видя его изможденное состояние «подал ему монетку, и граф Мусин-Пушкин ее взял». Это была их первая встреча, продолжал Н. М. Осоргин...

Затем он повторил то, что уже не раз говорил в своих воспоминаниях и опубликовал, настаивал на том, что отец Сергей в 1940 г. вернулся из Будапешта в Париж...

Помимо воспоминаний С. С. Исакова в нашем распоряжении есть и другие свидетельства родственников графа М. В. Мусина-Пушкина, все они опровергают утверждение Н. М. Осоргина относительно даты возвращения отца Сергия в Париж. Все они говорят о том, что в годы войны отец Сергей служил в Венгрии, сначала в Будапеште, затем в Уреме (Иреме).

Итак, мы попытались изложить обстоятельства, связанные с изучением проблемы «замороженной памяти» эмигрантской биографии графа Мстислава

Владимировича Мусина-Пушкина, ушедшего в миррой иной архимандритом Сергием, служившего в годы войны в Офенской православной духовной миссии в Венгрии.

Frozen memoгу – жизнь в прошлом в ситуации рассогласованных пластов памяти, умноженных на трудности с поддержанием личностного единства, связанного с проблемой мимикрии, это, на наш взгляд, наиболее сложный участок работы по реконструкции эмигрантской биографии, где смена своих идентичностей в зависимости от обстоятельств определенного периода в жизни рассказчика приводит к дополнительным проблемам хронологического и фактического плана.

Э. Г. Клейн

*Военная академия радиационной,
химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко*

НАРОДНЫЙ ГИМН А. ЛЬВОВА КАК СИМВОЛ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

До 1833 года в России не было официального государственного гимна. Существовали славильные песни, которые в разные годы именовались «виватными кантами» (при Петре I), «Польским» (при Екатерине II), «Песней ангелов» (при Павле I), молитвой («Боже, Царя храни»). Лишь позже произведение «Боже, Царя храни» композитора А. Ф. Львова стало именоваться «Народным гимном».

Николай I первый из государей осознал необходимость создания собственного национального гимна. Для написания музыки он избрал Алексея Федоровича Львова, необыкновенно талантливого и разностороннего человека. А. Львов окончил Институт путей сообщения. Был храбрым воином. Как боевой офицер отличился в сражениях с турками при Шумиле в 1828 году. Он возглавлял личный конвой Его Императорского Величества царя Николая Павловича, состоявший из двух полуэскадронов и 138 всадников, отвечал за личную безопасность императора во время его поездок по России и за рубежом. Блестящий офицер, талантливый инженер, А. Львов был еще и незаурядным музыкантом, который остался в истории как талантливый скрипач, дирижер, музыкальный теоретик и композитор.

В 1832 году А. Львов сопровождал императора в официальной поездке в Австрию и Пруссию, где его, как обычно приветствовали музыкой «God, save the King», имевшей английскую мелодию и утвержденной царем Александром I в 1816 году в качестве русского гимна. Главной целью зарубежного визита царя было восстановление Священного союза христианских государств Европы. Но это не получилось. Постепенно охладевали отношения России с Англией. По мнению исследователя В. Грачева, император делился некоторыми сомнениями относительно гимна со своим другом А. Львовым¹.

Сам композитор написал об этом следующие строки: «В 1833 году граф Бенкендорф сказал мне, что государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна и, скучая слушать музыку английскую столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн русский. Эта задача показалась мне весьма трудною, когда я вспомнил о величественном гимне английском, оригинальном гимне французов и умилительном гимне австрийском. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для народа – от ученого до невежды. Все эти условия меня пугали, и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь поздно домой, я сел к столу, и в несколько минут гимн был написан. Написав эту мелодию, я пошел к Жуковскому, который сочинил слова («Молитва русских» – таково было первое название гимна), но как не музыкант, не приноровил слов к минору окончания первого колена. Однако положив гармонию простую, но твердую, я просил графа Бенкендорфа послушать. Он сказал Государю, который вместе с императрицей и великим князем Михаилом приехал слушать гимн в Певческий корпус (23 ноября 1833 года), где я приготовил весь хор и два оркестра военной музыки. Государь, послушав несколько раз, сказал мне «C'est superbe». Мигом музыка гимна разлетелась по всем полкам, по всей России и, наконец, Европе»².

Первое публичное исполнение гимна состоялось в Москве, в Большом театре 11 декабря 1833 года. Несмотря на очевидный успех новой «Молитвы русских» в Москве, Николай I не спешил утверждать ее в качестве гимна и постарался выявить уровень популярности музыки в придворных кругах и армии. Второе официальное исполнение гимна А. Львова состоялось в годовщину изгнания французов из России на праздник Рождества Христова 25 декабря 1833 года. В закрытом параде-смотре приняли участие элитные подразделения: рота дворцовых grenадер и взводы гвардейского корпуса. Они состояли из героев Отечественной войны 1812 года. После молебна к освящению знамен в Зимнем дворце был исполнен новый гимн. Успех гимна превзошел все ожидания. Почти сразу же последовал Именной указ императора о введении «Боже, Царя храни» с музыкой А. Львова в качестве официального гимна России.

Достоинством гимна А. Львова оказалась его лаконичность: всего 16 тактов. Гимн получился афористичный и легко запоминающийся, что способствовало его популярности не только в России, но и в Европе. По мнению В. Грачева, В. А. Жуковский раскрыл в словах гимна диалектику концепции царской власти, которая сочетала в себе необходимость молитвы народа за государя («Боже, Царя храни») с долгом самого венценосца как отца нации по отношению к своим подданным («Гордых смирителю, Слабых хранителю, Всех утешителю»)³.

После утверждения царем гимн подлежал исполнению на всех парадах и разводах караулов, при освящении знамени, на утренней и вечерней молитвах в армии, на встречах императорской четы войсками, во время принятия присяги. Нередко он звучал во время открытия фабрик, заводов, выставок. Гимн пели на балах, на банкетах после здравий в честь императора. Современник, присутствовавший на купеческом бале в Костромском Дворянском собрании 1 мая 1841 года, отмечал, что после провозглашения тоста за здоровье государя

императора, «громкое и радостное “ура” раздавалось по всей зале собрания, гимн “Боже, Царя храни”, неоднократно исполняемый военной музыкою и певчими, услаждал слух и душу собрания»⁴.

В театре было принято петь гимн во время появления государя в ложе. В ответ на приветственные возгласы «Ура» следовали ответные поклоны царя. Тот же ритуал соблюдался в конце спектакля. Традиция исполнения гимна существовала и в провинциальных театрах. Так, описывая празднование тезоименитства императора Николая I в 1852 году в Костроме, журналист газеты «Костромские губернские ведомости» отмечал, что в заключение спектакля «Дедушка русского флота» «хор артистов, расположенный по бокам сцены, при аккомпанименте военного оркестра, торжественно пропел священный для каждого русского сердца гимн “Боже, Царя храни”»⁵.

Со второй половины XIX века отношение к царской власти некоторых слоев общества стало постепенно изменяться. В моду входила критика гимна, его создателя. К празднованию 50-летнего юбилея творческой деятельности А. Львова музыкальный критик В. Стасов написал, что ни гимн, ни душа автора «не имеют ничего национального»⁶.

Вместе с тем, для большинства населения России, гимн продолжал оставаться символом царской власти, оставался идеалом для патриотов России. В 1904 году с пением этого гимна шли на подвиг моряки с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». В начале Первой мировой войны в стране на некоторое время произошел взрыв патриотизма. Так, 18 июля 1914 года в Костроме прошла грандиозная манифестация, во время которой неоднократно исполнялся гимн А. Львова. Один из костромских журналистов того времени описал это событие.

«Вчера, часов около 9 вечера, публика, собравшаяся на городском бульваре, потребовала исполнения народного гимна. Гимн был исполнен и покрыт громкими кликами “Ура”. Около павильона выросла толпа и потребовала вновь исполнения гимна. И как только музыка кончала, неслись клики: “Ура!”, “Да здравствует Сербия!”, “Да здравствует Франция!” Клики сменялись требованиями сербского, французского и русского гимнов»⁷. Исполнение гимна было выражением поддержки решения государя Николая II о вступлении России в войну. «Боже, Царя храни» играли и в момент отправки воинских эшелонов на фронт.

Гимн «Боже, Царя храни» просуществовал в России до февраля 1917 года, когда его упразднила революция. В связи с отречением государя он утратил свое значение. В советское время музыка гимна и имя его создателя А. Ф. Львова было прочно забыто: фигура композитора не соответствовала динамичному ритму советской эпохи. Как справедливо указывает историк А. Зябликов, печальная участь постигла и величественный гимн «Боже, Царя храни»: он превратился в объект эстрадно-кинематографического окарикатуривания и опошления⁸.

Примечания

¹ Грачев В. Н. Гимны России. Хрестоматия. М., 2003. С. 27.

² Львов А. Ф. Записки А. Ф. Львова // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 241.

³ Грачев В. Н. Гимны России. Хрестоматия. М., 2003. С. 29.

⁴ Костромские губернские ведомости. 1841. 3 мая.

⁵ Костромские губернские ведомости. 1852. 13 декаб.

⁶ Стасов В. Статьи о музыке. М., 1977. Вып. 3. С. 143.

⁷ Поволжский вестник. 1914. 19 июля.

⁸ Зябликов А. В. Обер-гофмейстер Алексей Львов / Зябликов А. Провинциальная столица. Кострома, 2008. С. 178.

А. В. Репников
Российский государственный архив
социально-политической истории

**«НЕ БУДЕМ МЫ ЗАЩИЩАТЬ ГРУДЬЮ ЕВРОПУ ОТ АЗИИ»
(ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ)**

Вплоть до недавнего времени такая важная тема, как внешнеполитические взгляды русских консерваторов оставалась на периферии внимания исследователей. Ситуация стала меняться в последнее десятилетие. В 1998 г. в Иваново вышла монография С.М. Усманова «Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX века», в которой, помимо прочего, анализируются и внешнеполитические взгляды мыслителей-монархистов¹. В 2005 г. в Костроме была защищена кандидатская диссертация В.Ю. Белянкиной «Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.)»². В трех главах работы рассмотрены проблемы русско-английских, русско-германских, русско-французских, русско-китайских, русско-японских и русско-персидских отношений во взглядах русских правых. Значительное внимание уделено Восточному вопросу. Диссертантка использовала архивные материалы, а также публикации периодической печати. Обширные главы о внешнеполитических взглядах монархистов есть в монографиях И. В. Омелянчука³ и А. В. Репникова⁴. В 2004 г. тиражом в 100 экземпляров вышла книга Б. Д. Сыромятникова о двоюродном деде автора, публицисте, востоковеде и путешественнике С. Н. Сыромятникове⁵. Взгляды консервативной политической и интеллектуальной элиты на роль России на Дальнем Востоке были затронуты в работах Уортмана⁶ и Схиммельпенника⁷. Отметим исследования китайского историка Сунь Чжинцина⁸ и китаеведа А.В. Лукина⁹.

К сожалению, на долгие годы труды таких консерваторов-геополитиков, как С. Н. Сыромятников¹⁰, И. И. Дусинский¹¹, Э. Э. Ухтомский¹², Ю. С. Карцев (Карцов)¹³, А. Е. Вандам¹⁴ были практически забыты. В 2007 г. было осуществлено репринтное издание двух из трех томов труда Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891», однако высокая цена делает его практически недоступным для историков. Статьи В. А. Грингмута, М. О. Меньшикова и М. А. Таубе посвященные внешней политике вошли в книгу, подготовленную И. С. Рыбаченком¹⁵. Предпринятая автором этих строк попытка заинтересовать издателей републикацией работ русских геополитиков не дала результатов. Отказ был обусловлен тем, что

РАЗДЕЛ III

Ухтомский или Карцов, в отличие Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, неизвестны массовому читателю, т. е. переиздавать их коммерчески не выгодно. Получается замкнутый круг: книги Ухтомского, Карцова и др. неизвестны читателю, т.к. не переиздаются, а переиздавать их не хотят поскольку авторы неизвестны.

Завершая историографический и источниковедческий обзор, отмечу, что в данной статье использованы материалы неопубликованной рукописи Карцова «Хроника распада», хранящейся в Архиве-музее Библиотеки Фонд Русское Зарубежье¹⁶.

Правым Россия виделась как империя, простирающаяся от Европы до Азии и ведущая независимую внешнюю политику. Первой крупной неудачей, заставившей их задуматься о выработке внешнеполитической доктрины, стало поражение в Крымской войне¹⁷. Успешное решение геополитических задач в эпоху Александра III предоставляло простор для оптимистических прогнозов, но все изменилось после поражения в русско-японской войне, которая стала более серьезным ударом по национальному самолюбию, чем Крымская, поскольку имело место противостояние со страной, которую предполагали легко победить¹⁸. В связи с этим Карцов предупреждал Великого князя Александра Михайловича: «Война с Японией несчастье и гибель России... Победа ничего нам не принесет, ибо вырвут ее и присвоят себе покровительствующие Японии морские державы, Америка и Англия, тогда как поражение разорит Россию и внутри империи вызовет смуту. Подобно мексиканской экспедиции императора Наполеона III, предшествовавшей войне с Германией, война с Японией только прелюдия последующей войны, более обширной, в предвидении которой не расточать и не разбрасывать нам следует силы, а беречь их и сосредотачивать»¹⁹.

Историк А. В. Игнатъев называет следующие основные внешнеполитические ориентиры тех, кого относит к крайне правым: 1) Несогласие с блоковым курсом правительства; 2) Критику европоцентризма и сосредоточения внешнеполитического внимания на балканско-ближневосточных проблемах, «что могло поссорить Россию с Германией»; 3) Необходимость активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке (вплоть до войны-реванша «против Японии в союзе с Германией и Соединенными Штатами»); 4) Переориентацию от союза с парламентскими западными державами на «союз с Германией, который позволил бы решить в русских интересах вопрос о проливах, остановить австрийскую экспансию на Балканах и перенести внимание в Азию»). В идеале предполагалось воссоздание союза трех императоров²⁰. Националисты и умеренно правые, по мнению Игнатъева, не подвергали сомнению блоковую ориентацию правительства, но «не считали, что Россия достигла в своем расширении естественных рубежей» и выдвигали на первый план «объединение славянских народов Балканского полуострова вокруг России, утверждение в Константинополе и на проливах, выход к устью Немана. Они рекомендовали также развивать колониальную экспансию в Азии...»²¹.

Для понимания внешнеполитических взглядов правых нужно кратко рассмотреть геополитические проекты князя Ухтомского. «На определенном этапе, отмечает А. В. Лукин, Э. Э. Ухтомский считался при дворе Николая II знатоком Китая, да и сам себя посчитал таковым. В 1887 г., занимая лишь формально него-

сударственную должность члена правления Русско-Китайского банка, он был направлен в эту страну со специальной миссией, которая рассматривалась как ответный визит после посещения России Ли Хунчжаном, присутствовавшим на коронации Николая II»²². В 1890–1891 гг. он сопровождал Наследника Николая Александровича в его путешествии на Восток, о чем оставил богато иллюстрированный шеститомный отчет, который сначала вышел на русском, а потом был переведен на другие языки²³. Учитывая специфику этого труда, и то, что Николай «лично подверг цензуре это издание»²⁴, можно говорить о том, что это был не просто «парадный» текст. Ухтомский отмечал, что русские близки азиатам: «Гуджератские цари утверждали в то время, что лишь по вступлению на престол им удавалось тщательнее вникнуть в слова Магомеда, ибо владыкам приходится более размышлять и переиспытывать чем простым смертным. Знакомясь с обстановкой и вообще всею атмосферою тогдашнего придворного строя, с его вельможами-воинами, переселяющимися сюда из Хорассана, Самарканда и Турции, как-то невольно чувствуешь себя в отчасти родной среде, из которой выходили типы, напоминающие то Рюриковича “Грозные очи”, то Калиту, то Федора Иоанновича, с их боярами-выходцами из Пруссии²⁵ и Литвы, из близкой Орды и дальнего Заволжья. Только в наших исторических деятелях словно теснее олицетворяются и сливаются западные начала с восточными, словно выпуклее сквозит народение новой, смешанной по крови, но оригинальной по духу расы»²⁶. Князь обращал внимание на хищническое отношение европейцев (особенно британцев) к Азии, противопоставляя этому русскую отзывчивость, которая вызывает симпатию. Вместе с тем, Ухтомский не идеализировал Восток (в частности, Китай), хотя и считал его ближе России в геополитическом и духовном отношении, чем Запад. В очерке «К вопросу о китайской цивилизации», опубликованном в журнале «Наблюдатель», он упрекал российских «молодых китаистов» в том, что те возводят Китай «чуть не на первенствующую ступень среди цивилизованных государств всего мира», в то время как в реальности он еще не вступил на путь прогресса, а происходящие в нем перемены это «редакция одних и тех же положений и выкройка платья из того же самого материала, который кроили и перешивали на тысячу ладов»²⁷. Ухтомский стал одним из самых ярких критиков идеи «желтой опасности» в консервативном лагере, где об этой опасности говорили уже давно. О ней, в частности, предупреждал К.Н. Леонтьев. В беседе с дипломатом и литератором А.Н. Цертелевым в начале 1870-х годов он обмолвился:

«Православных-то скоро и русских подданных ни единого не останется...

– Что же – не китайцы ли уничтожат нас? – спросил насмешливо князь...

Хотя бы и китайцы [Далее в тексте шло продолжение этой фразы, зачеркнутое Леонтьевым: "...через века три"], – отвечал я.

– Гоги и Магоги, – тотчас же нашелся князь, и все рассмеялись. –

Но я нахожу, что и в этой ничтожной полушутке о китайцах была бездна ума; она доказывала, что он, вероятно, и сам о такой возможности думал...»²⁸. Леонтьев писал В.В. Розанову о том, что «китайцы назначены завоевать Россию, когда смещение наше (с европейцами и т. п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога – такой России. «Гоги и магоги» – *finis mundi*²⁹! После этого что еще останется?»³⁰. Библейский образ Гог и Магог в связи с Китаем у Леонтьева

появлялся не единожды. В рассказе Леонтьева «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» один из героев «за стаканом чая, толкуя о... восточных племенах, сообщил, ... между прочим, что у донцов есть поверье, будто когда китаец поднимается, тогда уж никто не устоит против него, что Гоги и Магоги Апокалипсиса именно и есть китайцы.

“Восток, – сказал он сам себе, – призван освежать; вспомним средневековые нашествия” и т.д.»³¹.

Китай, «презирающий европейцев», обратил на себя внимание Ухтомского. Свою работу «К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку» он целиком посвятил обоснованию мысли, что Россия не должна была входить в антикитайский блок. Критикуя действия европейских колонизаторов в Китае, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что она является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют непременно больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада. И раз «Восток и Россия – одна безбрежная стихия, одно гармоничное в своих духовных основаниях целое» то не приходится удивляться, когда восточно-русские первопроходцы делают неожиданное открытие, что новый мир, в который они проникают на Востоке, кажется им (в отличие от «европейских цивилизаторов») не враждебным и чуждым, а по-детски наивным доверчивым³². «Ничего нет легче для русских людей, как ладить с азиатами. Между ними и нами – такое сочетание единомыслия по существеннейшим жизненным вопросам, что некоторого рода родство душ всегда определяется быстро и самым тесным образом. При глубоком, почти коренном различии национального психофизического облика, японец и простого звания русский все как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам»³³. Поэтому русские всегда смогут найти с азиатами общий язык, даже если и приходится с ними порой сражаться (князь особо подчеркивает, что русская экспансия в Азию коренным образом отлична от европейской и естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем нельзя называть «политическими захватами»). Запад, который «оформил» русский дух, «тускло и слабо» отражается на поверхности нашей жизни, под которой в недрах национального бытия все пронизано мировосприятием Востока. Европейец, который отравлен материализмом, не может понять дух Востока и проявляет чуждость к его традициям.

Объединиться с Востоком в процессе противостояния Западу предлагал и Сыромятников. В споре с собеседником немцем он утверждал, что араб, перс и китаец, ближе русскому, потому что они «не заглушили в себе Бога и, несмотря на дикость свою и некультурность не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами»³⁴. В лице своего оппонента Сыромятников угрожал Западу союзом России и Востока: «Против этого истребления дела Божия на земле и должны объединиться народы Востока и бороться с вами, как с собирательным Антихристом, противником естественной жизни, противником духовной и нравственной свободы. Против вашего мозга будем бороться мы, последние богоносцы. Будем бороться за деревню, за лес, за чистое небо, за чистую душу, за чистую совесть, за зверя, за птиц и за рыб, за всех наших братьев в мироздании. Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против

социального цухтхауза, за бедность против богатства. Обломки и отрывки этих идей носятся от Dondra Head до Чукотского Носа, от Иезо до Варшавы. Мы делаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом. Англичане предчувствуют наше значение в Азии и боятся нас. Потому что отныне не будем мы защищать грудью Европу от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»³⁵.

Многие русские консерваторы полагали, что Азия инстинктивно чувствует – Россия является важнейшей частью того огромного духовного мира, который мистики и ученые именуют «смутным словом Восток». Ухтомский был уверен, что «в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря»³⁶. Россия должна «стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения...»³⁷. Ему вторил Карцов, считавший естественным «стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем»³⁸. Дусинский был согласен с тем, что в начале XX века «русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным... Территориальное развитие русского государства, несмотря на всю его значительность, не может и не должно еще считаться законченным – таков первый факт, обуславливающий характер нашей внешней политики»³⁹. В статье «Австро-славизм и Руссо-славизм (Две соперничающие идеологии)», помещенной в сборнике «Ладо», Д.Н. Вергун утверждал, что когда Россия боролась за территорию, «целью этой борьбы была не только охрана самобытной русско-славянской культуры, внешнего “самодержавия” России и национальной церкви, но и припасение земельных запасов для грядущих поколений на востоке»⁴⁰. России предназначено стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком и быть третейским судьей в вечном споре между Азией и Европой. Причем, как полагал Ухтомский, этот спор ей приходится решать в пользу Азии, потому что не может быть иного решения для судьи, который «чувствует себя братом обиженного». В противном случае «Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники... Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родною стариной: Самодержавием. Без него Азия не способна искренно полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчленивать и осилить нас...»⁴¹.

О необходимости помнить про «пробуждающуюся» Азию писал и Дусинский: «Там, на Дальнем Востоке и Юге, рождается новый мир-великан, носитель вековой культуры, полный скрытой энергии и накопленных тысячелетиями сил, мир трезвого ума и твердой воли, мир настойчивости, терпения

и упорного, всепобеждающего труда... А на пути его лежит Святая Русь. Огненный вздох желтого Дракона уже обжег ее спящее лицо. А с далекого Юга на нее же глядят с ненавистью другие взоры... Там вьется в судорогах возрождения старый и грозный своим фанатизмом мир Ислама, властелин и поныне для многих славян. И он также не оставит нас в покое, как, впрочем, и мы не могли оставить в покое его. А на ближнем Западе притаился третий сосед (Германия – *A. P.*), старый враг славянского племени...»⁴². Аналогично считал и Леонтьев, отмечавший, что «мы, русские, с нашими серо-европейскими, дрябло-буржуазными, подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг беспримерный на современном Западе, стоим теперь между этими двумя пробужденными азиатскими мирами, между *свирепо-государственным* исполином Китая и глубоко *мистическим* чудищем Индии, с одной стороны, а с другой – около все разрастающейся гидры *коммунистического мятежа* на Западе, несомненно уже теперь “гниющем”, но тем более заразительном и способном сокрушить еще многое предсмертными своими содроганиями»⁴³. Летом 1914 года в брошюре «Русский Монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 года» практически тем же словами будет описано «положение нашего отечества – центральное, – между пробуждающимся полумиллиардным, с одной стороны, населением Востока, стесненным на своей территории, а с другой – с сильными государствами Запада, тоже переполненными населением и нуждающимися в расширении своих границ»⁴⁴. Эта ситуация должна вынудить Россию «избрать одно из двух: или стать молотом настолько сильным, чтобы сковать Восток и Запад, или же, в качестве наковальни, став ареною постоянных кровавых событий, – отдать себя на растерзание, то есть утратить свою Государственную цельность. Иного исхода нет: никакие дипломатические хитросплетения и увертки не в состоянии предотвратить событий, вытекающих из того побудительного требования, что “людям надо есть”»⁴⁵.

Особо привлекала Азия⁴⁶ (в первую очередь, Китай⁴⁷) Тихомирова. «Государство должно – писал он – охватить естественными границами все пространства, которые дают нации возможность добывать достаточно разнообразные продукты и перерабатывать их. В тех государствах, для которых особенно важное значение имеет море и сношения с дальними странами, в государственную территорию должны быть включаемы иногда очень дальние клочки земли или острова, необходимые как опорные пункты для морских сношений. Все эти условия требуют не только естественности границ, но также их законченности. До тех пор пока государство не достигло законченных границ, его территориальная политика должна считаться не завершенной, не достигшей тех окончательных целей, по закреплению которых она может ограничиваться простым поддержанием достигнутого... Русская территориальная политика в достижении естественности и законченности границ... до сих пор не закончена»⁴⁸. Он также активно поддержал миссионерскую деятельность православной церкви в Японии⁴⁹ и лично поспособствовал ей, поддерживая длительную переписку с архиепископом Николаем Японским, в миру – И.Д. Касаткиным, оказывая ему различные услуги. Судьба этого человека необычна. Окончив семинарию, он принял монашеский постриг и был рукоположен в сан иеромонаха.

1 августа 1860 г. по собственному выбору отправился в Японию, получив должность настоятеля консульской церкви. Приехав в Японию, в течение полувека занимался миссионерской деятельностью. Основал семинарию, школы богословия, иконописную мастерскую. Овладев, в совершенстве японским языком, перевел Священное Писание для своих прихожан-японцев. Ведя миссионерскую деятельность, «обошел всю Японию». Был назначен начальником Российской духовной миссии в Японии. В 1906 г. был возведен в сан архиепископа. В своих обширных дневниках, которые он вел с 1870 по 1912 год, Николай Японский неоднократно упоминал о Тихомирове⁵⁰. Роль Православной церкви, как и миссионерской деятельности вообще в непростом деле сближения стран и народов общеизвестна. В одном из писем Тихомиров выражал желание «завязать сношения с каким-либо православным японцем, знающим русский язык, и предложить ему “писать статьи об Японии в видах сближения православных обеих наций”»⁵¹. Комментируя это письмо, Касаткин позитивно оценил интерес Тихомирова, которого характеризовал как «доброе друга»⁵² и отметил, что нужно «принести ему искреннейшую благодарность за участие к делу Японской Православной Миссии»⁵³. В результате последовал перевод брошюры Тихомирова «Христианские задачи России и Дальний Восток» на японский язык. Между Николаем Японским и Тихомировым завязалась переписка, и Лев Александрович оказал православной миссии поддержку, заслужив признательность о. Николая: «Спаси, Боже, Льва Александровича Тихомирова, при каждом случае заявляющего свое сочувствие Миссии и много этим помогающего ей!»⁵⁴. Тихомиров высказал мысль «основать в Москве Японское подворье», которую архиепископ Николай охарактеризовал, как «очень дельную», поскольку «подворье было бы родным домом для японских студентов, обучающихся в Академиях; а для русских оно было бы местом, где они могли бы знакомиться хоть несколько с японским христианством не по слуху, а на деле»⁵⁵. Леонтьев неоднократно писал в своих статьях, что у присоединенных к России народов «охранительные начала крепче» и подчеркивал государственное значение не столько русификации, сколько религиозной проповеди, то есть миссионерской деятельности: «*Не только русский верующий*, но и японский прозелит должен желать блага Русскому государству, как наилучшей все-таки опоре Православия»⁵⁶.

Вспоминая в 1916 году о своих проектах Тихомиров писал в дневнике: «Роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далекое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна – упражнения по японскому языку⁵⁷, другая – вот эта самая – по китайскому. Уничтожить первую – не поднялась рука... Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий⁵⁸ был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью. Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! ... А ведь сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование

Императора Александра III, когда, казалось, воскресала русская духовная сила и ежегодно быстро возрастала русская мощь. Я тогда еще более старался для Японии и японский язык почти *изучил*. Еще немного – и я стал бы уже *читать* японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая⁵⁹, с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдется и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Все смело и уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попираание чужих прав привели к позору и разгрому России и к уничтожению всех надежд на Тихом Океане. После же того – пошли удары за ударами. Теперь мы изгнаны и из славянского мира, изгнаны и с Ближнего Востока. Война не кончена, но ее исход не возбуждает сомнений. Что тут думать о Тихом Океане, когда и на Западе, и на Юге мы проиграли все свое значение, погубили все дела веков»⁶⁰.

Исследователь Сунь Чжинцин справедливо отмечает, что противостояние противников и сторонников идеи «желтой опасности» связано с противостоянием либералов (начиная от В. С. Соловьева) и консерваторов. «Идея “особой миссии России на Востоке” была творчеством лишь русских антизападников, подобных Э. Ухтомскому и А. Суворину», которые «пропагандировали дружбу с Китаем» и «всячески подчеркивали преимущество русского варианта просвещения народов Востока перед западноевропейскими державами...»⁶¹. При этом, Сунь Чжинцин не идеализирует сторонников «особой русской миссии на Востоке», считая, что они «как и сторонники “желтой опасности” одинаково боялись пробуждения Китая» и их слова о «дружбе» и «союзе» с Китаем просто прикрытые «русской экспансии»⁶².

На рубеже XIX–XX веков, и особенно после событий русско-японской войны русская консервативная мысль, пожалуй, впервые серьезно обратилась к внешнеполитическим проблемам. В своем анализе внешней политики России Карцов использовал письма и заметки, переданные ему дядей, являвшимся дипломатическим агентом в Белграде. Учел он и личные наблюдения⁶³. В неопубликованных воспоминаниях Карцов пишет о том, как подготовил аналитический доклад, и получил разрешение на его публикацию без подписи: «Под заглавием “Радикальная Англия. Ее экономический кризис и притязания на мировое господство. С. Петербург. 1895 г.”, вышла в свет анонимная брошюра небольшого формата, всего 86 страниц. Издана она была Сувориным в количестве трехсот экземпляров»⁶⁴. В этой брошюре, сразу ставшей раритетом, Карцов попытался ответить на вопрос – в чем причины могущества Англии. По его мнению, они – во внешних ресурсах, т. е. доходах с капиталов, помещенных в чужих странах и морских фрахтах. Англия это «всемирный банкир и всемирный извозчик». Конкуренция Германии привела к тому, что фрахты понизились и товары упали в цене. На 37 странице брошюры Карцов прогнозировал: «В том, что Англия, прежде чем признать себя побежденною, испробует все средства борьбы, в этом ручается вся прошлая ее история. Прижатые к стене англичане проявят крайнюю степень энергии; если же преимущества свободной конкуренции окажутся не на их стороне, в таком случае можно

сказать наверно, их никакие абстрактные соображения свободы не воздержат снова прибегнуть к традиционным способам: войне и насилию». Если в течение долгого времени антагонизм Франции и Германии в Европе служил «залогом свободы действия и противовесом стремлений России на Ближнем Востоке», то начавшаяся борьба Англии и Германии за преобладание «в торговле и на море» уже более опасна для России. Поэтому, как утверждал Карцов на 85 странице брошюры, «политика России против Англии должна заключаться не в одиночном действии», а в поддержании мира в Европе и в поощрении колониальных и морских стремлений Франции и Германии». Политика России, в соответствии с докладом, заключалась в том, чтобы «на Балканах не давать себя вовлекать в войну и не впутываться в осложнения на Дальнем Востоке»⁶⁵. Выступая в январе 1912 года с докладом, он пришел к заключению, что «Англия, видя для себя опасность ввиду все усиливающегося торгового и морского могущества Германии, ищет сближения с Россией, чтобы тем самым ослабить свою соперницу. Но государственные интересы России ... требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, – но даже и всю континентальную Европу, и мало того, – чрезмерно усилила бы господство Англии»⁶⁶. Доклад вызвал оживленные прения, сразу после которых выступил Г.В. Бутми, поддержавший докладчика⁶⁷. Вместе с тем, Карцов предостерегал не только от союза с Англией, но и от чрезмерной внешнеполитической ориентации на Германию, которая по мере роста своего могущества усиливает геополитический натиск на Восток (под этим натиском автор понимал не только непосредственное давление на Россию и славянские народы, но и проникновение немецкого влияния в Малую Азию и на Ближний Восток).

Булацель считал, что Англия пытается столкнуть Россию и Германию в своих интересах, и если это произойдет, то в результате такой войны выиграет только Англия. Майков так же полагал, что Англия всегда была врагом России (Крымская война, Берлинский конгресс, помощь Японии в 1904–1905 годах, помощь Финляндии в революции 1905 года, поддержка кадетов) и только немецкая угроза заставила Англию искать союза с Россией. Он предостерегал от конфронтации с Германией, верным союзником России, предвещая в результате возможного столкновения поражение и России и Германии⁶⁸. Не одобрял вмешательство России в европейские дела и Сыромятников, полагавший, что необходимо направить внешнеполитическую экспансию в район Дальнего Востока, Маньчжурию, Корею, в Персию и к Персидскому заливу.

Англофобия русских консерваторов была связана не только с тем, что в Англии видели геополитического соперника, но и с неприятием политического строя Великобритании, и деятельностью английского масонства. В 1908 году Карцов утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России – Англия»⁶⁹. Даже накануне Первой мировой войны правые пытались оказать на власть давление и добиться корректировки русско-английских отношений. Одним из тех, кто раскрывал в своих работах тему соперничества России и Англии, был Вандам, чьи труды, по мнению современных историков заложили фундамент отечественной геополитической школы. В работах «Наше

положение» и «Величайшее из искусств» он давал общий геополитический очерк истории России и анализировал внешнеполитическую ситуацию по состоянию на 1912 год, когда была опубликована последняя из вышеупомянутых работ. Исследователь полагал, что экспансия в какие бы формы она не выливалась (военные, политические, экономические и т. д.) свойственна для любого государства и для любого народа, но «русский народ по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях»⁷⁰.

Идея создания федерации славянских государств, популярная в XIX веке, волновала консервативных мыслителей и в начале XX. А. В. Васильев предполагал возможность создания единого Всеславянского Союзного Государства с Россией во главе⁷¹. Сторонник объединения славянства Шарапов в своих работах продолжал вместе с Н. П. Аксаковым отстаивать идеи русских славянофилов⁷². Геополитические прогнозы Шарапова нашли отражение в неоконченном романе-утопии «Через полвека», в котором описана Российская Империя 1950-х годов. Между героем, попавшим в Россию будущего, и его собеседником происходит диалог:

– Разве Константинополь наш?

– Да, это четвертая наша столица.

– Простите, пожалуйста, а первые три?

– Правительство в Киеве. Вторая столица – Москва, третья – Петербург⁷³.

Константинополь представляет собой вольный имперский город с небольшой территорией вокруг. Укрепления Босфора и Дарданелл упразднены и потеряли военное значение, но, тем не менее, находятся в руках России. «Западная граница начиналась у Данцига, крупными буквами обозначенного «Гданьск», охватывала всю восточную Пруссию и Познань и упиралась в крошечную, тоже нашу русскую область с крупно отпечатанным городом «Будьшин». Я узнал маленькую, поэтическую Лужицу. Далее государственная черта переходила в прежнюю Австрию, охватывала всю Чехию с Моравией и, мимо Зальцбурга и Баварии, спускалась к Адриатическому морю, окружая и включая Триест. В этой новой части Российской Империи определялись яркими красными границами следующие области: *Царство Польское* со столицей Варшавой, напечатанной крупно, и двумя главными городами Краковом и Познанью, отмеченными помельче. *Червонная Русь* со Львовом, *Лужица* с Будышином, *Чехия* с Веной в качестве столицы, Прагой и Оломуцем, напечатанными помельче. Маленькая, обрезанная со всех сторон *Венгрия* с Будапештом, *Сербо-Хорватия* со столицами Белградом, Дубровником и Загребом, *Румыния* с Бухарестом, *Болгария* с Софией и Адрианополем, и, наконец, *Греция*, охватывающая прежнее королевство, острова и часть побережья, с Афинами в качестве главного города. Очень крупно был обозначен Царьград, четвертая столица Империи, по-видимому, не принадлежавший ни к какой области. Но крупнее всех сверкал Киев. Здесь была первая столица России, перенесенная с Севера... Россия объединила славянские племена, «славянские ручьи» «слились в русское Море», а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии»⁷⁴.

Однако, в начале XX века из рядов консерваторов уже стали раздаваться голоса, в которых идея славянского объединения подвергалась критике. Отмечалось, что славянские народы, воспользовавшись поддержкой России и получив незави-

симось, отнюдь не спешили к оформлению с ней каких-либо союзов. Националист В. Строганов приходил к выводу: «Вообще мы не имеем Друзей. Даже для наших братьев-славян, за освобождение которых мы проливали свою кровь почти три столетия подряд, мы имеем ценность постольку, поскольку мы можем быть им полезны»⁷⁵. П. И. Ковалевский, с одобрением ссылавшийся на статью М. О. Меньшикова «Сомнительная родня» с критикой панславистских идей, полагал, что, оказывая поддержку «братьям-славянам», мы «добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков... В благодарность те же вырученные братушки и лягнут эту глупую Россию... А Боже храни, если Русские не придут на помощь. Тут уже и нет предела издевательствам, брани и помоям по адресу России. И Россия терпит. Это глупо, но верно. Пора этому положить конец»⁷⁶. Реальность вскрыла иллюзорность панславистских проектов, и немногие консерваторы остались верными славянофильским идеям. Одним из них был Н. П. Аксаков, выпустивший в 1910 году книгу «Всеславянство», в которой одинаково отвергал союз и с Германией и с Британией, считая, что «жизненные усилия» славян должны быть устремлены совсем к иному. А именно – «к выработке общеславянского политического идеала наряду с частными идеалами каждого из племен – *общеславянского идеала*, который давал бы возможность достигать искомой “гармонии в разнообразии”, примирял бы различные идеалы и вождения племен...»⁷⁷. Аксаков отмечал, что «славянский вопрос открыто признается всеми одним из самых существенных и жгучих вопросов нашего времени»⁷⁸.

Вандам считал, что «пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере белым народам понять, что единственным разумным выходом *balance of power in Europe* была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и ... присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами»⁷⁹. В качестве союзников России по коалиции он видел Германию и Францию. Позитивное отношение к Франции, как к возможной союзнице, было в определенной степени связано с англофобской позицией. Хотя республиканская Франция для консерваторов была примером страны, в которой победили «масоны» и «якобинцы», они с одобрением относились к деятельности французских монархистов, и, выбирая между Англией и Францией, предпочитали видеть в союзниках России последнюю.

Еще в 1913 году Пасхалов прогнозировал неизбежность новой большой войны, поскольку «для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя... Удастся ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей»⁸⁰. Годом ранее А. Г. Щербатов прогнозировал, что «при первой возможности Германия будет вынуждена в силу обстоятельств утвердить свои мирные торговые завоевания вооруженной силой,

и что ее нападению подвергнется страна, наименее подготовленная к самообороне»⁸¹. России же предстоит готовиться к войне не с одной державой, а с союзом держав. Вполне возможно, писал князь, что в будущей войне Германия поддержит Японию в борьбе с Англией (при этом он полагал, что Англия не примет активного участия в этой борьбе и ее «можно вычеркнуть из списка военных держав»). Германия выступит «застрельщиком» войны из-за торгового соперничества, а Япония – желая обеспечить себе гегемонию на Тихом океане. России же «в предстоящей мировой борьбе» предстоит в первую очередь стоять на страже своих интересов и освоиться с мыслью, что у нее «нет и быть не может твердых союзников».

Летом 1914 г. «Земщина» пугала тем, что война между Россией и Германией стала бы войной «двух наиболее сильных монархий, являющихся оплотом христианской цивилизации», и если она начнется, то будет вестись не во славу России, а «во славу Израиля»⁸². Писатель И. А. Родионов также считал Первую мировую «судьбоносной ошибкой Императорского Правительства, т. к. не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя ее технику со своим сырьем, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен. Он говаривал, что немец – хороший товарищ и, в противоположность австрийцу, надежный союзник. Только ему надо сперва рога обломать, чтобы тевтонская спесь всего не испортила»⁸³.

Князь Н. Д. Жевахов также полагал, что «Россия и Германия являются единственными в Европе монархиями, не по имени, а по структуре и существу, единственным оплотом монархического начала, единственным барьером, сдерживающим натиск революции», и безразлично, победит Германия, или проиграет, в любом случае «придет Англия и превратит Россию в колонию, как сделала с Египтом ... И Франция, и Англия одинаково бояться могущества как России, так и Германии, и тем больше – взаимной дружбы последних; поэтому к разрыву между нами и немцами были направлены все их усилия. А мы, как всегда, опростоволосились. Попались на удочку этих интриг и немцы»⁸⁴. Будучи в офицерском собрании в Ставке, Жевахов в разговоре пытался переубедить собеседника, уверенного в том, что «Германия будет побеждена, она должна быть побеждена!», возражая на это: «Может быть так и будет, ...но в том, что она должна быть побеждена я сомневаюсь, ибо одинаково невыгодно как России уничтожать Германию, так и Германии Россию... потому, что, кроме воли двух враждующих сторон, из которой каждая, естественно, хочет остаться победительницей, есть еще третья воля, наиболее беспристрастная. Одни называют эту волю – волей Божией, а другие – законом исторической необходимости. Война с Германией есть безумие с обеих сторон. Каждая из этих сторон воюет, в сущности говоря, против самой себя. Победа или поражение Германии будет победою или поражением России. Господь не допустит такой явной бессмыслицы, и война кончится вничью»⁸⁵. После начала боевых действий «Русское знамя» предостерегало от «полного разгрома монархической идеи и Германии как ее очага»⁸⁶. Менее чем через год после начала войны департамент полиции зафиксировал

позицию Дубровина, сводившуюся к необходимости скорейшего прекращения войны с целью сохранения двух наиболее могущественных монархических государств в Европе – России и Германии⁸⁷. Таким образом, война с Германией оценивалась значительным числом консерваторов как самоубийственная для монархических режимов обеих стран.

Возможность поражения в войне, о которой по мере дальнейшего развития событий все чаще задумывались правые, связывалась с новой революцией. Если в начале войны Тихомиров молился за победу русского оружия, то 10 февраля 1915 года он записал в дневнике: «Да, видно не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме позора, проигрыша всех интересов России, – и, вероятно, революций, от которых конечно ни на грош пользы не прибавится. Какая злополучная эпоха. И какое неумение находить людей»⁸⁸. В сентябре 1915 года Тихомиров с грустью констатировал: «Что монархия погибла – это вне сомнения, но теперь важно, чтобы Россия не погибла. О победе над немцами я уже не мечтаю, да и кто мечтает? Хотелось бы хоть выпутаться с наименьшими потерями и с сохранением независимости. Большого вряд ли можно ожидать»⁸⁹. Он излагает проекты послевоенного мироустройства: «Победы над Германией уже не ждут в Правительстве, и уже теперь думают об условиях мира, приемлемого Германией ... Выигрывает много Англия, и отчасти даже Франция. Германии предоставляется готовиться к новой войне. Россия как всегда – остается в дураках, и в сущности последний раз в жизни, так как после этого ей, конечно, уже остается только постепенно разлагаться и стать новой Турцией – “больным человеком”»⁹⁰. Самодержавная Россия шла навстречу гибели.

Уже будучи в эмиграции Карцов подвел итоги произошедшей катастрофы: «Придет время, на пространстве бывшей России царской и православной возникнет новая культура и заживут люди мирно и счастливо. Но это обновленная неведомая Россия, при всем ее благополучии, не моя Россия. Та Россия, которой я служил и о благе которой скорбел душою, Святая Русь, большевизм пронесся по ней губительным вихрем, опустошившим ее и выжег, и она не воскреснет. Я храню ее в моем сердце и унесу с собой в могилу»⁹¹.

Примечания

¹ Усманов С. М. Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX века. Иваново, 1998.

² Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.

³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Кострома, 2006. С. 480–521.

⁴ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 223–273.

⁵ Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 годы) : историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004.

⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2.

⁷ Schimmelpenninck van der Oye, D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001; Основные тезисы

РАЗДЕЛ III

монографии см.: *Схиммелленник Д. ван дер Ойе*. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 211–226.

⁸ *Сунь Чжинцин* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX веков. М., 2005.

⁹ *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

¹⁰ Мировое значение Персидского залива и Куэйта. Сообщение член-соревнователя Общества ревнителей военных знаний С. Н. Сыромятникова. СПб., 1901; *Сыромятников С. Н.* Очерки Персидского залива. СПб., 1907.

¹¹ *Дусинский И. И.* Геополитика России. М., 2003.

¹² *Ухтомский Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900; *Он же*. Из китайских писем. СПб., 1900; *Он же*. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1903; *Он же*. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904.

¹³ *Карцов Ю. С.* Внешняя политика как стимул народного хозяйства. СПб., 1905; *Он же*. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906; *Он же*. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906; *Он же*. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908.

¹⁴ *Вандам А. Е.* Наше положение. СПб., 1912; *Он же*. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб., 1913; См. републикацию: *Вандам А. Е.* Геополитика и геостратегия. М.; Жуковский, 2002; *Вандам А., Головин Н., Бубнов А.* Неуслышанные пророки грядущих войн: сб. М., 2004. С. 41–139.

¹⁵ Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: документальная публикация. М., 2004.

¹⁶ *Карцов Ю. С.* Хроника распада // Архив-музей БФРЗ, ф. 1, ед. хр. М-76 (1).

¹⁷ Карцов отмечал, что после «неудачной Крымской войны, внешняя политика России всецело стоит на почве компромисса. Война за освобождение славян, а за нею японская, еще более утвердили правительство в убеждении правильности системы согласования интересов России с интересами более культурного Запада» (*Карцов Ю. С.* В чем заключаются внешние задачи России. С. 41–42).

¹⁸ 15 мая 1903 г. Тихомиров писал О. А. Новиковой: «Не думаю, чтобы мир был близок. Ведь мы даже по изгнании японцев из Кореи имеем еще трудную задачу, перебраться на японские острова. Этого нельзя ждать раньше прибытия эскадры Рождественского. Заключать мир, не доказав всей силы России – это значило бы совершенно погубить правительство. Насколько слышно – так именно думают и в правительственных сферах» (РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 750, л. 122).

¹⁹ Архив-музей БФРЗ, ф. 1, ед. хр. М-76 (1), л. 98.

²⁰ *Игнатъев А. В.* От «личной дипломатии» к «политике интересов» // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 194.

²¹ Там же. С. 194–195.

²² *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Указ. изд. С. 96.

²³ *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. СПб., 1893–1897. Т. 1–3. Ч. 1–6.

²⁴ *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Т. 2. С. 441.

²⁵ Так в тексте.

²⁶ *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества... Т. 1. Ч. 2. С. 104.

²⁷ *Ухтомский Э. Э.* К вопросу о китайской цивилизации // Наблюдатель. 1888. № 11.

²⁸ Из воспоминаний К. Н. Леонтьева // Лица : биографический альманах. М. ; СПб. 1995. Т. 6. С. 463, 470. *Хатунцев С. В.* Мотив «китайской угрозы» у К. Н. Леонтьева и «леонтьевские» мотивы в «Трех разговорах» В. С. Соловьева // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 224–237.

²⁹ Конец мира (лат.).

³⁰ Из переписки К. Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. Т. 285. Кн. 1. № 5. С. 181.

³¹ *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. Т. 1. Произведения 1852–1861 годов. Из ранних произведений. СПб., 2000. С. 235.

³² *Ухтомский Э. Э.* К событиям в Китае. С. 74–87.

³³ Там же. С. 82–83.

³⁴ *Сыромятников С. Н. (Сигма)* Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 29.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ *Ухтомский Э. Э.* К событиям в Китае. С. 84.

³⁷ Там же. С. 85.

³⁸ *Карцов Ю. С.* В чем заключаются внешние задачи России. С. 15.

³⁹ *Дусинский И. И.* Геополитика России. С. 41–42.

⁴⁰ Ладо : сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911. С. 240.

⁴¹ *Ухтомский Э. Э.* К событиям в Китае. С. 85; 86–87

⁴² *Дусинский И. И.* Геополитика России. С. 70.

⁴³ *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 417–418.

⁴⁴ Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы. М., 1998. С. 424.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Тихомиров Л. А.* Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. 1900. № 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249.

⁴⁷ *Тихомиров Л. А.* Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053; *Он же.* Вести о Китайском православии // Московские ведомости. 1904. № 181.

⁴⁸ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 597. 598.

⁴⁹ *Тихомиров Л. А.* Нужды проповедников Японской Миссии // Московские ведомости. 1903. № 180; *Он же.* Нужды Японской Миссии // Московские ведомости. 1909. № 223.

⁵⁰ Дневники св. Николая Японского: в 5 т. Т. 1–5. СПб., 2004.

⁵¹ Дневники св. Николая Японского. Т. 4. С. 388.

⁵² Дневники св. Николая Японского. Т. 5. С. 471.

⁵³ Дневники св. Николая Японского. Т. 4. С. 388.

⁵⁴ Дневники св. Николая Японского. Т. 5. С. 699.

⁵⁵ Дневники св. Николая Японского. Т. 4. С. 753.

⁵⁶ *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство... С. 343. Характерно, что XX век был отмечен канонизацией китайских и японских православных святых.

⁵⁷ В начале века Тихомиров не только изучал Японию и пытался выучить японский язык, но и переписывался с православным японцем Какусабуро Сенумой.

⁵⁸ *Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич)* (1797–1879) – член Святейшего Синода; в 1870 основал в Москве Православное миссионерское общество; был знаком с о. Николаем Японским.

⁵⁹ Т. е. Николая Японского.

⁶⁰ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 272–273.

РАЗДЕЛ III

⁶¹ *Сунь Чжинцин* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX веков. С. 205.

⁶² Там же.

⁶³ *Карцов Ю. С.* За кулисами дипломатии. 2-е изд. Пг., 1916. См.: *Карцов Ю. С.* Письма К. Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым. 1878 год // Памяти Константина Николаевича Леонтьева : лит. сб. Спб., 1911. С. 235–308.

⁶⁴ Архив-музей БФРЗ, ф. 1. ед. хр. М-76 (1), л. 34.

⁶⁵ Архив-музей БФРЗ, ф. 1. ед. хр. М-76 (1), л. 34.

⁶⁶ Правые партии. 1905–1917 годы. Т. 2. С. 96.

⁶⁷ 4 мая 1910 г. на заседании Главной палаты СМА был представлен доклад Г. В. Бутми «Россия, Германия и Англия». Бутми полагал, что сближение с Британией грозит России «враждой трехсот миллионов близких к границе индусов, готовых в любой момент восстать против метрополии» и «враждой Персии» // Цит. по: *Белянкина В. Ю.* Внешне-политические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914) : дис. ... канд. ист. наук. С. 51.

⁶⁸ Русское знамя. 1908. 19 июня.

⁶⁹ *Карцов Ю. С.* В чем заключаются внешние задачи России. С. 16–17, 19.

⁷⁰ *Вандам А. Е.* Геополитика и геостратегия. С. 30.

⁷¹ *Васильев А. В.* Объяснительная записка к начертанию западных границ России после войны и границ славянских областей, освобожденных от немецкого, мадыарского и турецкого ига. Пг., 1917.

⁷² *Шарапов С. Ф.* Ближайшие задачи России на Балканах. М., 1909; *Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф.* Германия и славянство : доклад Санкт-Петербургскому Славянскому Съезду Аксаковского литературного и политического общества в Москве. М., 1909.

⁷³ *Шарапов С. Ф.* Через полвека. Фантастический политико-социальный роман // Сочинения Сергея Шарапова. Т. VIII. Вып. 22. М., 1902. С. 2–80.

⁷⁴ Там же. С. 51–52.

⁷⁵ *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 74.

⁷⁶ *Ковалевский П. И.* Русский Национализм и национальное воспитание России. СПб., 2006. С. 87.

⁷⁷ *Аксаков Н. П.* Всеславянство. Кострома, 2004. С. 160–161.

⁷⁸ Там же. С. 23–24.

⁷⁹ *Вандам А. Е.* Геополитика и геостратегия. С. 153–154.

⁸⁰ *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос. М., 1913. С. 21.

⁸¹ *Щербатов А. Г.* «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002. С. 171–172.

⁸² Земщина. 1914. 17 и 19 июля.

⁸³ *Стукалова Г. П.* Страница истории России // *Родионов И. А.* Наше преступление. М., 1997. С. XLVII.

⁸⁴ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 42.

⁸⁵ Там же. С. 41–42.

⁸⁶ Русское знамя. 1914. 30 сент.

⁸⁷ См.: *Кириянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 годы. М., 2001. С. 377–380.

⁸⁸ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 40–41.

⁸⁹ Там же. С. 121.

⁹⁰ Там же. С. 222.

⁹¹ Архив-музей БФРЗ, ф. 1, ед. хр. М-76 (1), л. 354.

К. С. Рубанков

«Костромская народная газета»

**ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ (1913 Г.)
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЛЕНОВ ДИНАСТИИ
И ИХ ПРИБЛИЖЕННЫХ**

Большинство исследований, посвященных правлению последнего русского царя, обращаются к описаниям празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г. Романовские торжества трактуются как праздник, который отмечался «торжественно и всенародно», а сам 1913 год – «вершина процветания империи и год великого юбилея»¹. При этом сами современники кардинально расходились в оценки итогов романовских торжеств с точки зрения формирования позитивного имиджа монархии: от «триумфального успеха» (фрейлина императрицы С.Буксгевден) до «жалкого провала» (лидер кадетов П. Милюков)². Полярные оценки юбилея демонстрируют и воспоминания о праздновании 300-летия дома Романовых в Костроме, опубликованные местными исследователями: фрагменты мемуаров председателя Совета министров В.Коковцева и товарища министра внутренних дел В.Джунковского³. Если последний писал, что был свидетелем «ни с чем не сравнимого патриотического подъема в народе», то В.Коковцев считал: «Романовские торжества прошли как-то бледно», отметив, правда, что Кострома была исключением⁴. Комплексного исследования Романовских торжеств в историографии на данный момент не существует, фактически этот сюжет затрагивается только в капитальной монографии Р.Уортмана, анализировавшего символику русского самодержавия. Уортман рассматривал проведения юбилея в 1913 г. как попытку «сплотить народные массы вокруг царя», и пришел к выводу, что «торжества были призваны продемонстрировать неувядающую привлекательность монархизма в глазах масс» они «подтверждали веру Николая [Второго] в то, что большинство населения, особенно крестьянство, лояльно по отношению к нему»⁵.

Круг источников в большинстве публикаций достаточно узкий, и практически не используются даже опубликованные источники личного происхождения. Значительный интерес, на наш взгляд, представляет оценка самими Романовыми итогов празднования 300-летия своего рода. Как правило, в большинстве исследований, включая краеведческие, цитируются только фрагменты из дневника Николая Второго, как известно, достаточно сдержанного на эмоциональные оценки⁶. Между тем круг подобных источников должен быть расширен. В частности, в Кострому на празднование юбилея, кроме семьи Николая Второго, прибыло тридцать членов российского императорского семейства⁷. Двадцать четырем из них удалось пережить революционные события, четверо издали в эмиграции свои мемуары (великие князья Кирилл Владимирович, Гавриил Константинович, Александр Михайлович, великая княгиня Ольга Александровна)⁸. Сюда же примыкают еще два мемуарных текста: воспоминания кузины Николая Второго – вел.княгини Марии Павловны-мл. – она принимала участие в празднованиях юбилея в Москве, и воспоминания супруга племянницы царя Феликса Юсупова⁹. Приближенные Романовых также в своих мемуарах уделили внимание празднованию

РАЗДЕЛ III

300-летия династии (мы использовали мемуары фрейлины А. Вырубовой, камердинера А. Волкова, подруги последней царицы С. Буксгевден, дворцового коменданта В. Воейкова)¹⁰. Наконец, как уже говорилось, на страницах своих книг юбилею уделили внимание видные чиновники царской России (В. Джунковский, В. Коковцев). Всего мы проанализировали около полутора десятков таких мемуарных свидетельств.

Не вдаваясь в обстоятельства появления мемуаров Романовых и их приближенных, сделаем несколько предварительных замечаний: во-первых, можно выделить две своеобразные «волны» написания и издания воспоминаний. Первая пришлась на послереволюционное время (1920–1930-е гг.), вторая – на 1950–1960-е годы, когда на Западе резко возрос интерес к династии Романовых¹¹. Во-первых, все рассмотренные нами тексты писались авторами в расчете на публикацию уже при их жизни. В-третьих, большинство мемуаристов рассчитывали на англоязычную читательскую аудиторию, точнее, на американский книжный рынок, который предъявлял повышенные требования к занимательности текста, требовал деталей жизни двора, который считался самым блистательным в мире¹², а также рассматривал подобные мемуарные тексты в контексте «историй о крушении империи». Таким образом, если воспользоваться классификацией мемуаров по причине возникновения, «романовские» мемуары – это тексты, появление которых вызвано «ощущением финальности предыдущего жизненного отрезка»¹³. Все вышесказанное нашло отражение не только в самих текстах, но и в названиях мемуаров. Откровенная ориентация воспоминаний вел. княгини Марии Павловны-мл. (ее книга стала бестселлером 1931 г. в США¹⁴) на несколько шаблонные, романские, даже сказочные модели задается уже названием (в буквальном переводе – «Образование принцессы» и «Принцесса в изгнании»), готовность авторов поделиться секретами российского императорского двора демонстрируют заголовки воспоминаний фрейлины А. Вырубовой (в английском варианте – «Воспоминания о русском дворе», на русском название гораздо более сдержанное: «Страницы моей жизни»), камердинера А. Волкова («Около царской семьи») вел. князя Гавриила Константиновича («В Мраморном дворце»). «Трагический» мотив сквозит в названиях подавляющего числа текстов («Когда-то великий князь», «Последняя великая княгиня», «Жизнь и трагедия императрицы Александры Федоровны», «Перед изгнанием» и др.).

Анализ фрагментов воспоминаний, посвященных празднованию юбилея, на наш взгляд, позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, описание торжеств большинство мемуаристов использует, как прием противопоставления между лояльным отношением к династии в 1913 г. и последующими революционными событиями. Мемуаристы здесь буквально вторят друг-другу: «Восторженные приветствия [в ходе торжеств]... повторялись каждый день, и казалось, ничто – ни время, ни обстоятельства – не изменит эти чувства любви и преданности» (А. Вырубова), «Кажется почти невозможным, что люди, которые с энтузиазмом приветствовали революцию четыре года спустя, могли так выражать свою преданность и принимать участие в таких празднествах» (С. Буксгевден, перевод наш – Авт.), «При виде этих восторженных толп, кто бы мог подумать, что не пройдет и четырех лет, как само имя Ники [Николая Второго] будет смешано с

грязью и станет предметом ненависти!» (вел.княгиня Ольга)¹⁵. Иногда авторы используют вариант этого же приема: они подчеркнуто нейтрально сообщают о пышном праздновании юбилея, а читатель, зная о дальнейшем развитии событий, сам чувствует контраст: «Главной темой разговоров было трехсотлетие дома Романовых... Казалось, все было в порядке. Правительство уверяло, что со времен Александра III не было такого благополучия» (вел.князь Александр). «Везде [в 1913 г.] – воодушевление населения, депутации» (А.Волков)¹⁶. В большинстве мемуаров текст юбилея династии завершает главы, которые предшествуют описанию событий первой мировой войны и революции, иными словами, 300-летие дома Романовых воспринимается мемуаристами как своего рода завершающий аккорд истории царской России.

Во-вторых, можно сделать вывод, что воспоминания Романовых и их приближенных, если их рассматривать только как свидетельства о подготовке и проведении праздника, не очень богаты информацией. Зато это весьма ценный источник для реконструкции эмоций и ощущений российской элиты во время юбилея и «закулисной» истории празднеств. Все мемуары – с небольшими вариантами – воспроизводят одинаковую схему событий: молебен в Казанском соборе, потом следует прием в Зимнем дворце, далее – переезд в Москву, бал в Дворянского собрания, путешествие по Волге, визит в Кострому, возвращение в Москву. Однако такая повторяемость позволяет провести перекрестную проверку информации: в частности, утверждение В.Коковцева о том, что во время путешествия по Волге только «небольшие группы крестьян...ждали выхода Государя»¹⁷, опровергается всеми другими свидетельствами: «Прибытие на Волгу сопровождалось необычайным подъемом духа всего населения. Народ входил в воду по пояс, желая приблизиться к царскому пароходу»¹⁸, «берега были переполнены людьми, и в каждой деревне крестьяне заходили в воду в своем желании увидеть царский пароход»¹⁹, «Когда наш пароход плыл по Волге, мы видели толпы крестьян, стоявших по пояс в воде»²⁰. Наконец, ценность «романовских» мемуаров в том, что авторы сообщают уникальные факты: о болезни вел. княжны Татьяны, что заставило сократить торжества в Петербурге, о том, как на график празднеств и их организацию влияло самочувствие императрицы Александры, для которой многочасовые церемонии были мучительны (это подтверждается и другими источниками), о влиянии на императрицу Г.Распутина, что проявилось в ходе торжеств в Костроме и закончилось неприятным для Романовых скандалом²¹.

В-третьих, можно отметить неодинаковый объем фрагментов, посвященных описанию юбилея – причем можно сделать однозначный вывод: масштаб участия – неучастия автора в празднованиях не влияет (или очень слабо влияет) на объем текста. К примеру, Ф.Юсупов и вел.княгиня Мария Павловна практически не принимали участия в праздниках, но если первый только упомянул о юбилее²², то вторая посвятила им около страницы текста²³. Еще более разителен контраст между воспоминаниями вел. князей Гавриила Константиновича и Александра Михайловича, участие которых в торжествах абсолютно идентично, но при этом первый мемуарист рассказывает об этих событиях на протяжении двух глав (мемуары Гавриила Константиновича самый длинный «романовский» текст о 300-летию династии), то второй упоминает о празднике в одном предложении²⁴.

В-четвертых, описание романовского юбилея для некоторых мемуаристов – явный способ репрезентации себя или своих идей. Как уже отмечалось, характерный для первой, дореволюционной, части мемуаров вел.княгини Марии Павловны шаблон создания сказочного сюжета «о жизни принцессы», определил и ее подход к изображению торжеств в Москве. Большую их часть занимает описание бала в Дворянском собрании, где великая княгиня привлекла всеобщее внимание своим нарядом и умением вальсировать (об этом говорят и другие мемуаристы)²⁵. Наконец, совершенно особый подход к изображению торжеств – у вел.князя Кирилла Владимировича, также принимавшего участие во всех празднествах: он склонен не к описаниям, а к рассуждениям, и единственный среди всех мемуаристов пытается увидеть в событиях 1913 г. не только прошлое, но и будущее династии. Для великого князя, в эмиграции признанного большинством Романовых главой императорского дома, воспоминания о юбилее – способ еще раз, в неявной форме, продекларировать династические права своей ветви на русский трон (характерно, что мемуары должны были носить название «Моя жизнь на службе России тогда и теперь»²⁶) и возможность напомнить о связи Романовых с Россией: «Они [Романовы] связаны с ней одно судьбой... несмотря на то, что эта связь сейчас временно прервана»²⁷.

В-пятых, можно сделать вывод, что желание организаторов празднеств подчеркнуть связь событий 1913 г. с событиями 1613 г. – в первую очередь организацией «повторного» (через 300 лет) путешествия Романовых по волжским городам – удалось, во всяком случае, если исходить из мемуаров. Все рассмотренные нами тексты (1913 г. от времени их написания отделяют от двадцати до пятидесяти лет) содержат описания путешествия Романовых по Волге. Можно согласиться и с мнением Р.Уортмана, что «основная часть торжеств, посвященных юбилею... состоялась в Костроме»²⁸. Из одиннадцати рассмотренных текстов, описывающих праздники, десять содержат упоминания приема царской семьи в Костроме. Более того, в памяти мемуаристов Кострома стала своеобразным центром празднования 300-летия династии: А.Волков, В. Воейков, вел.княгиня Мария, вел.княгиня Ольга из всех волжских городов упоминают только Кострому, Софья Буксгевден пишет о том, что «Ипатьевский монастырь был целью их [Романовых] путешествия» (перевод наш), этого же мнения придерживается и вел.князь Гавриил: «После московских торжеств мы все отправились по Волге в *Кострому*» (выделено нами). К этому же мнению присоединился и В.Кокковцев, в уже цитированном фрагменте мемуаров, отмечавший: «Большое впечатление произвела только Кострома. Государь и его семья были окружены сплошной толпой народа, слышались неподдельные выражения радости»²⁹. Можно согласиться и с тем, что энтузиазм, проявленный в Костроме, в общем и целом поддержал убеждение императорской семьи в том, что в народ привержен монархии, в недовольство проявляет только небольшая часть элиты (это, в частности, подтверждает замечание А.Вырубовой: «Путешествие [В Кострому] в нравственном смысле утешило и освежило Их Величества»). К этому мнению присоединился и В.Кокковцев, считавший, что стабилизация ситуации в стране и празднование юбилея «дали место... вере в безграничную преданность ему [Николаю II], как Помазаннику Божию, всего народа, слепую веру в Него народных масс...», игнориру-

ванию мнений «напоминающих о том, что нельзя более делать так, как было, и требующим приспособляться к каким-то новым условиям»³⁰.

Наконец, на наш взгляд, можно придти к выводу, что единой оценки итогов юбилея (и его успешности) не было ни у Романовых, ни у их приближенных. Однако очевидно, что на оценки, которые фигурируют в мемуарах, прямо повлияло дальнейшее развитие событий, заставляющее мемуаристов через много лет утверждать: на праздниках они испытывали «странное чувство, что возникают какие-то новые, ужасные условия жизни», или утверждать: «юбилей Дома Романовых прошел без особого подъема», хотя при этом сами же мемуаристы приводят многочисленные факты всеобщего ликования, то есть опровергают свои же слова. При этом нельзя сказать, что оценка мемуаристов прямо зависела от их отношения к самодержавному режиму и личности Николая Второго. В частности, В. Джунковский и В. Коковцев, оба уволенные со своих должностей через некоторое время после празднования 300-летия, в своей оценке юбилея придерживаются противоположных позиций, а вел. князь Гавриил Константинович, лояльный по отношению к царю, и оппозиционно настроенный П. Милюков сходятся в оценке юбилея как провального³¹.

Таким образом, мемуары Романовых и их окружения – ценный источник для реконструкции истории проведения 300-летия династии. При этом следует учитывать, что, во-первых, мемуаристы описывая события, как правило, не преследовали цели проанализировать весь ход празднеств, а, во-вторых, все оценки авторов с точки зрения «успешности» проведения юбилея, носят ретроспективный характер, и их надо использовать с осторожностью. На наш взгляд, их следует соотносить с другими источниками личного происхождения – эпистолярным наследием и дневниками.

Примечания

¹ См., напр.: *Ферро М.* Николай Второй. М., 1991. С. 153; *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна. М., 2005. С. 135–136; Радзинский Э. С. Николай Второй. Жизнь и смерть. М., 1995. С. 139.

² *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 184; *Vuxhoeveden S.* The life and tragedy of Alexandra Feodorovna / Сайт «Александровский дворец»: <http://www.alexanderpalace.org/2006alix/>

³ См.: Губернский дом. 1998. № 5–6. С. 123–132.

⁴ *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого: воспоминания. М., 1992. Кн. 2. С. 140.

⁵ *Уортман Р.* Николай Второй и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 122–123; См. также: *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

⁶ Николай Второй. Дневник. М., 2007. С. 41–42; См., например: *Шпанченко В. А.* Звонили колокола по всей губернии // *Шпанченко В.* Русская Атлантида. Кострома, 2001.

⁷ *Виноградов Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913. Кострома, 1993. С. 5–11.

⁸ *Александр Михайлович, великий князь.* Воспоминания. М., 2004; *Кирилл Владимирович, великий князь.* Моя жизнь на службе России. СПб., 1996; *Гавриил Константинович, великий князь.* В мраморном дворце. М., 2007. *Ден Л., Воррес Й.* Подлинная царица. Последняя великая княгиня. СПб. ; М., 2003.

РАЗДЕЛ III

⁹ *Мария Павловна, великая княгиня*. Мемуары. М., 2003. *Юсупов Ф.* Мемуары. М., 2007.

¹⁰ *Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993; *Воейков В. Н.* С царем и без царя. М., 1995; *Вихоеведен С.* Указ. соч.; *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. М., 2000.

¹¹ *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1988. С. 4.

¹² *Кинг Г., Вильсон П.* Романовы. Судьба царской династии. М., 2005. С. 26.

¹³ *Боровикова М. В., Гузаиров Т. Т., Лейбов Р. Г. и др.* Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы / Сборник памяти А. Г. Тартаковского. М.: РГГУ, 2004.

¹⁴ *Хорватова Е. В.* Мария Павловна. Драма великой княгини. М., 2005. С. 366. См. также: Список американских бестселлеров: <http://www3.isrl.uiuc.edu/~unsworth/courses/bestsellers/best30.cgi>.

¹⁵ *Танеева (Вырубова) А.* Указ. соч. С. 83; *Ден Ю. Воррес Й.* Указ. соч. С. 303; *Вихоеведен С.* Указ. соч. Гл. 18.

¹⁶ *Александр, вел. князь.* Указ. соч. С. 233; *Волков А. А.* Указ. соч. С. 58.

¹⁷ *Коковцев В.* Указ. соч. С. 140

¹⁸ *Танеева (Вырубова) А.* ... С. 82

¹⁹ *Ден Ю. Воррес Й.* Указ. соч. С. 304.

²⁰ *Вихоеведен С.* Указ. соч. Гл. 18.

²¹ Подробнее об этом: *Воейков В.* Указ. соч. С. 26; *Джунковский В.* Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся в моей памяти // Губернский дом. 1998. № 5–6. С. 132; *Коковцев В.* Указ. соч. С. 141.

²² *Юсупов Ф.* Указ. соч. С. 67.

²³ *Мария Павловна, вел. княгиня.* Указ. соч. С. 137–138.

²⁴ *Александр Михайлович, вел. князь.* Указ. соч. С. 231, 233; *Гавриил Константинович, вел. князь.* Указ. соч. С. 169–172.

²⁵ *Мария Павловна, вел. княгиня.* Указ. соч. С. 137–138.

²⁶ *Думин С. В.* Романовы. Императорский дом в изгнании. М., 1998. С. 173.

²⁷ *Кирилл Владимирович, вел. князь.* Указ. соч. С. 224–225.

²⁸ *Уортман Р.* Николай Второй и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 124.

²⁹ *Коковцев В.* Указ. соч. С. 140.

³⁰ Там же. С. 126–133.

³¹ *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 184; *Гавриил Константинович, вел. князь.* Указ. соч. С. 169–172.

С. М. Усманов

Ивановский государственный университет

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ И УРОКИ РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ

Не так давно в журнале «Нескучный сад» была опубликована беседа со священником Василием Секачевым об императоре Николае II — «Одиночество государя». Думается, что соображения отца Василия особенно интересны еще и потому, что он является кандидатом исторических наук и научным сотрудником Института Европы Российской Академии наук. Как и многие другие исследова-

тели, отец Василий Секачев высоко оценивает человеческие качества государя Николая II, его христианские добродетели. Более того, по мнению отца Василия, к делу управления страной государь подходил как подлинно христианскому, жертвенному служению. Однако, подчеркивает священник-историк, император не имел своей «команды». По-настоящему близких ему по духу людей вокруг него были единицы. Так что из числа ближайших соратников государя всех надо было бы разогнать, кроме Победоносцева. Только вот заменить их было нечем. И потому государь и его окружение жили, как бы, в одном мире, а большая часть страны – совершенно в другом. В первом, где находился государь, были любовь, радость, мир, упование на Бога. А в другом – разделение, гордыня, безверие¹.

Точка зрения иерея Василия Секачева во многом напоминает нам первую в постсоветской России научную монографию об эпохе императора Николая II известного историка А. Н. Боханова, «Сумерки монархии». В ней автор также подчеркивал миролюбие и внутреннее благородство государя Николая II, его нежелание применять силу против своих подданных². Вместе с тем уже в этой, вышедшей в свет полтора десятилетия назад, работе А. Н. Боханов выделял и другие, более глубокие причины крушения монархии в 1917 г.: «Николай II был таким, каким был и пытался сохранить то, что было обречено временем. Он боготворил идеалы теоретического «православного самодержавия», которого никогда не было в действительности. Та система власти, которая существовала под скипетром Романовых, так и не смогла выработать приемлемую для всех общественных слоев формулу сосуществования»³.

Как видим, здесь император Николай предстает в виде «рыцаря печального образа», носителя высоких идеалов и добродетелей, которым уже не находится места в этом «прекрасном и яростном мире». Но можно ли согласиться с подобными оценками об «одиночестве государя»?

Надо отметить, что в литературе о последнем монархе династии Романовых проводилась и совершенно иная мысль. Речь шла о том, что в России «не было почвы для революции, русский народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте, но государство разлагалось благодаря разложению правящего класса. Императору Николаю II пришлось нести бремя правления в годы, когда верхние слои населения из творческих обратились в разрушительные элементы. Перед революцией Россия представляла трагическую картину: Царь и Народ – здоровые начала государства, разъединенные прогнившей общественной прослойкой – правящим классом»⁴. Так считал автор известной в Русском Зарубежье книги о государе Николае II Иван Павлович Якобий.

Схожую точку зрения недавно высказывал и американский автор Л. Геретц: «Усилия Николая II и императрицы Александры войти в духовное общение с русским народом обходилось им очень дорого. Они вызвали отвращение у большинства русской аристократии и способствовали изоляции Императорской Семьи от мощного социального слоя, который, очевидно, являлся главной поддержкой трона, а также вступили в прямую конфронтацию с секулярным (позитивистским) либерализмом, который управлял общественным мнением в России. Падение Императора Николая II было, несомненно, результатом столкновения между монархией и русской элитой. Поскольку причиной этого конфликта явились глубокие различия

в философском подходе, можно утверждать, что Император потерял свой трон и жизнь из-за своего религиозного мировоззрения и народной ориентации»⁵.

Все приведенные нами подходы и точки зрения отчасти отражают весьма существенные аспекты противоречивой и очень сложной российской действительности начала XX. столетия. Однако мы сделали бы в данном случае и некоторые уточнения.

Прежде всего, не стоило бы преувеличивать степень народной поддержки как российского самодержавия, так и лично императора Николая II в первые полтора десятилетия XX века. Достаточно только вспомнить итоги выборов в Учредительное собрание конца 1917 г. Намного больше всех голосов на них собрали эсеры. Немалое число сторонников оказалось и у других левых партий. А ведь все они были злейшими врагами и государя, и монархической власти в целом. В этой связи весьма уместным нам представляется напоминание священника Василия Секачева о том, как встретили отречение государя Николая II в марте 1917 г. солдаты в действующей армии на германском и австрийском фронте: «Ликование на фронте было повсеместное, как на Пасху – это вы в любых воспоминаниях прочтете. Между тем шла Крестопоклонная неделя Великого поста. То есть люди искали земной радости без Креста»⁶.

Вместе с тем, вероятно, не стоило бы настаивать на неизбежности крушения монархической государственности в России начала XX столетия. Скорее можно отметить настоятельную необходимость некоторых существенных изменений в ее рамках, которая назревала уже в течение нескольких десятилетий. Показательны в данном контексте соображения известного американского историка, автора книги «Николай и Александра», Роберта Мэсси: «Хотя Николай и являлся средоточием власти в системе, явно клонившейся к закату, было совсем не обязательно, чтобы она подверглась полному разрушению. Имелись возможности реформировать самодержавие в соответствии с реалиями современного мира. Судьба дала гемофилию и Распутина. Это было ударом, от которого ни Николай, ни имперская Россия уже не смогли оправиться»⁷. Иначе говоря, в таком понимании лишь форс-мажорные обстоятельства в виде болезни наследника и «феномен Распутина» помешали монарху проводить более здравую и последовательную политику.

Во всяком случае, было бы неверным утверждать, как это не раз делалось многими политическими деятелями, а также историками, будто одиночество государя было его собственным выбором в том смысле, что он сам избрал себе удел лишь хорошего семьянина, но не активного государственного деятеля. Такое впечатление возникало из-за закрытости государя для внешних или чуждых по отношению к нему лиц, а также в силу его самообладания даже в самые критические моменты, например, при отречении от престола в марте 1917 г.

На самом деле император очень усердно трудился на своем поприще самодержавного монарха, лично просматривая все важнейшие документы, выслушивая все значимые мнения, а главное – всегда испрашивая в таинствах и молитвах благословения Божия.

Наиболее показательным поступком государя в этом отношении нам представляется принятие им на себя верховного главнокомандования

в 1915 г. в ходе войны с Германией. С политической точки зрения это был крайне ответственный и рискованный шаг, совершенно не обязательный для монарха. От которого, кстати, императора отговаривали многие из его окружения. К тому же такое решение повлекло за собой длительные отлучения государя от любимой семьи, что для императора Николая II было весьма тяжелой жертвой. Но такое решение было для самодержца необходимым и естественным, ибо оно стало его вкладом в обеспечение государственных интересов России.

Между прочим, именно деятельность государя в качестве Верховного главнокомандующего может быть одним из самых сильных аргументов против широко распространенной тенденции относить все достижения его царствования на счет министров или советников императора, а неудачи и катастрофы ставить ему в вину лично. Так что экономический рост записывают обычно в заслугу С. Ю. Витте, социальные и политические реформы – П. А. Столыпину, развитие системы образования и повышение уровня грамотности народа – К. П. Победоносцеву и т. д. Государю же при таком видении событий остается нести вину за поражение в войне с Японией, «Кровавое воскресенье», «Ленский расстрел» и даже чуть ли не за собственное свержение в марте 1917 г.

Кроме того, надо признать, что император взял на себя в 1915 г. всю ответственность за исход войны отнюдь не в благоприятных обстоятельствах. Первоначальный патриотический подъем в народе уже прошел, русские войска откатились далеко на восток, ясных перспектив победы над врагами не просматривалось. В таких условиях государь сделал очень многое для исправления неблагоприятного положения, работая с теми генералами и советниками, которые были налицо (многие из них участвовали чуть позднее в заговоре по его отстранению от власти). И усилия императора были высоко оценены беспристрастными наблюдателями. Например, Уинстоном Черчиллем, который считал, что в результате предпринятых усилий Россия уже стояла очень близко от победы в войне: «Несомненно, что ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел на дно, когда был виден порт»⁸.

Совсем другие оценки преобладали к концу войны в общественном мнении самой России, в том числе и в правящих кругах. Они совпадали в том смысле, что ни сам государь, ни его политика не встречали должного понимания, не говоря уже о поддержке. Причины такого предвзятого и даже откровенно враждебного отношения и монарху и его политическому курсу не представляют никакой загадки. Характерное объяснение негативного восприятия деятельности императора мы обнаруживаем в дневнике Е. А. Святополк-Мирской – супруги князя П. Д. Святополк-Мирского, одно время занимавшего высокий пост министра внутренних дел: «Но что же можно с таким человеком сделать? (С государем – С. У.), – Всех своих министров в дураках оставил, потихоньку от них меняет то, что сообща решили»⁹.

Замечание Е. А. Святополк-Мирской затрагивает на самом деле значимую проблему, ставшую для Российского самодержавия в начале XX в. одной из самых тяжелых и неразрешимых. Речь шла об отсутствии де-факто последовательного политического курса высшей государственной власти. Такое положение порождало множество противоречий, нерешенных вопросов, политических

интриг и неожиданных поворотов в движении Российского государственного корабля. Отсюда же и частая смена министров, других высокопоставленных лиц, рост недоверия к личности государя, а то и откровенное неприятие всего, что было связано с правящим императором и всей династией Романовых.

Причины такого положения достаточно многочисленны. И они, несмотря на сложившиеся в среде «общественности» негативные стереотипы по отношению к государю, лишь частично были связаны с его личностью. На наш взгляд, император Николай II во многом был заложником сложившегося задолго до него порядка вещей, жертвой неэффективности прочно утвердившейся системы власти.

Очевидно, что такая система все в большей степени оказывалась неспособной давать свои ответы на вызовы и проблемы, появившиеся по мере стремительно развивавшихся трансформаций в тогдашней России и всем окружением ее мире. Между тем и сам государь, и практически вся династия Романовых, находились внутри определенной системы координат, которая считалась тогда незыблемой. Отметим только некоторые существенные черты данного круга ценностей, которые все больше входили в противоречия с реальной жизнью. Это, в частности, особое, исключительное положение личности монарха над всеми государственными институтами и даже церковными установлениями. Это также корпоративная замкнутость и неприкосновенность всего «дома Романовых». Затем, особая включенность династии Романовых в семью европейских монархов (британских, германских, австрийских, голландских, датских, шведских и т. д.).

Кроме того, характерной чертой для правившей в России династии стало отсутствие у нее общественной и политической силы, которая была бы ее опорой, поскольку считалось, что государь есть отец для всех подданных. По сути, вокруг самодержавия не было и настоящей «руководящей группы», если использовать известный термин Антонио Грамши. В этом смысле обычное для советской исторической науки определение Российской монархии или «буржуазно-помещичьей» является скорее удобным политическим ярлыком, нежели существенной характеристикой.

Наконец, Российское самодержавие не имело и последовательной стратегии консервативной модернизации, которая была ей объективно столь необходима. То, что делали государь и его самые верные и талантливые сотрудники, либо ограничивалось простым охранительством (К. П. Победоносцев, В. К. Плеве и др.), либо представляло собой более или менее эмпирические либеральные преобразования (П. Д. Святополк-Мирский, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и прочие).

Несомненно, государь Николай II был благородной и светлой личностью, много потрудившейся для своего Отечества. Но ни он, ни его ближайшие предшественники, не имели основательно разработанной, реалистичной стратегии развития страны на длительную перспективу. И это была не только трагедия государя, но и трагедия всей России.

Примечания

¹ Одиночество государя // Нескучный сад. 2007. № 1–2. С. 39–45.

² См.: Боханов А. Сумерки монархии. М., 1993. С. 260–261.

³ Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 279.

⁴ *Якобий И. П.* Император Николай II и революция // Император Николай II и революция. М., 2005. С. 62.

⁵ *Геретиц Л.* Прославление Царя-мученика Николая II. Исторические аспекты // *Протоиерей Александр Шаргунов.* Православная монархия и новый мировой порядок. Приложение. М., 1999. С. 173.

⁶ Одиночество государя // Нескучный сад. 2007. № 1–2. С. 46.

⁷ *Мэсси Р.* Николай и Александра. М., 1990. С. 10.

⁸ Цит. по: *Пушкарев С.* Николай и Александра // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. № 93. С. 308

⁹ Дневник Е. А. Святополк-Мирской // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 226.

Т. И. Нигметзянов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРОВ НИКОЛАЯ II И ВИЛЬГЕЛЬМА II

Развитие русско-германских отношений в период правления двух императоров Николая II и Вильгельма II окончательно привели Россию и Германию к войне. Такой же печальной была и судьба самих императоров, поскольку одним из итогов первого мирового конфликта стало падение династий, которые представляли эти монархии.

В домах этих монархий представляли необходимость укрепления отношений между династиями и первоначально предпринимались попытки восстановить более тесные отношения, которые серьезно испортились в последнюю треть XIX века.

В 1888 году Николаю Александровичу исполнилось двадцать лет, и, хотя время женитьбы еще не наступило, Мария Федоровна уже думала о его семейном будущем. Ничего определенного долго не было. Она знала, что Германский император Вильгельм II после восшествия на престол в 1888 году первое время вынашивал абсурдный план женитьбы Цесаревича на своей сестре Маргарите.

Прусская принцесса не блистала красотой, но была молода и довольна умна. Однако это ничего не меняло. Антипруссские настроения Царя и Царицы были непреодолимы.

Сам цесаревич никогда не проявлял никакого желания связывать свою жизнь с костлявой Маргаритой.

С приходом к власти Николая II внешнеполитическая ориентация России не изменилась: союз с Францией и поддержание дружеских связей с другими державами. Особая роль отводилась Германии, экономическая и военная мощь которой росла год от года, а ее международное влияние постоянно усиливалось. Берлин так же был заинтересован в политическом сближении с Петербургом. Вильгельм II пропагандировал идею о необходимости возобновит альянс двух монархий.

Важнейшей задачей внешней политики России было поддержание равновесия на Европейском континенте. Не стремясь форсировать решение европейских

дел царское правительство, тем не менее исходило из того, что в случае распада двуединой монархии (Австро-Венгрии) Россия не может остаться в стороне от дележа «австрийского наследства»: ей была небезразлична судьба Галиции, польских и других славянских земель.

Предпосылки стабилизации отношений с Германией были связаны с торговым договором 1894 года. МИД России в отчете за этот год специально отметил, что заключение торговых трактатов с Германией, а затем и с Австро-Венгрией значительно способствовало улучшению отношений с обоими государствами и упрочению общеевропейского мира.¹ Витте попробовал воспользоваться благоприятным моментом, что бы вновь открыть германский рынок для русских займов. Однако в Берлине рассудили, что предоставлять заем без политических условий опасно, поскольку финансы могут пойти на вооружений, направленные против Германии.² Негладко складывались торговые отношения, где попытки немецкой стороны «подновить» условия недавнего договора в свою пользу даже привели к «малой торговой войне», правда, быстро погашенной.

На этом неблагоприятном фоне наблюдались попытки правящих кругов продемонстрировать стремление к дружеским отношениям, причем активно использовались династические связи. С русской стороны это объяснялось желанием сыграть на франко-германских и англо – германских противоречиях, симпатиях дворянства и общности в польском вопросе. Германия стремилась перестраховаться в виду обострения противоречий с Англией, расшатать франко-русский союз и держать под контролем русско-австрийские отношения на Балканах. На практике скоординировать линии двух держав в известной мере удалось лишь на Дальнем Востоке. (совместная демонстрация 1895 года) В вопросах же европейского равновесия интересы Германии и России расходились, а на Ближнем Востоке усиление германской экспансии вызывало все большее недоверие и подозрительность в Петербурге.³

В ходе заграничной поездки 1896 года Николай II посетил Германию. Немецкие политики ожидали, что царь и сменивший умершего Лобанова Н.П. Шишкин будут просить поддержки в вопросе Черноморских проливов. Однако никаких обращений в этом вопросе с русской стороны не последовало. Российские политики возбудили совсем другой вопрос – о потерях, которые несет сельское хозяйство их страны от германской торговой политики. Статс-секретарь по иностранным делам и сам кайзер старались взвалить всю вину на сельскохозяйственный экспорт американских государств. Вильгельм II даже предложил «сплочение всей Европы для борьбы против Мак-Кинли и против Америки и в общем оборонительном таможенном союзе, будь то вместе с Англией, будь то без нее, смотря по обстоятельствам». Впрочем, канцлер Х. Гогенлоэ тут же дезавуировал этот проект, указав, что последствия его осуществления могут оказаться обоюдоострыми, вследствие чего «объединение Европы лучше отложить».⁴

Триумфальный прием Николая II в Париже возбудил в Германии дискуссию о русско-французских отношениях.

В конце июля 1897 года (ст.ст.) Вильгельм II нанес ответный визит царю. Переговоры государственных деятелей двух стран касались широкого круга вопросов – торговых отношений, ближневосточного кризиса, политики в Китае. Выс-

казав взаимные претензии в области торговли стороны пришли к заключению решать все спорные вопросы путем примирения. Германской идее своего рода «континентальной блокады» против Соединенных Штатов Витте противопоставил проект совместных таможенных мер против всех морских стран, включая Англию, но на это германские политики не пошли, опасаясь англо-американского сплочения. Когда три месяца спустя кайзер прислал записку «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств», Витте дал о ней категорически отрицательное заключение и Николай II наложил резолюцию: «Дело сие предать забвению».⁵

Визит в Россию президента Фора, сопровождался открытым провозглашением союза двух стран, произвел в Германии тяжелое впечатление. Вероятно, чтобы как-то сгладить муравьевская дипломатия предприняла неуклюжий маневр. В сентябре 1897 года начальник Генерального штаба Обручев встретился с новым статс-секретарем Б. Бюловым. Он передал ему сердечный привет от Муравьева и мнение министра, что главный враг обеих держав – Англия, против которой континентальным державам следовало бы заключить союз с целью поддержания статус-кво в Европе. Бюлов отклонил это предложение, и Вильгельм II одобрил его реакцию.⁶

Легче удалось примирить разногласия на Дальнем Востоке. Правда, когда в 1897 году Германия захватила Цзяочжоу, это вызвало кратковременную напряженность в ее отношениях с Россией. Но затем царское правительство предпочло не ссориться, а последовать примеру Берлина. В этой связи Николай II даже писал Вильгельму II, будто между двумя государствами «нет никаких политических трений» и их «интересы нигде не приходят в столкновение. Подтвердилась возможность если не сотрудничества, то параллельных действий двух держав на Дальнем Востоке. В дальнейшем именно это направление разрабатывалось германской дипломатией как наиболее перспективное в отношениях с Россией.

В августе 1901 года, во время данцигского свидания царя и кайзера, немало говорилось о «великом будущем» идеи континентальной блокады и даже о союзе двух держав. Ради поддержки со стороны Берлина на Дальнем Востоке. Но никаких конкретных решений принято не было.⁷

В сентябре 1901 Николай II при встрече в Спале с прусским принцем Генрихом, «откровенничая», заявил, что для строительства Сибирской железной дороги нужны французские деньги, вследствие, чего он не может разорвать сейчас же с Францией, как бы ему не хотелось сплочения монархических государств перед лицом революционного движения.

Эти две встречи явились своего рода подготовкой к свиданию Вильгельма II в Ревеле, в июле 1902 года, послужившей демонстрацией русско-германского единения на Дальнем Востоке. От совместной декларации с Францией в Берлине решили отказаться, сославшись на опасность подтолкнуть Америку к альянсу с англо-японским блоком. Тем более германские политики акцентировали свою готовность поддерживать Россию в ее намерении перенести центр тяжести политики на Дальнем Востоке. Вильгельм II обещал «кузену Ники» гарантировать безопасность западной границы России и возможность послать Балтийский флот в Тихий океан. Предполагалось при случае предупредить Англию,

что главы двух союзов, то есть Германия и Россия будут блюсти «интересы, общие континентальным нациям». При расставании кайзер не удержался от театрального жеста, послав приветствие «адмиралу Тихого океана» от «адмирала Атлантического океана».

В конце октября 1904 г. Вильгельм лично сочинил проект секретного договора с Россией. Суть соглашения заключалась в реанимации союза трех императоров, который лично он и похоронил в 1890 г.

В России война с Японией обернулась революцией проект германо–русского соглашения был заморожен после того, как выяснилось, что французы получили о нем информацию. 6 февраля 1905 года Вильгельм направил Николаю послание с поздравлениями по поводу героического поведения его гвардии, затем давал кузену советы, как перестроить страну после военного поражения и революционного взрыва. По его мнению, следовало бы включить в состав Государственного совета наиболее выдающихся представителей земств.

Но уже в следующем послании у Вильгельма промелькнула мысль, что Россия это не Европа. Кайзер приблизил к себе выходца из Прибалтики Шимана. В начале века около пятидесяти тысяч прибалтийских немцев переехали в Германию, провоцируя антирусские настроения.⁸

Поражение России в войне с Японией повлияло на процесс перегруппировки великих держав на мировой арене, способствовало выдвиганию антагонизма между Германией и Англией на первый план. На Дальнем Востоке начали обостряться англо-американские противоречия. Все это побуждало Петербург заново определить свою линию.

10/23 апреля 1908 года в Петербурге министром иностранных дел Извольским, германским послом и посланниками Дании и Швеции было подписано соглашение. В нем предусматривалось, что в случае возникновения угроз территориальному статус-кво в регионе четыре правительства условятся о мерах по его поддержанию. Разъяснение меморандума, хотя и завуалированной форме резервировало за Россией возможность пересмотра статуса Аландских островов в будущем.⁹

Балтийское соглашение представляло собой определенный шаг в развитии России не только с малыми странами региона, но и с Германией, хотя отнюдь не в главном районе соперничества двух держав.

Однако улучшение отношений с Германией ограничилось только балтийским регионом. От идеи связать Берлин соглашением о поддержании статуса-кво на Балканах Извольский отказался, вероятно, сознавая ее нереальность. Казалось, больше шансов имела возможность урегулировать взаимные интересы Петербурга и Берлина на Ближнем и Среднем Востоке. Переговоры о Багдадской железной дороге и позиция России в северной Персии велись в течении почти всего 1907 года, но преодолеть разногласия не удалось, и после выступления Англии с инициативой совместного обсуждения вопроса о Багдадской железной дороге дело было заморожено.¹⁰ Между тем Германия активизировала экономическую экспансию в Персии и игнорировала непризнанное ею англо-русское соглашение об этой стране. В декабре 1907 года дошло даже до резких объяснений Извольского с послом Пурталесом и жалоб царя Вильгельму II на антирусские шаги германского посланника в Тегеране.

Резко обострилась обстановка в период Боснийского кризиса. Именно этот момент выбрала Германия для давно готовившегося выступления на стороне Австро-Венгрии 1 марта (ст.ст.) 1909 г. Б.Бюлов предписал Пурталесу заявить, что Россия должна признать «совершившиеся факты», т.е. аннексию, так как в противном случае «мы должны были бы, к нашему сожалению, отстраниться и представить ход событий своему течению».¹¹ Посол придавал более воинственный характер заявлению. В ноте России предлагалось «использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства для влияния на белградский кабинет». Иначе «Германия может предоставить своей союзнице свободу действий».

Совет министров России собрался у царя, что бы обсудить вопрос о позиции страны в случае войны между Австро-Венгрией и Сербией. Поскольку представители военного и морского ведомств констатировали неподготовленность вооруженных сил к конфликту, решено было соблюдать строгий нейтралитет.

7 марта Извольский передал весьма любезный по форме, но уклончивую по существу ответ на ноту Пурталеса. В Берлине он был воспринят как «возмутительный отказ». Статс-секретарь по иностранным делам А. Киндерлен-Вехтер, поощряемый самим кайзером, составил новую весьма категоричную инструкцию для Пурталеса. Тем временем Вена объявила тревогу в войсках находящихся у границ Сербии.

В Петербурге решили использовать последнее средство, и Николай II по телеграфу просил кайзера удержать Эрентала. Но решительный призыв к монархической солидарности не возымел действия. Вильгельм II молчал, выжидая ответ на ноту Пурталеса.

России пришлось отступить. Царь телеграфировал кайзеру о своем намерении последовать советам Германии.¹²

Последствия для русско-германских отношений после Боснийского кризиса, оказались не благоприятными. Их расчет на переориентацию русской внешней политики в духе Союза трех императоров не оправдался. Берлин, как бывало и раньше, перестарался. Там не учли болезненной реакции России и лично царя на австрийский «обман» и германский «шантаж». Усилились тенденции для сплочения держав против Берлина и Вены.

В Берлине в первые дни после Боснийского кризиса упивались одержанной победой. Посол Ф. Пурталес и личный представитель кайзера П. Гинце доносили об усилении прогерманских настроений в правящих кругах России. Ожидалось, что русская сторона проявит инициативу сближения. Вместе с тем вызывала беспокойство антигерманская кампания в российской печати. Официозная «Норддейче Альгемайне Цайтунг» выступила с опровержением «легенды» о давлении Германии на Россию в кризисные дни, утверждая, что «имел место лишь обмен мыслями», а советы Берлина имели дружественный характер. Официозная «Россия» подтвердила эту в известной мере выгодную царскому правительству версию. Но это выступление не возымело действия. Тогда кайзер обратился к Николаю II с письмом, призывая положить конец газетной кампании. Канцлер Б. Бюлов инструктировал Пурталеса переговорить с Н.В. Чарыковым и предложит ему опубликовать некоторые .

У Чарыкова родилась мысль использовать это настроение и заключить с Германией взаимовыгодное соглашение. Проект такого договора он представил царю.

РАЗДЕЛ III

В открытых статьях главным образом говорилось о присоединении к русско-австрийскому соглашению 1897 года о Балканах в качестве гаранта того, что Австро-Венгрия воздержится от каких-либо завоеваний на полуострове. Германия также обещала бы России поддержку в желательном для нее решении вопроса о проливах, помогла бы скорейшему сооружению Дунайско-Адриатической железной дороги и признала бы права России в Персии, вытекавшие из англо-русского соглашения 1907 года. За это Россия обещала развеять «легенду» о германском ультиматуме и соблюдать нейтралитет в случае нападения Англии на Германию.

Однако недавние события научили Николая II осторожности. Царь не спешил с одобрением проекта. Вместо этого он направил 7/20 мая направил ответ Вильгельму II, что «пресса- это одно из проклятий современности» и он уже говорил по этому поводу с Чарыковым. Далее он предлагал встретиться летом в Финском заливе.

Переговоры состоялись в финских шхерах 4–5(17–18) июня 1909 года. Они не оправдали надежд немецких политиков и опасений русских. Немцы полагали, что именно Россия, как сторона более заинтересованная в сближении, должна проявить инициативу, при этом они заранее исключали соглашение за счет Австрии. Извольский и Столыпин опасались неблагоприятных последствий для отношений Петербурга с Парижем и Лондоном.

В результате никаких конкретных предложений не последовало. В 1910 году германская дипломатия активизировала усилия достигнуть политическое соглашение с Россией. Такое же намерение проявляла Россия. К основному мотиву действий России – желания балансировать, прибавлялось и давление прогерманских настроений у части общества.

17 октября С. Д. Сазонов выехал в Германию. Уже на предварительной встрече в Берлине с Бетманом-Гольвегом и Кидерлен-Вехтером Сазонов обещал им забыть о боснийско-герцеговинском эпизоде и с большим, чем его предшественник, вниманием относится к пожеланиям германской дипломатии. Немецкие политики наряду с вопросами железнодорожного строительства в Османской империи и в Персии коснулись блоковой политики. Они зондировали возможность соглашения, по которому Россия обязывалась бы не поддерживать антигерманскую политику Англии в обмен на обещание Германии не поддерживать честолюбивые устремления Вены на Балканах. Сазонов проявил готовность искать взаимоприемлемые решения в обоих направлениях, чем вызвал нескрываемое удовлетворение собеседников.

Но ранее, чем состоялись официальные и более обстоятельные переговоры в Потсдаме, Сазонов получил серьезное предупреждение от русского посла в Берлине, которые представил ему записку о положении и в Германии. В ней Остен-Сакен подчеркивал имперский характер в далеко идущие замыслы этой страны. В отношении России, доказывал он, Германия стремится использовать переходное время, пока наше главное внимание сосредоточено на внутренних реформах, чтобы умножить и закрепить свои мировые позиции. Посол подчеркивал что союз с Австро-Венгрией служит краеугольным камнем нынешней политики Берлина. Германия преследует две цели: во-первых, находит противо-

вес против Англии, а, во-вторых, использует австрийское поступательное движение на Балканах в целях собственного проникновения на Восток.¹³

После этого Сазонов вел себя осторожно. Правда, он дал условное согласие на смычку железных дорог с Багдадской в Ханекене, но сопроводил существенными оговорками, в обмен на отказ Германии преследовать там политические цели. Сазонов сузил свои пожелания до посредничества Германии, в случае если потребуется урегулирование отношений с Веной. Переговоры было решено продолжить в Петербурге с Пурталесом.

Вернувшись в Россию, Сазонов не спешил с оформлением соглашения. Напротив, Германия стремилась форсировать события и ослабить русско-английские связи. Стремясь подтолкнуть Сазонова, Бетман-Гольвег вступил в рейхстаге с заявлением, будто во время свидания, было условлено, что «оба правительства не примут никаких комбинаций, острие которых могло бы быть направлено против другой стороны». Но этим он только испортил дело. На следующий день, 28 ноября, Сазонов с согласия царя отклонил проект. Сначала он сделал это в устной форме, а 1/14 декабря передал Пурталесу официальный ответ.

В начале 1911 года временная разрядка, наступившая после Боснийского кризиса, еще продолжалась, что не исключало, конечно, наличие своих проблем и сложностей. Русскую дипломатию больше всего беспокоили трудные переговоры о Багдадской железной дороге и Персии, в которых приходилось, торгуясь с Германией, все время оглядываться на собственные торгово-промышленные круги, а также Англию и Францию.

В марте же осложнилась ситуация вокруг Марокко, что не могло не отразиться на ходе русско-германских переговоров. В ходе этого кризиса Петербург занял позицию, в которой проявлялось желание избежать войны и не нарушить союзнические обязательства.

6/19 августа Нератов и Пурталес подписали давно готовившиеся соглашение по персидским делам. Это было компромиссное соглашение. Для Германии преимущественное значение имел политический эффект ослабления англо-русского соглашения и морального воздействия сделки на Францию.

Соглашение о Персии и Багдадской железной дорогой было последним перед мировой войной большим маневром русской дипломатии с целью выровнять баланс ориентации путем улучшения отношений с Германией. Оно, как показали дальнейшие события, не имело долговременных последствий и не смогло переломить тенденции к сближению России с Англией. Но временный эффект его несомненен.

Новое обострение русско-германских отношений. В ходе Балканских войн в правящих и общественных кругах России зрело недовольство Германией, вызываемое неуклонной поддержкой Берлином притязаний Австро-Венгрии. Вероятно, с целью ослабить этот негативный эффект в конце 1913 года, немецкая дипломатия пошла на известное сотрудничество с Россией в подготовке реформ в армянских владениях турецкого султана. Но одновременно ею был предпринят важный шаг в осуществлении своих планов на Ближнем Востоке, что резко ухудшило русско-германские отношения. Речь идет о посылке в Турцию новой германской военной миссии с небывалыми еще полномочиями, что было

расценено в России как попытка установить контроль над Османской империей вообще и Босфором в особенности. Это произошло на фоне обострения русско-турецких отношений.

В такой обстановке известия о посылке в Турцию новой германской военной миссии произвели в Петербурге особенно сильное впечатление. Информация поступила в 20-х числах октября 1913 г. (ст.ст.), почти одновременно от посла в Стамбуле Гирса и от военно-морского агента Щеглова. Из нее следовало, что вопрос о миссии фактически уже решен.

Министр иностранных дел России обвинил немецкую сторону в недостатке дружелюбия и искренности и указывал, что ее акция возбудит в России серьезные опасения и подозрения. Он просил В. Н. Коковцова, возвращавшего из Франции через Берлин, в доверительных беседах с германским императором и канцлером просил о переносе командования из столицы. Вильгельм II и Бетман-Гольвег заняли уклончивую позицию.

Вскоре германский поверенный в делах Луциус ознакомил его с содержанием письма Бетман-Гольвег, которое заключало «вежливое отклонение наших представлений». Сазонов заявил поверенному, что дружба с Турцией важнее для нее хороших отношений с Россией.

30 ноября/13 декабря последовал разновременный устный запрос Англии, Франции и России великому визирию. Германская дипломатия решила использовать выступление Антанты в Стамбуле в своей игре. Помощник статс-секретаря Циммерман в резкой форме заявил русскому послу Свербееву, что правительство рассматривает этот демарш как недружественный акт.

Сазонов решил попробовать привлечь партеров к воздействию на Германию. Форин офис не возражал против любых действий, но не обещал заранее английской поддержки в случае вооруженного конфликта. Франция, напротив, в лице президента Р. Пуанкаре выразила готовность не уклоняться от обязательств возложенных на нее союзом.

Для обсуждения было создано Особое совещание, под председательством Сазонова (31/13 декабря). В ходе обсуждения было принято решение воздержаться от вооруженного конфликта, и продолжать настояние на неприемлемости германского командования в Константинополе. Такое решение отражало осторожную позицию Коковцова.

В январе-феврале 1914 года русско-германский конфликт был с трудом улажен. Россия добилась только формальной уступки. Сандерс был формально назначен маршалом турецкой армии, в результате чего он освобождался от командования 1-м столичным корпусом. Сазонов писал позднее «Воспоминаниях» «Это новое назначение Лимана, очевидно, не уменьшало значение его, как высшего начальника турецкой армии и, поэтому, и в новой своей смягченной форме было нам неприятно и невыгодно, но дальше достигнутого успеха нам нельзя было идти, без риска опасного обострения наших отношений к Германии».

Последствия Сандреса для внешней политики России и ее отношений с Германией были весьма серьезные. Один из выводов который был сделан в Петербурге, состоял в необходимости укрепления Тройственного согласия, и прежде всего англо-русского.¹⁴

Образ царя Николая II и Российской империи в политической карикатуре

Конфликт вокруг Сандреса это только самый яркий эпизод обострения русско-германских противоречий, наблюдавший в разных областях. Показателем напряженности стала «газетная война», вспыхнувшая в 1914 гг.

Боснийский кризис и эпизод с миссией Сандреса в конечном итоге и предопределил окончательно отход Петербурга от политики балансирования и выбор в пользу укрепления Антанты, и стал предтечей мировой войны.

Примечания

¹ *Игнатъев А. В.* С. Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С. 37.

² *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 208.

³ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 96.

⁴ *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. С. 211–216.

⁵ *Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895–1900. М.; Л., 1956. С. 102–103, 209–215; *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 121–124.

⁶ *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX века. М., 1951. С. 208.

⁷ *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955. С. 162–163.

⁸ *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм неистовый. М., 2004. С. 431–432.

⁹ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914 гг. М., 2000. С. 61.

¹⁰ *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. М., 1972. С. 106.

¹¹ *Игнатъев А. В.* С. 92.

¹² История дипломатии. Т. II. С. 671–672.

¹³ АВПРИ, ф. Канцелярия. 1910, д. 204, л. 73–75.

¹⁴ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 148.

А. А. Турыгин

*Российский государственный
гуманитарный университет
Филиал в г. Костроме*

ОБРАЗ ЦАРЯ НИКОЛАЯ II И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ «ДРУГОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

В середине 1990-х гг. в сфере исторических исследований стали широко использоваться методы и подходы, развиваемые в западной историографии. В связи с этим, новый виток популярности исторической науки в России был связан с возможностью иных интерпретаций традиционных для советской историографии объектов, прежде всего в области политической истории. Общая

тенденция, характерная для западной историографии второй половины XX века и наметившаяся в постсоветской историографии была связана с возрастанием всеобщего интереса к политике и всему, что с ней связано, коренным переосмыслением самих категорий «политическое», «политика». Произшедшую трансформацию в современных историографических изысканиях все чаще ассоциируют с понятием «другая политическая история», в России практически непонятым, а на Западе до сих пор по-разному трактуемым, ибо, как заметил один британский историограф, дебаты внутри этого направления «до сих пор гораздо обостреннее, нежели дискуссии о нем как об альтернативе традиционной политической истории»¹. Тем не менее, за последнее десятилетие в российской историографии наблюдается повышенный интерес исследователей к тому, как при помощи новых подходов можно интерпретировать прошлое

Одной из проблем, попавших с начала 1990-х гг. XX в. в поле зрения историков, стало политическое развитие России на рубеже XIX–XX вв. Причиной взлета интереса к этой, казалось бы, традиционной проблематике, явилась неудовлетворенность сложившимися на тот момент подходами к объяснению реалий и феноменов российской политической жизни в эпоху модернизационного развития, подходами, либо сосредоточенными в рамках марксистской теории на поиске экономических «двигателей» политики, либо, в традициях либеральной историографии, изучающей постепенное складывание российского конституционализма и парламентской демократии. Ни один из подходов не смог должным образом объяснить, в частности, «особый путь» политического развития России по сравнению со странами континентальной Европы.

Может быть, именно это обстоятельство заставляет нас обратиться к работам западных и отечественных специалистов, изучающих историю Российской империи под несколько иным углом зрения – в русле подходов «другой политической истории». Для этого следует уяснить, что понимается под «другой политической историей» сегодня, с учетом тех изменений, которые за последнее время произошли в отечественной и западной историографии и обозначить перспективы применения методик и подходов «другой политической истории» в изучении истории России.

С намерением по-другому взглянуть на развитие традиционной политической истории в историографии впервые выступили историки школы «Анналов». В качестве альтернативы традиционному подходу, ориентированному на изучение политических действий и биографий политических личностей, французские историки обратили внимание на социальные аспекты «политического», вводя в процесс исторического исследования новые объекты и понимая политические действия как следствие глубоких процессов общественного развития. Вследствие этого исследователи политики стали: а) концентрировать внимание на категории власти, ее внешних атрибутах, ее ритуальной стороне, ее символике, на связанных с властными отношениями механизмах коллективной психологии и б) расширили источниковую базу политической истории за счет привлечения неписанных источников².

Само же понятие «другая политическая история» возникло и закрепилось в историографии только в середине XX в. в рамках «другой историчес-

Образ царя Николая II и Российской империи в политической карикатуре

кой науки», которая пыталась «обновить» традиционную историю с помощью методов, техник, теоретического инструментария и источников других наук, опрокинутых, согласно популярному выражению, в прошлое.

«Поворот к обществу» начавшийся в западной историографии в середине 1960–1970-х годов, ознаменовал начало критического пересмотра традиционной, связанной с политикой, историографии. Вследствие этого, область «политического», которая долгое время ассоциировалась с «государственным», попадает в зависимость от сферы «общественного». Перемещение акцентов в изучении политической истории отразилось на ее проблематике постановкой новых вопросов и поиском соответствующих методов исследования. Модернизация политической истории на фоне подъема социальной истории связывалась с новым, социально-структурным подходом и, по мнению социальных историков, должна была развиваться в трех направлениях: она должна была быть ориентирована не на исследование индивидуальных действий и личностей политиков, дипломатов, а изучать структуры и процессы, происходящие в обществе; она должна интерпретироваться социально-исторически, исходя из примата «общества», а не примата «политики»; она должна стать аналитической, а не описательной.

В рамках социально-структурного подхода меняется представление о процессе политического развития. Для традиционной политической истории было характерно понимание о прерывности, то есть событие могло все перевернуть, личность, которая вошла в историю, наложить печать на эпоху и т. д. В свою очередь социальные историки предлагают рассматривать политику как непрерывный процесс. Такое стремление, безусловно, приводит к тому, что связующими линиями истории становятся структуры, а политические изменения станут пониматься не как итог грандиозных событий, а как следствие, прежде всего, социально-экономических условий³. Более того, модернизация политической истории связывалась с усилением ее интеграционной связи с другими гуманитарными науками, прежде всего социологией, которая способна придать ей социально-научное основание и, которая, станет позитивным критерием ее модернизации. Применение междисциплинарных методов и понятий из смежных гуманитарных наук, вылилось в заметную «перегруженность» политической истории исследованиями политологической и социологической терминологией и доминированием в них количественных методов и техник, сами названия которых довольно сложны для восприятия («масштабный» и «факторный» анализ, «множественная регрессия» и пр.).

Основаниями для последующей критики подобного варианта политической истории стали:

1. «Перевооруженность» политологическими техниками ведет к тому, что история едва ли не превращается во вспомогательную дисциплину для проверки современных политологических концепций.

2. В погоне за некими численными показателями, безотказно работающими применительно к любой эпохе и стране, историк рискует упустить из виду неповторимые, специфические явления, исторические феномены.

3. «Нейтральные» и измеряемые данные существенно ограничивают круг изучаемых вопросов, т. к. исследование строится не на значимости темы, а на типе данных⁴.

Дальнейшее развитие политической истории было связано с намерением рассмотреть ее в контексте истории повседневности, разделив арену формализованной и относящейся к государству политики, с ареной повседневной политики. Представители истории повседневности способствовали тому, чтобы отделить понятие политики от государства и видеть политическое даже там, где не было и речи о принятии политических решений, обязательных для исполнения коллективом или группой. Они во многом способствовали началу исследования тех социальных групп, чья свобода действия в классическом смысле была исключительно ограниченной, но которые, тем не менее, имели возможности политической артикуляции в широком смысле (женщины, молодежь, этнические и нацменьшинства). Было установлено, что границы политического являются исторически переменными и что определение того, что является политикой и что к ней относится, в значительной мере зависело от времени. Так, рассмотрение проблем, поставленных в разное время отдельными группами, в частности женщинами, как политических, зависело от способности других к восприятию, а также, от места подобных проблем в общем контексте событий. Такая постановка вопроса во многом предвосхитила то, что вневременное понятие политики не имеет смысла и всегда зависит от определенного контекста. Политическое стало пониматься не как собственная сфера, а как производное от процессов коммуникации и рефлексии власти в разных исторических контекстах.

В 1980–90-х годах ведутся дискуссии о конструировании политического посредством коммуникации в разные исторические периоды и разных исторических контекстах, которым были присущи собственный арсенал коммуникативных форм и инструментов. К ним относятся в первую очередь ритуалы и символические практики, которые с одной стороны отражали существующие политические отношения, с другой, помогали их установить. При помощи этого инструментария можно было конструировать социальную действительность характерную для того или иного исторического времени.

Вместе с тем, политика исследовалась как культурная система, понять которую можно было посредством декодирования ее языка. Декодирование политического языка призвано не раскрыть социально-экономические интересы классовых позиций, а позволяет скорее исследовать процесс обнаружения и формирования политических интересов, идентификаций, жалоб и желаний внутри политических языков.

Таким образом, под «другой политической историей» понимается историографическое направление, изучающее политическую культуру того или иного общества на основании исследования символических форм политики, семантики политического языка, ритуалов, формирования представлений о «политическом» посредством коммуникативных практик (дискурсов), иными словами того, как социальные, экономические, религиозные, культурные, моральные явления или отношения трансформировались в политические.

То, что «другая политическая история» стала акцентировать внимание исследователя на других объектах и источниках, бесспорно, придало иной окрас историческим работам. Изучение политической карикатуры в контексте исследований «другой политической истории» позволяет по-новому взглянуть на ис-

Образ царя Николая II и Российской империи в политической карикатуре

торическую эпоху, оценить и проанализировать ее восприятие современниками, избегая аналитических умозаключений ее исследователя.

Анализ политических карикатур как источника особой видовой характеристики, по мнению В.И. Журавлевой, позволяет выявить коммуникативные стратегии, с помощью которых выстраивался общественно-политический дискурс и формировались «демонический» и «романтический» образы России⁵. Карикатура – это индикатор общественных настроений, и одновременно механизм конструирования новых предпочтений. Изучение карикатуристики, прежде всего западной о России, приближает нас к пониманию того, каким образом Россия превращается в объект глобальной миссии и какое место она занимает в системе международных отношений (речь идет в системе международных восприятий России и ее места в мире). Более того, карикатура дает исследователю информацию о «другой», чуждой иностранцам культуре, сравниваемой с «цивилизованной» культурой Запада и служащей источником формирования мифа о России.

В качестве источника в данной статье были взяты еженедельники начала XX в.: американские юмористические журналы «Puck», «Judge», «Life»⁶, и германский ежеквартальник времен первой мировой войны «Die Weltkrieg»⁷.

Для политически ангажированной западной карикатуры большое значение имела политическая конкуренция. В этой связи образы России и ее политических деятелей на Западе формировался с целью лишить Российскую империю статуса великой державы, особенно после ее выхода на арену мировой политики на фоне изменения ее внешнеполитического курса и участия в войне с Японией. Конкуренция великих держав на внешнеполитической арене нашла выражение в карикатуре. Дихотомия «U.S.A. - rUsSiA» играла роль смыслового кода⁸.

Карикатура развивалась в русле дихотомии (*versus*) «варварский» и «цивилизованный», «современный» и «несовременный», «западный» и «восточный», «свет» и «тьма». После участия России в русско-японской войне внимание западной общественности устремилось от политического центра Российской империи к ее территории. Речь стала вестись о величине ее территории, прежде всего о Сибири и Дальнем Востоке. Образом Российской империи для карикатуристов применительно к ее территории становится медведь. При этом речь велась не только о территории, но, довольно часто, о двойственности, неопределенности политических действий отражающих как либеральные намерения части политического руководства России, так и традиционно-консервативные взгляды монархистов. Актуальным для карикатуристов становится образ двуглавого орла. Тема двойственности, отсутствия однозначности политических действий нашла отражение в названиях карикатур «мир – оккупация Манчжурии» (пацифистские намерения российских политиков и ввод войск в Китай), «религиозная свобода – Кишинев» (указ Николая II о веротерпимости 12.03.1903 и еврейские погромы в Кишиневе 6.04.1903).

Большое значение в карикатуре придается образу реальных политических деятелей, что, собственно, делает ее более персонифицированной, а, следовательно, понятной в широких слоях общества и эффективной в политической

борьбе. Главным объектом политической карикатуры становится царь – Николай II Романов, как основной актер политических действий. Первоначально, представления о русском царе связывались с надеждами на развитие институтов конституционного правления и развития либерализма в России (особенно после убийства консервативного министра внутренних дел В. К. Плеве и назначения на его место либерала П. Д. Святополк-Мирского в 1904). Фигура царя большого размера на карикатурах предстает на первом плане, в свете лучей и блеске монархических символов. Начиная с участия Российской империи в русско-японской войне, когда Россия стремится доказать свое место под солнцем в сонме европейских и американских колониальных держав, отношение западных политиков, а следовательно карикатуристов к ней начинает меняться. В образе русского царя, количественно, начинают преобладать детали; «бомба» восстания, задушенный «петух» – гонец свободы, образ восточного сатрапа, «яйцо» – Шалтай-Болтай, оружие. Образ Людовика XVI Французского как предостережение и пр. Чем меньше на карикатурах была представлена фигура царя, и чем больше ее смысловой облик был наполнен иными символами и образами, тем больше (количественно и качественно) она начинает конкурировать с другим образом – сторонником реформ, революции, демократии.

Поддержка западными карикатуристами политики реформ в России любыми способами (в том числе и революционными), приводили не только к усилению смысловой нагрузки карикатуры, но и меняли общественное мнение в самих западных странах. Если первоначально в карикатурах высвечивались и негативно-критически были представлены любые акты террора, насилия в России, то постепенно, общественное мнение на Западе, формируемое во многом благодаря политической карикатуре, стало приветствовать убийство и террор в России в отношении представителей императорской фамилии и политических деятелей. Американцы «не видели ничего плохого в том, что (русские) бросали бомбы в великих князей и, пожалуй, могли согласиться с нападением крестьян на помещиков»⁹.

На фоне событий 1905 г. внимание западных карикатуристов вновь обращается к персоне Николая II. Образ царя, сливаясь с образом русской монархии, предстает зажатым в тиски революционных внутренних и пораженческих внешнеполитических событий. С одной стороны речь идет о восставших рабочих, солдатах и крестьян, с другой – японцах. При этом целью карикатуры становится не столько углубление критики действий царского кабинета, сколько намерение предложить выход из ситуации, который, непременно, должен быть похож на американский, германский или английский проект реформирования страны. Тактика вполне понятна и может быть объяснена, в том числе нежеланием политического руководства ряда европейских стран развить аналогичные события и революционные брожения в собственных странах. Фигура царя-карлика в сообществе с великаном в американских сапогах, французском кафтане или английском цилиндре, символически должна сформировать представление о «старшем» и «младшем», «воспитателе» и «ученике», «защитнике» и «слабом, беззащитном». Германский вариант помощи непременно включал

Образ царя Николая II и Российской империи в политической карикатуре

символы военного, старшего родственника, который силой оружия способен защитить монархию в России, англо-американский вариант – «парламентское кресло» или выступление оратора на сессии, символ внутреннего и внешнего «мира», «мисс Колумбии» – образа американской парламентской демократии. При многообразии вариантов выхода из кризиса с постоянной оглядкой на «бомбу» революции и войны начинается целый «крестовый поход» западных карикатуристов на Российскую империю. У «крестового похода» конечно же, есть своя миссия – распространение ценностей западной демократии в России, но, при сохранении монархии в России.

Чтобы отвести внимание от фигуры царя и, возможно, не допустить его свержения образ России начинает отождествляться с образом «мужика», чрезвычайно точно напоминающем Распутина. Западной карикатуре нужен был новый образ, образ «врага», затрудняющего ход политических реформ в России и отводившего внимание от персоны царя, с которым прежде связывались неудачи и тупики конституционного пути развития. Монархия и ее сохранение в России, несмотря на ее традиционализм и консерватизм, все же представлялась карикатуристам оплотом стабильности и легитимности России. Разгул анархии и террора в империи мог привести к ее падению и экстраполяции насилия вовне. Империя важна была как субъект международного права, для поддержания баланса сил.

Новый всплеск карикатуристики пришелся на 1905 г. Поводом послужил царский манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка». Образ царя в западной карикатуристике остался по-прежнему негативным, отводился на второй план, так как вперед выдвинулась личность сильного политика – председателя Совета министров С. Ю. Витте. С. Ю. Витте казался на Западе проводником западного влияния, и, если царь был не способен восстановить порядок, а анархия и беспредел революции также не приветствовались в западном общественном мнении, то в западных СМИ его окружили ореолом романтического героя, способном вывести Россию из кризиса. «Тиранья» сильной личности казалась на Западе все же более привлекательной чем «анархия».

Образ России делающей конституционные попытки, при попустительстве и/или неспособности слабого царя их ввести, отмеченные через карикатуру, имели двойственный эффект. Политическая карикатура позволяет оценить такие важные обстоятельства: а) формирование общественного мнения в русле «Свой» – «Чужой», б) формирование прозападнического общественного мнения в самой империи, интеллигенция которой была знакома с газетными публикациями Европы и США, в) формирование политически ангажированного общественного мнения внутри статус-группы (то есть в самих странах Запада). Речь может идти о мессионерских формированиях представлений в США, основная внешнеполитическая задача которых состоит в трансляции ценностей западной (американской) демократии и в дальнейшем, осознании однополярности мира при ведущей роли Америки.

В отличие от американской карикатуры, особым образом развивалась немецкая карикатура. Важным для нее оставался момент династических связей

между монархиями, что делало ее более лояльной по отношению к России¹⁰. Следуя политическому завещанию О. Бисмарка, политический курс германской империи на рубеже веков не был воинственным в отношении Российской империи пока речь не начала идти о разделе мира и участии в нем Германии. Если в самом начале XX века германский кайзер и российский царь изображались в военной форме в дружелюбных позах друг по отношению к другу, то после участия России в войне на Дальнем Востоке образ русского царя количественно начинает уступать кайзеру, чья фигура изображается на карикатуре в полной боевой амуниции. Русский царь выглядит скромнее и предстает в гражданской форме, либо в скромном мундире и без оружия. В канун информационной войны произошедшей перед началом войны, как тексты, так и иллюстрации к ним на страницах германских газет все более приобретают негативный смысл, наполняясь символической, отражающей нежелание Российской империи поддерживать право Германии занять место под солнцем и сотрясающей оружием с целью недопущения немцев к Дальнему Востоку и Китаю. Символически немецкая карикатура была наполнена милитаризмом; оружие в руках немецких солдат, обращенное в сторону Азии и России, тексты с призывом к действию.

Таким образом, изучение западной карикатуры позволяет оценить и проанализировать не только процесс формирования общественного мнения и восприятия образа «Другого», но и сконструировать коммуникативное пространство, которое оказывало воздействие на умы и, также формировалось под действием прессы. Более того, она позволяет выявить и проанализировать действия политических акторов, заинтересованных в прогнозируемом общественном мнении внутри страны, определяя уровень заинтересованности и поддержки населения собственного курса.

Примечания

¹ Цит. по: *Барлова Ю. Е.* Проблемы политического развития Англии в Новое время в свете «новой политической истории»: западные подходы // *Диалог со временем* : альманах интеллектуальной истории. М., 2005.

² Там же. С. 123.

³ *Турыгин А. А.* Основные направления современной германской историографии во второй половине XX в. Кострома, 2008.

⁴ См.: *Барлова Ю. Е.* Проблемы политического развития Англии в Новое время в свете «новой политической истории»...

⁵ *Журавлева В. И.* Образ русской революции в американской политической карикатуре : материалы Международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США «Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность». М., 2007

⁶ Там же. С. 167.

⁷ *Die Erste Weltkrieg. 1914. Jahre.*

⁸ Там же. С. 174.

⁹ Там же. С. 165

¹⁰ *Вульф Дитмар.* Династия Романовых и Германия. Роль династической солидарности и династических браков в русско-германских отношениях (XVIII – начало XX вв.).

А. В. Нифонтов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ОТРЕЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II: ОТ МИФОЛОГИИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ ИЛИ НОВЫМ МИФАМ

Постоянно появляются новые факты, связанные с судьбой царского Дома Романовых, которые часто опровергают то, что считали непререкаемой истиной, а оказываются мифами. И среди них – проблема отречения императора Николая II от престола. Она актуальна как в историографическом плане (между крайними трактовками – традиционной для советской историографии «слабого и неудачливого царя» и современной российской «святого и самоотверженного монарха» – появились оригинальные точки зрения, подкрепленные новыми документами), так и в политико-публицистическом плане (появилась целая серия статей и выступлений в СМИ в связи с «новомонархическим проектом»¹), что требует ее рассмотрения более подробно и обстоятельно. Поныне бытует версия отречения, суть которой кратко выразил Александр Блок: «Отрекся, как будто эскадрон сдал», из которой следует, что слабовольный царь и плохой командующий, будучи не в силах управлять страной, потерпев поражения на фронтах мировой войны, испугавшийся гнева народных масс, сам отрекся от власти. Действительно, он собственноручно подписал отречение от власти «во имя горячо любимой Родины», ибо «... признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть». Но обстоятельства, при которых последний царь подписал «добровольное отречение» от престола, описаны противоречиво, и часто оно выносится за рамки общего контекста предшествующих событий и превращается в личный почин «слабого» царя. Поэтому обратимся к обстоятельствам, в которых оказался император Николай II в канун этого исторического события.

Известно, что существовал антимонархический заговор с целью отречения императора Николай II от власти, которое подготавливалось на протяжении многих лет тайной и планомерной работой враждебных Российскому самодержавному режиму внешних и внутренних сил.² В антимонархическом заговоре участвовали группировки: «великокняжеская» (внутридинастическая и междинастическая), «конституционная», «военная», «надгосударственная» (масоны и сионисты), «левые революционеры», дипломаты и спецслужбы ведущих западных держав и ... императрица со сторонниками самого царя.³ У этого широкого (и, возможно, еще не до конца полного⁴) спектра заговорщиков были свои цели и планы, которые отчасти совпадали и одновременно отрицались, поэтому они мешали друг другу, их комбинации срывались и, что еще недостаточно показано и исследовано, их действиям противостоял (до 2 марта 1918 г. успешно) сам император Николай II. Еще менее известно, что в планах императора Николая II было намерение уйти от власти, чтобы сохранить династию Романовых и реформировать монархическую государственность. Одной из причин этого являлось болезненное состояние Николая II, другой – то, что император 11 марта 1901 года

Николай II узнал пророчество монаха Авеля о трагической судьбе династии Романовых.⁵ Возможно, что с противодействием этим планам и связан заговор группировки Императрицы и Распутина, как и втягивание России в первую мировую войну вопреки Императору. Таким образом, существуют три версии причин отречения: 1) возможный план императора Николая II добровольно уйти от власти, но сохранить монархическую государственность, проведя ее реформирование после победы в войне; 2) заговор по сохранению династии в разных вариантах без Николая II при 3) существующем в принятой историографии мифе о свержении монархии «демократической революцией» и добровольном (т.е. без сопротивления) отречении царя от власти. Сопоставим их с документальными фактами.

После того как Россия была втянута в первую мировую войну, главной целью императора Николая II стало ее победоносное для России завершение, а его опорой стала группировка Императрицы и армия. Против императора Николая II объединились заговорщики и оппозиция. Первый удар был нанесен по группировке Императрице, но «великокняжеский переворот» удался лишь частично (был убит Распутин), но императрицу Николай II отстоял, хотя убийцы остались без возмездия, против них не было даже возбуждено дело и не началось разбирательство. Это было воспринято заговорщиками и даже сторонниками императора как его слабость и нерешительность.⁶ Другие группировки заговорщиков продолжали свою деятельность. Руководящим центром стала «масонская» группировка, которая координировала руководство оппозиционными политическими партиями и военной группой заговорщиков называемая в новейшей литературе «генеральским бунтом».⁷ В большинстве планов переворота входило отречение Николая II в пользу наследника. Регентом у наследника должен был стать великий князь Михаил. Это был тщательно взвешенный юридический ход. По законодательству отречение Императора не предусматривалось, оно приравнивалось к самоубийству, поэтому для легитимности захватчиков власти нужно было до тонкостей продумать юридические основания новой власти. Для легитимности – отречение должно было быть исключительно в пользу наследника Алексея.⁸

В результате скоординированной и целенаправленной деятельности заговорщиков был организован планомерный и всеобъемлющий саботаж в важнейших сферах жизнеобеспечения и положение на фронте и в тылу к началу 1917 года резко ухудшалось, начались антиправительственные выступления в столице. Версия о стихийной вспышке возмущения «народа прогневшим режимом», которая представлена в традиционной историографии, оказывается несостоятельной перед введенными в научный оборот документальными свидетельствами. В результате заговорщической деятельности «уличное движение в столице» вызвало паралич правительственных органов и создание антиправительственных (антисистемных) центров.⁹ В этих условиях заговорщики остановились на «железнодорожном» варианте» переворота, разработанный думцами (Гучков) и военными (генерал Крымов), но его в первоначальном варианте осуществить не удалось.¹⁰ Заговорщики спешили и готовили новый вариант переворота, т. к. ситуация на фронтах становилась все более благоприятной для победы союзников и России. Об этом писал П.Н.Милюков, вспоминая 1917 год: «Мы знали, что

весной предстояли победы Русской армии. В таком случае престиж и обаяние Царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность».¹¹

Казалось контроль над столицей и армией находится в руках императора, который приняв верховное командование, стал напрямую опираться на генералов, гвардейские части и спецслужбы. Но заговорщики сумели парализовать все попытки государственной власти к подавлению беспорядков. Это была государственная измена лиц, которые по своему должностному положению должны были сделать все, чтобы пресечь бунт. Прежде всего, это была измена военной верхушки.¹² Рано утром 28 февраля царь, не поддаваясь на уговоры назначить премьером князя Львова, о чем еще вечером его просил брат Михаил Александрович, отправился в Царское Село. И здесь был допущен роковой просчет: узнав, что царский гвардейский конвой ограничен, генералы-заговорщики запустили в действие новый «железнодорожный» вариант переворота. Царь еще не знал, что государственная власть в стране узурпирована заговорщиками и что он уже полностью изолирован. Царский поезд был загнан в глухой тупик. Царю не дают возможности связаться с семьей в Царском Селе. Все письма и телеграммы, которые ему шлет жена, перехватываются. Царь оказался пленником в руках изменников, отрезанным от Ставки и от императрицы. Александра, узнав, что царский поезд задержан в Пскове, писала 2 марта, что государь «в западне». Началось психологическое давление на царя со стороны генералов и он был подавлен их предательством, всегда уверявших его в верноподданнических чувствах и предавших в трудную минуту. Они хорошо знали, сколько сил и труда Николай II положил, чтобы подготовить армию к предстоящему весеннему наступлению. И в этот момент они объявляют его «помехой счастью России» и требовали оставить трон. Изменники обманывают царя, внушая ему мысль, что его отречение «принесет благо России и поможет тесному единению и сплочению всех народных сил для скорейшего достижения победы».¹³

После разговора с Рузским царю стало ясно, что «думцы» и генералы действуют в полном согласии и решили произвести переворот. В этих условиях он попытался пойти на компромиссные переговоры с лидерами Государственной Думы, но заговорщики начинают диктовать свои условия. Рузский прямо заявил, что сопротивление бунтовщикам бессмысленно, что «надо сдаваться на милость победителя» и стал добиваться отмены приказа, предписывавшего генералу Иванову идти с войсками на Петроград. Царь стал сдавать свои позиции. 2 марта в 0.20 Рузский вышел от царя с телеграммой для Иванова: «Прошу до моего приезда и доклада никаких мер не принимать». А в 10.15 Рузский предъявил царю новое требование: отречься от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Он сообщил императору о том, что мятежники захватили в свои руки дворец в Царском Селе и царскую семью (что не соответствовало действительности!). Царь был потрясен, и как раз в этот момент Рузскому принесли телеграмму от главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, спешившего сообщить, что, по его мнению, продол-

жать боевые действия можно только при условии, если Николай II отречется от престола в пользу сына. – Мне надо подумать, – сказал император и отпустил Рузского. Когда в 14.00 царь снова вызвал к себе генерала, тот явился с двумя помощниками, генералами Даниловым и Саввичем, которые сообща принялись убеждать Николая в необходимости отречения. Рузский сообщил новые известия, полученные из ставки. Оказывается, в Петрограде поспешил явиться в Думу с предложением своих услуг собственный его величества конвой; вверил себя в распоряжение Думы двоюродный брат царя великий князь Кирилл Владимирович; на сторону Временного правительства перешел главнокомандующий Московского военного округа генерал Мрозовский. Пока царь знакомился с этими удручающими новостями, подоспели ответы главнокомандующих фронтами и флотами: все они единодушно поддержали требование об отречении. А многолетний сотрудник царя, его начальник штаба генерал Алексеев одобрил все решения главнокомандующих. «Я решил, – сказал Николай. – Я отказываюсь от престола». Он перекрестился. После этого он написал две телеграммы об отречении: одну – Родзянко, другую – Алексееву. Было 3 часа дня 2 марта 1917 года. Около 10 вечера из Петрограда приехали представители «революционной общественности»: А. И. Гучков и В. В. Шульгин. На переговорах с царем об отречении Гучков внушает Государю мысль, что надежных военных частей нет, что все части, которые подъезжают к Петрограду, «революционируются» и что у царя нет шансов на иной исход, кроме отречения. Это была ложь. В резерве Ставки такие части были, некоторые же могли быть переброшены с фронта. Царю как никогда требовалась поддержка военных, но в тот момент рядом с ним находились изменники. Рузский, который присутствовал при беседе Гучкова и Шульгина с Государем, авторитетно подтвердил ложное утверждение Гучкова, что у царя не осталось верных частей для подавления мятежа. «Нет такой части, – заявил царю Рузский, – которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург». В дело идет даже прямой шантаж. Представители «общественности» не гарантируют жене и детям царя безопасности, если он вовремя не отречется. Против Николая объединились: великие князья, генералитет, Государственная Дума, «либеральная общественность» и заговорщики достигли первой цели – царь оказался в одиночестве и вынужден отречься. Сам Николай II в своем дневнике описал этот день. «2-го марта. Четверг. ... Нужно мое отречение. ... Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте и в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился... Кругом измена, и трусость, и обман!».¹⁴

Итак, опираясь на документальные свидетельства очевидцев можно констатировать: 2 марта 1917 года в Пскове произошла измена царю в канун судьбоносного наступления русской армии. Царь был фактически пленен генералами-заговорщиками, которым он доверял. После этого пленения Николай II и его семья находились в изоляции, и заговорщики имели возможность скрыть реальную канву истории с отречением. Решение об отречении было вырвано под угрозами, шантажом, ложью. Предатели безошибочно рассчитали, что благо России для Царя превыше всего. О какой добровольности можно говорить в такой обстановке. Следует согласиться с мнением о. Константина (О. А. Горянова),

который отмечает: «...последний русский Царь Император Николай II по собственной, *кажется*, воле засвидетельствовал свое отречение или, вернее, *допустил отрешение* от Престола «по долгу совести» во имя требуемого мнимого «сплочения всех сил народных». Только русскому человеку дано понять трагическое различие слов: отречение и отрешение. Заговорщики, по сути, осуществили **насильственный переворот**, отстранение от власти законного правителя, которое следует называть не отречением, а **отрешением**, то есть лишением власти, насильственным свержением с помощью давления внешних сил и военных. Заговорщики, явно любители мистификаций, даже выбрали соответствующее место, где произошло историческое событие, станцию с говорящим названием Дно. Это должно было свидетельствовать о руке судьбы, отстранившей от власти Царя, доведшего, якобы, Россию до самого дна. И многие в эту «руку судьбы» поверили, не почуяв заготовленного заранее сценария».¹⁵ Итак, можно утверждать: **1–2 февраля 1917 года совершился государственный переворот, арест Царя и насильственный захват власти. Царя принудили к отречению**. Добавим, что заговорщики не добились полного выполнения своего сценария – создание конституционной монархии под своим контролем, без Николая II и его сторонников.

Теперь сопоставим факты с мифом о «жертвенном подвиге смирения и страдания последнего царя», т. е. безвольном примирении Николая II с пророчествами о неизбежном падении династии и монархии. Было два отречения Николая II от престола. Вначале он отрекся в пользу сына, но потом изменил решение и отрекся в пользу брата – Михаила. Этот момент в отречении Николая II принципиально важен. В одиночестве и, не имея возможности опереться на своих сторонников, Николай II продолжал борьбу и не стал выполнять навязываемый ему сценарий, пытаясь вести свою линию и тем самым изменить ситуацию не в пользу заговорщиков. Уже жестко ограниченный в средствах воздействия на события, он ломает в решительный момент росчерком двух слов хитросплетения интриги, заплатив за это жизнью. Исследования документов отречения показывают, что сам факт подлинности так называемого «манифеста» об отречении вызывает серьезные сомнения. До сих пор ни в одном архиве не найден текст Высочайшего манифеста. То, что выдается за таковой, – сомнительный и неизвестно кем составленный вариант телеграммы со странным названием «начальнику штаба», *подписанный карандашом*, что идет вразрез с практикой подписания царем всех официальных документов государственной важности. Любой именной указ, согласно законам Российской Империи, подписанный карандашом, недействителен. Кроме этого опубликован в Интернете материал, автор которого утверждает, что почерк на указе об отречении радикально отличается от почерка Государя. Но, в любом случае, был ли указ об отречении подписан неким лицом, который подделал почерк Государя, или все-таки его подписал сам Николай II – в основных законах Российской Империи отречение монарха не предусматривается вообще. Поэтому в любом случае документ этот юридически недействителен. А значит нелегитимным является объявление Временным правительством республики 1917 года. И хотя великий князь Михаил Александрович по существу отказался от наследования, оговорив, что примет власть лишь по воле Учредительного собрания. Но по российской монархической традиции «воля народа» могла

быть выявлена через Земский Собор Всея Руси, от всех сословий и губерний земли Русской, а не через придуманную «либеральной общественностью учредиловку». Николай II вполне определенно выразил свое отношение к позиции брата в своем дневнике: «3-го марта... Оказывается Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!». 4 марта, узнав о поступке брата, Николай II заявил, что передумал и согласен на вступление на Престол царевича Алексея при регентстве брата. Однако генерал Алексеев не отправил эту телеграмму Временному правительству, «чтобы не смущать умы», поскольку отречения уже были опубликованы. Об этом малоизвестном эпизоде писали В. М. Пронин, Д. Н. Тихобразов, генерал А. И. Деникин, Г. М. Катков (Православный Царь-Мученик. Сост. С.Фомин.-М., 1997. –С.583-584).

«Эта восьмидневная революция была ... “разыграна” точно..., “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия», – писал тогда проницательный Ленин. Да, эта «революция», разыгрывалась очень точно, но вдруг дала осечку. Ибо неожиданным препятствием в успешном осуществлении заговора оказался Царь – основная мишень заговорщиков. Один из исследователей М. Кольцов, рассуждая об обстоятельствах так называемого «отречения», писал: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили». Ему оказалось под силу не только противостоять мощной разветвленной организации и ее планам, но и повлиять на изменение их: планируемый как дворцовый переворот, заговор вдруг перешел в фазу восстания, поставив победивших заговорщиков лицом к лицу с разъяренным и раздраженным ими же народом; а сразу после переворота «революционный победитель» юрист Керенский метался от обер-прокурора Синода к прокурору Петрограда с одним вопросом: «Найдите зацепочку в законах, чтобы хоть как-то сделать Временное правительство законным!!», т.е. *из законного мягкого хорошо придуманного внутрдинастического переворота заговор стал незаконным революционным мятежом*. Отречение не в пользу наследника (т. е. по законам Российской империи как и планировали заговорщики), а в пользу Михаила, было противозаконным (приравнилось к самоубийству) и делало весь переворот преступлением. Как только заговорщики это осознали, их ликование сменилось яростью, и было объявлено через два дня об аресте «полковника Романова». Таким образом, видно, что *Николай II пытался изменить сценарий установления конституционной монархии без его участия*. Но вряд ли можно ли согласиться с новыми трактовками о том, что «отречение – это спасительный для самодержавия ответный удар».¹⁶ Действительно, *император Николай II своими действиями во время отречения от власти нанес удар по монархической части заговорщиков* (которые хотели оставить монархию без Николай II и сделать ее конституционной), но одновременно он *объективно способствовал*

антимонархической – революционной – части заговора, который и стал стремительно реализовываться, сметая участников первой части и реализуя сценарий «народная революция».¹⁷

Более того, и первая часть монархического заговора смогла реализоваться при использовании планов самого Николая II. Ибо какую монархию в перспективе видел сам Николай II? Политика и идеология царствования Николая II после войны с Японией имеет четкую либерально-реформистскую направленность, которая вела к установлению конституционной монархии при благосклонности и попустительству «либеральной общественности» и отчуждению от традиционных самодержавно-православных монархистов. Это просматривается и в тексте отречения, в котором просматривается стремление править исключительно на основах демократических и конституционных, т.е. *отречение происходит от самого принципа Самодержавия*. Это повторено в приказе по армии от 8 марта 1917г. И, объясняясь с великим князем Александром Михайловичем, бывший царь сказал ему, что его отречение было Им продумано и Он уверен в его необходимости для блага армии и России. Поэтому когда в июне 1917г. М.О.Меньшиков написал статью по поводу отречения царя «Кто кому изменил?», то он имел определенные основания обвинить в измене своему долгу царского служения и главы государства самого Николая II, ибо обещание, данное Им при короновании хранить неповрежденной власть Самодержавную, было попрано еще в 1905 году, в частности о желании отречения от престола царь говорил задолго до революции. Поэтому С.Марков – один из немногих пытавшийся спасти царскую семью из заточения – приходит к выводу: «...когда грянула революция, Государь доказал, что *Он в сущности Самодержцем не был*...20-летнее царствование Его утомило, говорил Он, и единственное Его желание – довести Россию до победы и ...провести земельную реформу...разработать широкую конституцию...а в день совершеннолетия Наследника отречься от престола в Его пользу с тем чтобы Он был первым русским царем, присягнувший на верность конституции...и конституционная Россия сделается более могучей, чем под скипетром Самодержавных монархов».¹⁸ И когда современный монархист В.Карпец заявляет: «...мы знаем, что Государь планировал после победы созвать Земский собор примерно в 1922 году и принять на нем некое законодательство. Это не должна была быть конституция, это должно было быть некое соборное уложение, и, соответственно, страна начала бы возвращение к тому прообразу, который существовал во времена Московской Руси»¹⁹, это похоже на создание нового мифа, который хотят встроить в политически ангажированный «новомонархический проект», по мнению сторонников которого с юридической точки зрения в России продолжает существовать монархия (хотя они признают, что де-факто она прекратила свое существование), ибо «никто не может отменить Присягу 1613 года и основные законы Российской Империи», тем более в 1922 году во Владивостоке состоялся Земский собор, который собрала очень малая часть руководителей белых армий, которые не отказались от царской присяги и утвердили номинальное существование монархии. Но это уже политизированная и конъюнктурная аргументация и история, которые принимается и поддерживается ограниченной группой сторонников.

Само изменение трактовки «добровольного отречения Николая II» на «отрешение» и «вынужденное отречения» раскрывает последнего царя династии Романовых с новой стороны, реабилитирует его и воссоздает историческую правду о нем как активном и самостоятельном политике, а также существенно дополняет и демифологизирует действительный процесс Февральской революции 1917 года. Но нужно признать, что царь Николай II действовал в русле реформирования самодержавия и своими действиями способствовал его революционному свержению.

Примечания

¹ О «новомонархическом проекте» см.: *Аверьянов В., Мультатули П.* Другой царь и другой Сталин // *Завтра*. 2008. № 41–42. Эти же авторы являются сценаристами телефильма «Николай Второй. Сорванный триумф» (2009).

² Целью большинства сценариев было сохранение монархии с ее модификацией и устранение от власти царя Николай II через разные варианты: захват царя и вынужденное отречение в пользу сына с регентом, выдвижение другого из династии (например, великого князя Николая Николаевича) и даже установление новой династии (Долгоруковы-Рюриковичи) (*Вопросы истории*. 1991. № 7–8. С. 200, 204–207) или царевубийства (*Николаевский Б.* Русские мasons и революция. М., 1990. С. 92–93.). Был сценарий свержения монархии и введение республиканского строя.

³ Так, в 1900 году, когда Николай заболел и врачи не исключали летальный исход, группа вельмож с благословения Александры Федоровны составила заговор: в случае смерти императора короновать пятилетнюю царевну Татьяну, назначив регентшей царицу, но Николай выздоровел. В 1915–1916 годах у Николая II появились сильнейшие сердечные боли, причинившие его окружению немало беспокойств. Случись с царем смертельный приступ – и кто бы оказался на престоле? Царица-регентша с больным сыном? (*Широкопад А.* Темные силы Февраля, или Кто вынудил Николая II отречься от престола. *Вопросительные знаки над могилами*. М., 1996. С. 5).

⁴ В обширной монографии В. Устинова (*Гибель Романовых: прусский след*. М., 2008. 512 с.) утверждается, что в свержении последнего российского императора приняли активное участие остзейские немцы из его ближнего окружения – прямые потомки Екатерины II, которые под страхом убийства наследника заставили Николая II отречься от престола, а затем «замели следы» и направили расследование по «революционному» следу.

⁵ О том, что Николай II знал о своей печальной участи и о неизбежности краха монархии, известно достаточно широко. Причем самое удивительное, что пророчество было сделано за сто с лишним лет до революции и расстрела царской семьи. В статье «Таинственное в жизни Государя Императора Николая II» ее автор А. Д. Хмелевский пишет: «Императору Павлу I Петровичу монах-прозорливец Авель сделал предсказание “О судьбах державы Российской”, включительно до правнука его, каковым и являлся Император Николай II. Это пророческое предсказание было вложено в конверт с наложением личной печати Императора Павла I и с его собственноручной надписью: “Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины”. Документ хранился в особой комнате Гатчинского дворца. Все Государя знали об этом, но никто не дерзнул нарушить волю предка. 11 марта 1901 года, когда исполнилось 100 лет согласно завещанию, Император Николай II с министром двора и лицами свиты прибыл в Гатчинский дворец и, после панихиды по Императору Павлу, вскрыл пакет, откуда он и узнал свою тернистую судьбу. Об этом пишущий эти строки знал еще в 1905 году” 13.05.2003 г. (см. [электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ari.ru/doc/print/?id=1698>).

⁶ Организованная дискредитация Распутина вызвала бурю возмущения, как среди общности, так и в высших эшелонах власти и, в известной мере, легализовала деятельность заговорщиков, которые могли планировать переворот под предлогом устранения Рас-

путина. В сущности, весь романовский клан, включая императрицу-мать, выступил против Распутина, и к 1916 году отношения Александры Федоровны с семьей мужа накалились до предела. Убийство Распутина 17 декабря 1916 года во дворце родственника царя князя Юсупова, в котором, кроме самого хозяина, участвовали великий князь Дмитрий Павлович и лидер монархистов Пуришкевич, подробно описана в той версии, которую хотели преподнести убийцы. Ситуация же была несколько иной. Главные цели заговора были гораздо шире, чем просто убийство Распутина. Так, в середине декабря 1916 года тифлисский городской голова вел переговоры о военном перевороте с великим князем Николаем Николаевичем, командовавшим Кавказской армией. Великий князь, сделав ряд оговорок, высказался все-таки в пользу такого переворота, составленного против Николая II. О масштабах заговора свидетельствует и перехваченное МВД письмо княгини Юсуповой, адресованное великой княгине Ксении Александровне с сожалением, что в тот день (17 декабря) «не довели дела до конца и не убрали всех, кого следует...». Дошло даже до того, что мать великого князя Кирилла Владимировича, беседуя с председателем Государственной думы М. В. Родзянко, как-то обронила: «Надо ее уничтожить!» – «Кого?» – спросил Родзянко. «Императрицу!» Но император Николая II, получив телеграмму Александры об исчезновении Распутина, оставил ставку в Могилеве и экстренно приехал в Царское Село. И царю удалось подавить заговор «великокняжеской» группировки. Из Петрограда началась массовая высылка великих князей: Дмитрий Павлович отправился на Персидский фронт, Николай Михайлович – в свое имение Грушевку в Херсонской губернии, Кирилл Владимирович был командирован в Мурманск, Борис Владимирович – на Кавказ (Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 210).

⁷ Формально масоны называли своей целью объединение «всех прогрессивных элементов в борьбе против самодержавия» и считали свою организацию вне- и над-партийной. В XXVI томе «Красного архива» опубликован секретный документ из архива А. И. Гучкова – «Диспозиция № 1» от 8.09.1915 г. Цитируем по книге историка Н. Яковлева «1 августа 1914 года» (М., 1974): «... на руках у России две войны – против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достижение полной победы над внешним врагом немислимо без предварительной победы над врагом внутренним». «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» гласит, что внутренний враг – это правящий монарх и его преданные слуги. Это уже антимонархический заговор против Николая II.

⁸ «Кадетские государствоведы притащили на совещание толстые тома свода законов Российской империи и, справляясь в них, рассуждали, как составить регентский совет после отстранения Николая II.» Это совещание было у А. Гучкова еще в ноябре 1916 г. Кроме того, особую роль играла личность Михаила. («Мягкий характер Великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю», – писал Миллюков)

⁹ Сейчас уже можно проследживать и причины, и виновников экономических «несуразиц». Это был настоящий организованный саботаж, который привел к «разрухе». К началу 1917 года, несмотря на чрезвычайные меры, которые предпринимало царское правительство, наступил продовольственный кризис. Одним головоугодничеством чиновников объяснить происходящее было невозможно, поэтому даже Родзянко тогда причитал: «сговорились все делать во вред России». Так был создан «взрыв общественного возмущения режимом». Цитируем допрос министра Протопопова: «...для революционных действий, идущих, против старого строя, нет более удобных путей, как экономическая борьба, т. е. путь, чтобы еще более расстроить кровообращение страны, вселяя недовольство и доводя его до сильнейшего состояния, пока не произойдет взрыв. Это ужас».

¹⁰ Царский поезд постоянно курсировал между ставкой и Царским Селом, где находилась императрица. Планировалось захватить в пути этот поезд и заставить царя отречься от престола прямо в вагоне. План был довольно сложен, и реализовать его в первоначальном

РАЗДЕЛ III

варианте не удалось. Тем не менее, генералитету удалось все гвардейские полки (традиционную опору царской власти) отправить на фронт. А подавляющее большинство войск Петроградского гарнизона составляли запасные батальоны, которыми в основном командовали так называемые офицеры военного времени – бывшие студенты, инженеры, преподаватели. Вполне естественно, что первые не жаждали попасть на фронт, а вторые – не симпатизировали самодержавию. В конце 1916 – начале 1917 года Николай II неоднократно выражал желание, чтобы полки гвардии поочередно приходили в Царское Село на «отдых». Но все эти пожелания бойкотировались подчиненными, причем наиболее активную роль в противодействии этим планам царя играл генерал Гурко. Генерал В. Воейков в своих воспоминаниях высказал удивление, что не было боевого столкновения, на которое не направлялись бы гвардейские части. Он отмечал: « Такое систематическое истребление кадров гвардии начинало внушать сомнения в целесообразности подобных распоряжений для успеха нашего ратного дела». (Воейков В. Н. С Царем и без Царя. М., 1994. С. 74).

¹¹ На 14 февраля 1917 года в Петрограде планировалось устроить массовое шествие рабочих и студентов к Таврическому дворцу – месту заседаний Государственной думы с требованием сформировать «ответственное министерство». Но этот вариант не прошел, так как накануне демонстрации охранка провела превентивные аресты членов рабочей группы Военно-промышленного комитета, и манифестация не состоялась. Через 9 дней, 23 февраля, в различных частях города начались хорошо организованные демонстрации. Военные власти действовали нерешительно, точнее, «играли в поддавки». К примеру, вывели морально неустойчивых резервистов на подавление беспорядков. Причем офицеры сами приказывали солдатам переходить на сторону рабочих. Рабочие, солдаты и обыватели, вышедшие на улицы Петрограда, требовали свержения самодержавия, эйфория победы кружила головы (Император Николай II и революция. СПб., 2005. С. 62.).

¹² У истоков «военной группировки» стоял генерал А. А. Свечин; кроме него в нее входили генералы В. Гурко, А. Крымов, Н. В. Ружский, а также шеф жандармов В. Ф. Джунковский. Известны слова генерала Брусилова, который говорил: «Если придется выбирать между царем и Россией - я пойду за Россией». «Начинайте, и мы вас поддержим», – говорил генерал Крымов, «нет, пусть армия добивается отречения», отвечал Родзянко. В сплетении личных и государственных интересов уже было трудно определить, где кончалась измена Монарху и начиналась измена Отечеству (Отречение Николая II: воспоминания очевидцев. Л., 1927. С. 61).

В последнее пребывание Государя в Ставке (22 февраля) было много странного. В Петрограде начались беспорядки, а здесь царил безмятежная тишина, спокойствие более обычного. Информация, которая поступала Государю, шла через руки генерала Алексева, т. е. фактически до 27 числа Государь имел искаженное представление о происходившем в Петрограде. Первые сообщения о волнениях в Петрограде были получены в могилевской ставке только 26 февраля. Николай II повелел командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову прекратить волнения в столице. Однако пришла телеграмма от председателя Государственной думы Родзянко, который просил императора дать согласие на создание ответственного правительства, назначаемого не царем, как раньше, а Госдумой. На это царь в ночь на 27 февраля ответил распоряжением о роспуске Думы. На следующий день, 27 февраля начальник штаба Николая II генерал М. В. Алексеев просил императора пересмотреть свой отказ и дать согласие на образование ответственного правительства во главе с Родзянко или князем Львовым. Снова ответив отказом, царь днем велел главнокомандующим Западным и Северным фронтами срочно отправить в Петроград по два кавалерийских и по два пехотных полка и по пулеметной команде. Во главе этих частей он поставил генерала Н. И. Иванова, который в ночь на 28 февраля должен был отправиться из Могилева в столицу с Георгиевским батальоном и навести порядок в столице, ибо исход боя четырех отборных обстрелянных кавалерийс-

Отречение императора Николая II: от мифологии к исторической правде...

ких дивизий с перепившимися резервистами Петроградского гарнизона был предрешен, но приказ царя не был выполнен. (*Коняев Н. М.* Романовы. Расцвет и гибель династии. М., 2003. С. 184–185).

¹³ Царский поезд, контролируемый заговорщиками, вышел из Могилева на восток в 5 часов утра 28 февраля. В Малой Вишере Николаю II сообщили, что в Петрограде есть «какое-то Временное правительство» и что Любань и Тосно уже заняты восставшими войсками. Слегка обеспокоенный этими досадными помехами, царь приказал возвращаться назад в Бологое, а оттуда через станцию Дно следовать в Псков, где находилась ставка генерала Рузского. В Пскове царь действительно был блокирован генералом Рузским. Вся входящая и исходящая информация подвергалась его «цензуре». Князь С. Е. Трубецкой, пытавшийся попасть к царю, убедился, что царь находится на положении арестанта, к нему никого не пускают. Причем охрана осуществлялась военными часовыми, подвластными главнокомандующему Северным фронтом генералу Рузскому. Для встречи с царем требовалось его особое разрешение. Многие, даже близкие люди не могли попасть к царю. Генерал Дубенский рассказывает, какое чувство негодования и оскорбления испытали все верные царю: «Более быстрой, более сознательной предательской измены своему Государю представить себе трудно... Государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей». Один из близких царю людей предлагает арестовать и убить Рузского. Но все понимают, что положение этим не изменишь, так как Рузский действует в полном согласии с начальником штаба Ставки генералом Алексеевым, по сути дела принявшим на себя обязанности главнокомандующего и поэтому контролирующим все вооруженные силы. Он рассылает циркулярный запрос командующим армиями. Этот запрос в информационной части грубо фальсифицировал реально сложившуюся обстановку, утверждая, что войска деморализованы и войну можно продолжать только при выполнении требований об отречении царя. Обращаясь к командующим армиями, Алексеев утверждал, ссылаясь на Родзянко, что «обстановка, по-видимому, не допускает иного решения», и тем самым навязывал им, не имеющим другой информации, желаемый для заговорщиков ответ. В этих переговорах также намеренно сгущаются краски, и положение вещей представляется в свете, выгодном для заговорщиков. Сообщается, что беспорядки охватили большую часть России, и в частности Москву. Это была неправда. Беспорядки наблюдались только в Петрограде и Кронштадте, в Москве же и других городах России законная власть полностью контролировала обстановку. Алексеев, Рузский и Родзянко идут на прямое государственное преступление, интерпретируя события в искаженном виде. Ответы командующих армиями соответствовали той информации, которая была ими получена. Еще не зная, что их обманывают, поверив, что дела действительно так плохи и иного пути нет, они соглашались на отречение. Результаты этого необычного опроса: великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт) – за; генерал Брусилев (Юго-Западный фронт) – за; генерал Эверт (Западный фронт) – за; генерал Сахаров (Румынский фронт) – за; генерал Рузский (Северный фронт) – за; адмирал Непенин (командующий Балтийским флотом) – за; адмирал Колчак (командующий Черноморским флотом) – «принял безоговорочно». Сам Алексеев – тоже за (Отречение Николая II: воспоминания очевидцев. Л., 1927. С. 61).

¹⁴ 1 марта на станции Дно из царского поезда отправляется телеграмма председателю Государственной Думы Родзянко, в которой царь приглашает его прибыть в Псков в штаб Северного фронта совместно с тем наиболее желательным кандидатом для составления правительства, которому, по мнению Родзянко, «может верить вся страна и будет доверять население». В шесть часов вечера 1 марта в царский поезд летит телеграмма, в которой сообщается, что «Родзянко задержан обстоятельствами, выехать не может». В 22.00 генерал Рузский по поручению генерала Алексеева начал убеждать царя как

РАЗДЕЛ III

можно быстрее дать согласие на... создание ответственного правительства! «Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения, – вспоминал потом Рузский. – Основная мысль государя была та, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, «подав с кабинетом в отставку». Государь высказал убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей». Рузский стал доказывать, что революция всюду побеждает, что экспедиция генерала Иванова обречена на провал, что власть прежнего совета министров фактически уже перешла в руки Временного комитета Государственной думы. В подтверждение своих слов он показал императору телеграмму от генерала Алексеева из моголевской ставки. В ней сообщалось, что беспорядки в Кронштадте вышли из-под контроля, что в Москве войска переходят на сторону восставших, что Балтийский флот признал Временный комитет. Более полутора часов генерал Рузский возражал, спорил, доказывал и, в конце концов, вырвал у царя согласие на формирование ответственного правительства во главе с Родзянко. Но изменники чувствовали себя очень неуверенно и больше блефовали, чем были действительно уверены в себе. Как говорил находившийся рядом с царем адмирал Нилон, нельзя было идти на уступки. (Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 76, 134–142).

¹⁵ Архиепископ Константин Тихвинский (Горянов О. А.) Да будет воля Твоя // Родная Ладога. 2008. № 4. С. 9.

¹⁶ Рыжков Л. Н. О древностях русского языка. М., 2002. С. 346–352.

¹⁷ Так, «великокняжеская» группировка оказалась неudel, надеялась, что после отречения царя роль семьи Романовых возрастет, а один из ее членов займет императорский трон. Так, великий князь Николай Николаевич, по соглашению с генералитетом, спешно выехал с Кавказа в ставку, чтобы принять пост верховного главнокомандующего, но в дороге получил телеграмму от Временного правительства: «Народное мнение высказывается против занятия членами Дома Романовых какой-либо должности». Какое народное мнение? Кто и когда делал опрос по всей огромной России? Так Временное правительство исключило из игры «великокняжескую» партию. А когда выяснилось, что привезенный Гучковым манифест не устраивает заговорщиков, Родзянко настоял в прямом разговоре 3 марта в 5 часов с Рузским и Алексеевым о задержке его опубликования, т.к. «для успокоения России царствование Михаила Александровича «абсолютно неприемлемо, и генерал Алексеев час спустя телеграфировал командующим фронтами, что «в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности». И это было верно замечено. Генералитета «временные» боялись еще больше. Идя на отречение Николая II, генералы хотели получить крепкий тыл, который дал бы армии победоносно закончить войну. Временное же правительство, чтобы ослабить власть генералитета и «заплатить» толпам пьяных солдат, фактически соглашается на приказ № 1 Петроградского Совета. Согласно этому приказу солдатам Петроградского гарнизона давался иммунитет от отправки на фронт, устанавливались двоевластие и даже приоритет солдатских комитетов в армии перед воинскими начальниками и т. д. Приказ № 1 положил начало развалу армии, в стране начались анархия и хаос. Впоследствии все генералы – участники заговора были уничтожены.

¹⁸ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 215.

¹⁹ Карпец В. Россия и монархия // Завтра. 2008. № 24. К этому следует добавить сообщения о том, что еще до мировой войны Николай II сделал попытку воссоздать Патриархат и предложить свою кандидатуру на избрание Патриарха, т.е. добровольно уйти из светской в духовную деятельность (как и его далекий предок в начале династии), но не был поддержан руководством РПЦ.

Н. В. Миловидова
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

**ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И ДНИ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ:
ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ КНЯЗЯ В. ОБОЛЕНСКОГО)**

В связи с 400-летием династии Романовых в России активизировались многие научные центры и ученые, занимающиеся проблемами российской государственности, взаимоотношения государства, общественных и религиозных институтов, центра и провинции, пытающиеся разрешить их на базе новых или известных, но мало востребованных ранее источников в свете современных подходов в исторической науке. В центре внимания ряда исследователей сегодня продолжает оставаться история России начала XX в. А именно, революционный процесс, эпицентром которого стал 1917 г.; Первая мировая война, усилившая хаос не только в России, но и Европе, серьезно повлиявшая на дальнейший ход событий. Для России, в частности, это означало перелом, падение монархии, закат империи, крушение одной социальной модели и замену ее другой, что в свою очередь стало эпохальным цивилизационным культурно-историческим разломом. Одним из историографических парадоксов можно считать чрезвычайно малое количество новых исследований в этой области, а те, что опубликованы, носят подчас неполный или односторонний характер¹. В принципе, с этим выводом можно согласиться, добавив, что пришло время более широко использовать документы личного происхождения. Стоит некоторые перечитать заново, а за субъективностью этой группы источников постараться увидеть и некую объективность освещения событий и роли исторических личностей. Актуальность избранной темы возрастает, так как ее более активное изучение позволит нам понять и всю противоречивую последующую историю России XX в., извлечь определенные уроки.

Попытаемся еще раз пристальнее взглянуть на то, как доживала свои последние годы Российская империя. С этой целью обратимся к автобиографическим воспоминаниям князя В.А. Оболенского, который был типичным представителем той эпохи. Родился он в 1869 г. в семье потомственных дворян. Окончил Петербургский университет, учился в Берлинском. В 1896–1903 гг. занимался земской деятельностью в Смоленске, Пскове, Орле, Крыму. В 1905 г. вступил в партию кадетов, был членом I-й Государственной думы, позже членом ЦК этой партии, принадлежал к радикальному крылу. Масон. В 1916–1917 гг. стал председателем Петроградского комитета Союза городов. По взглядам – республиканец. Был решительным и принципиальным противником Октябрьского переворота. Активно выступал против партии большевиков. С ноября 1920 г. – эмигрант². По предложению Русского Исторического Архива в Праге в 1937 г. написал воспоминания, которые со временем были опубликованы³. Они повествуют о жизненном пути автора от рождения и до 1920 г., то есть эвакуации из России, начале эмиграции.

Исходя из темы исследования, обратим свое внимание на ту часть воспоминаний, где рассказывается о Российской империи при Николае II. Вот как написал В.Оболенский о последнем российском императоре: «Умер Александр III и на престол вступил злополучный Николай II». О новом царе ходили в Петербурге самые разнообразные слухи, отмечал он. Многие верили в либерализм молодого монарха, надеялись, что теперь действительно наступит конец беспросветной реакции, имевшей место при царе Александр III. Говорили доброжелательно, подчеркивая доступность и простоту Николая II. Но, увы, – отмечал далее В. Оболенский, – «через месяц всем этим иллюзиям настал конец после знаменитой речи... произнесенной молодым монархом на приеме депутатов от земства и дворянства». У некоторых из них потом чувствовалось подавленное настроение⁴. Вообще, начало 1890-х гг. ознаменовалось периодом общественного оживления. Шли споры между народниками и марксистами. Одним из главных был вопрос о крестьянской общине. Левая интеллигенция рассматривала ее значение в контексте грядущей революции. В конце 1890–1900-х гг. политическая борьба в России продолжала нарастать. В этом смысле представляет интерес описание В.Оболенским состава и деятельности земских статбюро. Сам он был, как известно в то время, земским статистиком. Князь называет эти бюро маленькими, раскинутыми по губернским городам, запорожскими сечами. Земскими статистиками преимущественно были люди, не прижившиеся в условиях того времени и создававшие поэтому свои вольницы с особым бытом и неписаными законами. Они имели возможность подробно изучать экономическую жизнь крестьянства, что позволяло им без прикрас увидеть реальное положение дел в деревне⁵. А оно было непросто. Кстати, из среды бывших земских статистиков вышли немало крупных большевистских деятелей. Особо заинтересовала нас глава 11 «В русской глуши», написанная по материалам обследования двух уездов Псковской губернии, а именно Холмского и Торопецкого. «Весенняя распутица была в полном разгаре, – вспоминал Оболенский. – Мы колыхались в каком-то огромном, нелепого вида безрессорном тарантасе, поминутно ныряя в глубокие колеи, заполненные тяжелой, липкой грязью»⁶. Ах, эти вечные российские дороги! По приезду статистики отправились в земскую управу, но, ни председателя, ни секретаря не застали на месте. Оказалось, что они были на именинах у председателя в его имении уже почти неделю. Из разговора с единственным работником, оказавшимся на месте, бухгалтером, выяснилось, что текущих дел было немного, но бумаги при этом лежали без ответа по два месяца. Чувствовалось, что начальство любило только жалование получать и ловко добывать награды. Земцы объехали ряд деревень, беседовали с крестьянами, поразились их дикости и поголовной неграмотности. Сохранились записи Оболенского и о помещиках России. В частности, он отмечал, что количество их убывало из года в год. Земли сохранили лишь сильнейшие, сумевшие приспособиться к изменившимся после падения крепостного права условиям жизни. В старых же родовых гнездах в обследованных уездах, жили еще потомственные дворяне Кутузовы, Елагины, Калитины и др. Среди них встречались культурные люди, но большинство дичало в этой глуши, продолжая вести прежнюю беззаботную и веселую помещичью жизнь, материально оскудевая и морально опускаясь. Налицо было сочетание старых барских привычек с убогой обстановкой современности⁷. Попадались на глаза и знакомые гоголевские Плюшкины, Ноздревы, в

российской глуши жившие попросту, угощавшие, захвативших на огонек, жидким, отдававшим веником чаем из нечищеного, густо засиженного мухами и покрытого медной зеленью самовара, сетовавшие в разговоре на то, что налоги тяжелы, народ стал грубый, все меньше радеющий за веру, переживавшие о строившейся рядом железной дороге, из-за которой пришлось вырубить их любимую рощу и т.д. Может ли быть, – писал Оболенский, – более нелепое сочетание! Плюшкин и железная дорога! Много поездил и повидал В. Оболенский. Выводы его оказались противоречивыми, как и сама Россия, описанная Н.В. Гоголем и А.П. Чеховым. Увиденное все больше убеждало в необходимости преобразований в России. Понял он и то, что крестьянство жило верой в земельный передел и, что деревня страдала больше не от капитализма как такового, а от того, что он толком не дошел до нее. Дальнейший прогресс России Оболенский связывал с революцией, базировавшейся на рабочем движении, при этом не склонен был видеть в пролетариате какого-то особого избранника, которому предопределено было вести все остальное человечество в царство Свободы и Справедливости. Постепенно, будучи несогласным по ряду положений, он порвал с партией социал-демократов и приобщился к движению, начатому Союзом Освобождения⁸. Шло время, и новые события предреволюционной империи попадали в поле зрения князя Оболенского. В 1904 г. началась русско-японская война. По поводу ее в обществе распространялись очень противоречивые слухи. Проводились мобилизации, манифестации, и уже скоро всех потрясло известие о первом поражении русских войск под Тюренченом. Непопулярность войны со временем рождала «пораженческие» настроения, которые становились все более господствующими в социалистических и отчасти либеральных кругах русского общества. «Ответственность за войну, за поражение русских армий и за бессмысленно проливаемую кровь, – считал В. Оболенский, – лежала на Николае II, личная политика которого привела к дальневосточному столкновению. Поэтому-то больное патристическое чувство порождало ненависть не к японцам, а к самодержавию». Война многим открыла глаза. Явилось всенародное ощущение – «так жить больше нельзя», которое вскоре превратилось в лозунг – «долой самодержавие»⁹.

Не удалось сгладить противоречия, все более обострившиеся и внутри российского государства. 15 июля 1904 г. был убит министр внутренних дел Плеве. После этого впервые последовало не усиление реакции, а ее ослабление. Начинаясь, – отмечал справедливо В. Оболенский, – период так называемой общественной «весны», вскоре сменившийся периодом революционных бурь. А за «банкетами» и земскими собраниями с политическими заявлениями наступил период профессиональных съездов в Москве и Петербурге, главными организаторами которых были члены Союза Освобождения. Провинция, не проводившая подобных съездов, свою реакцию на текущую жизнь империи отражала в многочисленных приветствиях, содержавших порой резкую критику в адрес правительства. Иногда даже звучали призывы к его свержению. Чувствовалось, что власть находилась в полной прострации. Под давлением поражений на японском фронте, она несколько ослабила вожжи реакции, но управлять далее не смогла. Вернуть старый режим она уже чувствовала себя не в силах, – писал Оболенский, – а стать на путь реформ не только боялась, но и не хотела. Вот и создалась революционная ситуация. Начался период военных бунтов, восстаний, частичных захватов власти. Если бы

так называемая булыгинская конституция была дарована не в августе, а в январе 1905 г., русское общество приняло бы эти реформы с восторгом, и правительство бы легко справилось с революционными эксцессами¹⁰. Но время было упущено, модернизационные процессы продолжали запаздывать. Бывают в жизни каждого человека дни, которые навсегда запоминаются. Таким для Оболенского стал день 17 октября 1905 г., когда был принят Манифест, обещавший народу свободу и даровавший конституцию. Прилив бурного воодушевления по поводу этого документа больше чувствовался в провинции. Кто ликовал на митингах, а кто при этом занимался организацией погромов. Во время октябрьских погромов погибли 1622 и были ранены 3544 человека. Состоялось 205 процессов по делу погромщиков, в ходе которых были осуждены 1938 человек. Несмотря на то, что революция 1905–1907 гг. носила незавершенный характер, она несколько расшевелила власть, и способствовала созыву I-й Государственной думы. Произошли и некоторые перестановки в правительстве. После отставки Витте премьер-министром стал И.Л. Горемыкин, министром внутренних дел – П.А. Столыпин, проявлявший большую энергию в подавлении революции. Тюрьмы были переполнены, а военно-полевые суды безжалостно отправляли на виселицы своих подсудимых. Наконец настал памятный день 27 апреля 1906 г. До начала работы I-й Государственной думы, все депутаты должны были явиться в Зимний дворец на царский прием. В Тронном зале, таким образом, предстали друг против друга представители двух враждебных станов: пестрая с золотом толпа царских сановников и серо-черная толпа депутатов. «Улица» революцией была приведена во дворец. Дальнейшая работа первого русского парламента проходила в Таврическом дворце, вспоминал Оболенский. «Бурные заседания, красивые речи и ... никакого следа в русском законодательстве. Почему так вышло? Почему собрание исключительно блестящих людей, многие из которых были известны всей России не только как теоретики, но и как практические земские и городские деятели, оказались бесплодными? Этот вопрос князь задавал себе постоянно. Очевидно, потому что революция революцией, а законы оставались старые. Правительство сознательно похоронило Манифест. Николай II и его ближайшие советники смотрели на этот акт как на военную хитрость. Анархическое аграрное движение разрасталось, в разных местах горели помещичьи усадьбы, уничтожался скот и инвентарь, а правительство продолжало бороться с этим движением исключительно репрессивными мерами. Сотрудничества между правительством и парламентом не получилось. Думская инициатива была чрезвычайно стеснена законом¹¹. В воспоминаниях Оболенского нас также заинтересовали портретные зарисовки как представителей власти (И.Л. Горемыкин, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, И.Г. Щегловитов), так и думцев (И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, В.Д. Набоков, Ф.Ф. Кошкин, Д.И. Шаховской, П.Д. Долгоруков, М.М. Ковалевский). Если бы думцы могли предвидеть, что власть, – писал Оболенский, – остававшаяся в руках безвольного монарха, приведет Россию к страшному государственному кризису, от которого она долго не сможет оправиться, они, вероятно, вместе с социалистами продолжали бы революционную борьбу¹². С каждыми новыми выборами, – отмечал он, – правительство все более оказывало давление на избирателей и прибегало к самым разнообразным приемам, чтобы получить правое большинство

депутатов. Думой манипулировала власть. Так роспуск II-й Думы был предре- шен правительством еще ранее ее созыва¹³.

Не прошла без внимания В. Оболенского и аграрная реформа. По просьбе редактора «Русской мысли» П. Струве он участвовал в обследо- вании Псковской и Самарской губерний. «Словом, – резюмировал Оболенский, – реформа, сама по себе чрезвычайно нужная, проводилась по приказу из Петер- бурга по одному шаблону в огромной России, невзирая на разнообразие ее при- родных, бытовых и хозяйственных условий, и не в ней самой, а в методах ее осуществления заключался главный ее недостаток»¹⁴.

Хорошо запомнил князь и лето 1914 г. Напряженное состояние, в котором находилась вся Европа после убийства в Сараево, ощущалось и в Пе- тербурге. Все следили за газетами, делились последними политическими ново- стями. По всей стране шли патриотические манифестации. Но скоро, – писал Оболенский, – энтузиазм первого дня войны сменился на несколько дней пани- ческим настроением. Многие тогда хотели влить свои силы в общее дело войны. Кто ехал на фронт с отрядами земских и городских союзов, и их не пугал ужас кровопролития, а кто энергично работал в тылу, все чаще с тревогой задумыва- ясь о неведомом будущем.

Война ухудшила общую ситуацию в Российской империи. О 1915–1917 гг. Оболенский писал как о времени полного распада государственной власти. «Все понимали, что власть, находящаяся в руках слабовольного царя, всецело под- павшего под влияние истерической жены и пьяного развратника Распутина, ведет Россию к гибели»¹⁵. Со всех сторон приходили сведения о нараставших в армии и народе революционных настроениях. Одни эту идею поддерживали, другие говорили о дворцовом перевороте, связывая его с именем А.И. Гучко- ва. Борьба с правительством становилась общественным долгом, но вопрос был в том, в какой форме ее вести. В этой ситуации в ЦК кадетской партии, по- видимому, по инициативе П.Н. Милюкова, предложили создать в Думе и Госу- дарственном совете Прогрессивный блок. Думалось, что если революция уже неизбежна, то лучше пусть она будет связана с организованным народным пред- ставительством, нежели пройдет в виде неорганизованного бунта. С головок- ружительной быстротой проходил весь калейдоскоп текущих событий того страшного времени: судорожная смена министров по указанию Распутина; арест и освобождение Сухомлинова, – вспоминал Оболенский, – тревога в русских и союзнических общественных кругах по случаю назначения министром иност- ранных дел и премьером Б.В. Штюрмера, известного своей нечестностью и немецкими симпатиями; убийство Распутина и слухи о готовящемся дворцо- вом перевороте с участием великих князей; наконец, последний предреволю- ционный период, когда судорожные действия власти производили впечатление ее полного безумия... И все это на фоне постоянных поражений на фронте и глубокого брожения в армии... Несколько позже еще добавилась проблема бе- женцев, наводнивших тыловые города.

Крупные исторические события всегда имеют глубокие причины, но имен- но поэтому часто возникают по совершенно случайным и малозначительным поводам. Так было и в России в феврале 1917 г., отмечал Оболенский. Револю-

ция, которая не была неожиданностью, оказалась неизбежной и началась с бунта продовольственных «хвостов». Ввиду сокращения хлебных запасов власть стала ограничивать потребление, забыв при этом ввести карточную систему. В таких сложных условиях стало нарастать недовольство обделенных слоев общества. Женщины и дети громили булочные и пекарни. Их поддержали заводские рабочие и рабочие трамвайных парков. Начались митинги, забастовки, стычки с полицией. Конечно, многие понимали причину бунтов, но не осознавали, что началась революция. Постепенно в разрешение вопроса о хлебе стали вмешиваться думцы, но власть продолжала усмирять беспорядки стрельбой¹⁶. Тем временем представители социалистической интеллигенции, солдаты, рабочие шли к Таврическому дворцу. Здесь все гудело, кипело, шумело. Постоянно совещались лидеры партий. Слышны были голоса ораторов. Анархия нарастала, а власти все не было. Наконец, образовался Временный комитет Государственной думы, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, а через два дня оформилось Временное правительство, но первенство все же принадлежало Совету. Все новые и новые полки переходили на сторону революции. Продолжались аресты, грабежи и обыски... «Ряд стихийно-хаотических действий создал перелом в истории России, называемый февральской революцией»¹⁷. Революция охватила всю страну. Разгулом революционных страстей, бушующей анархической народной стихией, назвал общее настроение тех лет Ф. Шляпин. Без особого энтузиазма, настороженно к революции отнесся автор воспоминаний. Уже в первый месяц революции, – отмечал Оболенский, – стало ясно, что развал всей внутренней жизни России пошел еще быстрее. Рабочие захватывали заводы. Производство сокращалось; по улицам шатались праздные солдаты; дворники практически, и те, не работали; все заметнее стали перебои с продовольствием. Не успело оформиться Временное правительство во главе с кн. Г. Е. Львовым, как начался политический кризис, разрешившийся созданием коалиционного правительства. Со временем стали поговаривать о том, что оно обречено, и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура. Одни видели спасителя в лице генерала Л. Г. Корнилова, другие – А. Ф. Керенского. На В. Оболенского они не произвели особого впечатления. На Московском государственном совещании особенно ему не понравилась речь главы правительства. Казалось, отмечал князь, что перед нами стоял какой-то провинциальный актер, плохо игравший свою роль. Правда, позже Оболенский назовет Керенского честным русским гражданином¹⁸.

Такой предстает перед нами противоречивая картина последних лет и дней существования Российской империи, нарисованная князем В. Оболенским. Начинались тягучие и полные тревоги октябрьские дни 1917 г. Все знали, что большевики организуют восстание, но это уже была новая страница в истории России XX в.

В. А. Оболенский прожил долго. Благодаря различным обстоятельствам, он смог наблюдать жизнь и верхов, и низов в столицах и провинции; нередко оказываясь в самой гуще исторических событий. «Мои же мемуары, – писал он, – при всем их субъективизме, не могут быть тенденциозными просто потому, что, не совершив больших дел, я не нуждаюсь в самооправдании перед историей»¹⁹. Автор подчерки-

вал, что вспоминая свою прошлую жизнь, старался освещать ее по возможности не с точки зрения своего нынешнего отношения к ней, а воспроизводя свои современные ей мысли и чувства. Автобиографические воспоминания написаны живым литературным языком, поэтому читаются легко и с интересом. Во многом с точки зрения исконных идеалов человечества – Свобода, Справедливость, Любовь, их он придерживался и оказался прав, описывая закат Российской империи. Убеждает нас в его правоте знакомство и с другими видами источников, а также воспоминаниями и дневниками таких же его современников.

Примечания

¹ *Боханов А. Н., Сахаров А. Н.* Заметки о книге А. А. Искендерова «Закат империи» / Отечественная история. 2003. № 4. С. 151.

² Политические деятели России 1917: биограф. словарь. М., 1993. С. 239–240.

³ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998.

⁴ Там же. С. 130–131.

⁵ Там же. С. 152–153.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ Там же. С. 185–187, 196, 200, 206, 208.

⁸ Там же. С. 172, 237.

⁹ Там же. С. 259–260.

¹⁰ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998. С. 275–276.

¹¹ Там же. С. 337, 342, 343–344.

¹² Там же. С. 348.

¹³ Там же. С. 402.

¹⁴ Там же. С. 430.

¹⁵ Там же. С. 496–497.

¹⁶ Там же. С. 500, 508–509.

¹⁷ Там же. С. 514, 515–516.

¹⁸ Там же. С. 523, 538, 540–541, 544.

¹⁹ Там же. С. 6.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов

Департамент культуры Костромской области

400-ЛЕТИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Есть в России города, сыгравшие особую, весьма значительную роль в ее истории. В их числе Москва – древняя столица страны, в которой венчался на царство М.Ф. Романов – родоначальник царской, а затем и императорской династии; Нижний Новгород, где было сформировано народное ополчение 1612 г.; Ярославль, ставший накануне освобождения Москвы от польских интервентов главным политическим центром страны, в котором заседал созданный Д. М. Пожарским и К. Мининым «Совет всея земли»; Санкт-Петербург, на протяжении двух столетий являвшийся столицей Российской Империи.

© Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов, 2009

РАЗДЕЛ III

С полным основанием к числу таких городов следует отнести и Кострому. Именно в костромском Ипатьевском монастыре был призван на трон первый царь династии – Михаил Федорович Романов, воцарение которого знаменовало окончание многолетней Смуты, раздиравшей Русь¹. Всем известны ратные подвиги костромичей во имя сохранения и укрепления российской государственности: Ивана Сусанина², Осипа Комисарова и многих, многих других представителей костромской земли.

Отдавая дань памяти и уважения Костроме и костромичам, представители Дома Романовых почитали своим долгом посетить Ипатьевский монастырь и сам древний город на Волге³. Как правило, такие посещения сопровождались пышными торжествами и ценными дарами. Особую страницу в этом ряду занимает празднование 300-летнего юбилея династии в Костроме, состоявшееся в 1913 году.

Традиция посещения Костромы потомками династии Романовых, прервавшаяся после Октябрьской революции 1917 г., была возобновлена в 1990-х годах. 28 мая 1993 года состоялся визит в Ипатьевский монастырь главы Русского императорского Дома великой княгини Марии Владимировны со своей матерью Леонидой Георгиевной и сыном – великим князем Георгием. Этот визит открыл целую серию посещений Костромы и другими потомками августейшего рода: великим князем Дмитрием Романовичем Романовым, принцем Майклом Кентским.

При этом важно, что Кострома не только сохранила многовековую связь с представителями Дома Романовых, но и продолжила реализацию программы мероприятий, направленных на популяризацию исторической роли Романовых, на укрепление фундаментальных основ российской государственности. В связи с предстоящим в 2013 году празднованием 400-летия династии Романовых закономерно встает вопрос о необходимости разработки концепции, которая была бы направлена на перспективное осмысление и осуществление этих задач. В рамках данной концепции, а затем и соответствующей программы мероприятий, решались бы различные актуальные задачи: социальные, духовно-нравственные, экономические, воспитательные и др.

Среди приоритетных направлений содержания концепции, с нашей точки зрения, можно было бы выделить такие, как:

- сохранение историко-культурного наследия;
- научно-образовательная и просветительская деятельность;
- реализация историко-культурных и выставочных проектов;
- развитие туристской инфраструктуры;
- рекламно-издательская деятельность.

Обладая богатейшим историко-культурным наследием, в том числе относящимся к периоду правления Романовых, Костромская область весьма заинтересована в его сохранении и преумножении. В рамках подготовки празднования 400-летия династии Романовых целесообразно уже сейчас создать реестр существующих зданий и сооружений, объектов историко-культурного и природного наследия, а также объектов, нуждающихся в реставрации и реконструкции. Данный реестр мог бы послужить основой для привлечения федеральных средств,

мобилизации средств областного и муниципальных бюджетов на эти цели. Кроме того, важно было бы спланировать и осуществить реставрацию значительного комплекса движимых памятников, хранящихся в музеях Костромской области, имея в виду предстоящую юбилейную выставочно-экспозиционную работу, которая, несомненно, должна будет стать одним из центральных пунктов в подготовке и праздновании юбилея.

Следующее направление предполагает широкомасштабную целенаправленную и комплексную работу среди представителей научной и творческой интеллигенции, студенчества, школьников, других категорий населения Костромской области, направленную на изучение и популяризацию истории царской, а затем императорской России, а также событий предстоящего 400-летнего юбилея династии Романовых. Важно отметить, что, начиная с 1993 года, Кострома стала местом проведения всероссийских научно-практических конференций, в центре внимания которых традиционно находятся Романовы и Костромской край⁴. С 2008 года в Костроме проходят Романовские чтения, главная задача которых, как справедливо отметил губернатор Костромской области И.Н. Слюняев, состоит в «современном осмыслении российской государственности с учетом бесценных для нас уроков истории»⁵. В чтениях приняли участие известные отечественные исследователи, в сфере научных интересов которых находится романовская проблематика. Приятно констатировать и тот факт, что участниками чтений заложена традиция издавать их материалы, что позволяет этому научному форуму нести большую просветительскую нагрузку.

В рамках этого направления немаловажное значение имеет и работа с подрастающим поколением. На сегодняшний день создан целый комплекс уроков и факультативов, где на богатом историко-краеведческом материале раскрываются важнейшие социально-политические процессы, происходившие в России того или иного периода романовской эпохи⁶. Вместе с тем, данный вид работы необходимо расширять, так как историческая визуализация не только делает уроки более интересными, но и более запоминающимися, влияющими на личностное становление подрастающего поколения.

Неразрывная связь Костромы и династии Романовых служила и продолжает служить прочным фундаментом выставочной деятельности костромских музеев: идея создания Музея российской государственности в Костроме была актуальна еще в период правления самих Романовых (открытие в стенах Ипатьевского монастыря Церковного историко-археологического музея, строительство Романовского музея). В советское время по известным причинам создание и функционирование подобных музеев и выставок было невозможным. Однако, уже начиная с 1990 года в Костроме регулярно проходят выставки, посвященные тем или иным аспектам истории династии Романовых⁷. В начале XXI века это направление работы едва ли не ключевое в выставочной деятельности ГУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». Вместе с тем, вполне возможно увеличение количества подобных выставок, обеспечение большего разнообразия их экспонатуры и расширение их географии (помимо собственно города Костромы с историей династии связаны и такие населенные пункты Костромского края, как Сусанино, Красное, Макарьев, Нерехта, Галич и др.).

Важное значение в плане подготовки к предстоящему юбилею приобретает и такое направление, как «Развитие туристской инфраструктуры». Среди приоритетных туристских брендов Костромской области первостепенное значение имеет бренд «Кострома Царственная – колыбель династий Годуновых и Романовых, оплот российской государственности», презентация которого состоялась в июне 2008 г. в рамках туристского форума «Кострома рудшоу». В 2009 году планируется ввод в эксплуатацию двух туристских комплексов. Первый из них связан с деятельностью ООО «Романовлес» и представляет собой современный комплекс, «изюминка» которого состоит в специфике строительства: деревянные строения, стилизованные под XVII век. Второй (ООО «Романовы и Сусанин») также исполнен в дереве, но его «изюминка» еще и в другом: он будет открыт в непосредственной близости от места подвига Ивана Сусанина в с. Домнино Сусанинского района – бывшей вотчине матери первого русского царя из династии Романовых. Помимо этого, разработан ряд других инвестиционных проектов, направленных на улучшение туристской инфраструктуры региона в связи с предстоящими юбилейными событиями 2013 года.

Направление «Рекламно-издательская деятельность» предполагает, в первую очередь, издание разнообразных путеводителей, буклетов, брошюр, календарей, интерактивных карт, специальных периодических и продолжающихся изданий и др. Кроме того, необходимо широкомасштабное осуществление выпуска подарочных изданий научно-просветительского характера «Романовы и Костромской край», «Кострома глазами российских императоров», «Иван Сусанин в истории Государства Российского» и др., мультимедийной продукции.

Рекламное сопровождение должно включать в себя соответствующую работу с местным населением. Для успешной реализации концепции подготовки и празднования романовского юбилея костромичи должны позитивно относиться к ее мероприятиям, чувствовать себя не сторонними наблюдателями, а гостеприимными хозяевами, знающими и гордящимися историей своего края.

В рамках празднования 400-летия династии Романовых Костромской край должен выступить не только как «колыбель династии», но и как важный центр российской государственности в прошлом, настоящем и будущем России. Осмысление исторического прошлого дает ключ к осознанию национальной идеи, выстраиванию общественных отношений, сохранению и развитию культурных традиций.

Примечания

¹ Козляков В. Михаил Федорович. М., 2004.

² Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997.

³ Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетии. Кострома, 1859.

⁴ См. подробнее: Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. Романовская эпоха (1613–1917 гг.) в трудах костромских исследователей: по страницам «Вестника КГУ им. Н. А. Некрасова» // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романо-

вых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008 (далее – Романовские чтения). С. 270–281.

⁵Приветственное слово губернатора Костромской области И.Н. Слюняева // Романовские чтения. – С. 8.

⁶Осипова Т. Г. Династия Романовых и Костромской край в школьном курсе отечественной истории // Романовские чтения. С. 290–297.

⁷Уткин С. А. Научная концепция создания Романовского мемориала в Костромском объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь» // Краеведческие записки. Вып. VI. Кострома, 2003. С. 152–163.

О. А. Лебедева, Н. Е. Силкова, О. А. Цветкова
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

**РАЗРАБОТКА ОБУЧАЮЩЕЙ КОНТРОЛИРУЮЩЕЙ ПРОГРАММЫ
ИЗ КУРСА НРК «КОСТРОМСКАЯ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ»
ПО ТЕМЕ «РОМАНОВЫ И КОСТРОМСКАЯ КРАЙ»
И «ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА И СЕЛА КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТИ»**

Современный период развития общества характеризуется огромным влиянием на него компьютерных технологий, которые все увереннее проникают во все сферы человеческой деятельности, обеспечивают распространение информационных потоков в обществе, образуя глобальное информационное пространство. Компьютерные технологии признаны стать не дополнительным «довеском» в обучении, а неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность.

Технологии, используемые для связи обучающихся с сообществом и друг с другом, могут сделать процесс обучения более интересным, отвечающим реалиям нашего времени. Применение информационных технологий позволяют «оттянуть» на себя большую часть рутинной работы и высвободить дополнительное время на разбор сложных и специфических моментов той или иной дисциплины, разгрузить преподавателей и учащихся, внести творческий элемент в образовательный процесс.

К сожалению, сегодня многие рассматривают информатизацию обучения как процесс внедрения ЭВМ в систему высшего образования. Считаем, что такой подход – упрощенное и одностороннее понимание сущности проблемы. Речь должна идти о принципиально новой организации учебного процесса, о создании новой дидактической модели технологии обучения, предполагающей организацию оптимального взаимодействия человека с компьютером. В итоге меняется сам характер, место и методы совместной деятельности педагогов и обучаемых; соотношение дидактических функций, реализуемых в системе «педагог – информационные технологии обучения – обучаемый»; усложняются программы и методики преподавания различных дисциплин; видоизменяются методы и формы проведения учебных занятий.

© О. А. Лебедева, Н. Е. Силкова, О. А. Цветкова, 2009

РАЗДЕЛ III

В этом случае они становятся более многогранными и ориентируются прежде всего на активизацию познавательной деятельности обучаемых. Им становятся присущи такие свойства как проблемность, наглядность, эмоциональность, высокая активность, наличие игровой ситуации.

Исходя из выше сказанного, мы попытались разработать и создать обучающие контролирующие программы из курса НРК «Костромской край в истории России» по двум темам: «Романовы и Костромской край» и «Исторические города и села Костромской области».

Наши программы содержат теоретический материал, тренажер, практические задания и темы для проверки уровня знания обучающихся, глоссарий.

Стремление показать как можно по-новому организовать учебный процесс, заставило нас обратиться к двум ключевым темам курса НРК «Костромской край в истории России». Это темы «Романовы и Костромской край» и «Исторические города и села Костромского края». Данный курс и избранные темы считаем весьма актуальными по причине особого эмоционального и учебного воздействия.

Любовь к Родине начинается с глубокого чувства привязанности к отчему краю, где мы родились, выросли, сделали первые шаги в мир. Интерес к своей малой родине, ее прошлому, настоящему и будущему способствует формированию личности гражданина, патриота, осознанному восприятию национальных и общечеловеческих ценностей. В современных условиях наступления массовой западной культуры обращения к родным корням, национальным истокам приобретают особую значимость. Другое обстоятельство, подвинувшее нас на изучение обозначенных тем – интегрированный характер курса, включающего элементы многих дисциплин: истории и культуры, географии и литературы, археологии и этнографии, архитектуры и религиоведения. По-нашему мнению, именно этот курс и его ключевые темы с их богатым содержанием могут четко и ясно, доходчиво и наглядно представить возможности электронных обучающих и контролирующих программ на базе новых информационных технологий.

Важнейшим источником при подготовке статьи стала книга Е.П. Вознесенского, написавшего о путешествии по Костромской земле действующих и будущих русских государей и великих князей царствующего Дома Романовых¹. Ее ценность, как справедливо заметили архивисты, подготовившие работу к изданию в 1993 г., автор «использовал неопубликованные источники, к нашему времени большей частью утраченные или труднодоступные: летопись Макарьево-Унженского монастыря, монастырскую приходскую книгу, копии с жалованных грамот Ипатьевскому монастырю и притчу кинешемского Успенского собора, писцовые книги г. Костромы, записки протоиереев Костромского и кинешемского Успенского соборов, воспоминания очевидцев, опубликованные в XIX веке документа и краеведческую литературу»².

Серьезное исследование Н.А. Зонтикова³, посвященное подвигу И. Сусанина также привлекло наше внимание по причине использования широкого круга источников, критического анализа трудов предшественников. Значительная часть фактических данных, иллюстрации книги-альбома Н.Н. Виноградова составили основу темы «Романовы и Костромской край». Эти материалы сами по себе ценный документ, написанный живым, ярким языком умелого летописца с привлечением огромного числа редких фотографий⁴.

Главным источником при подготовке другой программы стала книга «Исторические города и села Костромской области»⁵. Она посвящена 11 городам и селам области, включенным в список исторических мест России. Материалы представляются в виде кратких (что считаем важным) очерков, посвященных истории, наиболее значительным памятником архитектуры, людям этих городов и сел.

Наше внимание привлекли публикации касающиеся отдельных населенных пунктов, так как в их подготовке принимали участие архивные и музейные работники, искусствоведы, краеведы, церковные деятели⁶.

Безусловно значимы для нас все выпуски каталога «Памятники архитектуры Костромской области»⁷, отражающие общие процессы развития зодчества на территории области и создающие архитектурно-историческую среду городов и сел.⁸ Важный источник в разработке программ – видеоряд. Для его создания использовали аудиовидеофильмы.

Составляя программы, мы пришли к выводу что главным в работе с источниками и литературой для подготовки теоретической части программы является подбор материала.

По теме «Романовы и Костромской край» уже существует проект, подготовленный в 2003 г. Сделан он в виде сайта, без наглядности, фактически построен на одном источнике⁹. Новизна нашей работы в создании обучающей контролирующей программы в режиме Borland Delphi 7, в значительном расширении источниковой базы. Нами разработаны тренажер, практические задания, тесты для проверки уровня знаний, широко представлен видеоряд. Тема «Исторические города и села Костромской области» впервые взята за основу для подготовки интерактивной программы.

Подготовка программы подразделялась на несколько этапов:

I. Подбор теоретического материала. С нашей точки зрения, это наиболее трудоемкий процесс. Надо было просмотреть и проанализировать большой объем литературы и отобрать главное.

II. Разработка структуры проекта, продумывание интерфейса.

III. Выбор среды разработки. В нашем варианте – Borland Delphi 7.

IV. Подготовка видеоряда. За основу были взяты аудиовидеофильмы «Монастыри России. Православные памятники земли Костромской», «Герб Костромы», «Буй» и другие.

Подготовленные программы используются в учебном процессе при изучении НРК «Костромской край в истории России» в КГУ им. Н.А.Некрасова при чтении лекций на юридическом, филологическом, и физико-математическом факультетах, то есть наша работа получила наглядное применение.

Примечания

¹ *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ императорского дома Романовых в пределах Костромской губернии. Кострома, 1859.

² Там же. С. 1.

³ *Зонтиков Н. А.* Иван Сусанин: лекции и действительность. Кострома, 1997. С. 15–16, 19–21, 92–93, 110–112.

⁴ *Виноградов Н. Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии. Кострома, 1914.

⁵ Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004.

⁶ См.: *Бочков В. Н.* Старая Кострома. Кострома, 1997; *Белов Г. и др.* Галич. Кострома, 1959; *Демидов С. В., Кудряшов Е. В.* Нерехта. М., 1996; Костромские святыни. Кострома, 2004; *Тиц А. А.* На земле древнего Галича: Галич, Чухлома, Солигалич. М., 1971; *Кудряшов Е. В.* Солигалич. М., 1987; Гербовник Костромской области. Региональная и муниципальная символика. Кострома, 2008 и др.

⁷ Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Кострома, 1996–2006.

⁸ Губернский дом. 1993. № 1.

П. П. Резепин

ГАЛИЧСКИЕ ВЯЗЕМСКИЕ

В костромском крае потомки смоленских князей поселились, надо понимать, в Смутное время, и один из них, князь Иван Васильевич Вяземский, согласно Писцовой книге города Костромы 1627–1628 и 1629–1630 годов, имел в Старом городе осадный двор: «Двор Ивана Вяземскова з братьею. Длина девять сажен, поперег полшесты сажени. Дворники Михалко да Богдашка кормятся по миру». Его сын князь Федор Иванович Вяземский в 1678 году был костромским воеводой, а племянник князь Иван Петрович Вяземский в 1663–1665 годах – костромским воеводой и составителем Дозорной книги.

Последним костромским воеводой в 1777–1778 годах также являлся князь Николай Андреанович Вяземский, служивший впоследствии председателем костромской палаты Уголовного суда (1778–1786) и предводителем дворянства Костромского уезда (1790–1792), владевший селами Ивановским и Семеновским Костромского уезда и в 1805 году построивший в первом каменную Введенскую церковь. Его брат генерал-поручик князь Иван Андреевич Вяземский в 1774 году в том же уезде приобрел село Красное, сын князь Александр Николаевич Вяземский сделался жителем Галичского уезда, женившись на галичанке, а правнук князь Сергей Александрович Вяземский оказался последним предводителем дворянства Галичского уезда.

I

Александр (1775–05.11.1836). Князь. Сын отставного артиллерии майора (1767), владельца сел Ивановского и Семеновского Костромского уезда князя Николая Андреановича Вяземского (1729 – не ранее 1805). Выпускник Императорского Пажеского корпуса (1790). Отставной полковник лейб-гвардии Конного полка (1803). Предводитель дворянства Костромского уезда (1808–1811). Участник Отечественной войны (1812–1815), Лейпцигского сражения (04–05.10.1813), осад Бреслау (1813), Глогау (1813–1814), Дрездена (1814) и Магдебурга (1815) и взятия Парижа (18.03.1814). Командир I гвардейского полка Костромского ополчения (1812–1815). Кавалер ордена Святого Владимира IV степени (1814). Владелец дву-

хэтажного каменного дома на Кинешемской улице в Костроме (Советская, 40/2). Продал свою часть села Ивановского Костромского уезда отставному полковнику Бирюкову Сергею Ивановичу (1835). Похоронен на Санкт-Петербургском Митрофановском кладбище.

Жена – Екатерина Александровна, урожденная Семичева (21.11.178?–15.10.1823). Дочь отставного капитана Семичева Александра Дмитриевича (14.08.1739–21.05.1813). Владелица усадьбы Воскресенское в Галичском уезде. Похоронена в селе Ивановском Костромского уезда¹.

II

Александр (30.08.1810–10.05.1867). Князь. Уроженец усадьбы Новинское Костромского уезда. Юнкер (03.01.1832) и корнет (01.04.1835) Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка. Корнет (08.07.1835) и отставной поручик (18.03.1837) Ольвиопольского уланского полка. Удостоен высочайшего благоволения (08.06.1835). Предводитель дворянства Галичского уезда (1857–1868). Кавалер ордена Святой Анны III степени (22.07.1860). Владелец усадьбы Воскресенское с 54 дворовыми и деревень Воронино с 85, Пупово с 85, Тонино с 84, Большое Ивашово с 72, Вепрево с 56, Незятево с 55, Васютки с 54, Новая с 48 и Заречье с 17 душами крестьян в Галичском уезде и двух деревянных домов на Александровской улице в Костроме. Похоронен на костромском Лазаревском кладбище.

Жена (с 08.11.1840) – Варвара Ивановна, урожденная Гусева (182? – не позднее 1858). Владелица деревень Выползово, Михалево, Озерки и Ушаково с 220 душами крестьян в Галичском и 165 душ крестьян в Чухломском уездах².

Варвара (1806–21.01.1893). Княжна. Девица. Похоронена на Успенском кладбище города Судиславля Костромского уезда.³

Дмитрий (181? – не ранее 1858). Князь. Отставной лейб-гвардии штабс-капитан (183?). Владелец усадьбы Пречистенское с 36 дворовыми и деревень Титово с 86, Юркино с 82, Игнатово с 75, Поповкино с 62, Полушино с 34, Климентино с 28, Володимирово с 25, Спирьково с 25 и Радаково с 14 душами крестьян в Галичском уезде⁴.

Анна (1817–13.09.1888). Княжна. Девица. Похоронена костромском Лазаревском кладбище⁵.

Надежда (20.08.1821–?). Княжна. Владелица 57 душ крестьян в Галичском и Кинешемском уездах.

Муж – отставной штабс-капитан (10.01.1848) Чевкин Николай Фомич (1823?–19.03.1901). Похоронен на Макариевском кладбище города Унжи Макарьевского уезда⁶.

III

Сергей (15.03.1844–23.02.1923). Князь. Выпускник Костромской губернской гимназии (1861) и Императорского Московского университета (1870). Канцелярский чиновник Министерства внутренних дел (16.03.1870). Гласный Галичского уездного земского собрания (1892–1895). Олонецкий вице-губернатор (25.04.1896–08.02.1900). Томский губернатор (08.02.1900–

РАЗДЕЛ III

23.07.1903). Член совета Министерства внутренних дел (11.07.1903). Предводитель дворянства Галичского уезда (1914–1917). Действительный статский советник. Кавалер орденов Святой Анны и Святого Станислава I–III, Святого Владимира III–IV степеней. Владелец усадьбы и 210 душ крестьян в Макарьевском уезде Костромской губернии.

Жена – Елизавета Александровна, урожденная Зузина (30.07.1839–?). Дочь отставного гвардии майора Зузина Александра Ивановича (16.03.1795–08.06.1879)⁷

Иван (01.06.1846 – не ранее 1900). Князь. Выпускник Костромской губернской гимназии (186?). Государственный контролер на строительстве железной дороги Самарканд – Коканд – Андижан (1900).⁸

Александра (1848–02.10.1871). Княжна. Девица. Похоронена в селе Богословском Галичского уезда⁹.

Леонид (06.08.1849–?). Князь. Ученик Костромской губернской гимназии (1860–?). Помощник акцизного надзирателя 3 округа Кинешемского уезда (1870)¹⁰.

Владимир (1850 – не ранее 1913). Князь. Ученик Костромской губернской гимназии (1862–1866). Чиновник особых поручений при костромском губернаторе (187?).

Жена – Ольга Александровна, урожденная НН. (1854?–30.08.1913). Похоронена на костромском Лазаревском кладбище.¹¹

Прмечания

¹ См.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 509; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 175; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. 4. С. 313. № 280; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 5146, л. 3 об.; оп. 3, д. 56, л. 8; ф. 134, оп. 2, д. 1024, л. 1–5.

² См.: Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 176; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. 4. С. 317; ГАКО. ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11; д. 5146, л. 3 об.; оп. 3, д. 56. л. 1 об., 23–24; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 2 об.–3; б/ш. д. 1816, л. 2 об.–4; д. 2655, л. 30 об.–31; ф. 497, оп. 2, д. 2508, л. 61; ф. 603, оп. 1, д. 50, л. 2–4 об.

³ См.: *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1914. Вып. 4. С. 313, ГАКО, ф. 56, оп. 10, д. 123, л. 82 об. – 83; ф. 116, оп. 3, д. 42, л. 1–3 об.; ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11.

⁴ См.: *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. С. 317; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11; ф. 134, оп. 2, д. 1024, л. ф. 603, оп. 1, д. 50, л. 5–8 об.

⁵ См.: *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. С. 313; ГАКО. ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11.

⁶ См.: Русский провинциальный некрополь. С. 928; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. С. 313; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11; ф. 134, оп. 9, д. 295, л. 59; д. 358, л. 11; д. 1095, л. 99.

⁷ См.: Губернии Российской империи: История и руководители, 1708–1917. М., 2003.

С. 200, 307; *Дворянские роды Российской Империи*. СПб., 1993. Т. 1. С. 236; *Ельчанинов И. Н.* *Материалы для генеалогии Ярославского дворянства*. С. 319; *Лысенко Н. М.* *Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – нач. XX в.)*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 345; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 5146, л. 3 об.; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 3; б/ш. д. 1816, л. 3; д. 2655, л. 31; ф. 205, оп. 1 канц.; д. 53, л. 57; ф. 429, б/ш. д. 45, л. 27 об.–28; ф. 842, оп. 2, д. 47, л. 4.

⁸ См.: *Дворянские роды Российской Империи*. СПб., 1993. Т. 1. С. 236; *Ельчанинов И. Н.* *Материалы для генеалогии Ярославского дворянства*. С. 319; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 5146, л. 3 об.; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 3; б/ш. д. 1816, л. 3; д. 2655, л. 31; ф. 429, б/ш. д. 45, л. 27 об.–28.

⁹ См.: *Дворянские роды Российской Империи*. СПб., 1993. Т. 1. С. 236; *Русский провинциальный некрополь*. М., 1914. Т. I. С. 928; *Ельчанинов И. Н.* *Материалы для генеалогии Ярославского дворянства*. С. 317; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 5146, л. 3 об.; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 3; б/ш. д. 1816, л. 3; д. 2655, л. 31.

¹⁰ См.: *Дворянские роды Российской Империи*. С. 236; *Ельчанинов И. Н.* *Материалы для генеалогии Ярославского дворянства*. С. 317; ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11; д. 5146, л. 3 об.; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 2 об.–3; б/ш. д. 1816, л. 2 об.–4; д. 2655, л. 30 об.–31; ф. 429, б/ш. д. 179, л. 155 об.

¹¹ См.: *Дворянские роды Российской Империи*. С. 236; *Русский провинциальный некрополь*. С. 928; *Ельчанинов И. Н.* *Материалы для генеалогии Ярославского дворянства*. С. 317; ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 177, л. 244 об.–245; ф. 121, оп. 1, д. 862, л. 11; д. 5146, л. 3 об.; ф. 134, оп. 9, д. 200, л. 2 об.–3; б/ш. д. 1816, л. 2 об.–4; д. 2655, л. 30 об.–31; ф. 429, б/ш. д. 150, л. 277–278 об.

РАЗДЕЛ IV. РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ОБРАЗ ЖИЗНИ, ВЗГЛЯДЫ, МЕНТАЛИТЕТ

С. А. Кабатов

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

НИЖНЕЕ ГОРОДИЩЕ ГАЛИЧА МЕРЬСКОГО

*Нижнее городище Галича Мерьского
поставлено на охрану постановлением Совета Министров РСФСР
от 30.08.60, а также указом президента РФ от 20.02.95 №176
как «Объект археологического наследия федерального значения».*

Первые письменные упоминания Галича, именно как городского поселения, мы находим в продолжении к Академическому списку Суздальской летописи под 6745 г. от сотворения мира (т.е. в 1237/38 гг.): «...И поидоша /татары/ на великого князя Юрья оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии же к Ярославлю, а инии на Волгу и на Городец, и те поплениша все по Волзе и до Галича Володимерьскаго, а инии идоша к Переяславлю, и тот град взяша; оттоле всю страну ту и города мнози поплениша...» (ПСРЛ. Т. 1., 1962 (перезд. с ПСРЛ. Т. 1., 1928). С. 518).

Поскольку на побережье озера и р. Вексы финские поселки, включая городище Унорож, существовали еще до появления здесь древнерусского населения, основание города в хорошо освоенном районе представляется закономерным. В этом отношении Галич напоминает Ростов Великий, с той лишь разницей, что на озере Неро процесс становления города и городской округи в обжитом мерянском крае проходил на два столетия раньше (Леонтьев, 1996. С. 37–51). К XI в. население Галичского края было немногочисленным. Редкие мерянские поселения находились на северном берегу Галичского озера. Это было связано с наличием в этом месте пригодных для плодородия почв (Археология Костромского края, 1997. С. 205).

Письменные источники не содержат прямых сведений о времени, характере и путях колонизации Костромского Поволжья. Славяне появились в этих местах в ходе освоения Волго-Окского междуречья. По мнению Е.И. Горюновой, в этот регион шли два потока славянской колонизации: первый соотносится с концом X в., второй – с XI–XII вв. Именно с конца XI в. колонизация приобретает «характер массового движения на северо-восток» (Горюнова, 1961. С. 205). «С одной стороны происходит стихийный отток населения из южных княжеств, опустошаемых набегами степняков и феодальными усобицами, на север, в районы Залеской Руси. Начинается продвижение крестьян-земледельцев с ранее и плотно освоенных плодородных «ополий» Волго-Окского междуречья (Ростовского, Юрьевского, Суздальского) на его периферийные территории. С другой стороны в XII–XIII вв. все более возраста-

ет централизаторская деятельность князей Ростово-Суздальской земли, активизируется их стремление к расширению ее границ» (Рябинин, 1986. С. 99). Кроме южного колониционного потока, в Костромское Поволжье с XI в. проникает население новгородских из земель. Его проникновение в Верхневолжский бассейн отмечено памятниками XI–XIII вв., известными на рр. Колпи, Суде и Шексне. «Происходит постепенная инфильтрация новгородцев в бассейны волжских притоков Мологи, Тверцы и Медведицы» (Голубева, 1973. С. 24). В XII в. к северу от Костромского Поволжья происходит столкновение южного (Ростово-Суздальского) и северного (новгородского) колониционных потоков. Лексическая зона, отражающая новгородскую колонизацию, включает течение р. Костромы и бассейны Галичского и Чухломского озер. Следы новгородского языкового влияния прослеживаются во всем Костромском Поволжье (Мельниченко, 1974. С. 187–193). Раскопки А.Г. Авдеева в 1995 г. на Верхнем городище Балчуга под слоями городских напластований и под стерильной подсыпкой из красноватого песка мощностью 65–70 см. выявили славянский некрополь, впущенный в материк. По фрагменту шиферного пряслица исследователь относит окончание формирования некрополя самое позднее рубежом XI–XII вв., при этом погребения, по мнению автора, здесь производились в течение примерно 100 лет, то есть на протяжении 4 поколений (Авдеев, 2002. С. 71–73). Аналогичный курганный могильник в г. Костроме (ул. Спасокукоцкого) датируется временем не позднее начала XII в. (Археология Костромского края, 1997. С. 205). Первая волна славянской колонизации в Галичские земли шла не из Южной Руси, а из Новгорода. Это подтверждается и материалами раскопок крупного торгово-ремесленного центра мери X в. – городища Унорож, с отчетливо выраженными внешними связями (Археология Костромского края, 1997. С. 119–120), и наличие в уезде в уезде храмов, посвященных главной святыне новгородцев – иконе Софии Премудрости Божией (Авдеев, 2002. С. 75–76).

Таким образом, мы вправе констатировать, что к началу второй волны славянской колонизации, галичский регион был уже известен славянскому населению из новгородских земель и частично обжит сетью сельских поселений. Городских поселений, крепостей новгородцы здесь основать не успели. Вторая волна славянской колонизации, более мощная, связана с градостроительной политикой Юрия Долгорукова и его потомков. Она, как уже отмечалось, шла из Ростово-Суздальской земли и преследовала цель закрепиться в этом регионе (Милюков, 1993. С. 448–449). Градостроительная политика Юрия Долгорукова была продиктована разорением Ярославля в 1152 г. волжскими булгарами и нацелена на укрепление подходов к Волжскому пути (Татищев, 1962. Т. 1. С. 124) посредством строительства оборонительных линий на путях, ведущих в глубь Ростово-Суздальского княжества. Видимо, в результате этих событий во Владимиро-Суздальской Руси появились города-крепости, повторяющие названия городов Южной Руси, – Звенигород, Вышгород, Переяславль, Перемышль, Галич. Кострома и Галич входили во вторую линию обороны и прикрывали северо-западные территории (Яновский, 1955. С. 146–147).

Хронологически Галич переживает строительство трех крепостей. Две из них – Нижнее (первое) и Верхнее (второе) городища – связаны с горой «Балчуг» («Столбище»), получившее свое название от татарского «балчуг», то есть грязь, пустырь, или «столопье» – остатки сооружений столбы. Оба название вполне могут свиде-

тельствовать о некогда существовавшем и уничтоженном городе. Термин «Балчуг» имеет несколько значений. По одной версии – это район старой Москвы. А.И. Соболевский, ссылаясь на М. Фасмера, рассматривает это слово как исконнославянское и связывает его со словом балка «овраг». По другой – «Балчук» – «рынок, рыбный район», который сравнивается с тюрк. «Baluk - рыба» и указывается на др. тюрк. «Baluk – город» (Фасмер, 1986. С. 118). В.И. Даль «Балчук» определяет как рыбный торг, привоз, базар (Даль, 1989. С. 44). Происхождение названия Галич туманно, но большинство исследователей полагают, что оно связано с праславянской основой <galъ> в значении открытое, пустынное место (Нерознак, 1983. С. 56–7).

В.Н. Татищев в «Истории Российской» относит основание Галича Юрием Долгоруким к 1152 г. (Татищев, 1964. С. 44). Основываясь на не дошедших до нас летописных данных, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский (Соловьев, 1988. С. 516–517; Ключевский 1902, С. 91) подтверждают этот год основания Галича. Из не канонических летописей необходимо отметить Ветлужского (выявлен в первой трети XIX в. в Галическом уезде) и Тычинкинского (составлен жителем Галича И.И. Тычинкиным в 1831 г. на основе имевшихся у него летописей «коленного письма» и актового материала) летописцев. К настоящему времени оба летописца утрачены, за исключением выписок из Ветлужского летописца, включенных Д.П. Деметьевым в очерк истории Шангского городища и двух опубликованных фрагментов из Тычинкинского летописца. Протоирей М.Я. Диев, знакомый с полными текстами этих памятников, считал Тычинкинский летописец сокращением Ветлужского. А.В. Экземплярский видел в Тычинкинском летописце свод местных преданий (Авдеев, 2002. С. 63–64), а современные костромские краеведы считают его более достоверным, нежели официальные летописи, источником по истории Галича (Смирнов, 2000. С. 15). «Тычинкинский летописец содержит три версии о времени строительства крепости на Балчуге. Первая говорит о ее основании Юрием Долгоруким, вторая датирует строительство 1170 годом, третья (с датой 1422 г.) – приурочивает его к визиту митрополита Фотия и освящению нового города. Последняя версия противоречит каноническим хронологически и фактически: их рассказ о визите митрополита Фотия в 1425 г. показывает, что в это время крепость «на горе» существовала, а Спасо-Преображенский собор использовался для захоронения членов княжеской семьи» (Авдеев, 2002. С. 63). Этот же летописец сообщает о трех братьях – князьях Семене, Андрее и Федоре, якобы правивших в Галиче в XII в. (Памятная книжка Костромской губернии, 1862. С. 325). Однако, каких-либо реальных подтверждений этому мы пока не имеем.

Второе летописное сообщение о городе Галиче фиксируется под 1246 г., через 8 лет после татарского разорения, когда Святослав Всеволодович (четвертый сын Всеволода Большое Гнездо) занял главный город Владимир на Клязьме и роздал племянникам (сыновьям Ярослава Всеволодовича, отравленного в Монголии, в Орде) те города, которые собирался им дать их отец (Смирнов, 1947. С. 86). По этому разделу в 1247 г. старший Александр (Невский) получил Новгород, Андрей – Суздаль, Ярослав – Тверь, Василий – Кострому, Константин – Галич, Михаил (Хоробрит) – Москву: «В лето 6754 (1246/47 гг.) ... преставися в Орде князь великий Ярослав Всеволодович Володимерский нужною смертию. А се дети Ярослава Всеволодовича: Феодор, Александр Невский, князь Ондрей

Суздальской, Константин Галицкой...» (ПСРЛ. Т. VII. Спб., 1856. С. 236). Интересен здесь тот факт, что Галич в этот период стоит рангом выше Москвы.

Константин Ярославич, внук Всеволода Большое Гнездо является первым исторически известным князем Галича Мерьского, который начинает первую династию Галичских князей, правившую в течение 117 лет (1246–1363 гг.) (Смирнов, 1947. С. 84). После смерти Константина в 1255 г. его сыновья Давид (1255–1280 гг.) и Василий (1255–1310 гг.) делят наследство таким образом, что Галич остается за последним и, после его смерти, сыну – Федору Васильевичу (1310–1335 гг.). Последним князем первой галичской династии был Дмитрий не то Федорович, не то Иванович (из рода Константина Ярославича), правивший в Галиче до 1363 г., когда Галич в результате ряда политических событий отходит Москве.

Вторая династия галичских князей начинается с Юрия Дмитриевича (1374–1434 гг.) (внука Дмитрия Донского (1350–1389 гг.)) и его сыновьями: Василием Косым, Дмитрием Шемякой, Дмитрием Красным и заканчивается 1453 г. – временем окончания феодальной войны, длившейся 20 лет (1433–1453 гг.). Этот период ознаменовался феодальной войной между представителями двух ветвей рода московских князей. Не ладил великий князь московский Василий Васильевич (Темный) с дядей князем Юрием Дмитриевичем, а затем его сыном Дмитрием Шемякой, в удел которых входил Галич. Город прославился тем, что был ставкой и оказался последним оплотом мятежного Шемяки. В 1450 г. Галич был занят отрядом московского воеводы.

Итак, относительно времени появления первой крепости, то есть *Нижнего городища*, можно констатировать следующее. П.П. Смирнов, используя летописные данные и сведения местных краеведов, приходит к выводу, что Нижнее городище появляясь вероятно где-то в середине-второй половине XII в., после монголо-татарского погрома 1267/1238 гг. приходит в запустение и, вероятно не восстанавливается. Тот факт, что возвышенность коренника, где располагается первая крепость, после этих событий получает название «Балчуг», то есть грязь, пустырь, дает ему на это основание (Смирнов, 1947. С. 84-85).

Первое археологическое исследование Галича было проведено П.А. Раппопортом в 1957 г. Шурфы, заложенные на городище, показали, что культурный слой здесь различной толщины – от 0,4 до 1 м. Судя по находкам фрагментов керамики, культурные наслоения относятся ко времени приблизительно от XII до XV в. Прорезка вала в нижней части городища, близ озера, показала, что культурный слой с керамикой XII в. заходит под основание вала. Кроме того, в самой насыпи обнаружено несколько фрагментов керамики, относящийся, по-видимому, даже не к XII, а к XI в. (Раппопорт, 1959. С. 4). На основании выше перечисленного П.А. Раппопорт делает вывод, что «... город был построен в середине XII в. на территории уже существовавшего славянского поселения» (Раппопорт, 1959. С. 4). Он ставит Нижнее городище в один ряд с такими укреплениями как валы Перемышля Московского, Сунгиревское городище близ Боголюбова и Городец на Волге и обращает внимание на то, что характерной чертой первой галичской крепости было активное использование рельефа местности. После работ П.А. Раппопорта в Галиче

не проводилось исследований такого рода вплоть до середины девяностых. В 1994 г. А.Г. Авдеев во время разведок на Нижнем городище обнаружил фрагменты кружевных сосудов. Они полностью аналогичны керамике из раскопок Костромы, датированными М.В. Фехнер XI–XII вв. (Авдеев, 1994. С. 8–9). Сборы подъемного материала на Нижнем городище в 1995 г. выявили керамический комплекс, предвзятительно относимый А. Г. Авдеевым к периоду бытования XIV–XV вв. (Авдеев, 1995. С. 63). А.Г. Авдеев соглашается с П.А. Раппопортом относительно того, что первая крепость существовала еще до нашествия Батгя. На основании большого числа керамики XII – начала XIV вв. А.Г. Авдеев делает вывод о восстановлении после монголо-татарского погрома Нижнего городища, которое продолжает существовать и в XIV–XV вв. (параллельно с новым (Верхним) городищем, которому отходят административные функции) вплоть до XV в., когда и приходит в упадок одновременно со второй крепостью.

В 2005 году проводились очередные археологические исследования Нижнего городища города Галича. Археологические работы носили охранной характер и преследовали цель сохранение научной информации о культурном слое памятника от антропогенного воздействия (городище находится в жилой зоне города). Согласно обследованиям, ежегодные садово-огородные и пахотные работы на территории памятника составляют от 40 до 60 % площади городища в его наиболее обжитой части (подошва Балчуга). С целью выяснения характера и особенности культурного слоя первоначально был произведен осмотр дневной поверхности в местах земельных работ местных жителей, исследованы материалы в местном самоуправлении г. Галича на предмет наличия и мест прокладки инженерных сетей и других земельных работ производственного характера.

Нижнее городище (Рис. 1–2) ориентировано по линии юго-восток – северо-запад, в плане представляет собой почти правильную трапециевидную форму. Большой частью расположено в пойменной части озера, у подошвы Балчуга и на самой горе (до 60 м. над уровнем зеркала озера). «Площадка повышается неравномерно: в нижней половине она почти горизонтальна, далее поднимается довольно круто (с уклоном 25°), а в самой верхней части опять очень полого. С боковых сторон площадка защищена валами. Размеры площадки Нижнего городища от озера до напольного вала – 270 м.; между боковыми валами – 180 м.» (Раппопорт, 1959. С. 3–4). Северо-западная (центральная) часть памятника (пойма озера, подошва Балчуга) интенсивно разрушается человеческой деятельностью: огороды, сады, картофельные поля (Рис. 3). «Со стороны озера искусственных земляных укреплений нет, хотя не исключена возможность, что невысокий вал мог некогда существовать и с этой стороны» (Раппопорт, 1959. С. 3). Северо-западный вал не сохранился, – в начале XX в. здесь начали прокладывать дорожное полотно, и вал полностью был уничтожен (Рис. 1, 4). Тем не менее, его палеорельеф читается, что дает нам возможность с определенной долей условности восстановить его местонахождение. Вал был ориентирован по линии юго-запад – северо-восток параллельно береговой линии озера в этом месте. «В нижней части городища валы лежат на плоской местности, насыпанные целиком, высота их около 2 м.» (Раппопорт, 1959. С. 3). Северо-восточное оконча-

ние вала начиналась к северу от современной дороги, далее вал, частично совпадая с дорогой, тянулся на юго-запад и стыковался чуть севернее раскопа с юго-западным валом. Юго-западный вал ориентирован по линии юго-восток – северо-запад единой линией (Рис. 5–6). Сохранился фактически полностью, разрушена только северо-западная часть в результате поздних нивелировочных работ при строительстве дорожного полотна вдоль озера. Восточный (Рис. 7–8) или северо-восточный (Рис. 9) вал сохранился на 2/3 в южной своей части; северная часть разрушена, как и в предыдущем случае при строительстве дороги. Примерно на 2/3 своей длины в северной части (со стороны озера) вал изначально ориентирован северо-запад – юго-восток; далее последняя 1/3 длины (южная часть, которая приходится на склон Балчуга) поворачивает строго на юго-юго-запад (этот участок ориентирован юго-юго-запад – северо-северо-восток). «В верхней части городища валы насыпаны поверх естественных валообразных возвышенностей, проходящих по краям двух больших оврагов. Конфигурация краев оврагов и определила в основном форму плана валов» (юго-западный и восточный, северо-восточный валы – С. А.) (Раппопорт, 1959. С. 4). Юго-восточный вал (Рис. 11), ориентированный по линии юго-запад – северо-восток, находится на самом Балчуге и, соединяя юго-западный и восточный валы, образует подпрямоугольную площадку площадью около 300 кв.м., от которой в сторону озера начинается резкий спуск. «Боковые валы в верхней части соединены между собой коротким отрезком мощного вала, высотой около 7 м. Перед ним выкопан ров» (Раппопорт, 1959. С. 3) (Рис. 11). «Высота валов очень невелика: их искусственная насыпь немногим более метра, а вместе с валообразными возвышениями – около 2,5–3 м. Рвов нет, так как здесь проходят широкие овраги» (Раппопорт, 1959. С. 4).

Раскоп, заложенный в 2005 г. в западной части памятника (Рис. 1), ориентирован по линии юг-север (Рис. 12–13). Выбор места под раскоп был определен тем, что этот участок находится в самом углу Нижнего городища (стык юго-западного и северо-западного валов) и, в случае продолжения проекта, единая сетка квадратов, продолжившаяся к северо-востоку, востоку, юго-востоку, постепенно будет перекрывать всю площадь памятника без пробелов. Кроме того, проработанная база документов, связанных с прокладкой инженерных коммуникаций и строительства построек или других земельных работ в этом месте, разговор со старожилами определили этот участок, как менее всего подвергшийся каким-либо земельным работам. В третьих, раскоп небольшой площадью, заложенный буквально в самом углу городища, имеет менее всего шансов сразу наткнуться на постройки или какие-либо объекты, что позволит избежать их разборов, но при этом будут выяснены характер культурного слоя памятника, его мощность, степень насыщения материалом, структура слоя и материковых слоев. Подобные сведения, в случае продолжения дальнейших раскопок городища, позволят верно выбрать методику работ и определить местоположение следующего раскопа.

Площадка, где был заложен раскоп (Рис. 1, 12–13) представляет собой газон подтреугольной формы, вытянутый с юго-запада на северо-восток. С северо-запада газон ограничен аллеей деревьев вдоль пешеходной дорожки, идущей параллельно ул. Луначарского; с юго-востока – насаждениями кустов вдоль ул. Городище. Раскоп имеет правильную прямоугольную форму и разбит на квадраты размером 2 x 2 м.

РАЗДЕЛ IV

каждый. С юга на север квадраты были пронумерованы арабскими цифрами (1,2 и т.д.), вся линия получила наименование заглавной буквы русского алфавита (А). Общая площадь раскопа составила 16 кв.м. Углы квадратов на уровне дневной поверхности были пронивелированы (Рис. 14), нивелировке также подвергались уровни зачисток, слоев, индивидуальных находок. Учитывая отсутствие абсолютных отметок и стабильных реперов вокруг раскопа, в качестве нулевой отметки была взята дневная поверхность бетонной площадки перед постройкой инженерного характера, расположенной в 56 м. к северо-северо-востоку от южной стенки кв. А-1 (Рис. 15). Культурный слой на месте раскопа зачастую имел однородный цвет, отчетливо стратиграфические прослойки выделялись лишь по содержанию и явно читаемым границам. В силу этого, фиксирующиеся стратиграфически непрерывающиеся слои обозначались как строительный горизонт. Под строительным горизонтом здесь понимается слой единой цветовой гаммы с явно читающейся верхней и нижней границами (потолок, пол), единым заполнением. Горизонт, как правило, стратиграфически фиксируется на протяжении всех стенок раскопа, за исключением мест поздних перекопов. К нему относятся ряд ям и объектов. В большинстве случаев ямы в плане не прослеживались (Рис. 18–24), и их контуры реконструировались по стратиграфическим данным (Рис. 16–17). Принадлежность объектов и ям к тому или иному горизонту определялось их заполнением, перекрытием. Все выделенные строительные горизонты (всего их читается 5: А-Д¹) имеют уклон в северо-западном направлении, вероятно, повторяя палеорельеф местности, и, в силу этого, при разбое памятника горизонтальными пластами, слои читались в плане разрозненно, не единым массивом.

К периоду формирования горизонта А относятся ямы № 1–3, к горизонту Б – ямы № 4–6, к горизонту В – ямы № 7–14 и объекты № 1–2, 4, к горизонту Г – яма № 15 и объект № 3. Определить функциональную принадлежность ям не представляется возможным, поскольку нет каких-либо определяющих компонентов или стыкующихся в единый комплекс других элементов.

Объект 1 (Рис. 16, 21–24), расположенный в кв. А-2/3 относится к периоду формирования строительного горизонта В. Функциональную принадлежность объекта определить пока не представляется возможным, однако, его форма в плане и форма стенок, дает нам право допускать возможность принадлежности объекта 1 к какой-либо постройке, вероятнее всего, бытовой, хозяйственной или ремесленной, но вряд ли жилой. Объект 2 (Рис. 16, 23), расположенный в кв. А-2/3 и объект 4 (Рис. 23), расположенный в кв. А-3/4, относящиеся к этому же периоду, на основании идентичной характеристики относятся, вероятно, к подобной постройке. Объект 3 (Рис. 16, 23), расположенный в кв. А-3/4 относится к периоду формирования строительного горизонта Г. Функциональную принадлежность объекта определить трудно. Отчасти, его форма в плане и форма стенок, дает нам право допускать возможность принадлежности объекта 3 к какой-либо постройке, вероятнее всего, бытовой, хозяйственной или ремесленной, но вряд ли жилой.

Основным материалом, обнаруженным в ходе разбора культурных напластований, явился керамический комплекс, представленный во фрагментарном состоянии. Анализ и проведенные исследования позволили выявить только три типа костромской гончарной керамики: IX–XI типы. Выявленные типы костромской

керамики при соотношении со строительными горизонтами показали следующую картину. Горизонт А включает в себя красно-глиняную, серо-глиняную и черно-лощеную керамику X–XI типов; горизонт Б – красно-глиняную и серо-глиняную керамику X–XI типов; горизонт В – красно-глиняную и серо-глиняную керамику IX–XI типов; горизонты Г–Д не выявили абсолютно никакой керамики.²

Обработка индивидуального материала и его соотнесение со строительными горизонтами выявили следующее количественное соотношение: горизонт А – 17 экз., горизонт В – 4 экз., горизонты Б, Г–Д – 0 экз.

Строительный горизонт А. Здесь представляют для нас наибольший интерес следующие индивидуальные находки: наконечник стрелы (№ 3), фрагмент светца – 2 экз. (№ 15, 17), монета – 2 экз. (№ 16, 28). Ланцетовидный наконечник стрелы (Рис. 25) общей длиной – 94 мм. Длина пера – 63 мм., наибольшая ширина 16 мм. Пропорции пера: соотношение макс. ширины с рабочей длиной – 1 : 3,9, соотношение макс. ширины с верхней частью – 1 : 1,3, соотношение макс. ширины с нижней частью – 1 : 2,6, соотношение макс. ширины с толщиной в этой же точке – 1 : 0,19. Черешок – граненый с упором. Для выявления возможных отличительных характеристик различных по функциональной принадлежности зон изделия (Рис. 26)³, металлографический анализ проводился по двум образцам – перьевой и хвостовой частям. Вес изделия 12,1 г., основа – железо, углерод 0,103 %; 0,140 %, легирующие элементы отсутствуют.⁴ Спектральный полуколичественный анализ показал, что в исследованных образцах основа – железо, легирующие элементы отсутствуют. Химический состав – 0,240 % углерода, 0,236 % кремня. Микроструктура и микротвердость образцов соответствует структуре стали с небольшим содержанием углерода в равновесном состоянии: ферритная, феррито-перлитная и перлитная с участками третичного цементита. Третичный цементит выделяется главным образом по границам зерен феррита, что понижает пластичность и вязкость стали. Распределение структурных составляющих неравномерное, что свидетельствует о неоднородном распределении углерода по объему изделия. Во всех образцах обнаружено загрязнение неметаллическими включениями в виде скоплений, пленок или единичных включений. В деформированном металле загрязнения вытягиваются вдоль направления деформации и образуют нитевидные дефекты – волосовины. Волосовины выявляются в виде сплошных или прерывистых строчек. Значительное загрязнение исследованных образцов неметаллическими включениями свидетельствует о том, что плавка металла проводилась открытым способом, качество выплавленной стали очень низкое. Внешний вид исследованных образцов, расположение неметаллических включений на продольных и поперечных микрошлифах, расположение структурных составляющих позволяют сделать вывод о том, что все изделия подвергались пластической деформации – ручной свободной ковке, которая является одним из самых древних способов обработки металлов. Ковка проводилась при нагреве, однако технология была несовершенна – металл всех изделий имеет преимущественно крупнозернистую, недеформированную структуру и, как следствие, низкую прочность и пластичность. Подобная технология производства, форма наконечника стрелы бытуют во второй половине X – первой половине XI вв. Этот тип наконечника, по мнению А.Ф. Медведева, очень характерен для IX–XI вв. и был сравнительно широко распространен на Руси и в скандинавских странах. «Ланцетовидные

наконечники часто встречаются в русских дружинных курганах IX–X вв.: в шестовицких, гнездовских, приладожских, владимирских ... и многих других могильниках того времени. Широкое распространение такие наконечники имели в Норвегии и Швеции» (Медведев, 1959. С. 166, рис. 13. 9-10. С. 155, табл. 9). То, что индивидуальная находка №3, выявленная в строительном горизонте А, является плоским черешковым железным ланцетовидным наконечником стрелы – не вызывает у нас сомнений. Вопрос в другом, здесь отмечены некоторые отличия от новгородских форм: небольшое уменьшение общей длины и длины пера при увеличении наибольшей ширины пера и общего веса. Объяснением этому, на наш взгляд, может являться местное изготовление наконечника, когда при общем соблюдении формы изделия меняются (дорабатываются или упрощаются) некоторые его элементы. Следующая серия находок строительного горизонта А – светцы (Рис. 30. 1-2). Светцы однолучинные (Рис. 30. 1) и трехлучинные (Рис. 30. 2) подобных форм выявлены в Новгороде на Нутном раскопе в слоях XIV-XV вв. (Гайдуков, 1992. С. 94, 155). Датирующей серией выступают две монеты (Рис. 31. 1-2). Первая монета (Рис. 31. 1) – денга великого князя московского Василия Васильевича Темного (1425-1462 гг.). По классификации Н.Д. Мец ее можно датировать 1440–1450-ми годами. По ее каталогу монета имеет 114. Вторая монета (Рис. 31. 2) – копейка царя Ивана Васильевича Грозного (1533–1584 гг.). По классификации А.С. Мельниковой она относится к продукции Московского денежного двора и датируется 1560-ми – 1584 гг.

Таким образом, анализ массового и индивидуального материала позволяет нам с определенной долей условности определить начало формирования строительного горизонта А не ранее 2 половины XV в., а его завершение не ранее 2 половины XVII в. Этот отрезок обоснован, в первую очередь, общей соотносительностью материала. Наличие в этом слое находок более раннего времени (ланцетовидный наконечник стрелы IX–XI вв.), вероятнее всего, объясняется его попаданием на этот уровень в результате поздних строительных работ на памятнике в период формирования горизонта А либо с более низкого уровня этого участка, либо с других участков Нижнего городища.

Строительный горизонт В, как уже отмечалось, включает в себя только керамический комплекс. Исходя из того, что здесь фиксируется только посуда X–XI типов, можно отнести начало формирования слоя ко времени не ранее 2 половины XV в., а завершение – не ранее 2 половины XVII в. *Горизонт В*, к сожалению, представлен четырьмя абсолютно не датируемыми металлическими изделиями. Определить время сложения слоя представляется возможным только по керамическому комплексу, – это время бытования посуды IX–XI типа. Начало формирования слоя, как и в двух предыдущих случаях, относится ко 2 половине XV в., завершение ко времени не ранее 2 половины XVII в. Другими словами, все три горизонта А–В во временном отношении фактически идентичны. Возможно этим же объясняется и единая для всех этих слоев цветовая гамма и структура.

Строительные горизонты Г-Д датировать представляется возможным пока только в контексте наличия раннего материала на памятнике (ланцетовидный наконечник №3, фрагмент стеклянного браслета №11⁵), который определяет нижнюю хронологическую границу⁶ и перекрывающих датированных поздних горизонтов – верхняя граница. Это время не позднее первой половины XI в.⁷ до середины XV в.⁸

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	гуммированная прослойка дерна		песок
	темно-серая супесь		черно-серая гуммированная супесь
	серая супесь		глина
	пестроцвет (перекоп)		светло-серая супесь
	желто-серая супесь		темно-желтая супесь
	материк		кирпич (кирпичная крошка), камень

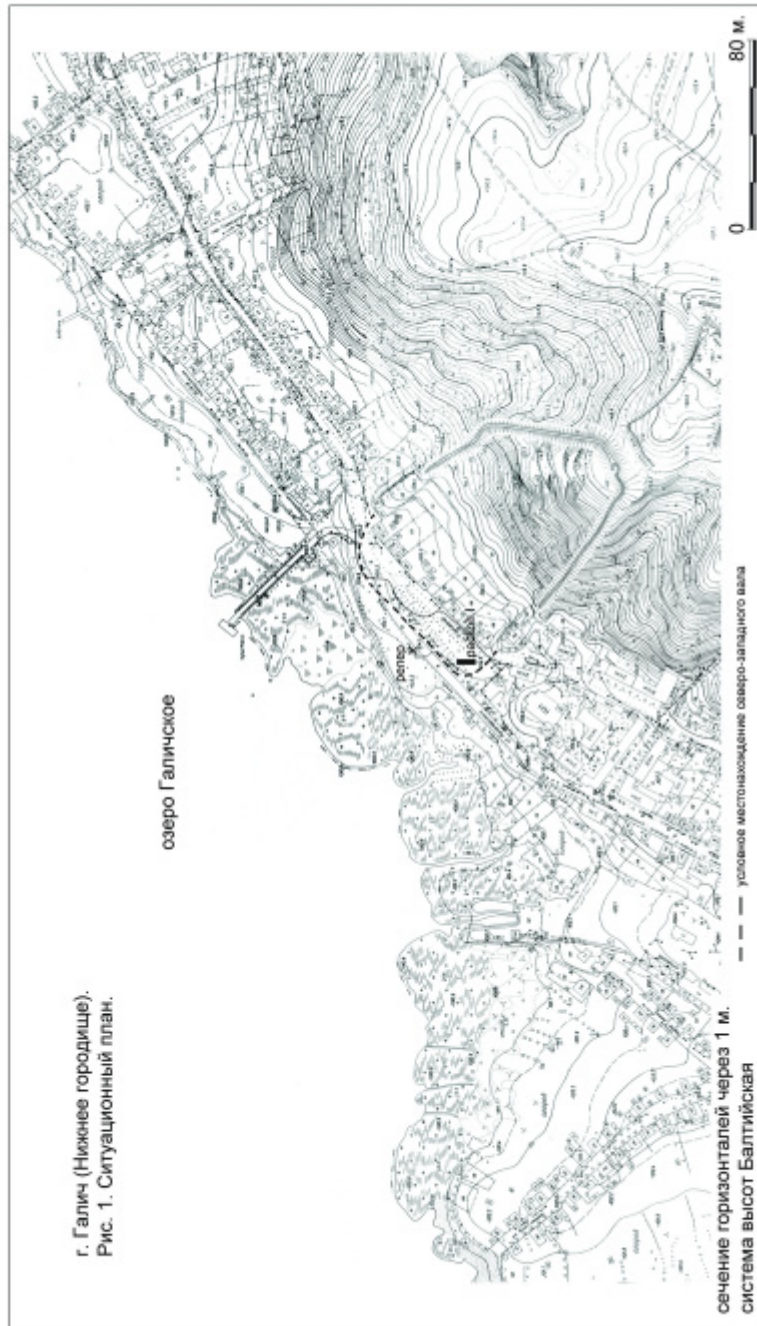

Рис. 2. Макет Нижнего городища г. Галича.

Рис. 3. Фото "подола Балчуга" (стрелками обозначен юго-западный вал, на заднем плане огороженная площадка раскола). Вид с юго-востока.

Рис. 4. фото Балчуга (стрелками указан не существующий ныне северо-западный вал). Вид с запад-северо-запада.

Рис. 5. Юго-западный вал (указан стрелками). Вид с юго-востока (с юго-восточного вала).

Рис. 6. Юго-западный вал (западный наружный откос). Вид с юго-востока.

Рис. 7. Восточный вал (южная, верхняя часть). Вид с юга (с юго-восточного вала).

Рис. 8. Восточный вал (наружный восточный откос). Вид с юга.

Рис. 9. Северо-восточный вал (северная сохранившаяся часть). Вид с северо-запада ("с подола").

Рис. 10. Юго-восточный вал. Вид с юго-востока (с территории Верхнего городища)

Рис. 11. Наружный (юго-восточный) откос юго-восточного вала (указан стрелками) и ров между ним и северо-западной границей Верхнего городища. Вид с северо-востока.

Рис. 12. Фото местоположения площадки до начала археологических раскопок. Вид с северо-востока.

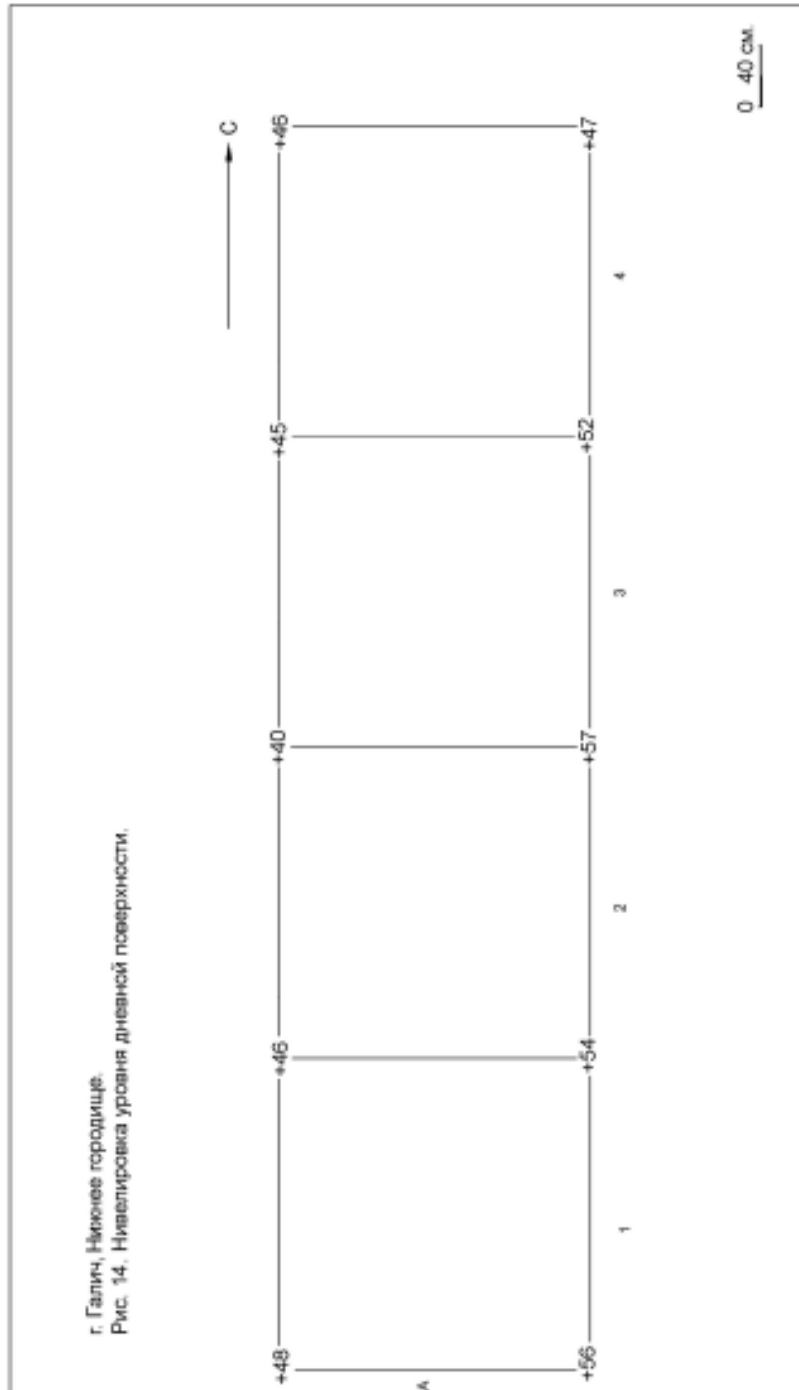
РАЗДЕЛ IV

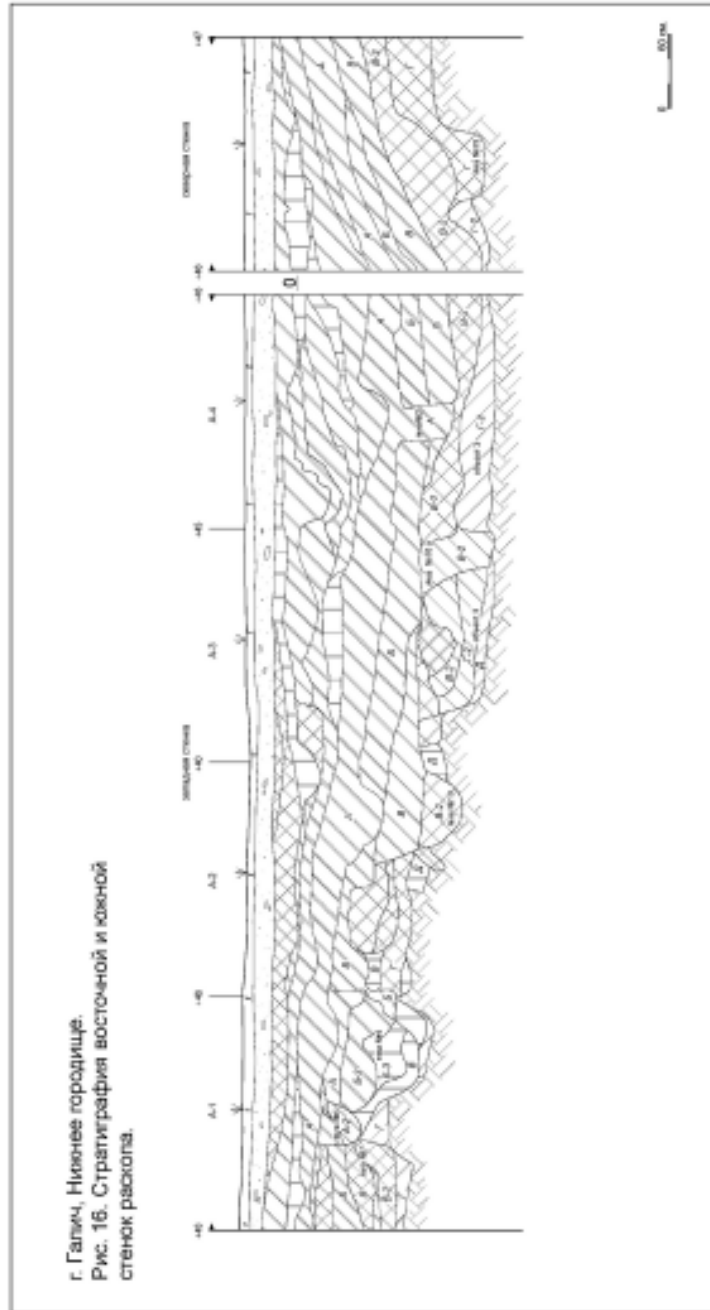

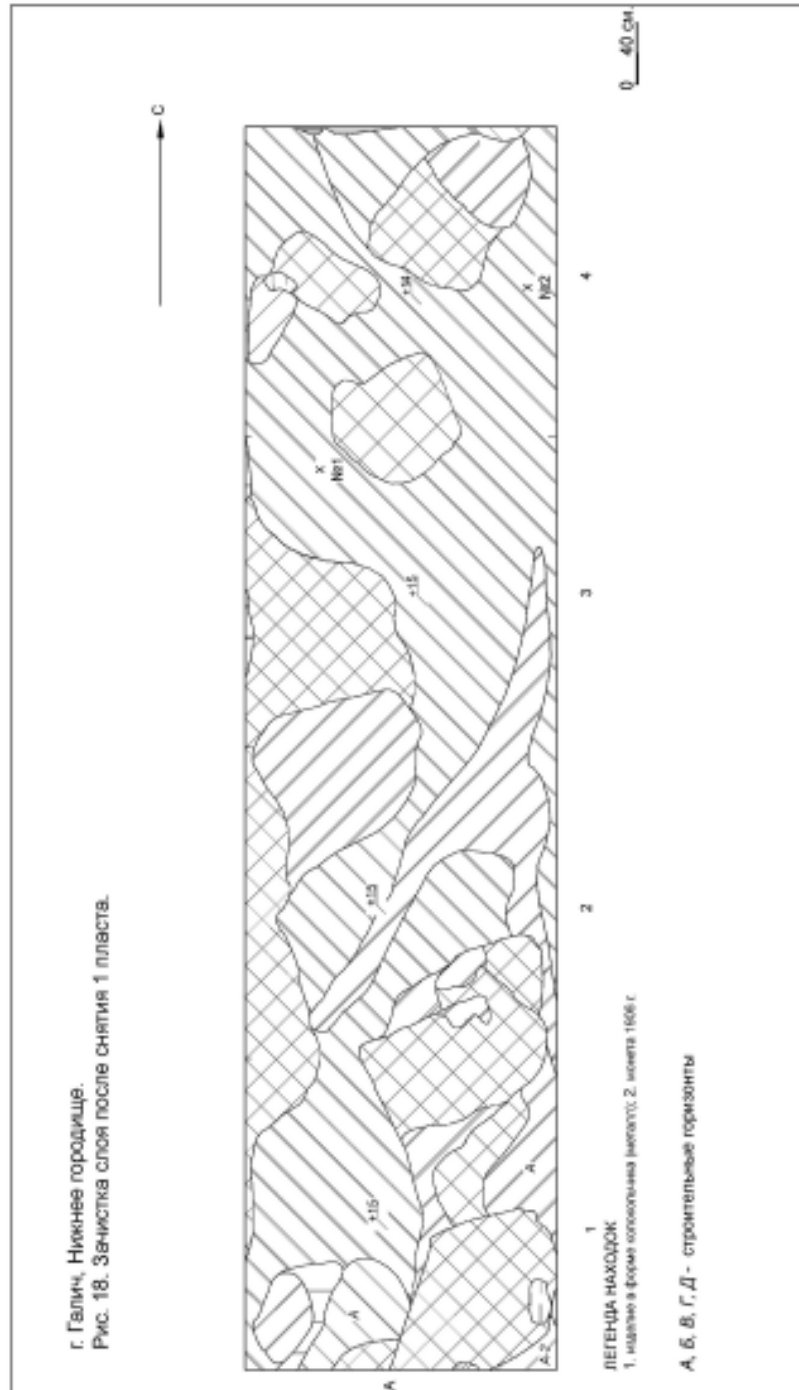
Рис. 13. Фото начала археологических раскопок.
Вид с северо-востока.

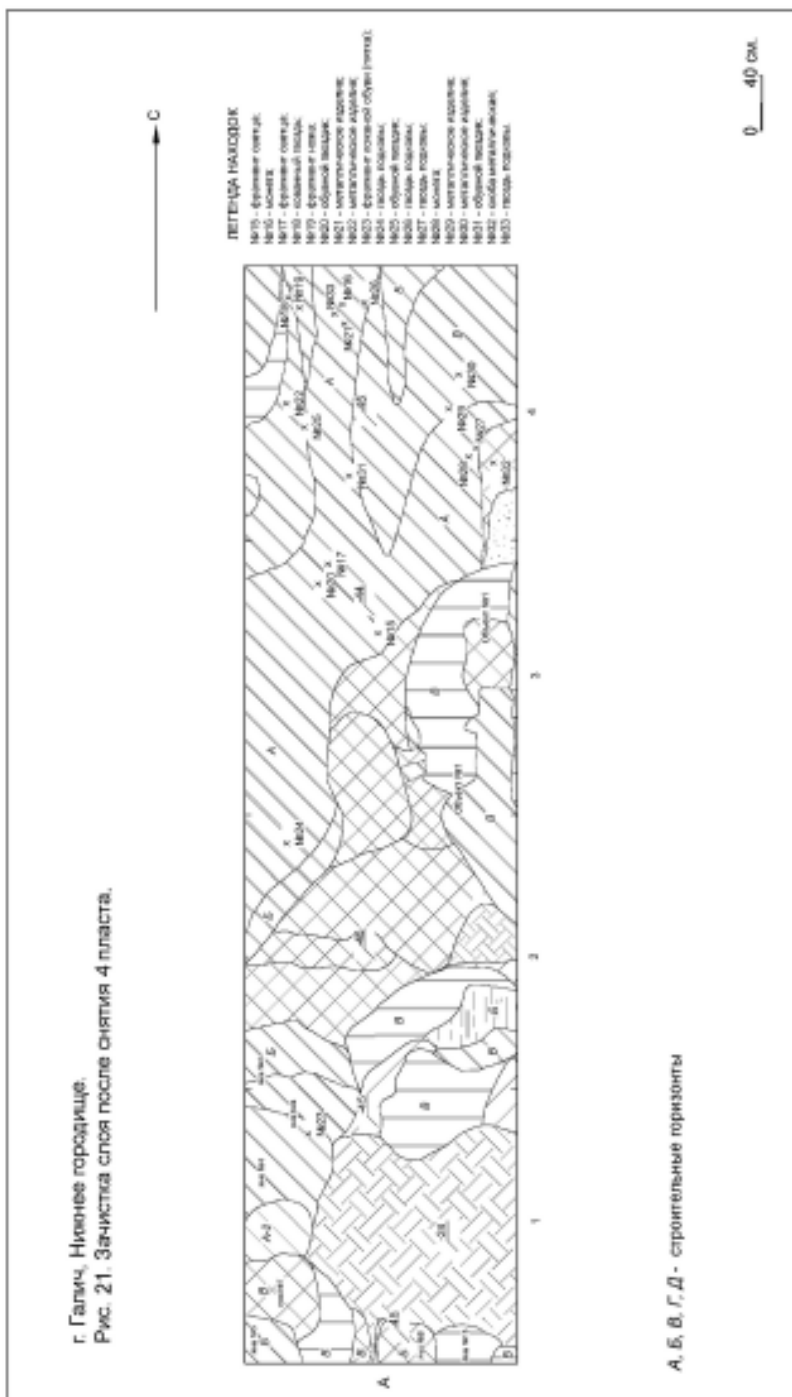
Рис. 15. Фото местоположения репера. Вид с юга.

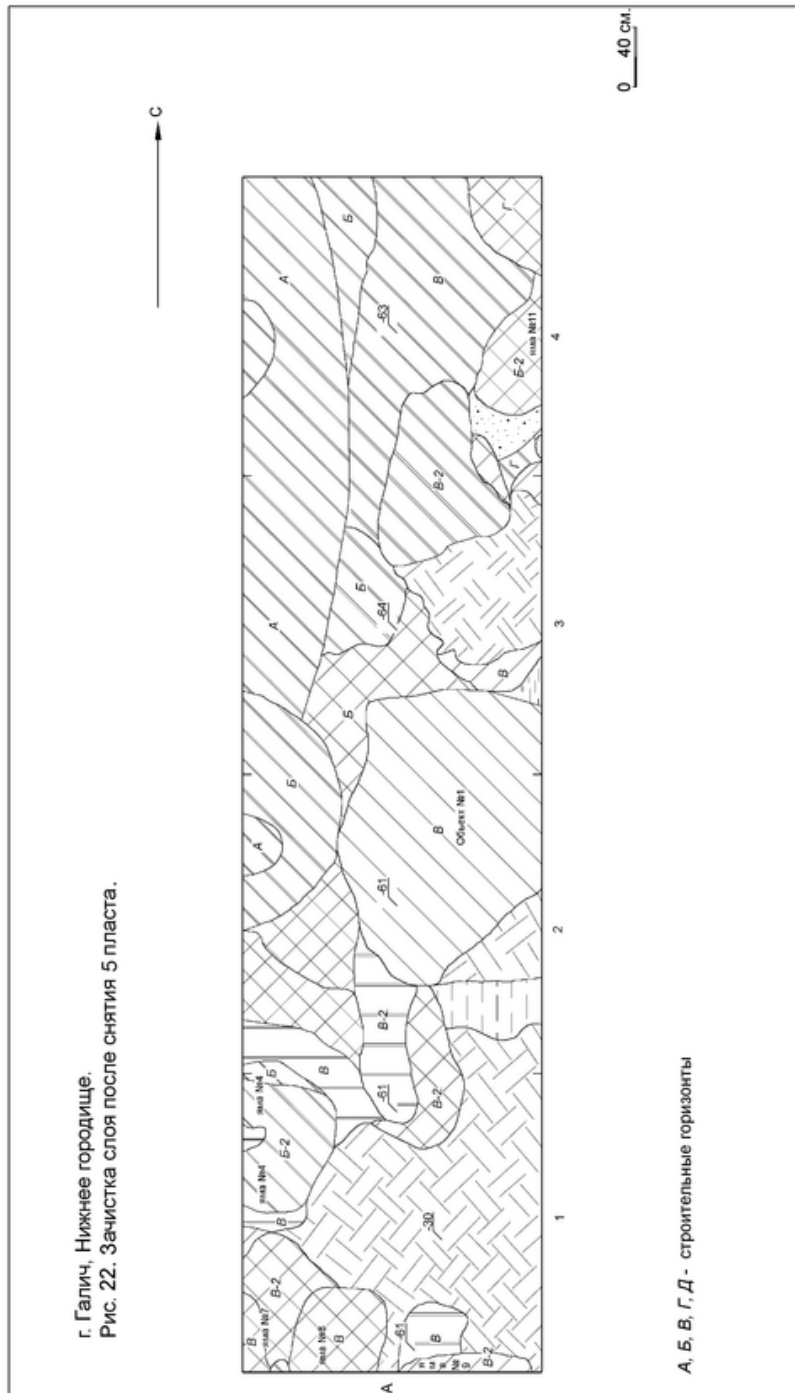

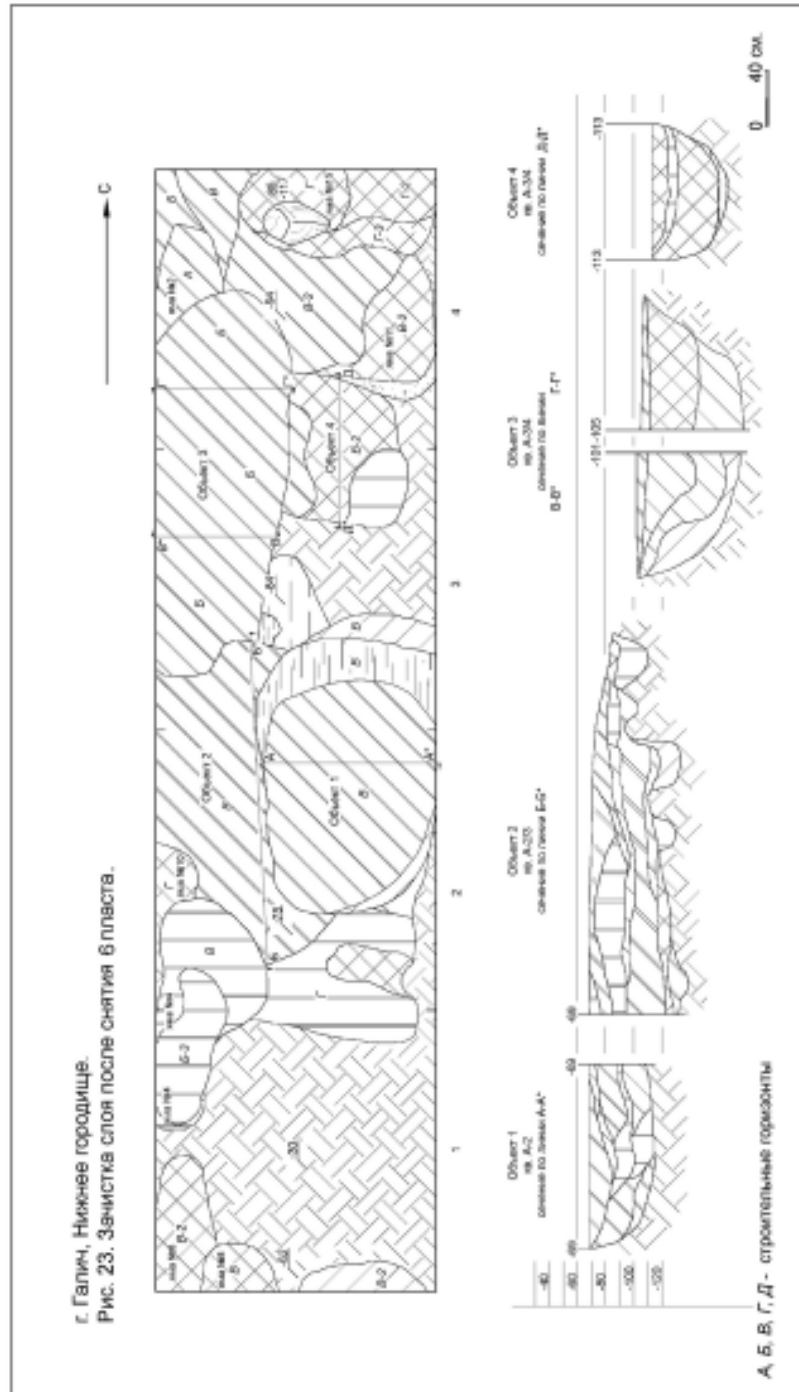

Рис. 25. Индивидуальная находка №3 (наконечник стрелы)

Рис. 26. Зоны для исследования микроструктуры изделия.

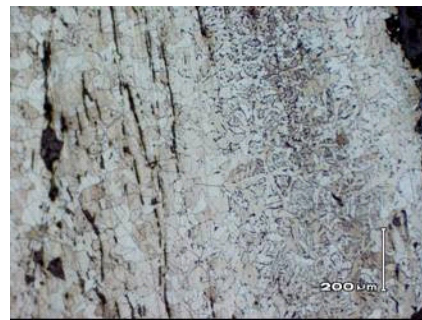
а)

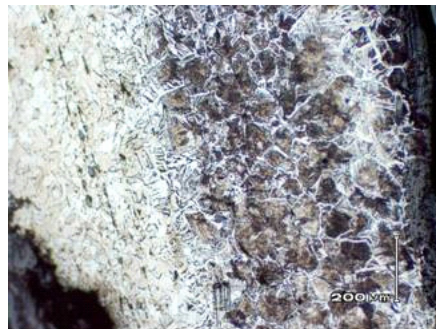
б)

в)

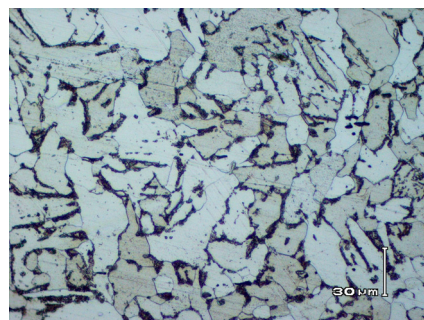

г)

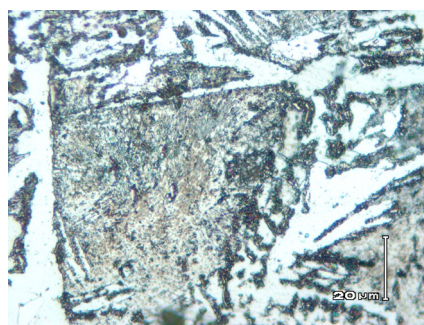

д)

Рис. 27. Микроструктура индивидуальной находки №3 (наконечник стрелы) образца 1

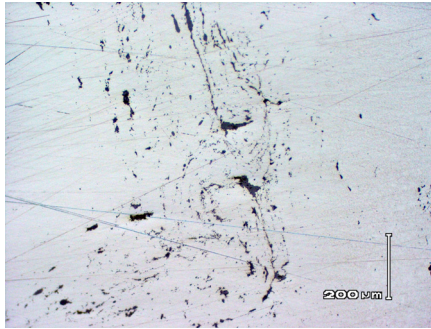

а)

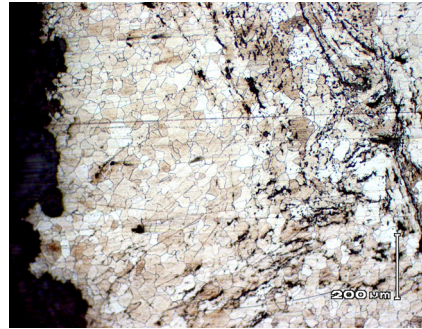

б)

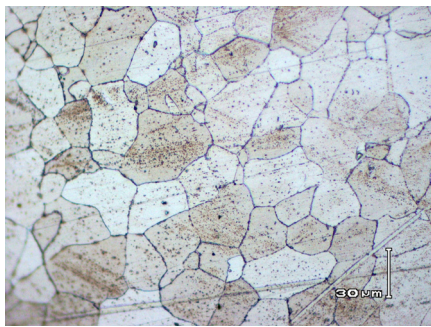
Рис. 28. Микроструктура индивидуальной находки №3 (наконечник стрелы) образца 1.

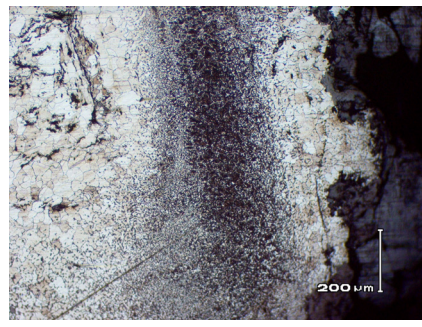
а)

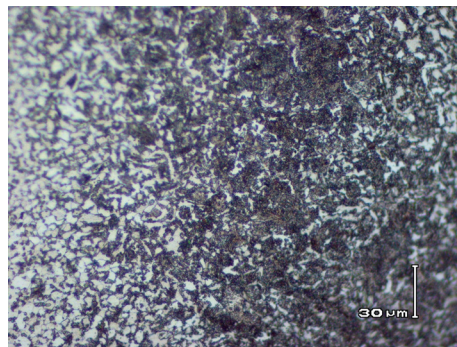
б)

в)

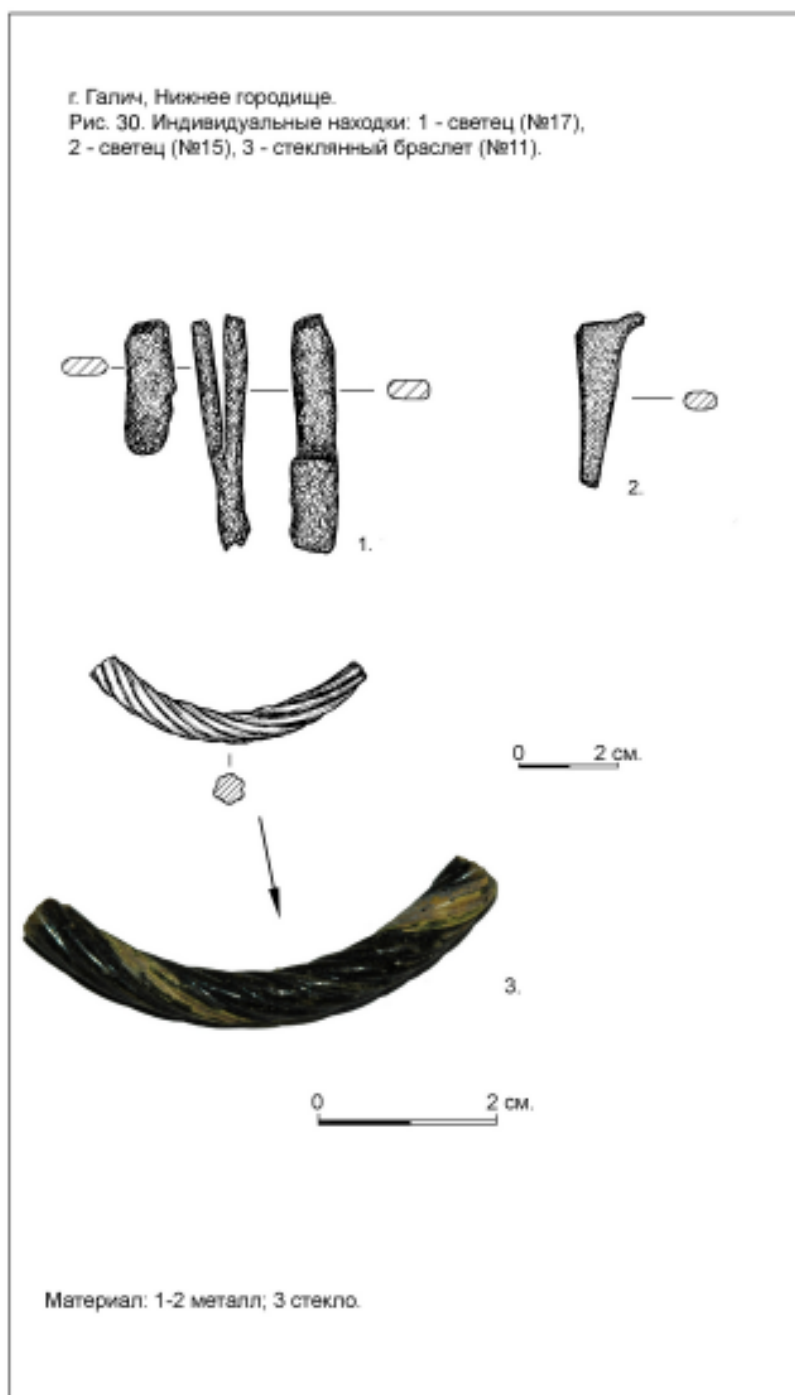
г)

д)

Рис. 29. Микроструктура индивидуальной находки №3 (хвостовая часть наконечника стрелы) образца 2

РАЗДЕЛ IV

г. Галич, Нижнее городище.

Рис. 31. Индивидуальные находки: 1 - №28; 2 - №16.

Материал: серебро. 1 - денга великого князя московского Василия Васильевича Темного (1425-1462 гг), по каталогу Н. Д. Мец 1440-1450-е годы (по каталогу №114);

2 - копейка царя Ивана IV Васильевича Грозного (1533-1584 гг), по классификации А. С. Мельниковой - 1560-е - 1584 гг. (продукция Московского денежного двора).

Проведенные исследования позволяют констатировать следующее.

Территория Нижнего городища Галича Мерьского начинает осваиваться уже, вероятно, со времени не позднее первой половины XI в., однако, не известно пока – сразу как городское поселение или изначально как рядовое (например: сельское). Первыми наиболее вероятными славянскими переселенцами здесь вполне могли выступать жители новгородских – новгородско-псковских земель. Жизнь на этом участке Нижнего городища с начала заселения продолжается как минимум до второй половины XVII в.

Список источников и использованной литературы.

- Авдеев А. Г.* «Град Галич первой» (о времени, месте и исторических обстоятельствах основания Галича Мерьского) // Вестник московского университета. Сер. 8. История. № 4. 2002. С. 62–82.
- Авдеев А. Г.* Археологические разведки в Галиче Мерьском // АО. М., 1994. С. 64.
- Авдеев А. Г.* Отчет об археологической экспедиции в Галиче Мерьском в 1995 г. // Архив ОПИ ИА РАН.
- Алексеев С. И.* История формирования городских территорий Костромы // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана). Н. - Новгород, 1995 С. 15–22.
- Алексеев С. И.* Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 1998 г. (раскоп Спас-Подвязный) // Архив ОПИ ИА РАН.
- Алексеев С. И.* Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 1999 г. (раскоп Кооперативный) // Архив ОПИ ИА РАН.
- Алексеев С. И.* Археологические источники в контексте формирования территории г. Костромы в XII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова, 1999, № 2. С. 57–59.
- Алексеев С. И.* Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 2001 г. // Архив ОПИ ИА РАН.
- Археология Костромского края / под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
- Гайдуков П. Г.* Славенский конец Средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М. 1992.
- Голубева Л. А.* Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1973.
- Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 94.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. т. 4.
- Кабатов С. А., Новикова О. В.* Итоги Археологических исследований Нижнего городища в городе Галиче в 2005 году // Материалы республиканской региональной научно-практической конференции // Город Галич: история возникновения и развития. Галич, 2006. С. 28–44.
- Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902.
- Леонтьев А. Е.* Археология мери (к предистории Северо-Восточной Руси). М., 1996.
- Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1959. С. 121–191.

- Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII вв. – Ярославль, 1974.
- Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993.
- Нерознак В. П.* Название древнерусских городов. М., 1983.
- Памятная книжка Костромской губернии 1862 г. Кострома, 1862.
- ПСРЛ. Т. 1, 7. М., 1962.
- Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Галича Мерьского // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959.
- Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
- Смирнов Ю.* Летописцы из Галича // Губернский дом (Кострома). № 2 (39). 2000.
- Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники (исторический очерк) // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. 9. М., 1947. С. 81–112.
- Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1956.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 3. М.; Л.
- Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М., 1962.
- Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
- Яновский А.* Юрий Долгорукий. М., 1955.

Список сокращений

- АО – археологические открытия;
- ОПИ ИА РАН – отдел полевых исследований Института археологии российской академии наук;
- КСИИМК – краткие сообщения Института истории материальной культуры ИА АН СССР;
- ПСРЛ – полное собрание русских летописей.

Примечания

¹ Строительные горизонты получили обозначение сверху – вниз, таким образом, горизонт А является самым поздним сформировавшимся слоем и залегает сверху и, наоборот, горизонт Д – формируется раньше остальных, залегает на материке, и фиксируется ниже остальных.

² В последних двух горизонтах при разборе не было обнаружено абсолютно никакого материала, возможно, в силу большой.

³ На анализ поступили два археологических образца (№ 3, 19) для проведения металлографического и химического исследования и замера микротвердости различных участков. Металлографический анализ микроструктуры проводился на поперечных и продольных сечениях образцов. Темплет зажимался в струбцине между двумя плоскостями при помощи болтов. Поверхность разреза зачищалась на точильно – шлифовальном станке, затем шлифовалась на шлифовально-полировальном станке с использованием шкурки шлифовальной бумажной водостойкой зернистостью М63, М50, М28 (соглас-

РАЗДЕЛ IV

но ГОСТ 10054) и полировались на сукне с раствором окиси хрома. В качестве травителя использовался 4%-й раствор азотной кислоты в этиловом спирте, после травления образцы промывались водой и высушивались фильтровальной бумагой. Анализ металлографических шлифов производился на микроскопе OLYMPUS GX 51. Определение величины зерна проводилось по шкале 1 ГОСТ 5639. Определение соотношения перлита и феррита проводилось по шкале 7 ГОСТ 8233. Определение балла перлита проводилось по шкале 1 ГОСТ 8233. Микротвердость замерялась на микроскопе – микротвердомере ПМТ-3 при величине нагрузки 100 г и 50 г. Изображения микроструктур были получены с помощью цифровой камеры Olympus модели DP 12 с выводом информации на экран компьютера и распечатывались на цветном струйном принтере hp business inkjet 1100. Химический анализ материала проводился на стилоскопе «СПЕКТР» и экспресс-анализаторе на углерод «АН 7529».

⁴ *Образец 1* (острие наконечника). Микроструктура: Металл с небольшим количеством неметаллических включений размером до 0,1 × 0,21 мм и внутренними трещинами и надрывами размером до 0,52 × 0,02 мм в средней части образца (рис. 27. а–б). Микроструктура – феррит, зерна недеформированные, 5 балл зерна, участки 4, по границам зерен участки третичного цементита (Рис. 27. в). Микротвердость $HV_{0,05} < 174$. Далее феррито-перлитная структура с содержанием перлита и феррита от П20(Ф80) до П85(Ф15) (Рис. 27. г–д). Перлит зернистый и пластинчатый 1–2 балла (рис. 28. а–б). Микротвердость $HV_{0,05} 219$. *Образец 2* (хвостовая часть наконечника). Микроструктура: Металл с небольшим количеством неметаллических включений размером до 0,02 × 0,08 мм. (рис. 29. а). Микроструктура – феррит, зерна недеформированные, 6 балл зерна (рис. 29. б–в). Микротвердость $HV_{0,05} < 174$. С диаметрально-противоположной стороны на глубину 0,25 мм – феррит, зерна недеформированные, 6–7 балл зерна, по границам зерен – третичный цементит, далее перлитно-ферритная полоса толщиной 0,4 мм. Соотношение перлита и феррита от П35(Ф65) до П95(Ф5) (рис. 29. г). Перлит пластинчатый 2–3 балла (рис. 29. д). Микротвердость $HV_{0,05} 205$.

⁵ Выявленный нами фрагмент стеклянного браслета (рис. 34. 3) относится к серии самых распространенных браслетов. Это мутно-зеленый витой браслет с вплетенным по спирали тонким желтым жгутиком. Подобные браслеты были характерны для первой половины времени бытования этого украшения в Новгороде, то есть до середины XIII в. (Колчин, 1956. С. 122).

⁶ Производство стеклянных браслетов является довольно массовым производством для периода XI–XIII вв. (См., напр.: Рыбаков, 1948. С. 535). После монголо-татарских погромов русских городов многие ремесла временно прекращаются, в том числе и производство стеклянных браслетов. В Новгороде, не подвергшемуся разорению, производство браслетов продолжалось, но мода на ношение этого украшения у новгородских горожанок стала пропадать, отчасти из-за того, что спрос у жителей других городов Руси на стеклянные браслеты исчезает. Новгородские материалы довольно точно фиксируют это время – 20–30-е годы XIV в. (Колчин, 1956. С. 120–122).

⁷ Время прекращения использования наконечников указанного типа, а также период бытования стеклянных браслетов.

⁸ Начало формирования строительного горизонта В (появление керамики IX–X типов).

Н. Г. Морозов
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Повесть И.С. Шмелева «Лето Господне» замечательна глубокой связью с духовной культурой русского Православия. Маленький герой, от лица которого ведется повествование, легко, свободно чувствует в окружающем его домашнем устройстве живое дыхание мира горнего: «Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески, с охотниками и утками уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят... Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, на золоченый пряник «масленицы» – игрушки, принесенной вчера из бань: нет ни медведников, ни горок, – пропала радость. И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», – Горкин вчера рассказывал, – «душу готовить надо». Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться»¹. Так с первых же страниц «Лета Господня» читатель открывает для себя не только удивительный, вещно-зримый уклад замоскворецкого купечества, но и познает тесно переплетенную с этим укладом духовную культуру русских людей второй половины XIX века. Эта культура формировала особый тип сознания, свойства которого коренятся в православном мироощущении народной Руси. Не будем забывать, что семья, в которой рос И.С. Шмелев, отличалась крепкой верой, придерживалась православной традиции. Немудрено, что религиозная традиция, предполагающая двойственное восприятие мира (вечного, нетленного и земного, временного) буквально пронизывает все праздники и посты, весь календарь православной духовности, который скрепляет художественную структуру повести «Лето Господне». В этой двойственности мироощущения – один из истоков радостного, приподнятого отношения к жизни героя-повествователя, потому что он в предметном мире, в его обрядах и ритуалах, различает явления жизни неизмеримо более высокой и благостной. Вот почему маленький герой повести И.С. Шмелева охотно и радостно принимает все, что делают взрослые в Чистый Понедельник, благоговейно вздыхая «незабвенный, священный запах» Великого Поста»². Все, из чего складывается освященный столетиями русского православного быта ритуал очищения души в чистый понедельник, герой принимает как ожидаемое, знакомое, родное. Так в стиле «Лета Господня» обозначаются два взаимосвязанных стилистических плана: повседневно-бытовой и религиозно-возвышенный.

Среди множества персонажей «Лета Господня» выделяются два героя: отец Вани, Сергей Иванович, и старый плотник Михаил Парфеньич Горкин. Если значение образа Горкина как духовного наставника Вани достаточно проясняется в контексте повести Шмелева, то с образом Сергея Ивановича дело обстоит несколько сложнее: он предприниматель, человек строгий, казалось бы, нет времени у него для духовных забот. Оказывается, что как раз православная духовность, в традициях которой воспитан Сергей Иванович своим отцом, Иваном

Ивановичем, является залогом, основой для его предпринимательского успеха. При всем размахе дел Сергея Ивановича, его нельзя отнести к богатым людям Москвы. Объяснение здесь простое: в роду Сергея Ивановича принято вести дела честно, не наживаясь путем обмана и темных спекуляций, уважать нанятых работников, честно платить им за труд и награждать за талант, мастерство. Дух лесковского «Левши» с его небывало дерзкой задумкой, благородным стремлением угодить Богу и показать всем православным и чужедальным людям, что может сотворить русский мастер, ясно ощутим во всех эпизодах повести, где речь идет о подготовке праздничных «чудес». Тут и хозяин, и работники думают заодно, в равной мере стараются не уронить честь своей артели, как например, в истории с постройкой «ледяного дома» на Рождество. Задумал Сергей Иванович сморазивать «ледяной дом» на потеху и удивление москвичам, лучше и хитрее изукрашенный, чем тот, что некогда царица Анна Иоанновна в Питере велела выстроить. У отца Вани оказалась натура истинного художника, «заболевшего» своим творением, о доходах забыл Сергей Иванович, только мечтой своей занят: «Никто и за портмоянями не глядит, подручные выручку воруют. Горкину пришлось ездить – досматривать. И только и разговору, что про «ледяной дом»³. Трудности, с которыми столкнулись мастера Сергея Ивановича, стеной непреодолимой встали на пути бывалых умельцев: и лед-то под пилой крошится, «силы не набрал», и сам архитектор помогать отказался, боясь опозориться, махнув рукой на многотысячный гонорар. Но зазорное желание перещеголять, перехитрить тех, кто некогда в Петербурге для царицы удивительный дом построил, не покидает мастеров: «Ух ты-ы!... такого навертим – ахнут!...»⁴. А работа и в самом деле оказалась не из простых: «вазы на стенах» да «столбы винтами» из хрупкого и тяжелого льда ни вылить «вроде как из чугуна», ни выточить, ни выпилить нельзя, да и в «дом» народ повалит, все обрушить может, непоправимая беда случится, грех и позор на головы дерзких выдумщиков падут! Так печалится, негодует, мучительно ищет способы решения этой головоломной задачи Сергей Иванович. И вот, в кабинет отца Вани, где проходит генеральное совещание о том, как строить дом из льда, старый мастер штукатур Пармен – находит единственно верное решение: «Не лить, не точить, а по-нашему надоть, лепить – выглаживать. Слепили карнизы, чуть мокренько – тяни правилками, по форме... лекальчиками пройтись. Ну чего, может, и отлить придется, с умом вообразить. Несвычное дело, а ежели с умом – можно»⁵. Все «хитрости», придуманные ими для воплощения своего замысла, мастера относят за счет Божьей помощи. Это подвижники, прославляющие своей работой Творца: «Так... – говорит отец веселей... – Значит, сперва снег маслить, потом подмораживать... так.

– Осени-ли! Го-споди... осенили! – вскрикивает Василь Василич. – Ну, теперича а-хнем!»⁶. На этой волне радостного вдохновения русский человек может сотворить подлинное чудо, здесь Шмелев открывает нравственные истоки гениальных творений многих безымянных виртуозов из народа: «Идем с фонарем на двор. В холодной прачешной сидит на полу... Бушуй!..

– Ж-живой!.. ах, су-кины коты... ж-живой!.. чуть не лает!.. – вскрикивает Василь Василич.

Ну совсем Бушуйка – и лохматый, и на глазах мохры, и будто смотрят глаза, блестя.

Впервые тогда явилось передо мною - чудо. Потом я познал его.

– Ты?! удивленный, спрашивает отец Андриюшку, указывая на ледяного Бушуя.

Андриюшка молчит, ходит вокруг Бушуя. Отец дает ему «зелененькую», три рубля, «за мастерство». Андриюшка, мотнув головой, пинает вдруг сапогом Бушуя, и тот разваливается на комья. Мы ахаем. Горкин кричит:

– Ах ты, язва... голова вертячая, озорник мошенник!... Андриюшка ему смеется:

– Тебя, погоди, свалю, крестный, тогда не пхну.

В трактир, что ль, пойти-погреться⁷. По мысли автора нет преград русскому самородку-художнику, если душа его в ладу с нравственными принципами православного мира.

Необычная артель под началом у Сергея Ивановича, да и сам он в корне отличается от иных «хозяев» – богатеев Москвы. Потому-то и работают у него за совесть, прощают требовательность, строгость, считая Сергея Ивановича добрым, справедливым благим хозяином⁸. Все дело в том, что отец Вани никогда не забывает о евангельских заповедях, истово соблюдает православный календарь, прилежен в делах церковных – в храме и дома. Заветами православия руководствуется Сергей Иванович и в отношениях с подчиненными ему приказчиками и работным народом. В качестве примера можно взять характерный эпизод с Василь Василичем, старым приказчиком, служившим еще в мальчиках у деда маленького Вани. Но за Василь Василичем водится известный на Руси грех, и вот, на Масленицу, почтенный Василь Василич и подчиненные ему «ребята» не устояли перед соблазном хорошенько выпить ради праздника, да в таком виде и продолжали работать «катальщиками» на ледяных горках. Результаты оказались плачевными: «...Петрушка Глухой повел... ну, тоже маленько для проводов масленой не вовсе тверезый... В нас и ударило, восемь человек! Вышло сокрушение, да Бог уберег, днище наше ударили, пробили, а народ только пораскидало...»⁹. Гнев Сергея Ивановича в этом случае вполне понятен, но непростителен с точки зрения православного человека. Дело в том, что неприятное объяснение хозяина с работником происходит в первый день Великого Поста, когда гневаться нельзя, иметь памятозлобие грех. Накричав на Василь Василича и пригрозив ему «расчетом», то есть увольнением, Сергей Иванович невольно перешел грань, отделяющую справедливый упрек от самодурной несдержанности хозяйского «нрава». Старый Василь Василич – не только разумеющий дело работник (у него даже в этой ситуации ни копейки хозяйских денег не пропало, сверхприбыль в триста рублей объявилась), но и честный, уважающий себя и свой труд человек, воспитанный в твердых правилах православной нравственности. Вот что говорит он в горькую для него минуту маленькому Ване: «– А за что изругали? уныло говорит он мне, смотря на крыши. – Расчет, говорят, бери... за тридцать-то лет! Я у Ивана Ивановича еще служил, у дедушки... с мальчишек... Другие дома нажили, трактиры пооткрывали с ваших денег, а я вот... расчет! Ну, прощусь, в деревню поеду. Служить ни у кого не стану. Ну, пусть им Господь простит... – Василь Василич! – слышу я крик отца, и вижу как отец, в пиджаке и шапке быстро идет к сараю, где мы беседуем.

– Ты как же это, по билетным книжкам выходит выручку к тысяче, а денег на триста рублей больше? Что за чудеса?.. – Какие есть – все ваши, а чудесов тут

нет, – говорит в сторону и строго Василь Василич. – Мне ваши деньги... у меня еще крест на шее!»¹⁰ Из объяснения отца с Василь Василичем, из невольной исповеди старого приказчика маленький герой узнает, что в окружающем мире чтят не деньги, а честь, честность, правду. Нашелся старик – извозчик, привез в дом Шмелевых мешок с деньгами, вырученными за катание с горок. Его забыл в санях пострадавший в тот злополучный день, подгулявший Василь Василич. И его «ребята» все честными оказались, не пропало ни копейки, а пропили они всего-то пятерку, да еще не из хозяйских денег, выручка не пострадала. И выходит, что основа благополучия делового русского человека – нестяжательство, совесть, честный труд, основанные на православной нравственной традиции. Поэтому маленький Ваня, старый Горкин и все домашние испытывают подлинный восторг души, когда убеждаются в торжестве православной правды: «...Я смотрю на отца. Лицо его как-то осветилось, глаза блеснули. Он быстро идет к Василь Василичу, берет его за плечи и трясет сильно, очень сильно. А Василь Василич, выпустив лопату, стоит спиной и молчит. Так и кончилось. Не сказали они ни слова. Отец быстро уходит... Иду и я. И слышу, как из окна сеней отец весело кличет:

– Василь Василич... зайди-ка на минутку, братец. Когда мы уходили со двора под призывающий благовест, Горкин мне говорит взволнованно, – дрожит у него голос:

– Так и поступай, с папашеньки пример бери... не обижай никогда людей. А особливо, когда о душе надо... пеши. Василь Василичу четвертной билет выдал для говенья... мне тоже четвертной, ни за что... десятникам по пятнишне, а ребятам по полтиннику, за снег. Так вот и обходишься с людьми. Наши ребята хорошие, они ценют...»¹¹ Очевидцы происшедшего – взрослые и маленький Ваня – убедились в торжестве высшей нравственной ценности в делах земных, убедились, что в их хозяине **душа** одолевает **сердце**. Одаривая деньгами работников и домашних во славу Божию, Сергей Иванович поступает согласно духовным традициям своей семьи и всей православной Руси. Вот эту христианскую доминанту в поведении отца маленький Ваня впитывает сердцем и душой, обретая прочный опыт православного отношения к людям. Великий русский философ И.А. Ильин, высоко ценивший творчество И.С. Шмелева, а повесть «Лето Господне» в особенности, позднее очень верно отметил значение духовной традиции семьи и роль в ней отца в деле православного воспитания детей: «...семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию... Семья есть для ребенка... лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье? В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий авторитет в семейной жизни»¹². Цитированный отрывок главы «О духовно здоровой семье» из книги И.А. Ильина «Путь ду-

ховного обновления» (1932 – 1935 гг.) обнаруживает связь творчества И.С. Шмелева с философским наследием замечательного русского философа, друга, современника Ивана Сергеевича, уроженца «шмелевской» Москвы, давшей Ильину гимназическое отрочество, университетскую юность и возмужание в науке. В повести «Лето Господне» (1933 – 1948) не только домашние Сергея Ивановича, но и Горкин, Василь Василич и все шестьсот работников («ребят») представляют собой именно такую православную семью, нравственно-психологические стереотипы поведения которой сформированы духовно-религиозной, православной традицией.

Важное место в художественной структуре «Лета Господня» занимает глава «Соборование». В контексте повести соборование перекликается с состоявшимся затем консилиумом врачей, вызванных к умирающему отцу маленького Вани. И в том и в другом эпизодах к опасно занемогшему Сергею Ивановичу приглашаются лучшие силы священства и медицинской науки. В эпизоде с соборованием (священнодействие, совершаемое для исцеления больных людей, во время которого над страдающим от телесного или душевного недуга совершается соборное богослужение, в котором действуют от двух до семи священников) Горкин отмечает замкнутость делателей духовного таинства во внешних формах обрядности. Эта же рутинность, обыденность замечается Ваней и в сцене врачебного консилиума. И маленький Ваня, и старый Горкин отмечают, что соборование идет не так истово, как в старину. Нельзя допустить умаления живых христианских начал как в делах духовных, так и мирских: это опасно для России. Так считает Шмелев. И здесь, по мнению писателя, жизненно необходим особый тип русских людей – хранителей православных заветов, таких как старый Горкин, наставник Вани. Таких людей на Руси принято было называть стоятелями за веру православную. Вот и старый плотник, воспитывающий в духе православных заветов своего любимца Ваню, принадлежит к редкому типу пастырей в миру, добровольно радеющих о соблюдении в обществе правил христианской жизни. В русской литературе XIX века давно созрела мысль о полезности дублирующей, поддерживающей русскую православную церковь общественной силы. Под ней разумелся институт мирских монахов, духовников – воспитателей без сана, добровольцев – стоятелей за строгое соблюдение православного календаря и чистоту православного образа жизни. Такого рода персонажи встречаются в творчестве Ф.М. Достоевского (Алеша Карамазов) и особенно в творчестве Н.С. Лескова. Этой же традиции следует И.С. Шмелев, создавая образ наставника и воспитателя Вани, старого плотника Горкина. Это значащая фамилия, так как Красной горкой в народе называют Пасху, недаром и Сергей Иванович ласково именуется старого «филенщика» Горкой. Горкин и в самом деле осуществляет каждодневное служение мирянам ради сохранения православной традиции, но делает это с сознанием добротолубия, предлагая своему воспитаннику самому постигать смысл православной обрядности. В нем нет и следа грозной и властной повадки прабабушки Устиньи, о которой Горкин часто вспоминает в разных жизненных обстоятельствах, ставя ее в пример. Прабабушка Устинья, воспитывая отца Вани, руководствовалась

предписаниями Домостроя: «... харь этих не любила, увидит – и в печку. Отымет, бывало, у папашеньки и сожжет, а его лестовкой постегает... не поганься, хари не нацепляй!»¹³ Примечательно, что сам Михаил Парфеныч «отымать» у Вани личину и бросать ее в печь не собирается. Он творчески воспринимает традиции прошлого, не все берет из обычаев старины, косвенно противится жестокому и в чем-то самодурному «педагогическому» рецепту Устиньи. Горкин предпочитает не слепое, догматическое внушение под страхом наказания, но стремится создать обстановку доверительной, раздумчивой беседы с мальчиком. Ему важно, чтобы Ваня научился осознанно поступать как христианин. Поэтому старик сначала предоставляет питомцу возможность проверить твердость своего намерения сжечь подозрительную маску: «А, может, жалко? – говорит он и не берет. – Только не нацепляй. Ну поглядишь когда. Вон гонители, мучили святых, образины богов-идолов нацеплять велели, а кто нацепит – пропал тот человек, как идолу поклонился, от Бога отказался. И золотом осыпали, и висоны сулили, и зверьями травили, и огнем палили, а они славили Бога и Христа!»¹⁴ И вот после этих слов Горкина теперь уже не первомученикам за веру Христову, а самому Ване предстоит сделать выбор между добром и злом. И он, следуя внезапному велению своего сердца, открыто и решительно высказывает свое отречение от личины, которая ему все больше и больше не нравится:

« – Лучше сожги... – говорю я плюю на харю.

– А жалко-то?

– Наплюй на него, сожги!...»¹⁵

Не с забавной игрушкой, которая чем-то не понравилась взрослому человеку, расстается столь решительно ребенок: он удаляет от себя образ Зла. И тут же, как в сказке, происходит выявление истинной сути этого злого существа: «Он держит харю перед огнем, и я вижу вдруг (разрядка моя – Н.М.), как в пробитых косых глазах прыгают языки огня, пышет из пасти жаром... Горкин плюет на харю и швыряет в огонь. Но она и там скалится, дуется пузырями, злится... что-то течет с нее, – и вдруг вспыхивает зеленым пламенем.

– Ишь, зашипел-то как... – тихо говорит Горкин, и мы оба плюем в огонь»¹⁶.

Здесь, как и во всех эпизодах «Лета Господня», маленький герои учится различать в предметном мире проявления жизни нетленной, с вечным противостоянием ангелов господних и темных, демонских сил. Горкин радуется, что Ваня «не покорился» соблазну накануне православного праздника Крещения, сделав выбор в сторону Христову, подтвердил, что уже носит лик Того, кто принял крестную муку ради спасения человечества от ига Сатаны. Именно этой, глубоко православной, мыслью автора и отличается сцена сжигания личины от обычного сказочного эпизода. Такое сочетание в сюжете «Лета Господня» волшебной сказки и элементов жития восходит к традициям древнерусской литературы и встречается, например, в «Повести о Петре и Февронии», когда князь Петр, вооруженный мечом, данным ему ангельскими силами, побеждает змея, повадившегося летать в княжий терем, принимая облик князя Павла, старшего брата Петра. При виде Петра с чудесным мечом в руке,

лже-Павел тотчас принимает свой истинный, омерзительный драконий облик, яростно бросается на противника и погибает, сраженный чудесным оружием господним. Свою змеиную сущность обнаруживает и личина, брошенная Горкиным в огонь: шипит змеем, увеличиваясь в размерах, яростно пышет огнем из драконьей пасти и, наконец, сгорает дьявольским, зеленым пламенем. Поэтому образ личины в этой сценке восходит не только к устному народному творчеству, но и к житийной литературе Древней Руси. Соблюдение традиций православного воспитания требует от воспитателя и воспитуемого внутренней собранности, сторожкого, чуткого восприятия явлений жизни земной, чтобы не поддаваться соблазну, не покориться греху. Вот Горкин строго одергивает скорняка, предложившего ему и Ване сомнительного происхождения картинку с изображением Егория Победоносца и глумливой надписью под ним: «Горкин стал скорняка бранить, никогда с ним такого не было... взял да и разорвал картинку. И стало нам тут страшно. Посидели-помолчали, и будто нам что грозит, внутри так чувствуется. Сожгли картинку на таганке. Горкин руки помыл, дал мне святой водицы и сам отпил. А скорняк повздыхал сокрушенно и стал из книжки про Егория нам читать»¹⁷. Певчим в храме Горкин в первый же день великого Поста ласково напомним-попросит исполнить тропарь «Боже, в помощь мою вонми», или, как он его по-народному называет – «помощника». Все эти и другие праведные поступки Горкина дают Ване основание предположить: «Кто он будет... свято-мученик или преподобный, когда помрет?»... – Ты будешь преподобный, когда помрешь? – спрашиваю я Горкина.

– Да ты сдурел! – вскрикивает он и крестится, и на лице у него испуг. – Меня, может, и к раю-то не подпустят... У меня грехов...

– А тебя святым человеком называют! И даже Василь Василич называет.

– Когда пьяный он... не надо так говорить»¹⁸.

Согласно традиции Русской православной Церкви Преподобный – «святой, праведный угодник, который более других приблизился подобием своей души к Богу... А кто отрекся от мира и, восприняв монашеское житие, касается величайших подвигов беспорочной чистоты и повседневно подвизается в умерщвлении себя, в душе такого, угождающего Богу более мирянина, образ божий есть подобнейший Богу. И потому угодивший Богу в иночестве называется преподобным»¹⁹. Этот разговор Вани с Михаилом Парфеновичем не только подтверждает общественный статус Горкина как мирского ревнителя благочестия, стоятеля, но и раскрывает читателю сущность важнейшей категории православного воспитания. Горкин с детства имеет представление о значении ранга в жизни христианина и христианского общества. Неподдельный испуг, почти ужас Горкина при одной только мысли, что его могут зачислить в преподобные те миряне, у которых понятие ранга ослабло или еще не развито, – свидетельствует о прочности нравственных заветов, полученных старым плотником еще от родителей. Этот же наглядный урок рангового воспитания преподносит он и своему любимому воспитаннику, воздействуя на него и силой авторитета. «В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеею ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь,

но не унижаясь, и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление... Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека»²⁰. Вот потому-то Горкин даже мысли не допускает о ранговом действии, да еще в такой области, куда земному человеку попасть очень трудно. Горкину сама мысль о ранге святого кажется кощунством, поэтому столь резка и эмоциональна его отповедь наивному Ване.

Так в повести «Лето Господне» И.С. Шмелев восстанавливает глубокую, цельную систему семейного воспитания, основанную на русской православной традиции. Авторитет отца, утверждающего в семье начала православной нравственности, важнейшая роль стоятеля, духовного наставника мирян, в дополнение к служению священства; понятие общества как артели, единой семьи, свято исповедующей православие, – вот принципы, которыми (по мнению автор «Лета Господня») следует руководствоваться для воспитания нравственных людей, объединенных теплым чувством патриотизма. Истоки такого воспитания – в крестьянско-патриархальной общине, нравственным заветам которой следуют Василь Васильевич, Горкин, Сергей Иванович и вся его артель. Если в первой части «Лета Господня» маленький герой радостно познает всеединство божьего мира, то во второй части («праздники – радости») он сталкивается с неожиданным и скорбным понятием смертного часа. В главе «Крестопоклонная» старик Горкин, рассуждая «про прах тленный», объясняет Ване как надо православному человеку относиться к смерти: «Ну, вот те понятней... Ну пошел ты в баню, скинул бельецо – и в теплую пошел, и так-то легко те париться, и весь ты словно развязался... Так и душа: одежду свою на земле покинет, а сама паром выпорхнет. Грешники, понятно, устрашаются, а праведные рвутся даже туда, как мы в баньку с тобой вот... Чего ж страшиться, у господа все обдуманно – устроено... обиды не будет, а радость – свет»²¹. Но юный герой не успокаивается, продолжает думать о часе смертном и «что-то щемит в сердце» его: стущаются внезапно недобрые приметы вокруг отца. Горкину приснился смутный, нехороший сон о том, как покойный Мартын-плотник «крест принес и поцеловал папашеньку»²², а самому Сергею Ивановичу приснилась гнилая рыба. В роду Шмелевых всегда перед тяжелой болезнью видели большую рыбу, «а тут еще гнилая!»²³ Все эти родовые приметы лишь укрепляют тревожные предчувствия Вани о приближении страшного испытания. Ни светлый праздник, ни попытки взрослых рассеять тягостные мысли добрым толкованием сновидений не избавляют юного героя от тоски и неопределенного ожидания чего-то ужасного, надвигающегося на семью. А дело в том, что Ваня уже «стал большим», он, в соответствии с традициями православного воспитания, должен узнать теперь не только Радость, но и Скорбь вслед за взрослыми, ибо в православном подходе к жизни все давно уже «хорошо прилажено»²⁴. Третья часть «Лета Господня» («Скорби») самим названием глав обозначает вехи духовного взросления Вани: «Святая радость», «Живая вода», «Москва», «Серебряный сундучок», «Горькие дни», «Благословение детей», «Соборование», «Кончина», «Похороны». Три первые главы посвящены

прощанию Сергея Ивановича с радостью земного бытия, в остальных повествует о его уходе в жизнь вечную. Сразу бросается в глаза читателю, что автор и его герои пытаются постигнуть причины ужасной беды, случившейся с Сергеем Ивановичем. В контексте третьей части повести «Лето Господне» заключен и ответ. Сергея Ивановича «понесла – сбросила» лошадь со значащим прозвищем Стальная. «Темный огонь» играл в глазу Стальной, «злой силой» назвал эту лошадь потрясенный случившимся Горкин. Условный план повествования, достаточно легко обозначенный в «Лете Господнем», казалось бы, дает основание читателю допустить такое, в духе волшебной сказки, толкование несчастья, приключившегося с Сергеем Ивановичем. Тем более сам он заметил, что даже природа, как в сказке, предупреждала его: «И хотелось скакать быстрее. А тут – стаями воробьи, все поперек дороги, с куста на куст... ну прямо будто скакать мешали, будто вот так все мне – «не скачи-чи-чи... не скачи-чи-чи!..»²⁵ Однако в случившемся есть другой смысл: Сергей Иванович по роду своих занятий нарушил традиционный неспешный распорядок жизни, соблюдавшийся прабабушкой Устиньей, дедом Иваном, предыдущими поколениями Шмелевых. Пересев с тихходной, но послушной Кавказки на быструю, норовистую Стальную, Сергей Иванович по-мальчишески увлекся погоней за делами, суетой мира временного, преходящего и стал уязвим для «злой силы». По сути дела западный, чуждый православному укладу русской жизни, прогресс сбросил со стального коня слишком мягкого сердцем, доброго, душевного хозяина-седока. Сергею Ивановичу предстояло до своей кончины почувствовать в случившемся нечто большее, чем случайное несчастье. В эпизоде с приездом к больному Сергею Ивановичу крестного Вани, богача Кашина, злая сила начинает недвусмысленно соотноситься в сознании юного героя с предпринимателем-купцом неправославного, жестокосердного поведения и образа мыслей. Кашин не одинок в своем жестокосердном корыстолюбии, за ним и с ним – определенная часть капитализирующегося по западным образцам духовенства, русского купечества и мелких предпринимателей. Характерна их почти чичиковская повадка, их стремление делать деньги, не брезгуя ничем: «А монашки мои... уж отходную тебе звонить хотели, обрадовались... вот богатый сорокоуст отхватим!.. и уж прознали, дошлые, как гробовщик Базыкин с аршинчиком у ворот вертелся... А ты вон всем им доказал, как... «со слепыми – да к такой!»²⁶ Кашин богохульствует, шутовски передразнивая слова молитвенного песнопения по усопшему, он чем-то напоминает Дикого из «Грозы» А.Н. Островского. Так же, как и в Диком, в Кашине теплится остаток совести: когда Сергей Иванович прямо говорит нежданному визитеру о злой радости, которую Кашин испытывает по поводу несчастья и болезни: «всегда чужой беде рад, сколько я примечал...

Кашин так и закипел – загремел:

– Примечал?... А чего ж не заметил, какая мне от тебя корысть, убило бы тебя?... С живого-то с тебя еще щетинку-другую вырву, а чего с тебя взять, как – «со слепыми – да к такой»? Блинов, что ль, я не видал?... ду-рак!..

Схватил парусиновый картузище и выкатился из дому.

Говорили – кучеру кулачищем по шее дал, – так, ни за что, здорово-живешь»²⁷.

РАЗДЕЛ IV

Кашин ведет себя как новоявленный Дикой: гремит-ругается, над «простым мужиком» изгаляется, «ндрав» свой тешит. Но в «Лете Господнем» таким богатеям-самодурам противостоит достаточно твердая нравственная сила в лице Горкина, самого Сергея Ивановича и его домашних, тот же час «почтивших» посрамленного Кашина такой песенкой:

«Железны лапы, огромны ноги,
Живой разбойник с большой дороги!»²⁸

Тут Кашин и впрямь начинает походить отчасти на медведя, разбойные набеги которого досаждают мужикам, отчасти – на душегуба, встреча с которым не сулит ничего доброго путнику на большой дороге. От это-то «разбойника», который «с живого и с мертвого дерет», не зная, что «...придет час – и на него страх найдется», Сергей Иванович отрекается не только как от негодя и кровопийцы, но и как от антиправославного человека, безбожника. Православная, бедняцкая, Москва сострадает отцу Вани искренне, бескорыстно, от доброты сердечной, душевной приязни, видя в Сергее Ивановиче не богатея-мироеда, ослепленного корыстолюбием, а защитника вдов, сирот, бедных: «Приходят с разных концов Москвы всякие бедняки и старинные люди, которые только по большим праздникам бывают. И они прознали, очень жалеют – сокрушаются, а то и плачут. Говорят – крестятся: «Пошли ему, Господи, выправиться, благодетелю нашему сиротскому!»... многие через всю Москву приплелись. И все-то советуют то-се»²⁹.

С этого момента вся народная Москва сопереживает Сергею Ивановичу, принимает живое участие в борьбе со смертельным недугом. Главы «Живая вода» и особенно «Москва» содержат яркие эпизоды, где народ пытается «остатнюю болезнь» снять со своего любимца. С самим Сергеем Ивановичем между тем происходит внутреннее преображение. Из нетерпеливого, строго-делового хозяина, вечно торопящегося, хлопчущего по многочисленным подрядам и рабочим площадкам отец Вани превращается в неспешного созерцателя мира Божьего, усердного богомольца: «Ежели , Бог даст, выправлюсь, вот мы тогда... пойдём к Преподобному!.. Пешком всю дорогу пойду, не как летось, на Кавказке... а все пешком, как божий народ идет...

– Всю дорогу будем молитвы петь, и Ванятку с собой возьмем... Хочу потрудиться, и душой, и телом. Господь с ними, с делами...»³⁰ С этим внутренним обновлением Сергея Ивановича совпадает обряд лечения «живой водой» в банях в будний, «непарный день», когда сбегается народ, узнав что добрый хозяин выправился, окачиваться живой водой приехал»³¹. Почти со всей Москвы, словно на пожар, сбегался народ, чтобы пожелать своему герою: «Слышь, Сергей Ваныч..., есть за тебя молитвенники, живи должей!..»³². Сам обряд лечения «живой водой» соединяет в себе элементы дохристианской обрядности и православного молитвенного омовения в целебной купели.

* * *

И.С. Шмелев выразил себя в один из наиболее драматичных для истории Отечества периодов как самобытный, глубоко православный, подлинно на-

родный писатель, страстно любящий Россию. Ему Божьим Промыслом суждено было не только испытать Чашу великих страданий, но и создать шедевр во имя будущего воскрешения души русского народа. «Городская» повесть И.С. Шмелева о детстве в родном Замоскворечье оказалась произведением, герои которого принадлежат двум культурам – городской и деревенской Руси. Дом Сергея Ивановича, Замоскворечье и вся Москва, связанная общностью нравственно-психологических стереотипов, свойственных православному укладу жизни, – это некое уникальное художественное пространство. В нем органично соединяются лучшие элементы крестьянской-демократической по своей природе – культуры с вековым опытом жизни русского человека в условиях города. Следствием такого пересечения двух культурных традиций является семейная артель Сергея Ивановича – прообраз общественного устройства той России, о которой мечтал Шмелев.

Примечания

¹ Шмелев И. С. Лето Господне. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 256–257.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 482.

⁴ Там же. С. 482.

⁵ Там же. С. 483.

⁶ Там же. С. 484.

⁷ Там же. С. 485.

⁸ Там же. С. 264.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ Там же. С. 262–263.

¹¹ Там же. С. 264.

¹² Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 152–153.

¹³ Шмелев И. С. Указ. соч. – С. 367.

¹⁴ Там же. С. 367–368.

¹⁵ Там же. С. 368.

¹⁶ Там же. С. 368.

¹⁷ Там же. С. 536.

¹⁸ Там же. С. 307.

¹⁹ Православный календарь для семейного чтения. СПб., 1994. С. 253.

²⁰ Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 153.

²¹ Шмелев И. С. Указ. соч. С. 496.

²² Там же. С. 497.

²³ Там же. С. 497.

²⁴ Там же. С. 497.

²⁵ Там же. С. 552.

²⁶ Там же. С. 547.

²⁷ Там же. С. 548.

²⁸ Там же. С. 548.

²⁹ Там же. С. 548.

³⁰ Там же. С. 553.

³¹ Там же. С. 561.

³² Там же. С. 561.

С. Ю. Иерусалимская
директор по маркетингу и рекламе
ООО «Нордстрой» (Ярославль)

**ЯРОСЛАВСКОЕ ВЫСШИХ НАУК УЧИЛИЩЕ
ВЕДОМСТВА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В исторической динамике формирования и последующей организации российского образования период начала XIX столетия следует рассматривать в качестве своеобразного, достаточно автономного в своем развитии этапа, когда система отечественного просвещения начала развиваться в общеевропейском русле. Результатом реформы системы образования, проведенной императором Александром I в 1803 – 1804 гг. в области высшего образования стало открытие в начале XIX столетия на территории Российской империи целого ряда высших учебных заведений – университетов: Дерптского (1802), известного еще со времен средневековья; Виленского (1803 г.); Казанского (1804 г.); Харьковского (1805 г.). В 1804 г. в столице из учительской семинарии был основан Главный педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет. В начале XIX столетия в стране продолжал успешно развиваться Московский университет.

Здесь следует отметить, что в рассматриваемый период университеты играли не только учебную, но и важнейшую научную, организационную и методическую роль в системе российского народного просвещения. Так в январе 1803 г. вся территория страны была разделена на шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский, во главе которых встали одноименные вузы с попечителями (последние выступали в качестве посредников между выборным ректором и министерством).

В дальнейшем число округов было расширено до восьми: к уже указанным прибавились Киевский и Белорусский. В последующие годы границы учебных округов неоднократно менялись. В 1804 – 1835 гг. именно университеты возглавляли учебные округа, разрабатывали учебные программы для начальной и средней школы, осуществляли инспекцию учебных заведений, преподаватели вузов активно участвовали в создании и написании учебников для всех типов школ. Таким образом, университеты являлись основной формой отечественного высшего образования в первой половине XIX столетия, на них были возложены функции учебно-методического и административного контроля над работой общеобразовательных школ, в то время как высшее руководство школой осуществляло МНП.

В первой четверти XIX в. государственная власть и МНП, осознавая недостатки своей образовательной политики, стремились расширить сеть учебных заведений на территории страны, сделав ее более разнообразной и доступной для различных социальных групп России. Особое внимание в данном вопросе правительство уделяло обучению молодежи с целью ее последующего поступления в отечественные вузы. Качественную профессиональную подготовку для молодых кадров здесь обеспечивали дворянские лицеи и другие высшие учебные заведения. Некоторые из этих учебных заведений могли приравняться к университетам.

Так, к университетам приравнивались привилегированные учебные заведения гуманитарного профиля – лицеи – Ришельевский в Одессе (1809 г.), Царско-сельский (1811 г.) и основанное на средства представителя известного рода промышленников, землевладельцев, благотворителей и меценатов П.Г. Демидова¹ в 1803 г. первое высшее учебное заведение в Ярославле. На организацию в Ярославле высшего учебного заведения П.Г. Демидовым было ассигновано сто тысяч рублей и пожертвовано 3.578 душ крепостных. В своем прошении к императору им было высказано пожелание, чтобы упомянутая денежная сумма составляла вечный капитал училища, а последнее пользовалось только процентами с него, употребляя эти средства на содержание «неимущих ярославских дворян и другого состояния людей».

Основную же часть дохода училище должно было получать в качестве оброка с приписанных к нему крепостных крестьян Демидовских вотчин Угличского уезда. Согласно уставу училища двадцать его студентов из числа «недостаточных» (т.е. нуждавшихся в финансовой помощи) лиц дворянского сословия находились непосредственно на иждивении училища, получая содержание из Демидовского фонда; остальные учащиеся содержались за счет собственных денежных вложений и считались «своекоштными». Перечень нуждавшихся в денежном вспомоществовании лиц ратифицировался основателем учебного заведения П.Г. Демидовым вплоть до его смерти в 1821 г. Он же положил начало комплектации библиотечных фондов книгохранилища Ярославского высших наук училища, преподнес в дар учебному заведению 263 экземпляра книг на различных языках. Помимо этого П.Г. Демидов содействовал организации ряда учебных кабинетов, на предоставленные им финансовые средства производились приобретения пособий, приборов, коллекционных собраний по флористике, а также камней и минералов².

6 июня 1803 г. вышел указ Александра I, по которому император, учитывая просьбу П.Г. Демидова учредил Ярославское высших наук училище, имевшее равную степень с университетами. 29 апреля 1805 г. состоялось торжественное открытие данного учебного заведения. Первый набор студентов численностью в одиннадцать человек приступил к занятиям в 1804/05 учебном году. При этом курс наук там был так называемый камеральный, т.е. используя современную терминологию, преподавалось хозяйственное и административное право. Уставом лицея определялось, что «главные познания для учащихся должны составлять науки юридические и камеральные». Последними охватывались экономические, финансовые и некоторые технические познания³.

По Университетскому уставу 1804 г. Московский университет возглавил Московский учебный округ, таким образом, первые двадцать лет своего существования Ярославское высших наук училище входило в ведомство Московского университета. Руководил училищем проректор, который выбирался из его профессоров. Совет Московского университета осуществлял непосредственный контроль над деятельностью руководителя Ярославского высших наук училища, который был ему подотчетен. Как указывалось выше, в начале XIX столетия университет являлся учебно-методическим центром и руководил всей учебной работой в отведенном ему округе. Для этого указанным вузом учреждался

Училищный комитет под председательством ректора в составе 6 ординарных профессоров. Комитет имел право отстранять от должности учителей училищ, а также представлять в Совет университета свое мнение о преподавателях уездных и приходских учебных заведений⁴.

С первых дней студенты обучались древнегреческому и латинскому языкам, математике, политической истории, политической экономики, праву естественному и народному (используя современную терминологию – международному), философии и химии. 1819 г. ознаменовался созданием традиционной для того времени кафедры богословия. Учебные планы были дополнены следующими предметами: французский и немецкий языки, рисование, фехтование, музыка и танцы. Профессорско-преподавательский состав училища включал в себя профессоров, адъюнктов, лектора иностранных языков, учителя музыки, танцев и фехтования⁵. Здесь следует отметить, что, согласно Уставу 1805 г., персонал Демидовского училища сохранялся в полном составе на протяжении порядка 20 лет (1808 – 1828 гг.). В указанное время штаты преподавателей данного учебного заведения насчитывали семь профессоров и шесть – семь учителей для занятий с пансионерами.

В первой трети XIX столетия влияние университетов на образовательную политику отечественной школы осуществлялось, прежде всего, через институт визитаторства. Проведение функции визитаторства представляло собой систематическую ревизию (не менее двух раз в год) профессорами вуза всех учебных заведений на территории вверенного их заботам округа⁶. В числе визитаторов, посещавших с целью учебных проверок Ярославское высших наук училище в первой половине XIX в., был профессор: Прокопович-Антонский (1809 г.)⁷ и др. Обычно одному человеку поручались две губернии, выдавались прогонные деньги, губернскому и учебному начальству предписывалось оказывать максимальное содействие в работе визитатора⁸.

В 1824 г. Московский университет потерял право контроля над функционированием Ярославского высших наук училища. Руководство теперь осуществлял не подотчетный университету проректор, а назначаемый директор. Последний также осуществлял руководство Ярославской гимназией и народными училищами губернии, в число преподавателей он не входил⁹. Первым директором стал статский советник и поэт М.А. Майков. После него руководство училищем перешло к магистру философии А.Ф. Клименко.

Ярославское высших наук училище являлось учебным заведением самого широкого профиля. Не случайно его выпускниками являлись кандидаты исторических, словесных, физико-математических и этико-политических, т.е. юридических, наук. Среди них были не только работающие по специальности, но даже деятели искусства. Например, Н.И. Филимонов, окончивший училище в 1821 г., создавал талантливые водевили и пьесы. Об их высоком уровне свидетельствует неоднократная постановка этих произведений на столичной сцене.

В то время в училище насчитывалось довольно внушительное количество студентов. В целом в статистических источниках начала XIX столетия, свидетельствующих о численности учеников в данном учебном заведении, приводятся следующие цифры. В 1809 г. количество учащихся Демидовского училища (сюда вклю-

чены студенты и пансионеры) насчитывало 28 чел., в 1810 г. оно увеличилось до 50 чел. и далее за период 1811 – 1812 гг. составляло 52 и 54 чел. соответственно. Затем отмечено некоторое уменьшение числа студентов: 1813 г. – 32 чел., 1814 г. – 32 чел., 1815 г. – 30 чел. А за период 1816 г. – 1824 гг. начинается уже непрерывное возрастание доли ученического состава: 1817 г. – 49 чел., 1818 г. – 52 чел., 1819 г. – 61 чел., 1820 г. – 75 чел., 1821 г. – 74 чел., 1822 г. – 75 чел., 1823 г. – 82 чел., 1824 г. – 80 чел. Затем происходит некоторый спад активности и появляются первые вольнослушатели: 1825 г. – 13 студентов и 3 вольнослушателя; 1826 г. – 67 студентов и 1 вольнослушатель; 1827 г. – 84 и 4; 1828 г. – 109 и 5¹⁰. О значимости данного учебного заведения говорит тот факт, что во время визитов в Ярославль императоров Александра I (август 1823 г.) и Николая I (ноябрь 1831 г. и октябрь 1834 г.), они неизменно посещали указанное учебное заведение. Всего за первую треть века число его выпускников составило 327 человек¹¹.

По уставу Демидовского училища, подписанному Александром I 28 января 1805 г., определялось, что Ярославское Демидовское высших наук училище занимало первую ступень после центральных университетов, в его кадровый состав входило семь профессоров и на факультеты не разделялось¹².

В задачи МНП в начале XIX в. входило всемерное содействие развитию целого ряда научных учреждений и обществ, часто создававшихся и работавших при отечественных вузах. Анализ комплекса источников свидетельствует об устойчивом увеличении численности подобных обществ, чья деятельность была направлена на изучение различных отраслей науки и проходила в стенах высших учебных заведений России. Следует отметить, что указанные научные организации появлялись и развивались не только под эгидой крупнейших университетов страны, их деятельностью были отмечены также региональные высшие учебные заведения империи.

Впервые Демидовское училище заявило о себе как о научном центре публикациями профессоров Г.Ф. Покровского, А.Ф. Клименко и студента Николая Коковцова¹³. Одним из признаков непрекращавшейся научной деятельности в профессорско-преподавательской среде Демидовского училища являлось создание в 1814 г. «Общества любителей российской словесности при Демидовском училище». Возглавляли общество, по разным источникам, профессор Г.Ф. Покровский, являвшийся также проректором данного учебного заведения¹⁴ и магистр свободных наук, писатель М.О. Ханенко¹⁵. В июне 1814 г. устав общества был утвержден министром народного просвещения, и оно официально открыло свою деятельность в здании Демидовского лицея. Как видим, профессорско-преподавательский состав вуза, подобно университетским профессорам, созданием указанного научного общества готов был всемерно содействовать «... возбуждению интереса к высшему образованию в местном обществе ...»¹⁶.

В конце 1820 – начале 1830-х гг. назрела необходимость реформирования университетской жизни и разработки ее законодательной базы. В этой работе участвовали представители Министерства народного просвещения, университеты, попечители учебных округов. В 1833 г. Ярославское высших наук училище было преобразовано в Демидовский лицей – высшее учебное заведение для выпускников гимназий. Данное школьное учреждение имело

РАЗДЕЛ IV

статус лица камерального профиля. В целом развитие Демидовского учебного заведения в первой трети XIX в. не являлось стабильным и претерпевало как подъемы, так и периоды стагнации.

Примечания

¹ См.: *Семенова А. В.* Демидовский временник. Исторический альманах // Российская история. № 5. 2008. С. 195 – 196; *Юркин И. Н., Козлова Н. В.* Демидовы против Демидовых // Вопросы истории. 2005. № 10.

² См.: *Егоров С. А.* «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997. С. 10; 18.

³ См.: Очерки истории высшей школы Ярославского края / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 2003. С. 14.

⁴ См.: *Сысоева Е. К.* Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 121.

⁵ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности. Ярославль, 1903. С. 45.

⁶ См.: *Сысоева Е. К.* Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII – начале XX в. С. 121.

⁷ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле... С. 37–48.

⁸ См.: *Сысоева Е. К.* Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII – начале XX в. С. 121.

⁹ См.: Очерки истории высшей школы Ярославского края. С. 15.

¹⁰ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле... С. 50.

¹¹ См.: *Егоров С. А.* Историческая судьба Ярославского высшего учебного заведения им. П. Г. Демидова // Человек в контексте эпохи. Личность. Культура. Образование. Ярославль, 2008. С. 7.

¹² См.: *Егоров С. А.* «На честное дело жизни». С. 13.

¹³ См.: Очерки истории высшей школы Ярославского края. С. 13.

¹⁴ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле... С. 51.

¹⁵ См.: Очерки истории высшей школы Ярославского края. С. 14.

¹⁶ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле... С. 54.

Ю. Ю. Иерусалимский
*Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова*

РАЗВИТИЕ СТОЛИЧНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В пореформенное время, традиционно определяемое периодом 60–90-х гг. XIX в., перед российскими столичными (Санкт-Петербург, Москва) и провинциальными городами раскрылись новые возможности. Решительные шаги вперед сделала строительная техника; стали применяться материалы, которые облегчили и ускорили строительство. Сама жизнь востребовала новые «жанры», что было связано с промышленным оснащением городов, развитием транспорта, с переменами в общественной жизни.

© Ю. Ю. Иерусалимский, 2009

Не только в столицах, но и в губернских и уездных городах строились вокзалы, магазины, театры. Осваивались свободные незастроенные районы, значительно расширялись границы застройки отечественных городов. Стоит отметить, что в пореформенное время значительно усилился рост крупных городов. Они заполнялись особняками промышленников и купцов, многоэтажными доходными домами, зданиями банков, торговых фирм, универсальных магазинов.

Стремясь извлекать максимальные прибыли из участков владельцы размещали на них как можно больше 4–6-ти этажных корпусов. Это же повлекло за собой размещение в нижних этажах доходных домов магазинов, складов, мастерских сдававшихся внаем. Смыкаясь друг с другом, доходные дома образовывали сплошной фасадный фронт. В условиях конкуренции застройщики стремились придать домам индивидуальный облик с целью привлечения большего числа клиентов. Таким образом, сложилась социальная подоснова новой тенденции в русской архитектуре, которая проявляла себя в стремлении к использованию различных стилей, т.е. к *эkleктике*.

Свобода выбора декора сочеталась с рациональным и экономным конструктивным планировочным решением. Эта особенность *эkleктической* архитектуры придавала ей общность и обуславливала единство в облике отдельных улиц¹.

Интерес к самобытности русского зодчества был неразрывно связан с ростом национального самосознания. В этот период в Москве в неорусском стиле с использованием приемов древнерусской архитектуры зодчим К.А. Тоном (1794 – 1881 гг.) было завершено многолетнее строительство храма Христа Спасителя в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. Храмы К.А. Тона имели большой успех и даже рекомендовались царским указом в качестве образца «на построение православных церквей».

В этом же стиле была построена архитектором А.А. Парландом церковь Спаса «на крови» на месте гибели от рук народовольцев императора Александра II в Санкт-Петербурге. Особенности неорусского стиля были присущи целому ряду известных архитектурных сооружений во второй столице рядом с Красной площадью - здание исторического музея (зодчий В.О Шервуд), Верхние торговые ряды (ныне ГУМ) архитектора А.Н. Померанцева и здание Московской городской думы, сооруженное Д.Н. Чичаговым.

Большое влияние на планировочную структуру городов России оказало стремительно растущее железнодорожное строительство. Города, расположенные на основных стальных магистралях, быстро росли. В случае рассечения городских кварталов железнодорожной линией на две части ограничивалось развитие главной улицы города и вдоль реки. Так, железнодорожная ветка, проходящая через Екатеринослав, расположенный в широком нижнем течении Днепра, разбила быстро увеличивающийся в пореформенное время город на две части. Вместе с тем на градостроительные процессы влияло и развитие пароходства, особенно в волжских городах (Царицын, Кострома, Ярославль, Рыбинск), где вдоль набережных вытянулись сплошные причалы и склады.

Важнейшим фактором для градообразующих процессов во второй половине XIX столетия была промышленность. Предприятия строились на окраинах, где земля стоила в несколько раз дешевле, чем в центре, по берегам, что отсекало жилые районы от воды и ограничивало возможности роста города вдоль рек.

Новый тип городской застройки в виде многоэтажного жилого дома внес существенные изменения в пространственную структуру улиц. Исчезли прежние композиционные акценты, которые в эпоху классицизма создавались дворцами и городскими усадьбами. Улица превратилась в сплошной коридор, прерываемый лишь перекрестками. Некоторые типы зданий, такие, как банки, пассажи, гостиницы, по внешнему облику были близки к доходным домам и вписывались в сплошной фон застройки улиц. К массовому типу застройки также относились земские больницы и школы, богадельни, приходские, уездные и городские училища, а также железнодорожные здания в небольших городах.

В отличие от них здания вокзалов, театров, музеев, городских дум, лицеев, университетов и других высших учебных заведений, строившихся в крупных городах, определяли их социокультурный облик². Именно эти здания отразили на себе смену архитектурных стилей на протяжении всей второй половины XIX столетия.

В конце XIX в. стиль модерн распространился по всему миру. В России модерн довольно быстро завоевал себе позиции, особенно в московском зодчестве, выработав на ранней стадии своего развития определенные принципы: построение архитектурного сооружения «изнутри наружу»; перетекание пространства из одного интерьера в другой; живописная композиция, отрицающая симметрию, определенная система декоративного убранства, построенного на соотношении гнутых форм и линий и т. п.

Модерн знаменовал собой использование новых технико-конструктивных средств, свободную планировку, необычный архитектурный декор, своеобразную форму оконных проемов. Наиболее талантливым архитектором, работающим в этом стиле был В.О. Шехтель (1859 – 1926 гг.). В 1900 г. В.О. Шехтель построил один из лучших образцов стиля модерн – особняк А.Н. Рябушинского в Москве. Деятельность выдающегося зодчего ярко продолжилась в начале XX в.

Таким образом, формирование столичных и провинциальных городов России пореформенного периода отличалось богатством стилей и разноплановостью. Успехи отечественной архитектуры определялись ростом капиталистических отношений, появлением новых строительных материалов и принципов градостроительства, связанных с быстрым развитием крупной промышленности и транспорта во второй половине XIX столетия.

Примечания

¹ См. подробнее: *Борисова Е. А.* Русская архитектура второй половины XIX в. М., 1979.

² Подробнее о принципах градостроительства в России второй половины XIX в. см.: *Саваренская Т. Ф. и др.* История градостроительного искусства. М., 1989. С. 263–294.

С. В. Рябинцев
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

**ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ В КРЕСТЬЯНСКИХ
ХОЗЯЙСТВАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В представлении современников главным крестьянским орудием обработки почвы была соха, и только в богатых хозяйствах пользовались железным плугом, но перечень земледельческих орудий можно продолжить.

Орудия обработки почв были разнообразны, они зависели от местных природных условий, от выращиваемых культур, от качества земли, от количества скота, от материального положения землепашца и от многих других факторов. Одним из важнейших трудов по исследованию крестьянских орудий обработки почвы являются труды Д.К. Зеленина¹. Он разделял орудия пахоты на три типа, в зависимости от действий орудий на почву. К первому он относил черкающие орудия, которые только бороздили землю, ссылая ее по обе стороны борозды. Другой тип – пашущие орудия – делали не только борозду, но и сгребали почву с помощью полицы в одну сторону. Третий тип – орущие орудия – подрезали пласт почвы сбоку и снизу и с помощью двух режущих приспособлений и опрокидывали его дерном вниз². Так же важными для нас являлись исследования: труд института этнографии СССР «Русские. Историко-этнографический атлас», определитель – «Хозяйство и быт русских крестьян» и монография Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»³.

В нашей работе были использованы не только словесные источники – опубликованные и архивные документы, но и источники из фондов Костромского музея-заповедника: изобразительные – фонды «Графика», «Фото-фоно-кино документы»⁴. Часть из этих источников вводятся в научный оборот впервые.

Соха – это одно из древних орудий пахоты. Название свое соха получила от жерди с развилиной, называвшейся «сохой». В разных районах соха имела различное устройство в зависимости от различия почв и рельефов, систем земледелия и этнических традиций, степени богатств хозяев и свойств разводимых растений. Соха состояла из следующих частей: 1. Рассохи с сошниками, являющимися основной рабочей частью орудия; 2. оглобель для припряжки рабочего скота; 3. Рукоятей для управления; 4. Подвоев, соединяющих рассоху с оглоблями; 5. и полицы⁵. (рис. 1).

По числу сошников сохи были двузубые, однозубые и многозубые, по форме сошников – коловые с узкими и перовые с широкими сошниками. По полицам (видам отвалов) они разделялись на перекладные (двухсторонки), у которых полицу можно было переставить с одного сошника на другой, и односторонки – с неподвижной полицей или отвалом, укрепленным на одном сошнике⁶.

Русский крестьянин считал соху своей кормилицей и ласково называл ее «Андреевной». Полюби Андреевну, будешь с хлебом», - гласит народная пословица⁷.

Железные ральники обыкновенной русской сохи, даже перовые, были относительно узкими: ширина их была обычно 18 см. Было подсчитано, что, для того чтобы вспахать при этой ширине ральников один гектар земли, пахарь с лошадей и сохой должен проделать путь в 58 км⁸.

Крестьянин при помощи сохи выполнял различные работы, для которых позднее появились специальные земледельческие орудия. При подъеме нови и при первой вспашке (взмете) соха делала работу, которую обычно выполнял плуг, при двоении и троении – работу рала и скоропашки; при заделке семян выполняла функции запашника, иногда и бороны. Сохой запахивали навоз и пропахивали картофель, как пропашником. На огородах соха заменяла окучник. Она часто и мелко пропахивала поле, и оно не зарастало пыреем. В северных районах при обилии влажных почв землю весной поднимали поздно, так как она долга не высыхала. Соха разрыхляла землю и отбрасывала ее на сторону, что способствовало просыханию почвы, а концы сошников бороздили подпочву. Сохой можно было пахать на самых узких и тесных участках, причем для работы ею требовался только один человек и одна лошадь.

Но при всей своей универсальности у сохи были существенные минусы. По своему устройству, она принадлежала к самым неустойчивым пахотным орудиям; соха состояла из отдельных деталей и при смене погодных условий, могла рассыпаться на части. Ее нужно было налаживать чуть ли не на каждой борозде. Ее единственная точка опоры в передней части сошника заставляла пахаря напрягать всю силу и внимание за правильностью хода, и, несмотря на это, она все же ковыляла или ныряла⁹.

Черкуха однорогая – соха с одним сошником и двумя отвалами – крыльями – по сторонам его; употреблялась для пропашки и окучивания растений. Для облегчения управления этим орудием оглобли укреплялись не в рукояти, а в центре рассохи (одна в центре, другая у его левого бока). Рукояти с перечнем соединялись дополнительными планками. Перо сошника черкухи имело вид пластины, заостренной в центре переднего края и симметрично округленной по сторонам¹⁰.

В Костромской губернии в XIX – н. XX вв. для пропахивания и окучивания растений употреблялась **распашка** – орудие, очень близкое к однорогой черкухе. Сошник распашки был трехгранным, с выступающим в середине ребром, крылья делались более широкими, а оглобли соединялись в нижней ее части, непосредственно над отвалом. Данный тип орудия является усовершенствованной однолемешной сохой.

Отрез являлся дополнительным, отдельным подсобным орудием, применявшимся на подсеке и на тяжелых или заросших корнями почвах. Вместо сошника у отреза был толстый железный нож или косарь, насаженный острым ребром вперед. В отрез запрягали одну лошадь. Это орудие служило для вертикального разрезания земли на пласты, которые горизонтально подрезались идущей позади резака сохой. Отрезом нельзя было провести прямую черту, так как малейшее отклонение лошади от борозды и резкое давление пахаря на рукоятки и резкое давление пахаря на рукоятки изменяли его направления. На лесосеке резак обходил крупные пни и легко выпаживал мелкие. Он применялся иногда и

при трехполье как вспомогательное орудие, шедшее перед сохой при вспашке очень плотных почв. Употребляли его и при подъеме новина твердом грунте, когда после чертежа шла косуля.

Многолемешная соха являлась вспомогательным орудием обработки почвы. В Ярославской и Костромской губерниях многолемешные сохи имели длинные прямые ноги с узкими остроконечными сошниками, симметрично округленными по сторонам. Употреблялись они для двоения земли, чтобы сократить время работы, так как делали борозду в 1,5 раза шире обычной. Трехзубой сохой – черкушей без отвала в Костромской губернии перепашивали поля после пахоты косулей¹¹.

Улучшенными двузубыми сохами были **сохи-односторонки**. У костромских и ярославских односторонок оба ральника были установлены горизонтально, но левый край (перо) левого ральника был загнут вверх под углом немного больше правого. Этот загнутый край служил резцом, т.е. подрезал пласт сбоку. Для отваливания пласта у этого типа сохи, часто прикрепляли с правой стороны, кроме полицы, отвал – маленький деревянный, называвшийся крылом.. Крестьяне называли ральник с брылой мужичок, а правый горизонтальный ральник – жонка, баба¹². Преимущество усовершенствованных сох перед обычной сохой было в том, что они пахали глубже и брали пласт шире, лучше истребляли сорные травы и разрыхляли землю, были более производительны в работе. Недостатком их являлось быстрое изнашивание, дороговизна и большая тяжесть для слабосильной крестьянской лошади¹³.

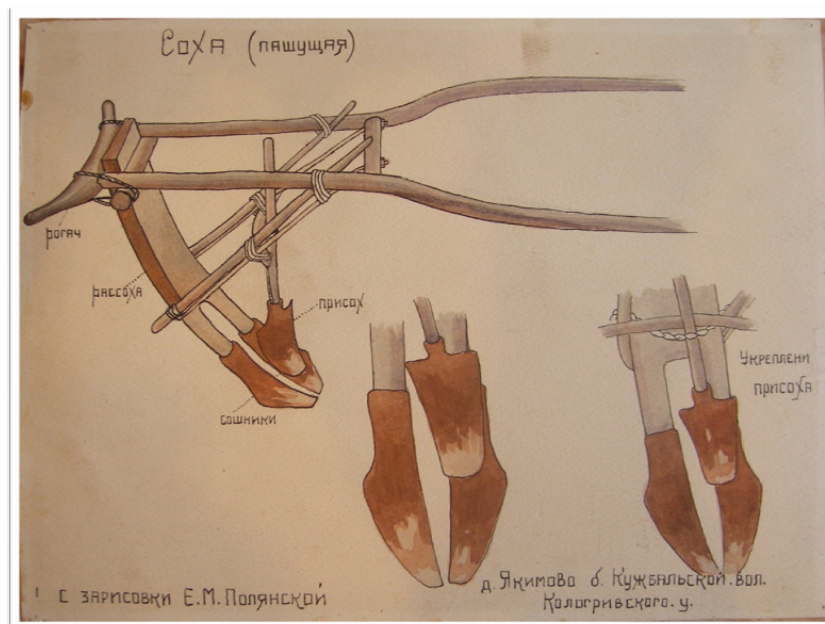

Рис. 1. Соха (пашущая). КГИАХМЗ. – Фонд «Графика» – КОК. 14151/10

Косуля была наиболее усовершенствованное орудие сошного типа. Как считал Д.К. Зеленин свое название она получила потому, что русский народ называл косулями косые, т.е. асимметричные предметы и те существа, у которых одна половина туловища не соответствует другой¹⁴. От сохи она отличалась тем, что вместо двух сошников имела один большой лемех. Косуля была снабжена отдельным резцом в форме длинного ножа, поставленного впереди лемеха, и отвалом. Резец обычно укреплялся в левой оглобле и подмоге. У простейших косуль отвалом являлась плоская доска; более совершенные отвалы имели винтообразный изгиб, позволявший не только отваливать, но и переворачивать пласт дерном вниз. Это ускоряло процесс гниения дерна и запаханного навоза¹⁵. Косуля в большинстве крестьянских хозяйств Костромской губернии являлось орудием «орки» пашни под все хлеба. Ее использовали на тяжелых и целинных землях¹⁶. На Севере России наибольшее распространение получили косули двух типов: косуля костромская и косуля ярославская.

Костромская косуля имела более простое устройство: рассоха ее представляла собой слегка искривленную деревянную пластину на конец которой, одевался лемех с выпуклым острием, вогнутый в средней левой части с таким расчетом, чтобы давать направление подрезанному пласти направо, на деревянный отвал. Плоскость отвала незаметно соединялась с плоскостью лемеха, а винтообразный изгиб позволял отваливать и переворачивать пласт земли дерном вниз. Резец состоял из железного ножа с трубноцей для одевания на деревянную рукоять, острие его имело кривую вогнутую линию. Для упряжки в косулю достаточно было одной лошади, чтобы вспахать землю на глубину 3–4 вершка (13–16 см.), в то время как плуг требовал двух лошадей при глубине вспашки более 5 вершков (около 23 см.)¹⁷.

Косуля ярославская делалась с более прочным корпусом, так как ее «лапа» соединялась с перечнем оглобелей, изогнутым деревянным брусом. Лемех и отвал устанавливались более круто, чем у костромской косули, что давало большую глубину вспашки, но требовало дополнительной тягловой силы. Поэтому в ярославскую косулю со стороны левой оглобли иногда припрягалась и вторая лошадь. **Межеумок** – разновидность этой косули – отличалась выгибом не правой, а левой оглобли, отчего лошадь шла по непаханному полю. Поэтому для лошади эта косуля была наиболее легкой. В Ростовском уезде Ярославской губернии косуля называлась **самолет**, она отличалась большей легкостью и лучшей отделкой всех частей. Запрягалась она одной лошадей с дугой. Другими разновидностями ярославской косули были так называемые «орало» и «коза». Существенным отличием их было то, что оглобли прикреплялись к нижней части рассохы, причем у орало они у основания соединялись вместе и вставлялись в одно отверстие, а в козе прибавались к боковым сторонам рассохы. Близким к этому орудью был и **полукосульник**, отличавшийся более узким остроконечным лемехом и отсутствием отвала. В Костромской и Ярославской губерниях косули изготавливали кустари по заказу, но большей частью – на рынок¹⁸.

Районы распространения ярославской и костромской косуль не были связаны с их названием, так как в этих губерниях встречались оба типа в различных вариантах конструкций¹⁹.

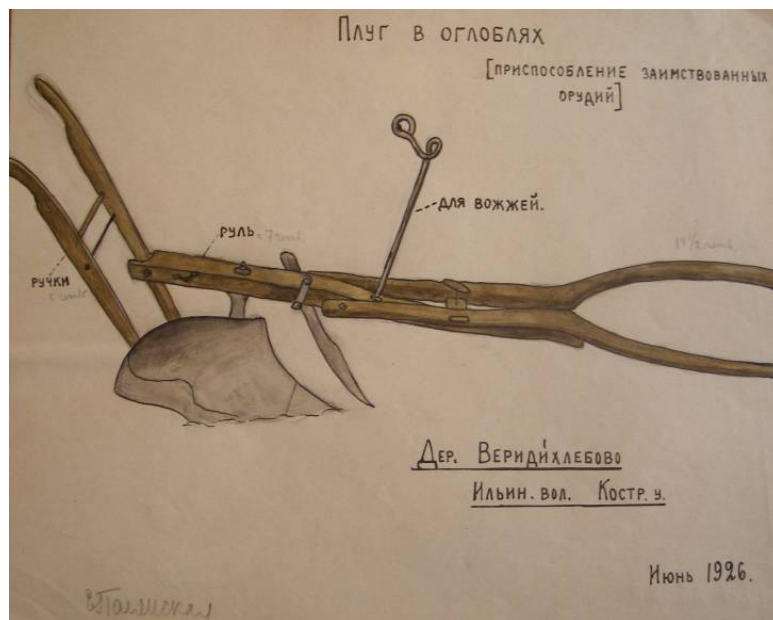

Рис. 2 Плуг в оглоблях. КГИАХМЗ. – Фонд «Графика». – КОК 28356

Самым большим недостатком всех косуль являлось отсутствие полоза, вследствие чего они не могли идти постоянно по прямой линии и пахать на определенную глубину. Пахарю приходилось затрачивать много сил, чтобы хорошо пахать косулей.

Плуг. У крестьян большею частью были легкие однолемешные одноконные плуги. Из заводских плугов были распространены беспердковые, с деревянным грядилем и ручками плуги (рис. 2). Кроме заводской выделки плугов, было развито и кустарное производство их. В Ярославской губернии поучили известность так называемые мышкинские плуги, производившиеся в Мышкинском уезде. Большую роль, в распространении плугов среди крестьян, сыграло земство. Оно устраивало для крестьян сельскохозяйственные склады и прокатные пункты²⁰. На складах были самые разнообразные орудия, в том числе импортного производства: плуг «Эккерта», плуг «Липгарта»²¹. Деятельность земства в данном направлении была успешна, так например к 1913 г. в большинстве крестьянских хозяйств Великовокой волости Солигаличского уезда Костромской губернии были собственные плуги, а в некоторых хозяйствах и не по одному²². Но при этом крестьяне часто переделывали заводские плуги. Вот, что о таких случаях писали земские агрономы: – «Результат такого «рационального» усовершенствования получился такой, что устойчивый и плавный в работе плуг сделался орудием сходным по действию с самой плохой косулей...»²³.

Рассмотренные нами виды пахотных орудий были распространены в хозяйствах костромских и ярославских крестьян в к. XIX н. XX вв. Большое разнообразие

РАЗДЕЛ IV

их свидетельствует о стремлении приспособить эти орудия, как к географическим особенностям местности, так и к экономическим возможностям отдельных крестьянских хозяйств. Они показывают большую изобретательность русского крестьянства, умевшего соединить в одном орудии рабочие достоинства с дешевой и простотой его устройства.

Примечания

¹ Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907; *Он же*. Восточнославянская этнография. М. 1991.

² *Он же*. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. С. 13–14.

³ Русские: историко-этнографический атлас. – М., 1967; Бежкович А. С. Жегалова С.-К. Лебедева А. А. Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян: памятники материальной культуры: определитель. М., 1959; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

⁴ Использована классификация источников, предложенная С.О. Шмидтом (*Шмидт - С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1985. Т. 16. С. 3–24).

⁵ Бежкович А. С. Жегалова С. К. Лебедева А. А. Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян: памятники материальной культуры: определитель. М., 1959. С. 6.

⁶ Полянская Е. Программа по собиранию сведений об орудиях земледельческого труда. Кострома, 1928. С. 1–3.

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1956. С. 248.

⁸ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М. 1991. С. 46.

⁹ Соха // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 61. Репр. воспр. текста изд. 1890 г. Ярославль: Терра, 1992.

¹⁰ Бежкович А. С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. С. 12.

¹¹ Русские: историко-этнографический атлас. С. 40.

¹² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М. 1991. С. 40.

¹³ Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 40.

¹⁴ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 49.

¹⁵ Бежкович А. С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. С. 16.

¹⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004 С. 294; 378.

¹⁷ Бежкович А. С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. С. 17.

¹⁸ Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО), ф. 485, оп. 2, д. 12, л. 64–65.

¹⁹ Бежкович А. С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. С. 18.

²⁰ Государственный архив Костромской области, ф. 133, оп. 2, д. 11687, л. 8; ГАЯО, ф. 485, оп. 2, д. 1208, л. 4 об.

²¹ Доклады к очередному уездному земскому собранию сессии 1916 года по агрономическо-экономическому отделу. Кострома, 1916. С. 58–62.

²² Материалы для характеристики положения сельского хозяйства в Костромской губернии. Кострома, 1913. С. 47–48.

²³ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1900 года. Кострома, 1900. С. 32.

Н. А. Розанова

Галичский индустриальный колледж

РАЗВИТИЕ ОТХОЖИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОМЫСЛОВ В ГАЛИЧСКОМ УЕЗДЕ

В Галичском уезде Костромской губернии широкое распространение получили строительные отхожие крестьянские промыслы.

История развития отхожих промыслов в Галичском уезде уходит своими корнями в 17 век. Смута в России в начале 17 века привела к полному запустению пахотных земель. «А в тех пустошах по книгам пашни лесом поросло в кол и жердь и в бревно... в том поместье и всей... волости и около тое волости верст по двадцати и по тридцати и по сороку... пусто, все лесом поросло»¹. К 40м годам 17 века состояние земледелия в Замосковном крае (это территория, окружавшая столицу государства, куда входил и Галичский уезд) улучшается. Чтобы увеличить доходы, помещики заменяют барщину оброком, который крестьяне вносят натурой. В дальнейшем видное место занимает уже денежный оброк. В это время развиваются отхожие крестьянские промыслы. Местами отхода были города, особенно Москва, и судоходные реки – Волга, Ока.

Развитию отхожих промыслов способствовала практика принудительной отправки крепостных крестьян в различные пункты страны для выполнения строительных работ по сооружению городов и укреплений. Из Галичского уезда на постройки военных укреплений отправлены были крестьяне усадьбы Волженских «Окольные и тутошные люди привлекались к сооружению засек в Смоленской области на литовском рубеже в начале пятидесятих годов 17 века – в то время, когда М.М. Волженский нес службу по охране этого рубежа»². Население Галичского уезда давало даточных людей на городовое и острожное дело. Городские и острожные повинности способствовали укреплению и развитию строительного мастерства. Галичские плотники, каменщики стали известны далеко за пределами края. Их набирали для строительных работ в Москву, а позднее в Петербург.

Еще в 18 веке в Санкт-Петербурге появились выходцы из Костромской и Ярославской земли – не по собственному желанию. Известен указ Петра I «О плотниках на Охту». Согласно этому указу в Петербург должны были прибыть 350 семей в «новопостроенные дома». Их должны были набрать «...на Тосьме у Соли Вычегодской, в Чаранде, в Пошехонье, у Соли Галицкой, из Галича и с пригородов»³. В этом документе названы совершенно конкретные местности. Это, видимо, говорит о том, что их жители еще раньше зарекомендовали себя, как мастера своего дела. В указе оговаривалось, что для мастеров и их семей не только построены дома, но и «...для овоща и огороды им вспаханы», а как только они придут в Санкт-Петербург, «...то сверху того дается им на ссуду по 2 рубли денег, да по 3 четверти муки на семью»⁴.

Существует предание о том, что сам Петр Великий выписал для охтинок холмогорских, голландских и других породистых коров, чтобы они снабжали новую столицу молочными продуктами. Скорее всего, так было на самом деле, потому что есть указ Петра I о наделе охтян огромным количеством выгонной земли.

РАЗДЕЛ IV

Новых мастеровых называли «охтинские переселенцы», «переведенцы», «мастеровые вечно житья». Столице нужны были рабочие руки разных специальностей. Отход крестьянского населения края в города на заработки и отрыв его от земледелия в 18 в. значительно возросли.

По интенсивности отхода выделялись северо-западные уезды Костромской губернии. «Если восточные уезды Костромской губернии были главным образом земледельческими, южные и юго-западные (Кострома, Красное, Нерехта) – как земледельческие и мануфактурно-фабричные с полуоседлым населением, то население северо-западных лесных и земледельческих уездов (Галич, Солигалич, Чухлома, Буй, отчасти Макарьев, Кологрив) все больше превращались в кочевое: от апреля до покрова – Питер, зима – родное гнездо»⁵.

В 1790-1805 годах в Солигаличском уезде уходило на заработки более 20% мужского населения, в Галичском и Кологривском – 10%, в Нерехтском – 5%.

«С середины 18 в. галичские крестьяне толпами уходят в большие города на строительные работы, главным образом в новую столицу России – г. Петербург: их стали называть питерщиками. Крепостной труд на здешних малопродуктивных землях давал ничтожный доход дворянству. Поэтому помещики постепенно переводили крестьян с барщины на оброк. Чтобы добыть деньги для его уплаты, крестьяне работали в городах плотниками, печниками, кровельщиками, малярами, стекольщиками. По единодушному свидетельству местных источников «галичане приобрели славу лучших плотников в России»⁶.

Рост ухода на заработки приводил к сокращению запашки, упадку сельского хозяйства. В описаниях Костромского наместничества говорится: «Проезжая по наместничеству, весьма много найдешь полей оставленных, заросших лесом и кустарниками... Великая часть жителей выходит для промыслов своих в столицы и разные наместничества...»⁷.

В течение 19 века и в начале 20 века, количество крестьян, уходящих на различные строительные промыслы в крупные города, растет. О резком увеличении отхода на заработки, выявившемся после отмены крепостного права, говорят цифры выбранных по губернии паспортов и билетов: в 1857 г – 96,2 тыс., в 1880 году – 162,7 тыс., в 1910 году – уже 276,4 тыс. паспортов и билетов. По переписи, произведенной в Петербурге в 1864 году, среди жителей оказалось 13 358 уроженцев Костромской губернии, что составило 4% от всего населения города. Особенно высоким оказался процент костромичей среди разного рода рабочих строительных профессий: среди плотников 46%, печников – 25%, маляров – 46%, столяров – 19,2%.

«Отсутствие летом мужского населения сказалось при проведении переписей населения. В 1897 г. в Галичском уезде насчитали 97 106 человек. Когда же несколько лет спустя учли и отходников, цифра эта составила более 137 тысяч»⁸.

В 1910 г. на 100 душ мужского населения в Галичском уезде 51 человек уходил в отход. Практически, это означало почти поголовный отход активного мужского населения на неземледельческие заработки, а сельское хозяйство стало делом женщин, стариков, детей. Северо-западные уезды получили название «бабьей стороны», так как все заботы о деревенском хозяйстве ложились на плечи женщин.

В Шокше, пригороде Галича, 76% крестьянских хозяйств были связаны с отходом, хотя здесь были кожевенные заводы, а рядом озеро с рыбным промыслом. В составе рабочих кожевенного производства Шокши преобладали не местные жители, а выходцы из Вятской и Вологодской губерний.

В строительстве укоренилась артельная форма организации труда. Артель – это добровольное объединение людей для совместной деятельности с участием в общих доходах и общей ответственностью на основании круговой поруки. В 1866 г. костромичам в Петербурге принадлежали 34 артели из 118.

Подрядчики-галичане всегда старались организовать свою рабочую артель из своих однодеревенцев, знакомых, в крайнем случае, из галичан.

Отходники строительных специальностей имели следующие заработки: в 80гг. 19в. средний плотник за сезон получал 50-60 рублей, плохой плотник от 30 до 40 рублей, ученик 16–17 лет от 10 до 20 рублей. Столяр зарабатывал от 70 до 90 рублей. В 1907–1908 гг. плотники Буйского, Галичского, Солигаличского, Чухломского уездов за летний сезон получали от 80 до 150 рублей.

Сын рабочего Шокшанского кожевенного завода Алексей Николаевич Соловьев-Нелюдим в 12 лет был отправлен в Петербург обучаться малярному делу. В своем очерке «Питерщики-галичане» он подробно описывает труд и быт малярно-живописного цеха галичан-отходников в северной столице. Отец отдавал своего 12-летнего сына в учение к подрядчику на 4 лета, т.е. 3,5 года. Все это время хозяин считал ученика почти, что своей собственностью «Составлялось домашнее условие между отцом ученика и подрядчиком, с момента которого ученик окончательно закабался в чуждедельную сторонушку. Условие обязывало ученика прослужить подрядчику верой и правдой 4 лета и 3 зимы. По окончании срока подрядчик обязывался купить ученику приличный костюм, пальто, шапку, сапоги с галошами, 2 пары белья и наградить деньгами в сумме от 30 до 50 рублей, часть из которых немедленно забиралась родителем авансом на сборы сына»⁹. Город встречал ученика неприветливо. Первое лето ученик в основном проводил на хозяйской кухне и выполнял грязную работу в малярной кладовой – растирал краски, чистил малярную посуду, мыл кисти. Во второе лето он знакомился с профессиональной работой. В третье лето ученик работал как подмастерье и заменял хозяину взрослого рабочего. В последнее лето обучения ученик заменял хозяину уже хорошего подмастерья.

Пройти путь от подмастерья до подрядчика – мечта многих отходников, но лишь немногие ее добивались. Подмастерье обучал вверенных ему хозяином учеников. Следующий шаг – мастер. Среди отходников Галичского уезда было немало высококвалифицированных мастеров малярно-живописного цеха. Они, в отличие от подмастерьев, выполняли более легкую и чистую работу внутри лучших ремонтируемых помещений. Следующий шаг наверх по карьерной лестнице – работа десятника. Его роль была руководящей. Десятник распределял работу, выдавал материалы. Он – правая рука хозяина. И, наконец – подрядчик. Это лицо, которое занималось работами по подряду, т.е. договору. Некоторые подрядчики, начав с малого дела, поднимались до больших высот. Они распоряжались сотнями и тысячами рабочих. У подрядчика-середняка насчитывалось 50–60 постоянных рабочих. Так называемые кустари (мелкие подрядчики)

имели в своем распоряжении 5–10 человек, в Петербурге их не ценили и крупных дел не доверяли.

«Среди отходников-галичан были настоящие мастера своего дела. В семьях потомков отходников сохранились сведения о работе предков в царских дворцах. Так в семье Ольги Андреевны Смирновой из Костомы Галичского района бытует легенда о том, что прадед мужа, Василий, и его брат Филипп, были уроженцами деревни, расположенной недалеко от села Молвитино Буйского уезда. Они приходились родственниками Ивану Сусанину, но при раздаче царских милостей их обошли вниманием. Обидевшись, братья переехали в д. Андронову Галичского уезда. До переезда они имели фамилию Рыковы, а на новом месте их стали называть «Новая Жила», отсюда и пошла фамилия Новожиловы. Оба брата ходили в отход. Филипп – плотником и резчиком, Василий – паркетчик. Братья были порекомендованы для перестилки паркета в Зимнем Дворце. Царь Николай наградил их за работу золотыми червонцами и пожал руку. Из одного червонца было сделано кольцо, которое передается всегда старшему сыну»¹⁰.

Среди отходников были люди, которые добились в своем деле огромных высот. Среди людей, создававших красоту и славу города на Неве был галичанин Всеволод Иванович Яковлев. Он был сыном крестьянина. Родился в 1884 году в д. Починок Галичского уезда. Окончил в с. Унорож начальную школу, и в 12 лет с отцом уехал в Санкт-Петербург. Талантливый подросток поступил в Рисовальную школу Императорского общества Поощрения художеств, одновременно работая по отделке и росписи залов Адмиралтейства. Вскоре его взял помощником для контроля за исполнением работ архитектор А. Хренов. В 1902 году Яковлев окончил Рисовальную школу, под дипломом о награждении его серебряной медалью стоят подписи известных художников: Е. Сабанеева, А. Куинджи, А. Бенуа, Н. Рериха. Экстерном, закончив гимназию, наш земляк поступает на архитектурный факультет Академии художеств.

Под руководством академика В. Сулова он занимался копированием фресок 14 в. в Софийском соборе и с. Володове, делает обмеры, чертежи и рисунки Патриарших хором в Великом Новгороде.

Сразу после Октябрьской революции он был назначен главным хранителем Царскосельского и Павловского парков, покинутых царской семьей.

В 20е годы он работает по организации музейного дела. Он разыскал, собрал и передал в фонды музеев до 5 тысяч художественных произведений, свыше 30 тысяч антикварных и редких книг.

Всеволод Иванович с 1930 г. переходит на преподавательскую работу в Ленинграде, преподает в училище им. Мухиной, Академии художеств, в Институте Коммунального хозяйства, одновременно совмещая ее с архитектурой на практике. После Великой Отечественной войны он участвует в работе по восстановлению города и его окрестностей. Совместно с однокашником по Академии В. Лишевым создает памятники, которые установлены в Ленинграде: В.Г. Чернышевскому на Московском проспекте, К.Д. Ушинскому возле педуниверситета, А.С. Грибоедову у ТюЗа и А.С. Пушкину у Египетских ворот.

Отход крестьян в города было явлением прогрессивным. О.В. Смурова отмечает, что отходники везут с собой новые представления об устройстве жизни.

Дома трезвых, серьезных отходников меняют внешний облик. Они становятся больше по размеру. Увеличивается жилая часть дома за счет возведения мезанинов, перепланировки жилища. Большое внимание уделяется декору дома. Стреления украшаются резьбой, окрашиваются в яркие цвета. По внешнему виду дома приближаются к городским. Например, в деревне Костома братья Новожиловы возвели по собственному проекту красивый и просторный дом.

В домах отходников появляются керосиновые лампы, самовары, граммофоны, передвижная мебель: столы, стулья, кровати, комоды, диваны.

Выход замуж за отходника вселял надежду на достаток и социальное восхождение.

Знаком достатка была одежда отходника. Крестьянин, приезжая в город, стремился как можно скорее приобрести городскую одежду. Если в городе одинаковая одежда с местными жителями вселяла уверенность и комфорт, то в деревне возможность похвалиться одеждой вселяло чувство превосходства над односельчанами. Одежда была знаком достатка, способности юноши зарабатывать деньги и содержать семью. Члены семей отходников также стремились одеваться по-новому. В 80х гг. 19 в. девушки и женщины Рылеевской волости Галичского уезда носили сарафаны и платья ситцевые, полушерстяные и полшелковые, рубашки праздничные из ситца и колленора. Одежду шили у городских портных по картинке.

Очень интересную картину зимнего базара в Галиче рисует в своей книге известный русский книгоиздатель С. Сытин. Приехавшие из столиц питерщички «...наряжаются во все наряды, которыми наградила их столица, начиная от сбруи лошади до модного ботинка; жены подрядчиков-маляров пестрят шляпами, блестят золотом и шуршат шелком, бархатом и хорошими мехами. Непременным законом для молодого «питерщичка», желающего жениться, считается главным иметь лисью шубу, часы и приличный костюм. Почему-то здесь предпочитается лисий мех; если у жениха и дорогая барашковая шуба, ее не считают достойной внимания и приписывают это несостоятельности жениха».¹¹

Конечно, не все отходники достаточно зарабатывали, чтобы в их отсутствие хозяйство в деревне оставалось крепким. Чтобы отправить домой нужные средства, многие жили более чем скромно. «Галичане ютились в углах, платя от 1.80 до 2-х рублей в месяц. Обед маляра: полфунта колбасных обрезков ценою в пять копеек, один фунт черного хлеба или же трехкопеечной селедки с хлебом и чаем. Обычный расход скромного и выдержанного маляра составлял 30 копеек в день. На эти деньги он еще покупал табак и три раза в день пил чай, а отдельные из них умудрялись жить на 20 копеек в день, чтобы побольше сэкономить на деревенскую нужду. Но были и такие, кто проживал 50 копеек в день».¹² Некоторые пропивали все заработанные деньги, им не с чем и не на что было ехать домой. Они оставались в городе, а их родственники в деревне переживали, страдали от нужды.

В целом, отход крестьян на заработки в город можно считать явлением прогрессивным в плане повышения их грамотности и приобретения культурных привычек и потребностей. Н. Верховский в очерке «В лесном Заволжье» анализирует работы земского врача и писателя из Костромы Д.Н. Жбанкова «Бабья сторона» и «Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии. «В «Бабьей стороне» Жбанков подчеркивает, что процент

РАЗДЕЛ IV

грамотных мужчин в отхожих уездах (Галич, Чухлома) составлял 55,9%, в фабричных – 34%, а в оседлых (лесных) и того меньше – 28,5%»¹³

Первая мировая война, революции и гражданская война сократили развитие отхожих промыслов крестьянского населения до минимума. Но уже в 1924 году количество уходящих на заработки достигло 30%, а в 1925 году – почти половины уровня 1910 года. Подавляющее большинство отходников были строительные рабочие – плотники, маляры, каменщики. Строительные рабочие уходили из всех уездов, но особенно много из Галичского, Чухломского, Солигаличского. Преобладал весеннее-летний отход (в этот сезон уходили на заработки около 70% всех крестьян). Искать работу на стороне их заставляли крайне низкая доходность раздробленных мелких хозяйств с их низким уровнем агротехники, стремление поднять свой жизненный уровень.

Примечания

¹ *Владимирский Н.* Костромская область: ист.-экон. Очерк. Кострома: Коstr. кн. изд.-во, 1959. С. 31–32.

² Там же. С. 32.

³ *Смурова О. В.* Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции 1861–1914 гг.: моногр. Кострома, 2003. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ *Верховский Н.* В лесном Заволжье // Новый мир. 1970. № 8. С. 154.

⁶ *Белов Л. И. и др.* Галич – Ярославль: Верхн. – Волж. кн. изд.-во, 1983. С. 19.

⁷ *Владимирский Н.* Костромская область С. 31–32.

⁸ *Ковалева Л.* Из истории Галичского уезда // Губернский дом. 2006, № 2(39). С. 30.

⁹ *Соловьев А. Н.* Питерщики-Галичане: этногр. Очерк. Галич, 1933. С. 4.

¹⁰ *Смурова О. В.* Неземледельческий отход крестьян... С. 24.

¹¹ *Сытинъ С.* Древний город Галичь М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905 г. С. 45.

¹² *Соловьев А. Н.* Питерщики-Галичане. С. 7.

¹³ *Верховский Н.* В лесном Заволжье. С. 140.

Ф. Л. Шарифуллина

*Института истории Академии наук
Республики Татарстан*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ГОРОДА КОСТРОМЫ

На окраине города Костромы, в районе Черноречья, находится Татарская слобода, в которой издавна проживала компактная группа татар. Их этническое самоназвание – «нугай татарлары». В последней четверти XX века в Татарской слободе насчитывалось около 200 человек. Исторически они были тесно взаимосвязаны с романовскими и ярославскими татарами, расселенными в городе Романове Романо-Борисоглебского уезда Ярославской губернии (ныне город Тутаев в Ярославской области).

История формирования и традиционная культура татар города Костромы

История формирования, традиционная культура и быт костромских татар вызывали большой интерес у краеведов и историков XIX - начала XX вв. (А. Козловский, В. Пирогов, Л. Скворцов, Н. М. Карамзин). В их статьях и заметках содержатся ценные историко-этнографические, статистические материалы и сведения о быте татар. В работах других исследователей (Г. Н. Ахмеров, Н. И. Воробьев, А. М. Орлов и др.) имеется ряд данных, касающихся истории и некоторых элементов традиционной культуры костромских татар сравнительно с другими группами волго-уральских татар.

В архиве отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан хранится полевой материал, полученный во время экспедиционных выездов автора этих строк в 1973-1974 годах в Татарскую слободу в г. Костроме. В результате бесед с татарами-старожилами были записаны сведения о жилище, костюме, пище, праздниках, обрядах (родинных, свадебных, похоронных), сделаны фотографии и рисунки жилых домов, интерьера, традиционной одежды и головных уборов¹. Собранные этнографические материалы позволили представить комплекс традиционной материальной и духовной культуры данной группы татар.

Существенным дополнением при воссоздании облика традиционного костюма татар г. Костромы явилась небольшая, но весьма ценная коллекция XIX века, хранящаяся в фондах Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Коллекция состоит из платьев, кафтанов, нагрудников, орнаментированных позументами, головных уборов, детского камзола, оберега, женских украшений в виде накосника и серег.²

Другой, не менее ценный, источник представляют исторические документы Посольского приказа из Ногайских дел в фондах РГАДА³ и ГИМ⁴ (г. Москва), в которых содержатся данные о численности татар в Костроме, списки и дела посланных в XVII веке в Кострому романовских и ярославских ногайских мурз. В Актах Московского государства, в Разрядном приказе, приводятся документы первой половины XVII века, касающиеся военной службы романовских, ярославских и касимовских татар⁵.

Происхождение и появление татар в Костроме некоторые исследователи связывали с монголо-татарами: «При нашествии Батыевом на Россию, татары, завоевав Владимир, разделились: одни пошли к Городцу, Галичу и Костроме, другие к Ростову и Ярославлю»⁶. Из других работ следовало, что предками костромских татар были бывшие пленные ногайцы, проживавшие в городце Романове, в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Там они принадлежали к роду мурз фамилии Магометовых, Бухатовых и прочих⁷. Среди некоторых групп волго-уральских татар существовало мнение, что костромские татары являются мишарями⁸. Однако сами костромские татары отделяли себя от мишарей.

В некоторых исторических документах прослеживаются сюжеты, проливающие свет на вопросы, связанные с происхождением и появлением татар в Романове и Костроме. Один из них, относящийся ко второй половине XVI века, является Духовным завещанием Ивана Грозного, в тексте которого есть такое указание: «... да городец Романов на Волге (а держи его сын мой за ногайскими мурзами)»⁹. В городец Романов ногайцы попадали различными путями. Известно, что русские цари активно привлекали на службу ногайцев из степей. К ним

направлялись специальные миссии. Приглашенных на службу ногайцев размещали во многих центральных уездах: Мыцком стане Суздальского уезда, в волостях Замыцкая и Перемышльская Московского уезда, в Коломенском и Боровском уездах, в Касимовском и Романовском уездах¹⁰. В 1563 году ногайский мурза Исмагил отправил в Москву заложниками младших сыновей Юсуфа (отца Казанской регентши Сююмбеки). – Иль мурзу и Ибрагим мурзу. Им с их дворами и людьми пожалован был Романовский округ с селами и деревнями. От них вели свое происхождение знаменитые князья Юсуповы¹¹. Многие из романовских мурз (Магометовы, Маметовы, Тинмаметовы, Булатовы, Бильгильдеевы, Юсуповы и др.) состояли на военной службе у русских царей и служили вместе с ярославскими и касимовскими татарами. В Актах Московского государства 1636 года отмечалось: «А наперед сего ярославские и касимовские кормовые и романовские татары на государеву службу наряжены из Посольского приказа»¹². Они активно участвовали в военных походах, защищая русские земли. Из Разрядных книг 1617-1618 годов известно, что служилые татары сражались под Псковом. Романовские, ярославские и казанские татары (101 чел.) в 1618 году воевали под Смоленском. За усердную службу их вознаграждали деньгами и поместьями. Об этом свидетельствуют тексты жалованных грамот и Акты Московского государства за 1635–1659 гг.¹³ Размеры земельных пожалований в виде поместий не были большими – 15–20 четей. К тому же татарам зачастую отводились земли на пустошах, без крестьян. Лишь небольшая часть татар владела обширными поместьями. Так, в грамоте, данной в 1613 году Сююше мурзе Исупову, перечисляются его села в Романовском уезде Ярославской губернии: Богородицкое с тремя деревнями, половина села Чиркова с двумя деревнями и другие усадьбы. Обширные поместья в Ярославском и Владимирском уездах принадлежали «ярославскому иноземцу, мурзе» Тевкелеву, потомку ногайского князя Тевкеля, родного брата Казанской царицы Нур-Салтан¹⁴.

Поместья передавались по наследству. В известной родословной Тевкелевых отмечено, что «Давлет-Мамет Уразмаметов Тевкелев был ярославским кормовым поместным иноземцем и имел поместья во Владимирском уезде. Сын его, Мамеш Давлет-Маметьев Тевкелев был мурза г. Касимова, имел поместья в Касимовском, Владимирском и Керенском уездах, бывшего прежде за дедом и деда его»¹⁵. Денежное жалованье служилых татар составляло не более 6-30 рублей в год. Романовские татары получали кормовые деньги по 15 руб. на человека¹⁶.

В период XVII - первая половина XVIII веков в истории романовских татар произошли значительные изменения. Служилые татары, исповедовавшие Ислам, стали испытывать психологическое и экономическое давление со стороны российской администрации. Московское правительство издало ряд указов, запрещающих татарским феодалам владеть христианскими (русскими, крещено-татарскими и мордовскими) крестьянами, а русским – владеть крестьянами нехристианского вероисповедания. В 1647 году служилые татары писали царю, что Романовский воевода посадил их в тюрьму, «сажал в чепь и железа», принуждая принять православие. Хотя царь велел воеводе насильственно их не крестить, все же они были ликвидированы¹⁷. Часть романовских и ярославских мусульман - феодалов была вынуждена принять христианство, чтобы не потерять свои

поместья и сохранить жизни себе и своим домочадцам. В собственность крещеных татар переходили поместья их родственников, оставшихся мусульманами. Крестившиеся татары постепенно, со временем, влились в состав русского дворянства. В их числе были представители известных позднее в России фамилий – князя Юсуповы, Тевкелевы и др.¹⁸ Татары, отказавшиеся принять христианство, были переселены в русские города. Так, часть романовских и ярославских служилых татар с их семьями отослали в город Углич, где их поместили в постоянные дворы, а кормить их должны были крестившиеся родственники, которым отдавались их поместья¹⁹. Другую группу татар отправили в окрестности города Костромы. Выбор этого городка, был, видимо, не случаен. В середине XV века Кострома была постоянным местом пребывания царевича Якуба, сына казанского хана Улуг-Мухаммада. В течение XVI-XVIII вв. на этой территории наблюдался приток тюркоязычного населения. В 1625 году в Кострому был отправлен ногайский мурза Урак Тинмаматьев с женами и обоего пола людьми²⁰. В 1683–1684 гг. романовские и ярославские мурзы и татары были «сосланы из Романова на Кострому, что они в православную веру не крестились и устроены слободами»²¹. По этой же причине в 1761 году в слободу под Костромой были переселены татары из Романо-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Впоследствии часть татар, не принявших христианство, вошла в состав татарских феодалов²². В начале XXI века в Татарской слободе проживали представители 8 коренных фамилий. Некоторые из них вели родословную от мурз - Бильгильдеевы, Маметьевы, Курочкины, другие также не менее известны в исторической хронике – Сиушевы, Женодаровы, Булатовы, Космасовы, Кадыбердеевы.

Екатерина II после посещения Костромы в 1767 году предоставила костромским татарам ряд привилегий. Она повелела воеводе разбирать прошения о нуждах татарского населения слободы, «...потому, что они, Татары, хотя и иноверцы, но их можно считать за иностранных»²³. С учреждением губерний татары были причислены к государственным крестьянам. В XIX века они входили в отдельное сельское общество в составе Гридинской волости Костромского уезда Костромской губернии.

Численность татар быстро увеличивалась. Прирост населения татар во второй половине XIX века достигал 3,1%, при рождаемости 1 на 20 человек и 1 смерти на 60 человек. Вообще в Костромской губернии прирост населения был 0,82%, при рождаемости 1 на 22,3 и смертности на 27,3 человека²⁴. Уровень естественного прироста у татар был обусловлен, по словам современников, выгодными географическими условиями, сравнительно высокой степенью благосостояния жителей и хорошими гигиеническими условиями в жилище. Семья состояла в среднем из 5 человек. В 1762 году костромских татар насчитывалось 128 человек, в 1811 – 204, в 1858 – 290, в 1874– 365 (41 двор), в 1902 – 525, 1920 – 521, 1924 – 653 (104 дворов)²⁵. Этому способствовал также приток татарского населения извне – из Казани, Касимова, Пензы, Нижнего Новгорода, Оренбурга. Из этих городов привозили невест, назначали представителей духовенства и учителей. С 1866 года в Татарской слободе функционировало духовное училище (медресе), построенное на средства казанского потомственного почетного гражданина, купца Апакова. В школах (мектеб) до 1917 года преподавали литературный татарский

язык. Однако, по свидетельству современников, в 1880-е годы «у костромских татар разговорный язык был скорее русский, чем татарский. Многие из них говорили на родном языке не совсем уже правильно и с трудом. Русская же речь сравнительно лучше и слышится чаще, особенно между мужчинами».²⁶ Подрастающее поколение владело им слабо, несмотря то, что в школах (метюб) преподавали татарский литературный язык. В то же время костромские татары сохранили старинные тюркские имена. По словам Тухватуллы Сафарова, бывшего в 1894 году муллой в Костроме, татары с особым почтением относились к именам своих дедов и прадедов и старались давать своим детям старинные имена, например, Адельша, Валима, Хорамша, Ураза, Алтон-бика, Кутлу-бика, хотя от Оренбургского Муфтия был особый циркуляр о замене подобных имен современными именами арабского происхождения²⁷. И в XX веке у костромских татар сохранились старинные имена, такие, как Джембет, Джембулат, Зюфарбик, Баймет, Кутлубек, Сунбек, Айбек.

В XIX - начале XX вв. основным занятием костромских татар было хлебопашество. Посевы состояли из ржи и овса. Состоятельные татары сдавали свои земли в аренду, руководствуясь не соображениями выгоды, а желанием помочь своим соплеменникам и единоверцам. Арендодатели несли убытки в 2 рубля с десятины, поскольку арендная плата составляла 6 рублей, при денежных сборах около 8 рублей. Это были своеобразные платежи в пользу бедных (закят), установленные шариатом²⁸. Однако зерна все равно не хватало и многие семьи уже с января начинали покупать хлеб. Поэтому, большинство татар занималось различными промыслами – извозом в виде ломовых городских извозчиков, рыболовством. Некоторые служили рабочими, лоцманами и капитанами на пароходах, другие содержали постоянные дворы в городе. Часть татар занималась производством кумыса и торговлей, преимущественно лошаадьми, на костромских базарах. Женщины-татарки пряли и белили нитки, которые по достоинству не уступали Брабантским. Для приготовления ниток они закупали пряжу на местных льнопрядильных фабриках, потом окрашивали их в разные цвета и продавали на рынках. По свидетельству современников на костромских базарах постоянно слышались их громкие, гортанные голоса²⁹.

Татарская слобода в XIX веке представляла с противоположного, правого берега Волги, судя по описаниям современников, яркое зрелище с ее разноцветными домиками и возвышающимся посередине минаретом деревянной мечети. Большинство домов были срубными, с окрашенными тесовыми крышами, расписными дверями, окнами и небольшими висячими балконами. Только один конец улицы состоял из лачуг, которые уцелели от пожара 1873 года, разрушившего большую часть деревни. В конце XIX века в слободе было 73 дома. Они располагались с двух сторон широкой улицы вдоль берега Волги. Усадьба состояла из открытого двора с жилым домом и хозяйственными постройками: погребом, амбаром, конюшней, хлевом. За огородом ставили баню. Фасады домов, их планировка являлись скорее городскими, чем деревенскими. Своеобразной чертой во внешнем оформлении татарского жилого дома являлось то, что тесовые крыши, двери, окна окрашивались и создавали впечатление яркой, разноцветной полосы³⁰. Как известно, подобная полихромная раскраска была характерна для казанских татар в районе Заказанья³¹.

История формирования и традиционная культура татар города Костромы

За деревней, с восточной ее стороны, раскинулось по скату холма покрытое старыми соснами кладбище с несколькими полуразрушенными памятниками. Оно было огорожено легкой изгородью и прочными решетчатыми воротами. Над могилами богатых татар сооружали дюрбе. Погребение огораживали по периметру невысокой кирпичной стеной, с навершиями по углам. Эта традиция, восходящая к временам Золотой Орды, сохранилась у татар на территории Татарстана, Рязанской области³².

Костромские татары жили зажиточно. Преобладали дома, разделенные на две половины – белую, парадную и черную, заднюю. Белая половина состояла из двух комнат, убранных по-городскому: с диванами, креслами и, иногда, зеркалами и шторами. В ней ставили печь, выложенную изразцами или печь-голландку. Черная половина имела вид опрятной и светлой крестьянской избы, с перегородкой и белой хлебопекарной печью, которую иногда помещали в особой, в тех же сенях, небольшой кухне. Жилища бедных татар состояли из одного отделения, во всем похожем на чистую крестьянскую избу³³. Традиционный интерьер избы сохранялся в жилище бедняков и в черной половине дома. Вход в дом всегда делался со двора. Напротив входа располагались широкие дощатые нары, на которых стояли низенькие скамеечки и сундук для складывания постельных принадлежностей. Это место считалось почетным и называлось «джур». Вдоль стен помещали лавки, сундуки, в которых хранили одежду, тканые полотенца. Их развешивали по углам и вдоль стен во время праздников и свадеб. Над входной дверью устраивали полати. На пол стелили домотканые половики. Справа от входа стояла хлебопекарная печь, комбинированная с очагом и вмазанным под ним котлом. По воспоминаниям костромских татар в середине XIX – начале XX века в некоторых домах печь была невысокой и располагалась посередине жилого помещения. Подобное размещение очага посередине юрты было характерным для ногайцев Северного Причерноморья³⁴. Возможно, что именно эта традиция, восходящая к наиболее древним пластам степной кочевой культуры тюрков, сохранилась у костромских татар.

Тюркские традиции прослеживались также в традиционных головных уборах и одежде. Мужчины носили широкие рубахи туникообразного покроя и штаны «упраки». Поверх рубахи надевали жилетку и приталенный, со стоячим воротником бишмет, а зимой – прямоспинный тулуп «толып». На ногах были черные кожаные сапоги. Мужчины, включая мальчиков, носили тюбетейки «тюрюк» а поверх них, при выходе на улицу, суконные шляпы без полей или меховые шапки зимой. Современники отмечали, что татарина можно выделить из толпы только по серой катаной шляпе и виднеющимся из-под кафтана длинным воротником рубашки³⁵. Под нижней одеждой, на шее или под мышкой, мужчины носили оберег «ботю» в виде треугольного кожаного мешочка с зашитой в нем запиской с молитвами. Подобные обереги бытовали у касимовских татар и мишарей.

Женщины надевали цветастые или в полоску платья-рубахи туникообразного покроя, а также платья с отрезным на уровне бедер остовом и платья на «кокотке». Все типы платьев шились с широкими рукавами и оборками. Поверх них надевали короткий камзол. Его шили из одноцветного бархата или парчи,

приталенным, без рукавов, с вырезом на груди. В качестве верхней летней и демисезонной одежды татарки носили приталенный, безрукавный кафтан «корсет», с запахом на левую сторону, с прямоугольным или овальным вырезом на груди. Шили его из светлой однотонной или пестрой нанки, парчи, шелка или сукна, на подкладке из пестрого сатина или ситца. Зимой надевали приталенные бишметы на стеганой подкладке. В отличие от мужских бешметов, женские бишметы имели отложной воротник. Нижней одеждой женщин являлись штаны «упраки» с широкими штанинами и ромбовидной вставкой между ними. Подобный покрой штанов был распространен у татар Рязанской губернии (касимовских, сасовских), у казахов³⁶. Штаны замужних женщин напоминали комбинезон, за счет пришитых к ним спереди нагрудника «тюшундрюк». На ноги надевали белые чулки и кожаные башмаки или ботинки. По праздникам богатые татарки носили цветные узорные кожаные сапожки - ичиги на каблучках, привезенные из Казани.

Женщины и девушки заплетали волосы в две косы. Девочки-подростки надевали полусферические бархатные шапочки «такья», а в начале XX в. шапочки овальной формы «каттажи». Девушки и молодые женщины прикрепляли к волосам небольшие бархатные калфаки-наколки, а женщины старшего возраста повязывали полотенцеобразный тастар. Для повседневной носки женщины молодого и среднего возраста использовали платки – нижний «кихча» и верхний «касимча». Нижний, большой платок «кихча», являющийся, по сути, покрывалом, надевали непосредственно на волосы. Он закрывал голову, подбородок, шею, часть плеч и повязывался узлом на темени. Покрывала под схожим названием «кыекча» бытовали у мишарей Оренбургской губернии и под названием «орпэк» у казанских татарок. Женские головные уборы типа покрывал имели довольно широкое распространение среди других тюркских народов – у казахов (кимяшек), ставропольских туркмен (чембар), азербайджанских турок³⁷. Костромские татарки поверх «кихча» надевали меньший по размеру платок, сложив его по диагонали и надвинув его низко на лоб. Концы платка повязывали большим узлом на затылке. Такой способ ношения платка назывался у них «касимча» (по-касимовски).

К традиционным украшениям девушек относились узкий шейный воротник «кечкенэ жага», расшитый бисером и шейно-нагрудное украшение «зур жага» в форме овала на матерчатой основе, сплошь обшитой серебряными монетами. Подобное украшение было распространено и у других групп татар³⁸. Замужние женщины носили под рубахой шейно-нагрудное украшение «тэтиртэ», представлявшее собой прямоугольный кусок ткани, с нашитым на него позументом или расшитый шелковыми или золотыми нитями. Женским украшением считалось монетное ожерелье «диек», состоявшее из четырех рядов серебряных монет, нанизанных на шнурки. Верхний ряд был из 20-ти копеечных монет, затем шли ряды из 25-ти и 50-ти копеечных, и самый нижний – из крупных, рублевых монет. Девушки и женщины вплетали в волосы наконсик «чэспав» в виде тесьмы с двумя привязанными на концах серебряными монетами или бляхами. У костромских татарок бытовали серебряные серьги, кольца и браслеты, распространенные и у других групп татар.

Невесте надевали на голову комплекс головных уборов - платок, налобник и покрывало. Платок повязывали под подбородком, так, что полотнище распола-

История формирования и традиционная культура татар города Костромы

галось на спине. Поверх платка надевали высокое налобное украшение «битлик» на жесткой основе. Оно закреплялось при помощи узкой полоски ткани «жалкав», украшенной бисером или позументом, плотно охватывавшей подбородок. Поверхность «битлик» и «жалкав» украшали позументом, полудрагоценными камнями, вышивкой. Поверх «битлик» накидывали легкое короткое покрывало «бильгинец». Его края со стороны щек подтыкали таким образом, чтобы «битлик» оставался видимым. Примечательно, что казанские татарки, надев покрывало «орпэк», прикрывали лоб налобной повязкой называемой «битлек». У мишарей подобное украшение под названием «ука-чачак» было более широким и твердым³⁹. Костюм невесты красочно дополнялся нагрудными и шейными украшениями из монет и бисера «зур жага, кечкенэ жага». В волосы вплетали накосники «чэспав». Поверх платья, из шелка или парчи, невеста надевала парчовый «корсет» – длинный кафтан с рукавами.

Одежда девочек состояла из платья на «кокетке», отрезного и присборенного на уровне груди, с длинными рукавами, с маленьким стоячим воротником, застегивавшемся сзади на шею. На подоле пришивали одну или две оборки. Мальчики носили рубахи и камзолы, закрывавшие грудь.

В пище сохранилось много национальных блюд и кушаний. Татары готовили такие блюда, как «сюзмэ», «салма», «лэкшэ», «чумар», «боламык», «перемич», «умач», «азу», «катлама», «бурсак», «эльвэ». Пекли длинные пироги «берек» с мясом, высокие закрытые пироги «чирэб» или «таба бэлише» с мясом, пироги в горшке «горшок бэлиш», готовили блюдо из желудка овцы, начиненного рисом и мясом. Пили чай (кугыт), кисломолочные напитки - «катык», «арьян», «язма», а по праздникам иногда употребляли медовуху «бал», пиво «сора», брагу «буза». Пищу принимали сидя за столом, покрытым скатертью «суфра». Аналогичные кушанья и напитки были распространены у других групп волгоуральских татар⁴⁰.

Браки костромские татары заключали по мусульманским законам, но многоженства почти не существовало, так же, как и разводов. Преждевременные браки были редки, чаще всего женились и выходили замуж после 20 лет. Ввиду численного перевеса мужского населения, костромские татары часто привозили татарских девушек - невест из Казани, Касимова и других губерний⁴¹. Свадебная обрядность состояла из сговора, помолвки, девичника, парнишника, религиозного бракосочетания «никах» в доме невесты и свадьбы в доме жениха. Это сближало костромских татар с астраханскими татарами, кряшенами, мишарями (темниковскими, пензенскими, ульяновскими), с кубанскими ногайцами, туркменами. Значительное сходство прослеживалось среди костромских и касимовских татар. Особенно это заметно в таких элементах свадебной обрядности, как причитания невесты, открывание покрывала с ее лица при помощи скалок, целовании рук у старших, и т. д.

Костромские татары, будучи мусульманами, строго соблюдали религиозные праздники – Ураза-байрам, Курбан-байрам. Весной проводили обряд «кзыл жомырка»: красили яйца в разные цвета и раздавали их детям, родственникам, знакомым. Они также отмечали Семик, во время которого устраивали на лугу вечерние гулянья, молодежные игрища, водили хороводы, пели русские песни под

РАЗДЕЛ IV

гармонь. В палатках торговали чаем и лакомствами. В гуляньях принимали участие и женщины. Они не закрывали свои лица, отличавшиеся, по наблюдениям путешественников, правильными чертами, имели оживленный вид и не казались приниженными и забитыми⁴². Девушки в свободное от работы время, по вечерам, собирались на посиделки «этлешев».

Продолжительные и тесные контакты с русскими, особенно в период развития капиталистических отношений, заметно отразились на традиционной культуре. Произошла замена родного языка русским. Жилище представляло собой срубную избу северно-среднерусской планировки с русской печью, полатами, лавками. Влияние русской культуры нашло отражение в одежде и головных уборах, особенно мужчин. Они стали носить рубахи – косоворотки с черно-красной вышивкой на воротнике и приполке, жилетки, картузы. В рационе татар появились ранее не употреблявшиеся ими овощи – огурцы, капуста и способы их обработки. В свадебной обрядности от русских были заимствованы термины и такие обряды, как «рукобитье», «стояние на бане», «литки», «дарильный пир», «отзыв».

В конце XX – начале XIX века в этническом составе Татарской слободы произошли значительные изменения. Многие татары переселились в городские квартиры, переехали в другие города, оставив свои дома. В настоящее время в Татарской слободе проживают 3-4 татарские семьи. Однако эти изменения не вытеснили этнокультурные особенности этой группы татар. До сих пор продолжают сохраняться некоторые элементы традиционной культуры. Это проявляется в оформлении жилища яркими, цветастыми занавесками, расшитыми полотенцами, пестрыми половиками, в пристрастии к настенным часам и зеркалам. В одежде женщин старшего возраста заметна приверженность к просторным платьям на кокетке, безрукавкам, платкам. Не забыты названия и рецепты приготовления татарских блюд, кушаний и напитков. Татары придерживаются Ислама, религии предков. В их жизнь значительное оживление внесли соплеменники, приехавшие в Кострому, в период индустриального строительства, из городов Татарстана, Касимова, других республик. В настоящее время идет строительство кирпичной мечети (до сих пор в качестве мечети используется полуразрушенное здание бывшего клуба). При мечети функционирует медресе, где священнослужители преподают татарский и арабский языки, основы Ислама и чтение Корана. Мусульманское религиозное объединение татарской общины г. Костромы и области с 1999 года выпускает газету «Ислам». Костромские татары поддерживают культурные связи с татарами Казани и соседних областей, проводят совместно религиозные праздники, сабантуй, организуют концертные выступления татарских самодеятельных артистов⁴³. Костромские татары сохраняют этническое самосознание. Этнокультурное своеобразие данной группы является частью наследия всего татарского народа.

Примечания

¹ Архив отдела этнологии ИИ АН РТ, ф. 6, ед. хр. 23; ф. 7, ед. хр. 17.

² Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ф. КОК № 4464, 5050, 5075, 5078, 5079, 5080, 5191, 5237.

История формирования и традиционная культура татар города Костромы

³РГАДА, ф. 127, оп. 1, ед.хр. 5, л. 52; ф. 131, оп. 1, ед. хр. 510; ф. 210, оп. 6-Д, ед.хр. 217, л. 129–144; ф. 350, оп. 1, д. 130–13, 414; оп. 2, д. 1298.

⁴ГИМ, отдел письменных источников, документы по Романовскому уезду Ярославской губернии, фонд 450, ед. хр. 90, л. 8.

⁵Акты Московского государства. Т. 2: Разрядный приказ, 1635–1659. СПб., 1894. С. 523.

⁶*Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. Кострома, 1840. С. 11; *Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой // Материалы для статистики Костромской губ. Вып. 4. Кострома, 1881. С. 64.

⁷*Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. С. 182.

⁸*Ахмеров Г. Н.* О языке и народности мишарей // Избр. тр. – Казань, 1998. С. 146, 156.

⁹*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 5-е изд. М., 1842. С. 182.

¹⁰*Орлов А. М.* Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992. С. 50–51.

¹¹*Алишев С. Х.* Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII веках // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 58.

¹²Акты Московского государства. № 56.

¹³Там же. № 56.

¹⁴*Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 64; *Алишев С. Х.* Социальная эволюция... С. 59.

¹⁵Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 13. М., 1852. С. 181; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование... Ч. 1. С. 64.

¹⁶*Орлов А. М.* Мещера, мещеряки, мишари. С. 63; Акты Московского государства. № 1068.

¹⁷*Алишев С. Х.* Социальная эволюция... С. 58.

¹⁸*Халиков А. Х.* 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. С. 164, 187.

¹⁹*Алишев С. Х.* Социальная эволюция... С. 58.

²⁰РГАДА, ф. 127, оп. 1, № 5, л. 52.

²¹Там же, ф. 210, оп. 6-Д, ед.хр. 217, л. 129–144.

²²*Алишев С. Х.* Социальная эволюция... С. 58.

²³*Скворцов Л.* Материалы для истории... С. 207.

²⁴*Нигметзянов Т. И.* Татарская община в традиционной русской среде (XVIII – нач. XX в.) // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: материалы Междунар. науч. конф. Иваново; Плес, 2008. С. 280.

²⁵*Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 2. СПб., 1865. С. 741; Список населенных мест по сведениям 1870–1872 годов. Костромская губерния. Т. 18. – СПб., 1877. С. 25; *Пирогов В.* Материалы для статистики Костромской губернии / издание Костромского губерн. стат. комитета. Вып. 4. Кострома, 1881. С. 65; Списки населенных мест по Костромской губернии: Костромской уезд. Вып. 1. Кострома, 1925. С. 16, 39.

²⁶*Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 67.

²⁷*Ахмеров Г. Н.* О языке и народности мишарей. С. 156.

²⁸*Нигметзянов Т. И.* Хозяйство татар Костромы в XVIII – начале XX вв. // Роль провинции в становлении и развитии Российской государственности // Сб. науч. тр. участников X Межрегиональной научной конференции 16–17 мая 2003 г. Кострома, 2003. С. 48.

²⁹*Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 62.

³⁰*Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 59–60.

³¹Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 97.

³²*Ахметзянов М. И.* Эпиграфика Альметьевского региона. Казань, 2000. С. 138.

РАЗДЕЛ IV

³³ *Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 66.

³⁴ *Шенников А. А.* Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография / Геогр. о-о. М., 1973. С. 61.

³⁵ *Пирогов В.* Татарская деревня. С. 67.

³⁶ *Сазонова М. В., Морозова А. С., Лейкина С. М.* Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях Государственного музея народов СССР // Материалы к ист.-этногр. атласу Средней Азии и Казахстана // Труды Института этнографии. Т. 48. – М.-Л., 1961. С. 88; *Шарифуллина Ф. Л.* Касимовские татары: ист.-этногр. исследование традиционной нар. культуры сер. XIX – начала XX веков // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2004. С. 58.

³⁷ *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань, 1953. С. 272–273, 275; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 143.

³⁸ *Сулова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала: ист. Этногр. атлас татарского народа. Казань, 2000. С. 215, 224.

³⁹ *Воробьев Н. И.* Казанские татары. С. 273, 295.

⁴⁰ *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари. М., 1972. С. 134–136.

⁴¹ *Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 64; РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 130–13, 414; оп. 2, д. 1298.

⁴² *Пирогов В.* Татарская деревня под Костромой. С. 68.

⁴³ *Валиуллин А. Г.* Татары Костромы (Страницы истории мусульман Костромы) // Ислам (Кострома). 2001. № 3. С. 3; *Шарифуллина Ф. Л.* Татары Костромы (Страницы истории мусульман Костромы) // Ислам (Кострома). 2002. № 4. С. 3.

В. А. Зайцев, А. В. Зайцев

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

РУССКИЙ НАРОД В XX В. – АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

Нельзя отрицать очевидное – беспрецедентную социоантропологическую деградацию России в конце XX в., явившей миру уникальный случай грандиозного регресса невоюющей страны. Ощущение неудачи приобрело характер трагедии, когда на глазах русских и при их молчаливом согласии распалось великое государство – Советский Союз. Стала очевидной демографическая (витальная) слабость русских. Впервые появилась зловещая для народа метафора – «русский крест», знаменующая вымирание русского народа.

Выдающийся специалист по истории русской культуры, проф. МГУ С.С.Дмитриев пишет в своем дневнике: « Народ испорчен. Работать смысла нет. Сто лет прошляпили. По уровню жизни, здоровья, нравственности, хозяйству, чувству собственного достоинства люди и страна конца века стоят куда ниже, чем предреволюционная Россия конца XIX – начала XX в.»¹

По нашему мнению, глубинной причиной антропологической катастрофы, постигшей русский народ, является **разрушение целостности культуры и личности** (см. подробно)².

Великий грех революции в том, что она раскалывает народ – нацию на враждебные лагеря. Ожесточение классовой борьбы не может пройти бесследно, оно накладывает отпечаток на нравственный облик всего народа. Фанатизм и нетерпимость изменяли людей, превращая их из личностей мягкого национального типа в совершенно новую антропологическую разновидность – одержимых волей к действию, к власти, жестоких, агрессивных и духовно примитивных.

Особую опасность Н. Бердяев видел в сочетании у большевиков иступленной восторженности от новых, привнесенных с Запада идей, с толстовской проповедью материальной уравниловки, ведущей к разрушению естественно сложившегося духовно-иерархического строения общества³. Этот тип, продукт «дурного синтеза» Запада и Востока, такая гармония, что не возьмешь ломом. Психологическая структура типа исследована родоначальником «сменовеховства» Н. Устряловым. « В этих людях нет глубокой культуры, зато есть свежесть воли. Их нервы крепки. Нет прекраснотуши; вместо него здоровая суровость примитива... Нет гамлетизма; есть вера в свой путь и упрямая решимость идти по нему. Эти люди прочно пронизаны узким, но точным кругом идей-импульсов и, как замороженные, как обреченные неким высшим роком, делают дело, исторически им сужденное... творить, не постигал предназначенья своего»⁴.

Г. Федотов жадно вглядывался в черты нового, послереволюционного человека. Трудно было узнать русского в лицах строителей нового общества.

В сознании революционизированной части народа класс, коллектив понимались не как соединение различных индивидуальностей, а как сплошная масса, в которой личность тонула, растворялась. Был популярен лозунг: «Личность – все равно, что неприличность». В такой социальной атмосфере формировался частичный, одномерный подход к человеку. Принято было считать, что революционер по самой своей природе – существо несравненно более высокое, чем самый добропорядочный обыватель, не приобщившийся к святому революционному делу.

Абсолютизация классового подхода расчленила единое тело культуры на «прогрессивную» и «реакционную», «народную» и «антинародную» ее части, формируя тем самым плоскостное, «однополушарное» мышление. У «мозга» культуры есть своя функциональная асимметрия, которая отвечает всеобщему физическому закону дополнительности, а именно: материальное дополняется идеальным, временное – вечным, человеческое – божественным, телесное – духовным. В СССР весь второй ряд оказался выключенным из официальной системы культуры.

Началась длительная операция по отключению «второго полушария» у советского человека, успеху этого процесса способствовала решительность, с которой интернировали и физически ликвидировали большинство наиболее ярких представителей нормального «двуполушарного» мышления.

Разрушения **целостности культуры и личности** обусловило спектр отрицательных последствий во всех сферах жизни общества:

1. Отчуждение человека от труда и его результатов, от традиционных форм жизнедеятельности. Разрушение традиционного образа жизни, веками воспроизводившего эмоциональную, интеллектуальную и нравственную связь поколений в семье, органически решавшую задачи трудового воспитания, формировавшую

РАЗДЕЛ IV

уважение к старшим, прочные семейные традиции, бережное отношение к земле-кормилице и жизни на ней.

2. Взрывные перепластования в социальной структуре, превратившие значительную часть народа в социальных кочевников, маргиналов-манкуртов. Отрыв от корней, ослабление системы внешнего контроля (село, семья, религия), не компенсируемые развитием внутренних механизмов поведения и самоконтроля, приводят к ситуации «морального вакуума» и, как следствие, к различным формам отклоняющегося поведения. К примеру, в городах психопатические отклонения и девиантное поведение особенно характерны для мигрантов из села.

3. Утверждение командно-административной системы явилось лучшим оплотом нетворческой, стандартной деятельности; была заглушена в самом зародыше творческая способность миллионов людей. Эта система была пронизана духом Великого Инквизитора, мертвящего всякую творческую активность. Сложившийся механизм управления отторгал творческих людей, передавая инициативу в руки посредственности.

4. К моменту завершения коллективизации была завершена и коллективизация сознания, таланта, интеллекта, даже совести. Процесс культурной кристаллизации классов и слоев в интеллигенцию был подменен серийным производством кадров умственного труда, обслуживающих духовные потребности государства. И в последующие годы в обществе шла отрицательная человеческая селекция, уничтожившая цвет нации и породившая номенклатуру, оказавшуюся наиболее недостойным человеческим материалом.

Разумеется были и впечатляющие успехи нового строя жизни; наша задача понять антропологическую катастрофу, в результате которой был сформирован новый тип личности, основными чертами которого стали:

1. Черно-белый вариант мироощущения, плоскостное однополушарное мышление, действующее по принципу «запрета противоречия», не могущее соединить противоположности. По сути дела, с сознанием народа была проделана операция, аналогичная эксперименту по выработке условных рефлексов у собаки в лаборатории И. Павлова: дореволюционная Россия (-), социалистическая (+).

2. Вера в Бога была подменена верой в вождя, революцию, коммунизм.

3. Искаженная, разросшаяся, как раковая опухоль, идеология подавила нормальную жизнь телесной, душевной и духовной сфер человека и культуры.

4. Утрачивались традиции семейного воспитания, происходила деградация этики работника, снижение культуры общения и поведения.

В ноябре 1997 г. на заседании ассамблеи НАТО обсуждался доклад «Состояние Вооруженных сил Российской Федерации». В резюме доклада, отмечалось, что российское общество находится на уровне нравственной деградации. Защита Родины потеряла свое значение, а военная служба не является больше престижной и обязательной. Российская армия находится в отчаянном положении. Объективность такого вывода в России никем не оспаривалась⁵.

Постсоветский период углубил антропологическую катастрофу, придал ей большой социальный масштаб, поскольку в реформу был заложен генотип не производительного, а криминального капитализма.

Сущностью антропологической катастрофы является кризис национального самосознания (русской идентичности).

Бытие России в мире представляет фундаментальную загадку. «Особая статья» страны отмечалась не только русскими мыслителями: «Все страны граничат между собой, и только Россия граничит с Богом» – писал гениальный австрийский поэт Рильке.

Загадка в том, что русская история – очень удачная история успешного народа, причем не благодаря, а вопреки всем обстоятельствам. Сравним с историей другого успешного народа, благодаря обстоятельствам, в которой нет загадки. Ричард Никсон в одной из речей, которую он произнес в бытность свою президентом США, с полным одобрением повторил мысль Андре Мальро, что США – единственная страна, ставшая великой, не приложив к этому ровно никаких усилий. Полная безопасность на протяжении всей истории от вторжений извне, обширная территория, доставшаяся посредством не потребовавшего больших усилий истребления индейцев, плодородные земли, благодатный климат, богатые и разнообразные полезные ископаемые и, наконец, тот факт, что в обеих мировых войнах Америка ценой малой крови захватила львиную долю плодов победы – все это служит основанием для официального тезиса о благоизбранности американского народа и является предметом национальной гордости.

Совсем другая песня – Россия. Еще П.Я. Чаадаев с возмущением писал о климате «... в стране, о которой можно не на шутку спросить себя, была ли она предназначена для жизни разумных существ». Действительно, русский крестьянин освоил земли, на которых не стал бы вести хозяйство «разумный европеец», а подался бы в более теплые края. Но и за эту землю русским пришлось очень долго и тяжело конкурировать. Прогноз на XXI в. легкой жизни совсем не обещает.

Русские не только отстояли и сохранили свою независимость, но и стали гегемонами в северной Евразии, находясь в постоянном соприкосновении с превосходящим в технологическом и военном отношении Западом. Россия сыграла решающую роль во всех мировых сражениях XIX–XX вв. и, в общем, неизменно выходила из них победителем.

Россия как империя прирастала новыми территориями в основном не путем завоевания, а в результате мирного крестьянского и казачьего расселения. От времени И.Калиты к началу XX в. ее территория увеличилась в 35 раз.

Последние 500 лет своей истории, исключая короткий постсоветский период «катастрофы» развитие отличалось редким динамизмом – каждое последующее поколение жило лучше предыдущего. Даже после разрухи Смутного времени (1630г.) типичный малоземельный двор Муромского уезда, засевавший всего около десятины (1,09га) озимого поля содержал: 3–4 улья пчел, 2–3 лошади с жеребятами, 1–3 коровы с подтелками, 3–6 овец, 3–4 свиньи и в клетях 6–10 четвертей (1,26–2,1 м³) всякого хлеба⁶. Вспоминается шутка М.Задорнова, когда советский экскурсовод, заводит туристов в амбар, полный всякой снеди, вкушая которую крестьянская семья «ежедневно спасалась от голодной смерти».

При огромных размерах территории в советское время удалось создать государство массового благоденствия, потребительское общество, уступающее западному, но опережающему все незападные.

РАЗДЕЛ IV

Со времен Петра постоянно нарастала военно-стратегическая мощь державы, став доминирующей в XIX – XX вв. («Европа подождет пока русский царь рыбачит, – говаривал Александр III»).

Наконец, венцом развития явилась может быть самая универсальная и гармоничная русская культура – то, единственное, что оправдывает существование народа перед Богом (Д.С.Лихачев).

Расширение России, экспансия и создание Российской империи всегда коррелировало с приростом биологической силы русских. Достаточно посмотреть на демографическую динамику: это был взрывной рост, несмотря на то, что жить на этой территории было тяжело, а воевать приходилось много.

Итак, русская история – история успешного народа. Объяснить это стечением обстоятельств невозможно; за очень редкими исключениями, обстоятельства всегда были против русских. Объяснить это можно одним – тем, что это были русские (данная точка зрения подробно обоснована в работе В.Д.Соловей «Русская история: новое прочтение» М., 2005).

Кровь есть дух, как говорил Ф.Ницше. И не надо кивать в сторону расизма. В самом деле, налицо фундаментальное онтологическое различие: русские смогли это сделать, а угро-финны – нет, татары не смогли, поляки проиграли конкуренцию за эту территорию.

Русскость – самостоятельное качество, сущность русского этноса (нации), его архетипические свойства, его конкурентные преимущества на всем протяжении истории, исключая последние 20 лет, так называемой «перестройки – катастрофы».

Россия как целостность существует только благодаря русским, которые эту целостность и создали. Можно страшиться или, напротив, надеяться на очередную революцию, чреватую большой кровью, но в любом случае революция (или модернизация) предполагает наличие субъекта, способного навести порядок на этой территории и удержать это пространство. Никто, кроме самих русских, удержать его не сможет. «И для решения этой задачи осталось не более 15 – 20 лет. В ином случае русское пространство может быть только поделено»⁷.

Не только многие отечественные ученые, но и влиятельные религиозные деятели (отец А.Кураев) рассматривают утрату Россией обширных территорий как вопрос предрешенный и нужно только озаботиться кого предпочесть среди будущих хозяев российских пространств: «...поглощение Китаем представляется меньшим злом, чем Западом. Китай нависает над нами физически, а Запад духовно. Западу мы не нужны своей индивидуальностью, там нас ждут только как ресурс. Для Китая мы сами Запад. Его более толерантная культура не растворит нас в себе без остатка, а создаст симбиоз, подобный тому, который был создан 500 лет назад нашими славянскими и татарскими предками»⁸. Дьякон о. Кураев вносит оптимистическую ноту, рассуждая о массовом переходе веротерпимых китайцев в православие. От подобного холодного научного академизма и православно-китайского прозелитизма становится и стыдно, и страшно.

Впервые за 500 лет русские начали ощущать себя слабым народом. Драматическое ослабление русских – угроза самому существованию России.

Большинство исследований от медиков и демографов до политологов и философов считают, что главные причины деполяции русских лежат в духовной сфере: разрушение национального сознания, ломка традиционной системы ценностей, депрессия и потеря смысла жизни, озлобленность из-за несправедливых итогов «реформ» и безнаказанности зла, моральная деградация от всевластия денег, культа насилия и разврата.

Русские испытывают глубокое беспокойство в связи с утверждением «чужаков» в коренной России. Это подлинно «чужие» – от внешности до манеры поведения, чья биологическая сила контрастирует с русской демографической слабостью, которые не поддаются ассимиляции и ассоциируются с преступностью и терроризмом.

Но главный в этом перечне фрустрирующих факторов – современная российская власть. Экзистенциально политическая элита совершенно оторвана от страны, в которой пребывает, и от народа, к которому будто бы имеет отношение. А это и есть корень проблемы. Потому что такая элита может генерировать только разрушение. Ее неистовое западничество продавлиывает модернизацию ценой слома идеократии высоких смыслов, потребной нашему культурному генотипу. Существующее государство отказывается от аксиологии общественного блага; отказывается от главной цели любого государства – определения, что справедливо, а что нет (Аристотель); минимизирует социальные и антропологические затраты с целью максимизации прибылей, используемых в интересах элиты.

Наиболее остро кризис идентичности проявился с наступлением глобализма и разрушением национального самосознания, что отразилось в науке появлением в 80–90 гг. XX в. конструктивизма, рассматривающего понятие нация (этнос) как конструкцию ума, своего рода виртуальную реальность, чистое умозрение.

В мировой этнологии существует традиционное направление, рассматривающее этничность как объективную данность, своего рода изначальную (примордиальную) характеристику человечества: «До того как индивид становится членом общества или нации, он или она уже обладают чувством общего происхождения, культурной или физической схожести, или просто близости к своим»⁹. Осознание групповой принадлежности заложена в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания. По мере развития народа этническая (национальная) особость пронизывала все его бытие. С удивительной силой и пронизательностью писал о значении национальной идентификации Х. Ортега-и-Гассет: «Я знаю, что где-то глубоко внутри меня в потаенных закутках моей души и сердца идет незаметный, ни на секунду не прерываемый труд: все, что дает мне мир, искажается на испанский лад. Я знаю, что свобода ума и чувств, которой я вроде бы обладаю ...лишь видимость. Дротик, летящий к цели, конечно же полагает, что движется по своему усмотрению и сам наметил себе цель. Однако кинула его чья-то рука... Таков и я – дротик, брошенный древней рукой моего народа.»

В неустойчивой ситуации «переходного общества» этническая принадлежность является способом вновь ощутить себя частью некоего социального целого, найти психологическую поддержку в традиции. В науке глубоко укоренилась

структуралистская формула анализа этничности «мы и другие», которая предполагает существование глубоких культурных оппозиций для осуществления акта этнического самосознания и групповой консолидации¹⁰.

Сугубо «технологическое» мышление, склонное отрицать традиции, которое столь характерно для российского либерального реформаторства, убедительно продемонстрировало всю ограниченность и опасность стратегий развития не соотношенных с реальным культурно-историческим процессом и формируемых вне связи с национальной традицией.

Сегодня, когда у власти в стране политики-«западники», пытающиеся навязать России модель модернизации – вестернизации, мы живем в ритмах всеразрушительного «ускоренного» времени. Оно не совпадает с ритмом национальной культуры, и возникающий диссонанс разрушает общество. Монетаристская модель в экономике, созданная на Западе для борьбы с инфляцией и падением производства, в России, на иной культурной почве «неожиданно» включила именно механизмы инфляции и сокращения производства.

Жизнь показывает, что в сравнении с другими народами русские хуже адаптируются к рыночным отношениям. Русское традиционное общество было основано на архетипической триаде: крестьянин, солдат, жрец (священник). Нельзя отказать в меткости наблюдению Д. Галковского: «Отличаясь природным трудолюбием, способностью хотя и неровно, но крайне интенсивно трудиться, проявляя при этом нечеловеческую энергию и самопожертвование, русский человек органически не способен выполнять мелкую, второстепенную работу. Отличный солдат, крестьянин, ремесленник, русский нелеп и злобен в качестве служащего, санитаря, официанта и т. д. Эти профессии кажутся ему несерьезными, ненастоящими и издевательскими, ущемляют его честолюбие. А русские самые честолюбивые люди в мире...»¹¹. Но особенно низок был в русском обществе престиж ростовщика, хотя в системе рыночных отношений – это вполне уважаемая фигура. Можно вспомнить восстание киевлян в 1113 г., закончившееся изгнанием ростовщиков, спекулировавших солью. Рынку в западном формате есть альтернатива, найденная тем же Западом и Россией – кооперативный строй экономики¹².

Сегодня русская культура–цивилизация стремительно теряет признаки как культуры, так и цивилизации, что перед социокультурными вызовами со стороны глобализационных процессов представляется очевидной угрозой безопасности страны¹³. Социум, как и человек, потерявший память, больше не уверенный в том, кто он есть, понятия не имеющий для чего и для кого он существует, просто по определению не может являться субъектом самостоятельных и ответственных решений.

Большая часть XX в. в России прошла под знаком ослабления, даже распада национального сознания. Советский интернационализм на корню отрицал национальную идентификацию, особенно русских. В постсоветское время понятие «русский» растворилось в аморфном слове «россиянин».

Вместе с тем, лучшие страницы русской истории связаны с подъемом национального самосознания. В схватке с фашизмом обращение к национальным ценностям спасло страну. Мы вошли в войну как традиционное общество, сохраняющее значимость национального единства, иерархичность

(сословную, духовную, нравственную) внутри национального целого, соподчиненность личности и общества и государственный патернализм, порождающий доверие к власти.

Примечания

- ¹ Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. 2001. № 1. С. 57.
- ² Зайцев В. А. Национальное своеобразие русской культуры, менталитета, личности. Кострома, 2005.
- ³ Бердяев Н. А. Духи русской революции. Из глубины : сб. ст. о русской революции. М.; Пб., 1918.
- ⁴ Милуков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 125.
- ⁵ Армейский сборник. 1998. № 3. С. 13–16.
- ⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2. М., 1998. С. 28.
- ⁷ Соловей В. Д. Россия накануне Смуты // Свободная мысль, 2005. № 4
- ⁸ Пастухов В. Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // «Общественные науки и современность». 2006. № 2.
- ⁹ Greenberg S. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. New Haven, 1980. P. 14.
- ¹⁰ Keesing R. H. Theories of Culture Revised // Assessing Cultural Anthropology / Ed. R. Borofsky. N.Y., 1994.
- ¹¹ Наш Современник. 1992, № 1. С. 146.
- ¹² Белоцерковский В. Россия посткапиталистическая // Свободная мысль. 2007. № 12
- ¹³ Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008, № 2. С. 39.

Т. В. Белова

*Костромской государственный
технологический университет*

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война оказала огромное воздействие на всю экономику России. Военные действия нарушили сложившиеся торговые и финансовые связи. При значительной зависимости экономики страны от импорта (машины, уголь, хлопок, химические товары) и заинтересованности в рынках сбыта сельскохозяйственной продукции народному хозяйству России не могли не угрожать серьезные потрясения. Влияние войны сказалось и на численности рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, зафиксированных в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» за 1913 – 1916 гг.

Ведущее место в промышленности Верхнего Поволжья занимало текстильное производство. К началу войны на 350 текстильных фабриках (39,1% всех

РАЗДЕЛ IV

предприятий) было занято 83,6% рабочих региона, причем ? фабрик и почти 2/3 рабочих приходилось на Владимирскую губернию. На втором месте шла Костромская губерния (29% текстильщиков), на долю Ярославской губернии приходилось всего 7,5% рабочих отрасли. Отрицательное влияние войны испытывала, прежде всего, хлопчатобумажная промышленность. В целом по России в этой отрасли наблюдается сокращение производства, валовая продукция которого составила в 1916 г. 80,9%, а в 1917 г. – 54,5% уровня 1913 г.¹ Это явление обусловлено целым рядом причин. Хлопчатобумажная промышленность накануне войны базировалась в значительной части на иностранном сырье и особенно красителях. Война осложнила получение сырья из-за границы и затруднила подвоз отечественного сырья и топлива к промышленным центрам. Мобилизация в действующую армию вызвала недостаток квалифицированной рабочей силы. Все это привело к тому, что «все текстильные фабрики в первые недели войны сократили производство на 50–60 %».²

В верхнем Поволжье спад больше всего сказался на Владимирской губернии, где предприятия по обработке хлопка преобладали. За годы войны их число сократилось по Владимирской губернии на 7,54%, а количество рабочих в них – на 2,2%. В августе-сентябре 1914 г. многие хлопчатобумажные фабрики Владимирской губернии сокращают количество рабочих дней в месяц до 20 (фабрика Н. Щапова), 18 (фабрика Н. Полушина) и даже до 16 (фабрики Н. Гарелина и Ясюнинских).³ Но уже с января 1915 г. на фабриках начинает оживать, и количество рабочих дней увеличивается, хотя это оживление и не было прочным. Многие фабрики получили военные заказы, и перешли от выработки легких тканей и ситцев, для которых не хватало сырья и красителей, к изготовлению более дешевых тканей и предметов материального снабжения армии (ваты, марли, картузной ткани для пороховых мешков). В механических мастерских много фабрик начали изготавливать корпуса снарядов.

Несмотря на трудности, вызванные войной, многие текстильные предприятия региона к 1915 г. перестроили свое производство и работали на нужды обороны. По данным Особого совещания по обороне в 1915-1917 гг. на оборону работали: во Владимирской губернии – 82,2% всех рабочих-текстильщиков, в Костромской – 93,6%, в Ярославской – 48,2%.⁴

На предприятиях по обработке льна положение отличалось в лучшую сторону. Количество рабочих на них в регионе за годы войны возросло на 15,1%. Недостатка в сырье эти фабрики не испытывали, так как в основном работали на местном сырье и потому сразу с начала войны переходят на сменную систему работ, увеличивая рабочий день и получая крупные военные заказы. Так прибыль товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры с апреля 1914 по апрель 1917 г. составила 5122 тыс. рублей. Такую прибыль товарищество получило за первые 30 лет своего существования.⁵ В целом численность рабочих-текстильщиков за годы войны в регионе увеличилась на 2%, в основном за счет увеличения их численности в льнообрабатывающей промышленности. На второе место по числу рабочих выходит в годы войны металлообрабатывающая промышленность. К 1917 г. численность рабочих этой отрасли по данным фабричной инспекции возросла в регионе на 36,8%.⁶

Но в данном случае мы имеем пример несовершенства дореволюционной статистики. Фабричная инспекция не учитывала железнодорожные мастерские, находившиеся в ведении Министерства путей сообщения. Между тем это были крупные металлообрабатывающие предприятия с высококвалифицированными рабочими-металлистами. Количество рабочих в них составляло к началу войны 3514 человек, а к концу 1916 г. увеличилось до 5479 человек.⁷ Повышение доли рабочих-металлистов способствовало строительству новых автомобильных и авиационных заводов и эвакуация предприятий этой отрасли из западных губерний страны. В 1916 г. началось строительство автомобильного завода Лебедева в Ярославле и завода «Русский Рено» в Рыбинске. В том же году было создано «Первое Российское товарищество воздухоплавания С.С. Щетинина», которое начало строительство завода в Ярославле.

В регион было эвакуировано 9 предприятий металлообрабатывающей промышленности. Это вагоностроительный и механический завод акционерного общества «Рессора» из Риги (350), машиностроительный завод Якобсона и Лившица из Минской губернии (163), Страблинский проволочно-гвоздильный завод Гроссмана из Гродненской губернии (103), завод земледельческих орудий Левинтова (22) – в Ярославскую губернию; машиностроительный и чугунолитейный завод Ч.Л. Свидерского из Белостока (240), рижское отделение завода братьев Клейн, завод «Проводник» из Риги (375) – во Владимирскую губернию; механический завод «Пло» из Риги (426) – в Костромскую губернию.⁸

Таким образом, численность рабочих-металлистов выросла почти в 1,5 раза, а удельный вес в 1916 г. составил 6,4%. Особенно высокими темпы роста рабочих металлистов были в Ярославской губернии: 3 года их численность выросла в 2,3 раза, а удельный вес – вдвое.

Третье место в регионе занимала пищевкусовая промышленность – 127 предприятий и 7952 рабочих. Из них почти – были заняты в Ярославской губернии, где удельный вес рабочих отрасли в 1913 г. составлял 14,9%. Здесь были развиты табачное и мукомольное производство, имевшие всероссийское значение. Табачные фабрики в годы войны увеличили свое производство. Численность же рабочих этой отрасли за годы войны несколько сократилась (на 6,4%). Сокращается в годы войны численность рабочих промышленности по обработке минеральных веществ (производство посуды) на 20,5%, деревообрабатывающей промышленности на 24,4%, химической промышленности на 13,9%.

Таким образом, в годы войны наиболее быстрыми темпами развивается металлообработка. Сохранил свои позиции и самый многочисленный отряд рабочих – текстильщики, сосредоточенный на крупных фабриках. Рост этих двух групп и обусловил некоторое возрастание общей численности промышленных рабочих региона в годы войны (на 2%), несмотря на падение производства в ряде отраслей промышленности.

Примечания

¹ *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М., 1958.

² Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 – апрель 1915). Пг., 1916. С. 61.

³ ГАРФ, ф. 102, 4. д-во, оп. 123, 1914, д. 11, ч. 2, л. 102.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 4, л. 3.

⁵ Белов М. Н. Положение и борьба рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры (1866–1917) // Из истории Костромского края: сб. науч. тр. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 16.

⁶ Статистический сборник на 1913–1917 гг. С. 4–34.

⁷ Мейерович М. Г. Фабрично-заводская промышленность Ярославской губернии в начале XX в. // Вестник Ярославского университета. 1972. № 1. С. 68; ГАРФ, ф. 102, 4 д-во, 1917, д. 11, ч. 2, л. 1.

⁸ Список фабрик и заводов и других промышленных заведений Ярославской губернии по данным Всероссийской промышленной переписи в 1918 г. М., 1920; То же по Костромской губернии. М., 1920; ГАВО, ф. 266, оп. 1, д. 4782, л. 4, 721. Адреса эвакуированных из Западного края предприятий и других учреждений. М., 1916.

А. Н. Баранов

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Дооктябрьский период в отечественной историографии характеризуется чрезвычайно широким спектром оценок и мнений, высоким уровнем политизированности в обсуждении сущности интеллигенции, критериев принадлежности к ней, места, роли и функций интеллигенции в обществе. Видные историки, философы, писатели, журналисты, идеологи политических партий высказывали свои взгляды на интеллигенцию, нередко занимая полярные позиции. Большинство вышедших в это время работ высоко оценивали роль интеллигенции в политическом процессе, показывая ее как единственную самостоятельную политическую силу, участвующую в оппозиционном движении, общественно-политические взгляды которой верно отражают направление исторического развития России. Но в ряде публикаций были даны противоположные оценки, как самой интеллигенции, так и ее роли в развитии общества.

В дореволюционной историографии можно выделить три направления: либеральное, народническое и марксистское.

В начале XX века один из ведущих публицистов «Русской мысли» Ф.К. Арнольд, определяя состояние вопроса о русской интеллигенции, писал: «Существует ряд вопросов, для решения которых в том или ином смысле, казалось бы, накопилось уже достаточно материала и которые, тем не менее, остаются нерешенными, хотя время от времени они всплывают на поверхность и страстно обсуждаются с самых различных точек зрения. Таков вопрос о нашей многостра-

дальной интеллигенции, о ее значении в русской общественной жизни, о самом ее существовании и определении».¹

Несмотря на то, что к этому времени термин «интеллигенция» имел хождение в русской литературе почти полвека, общепринятого определения интеллигенции выработано не было.

Одним из первых в исследуемый период, попытку определить интеллигенцию с позиций идеализма предпринял Н.А.Бердяев.

В статье «Критика исторического материализма» он определяет сверхклассовую интеллигенцию, как ту «... часть человечества, в которой идеальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность. Интеллигент - это человек с наибольшей внутренней свободой, он живет в первую очередь: интересами разума, интеллекта, духовный голод есть его преобладающая страсть».² Таким образом, в основу предложенного определения Бердяев положил два признака: космополитизм и специфику внутреннего мира. Интеллигенция выступает как надклассовое и наднациональное явление, - «часть человечества», а не нации.

В ответ на статью Н.А.Бердяева в журнале «Образование» была опубликована статья А.С. Изгоева «Интеллигенция как социальная группа». Изгоев дал определение класса и в его основу положил способ вхождения человека в экономические отношения с другими людьми. Таких способов было выделено четыре: 1) посредством своего физического труда; 2) посредством умственного труда; 3) через владение землей; 4) посредством владения капиталом. Соответственно этим способам выделялось четыре класса: 1) физических работников; 2) умственных работников; 3) земледельцев; 4) капиталистов. При этом Изгоев подчеркивает, что класс работников умственного труда и интеллигенция – это не одно и то же. Класс умственных работников может подразделяться на множество групп, в зависимости от признака, положенного в основу. Для интеллигенции таким признаком, согласно А.С. Изгоеву, является «присущий профессиональной деятельности этих лиц элемент учительства в широком смысле слова».³ Он указывает, что необходимым условием выполнения интеллигенцией ее профессиональных обязанностей является свобода. Исходя из этого, вся деятельность интеллигенции мотивирована стремлением к наиболее полной свободе. На этом пути ей противостоит бюрократия. «Бюрократия - это группа людей, формально исходящих от Верховной Власти». И, как отмечает Изгоев, бюрократия выступает орудием верховной власти и тех общественных сил, чьи интересы данная власть представляет. В условиях, когда верховная власть номинально независима от каких бы то ни было общественных групп, бюрократия превращается в самодовлеющую силу, главная цель которой - сохранить свое привилегированное положение любой ценой. Изгоев выделяет важную закономерность: чем более подавлены и не развиты общественные группы, тем полнее господство бюрократии.

Исходя из данных положений, был сделан вывод об особом значении интеллигенции. «Когда в окружающей жизни мало простора, интеллигенция в силу присущего ей стремления к свободе, становится на самый высший пьедестал, в стране переживают героическую эпоху. Так было во всех странах, везде было время, когда интеллигенция рождала героев».⁴ Необходимо учитывать, что статья А.С. Изгоева публиковалась в легальном, т.е. подцензурном журнале.

Главным признаком интеллигенции А.С.Изгоев считал деятельность по распространению знаний – «учительство». Согласно этому, она противостоит бюрократии не только потому, что интеллигенция (или ее часть) революционна, но и по самому своему условию существования. Несмотря на то, что интеллигенция малочисленна, «теоретична» и «оторвана от жизни», бюрократия ее победить не может, поскольку «...современное общество немислимо без распространения знаний, без интеллигенции».⁵

Определяя роль русской интеллигенции, П.Б.Струве писал: «Русская демократия - это демократическая интеллигенция».⁶

Традиционно авторство термина «интеллигенция» приписывается русскому писателю П.Д. Бобарыкину, который ввел его в оборот в 1866 году.⁷ П.Д. Бобарыкин, придерживавшийся либерально-демократических взглядов, в ноябре 1904 года в публичной лекции в пользу Пречистенских классов для рабочих разъяснял, что под интеллигенцией он понимает «самый образованный, культурный, передовой слой общества известной страны».⁸

Необходимо отметить, что как в отечественной, так и мировой научной литературе ссылки на П.Д.Бобарыкина как на пионера в употреблении современного понятия интеллигенции вызывают частые нарекания. В.Р.Лейкина-Свирская указывает: «Весьма долго существовало мнение, будто слово «интеллигенция» в русский язык введено писателем П.Д.Бобарыкиным. В научной литературе от него уже давно отказались и, думается, вполне обоснованно».⁹ Данную точку зрения разделяют и ряд других ученых (Л.Я. Смоляков, М.Е. Добрускин), ставя под сомнение авторство П.Д.Бобарыкина и считая, что это утверждение основано исключительно на свидетельстве его самого.

В 1909 году в сборнике «В защиту интеллигенции» П.Д. Бобарыкин определяет интеллигенцию, как верхний, образованный слой общества, состоящий из людей «высшей умственной и этической культуры».¹⁰ Исходя из этого видно, что он в данное понятие вкладывал, с одной стороны, нравственно-этическое содержание, а с другой, относил интеллигенцию, в социологическом плане, к интеллектуальной элите общества. При этом признавал, что интеллигенция не является единым целым, а с точки зрения общественной активности, распадается на различные общественные группы и течения, в основном все же придерживаясь либеральных направлений.¹¹

Взгляды П.Д. Бобарыкина во многом совпадали со взглядами идеологов конституционно-демократической партии, уделявших значительное внимание интеллигенции и той роли, которую она играет в обществе. Рассмотрением данных вопросов занимались члены ЦК кадетской партии П.Н.Милюков, Н.А.Гредескул, И.И.Петрункевич, А.А.Корнилов, К.К.Арсеньев и другие представители партии, а также видные историки, юристы, литераторы, экономисты, находившиеся в «околокадетских» кругах и придерживавшиеся либеральных взглядов.

В целом, сущность интеллигенции, которую пытались определить либеральные деятели, представляется неоднозначной. Так, Н.А.Гредескул писал, что «интеллигенция», в смысле «ума» и «понимания», так же, как в смысле «нравственной чуткости», существует, конечно, у всех народов и во все времена. «Интели-

генция» – это всегда и всюду «верхний слой» социального духа, его «сливки», его «цвет».¹² Этим определением Н.А. Гредескул подчеркивал элитарность интеллигенции.

Известный русский литературовед и языковед, автор «Истории русской интеллигенции»¹³ Д.Н. Овсянко-Куликовский, стоявший на либеральных позициях, иначе определял природу интеллигенции. «Интеллигенция, - писал автор, - это все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны».¹⁴ При этом Д.Н. Овсянко-Куликовский подчеркивает, что «умственная активность» является той основной чертой, которая отличает интеллигенцию от остальной массы населения. Он указывает, что этой особенностью определяется вся психология интеллигенции, как в общих, так и типичных чертах у разных народов и в разные эпохи. «Интеллигенция есть мыслящая среда, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности».¹⁵

Таким образом, Д.Н. Овсянко-Куликовский характеризовал интеллигенцию не как элитарное, узкое образование, а как относительно широкую группу людей, которая обладает определенным образовательным уровнем и такой отличительной чертой, как участие в умственной жизни страны. Основное внимание ученый сосредоточил на рассмотрении того значительного влияния, которое русская интеллигенция оказала на умственное и нравственное развитие народа, не затронув при этом проблему участия интеллигенции в российском политическом процессе.¹⁶ Определив интеллигенцию как образованную и мыслящую часть общества, создающую и распространяющую общечеловеческие духовные ценности, он поставил своей задачей исследование психологии данной социальной группы. По его мнению, изменение психологических характеристик интеллигенции зависит от двух основных факторов. Во-первых, от внешнего, под которым понимаются экономические процессы, политика правительства и т.д.; во-вторых, от внутреннего, который заключается в изменении социального состава интеллигенции как группы. Он показывал взаимосвязь данных двух факторов. Источником, с помощью которого Овсянко-Куликовский изучал психологию русской интеллигенции XIX века, выступала русская литература.

Главный идеолог конституционно-демократической партии П.Н. Милюков попытался дать понятие интеллигенции как в узком (собственно «интеллигенция»), так и широком («образованный класс») смысле слова, стараясь таким образом снять возникшее противоречие. «Термины «интеллигенция» и «образованный» класс иногда сливаются как синонимы, а иногда противопоставляются одно другому как понятия соотносительные. Я представляю себе их отношение в виде двух концентрических кругов. Интеллигенция - тесный внутренний круг: ей принадлежит инициатива и творчество. Большой круг «образованного слоя» является средой непосредственного воздействия интеллигенции. С расширением круга влияния изменяется и размер, и характер интеллигентского воздействия. Начавшись с индивидуального, личного, кружкового, эмоционального и непосредственного, влияние это становится литературным, коллективным, рациональным и научным. Ни центральное ядро интеллигенции, ни образованную среду,

конечно, нет надобности представлять едиными». ¹⁷ Следует отметить, что П.Н.Милюков сделал упор на нравственно-этический аспект и в меньшей степени отразил социально-экономическую характеристику, что привело к некоторой односторонности определения.

Лидер кадетов признавал глубокое своеобразие русского исторического процесса. Но, при этом, не считал это своеобразие неизменным и неразложимым. И не усматривал в данном своеобразии природных и исторических условий залога особого совершенства русской культуры. Он определял их как тормоз, объясняющий запоздалость ее развития. ¹⁸ Отражая общие взгляды российской интеллигенции, П.Н.Милюков всячески доказывал, что нет причин думать, что политическое развитие России должно остановиться. Он доказывал, что в России, как и в других странах Европы, военно-национальное государство постепенно превратится в промышленно-правовое. ¹⁹ Каковы бы ни были «коренные различия» России и западноевропейских государств, всем им одинаково присущи «законы политической биологии», т.е. общие законы политической эволюции, утверждал П.Н.Милюков, и на известной стадии этой эволюции «политическое представительство является неизбежной формой, совершенно независимо от тех конкретных черт, которые это представительство может принять под влиянием тех или других местных условий данной страны». ²⁰

Как особенность, Милюков рассматривает своеобразное место государства в русской истории. С одной стороны, государство выступает как тормоз политизации российского общества, подвергает огосударствлению все его сферы. Милюков показывал, сколь всемогуще, вездесуще и всеведуще русское государство и как оно опекает своего подданного. ²¹ С другой стороны, оно играет прогрессивную роль в качестве созидательного начала, символа общенациональных интересов и единственно реальной силы, противостоящей узкоклассовым эгоистическим стремлениям. Не случайно, отмечает историк, именно по инициативе государства начинались все преобразования в России.

Согласно Милюкову, предстоящие преобразования обусловлены двумя основными факторами: во-первых, эволюционным развитием российского общества; во-вторых, определенным опытом общественно-целесообразной деятельности государства. Наиболее приемлемой формой выступают реформы, направленные на совершенствование и укрепление российской государственности. Первоочередными для России историк называет политические реформы, проведение которых должно быть своевременным и обусловлено внутренними экономическими потребностями страны. Более того, «политическая реформа должна предшествовать социальной». ²²

Наряду с государством, носителем идеи общего блага, общенациональных интересов, Милюков называет интеллигенцию. Она раньше и лучше других познакомилась с европейскими теориями общественного развития, а также по методу формирования является бессословной средой, которой общенациональные интересы ближе и понятнее.

Идеологи либеральной интеллигенции были убеждены в том, что создание политических партий в стране является неизбежной и исторически насущной задачей. В письме Д.И.Шаховскому П.Б.Струве писал, что «нужна организация

политической партии, которая поставила бы себе задачу использовать огромную накопившуюся революционную энергию русской интеллигенции и постепенно... оздоровила всю революционную среду».²³

Известный русский экономист и историк, видный деятель кадетской партии М.И.Туган-Барановский, исходя из определения класса как общественной группы, члены которой находятся в одинаковом положении по отношению к процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп, считал, что ни к одному из существующих классов интеллигенцию причислить нельзя, но и самостоятельного класса она не образует. Интеллигенция, по его мнению, это «совокупность профессиональных общественных групп без определенной классово-окраски»²⁴, и представители этой социальной общности могут примыкать к любому классу. Он также указывал, что термин «интеллигенция» в России употребляется не столько для обозначения определенной социально-экономической, сколько социально-этической категории. Под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда («мыслящий пролетариат», как определял разночинную интеллигенцию Писарев), а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика».²⁵ При этом М.И.Туган-Барановский считал, что противоречия нет, так как, по его мнению, данное социально-этическое понимание термина «интеллигенция» может в общественном сознании сливаться с «социально-экономическим его пониманием (интеллигенция как группа представителей умственного труда)».²⁶

Таким образом, мы можем наблюдать, что в кадетской литературе проблема определения термина «интеллигенция» получила широкое освещение. При этом общее его толкование, ввиду различия во взглядах идеологов кадетской партии, выработано не было. Некоторые либеральные деятели отмечали, что интеллигенция является относительно широкой социальной группой, занимающейся интеллектуальным трудом, другим интеллигенция представлялась узким слоем, интеллектуальной и духовной элитой нации. Имели место и небезуспешные попытки объединить данные точки зрения.

В начале XX в. широкое распространение получило и в определенной мере стало классическим определение интеллигенции, данное Р.В. Ивановым-Разумником в его работе «Что такое интеллигенция?» (1907 г.).

«...Интеллигенция, – указывал автор, – есть этически – анти-мещанская, социологически-внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности».²⁷ Он подчеркивал, что к интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и в тоже время никакой универсальный диплом не даст право его обладателю причислить себя к интеллигенции. В представленном определении интеллигенции Р.В. Ивановым-Разумником совмещены этико-психологический и социологический подходы, при этом интеллигенция выступает как особая группа, назначение которой заключается в идеологическом формировании личности. В мировоззренческом плане исследователь противопоставлял интеллигенцию мелкобуржуазной городской среде, проводя водораздел между преимуще-

ственно теоретическим сознанием интеллигентов и обыденным сознанием мещан. Однако, Иванов-Разумник не видел роли интеллигенции в государственном строительстве, в организации хозяйственного труда, отводя ей место лишь в духовной жизни общества.

Лидер крайне левого крыла партии эсеров Лозинский Е.И. еще в 1907 году писал об интеллигенции: «Это класс привилегированный эксплуататорский, питающийся внеуродовым доходом, неоплаченным трудом ручных рабочих».²⁸ Он утверждал, что огромный и все более сложный производственный механизм современного ему общества становится для «физических рабочих» все большей тайной, доступной лишь образованному меньшинству и его потомству, и именно этим путем готовится грядущее мировое господство интеллигенции.

Наряду с социологическим и нравственно-этическим подходом в этот период времени начинает использоваться классовый подход в оценке интеллигенции. Авторы социал-демократического направления, оценивая весьма критически роль интеллигенции в общественно-политическом развитии страны, осуждали представителей образованного общества за медленное выступление против абсолютизма, приверженность к эволюционизму и реформаторской тактике.²⁹

Идеолог марксизма Г.В.Плеханов доказывал, что идеалы интеллигенции всегда носят классовый характер и рождаются на конкретной почве классовых отношений.³⁰ Он полагал что, интеллигенция является передовой частью каждого класса, его идеологом. При этом, ссылаясь на К.Маркса, отмечал, что «воспитателем» может быть только передовая часть класса. Г.В.Плеханов считал, что интеллигенты должны слиться с наиболее прогрессивным классом своего времени, и взять на себя роль его идеолога.

В.И.Ленин, в работе «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.), относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain workers, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда».³¹ То есть интеллигент от неинтеллигента отличается тем, что преимущественно занимается умственной работой. В то же время, в статье «Задачи революционной молодежи» (1903 г.) он подчеркивал, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»³². При этом он не признавал внеклассового, внесловного характера интеллигенции, считая, что члены этой социальной группы всегда выражают интересы определенных классов, и, соответственно, выделял буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую интеллигенции.

В последствии в советской исторической науке ленинские определения интеллигенции стали официальными, и за ней закрепился статус социальной прослойки.

По мнению большевика В.В.Воровского, интеллигенция является особым социальным слоем, который складывается из представителей разных классов, и не имеет своих особых глубоких общественных задач. Интеллигенция либо выдвигает общие всем прогрессивным классам культурные задачи, либо обособленные задачи того или другого класса. Особым свойством интеллигентского мышления В.В.Во-

ровский называет рационализм, поскольку «культ мысли, разума, крайне характерен для интеллигента-рационалиста, для которого мысль является главным орудием производства, питающим его и материально, и нравственно, орудием к которому приспособлена вся жизнь интеллигента и... его мышление».³³

Формирование интеллигенции, как считал В.В.Воровский, идет из двух основных источников: разночинцев (мелкой буржуазии) и дворян. Интеллигенция как промежуточный слой обладает мелкобуржуазным характером в связи со своим происхождением и материальным положением, при этом по своему развитию она находится на высоте современной буржуазной культуры. Считая мысль главным орудием образованного человека, автор в тоже время не видел в этом орудии большой ценности для интеллигента. Он писал, что «относительное конкретное, диалектическое мышление доступно только классу, который сам развивается. Интеллигенция же, как таковая, не развивается, ей предстоит лишь растворение в складывающихся и крепнущих классах буржуазного общества».³⁴

Значительный интерес представляет меньшевистское 5-томное издание «Общественное движение в России в начале XX века». Его авторы, рассматривая участие интеллигенции в общественно-политическом процессе, отмечали, что представители российского образованного общества занимали ведущие позиции в освободительном движении накануне первой русской революции. Так, Н.Череванин писал, что: «В предреволюционный период только один слой населения в своей массе стоял в непримиримой оппозиции к самодержавию и сознательно стремился к свободному конституционному строю. Этим слоем населения была интеллигенция».³⁵ Он предложил выражение, «профессиональная интеллигенция» для обозначения слоя людей, зарабатывающих средства к жизни умственным трудом. Н.Череванин считал, что профессиональная интеллигенция выступает промежуточным слоем между эксплуататорскими классами и рабочей массой: верхние ее слои по своему социальному и экономическому положению приближаются к владельческой буржуазии, а нижние, соответственно, менее обеспеченные ее слои очень близко подходят к рабочему пролетариату.

Л.Д.Троцкий в статье «Интеллигенция и социализм» (1910г.) рассматривал интеллигенцию как класс умственных работников, чьей сферой деятельности является культура (развитие техники, науки, искусства), что объясняет «духовный» характер ее работы. К представителям интеллигенции он относил врачей, адвокатов, писателей, художников, скульпторов, артистов, директоров заводов и фабрик, инженеров, несущих административные обязанности.³⁶ Материальные интересы и социальные связи, по мнению Л.Д.Троцкого, сближают интеллигенцию с буржуазией, тем самым отдаляя ее от пролетариата и социализма.

Таким образом, дискуссии досоветского периода историографии не привели к выработке общепризнанного понятия «интеллигенция». Данное понятие в дореволюционной историографии рассматривалось вместе с вопросом о месте интеллигенции в социальной структуре общества. В решении этой проблемы можно выделить три основных направления: первое определяло интеллигенцию в России как отдельный класс, второе - как внеклассовое образование, третье включало интеллигенцию составной частью в основные классы российского общества. Многообразие подходов и полнота мнений в обсуждении проблем

РАЗДЕЛ IV

интеллигенции объясняется особенностью социально-экономического развития России в начале XX века, обострением политической борьбы, неоднородностью самой интеллигенции и возрастанием ее роли в общественно-политической жизни страны.

Примечания

- ¹ *Арнольд Ф. К.* Журнальное обозрение // Русская мысль. 1904. № 3. С. 164.
- ² *Бердяев Н. А.* Критика исторического материализма // Мир божий. 1903. № 10. С. 28.
- ³ *Изгоев А. С.* Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. 1. С. 86.
- ⁴ Там же. С. 88.
- ⁵ Там же. С. 92.
- ⁶ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Струве, 279, оп. 1, д. 42, л. 5.
- ⁷ *Бобарыкин П. Д.* Погнившие «Вехи» // В защиту интеллигенции: сб. ст. М., 1909. С. 128.
- ⁸ *Бобарыкин П. Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80.
- ⁹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема // Социальная структура общества в XIX веке. М., 1982. С. 45.
- ¹⁰ *Бобарыкин П. Д.* Подгнившие «Вехи». С. 134.
- ¹¹ Там же. С. 134–135.
- ¹² *Гредескул Н. А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 233.
- ¹³ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции: Итоги русской художественной литературы XIX века. Ч. 1–3. М., 1906–1911.
- ¹⁴ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. С. 382.
- ¹⁵ Там же. С. 385.
- ¹⁶ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции. СПб., 1906–1911. Т. 3.
- ¹⁷ *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России. С. 298–299.
- ¹⁸ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 37.
- ¹⁹ *Милюков П. Н.* “Исконные начала” и “требования жизни” в русском государственном строе. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7.
- ²⁰ *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 22.
- ²¹ *Милюков П. Н.* Введение в курс “русской истории”. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Московского университета в 1894–95 акад. году прив.-доц. П. Н. Милюковым. Вып. 3. М., 1895. С. 81–82.
- ²² *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 266.
- ²³ Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ), ф. 302, д. 40, л. 13.
- ²⁴ *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. Пг., 1917. С. 364.
- ²⁵ *Туган-Барановский М. И.* Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России. С. 430.
- ²⁶ Там же. С. 431.

²⁷ *Иванов-Разумник Р. В.* Что такое интеллигенция // Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М., 1993. С. 80.

²⁸ *Лозинский Е.* Что же такое, наконец, интеллигенция? СПб., 1907. С. 258.

²⁹ *Маунбрыхер М.* Интеллигенция и социал-демократия. Одесса. 1906; *Шулятников В.* Из истории и практики классовой борьбы // Вопросы об интеллигенции. М., 1907; *Воронцов В. П.* Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: избр. Произв. М., 1994. С. 52.

³⁰ *Плеханов Г. В.* Идеология мещанина нашего времени // Избр. философ. Произв. Т. 5. С. 541–544.

³¹ *Ленин В. И.* Шаг вперед, два шага назад // Полн.собр.соч. Т. 8. С. 309.

³² *Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи // Полн.собр.соч. Т. 7. С. 343.

³³ *Воровский В. В.* Литературная критика. М., 1971. С. 270.

³⁴ Там же. С. 269.

³⁵ Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. СПб., 1909. С. 261.

³⁶ *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 351–352.

И. А. Едошина

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ОБРАЗ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОСЛЕДНЕЙ РАБОТЕ В.В. РОЗАНОВА

Все, что написано Розановым в Сергиевом Посаде в течение 1917 – 1918 годов, отмечено нескрываемой болевой экспрессией. Частная, обустроенная жизнь известного писателя и журналиста разваливалась на его глазах, странным образом совпадая с грандиозной и одновременно катастрофической ломкой государственного устройства России. Вместе со «слинявшей» в два-три дня Русью, как горестно заметил Розанов в «Апокалипсисе нашего времени», погибали уже не идеи, а люди¹. Острое осознание этого неожиданного совпадения частной и государственной жизни отразилось в эмоционально окрашенной лексике его последних работ.

Пытаясь спасти своих близких, Розанов (весьма прозорливо) еще в конце августа 1917 г. бежит из Петрограда в Сергиев Посад под спасительную сень преподобного Сергия. Бежит сюда, конечно, не случайно. Лавра исторически воспринималась, как заметил отец Павел Флоренский, жизненным единством всех (читай: разных) сторон Русской жизни². Лавра виделась средоточием «все-народного» творчества, которое сгущается около Лавры и возжигается культурною ее насыщенностью³. Этим ожиданиям не суждено сбыться, хотя веры самого Флоренского не поколебало. Иное дело – Розанов, который вновь, как в далеком костромском детстве, вынужден был вместе семейством вести полуголодный нищенский образ жизни. Потому летом 1918 г. Розанов часто ездил в Москву, посещал знакомых, чтобы побеседовать и, главным образом, поесть.

С осени время отсчитывалось только утратами. В сентябре, пытаясь сохранить свои рукописи, он передал в музей на хранение «листву» 1913 – 1918 гг.⁴

В октябре вдали от семьи умер единственный сын Василий, которому было всего восемнадцать лет. По воспоминаниям современников, от Розанова «остались одни глаза». Позднее, пытаясь хоть как-то прокормить семью, он истратил все деньги на приобретение кубиков «Магги», оказавшихся несъедобной подделкой. В начале ноября пропали три самые любимые золотые греческие монеты, которые то ли он сам потерял, то их украли, когда Розанов заснул в электричке. Последнее, что оставалось несмотря на запреты врачей, – баня и папиросы, даже если приходилось подбирать чужие окурки на улице⁵.

Таков контекст⁶ написания Розановым последней статьи «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышления о ходе русской литературы)»⁷. Уже в названии статьи объединяются две заветные темы в творчестве писателя: Египет и Россия⁸. Он их то соединял (Волга – «Русский Нил»⁹), то противопоставлял, удивляясь появлению древних сфинксов на берегах Невы:

... скромные сфинксы не опровергают, не спорят. Они только смотрят с улыбкою на пустые петербургские улицы, где

Их моют дожди, засыпает их пыль,

И мимо каменных изваяний их шмыгают чиновники с портфелями, делающие «европейский прогресс»¹⁰.

Условный «египетский» контекст обычно определенным образом корректировал реалии российской жизни в целом и ее отдельные события.

Древность, тем более египетская, никогда не казалась Розанову далеким прошедшим, поскольку в телесности предметного мира видела главное – божественное присутствие¹¹. Собственно, именно древность и открыла Розанову значимость всего «осозательного и обонятельного», вывела к полу не в качестве проблемы для размышлений, а полу как подлинному и единственному основанию бытия. Отсюда (в том числе) – его резкая критика христианства.

В статье Розанов пытается постичь смысл происходящих в России событий, сопрягая их с ее тысячелетней историей, с одной стороны, а с другой – имплицитно поверяя эти события глубокой древностью, воплощенной в лексеме «пирамида». В результате писатель строит *свою* «пирамиду» русской истории, странным, на первый взгляд, образом сфокусированную в тех особенностях, что отличают развитие русской литературы.

К творению «пирамиды» Розанова подвигают события 1917 – 1918 гг., свидетелем которых он стал и в течение которых на его глазах «рухнуло Русское царство» (659)¹².

По Розанову, если не понять, *что* «кончилось» в России, у страны может и не быть будущего, как уже не стало его у «бывших». Сегодня понимаешь, что писатель был глубоко прав. Но в те страшные годы одним было не до раздумий, другие радовались переменам, третьи умирали и воевали. Один Розанов (напомню, речь идет об осени 1918 г.), подобно Иоанну на острове Патмос, писал последние слова в последние дни русской истории. Так розановская историософия обретала свой окончательный облик.

Начало русской истории, по Розанову, было безоблачным, безбурным и бесшумным. Жизнь после призвания варягов устроилась по «наряду» - упорядоченно и правильно. Этой жизни вторили «разговорные начала» Руси, по природе ей свойственные. Так, литература и общественно-государственное устройство Руси развивались в гармоническом единении. Принятие христианства не нарушило этого единства, а лишь еще раз предъявило миру его подлинные основания:

После «начала Руси», которое было и вышло из Новгорода, при Владимире «Красном Солнышке» произошло в Стольном городе Киеве - *крещение Руси*... И в мотивах одного факта, Новгородского, и другого факта, Киевского – лежит опять один и тот же мотив: красота, зрелище, вид: «Стоя на богослужении в Святой Софии Цареградской – мы не знали, находимся ли на небе, или на земле» (661).

В результате «литература вся стала церковною»: жития, патерики, поучения – ее основными жанрами (661). Действительно, именно церковная литература приобщила к чтению, занимая все мысли человека, определяя его поступки.

Все изменилось с переносом столицы сначала в Москву, потом в Петербург. Это перенесение центров исторической жизни, по Розанову, выявило «отсутствие большой *крепости* к земле... Славяне не жили *родовою жизнью*... они не так глубоко *врастали* в землю, *гнездились* в земле» (662). Потому «в русской истории содержится интерес, но не содержится значительности, по крайней мере столь исключительный, как в евреях, эллинизме и романизме... как в германизме» (662 - 663). Ярким примером отсутствия «крепости к земле» в XV, XVI, XVII вв. на юге России стало казачество, некоторое «побродяжничество Руси». И вновь можно только поразиться розановскому прозрению, если вспомнить, например, роль казаков в эпоху Смуты, этого переломного времени в русской истории.

Только утвердившись в качестве столицы, Москва смогла начать «выращивать» новую власть и нашла для нее единственно приемлемую форму – царскую власть, которая отстояла Русь от края и до края, и от корня которой Русь вся питалась, тоже от края до края. Царская власть есть духовное и личное осмысление всей Руси, и, ничего здесь не деля, а, только целебно соединяя и совмещая, мы бы повторили народное и благодатное народное слово: «как на Небе – Един Бог, так и на Земле – Един Царь» (663).

Так, обрел окончательные формы «самостоятельный, большой русский мир. Начало цивилизации, самобытности, оригинальности» (663).

Этот мир изнутри подтачивало неумение или нежелание правителей (яркий пример – Иоанн IV) укрепляться не только лично, но и крепить сословную жизнь.

«...“Царь был”, но он – “не одел себя порфиною”, а “порфира царская” – это “люди царственные”. Когда мы в последующее время увидим яростные порывы интеллигенции взять себе “всю власть”, мы увидим, как “царская власть”, в сущности, и погибла от того, что вовремя и благоразумно не сумела окружить себя защитным лесом. Интеллигенция, в муке на дворянство, в злобе “почему оно – не дворянин”, рвала последние клоки его, вырывала “свиным рылом” последние корни того дуба, который начала шатать царская власть. А когда, в одиночку и в борьбе, встретился “интеллигент и царь”, то интеллигент сбросил царя с перил моста, как более молодой, как более сильный, как менее стеснявшийся в средствах борьбы, как более злодей и разбойник вообще – как менее воспитанный

человек и более преступный тип. Но все это настало потом и к нашим временам. Все это открылось к “вершине пирамиды”, которая “разрушилась”» (664).

Следует заметить, что «вершина», по Розанову, «врастает в землю» (662). Речь не идет о перевернутой пирамиде, скорее, писателем создается оригинальный образ укорененной жизни, имеющей богатую разветвленную родовую систему питания всего и вся. Эта пирамида имеет две вершины: видимую и невидимую. Первая проявляется в государственном процветании (Розанов называет его «мистическо-жизненным» основанием), вторая - «в странно-мистическом, космогоническом смысле» бытия нации (662). Вот этой, второй, традиционной, испытанной в историях других государств, «вершины» была лишена русская история: «Москва была похожа только на себя» (665). И поскольку все крепилось органикой становления и развития государственного устройства на основах национальной ментальности, Русь «зачаровала весь мир» (665).

Так было до петровских реформ, а в результате этих реформ «поскакал молодой конь в безбрежность, в незнаемое...» (666) В эти преобразования включилась «новая литература, совершенно новая». Историософия странным образом переплетается с литературософией. И вновь прав мыслитель. После того, как никоновские реформы раскололи русский мир на ревнителей новой и старой веры, привычное чтение житий, поучений, патериков начали теснить книги иного – светского – содержания.

В результате, по Розанову, литературе удалось заполнить «пустующие» словесные страты делением общества на «старое и молодое», из истории литературы, действительно, известное противостояние отцов и детей.

«История русской литературы» берется Розановым в кавычки и обозначается «всемирным явлением» (666). Причина заключена в поразившем писателя (доселе небывалом) вмешательстве литературы в реальную жизнь:

Еще никогда не бывало случая, «судьбы», «рока», чтобы «литература сломила наконец царство», «разнесла жизнь народа по косточкам», «по лепесткам», чтобы она «разорвала труд народный», переделала «делание» в «неделание» – завертела, закружила все и переделала всю жизнь... в сюжет одной из повестей гениального своего писателя: «Записки сумасшедшего» (666).

Так русская история преобразовывается в литературный сюжет из «записок сумасшедшего», развивается и живет в пределах этого сюжета, становясь в результате «смертью своего отечества» (666).

Задаваясь вопросом, как подобное могло произойти, Розанов рисует два образа, которые на протяжении, минимум, двух веков противостояли друг другу. Один – образ литераторов. Они были готовы отдать жизни во имя служения родине, народу, «но не с забвением и универсальных задач человечества, и вообще всего гуманного, просветительного, школьного», целый век служили «литературе и жизни». Вся же их деятельность привела к тому, что все «провалилось, погибло» (667). Другой образ – самое государство, усиленно наблюдающее за литераторами и литературой с тем же результатом.

Но эти характеристики не дают ответа на поставленный вопрос, а лишь придают вопросу более явственный облик. И ответ на этот вопрос Розанов ищет, видя перед собой «пирамиду уже с вершины тысячелетия»: суд русской интеллиген-

ции состоялся, царство повержено. А в результате только скандальный шепот германской полиции:

«сколько же вам следует миллионов, бильонов талеров уплатить за продажу своего отечества, за уступку провинций ваших, за развал вообще всей России: раскалывание которой, щели которой мы давно видели, и на них рассчитали победу военную и политическую, после того, как давно, уже с Петра Великого и Екатерины Великой, с Александра I Николая I, культурно, идейно, научно, университетски, школьно, административно, законодательно, судебно, медицински, аптекарски, фабрично, заводски, торгово, по отделу страхования и банков постепенно овладели и давно и крепко всем овладели в России»? – «Деньга *счет любви*» и «даром мы ничего не берем, хотя бы вы и отдавали в рабство нам свое отечество совершенно задаром»... (670)

По Розанову, Россию предали сначала литераторы (Грановский, Белинский, Станкевич, Некрасов, Щедрин, Бакунин, Кропоткин, Горький, Л. Андреев, Тургенев, Толстой, Островский и др.), потом (вслед за ними) – царь. Собственно, в предательстве и разрешилось противостояние власти и литературы. Верными России оказалась горсточка праведников-славянофилов: Катков, Леонтьев, Гиляров-Платонов, Данилевский, Страхов, Аксаковы, Хомяков, Киреевские, Флоренский, Эрн, Булгаков, Рцы-Романов, Гильфердинг, Востоков. «Но они все были бессильны. Они звонили в колокольчики, когда в стране шумел набат. Никто их не услышал, никто на них не обратил внимания. Когда уже все крушилось, пирамида падала, царство падало...» (670) Но все же Розанов дает высокую оценку горсточке праведников: «Это алтарь. Растоптанный алтарь» (671).

Стремясь представить историю русской литературы, связав это развитие с русской историей, Розанов обнаруживает, что она в петровскую и послепетровскую эпоху развивалась «радостно» (Кантемир, Фон-Визин, Ломоносов, Княжнин, Херасков, Хемницер, Державин). Общий смысл этого развития, с его точки зрения, передается в строке М.В. Ломоносова из «Оды на победу над турками и татарами и на взятие Хотина, 1739 года»: «*Восторг внезапный ум пленил*» (671). Далее следует:

Утихающий «восторг», но все-таки восторг, что-то крепкое и славное, держится в Батюшкове, Жуковском, Языкове, Пушкине.

Это солнцестояние русской литературы. Это – ее высший расцвет, зенит. Эдем ее. Все сияет невыразимою, независимою красотою: и Смирдин оплачивает червонцем каждый стих Пушкина (671).

Взвилась звездой не то утренней, не то вечерней лента поэзии Лермонтова, что-то сказочное, что-то невероятное для его возраста, для его опыта: взглянув на которую черный гном Гоголь сказал: «Я тебе покажу, звездочка»... (672)

Далее история русской литературы творилась, по Розанову, за исключением «горсточка праведников», семинаристами, тупыми, злыми, холодными. В результате «вся русская история стала представляться или была выставлена как гноище пороков и преступлений, которое чем больше кто ненавидел, тем он казался сам пророчесственнее, священнее» (672). А в силу того, что Россия – «не сильный отпечаток чужих произведений», то закономерно следует «гибель от литературы, единственный во всей всемирной истории образ гибели, способ гибели,

РАЗДЕЛ IV

метод гибели» (672 – 673). Парадокс же ситуации заключается в том, что одновременно русская литература, несмотря на всего *один век существования*, - поднялась до явления совершенно универсального, не уступающего в красоте и достоинствах своим ни которой нации, не исключая греков и Гомера их, не исключая итальянцев и Данте их, не исключая англичан и Шекспира их и, наконец, даже не уступая евреям и их Священному Писанию, их «иератическим пергаментам». Тут дело в самоощущении, в душе, в сердце. Тот век, который Россия прожила в литературе *так страстно*, этот век она совершенно верила, во всякой строчке своей верила, что переживает какое-то священное писание, священные манускрипты... И это – до последнего времени... Это, конечно, экстаз. Когда «дряхлый старик» – «.....»

Это его конец и правда. Развратный старик. Так ты и погиб. Но погиб пророчески и великолепно, от Пушкина до Лейкина, не отняв смычка от струны.

Сам заслушался...
И когда уже все горело...
Алтари падали как в Карфагене...
Римские воины ломались в стены...
Ты слушал и слушал, великолепный певец.
Ты был небесен только в слове.
И – Это небо тебя раздавило (673).

Думается, что ключом к пониманию сути розановских размышлений является название статьи – «С вершины тысячелетней пирамиды». Определение «тысячелетней» недвусмысленно отсылает к христианству (более в этом контексте к чему?). Хотя в 1918 году, времени написания статьи, принятию христианства на Руси (988) еще столько не исполнилось, за обозначенным определением скрывается не называемое автором христианство, что представляется вполне убедительным, если вспомнить об «Апокалипсисе нашего времени», писавшемся Розановым в 1917 – 1918 годах. Кроме того, самая форма пирамиды есть свидетельство однажды случившейся завершенности. Так в христианстве вся история уже однажды произошла: Творение мира, Боговоплощение, Конец света. Если Творение мира взять за основание пирамиды, а Боговоплощение за ее наклонные стороны, то с вершины пирамиды открывается Конец света, к которому Розанов и приравнял события октябрьского переворота 1917 года. В названии заключена самая суть, зерно розановских раздумий. А нюансы раскрываются в собственно статье.

Основу русской пирамиды, которая в отличие от «родовых» твердынь истории (еврейская, греческая, римская, германская) своей вершиной не уходит в землю, Розанов видит в ее утверждении на земле. Утверждение плотное, ризомно укрепленное. Обращаясь к русской истории, он как-то вскользь говорит о роли религиозных верований в допетровской России. Христианские мотивы появляются в контексте розановских раздумий о литературе. Сначала он обращает внимание на писателей:

Каким образом величайшая благожелательность, прямо «христианские чувства» – правда, без упоминания имени Христова, - и вечное служение родине... и только народу... каким образом целый век служения «Литературе и жизни»... привело к тому, что все «провалилось, погибло»? (667)

Затем переводит взгляд на правительство:

Как это могло случиться в Государстве величавом – от действия писателей презираемых, гонимых, цензурируемых, за которыми глядело «сто глаз», с которыми «не церемонились», которых почти вешали, для которых были заготовлены специальности вроде Петропавловки и Шлиссельбурга, которых едва не «драли», да, кажется, и «драли», потаенно и некоторых... (667)

И далее следует весьма знаменательное добавление о писателях:

И которые вообще приняли на себя Голгофу долготерпения... (669)

Таким образом, получается, что именно гонения со стороны правительства придали писателям мученический ореол, правительство слишком ими интересовалось, что не могло не вызвать обостренного внимания со стороны общества. Однако только этим, сугубо внешним, источником страдания русских писателей не исчерпываются по той причине, что страдания носят личностный, биографический характер. Слово «Голгофа» отсылает к более глубокому, но и более скрытому источнику.

Вот *кто* им (писателям. – *И.Е.*) помог... Бес или Бог... «Христа» не надо, «имя Его ненавистно», - но ведь в тайне и в сердце – что же выше Нагорной проповеди и привлечения «чистого сердца» на «алтарь отечества» нашей хмурой и несчастной Руси... нашей лютой и холодной Руси, с обдираемым и кровенящимся народом... Вообще, что выше священного служения Человечеству, сироте, бедняку?... Голгофский страдалец – это Россия, это мы... (667)

Таким образом, «Голгофский страдалец» вдохновлял русских писателей, а, следовательно, если литература «разорвала» Россию, напрямую виновен в гибели России. Вот почему в финальном стихотворном тексте специально выделено:

И – Это небо тебя раздавило (673).

Последняя статья Розанова заключает всю историю его драматических отношений с церковью. Эти отношения всегда были лично окрашены: сначала невозможностью развестись с Суловой, которую он не любил, но по церковным законам обязан был состоять с ней в браке; потом невозможностью (из-за отказа Суловой дать развод) венчаться с Бутягиной, которую любил и имел от нее детей; наконец, бегство из Петербурга в Сергиев Посад должно было подарить чудо, но чуда не случилось. Потому во всех нестроениях собственной и общероссийской жизни Розанов обвинил христианство. На мой взгляд, это, конечно, преувеличение, но особого рода – содержащее и некоторую правду. И связана эта правда с давней победой «московского благочестия», так мало обращенное к живому религиозному чувству и твердо убежденное в единстве церкви и государства.

Примечания

¹ Но и оставшиеся в живых будут разделены: на тех, у кого впереди «светлое будущее», и «бывших», то есть физически еще живых, но лишенных даже надежды на воз-

РАЗДЕЛ IV

можное устройство жизни в будущем. Собственно, на крови сначала «бывших» (царская фамилия, дворяне, священники, купцы, буржуа) во время «красного террора», потом крестьянства в период «великого перелома», а далее через систему лагерей – на крови миллионов, в числе которых мог оказаться любой и каждый, строилось «светлое будущее» для остальной (по другую сторону проволоки) части жителей большевистской «эрэфии». Жизнь человека, которая исторически в России всегда мало что значила, в период советской оккупации утратила всякую ценность, получив характерное определение – «щепка» по известной пословице «лес рубят – щепки летят». Как ни горько осознавать, но и Великая отечественная война была выиграна потому, что против немецкого железного оружия были брошены миллионы живых людей. В результате за каких-нибудь сорок с небольшим лет Россия лишилась творческой, строительной, нравственно и физически здоровой части своих сограждан и вряд ли когда-нибудь сможет адекватно восполнить эти утраты. Кажется, определение «бывшая» и есть подлинная характеристика нашего отечества.

² *Флоренский П.А., свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // Соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М.: Мысль, 1996. С. 368.

³ Там же. С. 369. Попытка «бывших» людей (свящ. П.А. Флоренский, будущий свящ. М. В. Шик, граф Ю. А. Олсуфьев и др.) уничтожаемой России найти свое место в другой жизни запечатлено, например, в сборнике «Троице-Сергиева лавра» (1919), который был уже набран, сброшюрован, но уничтожен властями еще в типографии. Первое издание появилось совсем недавно: Троице-Сергиева Лавра. М.: Индрик, 2007.

⁴ Несмотря на все сложности жизни, Розанов не оставляет теперь уже не кормящего писательского труда. Он продолжает работу над «Апокалипсисом нашего времени», десять выпусков которого выйдут еще при жизни писателя. С весны он публикует в журнале Виктора Ховина «Книжный угол» (Петроград) небольшие статьи: «Запущенный сад», «Гоголь и Петрарка», «Апокалиптика русской литературы», «Солнце», «Таинственные соотношения», «Из последних листьев», «Последние листья» (см.: *Федякин С. Р.*) О последней книге Василия Розанова // Розанов В. В. Собр. соч.: Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 381. В настоящее время опубликованы: «Гоголь и Петрарка», «Таинственные соотношения», «Апокалиптика русской литературы».

⁵ 24 ноября, когда писатель возвращался из бани, с ним на улице случился мозговой удар. Розанов слег и уже не поднялся. В этом же ноябре по Петрограду прошел слух о расстреле писателя. Но он умрет, если так можно сказать, «своей» смертью - от голода – 23 января (по старому стилю), 5 февраля (по новому) 1919 г.

⁶ См. также: Последние дни Розанова. Письма 1917 – 1919 гг. / предисл. Е. В. Ивановой; публ. Е. В. Ивановой и Т. В. Померанской // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 70–88.

⁷ Впервые издана в 1990 г. См.: *Розанов В.В.* Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской; вступ. ст. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990. С. 448–464.

⁸ К стати сказать, Розанов не был одинок в этом сопряжении Египта и России. См.: *Панова Л.Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина: в 2 кн. М.: Водолей Publishers: Прогресс-Плеяда, 2006. Во второй книге этого исследования помещено приложение № 1 «Египет в русской поэзии (антология)» (с. 7–222), свидетельствующее о значимости египетских образов и сюжетов для русской литературы, что еще более явствует из библиографии. В ее состав закономерно вошла книга Розанова «Возрождающийся Египет» (в 2002 г. осуществлена первая полная публикация – в соответствующем томе собрания сочинений Розанова, что выходит под редакцией А.Н. Николюкина). Хотя, конечно, в наследии Розанова «египетских» текстов много больше.

⁹ *Розанов В. В.* Русский Нил // Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899 – 1913 гг. / сост., коммент. В. Г. Сукача. М.: Танаис, 1994. С. 329.

¹⁰ *Розанов В. В.* Египет // Розанов В. В. Собр. соч. Во дворе язычников / под общ. ред. А. Н. Николокиной. М.: Республика, 1999. С. 350.

¹¹ Сравни признание отца Павла Флоренского: «Я не реалист, я эллин, египтянин, нубиец, кто хотите, но не нашего времени сын, и признаю лишь речи лишь священные, скрывающие убожество мира, а не размазывающие кал человечества по лицу Земли» (Из переписки священника Павла Флоренского с Л. А. Тихомировым) / публ. игумена Андроника (Трубачева) и С. В. Чеснокова; коммент. С. В. Чеснокова // *Энтелехия*. 2005. № 10. С. 94.

¹² Все цитаты даны по изданию: *Розанов В. В.* Собрание сочинений: О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николокиной. М.: Республика, 1995. Страницы указаны в скобках.

И. А. Палюлина

*Костромской государственный
Университет им. Н. А. Некрасова*

**ПРОГРАММА И ТАКТИКА КОНСТИТУЦИОННО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ВЫБОРАХ
В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В 1917 г.
(на материалах губерний Верхнего Поволжья)**

Владимирская, Костромская и Ярославская губернии избрали 23 членов Учредительного собрания и среди них лишь одного кадета – предпринимателя, министра торговли и промышленности, заместителя председателя Временного правительства, члена Совета Российской республики А. И. Коновалова, который возглавлял ярославский список партии Народной свободы. Но и этой удаче могло бы не быть, если бы не предвыборное соглашение с Союзом земельных собственников и представителями Всероссийского торгово-промышленного союза.

По итогам общероссийских выборов в Учредительное собрание партия кадетов получила 4,5 % голосов, но в рассматриваемых губерниях этот показатель оказался выше: во Владимирской – 6,2%, в Костромской – 7,5 %, в Ярославской – 11,7 %.¹ Добиться подобных результатов, на наш взгляд, им позволила правильно организованная избирательная кампания.

VII съезд Партии народной свободы (ПНС), проходивший в марте 1917 г., единогласно высказался за выборную форму правления. Кадеты ратовали за передачу Учредительному собранию всей полноты государственной власти и считали, что его задачи, помимо установления конституции, заключаются в разрешении всех неотложных государственных вопросов, которые встанут на очередь ко времени его созыва.

Являясь партией парламентского типа, именно ПНС приложила максимум усилий для разработки закона о выборах в Собрание, которое она считала регулятором межклассовых отношений, но отнюдь не священным институтом.

РАЗДЕЛ IV

Конституционные демократы полагали, что с его созывом спешить не следует, а лучше всего подождать до окончания войны. Поскольку прекрасно понимали, что в разгар революционных событий и при всеобщем избирательном праве имеют очень мало шансов победить на выборах, так как в моду входил радикализм. Тем не менее, у кадетов в достаточном количестве имелись и денежные средства и умелые ораторы и публицисты, которым было по плечу преподнести партийную программу широким слоям населения в самом лучшем виде. Богатый опыт думских кампаний не мало этому помогал.

Упор делался на надклассовый характер ПНС, торжество законности и порядка, разоблачение несостоятельности притязаний социалистов, особенно большевиков, на власть. Эта тактика была рассчитана на поддержку всех «государственно-мыслящих элементов», на разлитые в обществе патриотические чувства, оскорбленные военными поражениями и национальным унижением после распада бывшей империи, а также на естественную усталость народа от политической борьбы.

В августе были намечены обязательные и желательные кандидатуры для внесения в списки по округам. За местными комитетами оставлялось право отвергнуть предложенные фамилии. В октябре X съезд рекомендовал, во избежание потери голосов, принять все доступные меры к соединению списков партий и групп, стоящих на одинаковой с ПНС государственной платформе.²

Кадеты создали в Москве комиссию для объединения агитационной работы перед Учредительным собранием и для организации ее во всероссийском масштабе. Туда вошли 5 членов ЦК и представитель от студенческой фракции. Между ними для специального попечения были поделены все области. Московскую, которая включала в себя 21 губернию, в том числе Владимирскую, Костромскую и Ярославскую, курировал М. Г. Комиссаров.

В основу деятельности этой комиссии были положены пожелания местных отделов о том, что они нуждаются в приездах кандидатов в Учредительное собрание и других членов ЦК, а так же лекторов, инструкторов и агитаторов. И, конечно же, в равномерном снабжении партийной литературой, воззваниями и плакатами. В свою очередь центр ждал от местных комитетов открытия агитационных комиссий для работы в пределах губернии и набора, своими силами, пропагандистов, главным образом, из учащихся и крестьян. Предполагались также устройство, с некоторой помощью от центра, курсов и школ, оживление партийной жизни путем открытия клубов, организации собеседований и диспутов, образование складов для литературы. На долю уездных комитетов падала, главным образом, работа среди крестьянского населения.³

В октябре 1917 г. ЦК ПНС распространил письмо, к которому прилагалось 11 образцов различных плакатов для распространения в губерниях во время предвыборной кампании. В обращении к солдатам, например, говорилось о том, что заключить мирный договор с врагом можно будет лишь, победив его, а не стоя на коленях. Считалось, что противником достижения мира является тот, кто «мешает запасным полкам посылать на фронт свежие пополнения, кто зовет крестьян не возить на станции хлеб, кто в угольных копиях вызывает беспорядки, чтобы остановить паровозы на дорогах и печи на заводах, кто в тылу стачками, а порой

поджогами и взрывами стремится остановить заготовку снарядов и патронов». Партия обещала восстановить боеспособность армии и навести в стране такой порядок, который дал бы солдатам в окопах все нужное для того, чтобы в кратчайший срок заставить немцев завершить войну.⁴

В воззваниях к крестьянству анализировалось решение различными партиями аграрного вопроса. Эсеровская социализация критиковалась за отсутствие прав собственности на землю, невозможность передачи ее по наследству, постоянные переделы и засилье земельных комитетов. Меншевицкая муниципализация объявлялась созданием нового помещика в лице земства, и превращением крестьян в полностью зависимых от него арендаторов. Большевицкая национализация трактовалась как передача угодий в ведение государства рабочих, которые станут управлять крестьянами и не будут наделять их землей по справедливости. В этой связи всячески превозносилась аграрная программа кадетов, в результате реализации которой все будут довольны: и крестьяне, получившие угодья в собственность, и помещики, справедливо вознагражденные за потерянные излишки. ПНС заявляла, что она желает, чтобы русские крестьяне были такими же богатыми, грамотными, разумными и свободными сельскими хозяевами, как французские, немецкие, чешские крестьяне или американские фермеры. «За границей люди не глупее нас, – утверждало воззвание, – но там о социализации земли никто и слышать не хочет».⁵

Партийные установки активно проводились в жизнь на местах. ПНС шла во Владимирской губернии под № 1, в Костромской и Ярославской – под № 2. «Русский Манчестер» (Иваново-Вознесенск) увещевал граждан, что здравый смысл должен подсказать им, что единственным способом борьбы с разрухой и нищетой является твердый порядок, а установить его и решить все хозяйственные проблемы сможет только Учредительное собрание. Но, при одном условии, что в него пройдут «не крикуны, дела не понимающие, а добросовестные и серьезные люди, знающие, как устроить жизнь, как обеспечить рабочим нормальные условия труда, как наделить крестьян землей и как оградить свободу всех честных людей от озорства и насилия». Далее, разумеется, сообщалось, что такие люди есть в ПНС, и избиратели призывались голосовать за эту партию и доказать, таким образом, свой разум, волю и силу.⁶

Костромские кадеты отмечали, что Партия народной свободы выступает за совместную, дружную и творческую работу, поскольку ей дороги народные силы и они не растрачивают их на взаимное истребление. Они требуют для России «постоянного мира внутри и прочного и почетного мира извне». Говорилось о том, что партия стремится лишь к тому, чтобы все народы и все классы нашли удовлетворение своих справедливых нужд, чтобы «Россия обратилась, наконец, в тот великий храм, куда человек входит с благоговением, и где пробуждаются его лучшие мысли и чувства».⁷

В Ярославле заявлялось, что за список №2 пойдет голосовать тот, кто стоит за свободу и государственный порядок, защищает свои права и помнит об обязанностях, кто зовет к единению трудящихся, борьбе со всеми врагами родины, прекращению братоубийственного противостояния, кто стоит за честное наделение крестьян землей и выступает против захватов, погромов и разбоев.⁸

РАЗДЕЛ IV

В дни выборов воззвания кадетов начинались словами: «Бьет последний час!», «Сегодня или никогда!», «Каждый голос, поданный за список №2, есть кирпич в здание свободы России!», а завершались обещанием справедливого разрешения всех насущных проблем и призывом к гражданам очнуться от апатии и спячки.⁹

Не обошли они своим вниманием и верующих, заявляя, что партийная позиция перекликается с учением христианской церкви, для которой нет ни бедных, ни богатых, ни знатных, ни убогих – все дети отца небесного. Говорилось, что кадеты будут последовательно отстаивать свободу вероисповедания и культа, но православию должно иметь первенство как учение большинства населения России, а также покровительство и материальную поддержку правительства. Декларировалась независимость церкви в решении внутренних вопросов, но отделение ее от государства не рекомендовалось, так как это «тяжкой болью отозвалось бы в душе русского народа». В связи со всем вышесказанным, партия просила не отказать в содействии и распространить среди прихожан список №2.¹⁰

Кадеты полагали, что в настоящий момент невозможно установить точный перечень вопросов, которые будет необходимо решить в ходе работы Учредительного собрания. Поэтому, хотя партия и высказывалась по различным проблемам, и пропагандировала свои взгляды на страницах газет, но ее призывы иногда отличала некоторая нечеткость и неопределенность, они были патетичны и апеллировали к гражданскому сознанию.

ПНС считала, что российский народ переживает исторические минуты, что людям нынешнего поколения будут завидовать потомки, предполагала, что о великой русской революции напишут сотни книг. Но, высказывалось опасение, что будущие историки скажут о том, что напрасно к населению страны в течение восьми месяцев обращались с величавым и гордым словом «граждане», так как русский народ не смог подняться до высшего понимания гражданских обязанностей и по-прежнему влачил существование обывателей, которым было недосуг или лень принять участие в выборах, и которые не понимали, что спасение в них самих и видели его в появлении жестких усмирителей или в помощи иностранцев. И этой массой испуганных и раздраженных людей успешно помыкали те, кто боялся выявления истинной народной воли. «Граждане! - заканчивалось воззвание, - будущие поколения смотрят на вас в эту минуту. Наши потомки вправе ожидать, чтобы мы приложили максимум усилий для создания условий, необходимых для развития их молодых сил».¹¹ Тот же возвышенный стиль отличает и обращение к женщинам-избирательницам. «Дочери, сестры, матери, жены, вас зовет большая и израненная родина. Ей нужен покой и отдых. Вы не раз спасали ее, придите и теперь ей на помощь».¹²

Кадеты проводили агитацию против всех социалистических списков, так как считали, что на словах те обещали земной рай, а на деле развалили армию, разрушили власть и порядок, посеяли двоевластие, многовластие и безвластие, поощряли бездельничанье, и разрушили промышленность. В результате – «голодные крестьяне не хотят давать хлеба городам, города деревне продуктов».¹³ Но основным, главным врагом, конечно же, объявлялись большевики, особенно после Октябрьской революции. Конституционные демократы говорили о том,

что, преступно захватив власть, эти предатели родины надеются получить оправдание и одобрение со стороны Учредительного собрания. «От вас зависит, - обращались они к избирателям, - не допустить их торжества».¹⁴

РСДРП(б) критиковалась также за отсутствие жизненности и неправильность тактики, развал страны и попустительство анархии. Кадеты заявляли о необходимости беречь завоеванные демократические свободы, которые с легкостью попирают большевики, говорилось о том, что решение рабочего вопроса списано левыми социал-демократами у кадетов, при чем в худшем варианте, полагалось, что лишь земельная программа ПНС осуществима, а у РСДРП(б) лишь пустые слова.¹⁵

Свои шансы на выборах губернские отделения партии оценивали по-разному. Иваново-Вознесенский «Рабочий город», например, писал, что агитаторы кадетов и списка «Возрождение свободной России» приехать туда побоялись, и правильно сделали, так как «в нашем городе им делать нечего».¹⁶

Возникали и другие проблемы, «Поволжский вестник» (Кострома) отмечал, что ведение агитации крайне затрудняется из-за отсутствия лошадей для поездок инструкторов, которым неоднократно приходится идти пешком из одной волости в другую. А «цены на подводы невероятные. За один проезд в 30–40 верст иногда требуют по 100 рублей и более». Но, несмотря на суровые жизненные реалии, кадеты продолжали пропагандистскую работу. Они настойчиво призывали граждан не допустить срыва Учредительного собрания, так как «участвовать в выборах - значит участвовать в спасении родины».¹⁷

На митинге, состоявшемся в костромском Дворянском собрании 8 ноября 1917 года А. С. Дурново, представитель партии Народной свободы призывал всех граждан класть свои записки за меньшевиков и эсеров, если их не устраивает список №2. Подобный пессимизм наблюдался и во мнении кадетов о своих избирателях. Они считали, что вокруг их партии группируются интеллигенты, торгово-промышленные круги и местное городское чиновничество, а так же многие земские работники, но сочувствие этих слоев проявляется лишь в подаче голосов за партийные списки. В остальном они отличаются чрезвычайной пассивностью и серьезной опорой служить не могут.¹⁸

Некоторые организации принимали решения голосовать за кадетов и оказывать им всяческую помощь. Так, общее собрание торговцев и промышленников Кинешемского района постановило на предстоящих выборах в Учредительное собрание всемерно поддерживать список кандидатов от партии Народной свободы. Эти претенденты оценивались как хорошо подготовленные люди, имеющие опыт законодательной деятельности, «радеющие о народном благе сторонники порядка и законности».¹⁹

Ярославские кадеты были наиболее самоуверенны. Они широко практиковали предвыборные собрания и встречи с избирателями кандидатов, в том числе, прибывших из Петрограда «ставленников» ЦК. Иногда даже отмечалось, что во время лекции зал был полон, и речь встречена слушателями с интересом, хотя приходилось выступать и в иных условиях, перед менее доброжелательной аудиторией, которая прерывала ораторов выкриками с мест. Следили и за деятельностью других партий, с удовлетворением констатируя тот, например, факт, что одно из предвыборных собраний эсеров не состоялось, так как народа было мало. Из этого делался

вывод, что интерес к социалистам ослабел. В критических выпадах особо доставалось РСДРП(б). Лозунг «Долой большевиков!» сопровождался обвинениями в развале страны, попустительстве губительной анархии, насилию и произволу.²⁰

Ежедневно трудилось бюро партии, регулярно проводились заседания агитационной комиссии, распространялась литература, приглашались работать все члены ПНС и сочувствующие ей, принимались взносы и пожертвования.²¹

В дни выборов в бюро предполагалось разъяснять населению их порядок и выдавать нуждающимся партийный список. Публиковались подробные разъяснения о том, как правильно проголосовать за кадетов: «Берите с собой лишь список №2, не делайте в нем никаких изменений и пометок, не слушайте ничьих советов, придя в избирательный участок, вложите свою записку в конверт, который вам выдадут, заклейте его и отпустите в ящик».²²

Для агитации использовался, например, авторитет М. Горького, сказавшего о партийном кандидате №1 А. И. Коновалове, что он не мало сделал добра своим рабочим. Призывая голосовать за себя, кадеты просили избирателей не забывать, что данный претендент находится под арестом в Петропавловской крепости, а другой – Н. А. Морозов, 25 лет провел в заключении в Шлиссельбургской цитадели. Среди остальных потенциальных депутатов чаще всего встречались земские деятели и литераторы.²³

Из тринадцати заявленных владимирским комитетом партии кандидатов пятеро проживали в Москве и Петрограде. Возглавлял список представитель ЦК, приват-доцент Ф. Ф. Кокошкин, среди других претендентов чаще всего встречались присяжные поверенные и члены Государственных дум всех созывов, а также инженеры, врачи, агрономы, судьи и даже один крестьянин. Интересен тот факт, что выставленный под шестым номером от ЦК К. К. Черносвитов, проходил также пятым по Ярославскому списку партии.²⁴

Во главе костромского списка находился Н. А. Огородников – присяжный поверенный, член I Государственной думы, гласный Костромской городской думы, председатель местного комитета ПНС. Отдельные записи из этого послужного списка встречались и у других кандидатов, среди которых преобладали работники местного самоуправления, а также врачи, учителя и один крестьянин – член I Государственной думы (И. В. Замыслов).²⁵

Таким образом, кадеты, имея богатый опыт проведения избирательных кампаний, и к очередной подошли достаточно умело. Они проводили активную организационную работу в Верхнем Поволжье, печатали разнообразные воззвания к отдельным категориям населения, участвовали в предвыборных собраниях. Партия высказывалась по всевозможным вопросам и пропагандировала свои взгляды на страницах газет, но ее призывы отличала патетика, апелляция к гражданскому сознанию, возвышенный, не всегда понятный простому народу слог. Острой критике подвергались все социалистические партии, но, в первую очередь, конечно же, большевики. Более уверенной в своих силах была ярославская ПНС, костромское отделение отличал некоторый пессимизм в оценке собственных перспектив, во Владимирской губернии кадеты, за исключением некоторых местностей, особой популярностью не пользовались. Эта партия прекрасно понимала, что в деревнях, рабочих городах и гарнизонах победы на выборах ожидать не приходится. Там были свои кумиры...

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1810, оп. 1, д. 160, л. 120, 127, 193 об.; д. 455, л. 99 об.; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), ф. 383, оп. 1, д. 26 а, л. 783–785.

² См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 42–44, 112–114; 124; ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 51, л. 42.

³ Народная свобода (Кострома). 1917. 5 окт.

⁴ ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 51, л. 33, 35, 38.

⁵ ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 51, л. 39.

⁶ Русский Манчестер (Иваново-Вознесенск). 1917. 19 нояб.

⁷ Поволжский вестник (Кострома). 1917, 1 ноября.

⁸ Свободное слово (Ярославль). 1917. 12, 18 нояб.

⁹ Там же. 1917. 14 нояб.

¹⁰ Государственный архив Ярославской области (ГЯО), коллекция листовок, № 724.

¹¹ Поволжский вестник. 1917, 12 нояб.

¹² Там же. 1917, 1 нояб.

¹³ *Холяев С. В.* Участие политических партий в борьбе за власть в 1917 году (на материалах Верхневолжских губерний): дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 180.

¹⁴ Поволжский вестник. 1917. 12 нояб.

¹⁵ Свободное слово. 1917, 8, 9, 14, 25, 26, 30 нояб.

¹⁶ См.: *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 115.

¹⁷ Поволжский вестник. 1917. 12 окт.; 11 нояб.

¹⁸ *Холяев С. В.* Указ. соч. С. 182.

¹⁹ ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 26 а, л. 646.

²⁰ Свободное слово. 1917. 25 окт.; 8, 9, 14, 25 нояб.; Рыбинец. 1917, 9 нояб.

²¹ Свободное слово. 1917. 7 нояб.; Рыбинский листок. 1917. 17 окт.

²² Свободное слово. 1917. 12, 14 нояб.

²³ Там же. 1917. 7, 14 нояб.; Рыбинец. 1917. 23 нояб.

²⁴ Шуйские известия. 1917, 21 окт.; Свободное слово. 1917. 7 нояб.

²⁵ Варнавинец. 1917. 1 ноября.

В. Р. Веселов, А. М. Журавлев
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

**ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ
В УСЛОВИЯХ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ**

Одним их драматичных периодов взаимоотношений центра и провинции были годы массовой коллективизации села, когда коренным образом перестраивался весь уклад российской глубинки. Наряду с грубыми формами и методами политического насилия, социально-экономического давления на права сельского населения одновременно осуществлялся курс на модернизацию страны, в орбиту которого широко вовлекалась сельская провинция, преодолевая былую замкнутость, культурную изоляцию и оторванность от городских

© В. Р. Веселов, А. М. Журавлев, 2009

центров. В русле этих процессов существенно менялось положение провинциальной интеллигенции, ее количественный и качественный состав, отношения с властью, населением и т.д.

Изучение противоречивого опыта взаимоотношений провинциальной интеллигенции и власти на коренном переломе российской деревни в 1920–1930-е годы приобретает особо актуальное значение в современных условиях реформирования общества, поисков механизма эффективного взаимодействия центра и провинции, обеспечения социального единства. В данной статье ставится задача на материалах крупного региона российской провинции – Верхнего Поволжья – осветить актуальные аспекты взаимоотношений властных структур и сельского учительства, самого многочисленного отряда провинциальной интеллигенции, в период колхозного строительства в 1920–1930-е годы.

Учительская интеллигенция села представляла собой крайне разнородную социокультурную группу населения, представители которой существенно различались по своему образовательному, социальному, возрастному и прочим составам. К 1927 г. учительство села по своему возрастному составу делилось в РСФСР на следующие группы: до 20 лет – 9,5 %, от 21 до 25 лет – 29,2 %, 26–30 лет – 23,7 %, 31–40 лет – 26,4 %, 41 и старше – 11,2 %. Разнороден был и образовательный уровень сельских педагогов. Среди учителей средних и неполных средних школ имели начальное образование – 10 %, среднее – 66,5 %, высшее – 23,5 %. Не меньшая пестрота была и в партийно-комсомольском составе учителей. Покажем это на примере учителей начальных школ Верхнего Поволжья, среди которых к 1927 г. было членов ВКП(б) 3,9 %, ВЛКСМ – 8,9 %¹.

Большие отличия были и в социальном составе. В среде сельских учителей начальных школ страны выходцы из рабочих составляли в 1927 г. 5,1 %, крестьян – 51,6 %, служащих – 15,1 %, прочих – 28,2 %. Эта разнородность усиливалась еще и региональными особенностями, отражающими специфику социокультурного окружения школы. В промышленном регионе Верхнего Поволжья удельный вес выходцев из рабочих в среде учителей сельских начальных школ был выше и составлял 6,5 %, выше была и доля служащих – 23 %, а процент лиц крестьянского происхождения был соответственно ниже – 43,6 %².

Еще один уровень разнородности учительства был связан со структурой школьного образования, местом профессиональной работы педагога. Учителя начальных школ и преподаватели-предметники средних и неполных средних школ существенно отличались друг от друга своим образовательным, возрастным, партийным и другим составом. Если к 1927 г. 23,5 % преподавателей сельских средних и неполных средних школ имели высшее образование, то среди учителей начальных школ доля лиц, окончивших вузы, составляла лишь 0,7 %. Существенные различия были и в партийном составе. В 1927 г. партийное ядро в среде учителей-предметников РСФСР составляло 14,3 % против 4,6 % в рядах педагогов начальных школ. В районах Верхнего Поволжья это соотношение вылядело так: 12,8 % и 3,9 %³.

Еще одна и не последняя градация неоднородности учительской интеллигенции была связана со специализацией преподавателей-предметников. Среди преподавателей-общественников партийное ядро было намного значительнее,

чем в составе других предметников. В составе первых оно выросло к началу 1930-х годов до 68,8 % против 6,8 % соответственно в рядах преподавателей общеобразовательных дисциплин⁴. Свои отличительные черты имела и группа руководителей школ, их директоров, завучей, партийных, комсомольских, профсоюзных лидеров и др.

Обширность приведенной статистики далеко не полно отражает реальную социокультурную неоднородность сельского учительства накануне массовой коллективизации деревни. Язык цифр не может отразить морально-психологическую, мировоззренческую неоднородность интеллигенции, идейно-политических, жизненных позиций того или иного ее представителя. Наряду с учителями-коммунистами, активными комсомольцами, безоговорочно поддерживающими курс на коллективизацию деревни, было и немало педагогов, особенно среди лиц с дореволюционным стажем работы, относящихся настороженно, с недоверием, а то и с открытым неприятием к политике правящего режима.

Информационные материалы местных органов власти, профсоюзных, комсомольских комитетов конца 1920-х годов содержат немало конкретных фактов антисоветской пропаганды со стороны отдельных учителей, выступающих против колхозного строительства, разделяющих эсеровские лозунги о земле и др.⁵

Таким образом, партийно-советская власть при переходе к политике массовой коллективизации столкнулась с непростой дилеммой: с необходимостью привлечения широкой учительской массы, главной культурной силы села, к реформированию деревни и неготовности значительной части учительства стать активным и надежным помощником партийно-государственных органов в реализации курса на социалистическое переустройство сельского мира. Надо отдать должное руководству страны, сумевшему четко оценить реальную ситуацию и выработать достаточно выверенную программу действий. Анализ материалов центральных и местных органов власти дает основание для вывода о том, что выработка программы привлечения учительства к колхозному и культурному строительству осуществлялась последовательно и целенаправленно. Наряду с декларативными заявлениями о доверии к учительской интеллигенции органы власти тщательно изучали состояние дела, анализировали настроения, тенденции в педагогической среде, процесс ее дифференциации.

XV съезд ВКП(б), взявший курс на коллективизацию, выдвинул перед партийными организациями задачу сделать сельских учителей «активными и сознательными деятелями социалистического преобразования деревни»⁶. По инициативе агитпропотдела ЦК партии руководство профсоюзом работников просвещения страны провело в феврале-марте 1928 г. широкую проверку состояния общественной активности сельского учительства. По итогам проверки при ЦК ВКП(б) состоялось специальное совещание. Его материалы были серьезно проанализированы в докладной записке отдела ЦК ВКП(б) по работе в деревне, представленной в январе 1929 г. в Оргбюро Центрального комитета правящей партии⁷.

Анализ указанных материалов, хранящихся в ГАРФ в фонде партийной фракции ЦК профсоюза работников просвещения СССР, показывает, что к рассматриваемой проблеме было привлечено внимание высших партийных инстанций. Констатировалось реальное положение дел, политическая пассивность значитель-

РАЗДЕЛ IV

ной части сельских учителей, охотно участвующих в культурно-просветительской работе, но не желающих «портить отношения с кулаком». Обосновывалась неоптимальная задача вовлечения в политическую работу сельского учительства, от которого теперь власть требовала не «просто лояльного отношения» и профессионального сотрудничества, а непосредственного участия в коллективизации, в борьбе с кулачеством, проведения «линий партии» в деревне⁸.

Требования к учительству выдвигались, таким образом, довольно жесткие и высокие. Их выполнение было связано с немалыми трудностями для учителей, а в ряде случаев и с риском для жизни. Только во Владимирском округе было зарегистрировано в 1929 г. 30 террористических актов против учителей-активистов на почве обострения классовой борьбы в деревне, кулацких выступлений против колхозов⁹.

Учитывая сложность ситуации, властные структуры осуществляли дифференцированный подход в работе с учительством, делая упор на партийно-комсомольское ядро в его среде, молодые кадры, окончившие советские учебные заведения, имеющие в большинстве своем рабоче-крестьянское происхождение. За счет выпусков из педвузов и техникумов, а особенно благодаря массовому притоку окончивших курсы, мобилизованных на педагогическую работу социальный состав учительской интеллигенции существенно менялся в сторону усиления его рабоче-крестьянского ядра, сокращения категории «прочих». Как показывают данные таблицы 1, пролетарская прослойка наиболее интенсивно росла в среде учителей крупных промышленных районов. Так, в составе педагогов-предметников Верхнего Поволжья она выросла за период с 1927 по 1932 годы с 5,6 до 20,4 %, тогда как в целом по стране это соотношение выглядело менее масштабно: 5,4 и 15,1 %.

Таблица 1

Динамика социального состава учительских кадров
(данные по СССР в процентах)¹⁰

Тип поселения	Годы	Удельный вес выходцев из			
		Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
Город	1927	6,9	29,6	34,2	20,3
	1932	22,8	26,5	38,5	12,4
Село	1927	3,2	55,4	12,8	25,6
	1932	12,5	59,3	17,8	10,4

Если выходцы из духовенства составляли в 1932 г. в среде учителей начальных школ с дореволюционным стажем 19,3 %, то в составе новых поколений педагогических коллективов их доля, как показывают данные таблицы 2, неуклонно снижается: в 1926–1927 годы – 4,3 %, 1930–1931 – 3,1 %, 1932 – 0,9 %.

Формируя состав учительской интеллигенции в нужном ему направлении, правящий режим создавал прочную социальную опору для работы с учитель-

ством, привлечения его к реализации своих политических установок и планов. Особо пристальное внимание власть уделяла формированию среди сельской интеллигенции коммунистического ядра, призванного стать ее авангардным отрядом. Укрепление партийно-комсомольского состава учительства шло путем выпуска новых кадров, мобилизации коммунистов и комсомольцев на педагогическую работу в систему краткосрочных курсов.

Таблица 2
Динамика партийно-комсомольской прослойки в составе учительских кадров (данные в процентах)¹¹

Территория	1927 г.			1932 г.		
	ВКП(б)	ВЛКСМ	Итого	ВКП(б)	ВЛКСМ	Итого
СССР						
Все поселения	5,3	7,2	12,5	5,1	18,3	23,4
Город	5,2	3,3	8,5	6,6	13,2	19,8
Село	5,3	9,8	15,1	3,6	20,3	23,9
РСФСР						
Все поселения	5,4	7,8	13,2	6,1	16,3	22,4
Город	5,5	2,8	8,5	6,8	8,4	15,2
Село	5,4	10,5	15,9	5,8	20,1	25,9
Верхнее Поволжье						
Все поселения	4,8	6,7	11,5	5,1	18,4	23,5
Село	4,7	8,8	13,5	5,5	23,7	29,2

Растет внимание властных органов к вопросам улучшения материального положения сельского интеллигента, организации его быта, условий труда, культурного досуга и т.д.

Общие тенденции формирования кадров сельского учительства в условиях коллективизации деревни полно и одновременно специфически проявлялись в Верхнем Поволжье, крупном регионе Центральной России. Позитивно влияли здесь на решение кадровых вопросов для сельских школ наличие в промышленном и культурном развитом регионе многочисленного рабочего класса, широкой сети партийных, советских, общественных организаций, культурных, библиотечно-музейных центров, достигнутых к 1927 г. определенных успехов в развитии педагогического образования, особенно ее среднего звена. Положительно сказывалась и близость к столичному центру, постоянная связь с центральными государственными ведомствами, учреждениями и т.д.

Однако имелись региональные факторы и негативного характера. Упразднение в 1929 г. в связи с образованием обширной Ивановской промышленной области традиционных для региона губерний (Владимирской, Костромской, Ярославской) существенно ослабило культурообразующую роль бывших губернских

РАЗДЕЛ IV

центров, создало дополнительные трудности для управления огромной и неоднородной территорией, прежде всего отдаленными районами, которых было немало, особенно в Костромском крае, где в рассматриваемый период не было своего педагогического вуза.

Исторический опыт формирования кадров сельского учительства в 1920-1930-е годы при всей его противоречивости и удаленности по времени представляет несомненный интерес не только в контексте чисто исторического исследования, но и в целях его актуализации при решении ряда проблем современного нашего общества, в частности укрепления сельской школы как важного культурообразующего центра российской глубинки.

Примечания

¹ См.: Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. Т. 1, Ч. 2. – М., 1930. С. 24; Просвещение в РСФСР в 1926/27 учебном году. М., 1928. С. 125; *Ильин Г.* Школа за 15 лет. М.; Иваново, 1932. С. 28; ГАИО, ф. 230, оп. 1, д. 27, л. 32.

² См.: Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. Т. 1, Ч. 3. С. 24, 240; ГАРФ, ф. А-327, оп. 27, д. 164, л. 30; ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 54, л. 219.

³ См.: Кадры просвещения. М., 1936. С. 26–30; Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. Т. 1, Ч. 2. С. 25; Просвещение в РСФСР в 1926/27 учебном году. М., 1928. С. 124–125; ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 54, л. 219.

⁴ См.: Кадры просвещения. С. 110–121.

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, д. 395, л. 177; ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 1672, л. 11.

⁶ КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 57.

⁷ ГАРФ, ф. 5462, оп. 18, д. 12, лл. 1, 2; д. 36, лл. 8–51.

⁸ Там же, д. 50, л. 1–47.

⁹ ГАИО, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 9.

¹⁰ Таблица составлена на основе материалов: Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. С. 92–94; Кадры просвещения. С. 36, 92–94.

¹¹ Таблица составлена на основе данных: Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. Т. 1, Ч. 3. С. 24, 240; Кадры просвещения. С. 40, 100–121; Просвещение в РСФСР в 1926/27 учебном году. С. 125; *Ильин Г.* Школа за 15 лет. С. 28; ГАИО, ф. 230, оп. 1, д. 27, лл. 32, 54; ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 1524, лл. 110–111.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
- ОРРК РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
- ПСЗ – Полное собрание законов
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЧКМ – Чухломский краеведческий музей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александр*, архиепископ Костромской и Галичский, доктор богословия, профессор.
- Баранов А. Н.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Басов Н. Ф.*, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Белихов А. Б.*, кандидат технических наук, доцент Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.
- Белов А. М.*, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Белова Т. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского технологического университета.
- Валовая М. Д.*, д.э.н., профессор, президент фонда российской государственности и 400-летия Дома Романовых.
- Веселов В. Р.*, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Волкова Е. Ю.*, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного технологического университета.
- Гневъшев А. В.*, аспирант Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Голубева И. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Горохова О. В.*, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
- Гусев Б. Н.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного технологического университета.
- Денисов В. В.*, кандидат культурологии, директор ГУК ЯО «Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей».
- Едошина И. А.*, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Ермушин М. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромской государственной сельскохозяйственной академии.

- Журавлев А. М.*, кандидат исторических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
- Зайцев А. В.*, кандидат философских наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Ибнева Г. В.*, доктор исторических наук, доцент Казанского государственного университета.
- Иванцов Д. С.*, кандидат культурологи, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова.
- Иерусалимская С. Ю.*, кандидат исторических наук.
- Иерусалимский Ю. Ю.*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
- Исаков А. И.*, кандидат социологических наук.
- Кабатов С. А.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Камордин В. В.*, кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного педагогического университета.
- Карнишин В. Ю.*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета.
- Карнишина Н. Г.*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета.
- Кидяров А. Е.*, аспирант Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Клейн Э. Г.*, кандидат культурологи, дирижер Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
- Кудинов В. А.*, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Лебедев Ю. В.*, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Лебедева О. А.*, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова.
- Майорова Н. С.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Малхасян Н. В.*, аспирант Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

- Мальцев Р. Ю.*, заведующий историческим отделом Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Марасанова В. М.*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
- Мельникова И. Г.*, аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
- Миловидова Н. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Молодов О. Б.*, кандидат исторических наук, доцент Филиала Северо-Западной академии государственной службы в г. Вологде.
- Морозов Н. Г.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Мохначева М. П.*, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, заместитель директора по научно-исследовательской работе и международным связям филиала РГГУ в г. Домодедово.
- Наградов И. С.*, кандидат исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научной работе Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Нигметзянов Т. И.*, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Нифонтов А. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Новиков А. В.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Новожилова Л. Н.*, старший научный сотрудник Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Палюлина И. А.*, кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Панкратова О. Б.*, кандидат исторических наук, доцент Костромской государственной академии наук им. Н. А. Некрасова.
- Протоиерей Владислав Цитин*, доктор церковной истории, профессор Московской духовной академии.
- Протоиерей Дмитрий Сазонов*, кандидат богословия, председатель Костромского церковно-исторического общества.
- Прядкина О. А.*, кандидат исторических наук Костромской политехнической академии.

- Резепин П. П.*, краевед.
- Репников А. В.*, доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.
- Рогов И. В.*, заместитель начальника отдела по культурной политике Департамент культуры Костромской области.
- Рожкова Н. И.*, аспирант Института Славяноведения РАН.
- Розанова Н. А.*, преподаватель Галичского индустриального колледжа.
- Рубанков К. С.*, кандидат исторических наук, корреспондент «Костромской народной газеты».
- Рябинцев С. В.*, аспирант, Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- Сидоренко Ю. И.*, доктор философских наук, профессор Костромской государственной сельскохозяйственной академии.
- Сидоров Д. В.*, аспирант Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Сизинцева Л. И.*, кандидат исторических наук, Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- Силкова Н. Е.*, студентка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Страхова Н. В.*, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университет им. П. Г. Демидова.
- Турыгин А. А.*, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, филиал в г. Костроме.
- Усманов С. М.*, доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета.
- Флейман Е. А.*, доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Цветкова О. А.*, студентка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
- Чугунов Е. А.*, кандидат исторических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, заместитель начальника департамента культуры и туризма Костромской области.
- Шарифуллина Ф. Л.*, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан.
- Шитлов А. Д.*, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Приветствие губернатора Костромской области И. Н. Слюняева участникам вторых Романовских чтений 26 марта 2009 года	5
Приветствие патриарха Московского и Всея Руси Кирилла	7
Приветствие министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева: организаторам к участникам II Романовских чтений	8
Выступление архиепископа Костромского и Галичского Александра на II Романовских чтениях «Центр и провинция в системе Российской государственности» (Кострома, 26 марта 2009 года)	9
Приветствие президента Фонда российской государственности и 400-летия Дома Романовых М. Д. Валовой	15

РАЗДЕЛ I. Центр и провинция в истории российской государственности

<i>Белов А. М.</i> Центр и провинция в правлении Романовых	17
<i>Мельникова И. Г.</i> Повышение образовательного уровня чиновников Ярославской и Костромской губерний в первой четверти XIX века	23
<i>Новожилова Л. Н.</i> «За Веру, Царя, и Отечество». Полковые знамена и ротные знаки Костромских ополчений из фондов Костромского музея-заповедника	29
<i>Новиков А. В.</i> Борьба с коррупцией в системе губернского управления в первой половине XIX века (На материалах Костромской губернии)	35
<i>Голубева И. В.</i> Из опыта подготовки и осуществления Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. в Костромском крае	48
<i>Марасанова В. М.</i> Механизм взаимодействия государственных учреждений в пореформенный период (На примере Верхневолжского региона)	62
<i>Карнишина Н. Г.</i> Центр и провинция России во второй половине XIX века: механизм взаимодействия и взаимовлияния	68
<i>Ершова А. О.</i> Костромское уездное земство: формирование, основные вехи становления и развития	73
<i>Лебедев Ю. В.</i> Судьбы русского крестьянства на закате правления династии Романовых	78
<i>Карнишин В. Ю.</i> Проблемы исследования реформирования губернского управления в позднеимперской России	88

<i>Сидоров Д. В.</i> Проекты реформирования земского самоуправления Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: правительственная позиция	92
<i>Страхова Н. В.</i> К вопросу о взаимоотношениях Великого Княжества Финляндского с центральными властями в конце XIX – начале XX вв.	97
<i>Мальцев Р. Ю.</i> Участие предпринимателей в создании политических партий в провинции начала XX века	102
<i>Панкратова О. Б.</i> «Сплотивший все слои общества и водворивший мир в губернии...» (П. П. Шиловский – один из губернаторов Романовской России)	106
<i>Кудинов В. А.</i> Самодержавное устройство российской власти как объект изучения	111
<i>Ермушин М. В.</i> Информационные сводки Губ ЧК о политических предпочтениях населения накануне введения НЭПа (январь–март 1921 г.) по материалам губерний Верхнего Поволжья, Нижегородской и Северо-Двинской губерний	115
<i>Белихов А. Б.</i> Развитие железных дорог костромского края в XX веке	120
<i>Исаков А. И.</i> Гражданский аспект в самоуправлении российских территорий и городов	127

РАЗДЕЛ II. Роль русской православной церкви в становлении и развитии российской государственности

<i>Гневъшев А. В.</i> Становление архитектурного ансамбля Чухломского Авраамиево-Городецкого монастыря в XIV–XVIII вв.	134
<i>Флейман Е. А.</i> Церковь Александра Невского в Потсдаме – память о союзе и дружбе Романовых и Гогенцоллернов	140
<i>Денисов В. В.</i> «Исторические описания» монастырей Ярославской епархии (XIX–начало XX века)	145
<i>Молодов О. Б.</i> Социальное служение православного духовенства вологодской епархии в местах лишения свободы (XIX – начало XX вв.)	154
<i>Наградов И. С.</i> Единоверие в костромской и ярославской епархиях во второй половине XIX – начале XX вв.	159
<i>Басов Н. Ф.</i> Благотворительная деятельность Костромской епархии в конце XIX – начале XX вв.	164
<i>Майорова Н. С.</i> Идея соборности в революционную эпоху	170
<i>Протоиерей Владислав Цытин</i> Русская Православная Церковь на пути к Собору (1905–1917 гг.)	177

<i>Кидяров А. Е.</i> Ярославский мятеж 1918 г. И православная церковь	184
<i>Прядкина О. А.</i> Патриотическая деятельность русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (по материалам Костромского края)	189
<i>Малхасян Н. В.</i> Патриотическая деятельность церковных приходов провинции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	195
<i>Камордин В. В.</i> Усиление общественно-политической роли Русской Православной Церкви в конце XX века	199
<i>Сидоренко Ю. И.</i> Исторический потенциал православия	204

РАЗДЕЛ III. Царствующий Дом Романовых в историческом пространстве России

<i>Шитилов А. Д.</i> Костромские историки о становлении династии Романовых	211
<i>Рогов И. В.</i> «Смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель» (Действия польского полковника А.-И. Лисовского на территории Костромского края в период Смутного времени начала XVII века)	216
<i>Волкова Е. Ю.</i> Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край	225
<i>Гусев Б. Н.</i> Вне конкуренции: история избрания Михаила Романова на царство	231
<i>Протоиерей Дмитрий Сазонов Иван Сусанин:</i> образ государственного служения	236
<i>Рожкова Н. И.</i> Значение книги в политической и идеологической борьбе России и Речи Посполитой в XVII в. при первых Романовых	242
<i>Горохова О. В.</i> Книжные подношения костромичей высочайшим особам .	248
<i>Сизинцева Л. И.</i> Екатерина II в Костроме: у истоков образа	252
<i>Ибнеева Г. В.</i> Екатерина II и православное духовенство в церемониале высочайшего путешествия	258
<i>Мохначева М. П.</i> «Водились Пушкины с царями»: миссия о. Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина) в Иреме	267
<i>Клейн Э. Г.</i> Народный гимн А. Львова как символ династии Романовых ..	272
<i>Репников А. В.</i> «Не будем мы защищать грудь Европы от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов)	275
<i>Рубанков К. С.</i> Празднование 300-летия дома Романовых (1913 г.) в воспоминаниях членов династии и их приближенных	291

<i>Усманов С. М.</i> Император Николай II и его политический курс: Проблемы, дискуссии и уроки российской трагедии	296
<i>Нигметзянов Т. И.</i> Российско-германские отношения в правление императоров Николая II и Вильгельма II	301
<i>Турьгин А. А.</i> Образ царя Николая II и Российской империи в западной политической карикатуре: возможности и границы «другой политической истории»	309
<i>Нифонтов А. В.</i> Отречение императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам	317
<i>Миловидова Н. В.</i> Последние годы и дни империи Романовых: взгляд современника (по воспоминаниям князя В. Оболенского)	329
<i>Иванцов Д. С., Чугунов Е. А.</i> 400-летие династии Романовых и Костромской край	335
<i>Лебедева О. А., Силкова Н. Е., Цветкова О. А.</i> Разработка обучающей контролирующей программы из курса НРК «Костромской край в истории России» по теме «Романовы и Костромской край» и «Исторические города и села Костромской области»	339
<i>Резетин П. П.</i> Галичские Вяземские	342

РАЗДЕЛ IV. Российская традиция: образ жизни, взгляды, менталитет

<i>Кабатов С. А.</i> Нижнее городище Галича Мерьского	346
<i>Морозов Н. Г.</i> Православный образ жизни в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне»	383
<i>Иерусалимская С. Ю.</i> Ярославское высших наук училище ведомства Московского университета	394
<i>Иерусалимский Ю. Ю.</i> Развитие столичных и провинциальных городов пореформенной России	398
<i>Рябинцев С. В.</i> Орудия обработки почвы в крестьянских хозяйствах Костромской и Ярославской губерний в конце XIX – начале XX вв.	401
<i>Розанова Н. А.</i> Развитие отхожих строительных промыслов в Галичском уезде	407
<i>Шарифуллина Ф. Л.</i> История формирования и традиционная культура татар города Костромы	412
<i>Зайцев В. А., Зайцев А. В.</i> Русский народ в XX В.: антропологические и демографические тенденции	422

<i>Белова Т. В.</i> Влияние Первой мировой войны на изменение в структуре промышленности и численности рабочих Верхнего Поволжья	429
<i>Баранов А. Н.</i> Российская интеллигенция и власть в отечественной историографии начала XX века	432
<i>Едошина И. А.</i> Образ России сквозь призму русской классической литературы в последней работе В.В. Розанова	441
<i>Палюлина И. А.</i> Программа и тактика конституционно-демократической партии на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. (На материалах губерний Верхнего Поволжья)	449
<i>Веселов В. Р., Журавлев А. М.</i> Провинциальная интеллигенция и власть в условиях массовой коллективизации российской деревни	455

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Материалы конференции
Кострома, 26–27 марта 2009 года

Статьи печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки А. С. Домащук

Компьютерная верстка И. М. Ивановой

Подписано в печать 02.10.09

Формат 70x108/16

Уч.-изд. л. 40,4

Тираж 500 экз.

Изд. № 437

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14